

Хребтовый год пятилетки¹

Когда слушаешь работников нашей страны, когда чувствуешь, как они обращаются к тебе со своими нуждами, то невольно испытываешь смущение. Какой бы человек ни был, какая бы организация ни была, но поднять на плечи это гигантское строительство пятилетия и сказать: «Моя воля здесь ведет это гигантское, историческое дело», — я думаю, никому не под силу. Выход из такого положения только один — откровенно сказать стране — мы все ясно сейчас видим, какое громадное значение имеет эта плановая хозяйственная работа. Но под силу она лишь великому коллективу. Наши прения в сумме свидетельствуют о том, что у нас уже имеется общая база, что мы на ней твердо стоим и хотим своими заявками не изменить ее установку, а улучшить, добавить, указать, что пропущено. Мы чувствуем, что как ни трудна задача плановой перестройки нашего народного хозяйства, но почва расчищена, что многое уже в значительной степени сделано, что мы для всего народного хозяйства заложили уже солидные плановые рельсы. Надо, чтобы эти рельсы проходили действительно во все уголки огромной территории нашей страны, надо, чтобы отряды работников, ведущих плановое строительство, не замыкались в ведомства и учреждения, чтобы мы с каждым годом вновь и вновь получали все более растущую смычку с трудящимися, чтобы планы эти охватывали бы весь огромный их коллектив.

Мы все должны констатировать, что значительный путь в этом отношении пройден. Хозяйство стоит уже на плановых рельсах, но еще огромный путь нам надо пройти для того, чтобы плановое строительство было всенародным строительством. И поэтому еще и еще раз с этой трибуны я прошу вас обратить внимание на то, что сейчас, в этот хозяйственный период, среди всех организационных вопросов есть чрезвычайно острый организационный вопрос — это налаживание плановой хозяйственной работы. Надо, чтобы плановые ячейки были буквально во всех хозяйственных органах, чтобы каждый районный совет имел свою плановую ячейку, чтобы каждая фабрика и завод имели свои плановые организации, чтобы каждый крупный колхоз учился подходить к хозяйственному строительству как к плановому строительству. В частности, должен вам сказать, что мы прилагаем все усилия к тому, чтобы основной наш плановый штаб — Госплан Союза —

¹ Литературно обработанное заключительное слово по докладу на 8-й сессии ЦИК Союза ССР V созыва (декабрь 1929 г.).

в ближайшие сроки реорганизовать, реконструировать так, чтобы он свои организующие планы в грядущие годы строил лучше, чем было в прошлые годы.

Что мы в направлении реорганизации Госплана Союза делаем? Я должен вас информировать, что одним из крупнейших таких сдвигов я считаю новую сплоченность в плановой работе со статистической работой. Учет статистический должен перестать быть орудием в запасе. Мы должны констатировать, что до сих пор наша статистика не совсем своевременно приходила на помощь хозяйственному строительству и часто давала нам материалы уже после того, как нужда в этих материалах отпадала. Нам все чаще и чаще приходится вспоминать слова Владимира Ильича, что необходимо делать так, чтобы статистики были нашими действительными помощниками. В нынешнем году мы предполагаем статистические органы связать с плановыми органами уже по-другому. В частности, центральный аппарат статистики, оставаясь свободным в своих оперативных действиях, в своей работе будет теснейшим образом связан с Госпланом Союза, и управляющий статистикой будет заместителем председателя Госплана, будет работать в президиуме Госплана. В областных плановых органах статистический аппарат будет прямо слит с плановым аппаратом. Это большой сдвиг. Я думаю, что в дальнейших наших плановых работах мы будем пользоваться статистическими данными уже более основательно подобранными, не так кустарно, как это до сих пор нам приходилось делать.

Кроме того, вы в контрольных цифрах 1929/30 г. впервые видите более подробно разработанный раздел районного разреза хозяйства. Сейчас мы имеем все надежды на то, что некоторая разногласица, которая была в восприятии хозяйственных проблем в районном и в общесоюзном разрезе, устранится тем, что во всех экономических районах уже работают плановые органы. Некоторые из них насчитывают сроки существования в течение нескольких месяцев, и то, что некоторым кажется забытым, неучтенным, — объясняется просто новизной дела. Будет крепнуть рать работников в районах, в специальных плановых органах, подкрепленных статистическими аппаратами и учащих на практике великому хозяйственному строительству, будет крепнуть и весь наш хозяйственный план.

С другой стороны, мы чувствуем все, что при разрешении хозяйственных вопросов нам нужно еще теснее связаться со всеми научно-исследовательскими работами. До сих пор мы не можем не отметить рассыпанности этого фронта. У нас есть много научно-исследовательских органов, живущих своей самостоятельной жизнью. Едва ли в каком-нибудь разрезе нашего хозяйства существует такая разобщенность, — как это ни странно, — как среди научных учреждений. Мы ставим задачу в Госплане Союза создать мощный сектор культуры и науки для того, чтобы рассыпной строй научно-исследовательской мысли подтянуть, поставить тоже на плановые рельсы. Такой сдвиг, несомненно, скажется положительными результатами уже в ближайших наших работах.

Наконец нет никакого сомнения, что только теперь, когда мы прошли уже значительное поле предварительных работ, мы сможем свойственную этому этапу строительства ударность направить на культурный фронт. Мы думаем, что сектор культуры в таком центральном хозяйственном штабе как Госплан Союза ОССР должен теперь тоже быть организован по-новому, подтягивая новые силы.

Но если подвести итоги прений, которые мы здесь слышали, то, помимо общей черты, которую я уже подчеркнул, т. е. признания того, что основной базис хозяйственного строительства намечен в планах достаточно ясно и твердо для всех наших работ, — помимо этого, бросается в глаза то, что мы еще только вооружаемся. Полоса хозяйственной работы, в которую мы сейчас вступаем, это — полоса крупного грандиозного строительства, но вместе с тем это еще полоса вооружения; мы еще не вооружены, и было бы странно требовать, чтобы в процессе этого вооружения мы уже могли удовлетворять этим гигантским потребностям, охватывающим нас со всех сторон. Ясно, что только тогда, когда мы вооружимся, станет неизмеримо легче: мы тогда поднимем все хозяйство на новый уровень, вооружимся такими ресурсами, которых сейчас не имеем, и тогда многое из того, что сейчас нам кажется таким затруднительным, будет уже не столь тяжелым. Но пока — мы в полосе вооружения.

Мы сейчас еще во многих отношениях, так сказать, должны. Мы знаем, что большое строительство, для того чтобы его реализовать, требует два-три, а иногда и пять лет.

Пока эти новые сооружения не вступили в оборот, они являются некоторым грузом в нашем текущем хозяйстве. Некоторым кажется, что очень легко было бы получить временное улучшение в нашем продовольственном положении, в отношении товаров широкого потребления и т. д., — стоит только отказаться от вложений в эти капитальные работы, обратить эти средства на закупку потребительского фонда, и мы получили бы временное облегчение. Это не верно. Мы этого сделать не можем, потому что отказаться от машинного вооружения — значит отказаться от того, чтобы взять судьбу в свои руки.

Для того, чтобы пояснить этот процесс машинного вооружения, сопоставлю то, что вкладывается в Германии, — передовой индустриальной капиталистической стране, — по машинному вооружению на душу населения, с тем, что вкладывается у нас. Данные эти вы найдете у нас в контрольных цифрах. В расчете на душу населения в марках в 1924 г. Германия вкладывала по машинному вооружению 27 марок, в 1925 г. — 36 марок, в 1926 г. — 47 марок. Мы, начиная с 1924 г., уже не проживаем наше старое вооружение, а перевооружаемся новыми машинами. Вот цифры: в 1925 г. мы могли ассигновать для этой цели на душу населения 4,3 марки, в 1926 г. — 7 марок, в 1927 г. — 9 марок, в 1928 г. — 13 марок и только в 1929 г. — 21 марку. Вы видите, что мы только теперь подошли к тем нормам, которые Германия имела давно.

Несмотря на то, что мы вкладываем огромные средства, машинное перевооружение у нас далеко еще недостаточно. Но интересно было бы сделать общую прикидку — а как, все-таки, по сумме средств, при этом небольшом расходе на душу населения, мощно ли перевооружается наш народ? Я обращаю ваше внимание на один общий расчет наших экономистов. Хотя такие расчеты грубы, но все-таки они показательны и хорошо отвечают тем нашим врагам, которые отрицают то, что мы идем вперед, и которые говорят, что наше хозяйство деградирует, идет назад. Вот элементарный расчет: у нас каждый год вступает новая рать работоспособных в размере 1.800 тыс. чел. В среднем, если мы подсчитаем наши производственные фонды, то у нас до последнего времени на каждого работоспособного производственных фондов приходилось на душу около 1.000 рублей. Для того чтобы этот отряд работников, вступающих каждый год в наше строительство, вооружить по среднему уровню, мы должны на 1.800 тыс. чел. дать капиталовложений не меньше, чем на сумму 1.800 млн. рублей. Тогда мы не ухудшали бы производственную вооруженность, но и только. Теперь посмотрите, как мы идем по контрольным цифрам в 1929/30 г.? В производственную базу промышленности, в ее фонды мы вкладываем около 4 млрд. руб. Следовательно, при тех темпах, которые мы взяли, мы по одной промышленности удваиваем нашу производственную вооруженность для всего прироста наших работоспособных. Вот это говорит нам о том, что мы время даром не тратим, и что как ни трудно это переходное время, мы все-таки идем быстрыми темпами вперед, укрепляем хозяйственную позицию наших трудящихся.

Если бы действительно было такое положение, что наши планы были бы безукоризненны, что это означало бы? Это означало, что мы, собственно говоря, уже проблему коллективного хозяйства социализма разрешили, потому что ведь мы говорим, что только социалистический строй — такой строй, когда в его высших формах каждый получает по потребностям и от каждого требуется по его возможностям, когда все удовлетворены, желать нечего и остается думать только о движении вперед и не на почве удовлетворения элементарных материальных потребностей, а на почве дальнейшего всестороннего развития человека.

Совершенно ясно, когда мы говорим что мы строим социализм, — это значит, что мы еще не построили его. Совершенно ясно, что такое положение, когда планы, разработанные кем угодно, были бы на 100 % удовлетворяющими нас, еще далеко от осуществления у нас. Мы всемерно должны в этом направлении двигаться, но заранее знать, что каждый из наших планов подлежит в дальнейшем переработке, поправке, улучшению, что он только относительно удовлетворяет наши потребности. Но как раз в 1929/30 г. мы переживаем громадный перелом в этом отношении, потому что мы резко, решительно ломаем самое больное место планового хозяйства.

Какое самое больное место планового хозяйства было во всю нашу предшествующую экономическую историю? Конечно, вот эти 26 млн. разобщенных крестьянских хозяйств, из которых каждое ду-

мало устроиться само по себе, опираясь на игру цен, на вольный рынок; 26 млн. единиц этого хозяйства с валовой продукцией, составляющей свыше 40 % всей нашей валовой продукции, имело огромную стихийную силу. Имея такой огромный остов частных, индивидуальных хозяйств, мы могли говорить об общем народнохозяйственном плане только с некоторыми приближениями. Теперь, когда вы ясно видите, что на ваших глазах ломается этот строй частного деревенского хозяйства, вы должны чувствовать полную уверенность в том, что одновременно ломается неуверенность в наших плановых установках, устраняется то, что мешало прочным плановым рельсам. Если 1929/30 г. является годом решительного перелома в судьбах частного крестьянского хозяйства, то, вместе с тем, это — год решительного перелома в судьбах планового хозяйства. Тем большее внимание мы должны обратить на положение планового хозяйства, подойти к этому разделу нашей организации с величайшей бдительностью.

Иногда слышишь такие замечания: ну хорошо, если вы строите плановое хозяйство, если вы учитываете всесторонние нужды различных районов, различных ветвей нашего хозяйства, нельзя ли устроить так, чтобы, благодаря этому учету, было полегче подниматься в гору? Я думаю, что для того, чтобы сделать такой расчет, мы должны себе представить, а что было бы, если бы у нас той плановой работы, которая проходит на ваших глазах, не было, если бы огромные районы, отдельные отрасли хозяйства попробовали идти по своей воле. Для всех ясно, что тут наступило бы такое столкновение интересов, такие случайности в решениях, что было бы очень и очень плохо большому целому нашего народного хозяйства. Вот, что надо помнить. Нам от напряжения великого строительства не уйти. Если бы вышло так, что вы, переживающие эту эпоху, вы, труженики, на плечах которых — постромки от огромных хозяйственных грузов, которые вы поднимаете на новый хозяйственный уровень, вдруг бы почувствовали резкое облегчение, что это показало бы? Это показало бы одно: постромки оборвались, вы оторвались от того хозяйственного поезда, который вы вели. Выхода нет, тяжесть грузов, которую вы испытываете, — это результат напряженности плана. Напряженность плана — результат нашего общего желания в быстрый срок окончить муки переходного времени, перейти в кратчайшие сроки к тому развернутому плановому режиму хозяйства, когда отношения человека к природе и человека к человеку будут совершенно другие.

Наши экономисты делают один любопытный подсчет, который я бы хотел, чтобы вы также заметили в дополнение к тому, что вы имеете в наших материалах. Мы останавливаемся на вопросе, нельзя ли подсчитать общую эффективность наших капитальных вложений в часах труда. Экономят ли они что-нибудь для трудящихся в дальнейшем и сколько? Такой расчет сделан. Если взять пятилетний план

в той форме, в какой он был нами впервые выпущен, без всяких поправок которые мы теперь делаем, то оказывается что, осуществляя эту строительную программу каждым часом труда, который падает на вас в осуществление этой строительной программы, вы бережете для грядущих работников свыше 7 часов труда. Вы в семь раз облегчаете работу тех, кто пойдет по вашим следам, когда будет выполнен этот план. Я думаю, что если сделать подсчет по теперешнему размаху, то коэффициент будет не 7, а, скажем, 9—10. Во всяком случае, помните, что та тяжесть, которую вы поднимаете на свои плечи, как она ни тяжела, она вместе с тем избавляет тех, кто пойдет за вами следом, от десятикратной тяжести.

Тем не менее, задача всех плановых, всех хозяйственных органов, оценивая напряженность плана, грандиозность задач, которые стоят перед нами,—все сделать для того, чтобы помочь пережить это время с минимальными затратами, лишениями. Мы стараемся, в меру наших сил, в этом народнохозяйственном плане воздать каждому свое, рассматривая отрасли за отраслями, территории за территориями, стараемся с максимальной помощью поставить каждого на место, но есть одна задача, которая, на мой взгляд, должна быть поставлена как специальная задача, и поднята новым напряжением всех наших сил.

Какая эта задача? Мы энергично преобразовываем наше хозяйство, но прошлое еще висит над нами громадным грузом, и когда мы начинаем изучать, как в различных разделах народного хозяйства сказывается это прошлое, мы видим, что наша хозяйственная работа везде и всюду сопровождается большими ненужными потерями. Некоторые указывали, что мы имеем эти потери, например, тогда, когда руководствуемся старыми нормами. Инженер Точинский здесь совершенно правильно отмечает это относительно норм НКПС по приему металлоизделий. Нам указывают, что если посмотреть, какая доля металла поступает в изделия и какая пропадает как брак, то половина пропадает в виде отбросов. Правильно это или нет? Я думаю, что современная техника позволяет иметь совершенно другие соотношения.

Возьмем такой огромный раздел как ж.-д. транспорт. Оказывается, что если посмотреть движение грузов, которое требует сотен миллионов рублей для своего исполнения, требует расхода многих миллионов тонн драгоценного топлива, то мы наблюдаем еще огромное количество встречных потоков, завозки грузов не туда, куда нужно, злоупотребление транспортными средствами. Здесь огромное поле потерь, которое подлежит специальному изучению. Если взять сельское хозяйство, еще вопрос—сообразно ли почвенным условиям, сообразно ли значимости того или иного растения мы эксплуатируем эту огромнейшую территорию данными растениями. Подсчитайте здесь потери,—они тоже чрезвычайно велики. Борьба с этими потерями в различных разделах нашего хозяйства, борьба, которая должна опираться на совершенно исключительные особенности социалистического преобразования нашего хозяйства, все это является сейчас не-

отложным для нашего тщательного, внимательного изучения. Мы предполагаем в нынешнем году в Госплане устроить специальную группу работников, которая сидела бы как раз над этим делом, которая связалась бы со всеми организациями страны, чтобы помогать изживать эти потери.

Возьмем потери на продовольственном фронте. Мы знаем с вами, что здесь вахта особенно нужна, потому что 1929 г., с результатами которого мы вошли в 1929/30 хозяйственный год, вовсе не дает нам простора в этом отношении. Мы должны усиленно вести нормирование снабжения, вводить классовый паек, должны очень и очень позаботиться, чтобы с мясным и молочным довольствием не было так тесно. А вот оказывается, что около 30% продовольственных грузов в каналах нашего обращения портятся прежде, чем доходят до потребителя. Это говорит о том, что и здесь огромное поле работы. Мы должны быстрее подойти к этому, должны привлечь крупнейших работников для этого дела и, кроме того, призвать самих трудящихся к соответствующему контролю. Только всенародными усилиями сможем мы продвинуться быстро вперед и помочь с этой стороны изживанию трудностей переходного времени.

Товарищи, всякий раз, когда переходишь от вопросов плановых к вопросам оперативной хозяйственной жизни, видишь, какую огромную роль играет оперативный, исполнительный аппарат. Можно написать хорошие законы, но если их некому исполнять — плохо. План — своего рода хозяйственный закон. Это одна сторона дела. Хозяйственная жизнь должна сочетать умелую выработку законов с умелой расстановкой действующих сил, с умелым воспитанием этих действующих сил. Нужно признать, что один фактор здесь является для нас отрицательным, это — культурно-бытовые условия. На настоящей сессии, по-моему, особенно яркую иллюстрацию в этом отношении давали делегатки. Я не могу не подчеркнуть этого чрезвычайно страдного факта, что сами женщины, которые близко стоят к этому вопросу, на которых особенно тяжело падают эти бытовые условия. Решительно подходят к большим сторонам этого нашего строительства. Здесь еще многое не сделано так, как нужно. Характеризуя культурно-бытовую сторону, в контрольных цифрах мы сказали, что употребим все усилия на то, чтобы 1929/30 год был годом великого культурного перелома. Ясно, почему этот вопрос находился у нас в некотором отставании. Потому, что нельзя сразу решить тысячу дел. Только теперь, когда мы настолько укрепили себя по линии основной, решающей,—по линии крупной промышленности,—когда мы ясно ощущаем, что в сельском хозяйстве стоим крепче,—только теперь мы можем сказать, что у нас есть средства для того, чтобы и этот фронт сделать ударным фронтом. Помощь женщин имеет колоссальное значение. Мне хочется с этой трибуны засвидетельствовать, что женщина-делегатка честно выполнила ту задачу, которую поручили ей ее избиратели.

В частности, придется обратить особое внимание на жилищные условия, на новое городское строительство. Я получаю много писем от рабочих, которые указывают, что здесь иногда и с основной установкой неблагоприятно, что мало создать столько-то квадратных метров жилища. Для того чтобы подойти к разрешению нашего жилищного вопроса, нам надо так строить жилища, чтобы не плодить новых мешков, чтобы в этом жилище рос другой человек, который будет работать не на своей кухне, не у своего очага, не на своем огороде, чтобы рос новый, общественный человек. И помощь женщины в этом отношении будет чрезвычайно важна. Надо, чтобы новые дома в той части их, где женщина отрывается от общественной нагрузки и приковывается к домашнему очагу, чтобы эти дома были построены по-другому. Известно, что в Америке женщины являются большими поборницами за внедрение электрической энергии в обслуживание бытовых надобностей. Это потому, что бытовое значение электрификации громадно. Она освобождает женщину-работницу от целого ряда трудных физических домашних работ. Я надеюсь, что в новых домах жилищного строительства мы обратим внимание на эту сторону и их электрифицируем по-новому, чтобы помочь женщине не нести ту нагрузку, которую она несет в старой обстановке. В этой связи большое бытовое значение может получить и газификация.

Из больших проблем хозяйственного значения, которые здесь обсуждались, я хотел бы остановиться только на одной проблеме: это взвешивание соотношений сил Урала и Украины. Мне кажется, что неправильно будет смотреть так, что эти два района должны что-то такое делить. У каждого из них свои колоссальные задачи. Они должны не делить, а нести каждый свою специальную нагрузку, на основе определенного разделения труда. И украинцы должны совершенно спокойно признать, что, помимо того нового, что мы имеем с кизеловским углем, его коксованием, по новым разведкам рудных и минеральных богатств на Урале, по новым работам в Сибири, в связи с теми потребностями, которые Сибирь предъявила к Уралу, нам еще придется пересмотреть уральскую программу в сторону ее подъема. И не только для нужд развития народного хозяйства, как такового, но еще и для другой важной задачи: для задачи обороны нашей страны. Нельзя закрывать глаза на то, что Урал — это хребет нашей обороны, и товарищи украинцы должны этот момент учитывать и знать, что то строительство, которое уместно будет поставить на Урале, неуместно — на Украине.

Я не останавливаюсь на некоторых замечаниях конкретного свойства, в частности, относительно неравномерного распределения тракторов. Вы заслушаете здесь специальный доклад по этому вопросу и увидите, что большего форсирования тракторного строительства, чем то, которое делаем мы, трудно себе и представить. Мы напрягаем все усилия, чтобы сделаться как можно скорее первой в мире страной по производству тракторов. Вы должны иметь в виду следующие цифры:

Америка имеет свыше 800 тыс. тракторов. Мы в нашей стране рассчитываем в нынешнем 1929/30 г. перейти к 60 тыс. тракторам. Расстояние огромное. По нашим расчетам, наши хозяйства и не потребуют того, что требуют американцы с их раздробленными фермерскими хозяйствами. Но для того, чтобы удовлетворить тракторные нужды, нам необходимо иметь по крайней мере 400 тыс. тракторов. Ясно, что мы не можем быстро справиться с удовлетворением потребностей такого масштаба. Поэтому некоторая диспропорция в разделении есть: каждый район не удовлетворен.

Но я должен сказать, что упреки, которые сделали некоторые товарищи, неправильны. В частности, Казакстану назначено значительное количество тракторов — свыше 4 тысяч, и его дело — распределить эти трактора между Турксибом и другими районами. Точно так же для Сибирского края намечается 3.900 тракторов, а не 1.100, как говорил один товарищ из Сибирского края. Во всяком случае, нужно сказать, что в этом году, при строительстве колхозов, придется в значительных размерах опереться на умелую организацию использования лошадиной тяги.

Одним из характерных обстоятельств нашей сессии следует признать следующее: едва ли когда-нибудь с этой кафедры мы выслушивали подряд столько разных ответственных представителей нашей науки и техники. Выходили на кафедру профессора, инженеры, агрономы, металлурги, и мы с величайшим интересом прислушивались к их словам. Мы должны, как общее наше впечатление, отметить, что в словах этих товарищей мы слышали честный, убежденный голос работников, бесповоротно решившихся идти с нами рука об руку в социалистическом строительстве. Когда-то Владимир Ильич говорил о том, что на наших съездах, по мере развертывания нашего народного хозяйства, все больше и больше будут участвовать агрономы, инженеры и техники, люди высокой технической квалификации, из которых — подчеркивал он — каждый по-своему приходит к социализму. Настоящая сессия свидетельствует о том, что и в этом направлении мы движемся вперед. Я думаю, что этот факт, наряду с тем фактом, что мы все преисполнены уверенности, что 1929/30 г. дает новую великую смычку между рабочим и крестьянином и, как правильно сказал т. Бондаренко, мы в этой смычке видим те же черты, ту же силу, которая прояслила себя в исторический военно-боевой период, является важнейшим выводом всех наших обсуждений контрольных цифр. Это вливает в нас уверенность, что мы справимся со всеми трудностями, что мы представляем собою действительно несокрушимую силу.

А. Зеленко

Проблема строительства социалистических городов¹

Общие замечания

По всей стране сейчас идут разговоры о том, что нужно приступить к переустройству быта. Слышно это и на собраниях рабочих, и на собраниях культработников, профработников, педагогов; вопрос об этом поднимают инженеры и хозяйственники, но планового подхода к этому вопросу пока не замечается. Между тем, мы должны считаться с очень определенным фактом, что целый ряд крупных производственных организаций сейчас затрачивает и будет затрачивать сотни миллионов рублей на постройку жилищ для тех рабочих, которые будут жить и работать на новых заводах. Уже в этом году подсчитано, что приблизительно 1.350 млн. будет затрачено на жилстроительство, а в течение четырехлетки—до восьми миллиардов рублей. Можно считать, что приблизительно для 1 млн. людей, считая и взрослых и детей, будет приготовлено новое место для жилья. Около 200 индустриальных городков или поселений возникнут и уже возникают в этом году. Кроме этого, возникает целый ряд поселков в деревне—там, где строятся тракторные станции, где организуются крупные колхозы, и таких мест, по самому грубому подсчету, будет в ближайшие годы не менее 2-3 тысяч.

Уже сейчас встречаешь очень много инженеров и архитекторов, которые работают над планированием жилищ, при этом у этих инженеров и техников нет никаких руководящих данных, каким образом создавать эти новые города. Они в этом отношении совершенно беспомощны, потому что эта проблема не разрешается одними техниками. Она должна получить разрешение при совместной работе различных специалистов и широких рабочих кругов, которые должны разобрать ее тщательнейшим образом. В ее разрешении должны участвовать и врачи, и педагоги, и хозяйственники, и техники, и экономисты, и профработники.

Сейчас всюду начинают строиться новые жилища—распыленно, разбросанно, причем чаще всего это такие жилища, которые может быть в ближайшем же будущем нам будут казаться очень ненужными, очень вредными, потому что они закрепощают старый быт, не дают

возможности нам воспользоваться величайшим оружием в наших руках, именно индустриализацией страны и коллективизацией сельского хозяйства, для того чтобы возможно быстрее пойти вперед для социалистической реконструкции нашего быта. Между тем, одно правильное использование этих средств позволило бы нам сэкономить очень много денег. Крупные жилища дали бы нам возможность строить города компактно, поставить эти города в более зеленом окружении, дать возможность более рационально расположить трубопроводную сеть, уменьшить средства, которые затрачиваются на мостовые, на дороги и т. п.

Мы сейчас делаем ставку на широкое автомобильное строительство. Оно нам нужно и для экономических, и технических целей, и для военной обороны—и нужно подумать также о рынке сбыта для этих автомобилей. Мне думается, что трудно рассчитывать, чтобы каждый отдельный гражданин имел свою машину, в виде небольшого «Форда», как это имеет место в Америке. Это будет только безумная растрата средств—вроде той, которую мы видим в Америке. Там движутся рядом сотни, тысячи автомобилей, в каждом из которых сидит один-два человека, машины зря изнашиваются и средства затрачиваются нерационально. Если бы у нас были крупные дома, где живут сотни людей, было бы легче приобретать сообща пассажирские автомобили, которые служили бы для всего коллектива данного дома. Итак, рост и сбыт нашего автостроения тоже зависит от укрупнения жилищ.

Затем все старые поселения и города, которые у нас растут сейчас разбросанно, непланово, постепенно перейдут к новому типу строения, и эту работу нужно повести так, чтобы она охватывала и реформу жилищного быта. Необходимо обдумать, во-первых, какого типа и объема крупные жилища нам нужно строить; второй вопрос—каким образом можно эти жилища располагать относительно друг друга для того, чтобы создались типы нового города; третий вопрос—в каком взаимоотношении будут в новых городах жилища людей и всевозможные общественные здания. Площадь жилых домов будет теперь вмещать не только помещения, где спят, отдыхают, но и помещения, где бы проводился досуг, где можно было бы встретиться друг с другом, где происходило бы то, что можно назвать социальным контактом людей между собой.

Если мы возьмем деревенское строительство, то и там, при создании новых энергетических баз, вокруг этих баз также будут возникать укрупненные поселения и при них будет развиваться громадная культурная работа, в которой эти поселения нуждаются. Она будет облегчена именно благодаря тому, что будут возникать новые сельские горсда, или то—что можно назвать агрогорода.

Конечно, по мере развития переработки сельскохозяйственных продуктов, с одной стороны, и по мере окружения индустриальных центров крупными совхозами, снабжающими эти города продуктами сельского хозяйства, города безусловно постепенно будут превра-

¹ Литературно обработанная стенограмма доклада в клубе плановых работников им. Г. М. Кржижановского.

щаться в единый тип социалистического города. Каков будет внешний вид домов? Несомненно, эти дома будут различаться в своих внешних оформлениях, в своей архитектуре. Я не мыслю ни на одну минуту, чтобы можно придумать какой-то тип города или жилища, который был бы штампованным и единым во всем нашем Союзе. Я думаю, что это даст возможность нашим техникам, архитекторам творить новые формы, искать нового разрешения этого вопроса, но все-таки я думаю, что при большом плановом строительстве возможно его удешевить, если мы это плановое строительство выработаем в некоторых стандартных единицах в смысле норм для его строительных частей, для использования лесных материалов, для выработки известного типа окон, дверей и т. д. Это то, что сейчас уже делает Америка, и что позволяет ей, при стандартных кратных единицах, значительно удешевлять свои расценки. Немыслимо сейчас представить типы социалистического города, который был бы продуман от начала до конца. Эта задача—для проработки и творчества на деле, в ближайшем будущем, а сейчас нужно поставить проблему, найти ее трудные места, поискать совместно разрешения этих трудных мест. То, что здесь представляется, есть только пробные схемы для того, чтобы эту проблему развернуть перед соработниками. Это—тот орех, который нам нужно разгрызть всем вместе, т. е. материал для критики, для совместного искания новых форм, в которых нужно разобраться и нужно дать ответ. Поэтому приводимые здесь схемы являются весьма общими, ставящими вопросы, но не разрешающими.

Связь городов

Если мы начнем разбирать схемы, то в первой схеме увидим, что наши города несомненно будут строиться, оседая, вдоль каких-то путей сообщения. Вдоль реки или железной дороги располагаются какие-то узловые точки для скопления людей, соединенные между собой шоссейными, по возможности автомобильными, дорогами. Нужно думать, что эти города не будут расти в таком неурегулированном темпе, как это было раньше, потому что в каждом городе будет своя задача, построенная на трудовых основах. В каждом городе будет сумма известных производств, зависящих от того, какое по близости имеется сырье, или город будет представлять из себя важный перевалочный пункт, и тогда рабочий, производственный смысл этого центра, предопределяет собой и то население, которое будет там рядом жить. Затем, если явится необходимость его расширения, то оно будет идти не по старому, большей частью радиальному типу (раньше строили крепость, Кремль, был какой-то центр, где сидел властитель, или создавался торговый центр капитала), а наоборот, по производственному началу, расширяясь в линейном направлении. Город будет представлять какую-то цепочку-ожерелье, причем в некоторых местах города будут производственного типа, аграрного или индустриального, а другие—меньшего объема—будут представлять скорее перевалочные пункты.

Схема производственной части

Схема производственной части изображена на рис. 1. Несомненно, что производственная часть, представляющая какие-то заводы, какую-то переработку продуктов, должна быть построена по точному (или конвейерному) принципу. С дорожной магистрали будет доставляться сырье, которое будет перерабатываться в полуфабрикат, потом оно будет переходить в цеха для дальнейшей обработки и уходить в склады, откуда его постепенно увезут. Такая схема представляет необходимость поставить все производство (одно или несколько) в связанное состояние в своих процессах. Но, кроме того, мне думается, около социалистического завода вырастут новые части—учебные, такие, которых раньше на заводе не было и которые сейчас уже во многих местах начинают давать первые ростки. Они превратят завод—в завод-вуз. Завод будет не только производить материальные ценности, но готовить и улучшать свою рабочую силу. Такой завод-вуз будет местом, где повышается квалификация рабочих, где готовятся новые кадры, где найдут опору ударные бригады, изобретатели и рационализаторы.

К вопросу о заводе-вузе нужно приступить совершенно планомерно. Там должна подготовиться не только молодежь, не только подрастающее поколение, там должны быть не только всевозможные культурные учреждения и образовательные учреждения ФЗУ, но должна быть поставлена переподготовка и массы взрослых рабочих. Такой завод-вуз можно представить схематично следующим образом: по краям этого завода расположатся здания, которые будут отданы образовательным целям. Какие отделения могут быть в таких заводах-вузах? Вероятно, в одном отделе надо провести определенную тренировку, подготовку автоматизма, т. е. таких навыков, которые нужны для более резкой, четкой и правильной работы с теми механизмами, которые имеются на заводе. Затем здесь должны быть лаборатории,

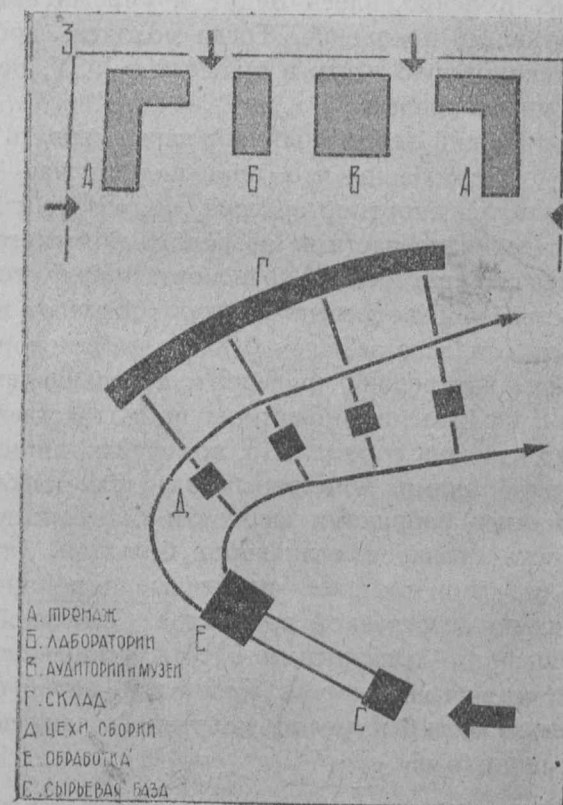

Рис. 1

где развивается и работает техническая мысль конструктора, изобретателя, рационализатора, чтобы после обязательной работы у станка он мог свои улучшения в производстве проработать в своей лаборатории. Затем, несомненно, здесь должны быть определенные аудитории, студии, где люди учатся, работают теоретически; наконец, должны быть библиотеки, где имеются справочные книги, дающие возможность совершенствовать свои теоретически-технические познания. В то же время в аудиториях и лабораториях куется не только работник-практик, но и социалистический хозяин. Тогда рационализаторские стремления рабочих встретят такую техническую помощь, которая поможет претворить в жизнь их замыслы в виде улучшения в хозяйстве. Конечно, здесь будут и учреждения, где будет работать подрастающее поколение. Тогда молодежь, пройдя общеобразовательную и техническую часть в школе и в ФЗУ, получит возможность научно специализироваться.

Всякий завод должен распланировать территорию.

Несомненно, что производственная часть будет располагаться вдоль транспортной артерии, подвозящей грузы. Поэтому, города будут вероятно расти не по радиальной системе, а по линейной системе, имея свой внутренний транспорт. Вокруг этого будет создаваться жилая часть. Производственная часть города от жилой части города должна быть отделена зеленым бульваром, зеленой полосой, по которой проходит внутренний транспорт, а дальше начинается жилая полоса.

Особое место занимает производственная часть, обслуживающая быт и жизнь города. Это, во-первых, пищевой комбинат—с его мясохладобойнями, консервным заводом, хлебными заводами, холодильниками и фабриками заготовки пищевых продуктов, вплоть до кондитерских товаров, если город большой. Затем следуют совхозы, огороды, фермы. Далее—прачечные и почилочные мастерские. Все это связано с доставкой продуктов. Отдельной группой стоит городской транспорт—товарный и пассажирский—со своими путями, вагонами электрических дорог, машинами автобусными и автомобильными. Самые пути быстрого и медленного движения должны быть отдельно спланированы.

Жилая часть города

Каким образом нужно было бы строить эту жилую часть города? Первое положение, вероятно, будет то, что город неудобно строить, стягивая его к одному центру. Нужно город располагать линейно, так, чтобы дома, идущие вдоль производства, имели бы по возможности близкий доступ к нему. Можно дома при этом ставить не отдельно, а группами. Если мы будем собирать известную группу домов, как это часто делается и теперь у нас и за-границей, то среди этой группы может быть какой-то двор, который может быть превращен в сад, в площадку, затем вокруг него расположены дома. Эти дома в которых живут 2-3 тысячи людей, можно назвать блоком, или жилым

комбинатом. Такие комбинаты-блоки, отделенные друг от друга большим резервуаром зелени и дорогами, представляют собою примерно такую схему (рис. 2). Если в каждом комбинате живет 2-3 тысячи человек, и если расположить эти комбинаты в шахматном порядке, то весь город, состоящий из 50 тыс. жителей, займет 5-6 км в длину и 2-3 км в ширину, и не будет представлять собою слишком большой и растянутой, территории, проживание на которой было бы связано с затратой большого времени для того, чтобы добраться к производству. По одной стороне здесь есть какая-то артерия сообщения жилья с производством, по другую сторону—другая артерия, сообщающая город с полосой интенсивного земледелия, с городскими совхозами, снабжающими город всеми продуктами сельского хозяйства. Тут могут быть совхозы—огородные, садоводческие, животноводческие, молочные фермы.

Но возникает вопрос, где ставить здания общественного значения? Естественно, что эти здания могут быть отодвинуты от завода в противоположную сторону, потому что население, выйдя из завода и прийдя домой, отдохнув, помывшись и поевши может пойти в здание общественного назначения. Эти здания будут самые разнообразные. Будут дома управления, дома общественных собраний, для профсоюзной деятельности, дома Советов. Затем будут аудитории, театры, больницы, всевозможные учреждения для научной работы. Необходимо указать, что было бы рационально устроить целый ряд помещений, где люди встречались бы друг с другом в тех же домах, где они живут. Дом-коммуна есть место общественной и личной жизни. В них происходят встречи людей, создаются общие задачи, происходит известный групповой социальный подбор, тогда как для больших массовых собраний и для научной и художественной работы, с другой стороны, должны быть созданы особые здания: дома для массовых собраний и выступлений, как театры, аудитории, либо специальные здания для библиотеки, научных институтов, лабораторий

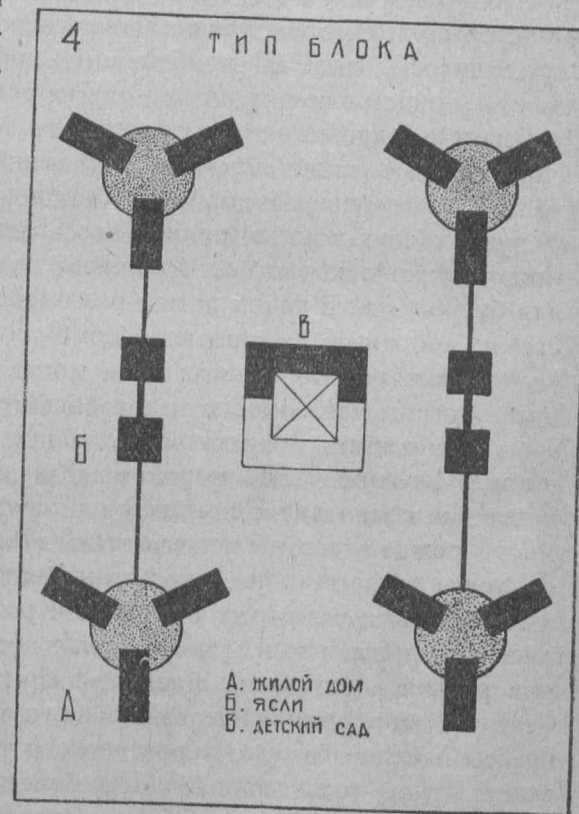

Рис. 2

и т. д. Конечно, схемы дают при этом самые разнообразные варианты.

Если мы посмотрим один такой комбинат, состоящий из нескольких домов, то мы увидим такое расположение. Дом состоит из двух частей. Здесь каждому жителю отводится одна комната небольшого размера, где жители отдыхают, спят. Дом представляет собою корпус с комнатами меньшего масштаба, сообщающимися попарно раздвижными перегородками-дверями. Эти комнаты можно расположить в 3, 4, 5-м этаже, и они могут быть меньшей высоты, нужно только дать достаточный доступ свету и чистому воздуху. Затем должны быть помещения, отведенные для общественных потребностей—в 1-м или во 2-м этаже, больших размеров и высот. Это дает простор архитекторам для всевозможных комбинаций. В Америке мне приходилось видеть комбинации корпусов, поставленных зигзагами, причем в самом зигзаге они не раз'единяются, а связаны общей лестницей, ведущей в тот и другой дом. Мне приходилось около Нью-Йорка видеть такие дома, расположенные в виде дуги, причем эти лестницы не мешают коридору, идущему посреди дома, быть освещенным с двух концов, причем здесь даже нет впечатления длинного монастырского коридора. Возможно делать и другие типы: елочный или буквой «п». В таких домах и столовая и кухня, для подогрева доставляемой пищи из пищевого комбината, расположены внизу.

Самые разнообразные типы могут быть представлены как комплекс дома и для жилища и для общественных потребностей.

Как решить вопрос, какие общественные комнаты надо иметь в доме? У человечества можно выделить в группы следующие потребности для социального контакта или связи.

Прежде всего мы встречаемся потому, что желаем получить друг от друга информацию—мы хотим знать, что случилось вокруг нас и на белом свете. Этому отвечают и разговоры, и стенгазета, и ежедневная пресса и т. п. Теперь у нас поставлена информация так, как она раньше никогда не ставилась. При социалистическом строительстве эта информация вырвана из рук продажной капиталистической прессы и отдана в руки человеческого трудового коллектива. Информация устная тоже начинает быть более организованной. Информация в больших домах может быть поставлена гораздо легче, чем при жизни людей в своих небольших закутках, где они питаются лишь слухами. В доме-коммуне надо завести читальню, причем не нужно в каждом доме иметь большую библиотеку, а достаточно, чтобы в городе была одна большая библиотека и каждый дом снабжался передвижным комплектом книг, сменяемым из центральной библиотеки. Тут же в доме может быть газета, журнал, выставка, кино, радио, раздевальни. Тут же около раздевальни и вестибюля расположится и справочное бюро, и парикмахерская, и чистка сапог. Все средства для взаимной информации и осведомления будут в таком доме к услугам жителей.

Второе—почему мы встречаемся друг с другом? Наши встречи отражают желание дать что-то друг другу, узнать что-то поглубже, посовершенствоваться, позаимствовать друг у друга, дать себе большую квалификацию, хотя бы не своей только профессии. Для этой цели должен быть целый ряд помещений, где эту квалификацию можно получать. Значит, это может быть студия, где можно проработать по какому-нибудь техническому или художественному вопросу, где можно поработать над всякими своими бытовыми нуждами. Так как мы надеемся, что за 7-часовым рабочим днем пойдет еще большее уменьшение рабочего дня, так как при непрерывке освобождаются большие отрезки времени, которые нужно культурно использовать, то все это свободное время возможно будет использовать в том направлении, которое я называю повышением своего призвания, своих временных или постоянных потребностей и вкусов. Оно может быть использовано либо в комнатах рабочего типа при своем доме, либо в центральной библиотеке, либо в помещениях втуза, который будет расположен на территории самих заводов. Эти рабочие комнаты при доме будут как небольшие, для индивидуальной работы или занятий (для музыки, фото, работы с книгой), так и для групповых занятий или времяиспользования (кружки радио, фото, прикладного искусства, хоровой, оркестровый, шахматный и т. п.). Наконец, комнаты для отдыха, встреч между собой и со своими гостями.

Наконец, третье—тот факт, что человечество встречается друг с другом с желанием не только взять, но и дать. Это желание дать в будущем должно у нас развиваться очень сильно и на него мы должны обратить большое внимание, потому что только таким путем и общественным подходом друг к другу мы будем иметь возможность самым широчайшим образом поддержать наши способности, поднять наши кадры, дать развитие призванию, дать возможность развиваться искусству в нашей стране. Это для нас потому очень важно, что наше искусство должно отличаться от искусства капиталистического Запада и должно вырасти на базе нового быта. Желание дать поведет к созданию массы кружков, быстро растущих, показывающих себя в выступлениях литературных, художественных, политических. Такие кружки будут сначала проявлять себя в той же столовой, в том же клубе данного дома, а потом уже выходить на более широкую арену.

Удовлетворение этим трем основным качественным требованиям социальной связи и должны быть предусмотрены в доме. Что это значит? Известный процент площади должен быть отведен на эти потребности человека. Подсчитывая, что человек все равно в квартире старого буржуазного типа тратит известную площадь на гостиную, или место для приема гостей, на столовую, кабинет, или рабочий уголок и на кухню, которой здесь тоже не будет (потому что здесь несомненно будут общие столовые), подсчитывая, с другой стороны, что в новых домах нужно будет тоже иметь художественные комнаты, читальни, приемные, мы сумеем ту же самую площадь в таких укрупненных

домах снабдить гораздо лучшим помещением, оборудованием, лучшим приспособлением, при этом не дороже стоящим, если их поставить в равные условия. Но мы должны для нового быта дать и больше и лучше. Если мы возьмем такой дом, в котором живет от 500 до 1.000 человек, и рядом еще несколько таких домов, то этим мы получаем комбинат, который стоит в парке, имеет зеленое окружение и представляет из себя комплекс жилищ в 2-3 тысячи человек.

Где и как будут жить дети?

Несомненно, что в этом жилищном комбинате в 2-3 тысячи человек будет большое количество детей, о которых нужно подумать. Заботу об этих детях нужно разбить на три части: заботу о самых маленьких детях, которые должны получать помощь в яслях (в возрасте от 0—до 3 лет), затем следующий возраст—дошкольный, детские сады (в возрасте 3—6 лет) и, наконец,—школьный возраст (от 7 до 15 лет).

Ясли, конечно, должны быть так расположены, чтобы ребята получали там всю необходимую современную медицинскую и педагогическую помощь, чтобы они находились в приспособленных для этого помещениях, с специальным уходом, но в то же самое время чтобы они не были оторваны от родителей, от взрослых. Поэтому, эти ясли с гигиенической стороны правильнее ставить в этом же комбинате, рядом с этими же домами, соединяя их теплыми проходами, для того, чтобы родители имели бы непрерывную связь с этими яслями. Вероятно, удобнее всего ставить ясли не на производстве, а около жилых домов, потому что при 7-6-часовом рабочем дне, при введении одного лишь искусственного питания в течение дня, при возможности первые два месяца не работать, можно вполне поставить дело так, чтобы мать могла оставлять ребенка в яслях, пока она работает на производстве.

Детский сад можно было бы расположить среди этих же самых домов и помещать, по возможности, в домах в один—два этажа, чтобы дети имели доступ прямо в сад, чтобы у них была своя площадка, свои маленькие животные и т. д., свой известный мир, в котором обычно воспитываются дети возраста детского сада. Но нужно так сделать, чтобы все это было совершенно открыто перед глазами тех родителей и взрослых, которые тут же живут. Дом с большими стеклами, без всяких заборов вокруг садика, даст эту возможность. Тогда эти детские сады не будут оторваны от взрослых.

Второй вопрос—нужно ли, чтобы дети сюда попадали только днем, или чтобы они жили здесь и днем и ночью? Вопрос этот—вопрос воспитания масс. Нужно так сделать, чтобы показать, что детям здесь под общим контролем удобнее и лучше жить; необходимо, чтобы сами родители пришли к выводу, что это самое рациональное разрешение для их же детей—лучше жить рядом с ними, но в помещениях, приспособленных для детского жилья, для сна, отдыха, игры, занятий. Поэтому, жилища в доме для взрослых должны быть приспособлены

только для жилья взрослых. Поэтому лучше, чтобы дети не жили вместе со взрослыми в их комнатах, или мешая им, или мешая себе. Но к этому население должно прийти само и поэтому естественным, вероятно, будет какой-то переходный период, в течение которого более отсталые родители будут стараться удерживать детей у себя, а более передовые родители будут соглашаться на то, чтобы дети жили рядом с ними и находились все-таки под их непосредственным контролем. Дело коммуны ввести в жизнь этот распорядок. Кроме того, и самая педагогическая профессия и профессия ухода за детьми станет предметом широкого социального подбора, а не только предметом заработка, как это теперь часто бывает, и будущие родители пойдут в педагоги, потому что любят возиться с детьми. Несомненно, если дети будут жить в небольших комнатах взрослых, если они будут бегать беспризорно по коридорам, то это будет служить ярким примером того, что этого не следовало бы делать, если рядом находится специальное помещение, более хорошо оборудованное.

Конечно, возможен еще один переходный этап: вместо того, чтобы устраивать отдельно хороший детский сад, отдельно ясли, соединенные теплым ходом, можно отводить для детей помещения в тех же домах, где живут взрослые. Но этот компромисс может быть отвергнут самими трудящимися.

Теперь перейдем к вопросу о школе. Школа—это место, где дети живут, исполняя в общем ряд своих несколько разнородных образовательных задач. Уже у малых ребят, 6—10-летних, есть желание изучать новое, следовательно, в такой школе нужно устроить место, где бы они могли учиться всякого рода познанию, искусству, науке и технике. Затем у них есть желание дать простор своим эмоциональным потребностям. Следовательно, при такой школе должна быть площадка для игр, место для гимнастики, плавания, представлений и т. п. Затем, дети всегда интересуются производством, что и как на свете разными людьми делается. Они большие рационалисты и хотят знать, куда и зачем идут те или иные изделия. Несомненно, все это может быть поставлено глубоко и планомерно и в этом и будет состоять политехническое воспитание. Дети по мере роста, переходя в старшие классы, будут все ближе и ближе подходить к производству. И, наконец, несомненно, что дети, участвуя в общем строительстве, будут все больше интересоваться общественной жизнью, а педагоги будут располагать всеми возможностями вести их в этом направлении. В конце концов мы можем выставить такой лозунг: «Школа должна быть школой целого дня и целого года». Для детей нет бессмысленного времяпровождения, оно всегда должно быть для них и осмысленно, и интересно. Ребенок может проводить известную часть дня в учебе, известное время в игре, известное время на производстве или в связи с производством, причем я подразумеваю под производством не только какое-то участие в работе на заводе, но и участие в работе в совхозе. Если эта школа будет расположена рядом с жилыми комбинатами, то

для производственной практики дети будут направляться либо на завод, либо сюда в совхоз.

И последняя важная задача—это непрерывный контакт детей с жизнью взрослых, участие в общественной жизни взрослых и ее обсуждение, помощь взрослым в общественности, технике, искусстве. Может быть, это будет помощь по дому, ремонт дома, проведение электричества, организация выставок, вечеров, украшение дома и т. д.

Одним словом, раз школа помещается здесь, среди всех этих жилых комбинатов, собирая много детей из нескольких блоков и проводя здесь время целыми днями, то программы НКПроса учтут новые потребности жизни нового быта. Такова структура начальной школы и первого концентратора средней. Второй концентратор средней школы будет все больше и больше переходить к работе от своей мастерской к мастерским на заводе-втузе. Так как назначение школы—обслужить детский возраст, она поэтому должна быть в связи с производством, должна быть универсальной, знакомящей с коллективным земледелием и коллективным индустриальным производством.

Схема социалистического города

Теперь становится ясной общая схема целого города (рис. 3).

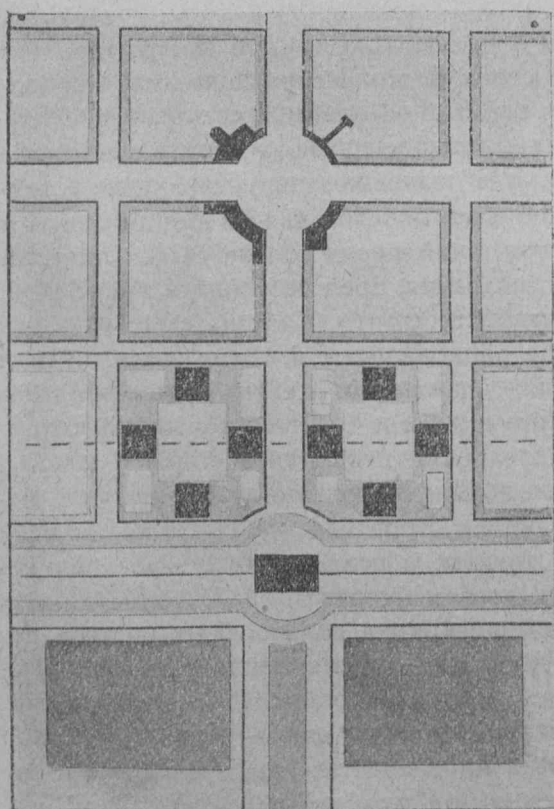

Рис. 3

Где-то проходит жел.-дор. линия, будет станция, причем с одной стороны здесь расположатся один, другой, третий кварталы для индустриального города, с другой — проведены в парке улицы и между ними жилищные блоки и кварталы школ. В парке — площадки для игр. Большие улицы сходятся в большие площади, которые могут быть превращены в несколько центров для общественных зданий. Здесь будут собираться большие массы людей, — площади нам нужны. У нас такие массовые собрания играют большую политическую роль, когда мы проводим демонстрации, празднества, и в новом городе нужны такие места, где население собиралось бы для выражения своих массо-

вых настроений; таких площадей нам нужно иметь несколько, нужно

будет иметь какие-то центры города, примерно, на второй—третьей улице, где можно построить целый ряд общественных зданий.

По какому принципу будет строиться схема аграрного города? (Рис. 4). Аграрный город имеет свою своеобразную и на первых порах отличную от индустриального города форму. Конечно, надо исходить из того, что и новый агрогород тоже концентрируется вокруг какого-то энергетического производственного центра, тракторной станции, совхоза, коллективного хозяйства. Сейчас подсчитано, что такой энергетический центр по данным, которые собраны, работает и обслуживает площадь в среднем 50—60 тыс. га. Это по территории представляет кусок земли приблизительно в 25 км, радиус которого равняется 12—15 км. Если мы возьмем один такой крупный аграрный массив, то он в центре будет иметь тракторную станцию, связанную какими-то путями сообщения, автомобильными или железнодорожными, с другими массивами.

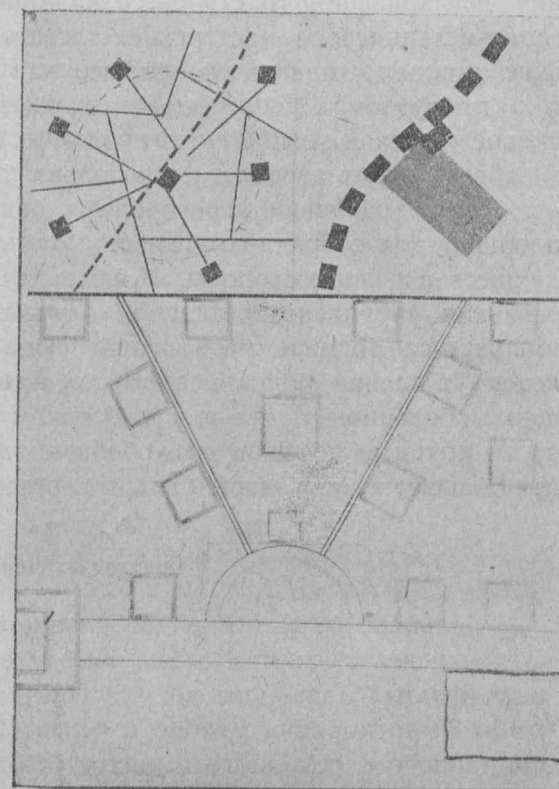

Рис. 4

В крупном колхозе или совхозе массив делится на целый ряд экономий: 8—10—12 экономий. В таком массиве в зерновой полосе построено в среднем около 4.000 дворов, с населением около 20.000 человек, если это только не вновь завоеванная земля, где работает совхоз и где еще нет плотного населения. Население постепенно будет концентрироваться около экономий, расположенных в этих пунктах, или около главного центра—тракторной станции. В экономиях останутся только животноводческие хозяйства с небольшим количеством рабочих и с определенным количеством скота для получения навоза для окружающих полей. В центре же будут перерабатываться продукты интенсивных культур, и население, чтобы пользоваться всеми благами культуры, естественно будет стекаться в центр; здесь будут дома культуры, больницы, кино, школы. Для того, чтобы ездить из центра на поля для 6—8 часов работы—транспорт не представит затруднений. Так, вероятно, будут возникать новые агропоселки.

Агропоселки будут состоять из двух частей—из энергетической машинной базы и из жилищной базы. В первой части будут помещения для хранения тракторов, с.-х. машин, ремонтные станции, слесарно-механические мастерские, элеваторы, мельницы и электрические станции—одним словом, все что необходимо для переработки с.-х. продуктов. Несомненно, что быстро будет развиваться интенсивное сельское хозяйство: огородничество, садоводство; зерновое же хозяйство будет располагаться больше по периферии этого массива.

Схема разбивки агрогорода в общем такова. В центре нужна площадь для собраний населения, от нее идут затем дороги, расходящиеся в разные стороны. Жилые дома будут сосредоточены в нескольких укрупненных зданиях—блоках или кварталах. Они будут умножаться по мере переселения сюда из экономии людей. Рядом вырастут здания общественного характера: дома Совета и культуры, школы, больницы, почта и т. д. В таком направлении будут, вероятно, расти крупные поселки, где обобществление быта будет развиваться все больше, и, кто знает, быть может скорее, чем в индустриальных.

Главные затруднения

Большие затруднения для планирования состоят в том, что мы не знаем, делать ли нам ставку на более или менее дальнюю перспективу или на ближайшее время? Иначе говоря, строить ли нам так, чтобы было хорошо, удобно и через 10 лет, или же строить только для данного переходного периода, что-либо более временного характера. Мы правильно поступим, если мы будем принимать в расчет динамику этих процессов, т. е. если мы будем учитывать изменчивость наших запросов и потребностей и, ставя себе ближайшую перспективу, учтем возможность осуществления наиболее полно и дальней перспективы. Если мы так сделаем, мы удовлетворим отчасти и нужды сегодняшнего дня, и подготовим реальные формы, которые будут нужны для дальнейшей революционной перестройки и для улучшения нашего быта. Если мы учтем, что динамика города может меняться, что типы жилища также могут меняться в зависимости от быта, что и самый быт мы можем ковать силами самого общества, именно в новых лучших каменных одеждах быта, то динамика будет разрешена.

Здесь попутно встает вопрос отношения к детям. Мы знаем, что дети очень часто окружены родителями отсталыми, которые своим воспитанием приносят ребенку вред. Нужно оказать влияние на этих родителей и так перестроить отношение быта к детям, чтобы уничтожить вредное влияние на ребенка, а может быть даже и сделать их хорошими воспитателями детей вообще. Прежде всего здесь надо воспитывать родителей. Центр тяжести вопроса в том, что очень глубоко было замечено Н. К. Крупской, подчеркнувшей в своем выступлении при обсуждении в клубе плановых работников проблемы

социалистического города, что надо строить «такие формы бытия, которые содействовали бы организованности общества». Это выражение дает руководящую нить нашей линии планирования.

Какова же будет динамика роста социалистического города? Мы не можем сказать, будет ли данный город расти значительно, или жизнь его будет замирать. Поэтому мы должны так построить город, чтобы дать ему возможность нового роста по главным артериям транспорта. Мы должны предусмотреть значительную динамику производства. Поэтому лучше с одной стороны артерии движения иметь вдоль промышленной части города, а другие—вдоль свободно развивающейся жилищной части, окруженной сельскохозяйственным сектором. Надо правильно учесть расположение транспорта, чтобы он мог работать и в промышленной части города, и в сельскохозяйственной. Но в то же время система транспорта через 10 лет значительно изменится, и мы можем быть вынуждены перестраивать «структуру самих городов». При возможности расти и в сторону сельского хозяйства и расширения его промышленной части, транспорту тоже легче перестроить свои пути.

Желательно ли строить сейчас дома более крупные, или менее крупные? Есть направление так называемых дезурбанистов, которые думают, что надо строить лишь временные жилища небольшого объема. Есть даже сторонники постройки для каждого человека маленького домика, стоящего на четырех столбиках, с тем, чтобы под ним хранился автомобиль обладателя домика.

При быстром процессе коллективизации общества нам надо использовать все пути лучшей организованности. Надо связать все процессы быта так, чтобы ребенок был и на глазах родителей, но чтобы он стоял близко к трудящимся массам. Надо, чтобы клубные комнаты, столовые, библиотеки и т. д. объединяли быстро и удобно взрослых. Вероятно поэтому такая ориентировка на небольшие домики неправильна, потому что мы, в процессе построения такого рода жилищ, не создадим необходимой спайки, которую мы называем «задачей социалистического сращения». Надо продумать систему этого контакта, чтобы, согласно ему, спланировать и жилища и их взаимоотношение. Нужно строить жилища более крупные и такой крупности, которая позволила бы создать определенный общественный контакт, собрать определенный коллектив, но так, чтобы личность развивалась возможно свободно и разносторонне при помощи коллектива. Если мы при бедности сейчас строим недостаточно комфортабельные жилища, то техника может и сейчас предусмотреть возможное изменение так, чтобы мы могли свинчивать и развинчивать свое жилье, чтобы мы могли из малых комнат делать большие, и наоборот. Лучше всего к этому строительству подойти так, как подходят американцы, а именно, строить стандартные размеры и для стен, комнат и перегородок, которые могли бы выниматься и вставляться. Америка и Япония производят элементы строительства на заводах так, что эти элементы по-

лучаются готовыми в определенных кратных на постройке величинах. Это не мешает архитекторам комбинировать эти стандартные части по-разному и проявлять так свое творчество.

Указывают, что жалко ломать дома раньше времени. Большой вопрос о том, будут ли дома вообще долго стоять или нет. Американцы сейчас ломают первый небоскреб в Чикаго, построенный 15 лет тому назад, только потому, что он кажется им устарелым. Мы знаем, что машины при быстрой эволюции техники живут не больше 10 лет и меняются раньше срока своего изнашивания. Жизнь материальных вещей определяется не изнашиваемостью, а экономичностью своей продукции. То же происходит и с жилищем, и чем дальше, тем быстрее. Творчество науки и техники поможет нам решить, в какой момент мы должны перестроить наши жилища для большего удобства.

Группировки людей в коллективе, непрерывное изменение группировок или дифференциация и интеграция групп в организованном порядке, представляет собою тот процесс динамики общества, за которым нам нужно следить и помогать ему оформляться в быту. Поэтому само жилище есть вместилище группировок для социальной связи. Отсюда временные жилища для отдельных лиц, стоящие на четырех столбиках, нам не по пути, потому что это не позволяет организовать общество, как нужно. Поэтому, и общественные учреждения, и места питания, и места воспитания детей и взрослых всеми способами культуры, должны создаваться в таких формах, чтобы там был облегчен контроль общества и возможность общественного участия.

Почему детские дома стали одиозными? Потому что общественного контроля над ними почти не было. Почему общественное питание многими осуждается? Потому что до сих пор было трудно поставить общественный контроль в этих учреждениях. Если бы производство пищи находилось близко от общественного жилья, если бы оно производилось людьми, которые в этом заинтересованы и могли удобно контролировать, то дело бы было поставлено лучше. Если бы детский сад был на виду у всех, если бы стены были как стеклянные и легко было бы видно, что там творится, то было бы и там хорошо и он не напомнил существующий плохой детдом. Не следует думать, что детский дом, который будет у нас строиться в будущем, будет таковым, как сейчас. Мы предполагаем, что в нем будут участвовать и родители и вообще взрослые. В яслях надо предусмотреть комнаты и для матерей и если ребенку станет плохо, если нужно психологическое воздействие матери, то это легко можно будет осуществлять.

Когда мы говорим о недоверии к специалисту со стороны массы, то мы забываем, что в процессе реконструкции бытовой будет эволюционировать и специалист и масса. Для этого прежде всего должны быть экономические предпосылки. Если специалист будет иметь больше свободного времени, а государство даст большую возможность совершать выбор призвания по желанию и способностям, то будет выполнена реализация формулы: каждому по потребностям и от каждого

по способности. Государство должно помогать развитию способностей. Отсюда ясно, что люди, которые интересуются гастрономией, будут работать там, где речь идет о пище, а те кто сидит «на пище святого Антония», этим делом заниматься не будут и займутся иными делами. Ребенок даже в школе может проявить педагогический уклон и может пойти свободно по этой дороге, не так, как теперь, когда кто-нибудь, провалившись в других вузах, когда некуда больше податься, идет на педагогическую работу. Тогда уход за детьми будет производиться силами общества гораздо больше, чем теперь, и при этом людьми, которые к этому чувствуют призвание.

Отсюда вытекает последнее трудное дело, последний подводный камень: нужно затратить очень большую энергию на подготовку населения к жизни на новых условиях. Если мы этого не сделаем, то из социалистических городов вырастет новое бюрократическое начинание, и мы потерпим крах. Но общественное творчество масс нам поручено, что это не произойдет. Если мы в сметы будем вводить постройку зданий новых домов, коммун или новых городов, то следует в смету вводить и такую статью как расходы на подготовку населения к новым бытовым условиям. Тем самым мы будем экономить на будущем ремонте и уходе. Тогда мы будем иметь такого коллективного хозяина, который будет беречь этот дом. Если правильно поставить вопрос о социалистическом быте, если в этом будет заинтересована партия, комсомол, профсоюз, организации ученых и художников, и если создадутся бригады в старом городе из массового населения, которые будут ставить пропаганду о новом быте, то мы сможем построить уже сейчас такие города, которые будут ближе к социалистическому обществу.

Подготовка населения к новому делу—задача весьма серьезная: параллельно с предстоящей нам работой по строительству самих городов нужно провести самую энергичную кампанию по подготовке населения к этому строительству. Нужно, чтобы в новый большой коллективный дом вошел бы подготовленный коллективный хозяин. То, что приходилось слышать при встречах с культработниками и с рабочими, подтверждает, что трудовые массы этим вопросом очень интересуются и готовы в этом деле принять самое горячее активное участие. Они хотят и познакомиться с блоками, и помочь в большой перестройке быта.

Вот, например, на одном собрании одна женщина так говорила: «Я работаю уже два десятка лет и никак не могла дожидаться, чтобы поднялись такие разговоры, как здесь сегодня. Как нам подходить к этому строительству? В руки рабочих и крестьян попала власть, мы знаем, как ее защищать, но не знаем еще как нужно строить. На это нужны большие затраты, почтому что мы хотим, чтобы новый город не был таким, как сейчас, когда у рабочего под кроватью мешки, капуста и т. п. Вот деревня готовится к социализму и мы видим, какая там происходит борьба. Поэтому, нужно довести все до плана и всем

вместе нужно всем фронтом бороться за это дело. Вот мы давно добиваемся детских площадок, а добиться не можем. С яслями несколько лучше дело». А другой рабочий говорил следующее: «Нужно сделать так, чтобы когда мы будем строить—другие не стояли бы рядом, не лущили семечек и не смотрели бы недоверчиво на нас... посмотрим, что-то у вас выйдет!».

Нужно всех втянуть в социалистическое строительство. Тогда такая новая коммуна поможет корректировать то, что создается, поможет поставить правильно общественное обслуживание. Оно распадается на несколько видов, которые нужно различать. Оно может проводиться с помощью платных коммунальных органов, с помощью кооперативного обслуживания и с помощью добровольных обществ. Могут, например, быть городской оркестр, оркестр профсоюза или жилкооперации и добровольный музыкальный клуб. Под контролем этого общественного обслуживания придется пересмотреть, вероятно, и всю систему коммунального хозяйства. Проявятся новые методы хозяйствования и новые пути, которых мы сейчас не предусматриваем. Когда же мы постепенно подойдем ближе к разрешению этих вопросов, то создадим ту практическую школу социализма, к которому мы так стремимся.

Реформа старых городов

Отделить вопрос о реформе старых городов здесь тоже нельзя. Возьмите историю. Мы видим, что очень часто новый строй смахивал с лица земли все старое. Есть ли у нас много домов, которым больше 100 лет? Конечно, нет. Прокладываются новые дороги и улицы, и целый ряд домов уничтожается. Может быть некоторые дома останутся как музеи, но должны возникать новые дома соответственно новой культуре и быту, и они будут строиться около новых предприятий. Таким образом строится Москва. Прекратить рост нельзя, но нужно подвергнуть это строительство регулированию и плановому обслуживанию и постепенно, таким образом, мы создадим планово то, что создается сейчас уже невольно. Что такое Зеленый город, как не совершенно новая струя для старой столицы. Этот Зеленый город показывает нам новые пути, которые нужно продумать еще дальше. Во всяком случае нужно остановить то хаотическое строительство, которое происходит сейчас, нужно сказать, что та городская чересполосица, которая сейчас имеется и далее развивается, нетерпима и, шуточно говоря, ясно, что нужно «колхозировать город». Такова основная задача, перед которой мы стоим.

Заканчивая этот краткий схематический обзор, необходимо указать на важность проведения следующих организационных мер:

1) Издания законов, воспрепятствующих более крупное жилищное строительство в городах и в обобщественном секторе сельского хозяйства без руководства нормами, издаваемыми Госпланом, и без утверждения соответствующими планировочными инстанциями.

2) Организация при Госплане СССР органа, планирующего стандарты для новых индустро- и агрогородов, каковые должны быть разработаны совместно с другими заинтересованными ведомствами в самый краткий срок и изданы для руководства всех хозяйственных предприятий и технических сил.

3) Поручения всем краевым плановым организациям проверять и останавливать строительство, в случае несоответствия его общим плановым директивам социалистического жилищного строительства, и согласовывать его с таковыми.

4) Во всех случаях, где крупное жилищное строительство проводится рядом с существующими городскими поселениями или хозяйственными предприятиями, или где создаются рядом несколько независимых друг от друга промышленных предприятий, таковое должно быть согласовано и образован общий стройком, имеющий решающее значение в вопросах общего планирования и объединения предприятий, обслуживающих коммунальный и общественный быт.

5) Поручения органам Госплана СССР, совместно с приглашенными представителями Госплана РСФСР и других заинтересованных ведомств, выработать основные планировочные нормы:

а) увязки на территории Союза планирования промышленных и аграрных городов, с определением возможных артерий связи между ними;

б) типов жилищного строительства для городов или сельских поселений, с выработкой соответствующих норм;

в) типов разных временных жилищ разборного характера как для помещений строительных рабочих, так и для временных помещений постоянных рабочих на производстве, впредь до создания постоянных жилищ;

г) норм для заселения территории города;

д) основных установок по различным типам жилых домов;

е) соотношения между зеленой частью города и застройками;

ж) основных правил коммунального обслуживания новых городов;

з) норм по введению в сметы жилищного строительства известной суммы на подготовку населения к участию в планировании, создании и контроле того нового социалистического жилищного строительства, в котором будет жить новый, коллективный хозяин.

И. Г. Туровский

Борьба с потерями в народном хозяйстве

(Темпы, ресурсы и план)

Введение

Далеко ушла вперед капиталистическая машина.

По глухим, первобытным дорогам старой России идет вдогонку новая, советская машина. Она движется в несколько раз быстрее, чем капиталистическая. Только дороги труднее, зато короче, прямее.

Хватит ли сил «догнать и перегнать» в обозримые короткие сроки? Не перенапряжены ли темпы? Возможен ли срыв или имеется возможность развить еще большую скорость?

Оглядываешься назад.

Что показывают наши контрольные цифры, конъюнктурные сводки, наши балансы. Все ли ресурсы исчерпаны? Нет ли резервов?

Все эти барометры нашего хозяйственного развития показывают высокое напряжение всей хозяйственной системы. Баланс спроса и предложения выведен с дефицитом. Отдельные балансы промышленных товаров, являющихся фундаментом индустриализации страны—это балансы металлов черных и цветных, пиломатериалов, кирпича, цемента и других стройматериалов—показывают также дефицит, измеряемый от 5 до 25%. Тов. Коссиор на основе «житейского опыта», а не балансовых исчислений, жалуется на «невидимые хвосты за дефицитным материалом» внутри самого обеспеченного участка нашего хозяйства—в промышленности.

Значительно также напряжение на участке продовольственного снабжения. В 1929/30 г. обеспеченность хлебом, картофелем заметно повысилась, тем не менее в целом проблема продовольственного снабжения остается одной из трудных.

Еще в 1928/29 г. удельный вес средств производства и стройматериалов в бюджете крестьянина составлял всего 22%. В то же время в бюджете немецкого крестьянина средства производства составляли около половины (45%). Этот факт недостатка средств производства следует считать одним из основных в ряду прочих факторов, обусловивших хозяйственные диспропорции. С одной стороны, он обусловил недопроизводство с.-х. продукции, а при распыленности нашего хозяйства и крайнюю недостаточность его товарности. С другой стороны, он вызвал относительно повышенный спрос со стороны крестьянства на товары личного потребления, так как покупательный

фонд, не находя удовлетворения в средствах производства, обращался на товары личного потребления. Кроме того, как известно, основным лимитом развертывания легкой индустрии является недостаточность внутреннего с.-х. сырья, а не преуменьшенность капитального строительства, как это думают некоторые из наших экономистов.

Стратегия пятилетнего плана бьет по основным затруднениям. Бьет с той концентрированной и сокрушающей силой, какая только возможна в сложных условиях нашего хозяйства. На основе максимального подъема тяжелой индустрии, перспективный план перевооружает сельское хозяйство. Перспективный план куёт стальной, индустриальный хребет сегодня еще ползущему сельскому хозяйству. К концу пятилетия СССР должен превратиться в самую хлебную страну. Мы, вместе с тем, становимся одной из стран металла и электроэнергии.

Но только ли в будущем, хотя и довольно близком, наши резервы?

Может быть перенапряженность нашего хозяйства обуславливается не столько исчерпанием резервов на отдельных участках, не столько предельным напряжением отдельных элементов хозяйственной системы, сколько совершенно обратным: недостаточным вовлечением резервов в хозяйственный оборот на всех стадиях процесса воспроизводства, расточительным расходом материалов, неиспользованием огромных организационных ресурсов, какие таит в себе система планового хозяйства.

И если последнее окажется правильным, то предельны ли взятые темпы, или возможны большие?

1. Синодик потерь и темпы хозяйственного строительства

Начнем с решающей проблемы—проблемы дефицита средств производства и стройматериалов в народном хозяйстве.

По контрольным цифрам Госплана на 1928/29 г. дефицит по строительным материалам в процентах к потребности определялся следующим образом:

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Кирпич	10,1	15,1	18,1	17,5
Цемент	1,0	3,1	6,0	4,2
Известь	31,0	24,7	11,9	10,8
Алебастр	7,7	1,1	22,0	12,5
Лес круглый	22,3	5,9	14,5	18,8
Лес пиленный	10,0	20,0	18,0	16,1
Оконное стекло	19,6	24,0	30,9	23,6

По данным Всесоюзного Металлосиндиката и ВСНХ баланс черных металлов сводился следующим образом:

В тысячах тонн

Группы потребителей	1926/27		1927/28		1928/29	
	Потребл.	% удовл.	Потребл.	% удовл.	Потребл.	% удовл.
Транспорт	60.400	95,1	71.300	91,0	75.500	87,0
Наркоматы и учреждения	7.600	97,5	15.900	96,0	21.000	78,5
Металлопромышл. ГУМПа	108.300	91,5	133.218	87,4	157.300	77,2
" местная	80.200	75,2	33.000	87,2	33.700	66,0
Прочие неметаллич. промышленность	100.000	81,9	110.166	81,8	117.500	77,5
Коммунал. и строительство	67.000	79,4	76.833	73,6	83.000	57,7
Кустарн. промышленность	17.000	62,4	22.408	67,8	26.100	48,5
Индивид. потребности	77.000	68,2	86.400	60,5	91.000	56,6
Город и все прочие	2.500	—	1.775	—	4.450	81,2
Итого	470.000	82,3	549.027	80,0	609.550 ¹	71,0 ¹

По цветным металлам, несмотря на значительный импорт, баланс был сведен с дефицитом в 25%. При таких показателях естественно было ожидать заметного недовыполнения производственных и строительных программ.

Между тем из года в год, вопреки балансовым расчетам, производственные и строительные программы перевыполнялись. План, перенапряженный до нереальности, оказывался более чем реальным. Правда, в процессе его выполнения обнаруживались перебои в снабжении материалами предприятий, устанавливались «невидимые хвосты за продукцией» и нередко бывали аварии из-за перегрузки оборудования, особенно по металлургии. И все же... планы перевыполнялись.

Таким образом, между планом и действительностью создавался своеобразный разрыв. Что всего любопытнее, контрольные цифры и Госплана и ВСНХ упорно записывали разные проценты дефицита за прошлые годы, несмотря на то, что программа оказалась вполне обеспеченной. Таким образом система «объективных» показателей, определяющих плановое задание, находилась (и находится) в противоречии с задачами максимальной интенсификации хозяйственного развития. Балансы очевидно не учитывали каких-то крупных резервов или базировали свои расчеты на явно искаженных показателях². Но еще более крупным оказался разрыв между действительностью и возможностью. Оказывается, что «дефицитность» продукции обусловлена не столько недопроизводством, сколько расточительностью продукции в процессе ее использования; перебои в снабжении материалами промышленного происхождения объясняются не столько недостатком запасов, сколько затовариванием.

¹ Отпуск 1928/29 г. показан без учета резервов. При учете последних процент удовлетворения повысится до 77,6%.

² Оценку балансам производства и распределения см. в нашей статье «Проблемы качества и количества в советском хозяйстве», напечатанной в № 9 журн. «Экономическое Обозрение» за 1929 г.

Отделом рационализации одного из крупнейших металлообрабатывающих заводов Ленинграда («Красный Путиловец») был разработан валовой баланс металла; этот баланс представляет значительный интерес, так как на указанном заводе можно проследить судьбу металла от мартеновской печи до готовой продукции, выпускаемой обрабатывающими мастерскими. Отдел рационализации сообщает, что «баланс составлен на основе различных отчетных данных, документов и прочих отчетных сведений различных органов. Таким образом, в балансе помещен только металл, находящийся на учете. В виду того, что технический учет на заводе не носит систематического, организованного характера, не отличается точностью и во многих случаях вовсе отсутствует, то баланс представляет собой относительно более благоприятную картину, чем если бы был учтен весь металл, находящийся на территории завода».

По данным этого «более благоприятного» баланса использование металла характеризуется следующим образом:

	Всего	В том числе					
		Сдано по заказам	Внутрен. потребл.	Увелич. запасов	Потери		
					Угар	Отходы	Итого
В тоннах	7.755	3.210	405	453	877	2.810	3.687
В %	100	41,4	5,2	5,8	11,4	36,2	47,6

Только 41,4% всей металлопродукции, поступившей в обработку, сдано заказчику. Почти половину всего металла составляют угары и отходы. Из-за столь высокого процента отходов завод ежемесячно пускает в оборот лишь около половины «свежего» металла (3.668 тонн). При этом запасы «свежего» металла на заводе исчислялись в размере 60.000 тонн, т. е. составляли примерно $\frac{1}{10}$ потребность предприятия в свежем металле. «В это число не включен неучтенный (неорганизованный металл), запасы которого не так уж малы».

Можно ли при таких «напряженных» условиях работы говорить о напряженности выполненных, а тем более заданных темпов. Не объясняют ли, например, чрезмерные запасы и отходы металла затруднения в снабжении металлом других предприятий.

Тов. Рухимович, обследовавший в марте 1929 г. украинскую промышленность, отметил также значительный перерасход металла и дерева. Так, например, на заводе «Серп и Молот» он оценивает отходы металла в 40—50%, причем «на вопросы облегчения конструкций, лучшего использования сырья, путем уменьшения отходов—не обращено должного внимания». Тов. Рухимович далее указывает, что переводом производства старых типов моторов всех габаритов на

более облегченные может быть достигнута экономия до 60% металла.

Объединенному бюро жалоб НК РКИ было поручено произвести летучее обследование семи машиностроительных заводов: Мытищенского, Подольского, Коломенского, Люберецкого, Тормозного, «Динамо» и «Мельстрой» № 1 для проверки правильно ли используется чугун¹.

«Комиссия обнаружила целый ряд недочетов, при устранении которых можно получить большую экономию в расходовании чушкового чугуна, кокса и снизить брак. Даже небольшая экономия в 5—7% может дать примерно около 500 тонн в месяц. Как общее правило, на всех проверенных заводах можно отметить полнейшее безразличие к использованию отходов литейной. На свалку вместе с горелой землей нередко попадает, помимо угара, литейный чугун, а также бракованные, иногда даже годные детали. На заводе «Динамо» выбрасывают в свалку шлак, содержащий в отдельных случаях до 80% чугуна. На Подольском заводе умудряются чушковый чугун засыпать землей и глиной. Есть заводы, где брак в литейной доходит до 20—30%. На Тормозном заводе сушат песок, вливая в него горячий чугун» и т. д.

Весьма значителен перерасход металла в строительстве. Специалисты оценивают перерасход сортового металла в строительстве из-за несоответствия потребностям производимого ассортимента в 25—30%. А между тем, строительство потребляет свыше 600 тыс. тонн металла. По расчетам специальной комиссии, сделанным по заданию Госплана Союза, строительство расходует 67% лишнего металла при весьма распространенной замене катанки «ближайшим диаметром круглого сортового железа в 9,5 мм». При замене мелкосортного металла ближайшим диаметром среднесортного железа (что также весьма распространено) «непроизводительно теряется до 25—30% заменяемого металла».

Весьма робко идут наши строители на замену крайне дефицитного металла гораздо менее дефицитным и более доступным круглым лесом. Проф. Лахтин пишет следующее по вопросу о замене металла лесом²: «Одно из предубеждений против применения дерева в строительстве заключается в его стораемости... а между тем можно дерево сделать не воспламеняющимся при помощи пропитки его некоторыми солями аммония... Железо, подвергающееся действию высокой температуры, при пожаре очень быстро теряет свою прочность, хотя и не горит». Проф. Лахтин так кончает свою статью: «Замена в строительстве металлических и железобетонных конструкций деревянными является дважды экономически выгодным; с одной стороны, более дефицитный материал (чугун и железо) освобождается от применения в строительстве и идет на применение в машинострое-

¹ См. газету «Экономическая Жизнь» от 4/XII 1929 г.

² См. газ. «Экономическая Жизнь» от 4/XII 1929 г.

нии и в транспорте, с другой стороны—применение дерева в строительстве наиболее целесообразно, имея в виду, что оно является стойким в среде, неблагоприятной для металлических и железобетонных конструкций».

Мы не станем останавливаться на получивших скандальную известность данных о расточительности металла и дерева в мастерских транспорта, расточительности, граничащей с вредительством. Необходимо подчеркнуть, что технический консерватизм на транспорте, крайняя устарелость стандартов и технических требований, иногда вековая их давность, являются причиной значительного перерасхода материалов. В частности, несмотря на широкую известность преимуществ электросварки, таковая развивается далеко не в достаточном темпе. А между тем, по мнению специалистов, применение электро-сварки например в мостостроении может сэкономить до 25% металла.

Выше мы уже указывали, что дефицит цветных металлов исчислялся для 1928/29 г. в размере 19 тыс. тонн или 25% всей потребности. Ввиду невозможности покрытия дефицита была создана комиссия для выяснения размеров возможного сокращения отпуска цветных металлов без ущерба для производственной программы.

Комиссия установила, что возможно сокращение расхода цветных металлов на 7 тыс. тонн без какой-либо дополнительной технической проработки. Кроме того, возможна добавочная экономия цветных металлов в размере 27 тыс. т «не вызывающая, по существу, технических и практических возражений», но требующая «согласования» и проведения ряда мероприятий по линии сокращения запасов, замены черными металлами и суррогатами, облегчения веса перехода на штамповку от литья и т. д.

Если бы вся промышленность, перерабатывающая цветные металлы, провела с необходимой интенсивностью все намеченные мероприятия, то производственная программа—в той мере, в какой она зависела от фонда цветных металлов—могла бы быть увеличена на 25%, вместо угрозы сокращения на те же 25%. Сообщение «Экономической Жизни» от 3/XI 1929 г. свидетельствует о том, что мероприятия по сокращению расхода цветных металлов проводятся далеко не в достаточной мере.

Общую сумму потерь леса т. Майер исчисляет для 1928/29 г. свыше 60 млн. рублей. Более конкретные обследования использования леса в промышленности, на транспорте, в строительстве несомненно покажут, что названная цифра является более, чем скромной. Кроме непосредственных потерь лесопродукции народное хозяйство несет значительные потери из-за потребления и перевозки леса в сыром виде.

Следующей крупнейшей потерей является неиспользование топливных ресурсов, при весьма напряженном топливном балансе. «Данные, которыми располагает НК РКИ¹, говорят о том, что при

¹ См. «Экономическую Жизнь» от 2/XI 1929 г.

использовании топлива промышленность несет большие потери, которые в 1928/29 г. выразились в сумме свыше 300 млн. рублей», что составляет около половины всего топлива, сожженного на теплосиловых установках промышленности. Так, например, «на Харьковском паровозостроительном заводе, целиком электрифицированном, потери в одних лишь трансмиссиях составляют 52% от всей передаваемой трансмиссиями механической энергии. Если учесть потери в распределительной сети, трансформаторах, моторах, а затем при передаче энергии от районной станции до завода, то общая потеря энергии возрастет до 70%».

Столь же расточительно расходование наиболее дефицитных стройматериалов. Вот как оценивают материалы НК РКИ² возможность ослабления, преодоления дефицита: «Этот дефицит строительных материалов во многих случаях можно изжить, даже не увеличивая его производства, а лишь заменяя одни материалы другими и строя более облегченные конструкции. В то время как в Германии, Соединенных Штатах и даже в Швеции и Норвегии, при довольно суровом климате, стены для жилищ строятся из одного и полутора кирпича с разными изоляциями: торфолиум, камышит, или стены с воздушными прослойками и герардовская система кладки кирпича, у нас, несмотря на то, что некоторые системы довольно известны и даже употребляются в отдельных местах, мы строим дома из 2½ кирпичей и редко в 2 кирпича. Применяя у нас вышеуказанные конструкции строительства по плану жилищного строительства 1928/29 г., можно получить экономию около 500 млн. кирпичей. Заменяя в промышленном строительстве кирпич бетонным камнем, а также употребляя облегченную укладку кирпича там, где конструкция это позволяет, можно получить экономию около 1.000 млн. кирпичей. Оба мероприятия дадут нам экономию в 1.500 млн. кирпичей и выведут из дефицита. Если к этому прибавить, что наши старые кирпичные заводы были загружены только на 70%, то при полной загрузке их у нас не будет не только дефицита, но у нас будет довольно большой излишек.

В отношении цемента у нас та же картина. Стены домов строятся у нас на смешанном растворе, т. е. на смеси цемента, песка и извести, в то время как в Европе и в Америке только на известковом растворе; то же самое для заполняющих стен в промышленном строительстве. При железобетонных работах на Западе уже употребляется система Абрамса Графа, которая дает экономию в цементе 10% и больше, и которую возможно применить у нас при ничтожных затратах. Применение этих мероприятий даст нам излишек в цементе, а не дефицит.

Что касается балок, швеллеров, проволоки-катанки, сортового железа и фасонного, стали и кровельного железа, то, заменяя одни материалы другими, например, железные стропила деревянными, уве-

² См. сборник под редакцией А. Гольцмана, «Резервы в народном хозяйстве» (стр. 69, 70, 71).

личивая напряжение на железо с 1.200 кг до 1.400 кг на кв. см (предлагаемое Техническим советом ВСНХ), покупая балки, швеллера не в торговых длинах, как теперь практикуется (которые дают от 5 до 15% отходов), а в точных размерах, запрещая контролирующим организациям утверждать проекты, употребляющие железо в местах, не вызываемых необходимостью (в жилищном строительстве часто употребляются железные балки не вызываемые необходимостью), заменяя кровельное железо толем, шифероруберойдом, черепицей и др., дефицит в железе в 1928/29 г. мог бы быть если не изжит полностью, то во всяком случае очень смягчен.

Если же принять во внимание, что строительные организации, во избежание перебоя в работе, покупают больше дефицитного материала, чем нужно (что было выявлено строительной группой РКИ в процессе обследования строительных контор), то можно с уверенностью сказать, что при проведении вышеуказанных мероприятий, а также при более четком контроле за покупками дефицитных материалов, кризис дефицитных материалов мог быть в 1928/29 г. изжит».

В задачи нашей статьи не входит анализ и систематизация причин, обусловивших перечисленные потери в народном хозяйстве. Необходимые мероприятия частично уже намечены Госпланом и вносятся в правительство, частично прорабатываются. От интенсивности и качества их выполнения будут зависеть размеры и сроки реализации этих резервов. Мы хотели только слегка приподнять завесу средних показателей наших плановых документов, за которыми скрываются богатейшие ресурсы. Не прибегая даже к средним и суммарным экстраполяциям, можно прямо сказать, что на одном из напряженных и решающих участков народного хозяйства имеются залежи, груды скрытых резервов. Темп индустриализации, а следовательно и темп преодоления частных затруднений, темп продвижения к социализму может быть заметно увеличен. Борьба за темпы — это борьба за качество хозяйственной системы.

Особенно ярким показателем «скрытых ресурсов» являются данные о размере запасов наиболее дефицитных материалов в промышленности, на транспорте, в строительстве; характерно, что эти данные, относящиеся к наиболее планируемому участку хозяйства, были получены не от ЦСУ, не от статистико-учетных органов самих ведомств, а от... НК РКИ и от инспекции ВСНХ.

Нужно сказать, что отличительной чертой балансов важнейших товаров производственного назначения являлось отсутствие данных о запасах. При ближайшем ознакомлении выяснилось, что сведения о запасах, в том виде, как они нужны для планирования производства и снабжения, не имеются даже у директоров предприятий. Естественно, что они вовсе отсутствовали в наших балансах. Более детальное рассмотрение данных о состоянии запасов в обобществленном секторе нашего хозяйства показало, что те данные о запасах, кото-

рые нам обычно представлял ВСНХ—являются той общей «средней» абстракцией, которая наводит туман, но не вскрывает истинной картины.

Как известно, к концу октября запасы сырья сельскохозяйственного происхождения остаются в минимуме. При этом запасы материалов промышленного происхождения оказываются значительно больше. Но в ВСНХ все сие суммировали, а сумму относили к валовой продукции и получали относительно скромную цифру запасов. Произведенное анкетное обследование РКИ выявило, что только по 28 крупным трестам сумма возможной дополнительной мобилизации внутрипромышленных ресурсов определялась примерно в 200 млн. рублей. Запасы определялись в размере 5—6-месячной потребности, в то время как сами промышленные предприятия говорили, что при наличии центральных питательных баз с запасами до 1-2 месяцев—на самих предприятиях вполне достаточны, в среднем, месячные запасы материалов.

Последовавшие затем обследования инспекции ВСНХ (летом текущего года) полностью подтвердили выводы НК РКИ. Задачей обследования было выявление возможных излишков наиболее дефицитных материалов «общепромышленного потребления» (металлов, химикатов, стройматериалов, электротехнических материалов и т. п.).

По данным инспекции ВСНХ запасы названных материалов в крупнейших промышленных пунктах определяются в размере свыше 6-ти месяцев.

Значительный интерес представляет дифференцирование названных средних данных по крупнейшим промышленным предприятиям по важнейшим товарам.

Возьмем наиболее организованную, планируемую промышленность—ленинградскую. Расход названных выше дефицитных материалов по 14 крупнейшим предприятиям составил в 1927/28 г. около 18,5 млн. рублей, а только за 1-е полугодие 16 млн. рублей. Эти данные характеризуют темп разворачивания работ. Казалось бы, что при остром дефиците в материалах и при столь интенсивном развертывании работ, запасы должны были либо понизиться, либо упасть до минимального предела, а между тем данные совсем не подтверждают нашего предположения.

Запасы в оборото-днях	Невский завод	Балтийский завод	Красн. Выборж.	Знамя Труда" зав. № 1	Знамя Труда" зав. № 2	Знамя Труда" кооператор	Тремасс—зав. Промет.
За 1927/28 г.	219,5	264,7	148,7	165,1	90,9	133,3	114,6
За 1-ю полов. 1928/29 г. . .	187,4	287,7	146,3	117,6	101,1	173,0	92,7

Запасы, как видно, превышают шестимесячную потребность заводов и обнаруживают довольно слабую тенденцию к относительному снижению, несмотря на «напряженность темпов».

Запасы в оборото-днях	Зав. "Красная Заря"	Электроток 1-й ЛХС	Божтест ф. Скороход	Зав. "Красный Треугольник"	Лентекс. ф. Халтурина	Ленжет Нев. Стел. рин. зав.	Крестовский зав.	Всего
За 1927/28 г.	195,6	255,3	272,7	202,2	173,0	89,1	155,1	203,4
За 1-ю полов. 1928/29 г. . .	185,5	333,3	155,1	140,6	134,3	124,1	126,7	191,5

По тем же предприятиям приводим данные о размере запасов наиболее дефицитных материалов.

Запасы в оборото-днях	Металлы	Балки и швеллера	Сталь разн.	Металлоизделия	Арматура	Трубы	Инструменты	Цветн. прокат. металл
За 1927/28 г.	148,7	257,1	339,6	203,3	352,9	274,8	194,5	192,5
За 1-ю полов. 1928/29 г. . .	157,8	204,5	230,7	272,7	305,0	230,7	144,0	169,8
Всего	—	—	—	—	—	—	—	—

Запасы в оборото-днях	Элек.техн. изделия	Ремни, шиф. изд. и пр.	Химич. товары	Моск. и лако-крас. изд.	Силик. строител.	Лесные материалы	Прочие вспомогат.	Всего
За 1927/28 г.	324,3	349,5	184,6	168,2	201,1	177,3	144,0	203,4
За 1-ю полов. 1928/29 г. . .	339,6	272,7	132,3	134,0	236,8	187,5	145,1	191,5
Всего	—	—	—	—	—	—	—	—

В приведенной таблице характерен не только уровень запасов, но и динамика их. Относительные (к интенсивно повышающейся производственной программе) запасы наиболее дефицитных товаров—повышаются, менее дефицитных—понижаются. Так по трубам, балкам, стали, инструменту, цветным металлам—запасы увеличиваются. Не в этом ли «секрет» обострения их дефицита? В то время как по одним товарам имеются 2-летние запасы товаров, а в некоторых случаях даже 6-летние, по другим сортам товаров запасы не превышают 2-недельной потребности. Но если обследовать запасы всех предприятий, то выяснится, что на одном предприятии имеется значительный запас того, чего нет в других предприятиях. Сейчас в Ленинграде идет жесткое распределение карборундовых кругов, а между тем на одном из крупнейших заводов Ленинграда имеется многолетний запас этих карборундов.

Летом 1929 г. была проведена ударная кампания по мобилизации внутрипромышленных ресурсов. Но эта мера могла способствовать лишь временному уменьшению затоваривания (да и то при неизбежных перебоях в производственном процессе отдельных предприятий), но не устранить причины. Для этого необходимо перестроить систему связей между производителем и потребителем.

Уже после кампании по мобилизации ресурсов сталинградская РКИ¹ нашла на заводе «Красный Октябрь» почти на 2 млн. рублей материалов, валяющихся беспризорно. Складское хозяйство иначе не назовешь, как кладбищем металла. Учет отсутствует. Для того чтобы выбрать что-либо годное, надо порыться прежде всего в грудах железа. Т. П. О. завода сделал заказ на два котла, стоимостью в 18 тыс. рублей. Заказ шлют заводу на исполнение, а комиссия РКИ находит среди лома два вполне исправных котла. В цехах годами лежат целые склады выполненных заказов, сделанных другими цехами того же завода. Эти заказы давно аннулированы.

При осмотре складского хозяйства одного из крупнейших заводов в ноябре 1929 г. мы обнаружили, что из запасов на 4 млн. рубл. имеется, примерно, на 700 тыс. рубл. товаров, которые заводу никогда не потребуются, и которые безмятежно отдыхают на заводских складах в течение многих лет. На другом заводе совершена была сделка по приобретению партии цветных металлов, заводу вовсе ненужной. Коммерческий директор приобретал эти товары с расчетом в последующем обменять их с другим заводом, который нуждался в этих товарах, но у которого в излишке были товары, необходимые для производства первого завода.

Такова в действительности диалектическая взаимозависимость между «товарным дефицитом» и «затовариванием». Это явление, неизбежное в условиях капиталистического хозяйства, недопустимо в плановом хозяйстве. Очевидно, преимущества планового хозяйства далеко еще не осознаны нами и не реализованы в практике нашего хозяйства. Мы зачастую еще слепо копируем организацию капиталистического хозяйства в тех областях, где объективные данные позволяют нам обогнать его.

На транспорте было также обнаружено, что установленные нормы материального снабжения (которые составляли на первое января 1929 млн. рубл.) были транспортом превышены на 162 млн. рубл. А между тем и установленные нормы являются весьма либеральными.

Выявленное на транспорте «затоваривание» имеет место не только по «малоходовым» изделиям, но и по самым дефицитным.

Запасы Октябрьской железной дороги в 1928/29 г. в оборотных днях определялись в размере 207 дней, а по следующим товарам ставили: по металлам и стали 215 дней, по металлическим изделиям и арматуре—270 дней, по инструментам—251 день, по цветным метал-

лам—225 дней, по электротехническим изделиям—318 дней, по трубам—350 дней и т. д.

На Екатерининской ж. д. выявлено имущества на 2,4 млн. рубл., в том числе половина металла, при том нового, не бывшего в употреблении. В течение полутора лет на складах этой дороги лежало 11 вагонов красной меди, завезенной из Карской экспедиции. На южных дорогах имеется запас сортового железа на 8 лет. На Уссурийской дороге паровые машины лежали без движения 5 лет, а крестовины—10 лет. На Московско-Курской железной дороге излишние запасы оцениваются в 21,6 млн. рубл. и на 126% выше нормы. В то же время дорога требует увеличения снабжения, угрожая срывом производственных программ. По словам инж. Лямерц (начальника Кельнских ж.-д. мастерских), знакомящегося с работой наших мастерских, материальное хозяйство поставлено совершенно неудовлетворительно. В требованиях и расходах материала наблюдается полнейшая бесплановость. Имеются совершенно «беспризорные» материалы, громадные ценности, которые ускользают от контроля. Мастерские и дворы завалены кучами старых и новых материалов, которые еще могут быть использованы.

В имеющихся данных о состоянии запасов Госречпароходства, коммунальных хозяйств повторяется та же картина значительного затоваривания.

Если бы все эти ресурсы были реально мобилизованы, если бы к ним были присоединены огромные материальные резервы, идущие ныне в угары, брак, отходы, или напрасно замурованные в различного рода сооружениях, или висящие ненужным грузом в утяжеленных конструкциях машин, станков, оборудования—наши плановые задания были бы признаны не столько напряженными, сколько преуменьшенными.

Далее, наши продовольственные затруднения. В какой мере они являются результатом недопроизводства с.-х. продукции и в какой результат хищнического ее использования.

Распыленное сельскохозяйственное производство обуславливает крупнейшие потери с.-х. продукции и в момент засева, и в процессе созревания, и в процессе уборки с.-х. продуктов. То же и в области ухода за скотом. Это значительно понижает наши ресурсы у самого истока их.

Одни полевые вредители съедают столько же, сколько 100 млн. крестьянского населения. По имеющимся подсчетам при затрате на 1 рубль химических средств для борьбы с вредителями достигается экономия с.-х. продукции на сумму 37 рублей. Стоит только всю проблему борьбы с вредителями взвесить на весах потерь, как сразу становится ясным, что на этом участке мы страшно отстали, что здесь недостаточны те меры, которые многими определяются как интенсивные. С особой силой нужно будет заострить внимание и химической промышленности, и органов НКЗема на разрешении в кратчайший

¹ См. «Экономическую Жизнь» от 30/X 1929 г.

срок указанной проблемы. Если молодость нашей химической промышленности и раздробленность до последнего времени сельского хозяйства могли служить фиговым листком, прикрывающим позорное отставание на одном из важнейших участков народного хозяйства, то потери сельскохозяйственной продукции в сфере обращения, в значительной мере обобществленной, следует признать глубоко ненормальным.

Ссылки на недостаток технической базы далеко не оправдывают тех потерь, какие мы наблюдаем на пути от производителя к потребителю. Имеющиеся материалы убеждают нас в том, что и наличная техническая база используется крайне неудовлетворительно. Вопросами потерь с.-х. продукции в процессе обращения специально занималась торговая секция Украинского Госплана, в частности т. Свищев.

Вот, что он сообщает.

По данным Плодоспилки 30% фруктов портится на месте и не поступает в дальнейший оборот. «В действительности—пишет Плодоспилка—не будет большой ошибкой, если мы скажем, на основании нашего опыта за последний год, что эту цифру надо увеличить вдвое, ибо даже товар, приведенный в ликвидное состояние, оказывается слишком слабым и не выдерживает длительного хранения».

Тот же процент мы наблюдаем и по овощам.

По мнению РКИ УССР «такой высокий процент порчи зависит в значительной мере от того, что приемка и хранение на станциях отправления проводится плохо. Овощи и картофель, как правило, просто сбрасываются на землю, не имеется специальных навесов от дождя; навалка производится железными лопатами, что обуславливает процент порчи в 10—15% (нормально 2—3%)». Это заключение РКИ было сделано на основе «нормальной» практики отгрузки овощей еще до картофельной эпопеи.

Весьма значительны также потери мяса, масла, яиц, рыбы. Тов. Свищев оценивает «потери в сфере обращения в 31—35% от всей продукции, поступающей от с.-х. производства в товарооборот». «Конечно—пишет он—все эти потери не представляются возможным сбересть. В каждом из звеньев должна будет существовать так называемая «нормальная» потеря. Но если даже отбросить эту нормальную потерю, то мы все же теряем около 25% всей товарной продукции вследствие «ненормальной» порчи». В денежном выражении эти ненормальные потери составляют 100 млн. рубл. для одной Украины. Значительны также потери продовольственных продуктов в самом процессе потребления. Р. Кучинский исчисляет потери в довоенной Германии в процессах потребления в размере 22% всех потребляемых калорий.

Р. Пирль, автор большого исследования о народном питании в САСШ, оценивает потери в питании САСШ: белков—5%, жиров—25% и углеводов—25%.

Исследования отбросов в Нью-Йорке показали, «что 27% найденных отбросов были еще годны к употреблению в тот момент, когда они были брошены в помойное ведро. Из них $\frac{1}{3}$ составляли хлеб и $\frac{1}{6}$ —мясо». Нам неизвестны данные о потерях в процессе потребления в СССР. Думаем, что они не на много ниже «заграничного уровня», если не выше.

Неоднократно поднимался вопрос об организации сбора домашних отбросов. Приводились исчисления, которые сулили таким образом вовлечение в оборот добавочного сырья для переработки и экспорта на сумму до 200 млн. рубл. Однако до сих пор этот вопрос практически мало продвинулся.

Надо полагать, что процессы обобществления питания, если они будут подняты на иной качественный уровень, а также более широкая научная проработка вопросов питания, сопутствующая процессам обобществления—позволит более радикально решать и вопросы использования продукции, в частности, в виде отбросов.

1929/30 г. сделал гигантский скачек в области обобществления производства и распределения с.-х. продукции. Это создает чрезвычайно благоприятные условия для организованной, целеустремленной борьбы за повышение использования с.-х. продукции. Приведенные данные показывают, что на этом пути имеются значительные ресурсы, могущие заметно облегчить продовольственное напряжение. Нужно их поднять и довести до потребителя.

Мы только едва приподняли завесу средних, или суммарных, всесоюзных показателей, за которыми скрывается море потерь.

Мы показали только некоторые виды прямых материальных потерь, мы показали вскрытые залежи иммобилизованной продукции. Но это только капля в море.

А потери от замедленности производственных, строительных процессов, от неиспользования транспортных средств, от неиспользования наличных и потенциальных энергетических ресурсов человека, стихии и т. д., и т. д.

Огромное количество потерь может быть устранено сегодня-завтра мероприятиями несложными, не столько требующими капитальных затрат, сколько доброй воли. Другие потери могут быть преодолены только в перспективном, генеральном плане, но их нужно осознать сейчас, в борьбу с ними нужно вступить немедленно. Идея их преодоления должна быть положена в основу генерального плана, но часть мероприятий можно осуществить на отрезке ближайших контрольных цифр.

При обсуждении контрольных цифр транспорта на 1929/30 г. Г. М. Кржижановский выдвинул перед транспортниками генеральную задачу—повышения эффективности двигательной силы.

Транспорт обладает наибольшими ресурсами двигательной силы—в 10 млн. лошадиных сил. Но эти ресурсы используются до

смешного мало. Коэффициент их полезного действия определяется в пределах, кажется, 10%. Из 10 млн. лошадиных сил—9 исключаются из хозяйственного оборота страны. Тов. Кржижановский выдвинул идею такого сочетания интересов транспорта и районного хозяйства в деле использования двигательной силы, при котором коэффициент полезного действия был бы значительно увеличен. Каждый день промедления в ее осуществлении является не только потерей грандиозных возможностей, но и расширенным воспроизводством потерь, обусловленных ростом транспорта на старой энергетической базе. Но рядом с такой генеральной задачей имеются совсем близкие задачи, с разрешением которых мы даже запоздали. Решение этих задач не требует крупных капитальных затрат и, во всяком случае, они по плечу текущему или ближайшему году.

Объективные предпосылки для планирования, во времени и пространстве, подавляющей части перевозок—вполне созрели. Однако, практика применения действительно плановых перевозок—очень ограничена, если не сказать больше. Сахаротрест проделал необходимую работу по переводу своих перевозок на плановые рельсы. В результате—экономия исчисляется в размере до 30%. Эта цифра является косвенным показателем возможных результатов от повышенного использования перевозочных средств. Этот процент экономии можно считать показательным для определения примерной эффективности от реального перехода на всеобщее планирование перевозок. Как известно, Резинотрест производит галоши только на двух предприятиях: в Москве и Ленинграде. Вся продукция продается за год вперед по генеральным договорам с областной и республиканской кооперацией и госторговлей. Кроме того имеется специальное Акционерное общество «Транспорт», задачей которого является концентрация грузов разных отправителей для обеспечения отправки полнотонных вагонов или даже маршрутов. И тем не менее, только 23% всех галош отправляется полнотонными вагонами, остальные—мелкими партиями. Оказывается, что система тарифов не стимулировала до сих пор грузоотправителей к укрупненным отправлениям. Предложенная хозяйственными организациями система веерных отправок¹ встречала на практике непреодолимые затруднения и в результате—недоиспользование перевозочных средств и замедление грузооборота.

¹ Сущность веерной системы заключается в следующем:

Товар, предназначенный для целого ряда пунктов, расположенных по одному направлению, отправляется полнотонным вагоном с применением партийного тарифа (ныне применяется тариф мелких отправок) до центрального для данного района пункта, являющегося переломным. В данном пункте предназначенный для него товар выгружается, а остальной, без вывоза его со станции, уже мелкими партиями (веером) отправляется в остальные пункты по всем направлениям, кроме обратного. Эта система дает возможность значительно повысить использование подвижного состава транспорта (крайне недостаточного), ускорить капиталоборот, благодаря ускорению продвижения грузов, сократить хищения и потери товара в пути, избежать обратных перевозок.

Проведенная в Госплане СССР работа по изысканию путей рационализации тары совершенно неожиданно вскрыла, какие крупные транспортные ресурсы остаются неиспользованными.

Выяснилось, что в нормальный 16,5-тонный вагон из-за разных размеров и громоздкости бочек грузится всего лишь 10-ю т растительных масел.

А между тем при установлении стандарта на бочку от растительного масла в 0,41 т, полезная емкость вагона может быть использована на 100%. При общей перевозке растительных масел в 362 тыс. т и средней дальности перевозок в 1 100 км, транспорт теряет при перевозке масла от неиспользованной емкости вагонов свыше 2 млн. руб. и 154.464 вагоно-дней.

Другой пример с хлопком.

Средняя нагрузка нормального вагона советским хлопком составляет 10,3 т. Импортный, американский хлопок при упаковке его в рулоны грузится по 14 т в вагон. При правильно поставленной прессовке хлопка можно достигнуть 100% использования вагонной емкости. Но даже по сравнению с перевозками американского хлопка транспорт теряет свыше 2 млн. руб. и 210 тыс. вагоно-дней.

Перевозка сена и соломы производится в еще менее благоприятных условиях.

Ныне установленная норма погрузки сена и соломы в крытый вагон равна 7 т (фактическая норма колеблется между 5,5—6,1 т) и 10 т на платформе, в то время как в довоенное время соответственно были установлены нормы в 10 и 12,3 т.

В условиях планового хозяйства минимальные нормы должны быть равны 10,8 т в крытом вагоне и 15,75—16,5—на платформе. Эти нормы могут быть достигнуты за счет лучшей прессовки и установления размера кипы, наиболее отвечающем кратности вагона. Из-за неэкономной загрузки вагонов сеном и соломой, транспорт напрасно загружает при перевозке 709 тыс. т сена (масса, перевезенная в 1925/26 г.) 450.000 вагоно-дней и 4.610 паровозов.

В нынешней практике перевозки с.-х. машин (перевозка которых должна гигантски увеличиться в ближайшие годы) использование вагонной емкости едва достигает одной трети, а между тем отдельные предприятия с.-х. машиностроения, благодаря стандартизации упаковки, уже достигли использования 66% емкости вагонов.

Мы не станем более множить этих данных, но и приведенные свидетельства о недоиспользовании значительных транспортных ресурсов, по причинам более чем неуважительным для планового хозяйства.

Все перечисленные потери на транспорте, обусловлены были бесплановостью, разрывом на стыке транспорта с грузоотправителями. Но вот имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят о том, что транспорт с наибольшей расточительностью осуществляет «свои собственные» перевозки. Как известно, директивными и правительствен-

ными органами была проведена большая, напряженная кампания по сокращению технической звенности, по максимальному выпрямлению путей товаропродвижения. Оказывается, эта кампания докатилась только до ворот транспорта и здесь тихо умерла. Товар, потребляемый транспортом, как правило, завозится от поставщика на главный склад дороги; оттуда через некоторое время, часто самое короткое, этот товар вновь погружается в вагоны и отправляется на участковый склад. Участковые склады расположены по обе стороны главного склада; нередко, поэтому, товар с главного склада увозится в обратном направлении. С участкового склада товар движется затем на склады потребителя. Транспортные услуги оказываются самыми дорогими для самого же транспорта. Не потому ли, что они «даровые»? При таких условиях трудно рассчитывать на проектировку мероприятий, повышающих народнохозяйственную эффективность.

В сентябре месяце, а еще более в октябре, обнаружались значительные затруднения с перевозкой хлеба и картофеля. Потребовались энергичные действия прокурора для того, чтобы ликвидировать транспортные пробки, закупоривающие движение.

13 ноября с. г. работник НКПС т. Бессонов поместил в печати данные, характеризующие неравномерную среднесуточную нагрузку по месяцам. Эти данные охватывают 4 года—1925/26 г., 1926/27 г., 1927/28 г. и 1928/29 г. Следовательно, эти данные могли быть использованы их автором с таким же успехом и до контрольных цифр. Автор резюмирует свои расчеты следующим образом: «16% огромного основного капитала ж.-д. транспорта, суммой не менее 1,5 млрд., работает только один месяц в году и свободно могли бы быть обращены на другие цели (в том числе и на самом транспорте), если бы мы организовали равномерное движение грузов по месяцам. В переводе на язык цифр это означает, что мы затрачиваем основные фонды транспорта—размером в 1,5 млрд. рубл.—чтобы избежать расходов на сооружение 250—300 млн. рубл. Невольно хочется вместе с автором воскликнуть: «Нечего сказать, хорошенькая социалистическая арифметика». Такие ошибки не могли не отразиться на контрольных цифрах, представленных НКПС'ом. Пойдут ли теперь работники НКПС'а на исправление плановых ошибок. Еще не поздно. Уступят ли они в новом строительном сезоне 250 млн. рублей в пользу складского строительства. Хватит ли мужества на реальные мероприятия?

Кстати, прежде чем окончательно решить вопрос об адресате использования этих 250 млн. рублей, мы советуем экономистам из НКПС'а обратить внимание на следующих два фактора: во-первых, на степень использования наличного складского фонда и в частности того фонда, который имеется в распоряжении НКПС. Благо, по поручению правительства такое обследование произведено. Имеются бесспорные резервы. И, во-вторых, приведенные нами выше факты об использовании подвижного состава даже в период «когда транспорт равномерно загружен» свидетельствует о том, что «равномерная за-

грузка» это далеко не полное решение проблемы. Советуем также подсчитать т. т. из НКПС'а, какая часть основного капитала транспорта работает вхолостую даже в период полной его загрузки, даже при перевозках материалов, потребляемых самим транспортом. Транспорт, связывающий производителя с потребителем, представляет тот участок народного хозяйства, на котором с наибольшей полнотой выявляются наши огромные потери, обусловленные недостаточной активизацией, недостаточным использованием грандиозных плановых преимуществ нашего хозяйства.

Все описанные выше потери показывают, что на данном этапе советского хозяйства еще весьма значительны потери, обусловленные не столько нерациональной организацией каждого трудового процесса, взятого в отдельности, сколько еще неплановостью в использовании труда во всем общественном производстве, взятом в целом, и, в частности, на самих плановых его участках.

Особенно значительны потери энергии человека в домашнем и сельском хозяйстве, хотя какие гигантские ресурсы «топлива» (продовольствия, одежды) затрачиваются на производство и поддержание этой энергии. По данным обследования РКИ только в домашнем хозяйстве затрачивается около 4 млн. рабочих дней, в то время как во всей нашей промышленности занято немногим более двух миллионов человек.

Итак от угара, браков, отходов в отдельной производственной ячейке, до сложнейших проблем генерального плана, но проблем, требующих активного плана действия уже сегодня! Два ряда потерь. По обеим нужно открыть огонь сразу. Они органически между собой связаны. Такова диалектика планового хозяйства. В этом—одно из его крупнейших преимуществ.

II. Борьба с потерями

Борьба с потерями широко развернулась в капиталистических странах. Совершенно небывалые материальные и энергетические потери, какие терпело мировое хозяйство в период войны, поставили в упор задачу иной организации народного хозяйства.

Классический образец новой организации хозяйства в период войны, показали Германия и, в значительной мере, САСШ.

Однако задачи и идеология этого «планового хозяйства» были крайне отрицательны по своей природе («все для войны»). В основе всего этого плана лежала игра противоположных разнородных интересов (временно породнившихся) капиталистических групп, группочек и лиц. Ясно, что эта карикатура на плановое хозяйство неминуемо будет взорвана развитием капиталистических противоречий, перманентными кризисами и крахом капиталистического строя.

Американский экономист Чез, в своей известной книге «Трагедия расточительности», с тоской вспоминает о золотом периоде американ-

ского хозяйства, когда был установлен «военный контроль над промышленностью». Он приводит следующее заявление Совета национальной обороны Соединенных Штатов: «Промышленные и экономические достижения Америки во время войны, несмотря на уменьшение рабочей силы и отвлечение производительного труда для работы на нужды войны, показывают полную возможность для народа поддерживать для своего населения уровень жизни на той же высоте, что и до войны и даже выше». Чэз задается вопросом: «Как это случилось? Что за чудо произошло?»

Чэз не учитывает одного из источников этого чуда: ограбления Америкой других стран на военных поставках, до и после вступления в войну, обогащения за счет обнищания других стран. Тем не менее ответ Чэза весьма характерен. «Что за чудо произошло. Никакого чуда, только здравый смысл. Воюющие нации, ставшие лицом к лицу с великой национальной опасностью, и действующие под влиянием того психологического единения, которое создается у групп людей под влиянием общей опасности, реорганизовали свою промышленную систему, принимая за основу ту простую истину, что прямая линия является кратчайшим расстоянием между двумя точками. В мирное время об этом принципе забывают; так, например, в 1925 г. он уже не применяется».

Гигантское обострение классовых интересов в послевоенный период постановило в упор перед капиталистическим хозяйством проблему широкой рационализации. Во главе рационализаторского движения в Америке, развернувшегося под флагом «борьба с потерями», встал крупный организатор, нынешний президент Гувер. Мы не станем описывать историю этого движения. В советской литературе имеются достаточные материалы, освещающие это движение. Нас интересуют результаты. Несмотря на проделанную большую работу по изучению потерь в американском хозяйстве (преимущественно в промышленности), несмотря на участие в этом движении крупнейших экономистов и инженеров, предварительные итоги этого движения для народного хозяйства оцениваются в 600—700 млн. рублей (не считая автомобильной промышленности), вместо возможных 15 миллиардов рублей. В борьбу с потерями были втянуты сотни предприятий и сотни тысяч рабочих. Деловые американцы агитировали и словом и долларом. Поступало не мало ценных предложений, но... борьба с потерями велась широким, распыленным фронтом, причем каждое предприятие действовало совершенно изолированно. Вот что писал Ленин о капиталистической рационализации: «Все эти громадные усовершенствования делаются против рабочего, ведя еще к большему подавлению и угнетанию его и при этом ограничиваясь разумным, рациональным распределением труда внутри фабрики. Естественно, является мысль: а распределение труда внутри всего общества?.. А во всем общественном производстве остается и растет хаос, приводящий к кризисам, когда накопленные богатства не находят покупателей, а мил-

лионы рабочих гибнут и голодают, не находя работы». (Сочинения, 2 изд., т. XVII, стр. 248).

В настоящее время мы являемся свидетелями чрезвычайно интересной попытки перевести борьбу с потерями на «плановые» народно-хозяйственные начала. Америку начинают уже трясти первые приступы обычной капиталистической лихорадки, приступы нового кризиса. Гувер разворачивает кампанию по преодолению надвигающейся болезни. Им разработана программа действий. Содержание ее известно, но по замыслу—это что-то вроде «контрольных цифр» американского хозяйства. Эти «контрольные цифры» Гувер как президент, «рекомендует» в качестве лекарства «капитанам» крупной индустрии и банкирам. Однако американский буржуа считает себя вылечившимся лишь тогда, когда гибнет его конкурент. И каждый спасается на свой лад. Газеты сообщают, что на следующий день после совместного заседания президента с промышленниками, обещавшими «процветать»—Форд, наиболее дальновидный из них, остановил работу двух своих фабрик.

Надо полагать, что и эта новая фаза движения по борьбе с потерями даст в результате те же ножницы между «планом и действительностью», что и прежняя.

Как стоит проблема потерь в советском хозяйстве? Как нужно подойти к решению этой проблемы?

О том, что наши потери чрезвычайно велики—свидетельствует первая часть нашей статьи. Но что такое потери в советском хозяйстве?

Это—неиспользованные для блага трудящихся материальные и энергетические ресурсы—наличные и потенциальные—вполне достижимые при нашей, наиболее высокой во всем мире, социальной структуре народного хозяйства, и даже при нынешнем уровне производительных сил и состоянии наших технических знаний. Организационные дефекты в нашем хозяйстве, недостаточная выявленность этих ресурсов и недостаточно активное творческое развертывание работ по поднятию уже выявленных ресурсов, все это можно и должно устранить в ближайшее время.

Борьба с потерями в советском хозяйстве это—социалистическая рационализация. Социалистическая рационализация возможна только на основе единого хозяйственного плана.

Но могут ли наши контрольные цифры в настоящее время служить базисом для того, чтобы от них можно было отправиться на борьбу с потерями? Думаем, что далеко не в достаточной мере. Приведенные нами вначале данные о качестве наших балансовых расчетов частично свидетельствуют об этом. В наших контрольных цифрах преобладают количественные показатели. Такие крупнейшие плановые проблемы как вопрос о межрайонных и внутрирайонных связях, являющиеся решающими при отыскании путей преодоления потерь,—не выявлены. В наших контрольных цифрах проблемы качества нашего хозяйства в тени, а между тем эти незримые качественные

процессы обуславливают решающие сдвиги. Мы уже указывали на то, что при составлении контрольных цифр мы явно недооценивали наших ресурсов. Многие из товарищей, оценивавших перспективу только сквозь призму разрозненных количественных показателей, находили опору в конъюнктурных напряжениях, свидетельствовавших, однако, не столько об исчерпании ресурсов, сколько о недостаточном их использовании.

Наши контрольные цифры недостаточно выявляют все преимущества планового хозяйства. На это указывал и тов. Кржижановский, сославшись в виде примера на то, что социалистическое соревнование не было учтено в контрольных цифрах на 1928/29 г. Пятилетний план не учел крупнейших ресурсов, связанных с введением непрерывного производства. И нужно прямо сказать, что основной опасностью для нашего генерального плана и последующих контрольных цифр, которые должны решать крупнейшие реконструктивные задачи, является крайняя недостаточность качественных показателей. Мы имеем уже образец того, как не надо составлять генерального плана. Это гипотеза т. Сабсовича, построенная в основном на одном допущении, что наша промышленность будет увеличиваться ежегодно на 20%. Эта, еще столь недавно смелая в глазах многих людей, гипотеза поблекла перед фактами, происшедшими через несколько месяцев после ее рождения. И это не случайно. Эта гипотеза смотрела назад, на достигнутые темпы, но из-за отсутствия качественных показателей она за средними процентами не могла учесть до поры до времени скрытых ресурсов.

Как тов. Сабсович ставит проблему «догнать и перегнать»? Он считает, что через 15 лет мы догоним Америку. При этом главным критерием являются размеры основного капитала, размеры продукции, но не степень использования того и другого. А между тем последнее весьма важно. Нужно ли нам столько же тракторов, чтобы осуществить индустриализацию сельского хозяйства в масштабе равном Америке? Уже сегодня наш трактор находится в работе 1.700 часов в году, а на тракторных станциях 2.500 часов. В Америке трактор работает только 420—500 часов. Таким образом, наш трактор будет по своей производительности и эффективности равняться 5 тракторам американским. Сейчас в Америке 800 тыс. тракторов, а у нас по отработанному варианту плана наличие тракторов к концу пятилетия определяется в 500 тыс. шт. В настоящее время план пересматривается. Он увеличивается до 800 тыс. штук. Если даже количество тракторов в ближайшие три года в американском хозяйстве удвоится, то в области индустриализации сельского хозяйства мы все же значительно обогнали Америку, хотя и тракторов у нас будет вдвое меньше.

А ведь при этом мы не учитываем, какие имеются возможности для использования тракторов в несезонное время. Например на лесозаготовках. Можно ли при таких условиях говорить, что задача

«догнать и перегнать» будет решена только в том случае, если мы непременно построим такое же количество тракторов, как и Америка.

Вот другой пример. Мы уже ссылались на выдвинутую Г. М. Кржижановским смелую идею о комбинированном использовании двигательной силы на транспорте и в районном хозяйстве. Это сочетание может дать даже без особых новых изобретений такой гигантский перевод потенциальных ресурсов в кинетические, которые совсем по новому будут решать проблему преодоления пространственных (и не только пространственных!) лимитов. Вытекает ли из этого, что мы непременно должны произвести такое же количество паровозов, какое производит Америка, и при том такой же «усовершенствованной» конструкции. Даже Америка не может идти на сколько-нибудь широкое массовое электрифицирование железных дорог. Американские капиталисты не пойдут на преждевременную амортизацию огромного основного капитала, находящегося в железнодорожном деле. Капиталист работает ради своей прибыли. Кроме того, в капиталистической Америке невозможно сочетать интересы отдельных железнодорожных компаний с разнородными интересами почти всех американских штатов, городов, в целях кооперирования их на основе использования единой энергетической базы.

А у нас? Только косность, временное непонимание грандиозности и эффективности поставленной задачи реконструкции транспорта может явиться лишь временным препятствием. Остальные пути открыты.

Поэтому попытка подойти к построению генерального плана путем копирования и переброски опыта из-за границы к нам может привести к тому, что мы в гигантском масштабе воспроизведем те потери, которые несет капиталистическое хозяйство. Очевидно, что пересадку к нам передовой техники капиталистического хозяйства нужно осуществлять на основе своего плана социалистической реконструкции. Необходимо немедленно развернуть большую коллективную идеологическую и методологическую работу по составлению генерального плана, в частности по построению новой системы показателей генерального плана. Эта работа должна развернуться по следующим линиям:

Во-первых, необходимо выявить систему показателей, которые бы с наибольшей полнотой вскрывали роль организационных моментов в реализации ресурсов народного хозяйства.

Во-вторых, необходимо, по возможности, освободиться от плена ценностных показателей, необходимо построить систему натуральных показателей. Мы не считаем это утопией даже для ближайшего отрезка времени. В виде иллюстрации сошлемся на интересную попытку одного украинского профессора, который построил систему энергетических показателей. Эта попытка квалифицируется, правда, как неудачная, но следует рассчитывать, что то, что оказалось не под силу одному человеку, сумеет разрешить большой коллектив.

В-третьих, нужно будет перестроить систему наших показателей таким образом, чтобы избавиться от власти средних. Средние и суммарные показатели нам, конечно, нужны; но нужны одновременно показатели лучшего и худшего в нашем хозяйстве, для того, чтобы определить размер тех ресурсов, которые остаются еще не мобилизованными.

Наконец, должен быть поставлен и разрешен вопрос о построении, хотя бы в порядке первого приближения, системы коэффициентов, определяющих взаимные межотраслевые и межрайонные связи. Эти закономерности до последнего времени устанавливались слишком прикидочно, кустарно. В основе их были положены заявки организаций, экспертные прикидки и средние показатели за прошлое время. Нам нужно совсем другое. Нам нужна система показателей, построенных на научно поставленной работе по технико-экономическому нормированию, от отдельных трудовых процессов до комплексов хозяйственных явлений. Конечно, эти нормы не должны рабски экстраполировать прошлое. Они должны ориентироваться на лучшие из имеющегося, на лучшее из возможного.

Борьба с потерями — это борьба за качество плана.

Но для того чтобы обеспечить высокое качество плана — этого основного орудия социалистической рационализации, — чтобы обеспечить действенность плана, недостаточно только методологического перевооружения. Необходимо широко поставить выявление, изучение потерь не только на основе запаздывающего статистического материала, отражающего только прошлое, но и путем организации массового движения трудящихся на борьбу с потерями. Выявленная потеря — это жестокий бич, который не дает возможности спокойно изобретать беспочвенный, нежизненный план, это необходимая предпосылка для создания целеустремленного плана преодоления потерь.

Инициатива трудящихся масс в деле выявления потерь, творчество трудящихся, направленное на преодоление потерь, используются далеко еще недостаточно и не вполне рационально.

Мы можем и должны разворачивать движение по борьбе с потерями гораздо шире, чем это сделали американцы. Методы нашей борьбы должны быть экономнее, эффективнее. Однако целый ряд приемов и мер по борьбе с потерями на фабриках и заводах, деловитость и энергия, с которой американцы проводят свою работу, должны быть перенесены в практику нашей работы. Но нужно при этом учесть главное: так как движение по борьбе с потерями в Америке не может устранить основной и исходной причины всех потерь — капиталистического хозяйства, то усилия американских рационализаторов, несмотря на огромную энергию и личные таланты, поневоле распылены и бесплодны. Они ограничиваются организацией внутри фабрики, и преодолением потерь зависящих только от самой фабрики. Они бессильны изменить организацию и распределение труда во всем обще-

ственном производстве, они бессильны устранить хаос капиталистического хозяйства. Для этого надо разрушить капиталистический строй.

Рационализаторское движение внутри нашей страны разворачивалось до сих пор, главным образом, по заграничным стандартам и штампам, не учитывая преимуществ нашего хозяйства. Оттого это движение не вышло еще на широкую дорогу, не мобилизовало широких масс трудящихся — рабочих, инженеров, техников, экономистов и т. д. Мы не можем ограничиться миллионами отдельных ударов по миллионам потерь. Мы должны вскрыть самые явления потерь, распространенность этих явлений, их общие причины, как бы они глубоко не лежали. Уничтожение плановыми мероприятиями этих общих причин сразу освобождает наше хозяйство от огромного поля потерь. На миллионы выявленных потерь мы должны ответить сотнями сокрушающих, организованных ударов.

Вот почему перенесение к нам полностью американских методов по борьбе с потерями — означало бы для советского хозяйства допущение огромной потери.

Вот почему движение на борьбу с потерями нужно теснейшим образом связать со всей плановой системой нашего Союза, опираясь в первую очередь на социалистическое соревнование и ударные бригады.

В эту борьбу должны быть втянуты широчайшие массы трудящихся. Борьба с потерями вскроет то реальное, конкретное зло, которое гнездится в нашем хозяйстве, она прорвет бумажную пелену статистических средних, которая до последнего времени обескровливала нашу плановую мысль, а, следовательно, сужала размах плановых мероприятий. Маленький удачный опыт на каком-либо участке нашего хозяйства должен быстро перемещаться в фокус общественного внимания и переростать в большое дело. Борьба с потерями — это борьба за темпы.

Борьба с потерями будет способствовать также и усилению организационного напора трудящихся масс, напора, требующего от рабочих, от инженеров, от хозяйственных регулирующих и плановых органов более смелого и интенсивного разворачивания работ по ускорению социалистической стройки.

Это движение должно быть развернуто по единому плану, единой программе, для того, чтобы обеспечить необходимую «кооперацию и специализацию» отдельных элементов этого движения.

Борьба с потерями — это борьба за качество плана, за качество его выполнения.

Ход советской машины переключен на новые скорости. Пятилетний план — труднейший этап на пути к социализму — должен быть покрыт в четыре года. В четыре ли? Возможно, что и раньше.

Вчера еще море мельчайших крестьянских хозяйств отделяло нас от социалистического берега, сегодня, на наших глазах, со дна этого моря поднимаются острова сплошной коллективизации. Еще сегодня наш хозяйственный организм раз'едает язва бюрократизма, а наш быт еще сковывают старые цепи, но уже сегодня, наряду со звоном цепей, слышна и близко музыка социалистического будущего. Проблема организации быта на социалистических основах придвинулась вплотную. Интенсивное строительство совхозов и промышленных гигантов ставит в программу дня строительство новых городов. Будем ли мы их строить по-старинке или по-иному. Решать конкретно проблему социалистического города, это значит определить (найти) «модель» социалистического быта. Уже широкой волной развивается дискуссия о социалистическом быте. Она должна будет всколыхнуть широчайшие массы трудящихся. Это будет «последний и решительный бой» с ветхим Адамом. Ближайшей весной начнется строительство новых городов. Через год, через два должны появиться первые островки подлинного социализма.

Вчерашние оптимальные планы превращаются сегодня в минимальные. Такова логика и практика социалистического строительства. Борьба с потерями — борьба за максимальное ускорение социалистического строительства.

Проблемы пересмотра пятилетнего плана животноводства¹

I

Крупные успехи на всех фронтах социалистического наступления и, в частности, на зерновом фронте, выдвинули в качестве очередной задачи преодоление отсталости нашего животноводства.

В виду того, что вопросам животноводства в перспективном плане сельского хозяйства до сих пор было уделено недостаточно внимания, возникает необходимость пересмотреть этот план в соответствии со всеми достижениями и требованиями социалистического наступления.

При пересмотре перспективного плана животноводства следует ориентироваться, помимо ряда других задач (расширение внутреннего потребления страны, задачи экспорта и т. д.), на максимальное освоение государственными и кооперативными животноводческими хозяйствами экстенсивных районов Союза, с их громадными кормовыми ресурсами, которые и до войны и в особенности сейчас используются совершенно недостаточно, и на создание в интенсивных районах Союза большого массива передового капиталоинтенсивного обобществленного животноводства в виде совхозов и крупных ударных животноводческих колхозов.

Перспективный план должен учесть все имеющиеся в стране возможности и дать им четкую порайонную количественную и организационно-хозяйственную формулировку.

Начнем с освоения экстенсивных районов. Под ними следует разуметь три типа районов: 1) засушливые степи и предпустыни, мало доступные или совсем недоступные для рыночного зернового хозяйства, 2) нагорья, замыкающие последние районы вдоль государственной границы на востоке (с Турцией, Персией, Афганистаном, Китаем и Монголией) и 3) способные к культуре оазисы с более или менее благоприятными почвами и хорошими сенокосами в прибрежной полосе Союза.

Наши теперешние знания обо всех этих районах (особенно — последних двух), к сожалению, весьма ограничены. Следовало бы в срочном порядке мобилизовать все местные материалы и произвести ряд дополнительных оперативных обследований средствами заинтересованных организаций. Тем не менее, вряд ли можно сомневаться, что

¹ В порядке обсуждения. *Ред*

при необъятных общих размерах этих районов, в них смогут быть выделены большие площади, пригодные для организации крупного экстенсивного животноводства. Однако раньше, чем развернуть это хозяйство, надо основательно подумать о его типе.

Аргентина и в особенности Австралия и Соединенные Штаты, которые нас опередили в деле ведения культурного хозяйства в экстенсивных степно-пастбищных районах, выработали систему весьма экстенсивного ведения хозяйства, требующую минимальных капитальных затрат на вспомогательные постройки и минимальных текущих расходов на уход за скотом. Это лучше всего видно из того, что в Соединенных Штатах в этих районах на одного скотника приходится в среднем около 400 голов крупного рогатого скота, а в Австралии на одного верхового пастуха с собакой приходится 2.000 овец. У нас же акц. о-во «Скотовод» выступило с планом, согласно которого на одного скотника приходится только 30 коров, и только после резкой критики этого плана в Госплане СССР, оно подняло норму до 60 коров. В наших условиях вопрос об обслуживающем персонале приобретает тем большее значение, что для каждого семейного рабочего приходится строить жилье, стоимостью в 1.000 руб. В отношении построек для скота наше положение несколько труднее, поскольку климатические условия у нас более суровые, чем в названных выше странах (хотя и на севере степно-пастбищной полосы Соед. Штатов, напр. в Гавре — встречаются морозы до 32°).

По вопросу о постройках следует иметь в виду, что при отсутствии ветра и сырости животные легко переносят низкую температуру воздуха, и наши кочевники и крестьяне вообще держат зимой скот на морозе. На холоду животные только требуют больше грубого корма, содержащего клетчатку. Наиболее отрицательным моментом погоды в условиях открытой степи является ветер, от которого животные должны быть защищены. Отрицательно действует также мокрый снег и поэтому следует признать, что в наших климатических условиях можно ограничиться помещением скота под навесами, закрытыми со стороны господствующего ветра, а кормление производить на воле из автокормушек и пр. Это значительно сократит размер капиталовложений и удешевит текущее содержание скота, что, имея в виду грандиозность предпринимаемого нами строительства, является необходимым требованием.

Дальнейшей серьезной проблемой нашего степно-пастбищного животноводства является обводнение, т. е. создание степных водоемов для скота. При всей кажущейся несложности дела строительства простейших обводнительных сооружений — прудов, мы в этом отношении все-таки не имеем еще достаточного опыта. В наших руководствах можно встретить правила устройства прудов, которые в американских руководствах приводятся как образец неправильного устройства прудов, ведущего к их быстрому заилению. Во многих районах засушливой степи мы не обойдемся без бурения глубоких

артезианских колодцев, на что у нас нет ни инструмента ни мастеров. То и другое придется срочно выписать из Соед. Штатов или Австралии. Далее, проникая строительством в районы с количеством осадков меньше 250 мм, мы, очевидно, не обойдемся во многих случаях без лиманного орошения, как условия обеспечения достаточного количества зимнего и страхового летнего корма. Серьезнейшего внимания заслуживает также и проблема ветеринарной профилактики в районах, соприкасающихся с кочевым скотоводством и с передвижными гуртами нагульного скота. Только после разрешения санитарно-ветеринарной проблемы можно было бы добиться (путем интенсификации условий содержания скота) повышения процента сохраняемого приплода выше 75%, каковой процент служит производственной целью степнопастбищных хозяйств и в Соед. Штатах и в Австралии, и не превосходит даже в Аргентине.

В аспекте перспективного плана первостепенное значение приобретает вопрос не только о типе, но и о направлении степно-пастбищного животноводства. В настоящий момент мы вступаем в полосу, когда нам необходимо установить правильное географическое разделение труда между отдельными районами страны в смысле их участия в общем процессе подготовки мясного скота для рынка.

Прекрасный пример разделения труда в этой области являются нам Соед. Штаты, где в районе засушливой степи и предпустыни ведется чисто маточное направление мясного хозяйства, т. е. разведение и первоначальное выращивание скота и овец, а дорастивание и откорм того же скота производится в смежных районах луговой степи, характеризующейся достаточными осадками для развитого земледелия, с хорошими условиями для произрастания кукурузы и сорго, а также многолетних трав. В этот район значительная часть степного скота перебрасывается в живом виде по железным дорогам, здесь этот скот откармливается и забивается на централизованных бойнях, чтобы отсюда в битом, охлажденном виде быть переданным на крупные потребительские рынки, лежащие на северо-востоке страны. Все американское строительство боен сконцентрировано именно в этом промежуточном районе, между засушливой степью и потребительскими рынками. Такой географический штандорт боенской промышленности представляет следующие выгоды: 1) пробег мяса в охлажденном виде до рынка сокращается до оптимального предела, 2) пробег скота по железной дороге в живом виде ограничивается расстоянием до бойни и не превышает в среднем 1000 километров, 3) перевозка живого скота по железной дороге производится таким образом только в тощем виде, когда он теряет меньше всего в весе, 4) загрузка боен не зависит от случайностей выхода продукции из одного какого-либо района степи, подверженного случайностям, 5) та же нагрузка распределяется более равномерно в течение года, поскольку часть года убивается местный скот районов

луговой степи, другую часть—тощий степной скот, третью—степной скот, откормленный через зиму (а другие возрасты—и вплоть до лета) в луговой степи.

В СССР также приступили к широкому строительству боенской промышленности и для нас опыт Соед. Штатов должен быть показательным, особенно с тех пор, как у нас в районе, смежном с засушливой степью и промежуточном между нею и потребительскими центрами страны, стали возникать машинотракторные станции, образуются районы сплошной коллективизации, развертывают свою деятельность совхозы Зернотреста и Совхозцентра. Если в условиях мелкого, раздробленного крестьянского хозяйства в этих районах и можно было рассуждать об экономических причинах, мешающих развитию посевов кукурузы (вроде, например, такой причины, как громоздкость кукурузы и трудность ее перевозки в усадьбу), то сейчас создались все предпосылки для немедленного переключения этого района из односторонне зернового в зерново-кормовой на базе широких посевов кукурузы и многолетних трав. Тем самым получаем район, аналогичный тому району Соед. Штатов, в котором концентрируются все крупные бойни и где ведется массовый откорм степного скота на кукурузе.

Быстрейшее формирование такого откормочного района тем более настоятельно, что старая форма степного промышленного нагула скота повидимому доживает у нас на востоке свои последние годы, ибо, с одной стороны, нагульные площади распаиваются Зернотрестом, а с другой, они же будут скашиваться акционерными обществами «Скотовод» и «Овцевод»—последними в согласии с их производственными заданиями для того, чтобы создать зимние кормовые фонды не для промышленного скота, а для маточных стад крупного рогатого скота и овец.

Переходя к вопросу о создании капиталоинтенсивного обобществленного животноводства совхозов и ударных животноводческих колхозов в интенсивном районе Союза, остановимся прежде всего на понятии капиталоинтенсивности животноводства.

Капиталоинтенсивное животноводство следует противопоставить примитивному крестьянскому животноводству, которое во многих случаях обходится с самыми плохими постройками (а часто и без них), даровыми или почти даровыми кормами (гуменные отходы, естественные выпасы), семейным трудом и пр. Еще в первые годы нэпа выявилось, что в условиях повышенного спроса самой деревни на продукты животноводства, примитивное крестьянское животноводство оказалось не в состоянии не только восстановить довоенный экспорт страны, но и удовлетворить минимальные потребности внутреннего рынка даже при ограниченных еще тогда темпах индустриализации. Несмотря на огромный рост культурности крестьянских масс, который принесла с собой революция, рационализация и интенсификация раздробленного крестьянского животноводства, предста-

вляются делом очень медленным и дорогостоящим. Достаточно указать, что по расчетам Рыбинского маслосоюза расход на контрольное дело на одну голову скота составляет 20 руб. в год, вследствие чего все молочные союзы были вынуждены приостановить расширение подконтрольной сети.

Успехи травосеяния в крестьянском хозяйстве потребляющей полосы вряд ли шли дальше тех вынужденных пределов, которые определялись необходимостью сбалансировать кормовой режим после имевшей место здесь значительной распашки естественных лугов и перегрузки с.-х. площади скотом. Травосеяние во всяком случае не знаменовало здесь расширенного роста товарного животноводства. Это можно иллюстрировать между прочим следующей таблицей, касающейся двух микрорайонов в Молого-Шекснинском междуречьи Ярославской губернии:

Микрорайоны	Годовое отчуждение молока на 1 хозяйство центнеров	Потребление молока на 1 едока	% клевера в составе травы	% сильных кормов в рационе
Водораздел	6,3	4,0	50	15,3
Шексна	17,11	1,83	—	13,1

Поскольку примитивное животноводство не могло служить базой для расширения снабжения страны продуктами животноводства, должна была возникнуть проблема капиталоинтенсификации животноводства. При огромных успехах в стране социалистической индустриализации создается между прочим и тот платежеспособный спрос, который экономически оправдывает такую капиталоинтенсификацию. Так же и в буржуазных странах капиталоинтенсификация животноводства шла по следам индустриализации, создававшей дополнительный платежеспособный спрос. Но там, под влиянием роста спроса, происходит рост цен на продукты животноводства, который именно и позволяет сосуществование интенсивного и экстенсивного хозяйства (при этом в отсталом хозяйстве отлагается дифференциальная рента).

Наша же хозяйственная система позволяет сосуществование интенсивного и экстенсивного хозяйств без роста цен на рынке и следовательно без отложения ренты в отсталых хозяйствах за счет общественного целого и за счет того централизованного накопления, которое может быть использовано для новых успехов индустриализации. В этом бесспорно заключается огромная народнохозяйственная экономия. Таким образом, поскольку успехи социалистической индустриализации создают в стране большой платежеспособный спрос, можно со всей смелостью развертывать капиталоинтенсивное животноводство, не смущаясь несколько его кажущейся нерентабельностью, которая является только следствием непонимания всего своеобразия нашего экономического строя.

С другой стороны, сама рентабельность крупного капиталоинтенсивного животноводства способна к непрерывному повышению. Требуется именно несколько лет культурной обработки и удобрения, пока почва, введенная в интенсивный кормовой севооборот, становится культурной (биологически зрелой) почвой, дающей максимальные урожаи при данных природных условиях; точно так же требуется несколько лет, пока скот, получающий хороший уход и кормление, вполне раздоится, или пока хозяйство установит правильный трудовой режим и рабочий персонал получит нужную сноровку.

Объективные условия конкурентоспособности капиталоинтенсивного крупного животноводства с крестьянским хозяйством основываются, помимо рационального ухода за скотом, кормления его и воспитания молодняка, на что массовое крестьянское хозяйство никогда не будет в полной мере способно, еще на исключительно благоприятных условиях, в которые поставлено племенное дело в крупном хозяйстве, которое с большей смелостью, чем мелкое хозяйство, может осуществить браковку стада. В Германии племенное дело сосредоточено преимущественно в крупном хозяйстве как побочная отрасль пользовательного животноводства, сильно повышающая рентабельность последнего. Это вполне понятно, ибо стремясь к максимально выгодному использованию наемного труда и ссудного капитала, крупное животноводство не может удовлетворяться удоями мелкого хозяйства. Но вместе с ростом удоев растет и племенная ценность стада и ценность производимого в нем молодняка, который крупным хозяйством выращивается сверх пределов, необходимых для ремонта собственного стада, как рыночный товар, покупаемый за дорогую цену крестьянским хозяйством, стремящимся к улучшению своего скотского поголовья. Далее крупное животноводство выигрывает на качестве, однородности и партионности своего продукта, на его индустриальной переработке на месте производства и на стоимости транспортных расходов до рынка сбыта.

В целях того, чтобы крупное капиталоинтенсивное животноводство стало в конечном итоге конкурентноспособным, оно должно быть передовым по линии всех шести элементов хозяйства: 1) стада, 2) кормовой базы, 3) стойловой базы, 4) организации труда, 5) организации использования продукции и 6) организации ветеринарно-санитарного режима.

Эти требования относятся в особенности к совхозам, поскольку у них на себестоимость продукции особенно сильно давит необходимость ввязывания капитала в постройки не только для скота, но и для обслуживающего персонала, равно как и вообще наемный характер труда в совхозах.

Было бы однако ошибкой думать, что животноводство в колхозах может выполнить возложенное на него задание без серьезной капиталоинтенсификации. Только колхоз, в котором будет осуществлен ряд комплексных мероприятий по капиталоинтенсификации живот-

водческого хозяйства, может быть причислен к ударным животноводческим колхозам, которые должны развернуть рамки животноводческого снабжения страны.

II

Теперь обратимся к отдельным организационным формам крупного, капиталоинтенсивного животноводства.

Молочные фермы в районе сбыта цельного молока. В последнее время об этом типе предприятий велись споры по линии определения их оптимального размера. В частности, выявилось течение, которое в целях максимального использования тех элементов капиталовложения, которые мало зависят от численности стада, склонно дать этим хозяйствам слишком большой размер (на 5.000 коров), увеличивая, однако, тем самым риск потерь от эпизоотий. То же течение склонно отказаться от летнего содержания скота на пастбище, в целях организации так называемого непрерывного доения, создающего экономию в расходовании рабочей силы. Такой организационный экстремизм, расходящийся с современной практикой пастбищного хозяйства Европы и Америки, все более ориентирующей на пастбищное содержание молочного скота (в целях повышения его продуктивности и предохранения его от туберкулеза), вряд ли может быть принят без основательной проверки на опыте. Проверить этот опыт, однако, необходимо, имея в виду, что вопрос экономии человеческой силы в производстве у нас в настоящее время не только вопрос денежной калькуляции себестоимости продукта (с этой стороны можно было бы пока примириться с менее интенсивным строем хозяйства), но и вопрос об экономии дефицитных строительных материалов, расходования которых на сооружение жилых помещений для дойловых рабочих, при увеличении численности обслуживающего персонала, неизбежно.

В экономике молочного хозяйства, базирующегося на сбыте молока в цельном виде, большую роль играет, как известно, сдаивание коров. При этой системе хозяйство приобретает коров только отелившихся, с тем, чтобы продать их перед наступлением сухостойного периода. Таким образом, хозяйство освобождается от необходимости содержать непроизводительных коров на дорогих кормах, свойственных районам сбыта молока в цельном виде. Эта система сдаивания, в условиях убывающего вообще индивидуального хозяйства, имеет свои узкие пределы, ибо связанное с ней постоянное обращение хозяйства к рынку то ради покупки, то ради продажи скота, невыгодно. Кроме того, хозяйство лишается возможности улучшать породу скота путем отбора на племя. В условиях же социалистического хозяйства возможно сохранить все рациональные и экономические стороны системы сдаивания, отбрасывая вместе с тем ее невыгодные стороны. Так, например, два крупных колхоза, из которых один расположен в районе

производства масла, а другой—в районе сбыта цельного молока (эти оба района сплошь и рядом отстоят друг от друга на расстоянии только в несколько десятков километров), могут войти в соглашение, по которому скот проводит период максимальной дойности (примерно полгода) в районе цельного молока, а период падающей дойности и сухостоя—в районе маслоделия. Из последнего района телята могут быть далее переправлены для выращивания еще в более отдаленный колхоз с максимально дешевыми кормами. В такой же договоренности могут находиться (и уже фактически находятся) и совхозы между собой и совхозы с колхозами. При такой системе племенной отбор и улучшение стада «в себе» могут вполне идти рука об руку с экономически чрезвычайно выгодной системой сдвивания.

В районах сбыта молока в цельном виде крестьянское хозяйство ведется обычно несколько более интенсивно и обладает сносными постройками для скота, после разборки которых можно получить достаточный строительный материал для постройки коллективного скотного двора. Зависимость хозяйства этого района от скармливания сильных кормов, находящихся в руках государства, заметно облегчает коллективизацию этого хозяйства. Необходимо только принять скот в коллектив в этом районе, учитывая индивидуальные его особенности, ибо в этом районе качественные различия скота максимальные. В области улучшения кормовой базы коллективный труд и относительно незначительные госкредиты могут в этом районе сделать очень много. Перспективный план животноводства должен поэтому ориентироваться на полную коллективизацию товарного молочного животноводства в районах крупных городов и промышленных центров. Следует еще заметить, что в развитых районах молочного хозяйства работа по коллективизации должна вестись в гнездовом порядке, что должно значительно облегчить усовершенствование транспорта продукта до рынка (постройка шоссе, автотранспорт) и санитарно-ветеринарную профилактику.

Молочное и мясооткормочное хозяйство в районах промышленных совхозов. В противоположность рассмотренному выше району, интенсивность которого основывается на близости к рынку потребления, мы имеем в районах расположения наших заводских совхозов (с хараоваренных и винокуренных) такие, интенсивность животноводства которых основывается на большом плодородии почвы, позволяющим сгущать его на полеводческой базе (интенсивность животноводства, в конце концов, измеряется размером животноводческой продукции на единицу площади). Германия и Чехословакия являют нам классический пример развитого животноводства на базе промышленных хозяйств. В районах промышленных хозяйств (и, особенно, непосредственно в промышленных совхозах) мы имеем огромный отход зеленых частей промышленных корне- и клубнеплодов (ботва), огромные отходы промышленной пере-

работки последних (жом, барда), большие массы кормового зерна (овес, ячмень), получаемого в порядке побочной культуры в севообороте. Далее, в промышленных хозяйствах, в интересах главной промышленной культуры (особенно свеклы), содержится высококвалифицированный агроперсонал, способный развернуть сложные севообороты с пожнивными посевами и вообще с посевами на зеленый корм. Эти же промышленные хозяйства имеют свободные излишки рабочей и тяговой силы, а также излишки инвентаря, чтобы вести выгодным образом побочное интенсивное животноводческое хозяйство. Наконец, навоз, получаемый от последнего, находит себе в культуре корне- и клубнеплодов (как растений медленно развивающихся) самое выгодное применение¹. В аспекте перспективного плана животноводства районы промышленных совхозов, вместе с окружающими их крестьянскими хозяйствами, должны быть превращены в агроиндустриальные комбинаты, вполне насыщенные животноводством.

Свиноводческие откормочные базы в совхозах и колхозах зернового направления. Мы можем и должны развить свиноводство на зерне, но не на малоурожайных ржи и ячмене, и не на годных и для молочного хозяйства отрубях, а на дешевой, высокоурожайной кукурузе. В виду того, что кукуруза бедна белком, необходимо применить в качестве белкового концентрата при ней животную муку (мясную и рыбную), или бобовую муку, в том числе—муку бобов сои. (Последние опыты, произведенные в Англии и о которых сообщает проф. Иванов, подтверждают, что по своей эффективности в свином откорме бобовая мука не уступает животной.) Откорм свиней—операция, не требующая большого приложения труда. По американским данным, расход труда в откормочном свиноводстве составляет только 8—9 часов в год на центнер привеса (примерно, один наш рабочий день на свинью).

Для того, чтобы затрата капитала на большое строительство свинарен быстро окупилась, необходимо, чтобы крупное хозяйство добилося двух опоросов свиней в год вместо свойственного крестьянскому хозяйству одного опороса, и чтобы отход поросят подматками не превышал 20—22%, что предполагает рациональную постановку ухода за молодняком и санитарно-ветеринарную профилактику. Увязанные с нашими экспортными баэконными фабриками крупные свиноводческие откормочные базы обеспечат равномерную и полную нагрузку этих фабрик.

Промышленный откорм свиней на кукурузе в одинаковой степени доступен как совхозам, так и колхозам, поскольку культура кукурузы в последнее время полностью механизирована в Соед. Штатах. В этом смысле даже и Зернотрест мог бы вести у себя свиноводство в районах луговой степи. Что же касается промышленного откорма свиней на картофеле, то в виду большой трудоемкости культуры картофеля,

¹ Навоз считается медленно действующим удобрением и быстроразвивающимися злаками не вполне используется.

а также необходимости варки картофеля перед скармливанием, этот вид откорма более подходит для колхозов, чем для совхозов.

В новом перспективном плане животноводства должен быть очерчен район промышленного откорма свиней как на зерне, так и на картофеле.

Молочно-льняные совхозы. Связующим звеном между молоком и льном является, с одной стороны, травосеяние, а с другой—энергетическая база и местный льняной жмых (комбинат из маслобойки, маслодельного завода и льнообделочного завода). Строительство молочно-льняных совхозов связано с мелиорацией новых земель, в виду именно потребности в больших массивах льнопосевов для загрузки одного льнообделочного завода. В льносовхозах будет иметься большая зимняя кормовая база, в виде значительного травяного клина. Для обеспечения соответствующей летней базы необходимо будет вести культурное пастбищное хозяйство. Местное крестьянство получит большие заработки на мелиоративных и строительных работах по оборудованию молоко-льносовхозов, что создаст финансовую базу для организации по соседству ударных животноводческих колхозов. Последние также выиграют от улучшения транспортных условий всего края в связи со строительством новых совхозов.

Молочные фермы в экстенсивных районах. Эта проблема еще не достаточно изучена. Прежде всего речь может идти о хозяйстве в районе нагорий, т. е. о государственных молочных стадах, выпасаемых в течение лета на субальпийских и альпийских пастбищах (в горах Алтая, Киргизии и Кавказа) и переводимых на остальное время года в предгорья, где в некоторых случаях корма должны будут быть получены путем искусственного орошения. Такое хозяйство, в виду специфической ценности альпийской флоры для экспортного сыроварения, должно будет иметь такое именно направление. Альпийские и субальпийские пастбища представляют собой в значительной степени изолированные участки пастбищ, на которых затруднительно установить непрерывный контроль за ходом выпаса и удоя. С другой стороны, вполне возможно ввести систему сдельной оплаты пастухов (производящих и доение) и время от времени контролировать состояние пастбищ и удои коров. Важно также изолировать выбранные для ведения крупного альпийского хозяйства горные пастбища от путей кочевников, во избежание распространения эпизоотий.

Что касается степных и притаежных районов, то в засушливой степи крупное молочное хозяйство не оправдывается. Молочное хозяйство, правда, может мириться с спорадическими засушливыми годами, поскольку силос дает возможность держать переходящий из года в год запас питательного молокогонного корма (не говоря уж о том, что в зерновых районах зерновые отходы дешевле и могут выровнять недостачу кормов в случайный засушливый год). Но молочное хозяйство не может мириться с обычно плохим ростом трав, как это свойственно засушливым районам со среднегодовым количеством осадков,

меньше 400 мм. В притаежной полосе, наоборот, хороший рост трав обеспечен, но там летом господствует гнус, беспокоящий животных, и, кроме того, дорожные условия—особенно в период дождей—плохие. Поэтому, в этих районах условия более подходящи для мясного скотоводства.

Обращаясь к экстенсивным (т. е. отдаленным от рынков) районам с более обеспеченными осадками, как, например, маслодельные районы Сибири, следует поставить вопрос о строительстве в них крупных молочных ферм на базе более или менее экстенсивного содержания и кормления скота. Эти фермы должны быть приурочены к крупным механизированным маслозаводам и заводам по выработке сгущенного молока. Следует заметить, что в Соед. Штатах и Западной Европе фабрики сгущенного молока имеют свой географический штандорт не в экстенсивных, а в наиболее интенсивных районах, расположенных по близости от промышленных центров и городов. Это объясняется тем, что в богатых странах размер стада, обслуживающего города и промышленные центры, ориентируется на удовлетворение зимнего, а не летнего спроса на цельное молоко (потребитель зимой не сокращает норм потребления), вследствие чего в этих районах летом получается избыток молока, который раньше перерабатывался на сыр (в этих районах отсутствует свиноводство, которое могло бы использовать отходы маслоделия), а в последнее время все более—на сгущенное молоко. Находясь в центре этих районов, фабрики сгущенного молока работают только один летний сезон года, в который они, однако, получают с относительно небольшой площади вполне достаточный занос молока для того, чтобы поставить производство в весьма крупном масштабе.

У нас еще не приходится говорить об избытке молока в летнее время в районах крупных городов. Поэтому у нас и штандорт фабрик сгущенного молока должен быть другой. В наших условиях выгодно будет строить эти фабрики именно в районах экстенсивного маслоделия с обеспеченным ростом трав и низкой стоимостью рабочей силы. Тем не менее, само хозяйство в молочной ферме, обслуживающей такую фабрику, не может быть построено на экстенсивном кормодобывании. Дело в том, что такая фабрика должна будет питаться молоком от 2.000 коров, которых придется сконцентрировать на небольшой территории, ибо в противоположность маслоделю, где между коровой и заводом вклинивается сливкоотделительный пункт, сырье для производства сгущенного молока не может быть доставлено издалека. При указанной концентрации стада и необходимости в целях регулярной нагрузки завода более равномерного распределения отела в году (что, в свою очередь, связано с увеличенным производством зимнего корма), придется вести в районе (вообще говоря экстенсивном) достаточно интенсивное кормодобывание на пашне. Это однако будет вполне рационально, ибо продукт производства—сгущенное молоко—вытеснит из потребления часть цельного молока, производимого в ин-

тенсивных районах на дорогих кормах. Что же касается молочных ферм, призванных обслуживать механизированные маслозаводы в экстенсивных районах, то для них нет того же оправдания интенсификации кормодобыывания. Максимальное, на что можно идти в отношении их, это введение травяного клина в зерновой севооборот и проведение поверхностного улучшения естественных кормовых угодий. Но если ограничиться только этим, то нельзя будет произвести большой концентрации стада в при заводском селении, а необходимо с большей равномерностью насаждать общие колхозы (неударного порядка) во всем районе питания завода.

Крупные птицеводческие хозяйства. В Соед. Штатах, как известно, крупные специализированные птицеводческие хозяйства расположены в Калифорнии на расстоянии многих тысяч километров от рынков сбыта, находящихся на противоположной окраине континента. Основной фактор, определивший указанный географический штандорт крупного птицеводческого хозяйства, заключается в благоприятных климатических условиях Калифорнии, обеспечивающих долгий период носкости кур и большой процент выживаемости цыплят. Для того чтобы с успехом бороться с дальностью расстояния до рынка, Калифорния не задерживает у себя товар, а, благодаря крупным размерам хозяйств и кооперативному их объединению между собой, выбрасывает свой товар быстро и целыми маршрутными поездами. При строительстве у нас крупных птицеводческих хозяйств доминирующее значение также должны иметь, с одной стороны, климатические условия, а с другой—возможность выброски товара в повагонном хотя бы порядке. Крупное птицеводческое хозяйство должно строиться преимущественно в Крыму, южной Украине и на Кавказе. Строительство должно быть одновременно распространено на целое гнездо колхозов, находящихся на близком расстоянии в одном микрорайоне (например, машинотракторной станции). В центре района должно быть построено фабричное предприятие по производству комбинированного корма (последний в американском промышленном птицеводстве играет колоссальную роль).

Таковы главные организационные формы крупных капиталоинтенсивных животноводческих предприятий в совхозах и ударных колхозах, план строительства которых должен быть развернут в порайонном разрезе в связи с переработкой пятилетки по животноводству.

Обращаясь к проблеме развития массового крестьянского животноводства, следует остановиться прежде всего на вопросе о зооинимуме.

В бурном ходе нашей сельскохозяйственной революции зооинимум выступает в качестве младшего брата агроинимума. Как это ни странно, но связь между ними прежде всего—антагонистическая: агроинимум в известной степени проводится за счет интересов животноводства, которое по этой причине лишается части своих летних кормовых ресурсов. Сюда относится зяблевая вспашка и особенно ранний

взмет пара, лущение стерни, очистка семян, обкашивание междов. Само понятие зооинимума мыслится как аналогия агроинимуму.

Зооинимум содержит два требования, которые применительно к животноводству гласят: 1) насыщенность хозяйства животноводством, соответствующая производительной способности земли и трудовому запасу хозяйства в условиях данной хозяйственно-географической обстановки и обычной крестьянской техники ведения хозяйства, 2) улучшение методов ухода и кормления скота и пользования естественными кормовыми угодьями, в рамках наличных в хозяйстве материальных ресурсов и трудовых резервов.

Первое требование зооинимума получило актуальность в связи с обнаружившимися тенденциями кулацкого и полукулацкого хозяйства к выжидательному свертыванию животноводства.

В указанном выжидательном свертывании можно логически различить три стадии: 1) свертывание не затрагивает общего объема животноводства, а только его направление (сокращение трудоинтенсивных и рыночных отраслей за счет экстенсивных, потребительских, 2) свертывание затрагивает и объем животноводства, но в пределах обуславливаемых стремлением сократить трудовое кормодобыывание (напр., сокращение степного сенокосения, которое производится часто далеко от усадьбы с большой затратой труда, в виду малой производительности степных сенокосов), 3) свертывание переходит во вредительство и затрагивает объем животноводства в пределах оставления нескормленными тех грубых кормов, которые получены в хозяйстве в качестве побочных продуктов полеводства и в виде естественных пастбищ.

Этим всем тенденциям к свертыванию должно быть противопоставлено первое требование зооинимума. Его осуществление легче всего в экстенсивных районах, где значение количественных показателей превалирует над значением качественных показателей в животноводстве. Здесь совершенно нетрудно установить нормативную густоту скотского поголовья в соответствии с количественными показателями кормовой базы. В интенсивных районах установление такого соотношения очень трудно. Здесь, в условиях более устойчивой урожайности², лучшей санкцией выполнения первого требования зооинимума является поземельное обложение, которое (с соблюдением всех классовых различий) переводит все обложение на землю, и тем самым делает невыгодным оставление неиспользованными производительных сил почвы и трудовых запасов хозяйства.

Обращаясь ко второму требованию зооинимума следует заметить, что его выполнение легче внедрить, чем то же требование агроинимума, ибо эффект большинства улучшенных приемов ведения животноводческого хозяйства сказывается немедленно, а эффект

¹ Животноводство выигрывает от засоренности полей.

² При сильном колебании урожайности стадо должно флюктуировать.

большинства улучшенных приемов растениеводства сказывается только «в среднем». Основная особенность зооминимума—его исполнимость. То, что не легко исполнимо наличными в хозяйстве средствами, не может быть отнесено к зооминимуму. С этой точки зрения следуют также подойти к вопросу об обобществленных скотных дворах в колхозах неударно-животноводческого направления, которые мы не сразу переводим в разряд крупного капиталоинтенсивного производства. Создание коллективных скотных дворов, телятников, свинарников и овчарен—весьма полезная мера поднятия животноводства, и основная мера зооминимума. Однако к этой мере нельзя подходить по шаблону, с одной меркой для всех селений. Если наличные в селении старые постройки и наличная рабочая сила позволяют без больших дополнительных затрат оборудовать коллективный скотный двор, хотя бы для части стада, то это следует обязательно провести. Если же наличные постройки не дают достаточно материала, и местность к тому малолесная, то очевидно, что возведение коллективного скотного двора должно быть отложено, и дело зооминимума можно начать с обобществленного телятника, в котором воспитываются отборные телята стада с тем, чтобы потом заложить основу коллективного продуктивного скота. Сплошь и рядом в селении, где по тем или иным причинам нехватит местных средств для постройки новых скотных дворов, найдется на полях много камней, которые можно убрать коллективным трудом и замостить ими наиболее непроезжие участки смежной дороги, ведущей к ближайшему маслозаводу. Улучшение естественных кормовых площадей составляет, как известно, огромное благодарное поприще для приложения коллективного труда (рытье канав, уборка трупов, уничтожение кочек, кустарника, перепашка, боронование и пр.).

Регулирование пастбы скота на пастбище, улучшение водоснабжения и особенно образование общественных страховых запасов корма (сена, силоса) являются важными элементами зооминимума, к чему еще присоединяются общественные случные пункты и пр.

Пятилетний план развития животноводства должен исходить из предпосылки повсеместного проведения зооминимума и полного исчерпания тех резервов хозяйственных средств, которые имеются в крестьянском хозяйстве, ставшем на путь плановой коллективизации. Обследованием на местах необходимо найти живые репрезентативные типы зооминимумов, применительно к конкретным условиям микрорайонов разных областей Союза и на их примере подойти к учету эффективности зооминимума в целом, как одного из оснований построения новой программы животноводства.

В заключение необходимо остановиться на последней задаче пересмотра перспективного плана животноводства. Она заключается в примирении тех конфликтующих тенденций, которые обозначились в нашем животноводстве. В основном вопрос сводится к проведению правильного районирования ряда моментов нашего

животноводства, а именно: 1) районирование направлений племенного дела в смысле разводимых пород скота, 2) районирование снабжения животноводства белковыми кормами в смысле источников этих кормов и их природы, 3) районирование засушливой степи в смысле определения преимущественного штандорта мясосовхозов, овцеводческих совхозов, зерносовхозов, колонизационных фондов и пр.

В связи с пересмотром пятилетнего плана животноводства должен также быть построен план строительства боевской промышленности, бэконной промышленности, маслодельных и сыроваренных заводов, производства комбинированных кормов, производства семенного фонда луговых трав и корнеплодов, производства силосовых башен и пр.

При огромном значении животноводства (самостоятельном и в качестве одного из определяющих факторов урожайности полевых культур), необходимо мобилизовать вокруг вопросов животноводства максимальное внимание советской общественности, особенно на селе. Одновременно с животноводством необходимо, конечно, не ослаблять внимания и к зерновой проблеме, ибо зерновая проблема в значительной степени предопределяет и наши успехи на фронте животноводства.

Ш. Я. Турецкий

Ценообразование в системе народного хозяйства¹

3. Социальный фактор в ценообразовании

Как мы уже указывали, нельзя смешивать цен отдельных социальных секторов с классовыми ценами, которые в полной мере осуществимы при социальной однородности сферы обращения. Наличие в сфере производства различных классов накладывает определенное социальное клеймо на процесс ценообразования в отдельных секторах.

Остановимся в этом разрезе на анализе ценообразования в сельском хозяйстве. Прежде всего более обеспеченное хозяйство связано с иными условиями трудовых процессов в сравнении с менее или маломощными хозяйствами. Различная техническая вооруженность труда не может не повлиять на различный размер трудовых затрат в отдельных социальных группах деревни. Это, в свою очередь, влечет различное «органическое строение» затрат и иную структуру себестоимости. Анализ затрат по отдельным культурам (зерновым) в пределах одних и тех же районов (т. е., примерно, одинаковых для всех хозяйств природных условий) показывает, что вооруженность труда в высших (по размерам сел.-хоз. капиталов) группах превышает вооруженность труда низших групп, примерно, на 20—30%. Понятие «вооруженности труда» применяется, конечно, условно: здесь мы берем отношение часов тяги к часам труда и отношение материальных затрат к часам труда. Такого рода показатель, при всей его условности, все же отражает относительные размеры трудо-вооруженности.

Количество труда, затрачиваемое на единицу продукции, обратно-пропорционально размеру трудо-вооруженности. Если вооруженность труда высших групп превышает низшие на 20—30%, то количество часов труда, затрачиваемых на воспроизводство единицы продукции в низших группах, значительно больше соответствующих затрат высших групп. Если взять яровую пшеницу степной Украины, то при затрате в низших группах 35 часов труда на центнер, высшие группы затрачивают на тот же центнер—24 часа, т. е. почти на $\frac{1}{3}$ меньше. По озимой пшенице в том же районе соответственно 28 и 19; по ячменю—27 и 17. Аналогичное явление мы имеем и по другим районам. Степени вооруженности труда корреспондирует размер затрат труда на единицу продукции. Различная социально-организационная

структура хозяйств получает свое отражение и на структуре затрат этих хозяйств. Удельный вес материальных затрат во всей сумме затрат (в себестоимости) значительно больший в мощных хозяйствах, в то время как в низших группах значительно больший удельный вес труда. Если среднюю себестоимость отдельных культур данного района принять за 100, то себестоимость низших групп зачастую превышает эту среднюю на 10—20 и выше процентов, и лишь в отдельных случаях она ниже 10%. В то же время себестоимость высших групп ниже средней себестоимости района на 5—10 и больше процентов. Разница в себестоимости различных культур той же степной Украины между высшей и низшей группами достигает 40—50%.

Отсюда понятно, что при одинаковых заготовительных ценах (хотя бы плановых) для различных (по своему социальному признаку) групп производителей, в пределах одной и той же территориальной единицы, создаются условия различной рентабельности. Отсюда же становится понятным и то, что интервал между ценой и себестоимостью в различных социальных группах будет еще более резким, если учесть, что, несмотря на более низкую себестоимость, в высших слоях деревни реализация продуктов в значительной мере частному сектору делала их среднюю цену относительно более повышенной в сравнении с бедняцко-средняцкой частью деревни (в особенности в 1928/29 г.).

Анализ ценообразования в социальном разрезе как по размерам обеспеченности хозяйства сел.-хоз. капиталом (см. приложение 3), так и по размерам валовой продукции и посевных площадей, выявляет различную рентабельность отдельных социальных групп деревни. Эта разница в рентабельности производства никакого отношения к дифференциальной ренте не имеет. Она вытекает именно из неодинаковых размеров затрат, при однородных природных и географических условиях. Эта рентабельность является социальной функцией различной органической структуры затрат. По своей природе эта разница в рентабельности ближе примыкает к категории абсолютной ренты, которая в наших условиях отсутствия частной собственности на землю, классовой политики обложения (в перспективе и классовых цен), классовой природе кредита и пр., теряет свой экономический *raison d'être*.

Четкая классовая политика в деревне по всей линии должна значительно уменьшать получающуюся разницу в рентабельности различных социальных групп не только в отношении единицы посева, и—что особенно важно—в отношении единицы продукции. Если межклассовые отношения внутри деревни идут через перераспределение народного дохода в пользу кулацкой верхушки за счет маломощных хозяйств, то обратное перераспределение через механизм внутрикрестьянского оборота невозможен. Через вмешательство бюджета, кредита, классовых цен на промтовары и прочих рычагов планового воздействия, т. е. при помощи и через посредство социалистического сектора, идет и должен идти обратный процесс перераспределения накопле-

¹ Окончание. См. „Плановое Хозяйство“ № 11, 1929 г.

ния между классами в пользу бедняцко-середняцких масс. Без вмешательства социалистического сектора классовые отношения деревни были бы предоставлены сами себе и, конечно, не в пользу маломощных групп крестьянства.

Совершенно иной природы является разница в рентабельности в пределах одних и тех же социальных групп, но поставленных в иные природные, и иные географические условия производства. Чистый доход, приходящийся на час труда, затрачиваемый на воспроизводство пшеницы на Северном Кавказе и Степной Украине, различен для одной и той же социальной группы крестьянства. В то время как этот чистый доход по яровой пшенице для Украины составляет 18 коп., для Сев. Кавказа—30 коп., по ячменю соответственно: 10 и 15 коп. Речь идет об одной и той же (по размеру обеспеченности сел.-хоз. капиталом) социальной группировке. Такая разница, вытекающая из местоположения и природных условий, по своему существу подходит к категории дифференциальной ренты.

Однако, если различная рентабельность отдельных районов связана с различной структурой цены, то вне изучения системы цен в районном разрезе процесс этот не получает должного отражения. Понятие рентабельности без представления о покупательной силе рубля есть чисто количественная счетная величина. Если в ЦЧО рентабельность несколько выше, чем в Татарской АССР, то уровень розничных промышленных цен различен для этих районов. Индекс промышленных розничных цен в ЦЧО, при его низком размере чистого дохода на 1 час труда, выше, чем в УССР, где чистый доход значительно выше. Таким образом, эта относительно низкая рентабельность района в свете всей системы цен района, так называемых эквивалентных отношений и покупательной силы рубля—еще больше усугубляется. Покупательная сила рубля каждого района определяется уровнем цен района на товары, входящие в структуру приобретения потребителей. Эта структура различна для различных социальных групп города и деревни (см. приложение 2). Поэтому, всякое изменение промышленных цен, при неизменности прочих, в большей мере отражается на покупательном рубле имущих слоев населения.

Средний уровень цен для каждого района также зависит от удельного веса социальных секторов в сфере товарного обращения. Там, где удельный вес частного сектора относительно велик (Украина), там покупательная сила рубля подвержена значительно более резким колебаниям, чем в районах с его небольшим удельным весом в проведении товаров к потребителю (Москва). Таким образом, действительная рентабельность производства определяется структурой реализационной цены (удельный вес элементов накопления) и покупательной силы рубля по приобретению. Один из этих показателей не является репрезентативным для определения подлинной экономической выгоды воспроизводства.

Если обратиться к рентабельности условно-середняцких (типичной для каждого района посевной площади) хозяйств в среднем по СССР по зерновым хлебам, то она за ряд истекших лет представляется, примерно, в следующем виде.

Средняя себестоимость основных хлебов (рожь, пшеница, овес, ячмень) по СССР (взвешена по посевным площадям районов и культур) изменилась с 1925/26 г. по 1928/29 г. в типичных хозяйствах следующим образом (в рублях за центнер): 6,8 р.; 6,7 р.; 7,2 р. и 7,0 р. в 1928/29 г. Разница между ценой производителя и себестоимостью за те же годы составляла (за центнер): + 15 к., — 1 р. 12 к.—1 р. 03 к. и + 2 р. 97 к. в 1928/29 г. Наиболее неблагоприятным в отношении рентабельности является 1926/27 и 1927/28 гг., когда повышение себестоимости сопровождалось снижением цен; обратную картину дает 1928/29 г., характерный противоположными тенденциями. Из культур наиболее неблагоприятные показатели дает рожь: все годы до 1928/29 г. себестоимость ржи значительно превосходила цены; 1928/29 г. дает перелом: при росте себестоимости центнера ржи на 50 к. цена производителя ржи удваивается. В результате чего рожь в 1928/29 г. занимает по рентабельности (и в типичных хозяйствах) первое место (+ 4 р. 25 к.), оттесняя на второе место пшеницу (+ 2 р. 45 к.). Наиболее неблагоприятные показатели рентабельности дает потребляющая полоса, занимающая ничтожное место в рыночном хлебном обороте. Поэтому, судить о действительной рентабельности реализованного производителем хлеба за истекшие годы возможно на основе определения средней себестоимости не по весам посевных площадей, а по весам товарной продукции, отчуждаемой на рынок.

Однако с точки зрения перспектив товаризации натуральных и полунатуральных районов, определение себестоимости и рентабельности воспроизводства в нетоварных районах весьма существенно и важно.

Разница между себестоимостью реализованных зерновых культур и ценой производителя (в типичных хозяйствах) за те же годы составляла: + 1 р. 42 к. в 1925/26 г., 41 к. в 1926/27 г., 64 коп. в 1927/28 г. и + 2 р. 63 к. в 1928/29 г.

Таким образом, цена в 1928/29 г. превышает себестоимость почти на 40%, в то время, как в предыдущем году она была ниже себестоимости на 9%. Оставляя на 1929/30 г. стабильность себестоимости в крестьянских хозяйствах на уровне 1928/29 г. мы в результате резкого вытеснения частного из заготовок будем иметь снижение средней цены производителя хлебов (примерно на 2,0%). Если в 1928/29 г. цена превышала себестоимость на 40%, то в 1929/30 г. она будет превышать себестоимость несколько больше 20%. По степени рентабельности первое место снова займет пшеница, второе ячмень.

Анализ размера затрат на единицу площади (1 га) в совхозах показывает, что затраты эти меньше соответствующих затрат в индивидуальных хозяйствах. Состояние материалов по себестоимости в

колхозах, к сожалению, пока исключают возможность анализа в этой области, тем не менее можно априори сказать, что и здесь преимущества крупного механизированного хозяйства весьма значительны.

Как мы видели, анализ себестоимости индивидуальных хозяйств в социальном разрезе вскрывает, что себестоимость в середняцких и особенно в бедняцких хозяйствах значительно выше, чем в кулацких. В ряде основных районов низко обеспеченные (по размерам посевной площади и сел.-хоз. капиталу) хозяйства дают себестоимость выше средней себестоимости по району (и культуре) на 10—20%. В отдельных районах это превышение достигает значительно больших размеров. Здесь именно и кроется экономическая выгодность и необходимость бедняцких и середняцких хозяйств вступать на путь обобществления и коллективизации своих хозяйств. Это и есть единственный путь разрешения проблемы рентабельности и развития маломощных, необеспеченных хозяйств.

Если функцией социального фактора в цене производителя является различная структура затрат, при различной стоимости единицы последних, то и средняя цена потребителя в социальном разрезе зависит от различной структуры приобретения и различной рыночной цены. Если в обоих случаях структура затрат и структура приобретения являются факторами материальными, то различная цена является величиной, зависимой от того, с каким социальным сектором вступает в рыночную связь та или иная социальная группа производителей или потребителей, что идет по линии цепной связи в ценообразовании.

Проблема покупательного рубля всецело упирается в проблему потребления и цепной связи. Потребление же (в широком смысле этого слова) как функция благосостояния, весьма неоднородно для различных социальных групп города и деревни. Достаточно указать на то, что в покупательном рубле низших слоев крестьянства зерно, мука, крупа занимают свыше 15%, а в высших всего лишь 3,0%; мануфактура же—соответственно 12,8 и 17,4%, а сел.-хоз инвентарь—3,1 и 11,9%. Однако структура крестьянского покупательного рубля далеко не отражает структуры и уровня крестьянского потребления, поскольку значительная часть потребляемых продуктов не получает своего отражения в денежном обороте деревни. Натуральное потребление, идущее вне рыночных отношений, натуральные сделки между отдельными социальными группами крестьянства (оплата труда натурой) в покупательном рубле деревни отражения не имеют. Всякое заметное движение цен влияет на соотношение натурального и товарного потребления деревни. Резкое повышение цен на ряд промышленных товаров может повлечь за собою процесс детоваризации той или иной культуры, в зависимости от степени обобществления сбыта данной культуры и возможности переработки ее домашним способом.

Проведенный нами анализ структуры розничной цены на ряд промышленных товаров, являющихся продуктом переработки сел.-хоз. сырья, показывает, что цена, уплачиваемая деревней за эти товары,

в 3—4 раза превышает цену производителя соответствующего сырья. Здесь сказывается высокая стоимость фабричной обработки и чрезмерно большая стоимость торгового аппарата по проведению сырья из деревни на фабрику и обратно—по проведению готового товара от фабрики в деревню—к потребителю. Так, если принять розничную цену льняных изделий в 1926/27 г. за 100%, то удельный вес заготовительной цены льна составит 26%, а сумма издержек обращения (на сырье и готовый товар) составит около 24,0%, т. е. примерно столько же, сколько и заготовительная цена. Повышение в 1928/29 г. цены на лен на 22%, снижение издержек обращения за ряд последних лет, а также некоторое снижение стоимости обработки должно было резко изменить структуру цены в пользу увеличения товарности льна.

Если социальный момент не получает своего полного отражения в структуре покупательного рубля деревни, то для городского потребителя структура покупательного рубля совпадает со структурой потребления (в широком смысле, а не узко-физиологическом) отдельных социальных групп и прослоек. Анализ структуры расходного бюджета различно обеспечиваемых групп трудящихся показывает, что чем ниже заработок, тем больше удельный вес расхода в покупательном рубле на товары, связанные с удовлетворением насущных физиологических потребностей, и, наоборот, меньший удельный вес расходов на удовлетворение культурных потребностей. Если расход на мебель и предметы обстановки на душу низкооплачиваемых рабочих в 1925/26 г. составлял в год около 40 к., то в высшей категории рабочих он составлял около 5 р. 40 к. Расход на приобретение бумажных тканей в первой группе составлял 2 р. 27 к., а в высшей—меньше 2 рублей, между тем как по шерстяным тканям этот расход составлял соответственно 77 к. и 9 р. 32 к.¹ Если по потреблению ржаной муки низшие группы превышают высшие группы почти в 2 раза, то по пшеничной муке высшие превышают тоже почти в 2 раза. Еще более разительное расхождение между структурой покупательного рубля рабочих, служащих и городской буржуазии. Расход лиц наемного труда в процентах ко всему их доходу за все годы, начиная с 1925/26 по 1928/29 г., составлял: 39,8%, 38,2%, 36,7% и 33,8%; соответственные величины для городской буржуазии составляли: 30,5%; 29,7% и 26,8% в 1928/29 г. Удельный вес расходов служащих на промтовары к их доходу превышает удельный вес соответствующих расходов рабочих более, чем на 40—45%. Расходы на сел.-хоз товары дают обратную картину, в особенности в отношении продуктов первой необходимости. Таким образом, движение цен на те или иные товары в различной степени отражается на покупательной силе рубля отдельных социальных групп и различных классов.

Если, как мы указывали, процесс ценообразования различен для отдельных социальных групп советской деревни, то еще несравненно более разительные явления в этом отношении дает довоенная деревня.

¹ „Бюджеты рабочих и служащих“, вып. III, изд. ЦСУ, 1929 г., стр. 398—399.

Наличие крупных капиталистических хозяйств в довоенной деревне, наряду с пролетарскими, полупролетарскими, закабаленными хозяйствами—вносило значительно превосходящие теперешние интервалы в структуре, уровне и размере затрат на единицу продукции между различными классами и социальными группами. Анализ себестоимости производства хлебов в довоенной России¹ вскрывает, что размер затрат на единицу посевов и единицу продукции в наивысших группах (по размерам посевной площади—крупных помещичьих хозяйствах) был на 20—30 и больше процентов ниже затрат в хозяйствах с небольшим размером посевной площади. Наряду с этим, мы имели значительно большие различия в структуре производственных и прочих затрат между высшими и низшими группами хозяйств. Таким образом, как средний размер довоенных затрат на воспроизводство единицы сел.-хоз. продукции, так и структура этих затрат до Октябрьской революции резко отличалась от соответствующих наших затрат.

Совершенно иная социальная физиономия советской деревни, в отличие от довоенной, не могла не повлиять на иной, отличный от довоенного, процесс ценообразования. Поэтому, сравнивать современную себестоимость в сельском хозяйстве с довоенной без поправки на социальный момент не представляется возможным. Для этого сопоставления нами проделана большая работа по исчислению сопоставляемой довоенной себестоимости в сельском хозяйстве с современной. Прежде всего нами взята из довоенных данных Министерства земледелия (в губ. разрезе) одна лишь низшая социальная группировка (до 20 га), относительно более близкая из всех прочих группировок, имеющих в довоенном материале, к средней обеспеченности нашего хозяйства. На основе современных посевных площадей мы вывели среднюю себестоимость и средний размер основных составных элементов себестоимости для территории, отвечающей нашему современному районному делению (районы Статплана) и в среднем для СССР. Кроме того, для получения себестоимости (и составных элементов) единицы продукции мы вносили поправку на урожайность². Проведя эту работу в отношении 4 главнейших зерновых культур (рожь, пшеница, овес и ячмень), мы исчислили среднюю для каждого района и для СССР в целом довоенную себестоимость и ее структуру в среднем по всему (условно) зерновому хозяйству. Полученные таким образом исчисления мы считали возможным сопоставить с современными данными (за 1925/26 г.), исходя, примерно, из одинаковой посевной площади хозяйств и их географического размещения (одинаковые климатические и природные условия).

¹ «Стоимость производства главнейших хлебов», изд. Министерства земледелия, 1915 г.

² Приводимая Министерством земледелия себестоимость по каждой губернии исчислена из основания несколько преувеличенного размера (примерно, на 6,0 %) урожайности, в связи с чем и себестоимость в каждом отдельном случае оказалась немного преуменьшенной (на 3,5 — 4,0 %).

Однако, если эти хозяйства, примерно, однородны по размеру посевной площади, то они еще далеко неоднородны социально. Классовые отношения деревни до Октябрьской революции ставили эти хозяйства в совершенно иные социальные условия. Крупная частная собственность на землю, арендные и рентные отношения ставили бедняцко-середняцкие хозяйства в кабальную зависимость от крупного землевладения и тормозили товаризацию хозяйств. Такое положение не могло не наложить своего отпечатка и на структуру натуральных и денежных затрат в процессе производства. Структура себестоимости отражает в себе не только организационные, но и социальные особенности хозяйства. На основании данных Министерства земледелия мы исчислили, что «съемочная плата за землю», вернее, рента, исходя из существовавшей до войны цены на землю (по каждой губернии и культуре в отдельности), должна была составить в себестоимости единицы зерновой продукции (центнер) свыше 25,0 %. Если считать, что фактически «съемочная плата» платилась этими низшими группами хозяйств не за всю землю, то все же процент этот останется достаточно большим. Кроме того, помимо платы за землю, здесь совершенно не учтена плата за «право пользования» средствами производства, которые обычно сдавались в наем на кабальных условиях феодально-помещичьей частью деревни бедняцко-середняцким массам. Во всяком случае, не будет преувеличенным считать, что в сумме затрат на воспроизводство середняцко-бедняцких хозяйств расходы на воспроизводство деревенской буржуазии составляли около 15—20,0 %. Можно спорить о величине этого расхода, но во всяком случае бесспорно одно, что без этой поправки сравнивать рентабельность производства довоенных хозяйств с аналогичными хозяйствами советской деревни неправильно.

В довоенной реализационной цене крестьянина-производителя «сидело» несравненно больше «классовых расходов», чем в современной цене производителя. Вместе с тем, нужно учесть, что когда мы говорим о довоенной цене производителя, мы имеем в виду среднюю цену данной культуры в данном районе. Между тем, капиталистические хозяйства имели все преимущества для реализации по относительно более повышенным ценам. Здесь и организационная связь с рынком, возможность по размеру своей товарной продукции выдерживать товар, играя на конъюнктуре, и ряд других моментов, дававших возможность деревенской верхушке получать более высокие цены, нежели слабообеспеченное хозяйство. Отсюда мы имели, при значительно более низкой себестоимости мощных хозяйств и при более высокой реализационной цене, несравненно большую рентабельность производства. Аналогичное по мощности и технической вооруженности середняцкое хозяйство, перенесенное из довоенных условий в наши, лишь в силу упразднения частной собственности на землю и крупных капиталистических хозяйств, имеет все данные для большей рентабельности производства. Отсюда понятно, какую ошибку совершают

все те, которые на основе современной цены сел.-хоз. производителя в их сопоставлении с розничной ценой на промтовары, судят об эквивалентности обмена, по сравнению, конечно, с довоенными эквивалентами, при этом совершенно не вносят никаких поправок на иную социальную природу сел.-хоз. цены.

Переходя к анализу сопоставления довоенного ценообразования в сельском хозяйстве с современным, необходимо указать, что исчисление средней по району цены и себестоимости нами произведено на основании одинаковых весов; хозяйства же, как мы указывали, взяты примерно однородные. Средняя довоенная себестоимость (см. приложение 4) 1 центнера зерна (в среднем по 4 хлебам) нами исчислена в 3 р. 85 к. без ренты и 4 р. 91 к. с учетом ренты. Средняя же цена производителя определяется в 4 р. 16 к. Таким образом, если хозяйство велось на арендованной земле—в этих условиях цена ниже себестоимости на 75 к., или на 14,0%. Это означает, что чистая продукция, приходящаяся на день труда, ниже заработной платы.

Средняя себестоимость по тем же зерновым хлебам, в среднем по СССР (по тому же кругу районов), для 1925/26 г. определяется в 5 р. 97 к., а цена в 6 р. 75 к., т. е. цена превышает себестоимость на 98 к.; если же взять не по всем хозяйствам, а по типичным, то цена превышает себестоимость, примерно, на 20—25 к. Иначе говоря, норма доходности (процент рентабельности в цене) в типичных (по размерам посевной площади) хозяйствах несколько ниже довоенной нормы в хозяйствах, освобожденных от несения земельных тягот (рента, аренда). Если индекс заготовительных цен на зерно в 1925/26 г. составлял 167, то индекс себестоимости составляет 155, без учета в довоенной себестоимости ренты, и 122 с учетом таковой. Для типичных посевных групп этот индекс соответственно составит 171 и 134.

Отношение между индексом цены и себестоимости для 1928/29 г. определяется несколько более благоприятным, чем в 1925/26 г. Если даже считать довоенную себестоимость преуменьшенной (поскольку нами взяты хозяйства с размером посевной площади до 20 га), то во всяком случае нельзя говорить о каком-нибудь существенном расхождении между индексом цены и себестоимости. На основании проделанного анализа, мы склонны утверждать, что для всей массы середняцко-бедняцких хозяйств создались (за исключением 1926/27 и 1927/28 гг.) более благоприятные соотношения между ценой и себестоимостью, чем до войны. Несмотря на более низкий индекс цен сел.-хоз. производителя по сравнению с индексом розничных цен на промтовары, рентабельность производства основной массы крестьянства повысилась по сравнению с довоенной. Этот момент нужно всегда иметь в виду, при анализе так называемых «генеральных ножиц». Кстати, в отношении этих «ножиц» нужно иметь еще в виду, что обычно для исчисления их пользуются индексом розничных цен (Конъюнктурного ин-та ЦСУ), охватывающих и учитывающих лишь оборот городского рынка. Структура промышленного товарного оборота деревни

совершенно иная, чем в городе; удельный вес социальных секторов в деревенской торговле теми или иными промышленными товарами отличен от социальной структуры городского рынка. Те индексы, которыми обычно пользуется для «генеральных ножиц», а отсюда для эквивалентов, всего этого не учитывают. Одно то, что в расходной части крестьянского бюджета на промтовары удельный вес сел.-хоз. машин, орудий и инвентаря составляет, примерно, 20%, резко изменяет для деревни средний розничный индекс на промтовары, поскольку индекс сел.-хоз. машиностроения является почти самым низким в системе промышленных цен. Кроме того, обуви и мануфактуре крестьянского потребления соответствует иной, более низкий индекс. Эти поправки, в свою очередь, должны несколько сдвинуть лезвия «генеральных ножиц» в сторону некоторого сжатия их.

Теперь, как и до войны, мы имеем более благоприятные соотношения между ценой и себестоимостью зерна в производящей полосе по сравнению с потребляющей. Однако, потребляющая полоса показывает теперь относительно довоенной более неблагоприятную картину. Разница между ценой и себестоимостью до войны в потребляющей полосе была 12 к. или + 3,0% от цены без учета в себестоимости ренты, а с учетом таковой, эта разница равнялась—20%. В 1925/26 г. эта разница составляла—86 к. на центнер, или—10% для всех хозяйств и—15% для типичных. Если в довоенной себестоимости потребляющей полосы не учитывать ренты, то здесь мы имеем в настоящее время ухудшение соотношения между ценой и себестоимостью. А это с точки зрения перспектив товаризации этих районов—безусловно, неблагоприятный момент. Наоборот, в товарных районах (а именно в отношении этих районов можно говорить о рентабельности за прошлые годы) в производящей полосе вместо 14% прибыли (без вычета ренты и бюджетных изъятий) до войны—мы сейчас имеем свыше 20% (без вычета бюджетных изъятий) в среднем во всех хозяйствах и около 9,0% по типичным. В хозяйствах же с арендованной землей себестоимость до войны превышала цену на 15,0%, т. е. вместо + 14% имелось—15%.

Индекс себестоимости зерна в производящих районах составлял в 1925/26 г. примерно 149 по всем хозяйствам района и 174 по типичным хозяйствам, если брать довоенную себестоимость без ренты; если же брать с рентой, то индекс себестоимости для производящей полосы соответственно составит 111 и 130, при индексе цены производителя в 164.

По отдельным районам¹ соотношение между индексами цен и себестоимости различное. Так, по ЦЧО индекс себестоимости по всем группам посевных площадей составляет 160, а индекс цен 191; Урал соответственно 130 и 163; Средне-волжский район 153 и 188, Сев. Кавказ—120 и 150, Украина—163 и 169 и Ю.-З. Сибирь—167 и 154¹. Таким образом, почти по всем районам мы имеем превышение ин-

¹ См. наши статьи: «К вопросу о процессах ценообразования в сельском хозяйстве». «Плановое Хозяйство», № 5 и 6 за 1929 г.

дексом цен индекса себестоимости в среднем по всем хозяйствам. Это превышение в различной мере сохранится и для типичных хозяйств ряда районов. Неблагоприятную в этом отношении картину дает Украина (в особенности по типичным хозяйствам) и весьма неблагоприятную Сибирь. Здесь индекс себестоимости значительно превышает индекс цен.

Более подробный анализ размера современной себестоимости в географическом разрезе мы уже привели в другом месте¹. Здесь же важно отметить, что мы имели несколько изменившуюся в сравнении с довоенным конфигурацию рентабельности производства в территориальном разрезе.

Из всех культур наиболее неблагоприятные соотношения с довоенными дает рожь. Так, индекс себестоимости ржи (без учета ренты в довоенной себестоимости) в типичных хозяйствах составляет около 195 (а с учетом ренты около 150), индекс же цен производителя по СССР определяется в 167. Вместо разницы между ценой и себестоимостью до войны в +4,0%, мы имеем в 1925/26 г. в типичных хозяйствах—12%. Однако, если внести поправку на довоенные арендные отношения, то интервал в рентабельности для этих хозяйств несколько сузится. Если же взять в среднем по всем хозяйствам, то индекс себестоимости, примерно, соответствует индексу цен. Особенно неблагоприятны эти соотношения для потребляющей полосы, где индекс себестоимости значительно превосходит индекс цен. Наоборот, если взять все хозяйства, по производящим районам, то индекс цен несколько превышает индекс себестоимости (без ренты); по типичным хозяйствам индекс цен меньше индекса себестоимости на 8—9%.

Наиболее благоприятные показатели дает пшеница. Здесь индекс цен превосходит индекс себестоимости на 11% по всем хозяйствам; если же исчислить индекс себестоимости в отношении довоенных хозяйств с арендованной землей, то индекс цен превышает этот индекс себестоимости на 40 с лишним процентов по всем хозяйствам и на 25—30% по типичным. Если брать довоенные затраты на 1 центнер без учета ренты, то в этом случае индекс себестоимости для типичных хозяйств по пшенице составит 172, а индекс цены производителя 160, т. е. на 6—7% ниже. Если взять в абсолютном выражении, то до войны разница между ценой и себестоимостью центнера пшеницы составляла (без учета оплаты ренты) +1 р. 19 к., или около 24% цены; в 1925/26 г. эта разница для типичных хозяйств составляла 1 р. 44 к. (в червонном исчислении) или 18% цены. Для довоенных хозяйств с арендованной землей цена едва покрывала затраты на воспроизводство этой культуры.

Если взять затраты на один гектар пшеницы до войны (без ренты) в довоенных ценностных выражениях, то размер современных

¹ Мы приводим здесь индекс себестоимости без учета в довоенной себестоимости платы за землю, т. е. без учета ренты, что и дает относительно повышенный индекс себестоимости.

затрат на один гектар, выраженный в современных ценах в типичных хозяйствах, превышает довоенный уровень на 22%. Таким образом, если бы мы имели дело с хозяйствами одинаковой урожайности, то индекс себестоимости соответствовал бы проценту превышения размера затрат на единицу посева, т. е. фактически мы имеем несколько преувеличенный индекс себестоимости, поскольку урожайность взятых нами современных хозяйств на 8,0% ниже (а в типичных почти на 20%) урожайности включенных в анализ довоенных хозяйств. Отсюда следует, что мы имеем дело с не вполне сопоставимыми по своей организационной структуре хозяйствами. Однако сопоставление это возможно, если иметь в виду указанные качественные поправки.

Мы лишены возможности (по размеру работы) останавливаться на более подробном анализе отдельных культур (см. приложение 5) и затронуть все связанные с этим вопросы. Это должно быть темой для специальной работы. Здесь важно установить одно, что мы не имеем каких-либо существенных расхождений между ценой и себестоимостью в крестьянском хозяйстве по сравнению с довоенными соотношениями. Если же внести поправку на довоенные классовые отношения в деревне, то мы имеем в настоящее время безусловно более благоприятные соотношения между ценой и себестоимостью даже на таком отсталом участке нашего сельского хозяйства как зерновое хозяйство. Рост благосостояния деревни в результате Октябрьской революции является несомненным фактом, несмотря на «теории» «обескровления деревни».

✓ На основании анализа цепной связи внутри промышленности (см. приложение 1), на основе дифференцированной структуры потребляемых каждой отраслью средств производства, мы исчислили ориентировочный индекс средств производства для каждой отрасли и для промышленности в целом в отношении довоенного уровня. При этом мы исходили из индекса цен потребляемых каждой отраслью в производстве отдельных видов сырья, топлива и материалов и из восстановления (до довоенного уровня) технических норм использования средств производства. Это последнее положение является, конечно, спорным, но в виду отсутствия в настоящее время каких-либо сплошных материалов для исчисления индексов технических коэффициентов¹, стабильность технических норм и амортизации в отношении довоенного уровня (для 1925/26 г.) может быть принята условной. Ряд проанализированных материалов это положение подтверждает. Далее, исходя из индекса номинальной заработной платы (в отношении довоенной) для каждой отрасли в отдельности и отношения выработки на одного рабочего в 1925/26 г. по сравнению с 1913 г. (на основании материалов «Динамики русской и советской промышленности»), мы исчислили индекс нормы оплаты труда единицы продукции. Здесь нужно иметь в виду, что, поскольку положенные в основу материалы явля-

¹ Такая работа в настоящее время начата в группе ценообразования Госплана СССР.

ются далеко недостаточными (45 трестов союзной промышленности) и исчисления индекса технических норм и индекса производительности труда—условными, выведенный в результате всех этих данных индекс себестоимости (в отношении довоенной) для отдельных отраслей и для промышленности в целом является довольно ориентировочным. Но этот индекс может отразить в основном тенденцию и соотношения между отдельными отраслями и стадиями ценообразования.

Если наряду с индексом себестоимости (1913 г.=100) каждой отрасли промышленности поставить соответствующий индекс отпускных цен, то оказывается, что почти во всех отраслях тяжелой индустрии индекс цен ниже индекса себестоимости, а в отраслях легкой индустрии выше. В целом для промышленности индекс цен несколько превышает индекс себестоимости, что связано с большими темпами расширенного воспроизводства в промышленности и необходимостью относительно больших накоплений в социалистическом секторе. Далее, даже одна и та же разница между ценой и себестоимостью в нашей промышленности дает значительно больший эффект, чем до войны, для возможностей расширенного воспроизводства. Часть разницы между ценой и себестоимостью шла на «воспроизводство» класса капиталистов и лишь остальная часть пускалась в дальнейший кругооборот капитала. Наряду с относительно большим удельным весом чистого накопления в цене промышленности, мы имеем и значительный рост реальной заработной платы рабочих по сравнению с довоенной. Индекс номинальной зарплаты промышленных рабочих в 1927/28 г. составлял 261 (1913 г.=100), бюджетный индекс за тот же год составлял около 199 (по переменным весам социальных секторов торговли). Таким образом, индекс реальной зарплаты определяется примерно, в 130, т.е. мы имеем рост благосостояния промышленных рабочих по сравнению с довоенным на 30,0%, наряду с превышением индекса отпускных цен над индексом себестоимости на 5,5% и еще более значительным превышением (по сравнению с довоенным) удельного веса чистого накопления в цене по сравнению с довоенным.

Таким образом, наряду с превышением индекса себестоимости в сельском хозяйстве индексом цен с.х. производителя, мы имеем и превышение индекса себестоимости в промышленности индексом отпускных цен промышленности, а также превышение бюджетного индекса—индексом номинальной зарплаты рабочих. Такое явление как одновременный рост (по сравнению с довоенным) благосостояния рабочих и средняцко-бедняцких слоев деревни, при увеличении нормы накопления в промышленности, могло произойти в результате соответствующего перераспределения фонда потребления (и личного накопления) непроизводительных классов при иной классовой «расстановке» в результате Октября. Лишь анализ цены в аспекте трех указанных разрезов: уровень, система и структура, могут со всей полнотой вскрыть действительные процессы, происходящие в народном хозяйстве.

Структура покупательного рубля различных социальных групп крестьянства²

	Покупка продуктов сел.-хоз. сырья и переработанных					Покупка продук. лесовод., рыб. и охоты	Покупка продуктов промышленности					
	Зерновые хлеба	Мука и крупа	Живой скот	Прочие прод. сел.-хоз.	Итого продук. сырых перер.		Хозяйств. инвентарь	Мануфактура	Готовая одежда	Обувь всякая	Проч. продук. промышлен.	Итого продук. промышлен.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I группа (до 2 га)												
Потребляющая полоса . . . ✓	3,9	16,6	6,4	12,2	39,0	4,9	3,9	9,3	3,2	8,6	31,1	56,1
Черноземная полоса . . .	2,9	11,4	9,6	13,5	37,4	6,6	2,5	13,8	2,9	8,0	28,8	56,0
Сев. Кавказ	2,8	11,5	11,6	19,6	39,5	3,8	2,9	16,3	4,6	9,1	23,8	56,7
Сибирь	4,8	12,9	9,3	14,2	41,2	4,8	4,0	14,0	3,1	6,9	26,0	54,0
БССР	4,6	12,5	14,8	14,8	46,7	2,7	5,6	7,9	2,9	9,1	25,1	50,6
УССР	3,4	5,8	16,6	15,4	41,2	7,1	2,3	13,5	4,2	8,5	23,2	71,7
СССР ✓	3,5	11,7	10,5	13,7	39,4	5,8	3,1	12,8	3,4	8,2	27,3	54,8
II группа (от 4 до 8 га)												
Потребляющая полоса . . . ✓	3,3	10,4	10,1	10,2	34,0	5,4	6,3	10,4	2,6	8,7	32,6	60,6
Черноземная полоса . . .	2,5	4,9	20,0	8,8	36,2	5,5	5,7	15,2	2,7	9,4	25,3	58,3
Сев. Кавказ	4,1	2,7	14,1	10,5	31,4	4,0	5,4	16,5	4,1	8,8	29,8	64,6
Сибирь	4,2	3,9	10,6	8,7	27,4	3,9	15,9	16,0	2,8	7,2	26,8	68,7
БССР	3,1	6,2	12,3	13,2	34,8	2,8	7,8	9,8	2,3	11,0	31,5	62,4
УССР	2,6	1,6	22,2	8,5	34,9	5,2	6,8	14,7	4,3	10,0	24,1	59,9
СССР ✓	2,9	4,5	17,9	9,2	34,5	5,1	6,9	14,6	3,2	9,3	26,4	60,4
III группа (свыше 16 га)												
Потребляющая полоса . . . ✓	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Черноземная полоса . . .	2,1	0,9	20,2	6,0	29,2	5,1	8,3	17,9	3,7	8,4	27,4	65,7
Сев. Кавказ	3,2	0,9	13,2	8,6	25,9	2,5	12,4	16,4	4,1	8,8	29,9	71,7
Сибирь	2,2	1,2	2,7	5,0	11,1	4,2	26,7	18,6	2,9	9,0	27,5	84,7
БССР	—	1,6	2,5	35,4	39,5	0,2	4,7	7,8	0,6	16,7	30,5	60,3
УССР	2,3	0,5	19,7	6,9	29,4	3,9	11,4	17,8	4,1	9,7	23,7	66,7
СССР ✓	2,5	0,8	16,3	7,1	26,7	3,8	11,9	17,4	3,9	9,0	27,3	69,5
По всему сельскому хозяйству ✓	4,4	8,2	11,4	12,7	36,7	2,9	11,8	11,4	4,6	8,0	28,2	60,4

¹ По техническим условиям приложения даны не в порядковой нумерации. Ред.
² По бюджетным данным ЦСУ СССР за 1926/27 г.

Цепная связь между основными
(индексы себестоимости)

Отрасли-производители Отрасли-потребители	Горная				Металл		
	Рудная		Прочая горная	Итого горная	Черный	Цветной	Металл. мехелы
	Же- лезн.	Мар- ганц.					
1	2	3	4	5	6	7	8
Рудная	—	0,70	—	0,70	18,78	—	—
Черная металлургия	17,29	1,72	0,69	19,70	28,78	3,12	—
Машиностроительная	0,48	—	1,08	1,56	56,62	6,91	—
Цветная металлургия	—	—	—	—	1,18	83,27	—
Каменноугольная	—	—	1,71	1,71	18,72	—	18,06
Нефтяная	—	—	—	—	39,20	4,50	20,30
Основная химическая	—	—	—	—	2,20	—	—
Лакокрасочная	—	—	—	—	13,15	6,75	1,89
Резиновая	—	—	1,06	1,06	—	—	—
Цементная	—	—	16,96	16,96	0,42	—	—
Стекольная	—	—	5,98	5,98	3,50	—	—
Бумажная	—	—	—	—	—	—	1,17
Хлопчатобумажная	—	—	—	—	—	—	—
Шерстяная	—	—	—	—	—	—	3,75
Льняная	—	—	—	—	—	—	2,31
Камвольная	—	—	—	—	—	—	0,49
Кожевенная	—	—	—	—	—	—	0,39
Сахарная	—	—	1,94	1,94	—	—	—
Табачная	—	—	—	—	—	—	—
Спиртовая	—	—	—	—	—	—	—
Итого по отраслям	—	—	—	3,9	14,0	3,9	3,3

Отрасли-производители Отрасли-потребители	Кожевен- ная	Бумажная	Текстильная			Пищевая
			Пряжа	Изделия	Кардо- лента	
23	23	24	25	26	27	28
Рудная	—	—	—	—	—	—
Черная металлургия	0,13	—	—	—	—	—
Машиностроительная	1,48	—	—	—	—	—
Цветная металлургия	—	—	—	—	—	—
Каменноугольная	—	—	—	3,10	—	—
Нефтяная	1,90	—	—	5,60	—	—
Основная химическая	—	—	—	—	—	10,30
Лакокрасочная	—	1,75	—	—	—	—
Резиновая	—	4,55	—	33,21	—	—
Цементная	—	—	—	—	—	—
Стекольная	—	—	—	30,10	—	—
Бумажная	—	—	—	3,35	—	1,90
Хлопчатобумажная	—	—	—	—	—	—
Шерстяная	0,07	0,96	3,73	—	—	—
Льняная	—	—	—	—	0,27	—
Камвольная	—	—	—	—	—	—
Кожевенная	—	—	—	6,96	—	—
Сахарная	—	1,19	—	—	—	—
Табачная	—	23,78	—	—	—	—
Спиртовая	—	1,21	—	—	—	—
Итого по отраслям	0,3	0,7	0,1	4,3	0,0	0,7

1 Внутренний оборот с учетом межтрестовского оборота.

отраслями промышленности¹
и индексы цен)

Приложение 1

Электро- технич.	Химическая				Нефтяная	Каменно- угольная	Торф	Лесная		Строительная			
	Основ- ная	Резино- вая	Лако- красочн.	Прочая				Дрова и лес	Строит. и дере- вообаб.	Цемент	Кирпич. и строи- тельног.	Стекло	Строит. матер. без разб.
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
4,46	22,33	—	—	—	0,63	29,73	—	0,78	21,46	0,21	0,92	—	—
1,53	1,24	—	—	—	2,65	28,33	0,01	5,60	0,48	0,07	8,36	—	—
1,44	1,54	—	0,52	—	8,77	7,33	—	1,54	8,88	0,88	2,15	0,38	—
5,58	—	—	—	—	5,09	2,02	—	—	0,64	0,11	0,11	—	—
5,54	2,94	—	—	0,85	1,55	—	—	—	33,81	—	—	—	13,72
1,30	2,70	10,00	—	—	—	—	—	9,80	—	—	—	—	4,70
—	61,69	—	—	—	0,35	19,28	—	2,83	7,59	2,52	3,54	—	—
—	36,65	—	—	—	21,45	2,92	—	2,40	1,65	0,06	0,30	—	—
—	10,03	1,39	—	—	2,38	0,90	—	0,85	1,57	—	—	—	—
—	—	—	—	—	5,89	20,89	—	2,29	40,84	2,29	4,34	—	—
—	18,10	—	—	—	11,98	—	10,70	19,90	12,32	—	—	—	17,52
—	—	—	—	—	0,95	6,64	1,06	52,35	—	—	—	—	8,90
—	3,62	—	7,48	2,05	2,35	3,03	1,55	2,37	1,99	0,14	0,92	—	—
—	1,33	—	6,01	—	0,67	1,01	1,07	3,29	1,21	0,01	0,52	—	—
—	—	—	—	—	2,64	1,23	0,59	2,63	4,31	—	0,62	—	—
—	3,64	—	8,42	—	1,14	2,92	—	1,93	1,21	0,08	0,11	—	—
—	9,21	—	—	—	—	—	0,18	0,95	1,46	—	—	—	—
0,11	—	—	—	—	0,14	5,13	0,18	1,15	—	—	—	—	0,83
3,32	—	—	—	18,01	—	0,24	—	0,05	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	0,32	1,78	0,11	1,52	72,41	—	—	12,97	4,80
1,1	3,4	0,9	2,0	0,8	2,7	7,4	0,5	3,8	7,2	0,2	1,8	0,5	1,7

Продолжение приложения 1

Сельскохозяйственное сырье								Каучук	Итого раз- мер средств производ.	Инд. средств производ. 100=1913 г.	Инд. нормы опл. труда с учет. произ. 100=1913 г.	Инд. себе- стоим. (фа- брич.-зав.) 100=1923 г.	Инд. от- пусных цен 100=1913 г.
Хлопок		Шерсть		Лен	Табачн.	Свекла	Кож. сырье						
Внут.	Загр.	Внут.	Загр.										
29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	194	176	183	106
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	165	275	207	149
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	163	211	183	209
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	123	218	163	113
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	211	157	177	188
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	179	174	178	119
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	182	295	220	165
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	162	208	171	233
—	—	—	—	—	—	—	—	48,61	100	120	208	146	173
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	214	180	201	154
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	200	180	189	275
60,42	—	—	—	—	—	—	—	—	100	234	238	235	190
2,68	4,96	—	—	—	—	—	—	—	100	159	253	183	200
14,42	—	77,44	—	—	2,70	—	—	—	100	201	205	202	307
0,46	—	—	—	—	—	—	—	—	100	190	296	223	203
—	—	12,11	65,40	—	69,81	—	—	—	100	199	205	201	361
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	203	156	195	172
—	—	—	—	—	—	—	81,98	—	100	150	338	176	219
—	—	—	—	—	54,60	—	—	—	100	168	214	180	189
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	262	321	297	236
13,5	1,1	2,7	1,1	2,9	1,0	9,7	0,4	2,4	100	174	216	188	198

Структура и размер затрат хозяйства

Себестоимость и элементы затрат	Степная					
	Озимая пшеница				Яровая	
	До 750 р.	От 750 до 1.500 р.	Свыше 1.500 р.	В среднем по району	До 750 р.	От 750 до 1.500 р.
Себестоимость 1 центнера	6,9	5,4	4,8	5,5	8,4	6,7
Отношение себестоимости групп к средн.себестоимости по району в %%	+25,5	- 1,8	-12,7	100	+23,5	- 1,5
Удельный вес материальных затрат в себестоимости	39,0	36,3	40,2	38,5	37,9	37,5
Затраты часов труда на единицу продукции (центнер)	28	23	19	23	35	28
На 10 часов труда приходится:						
материальных расходов в руб. . .	0,95	0,87	1,00	0,93	0,89	0,91
часов тяги	5,1	5,7	5,8	5,6	4,4	4,8
Чистый доход на 1 час труда в руб..	0,24	0,29	0,35	0,30	0,18	0,25

Себестоимость и элементы затрат	Северный					
	Яровая пшеница				Ячмень	
	До 1.000 р.	От 1.000 до 1.750 р.	Свыше 1.750 р.	В среднем по району	До 1.000 р.	От 1.000 до 1.750 р.
Себестоимость 1 центнера	4,0	3,8	4,1	4,0	3,9	3,5
Отношение себестоимости групп к средн.себестоимости по району в %%	0	- 5,0	+ 2,5	100	+25,8	+12,9
Удельный вес материальных затрат в себестоимости	34,5	36,8	41,1	38,1	30,1	32,6
Затраты часов труда на единицу продукции (центнер)	18,6	17,2	16,9	17,4	18,7	16,5
На 10 часов труда приходится:						
материальных расходов в руб. . .	0,75	0,82	0,99	0,88	0,61	0,69
часов тяги	4,2	5,0	5,1	4,8	5,2	6,3
Чистый доход на 1 час труда в руб.	0,30	0,31	0,31	0,31	0,15	0,16

Приложение 3.

по обеспеченности сел.-хоз. капиталом

Украинка						Северный Кавказ			
пшеница		Ячмень				Озимая пшеница			
Свыше 1.500 р.	В среднем по району	До 750 р.	От 750 до 1.500 р.	Свыше 1.500 р.	В среднем по району	До 1.000 р.	От 1.000 до 1.750 р.	Свыше 1.750 р.	В среднем по району
5,9	6,8	5,8	4,1	3,8	4,4	4,6	4,4	3,7	4,2
-13,2	100	+31,8	- 6,8	-13,6	100	+ 9,5	+ 4,8	-19,0	100
39,5	38,5	31,1	32,0	34,6	32,5	37,1	32,2	38,2	37,7
24	28	27	19	17	20	20,1	19,3	16,0	18,3
0,97	0,93	0,67	0,70	0,78	0,72	0,84	0,88	0,88	0,86
5,1	4,7	4,7	4,6	5,7	5,0	5,6	6,0	6,3	5,9
0,28	0,24	0,10	0,17	0,16	0,15	0,27	0,27	0,32	0,29

Кавказ		Центрально-черноземная область							
Ячмень		Рожь				Овес			
Свыше 1.750 р.	В среднем по району	До 500 р.	От 500 до 1.000 р.	Свыше 1.000 р.	В среднем по району	До 500 р.	От 500 до 1.000 р.	Свыше 1.000 р.	В среднем по району
2,7	3,1	6,6	6,0	5,3	5,9	3,1	3,5	3,0	3,1
-12,9	100	+11,9	+ 1,7	-10,2	100	0	+12,9	- 3,2	100
36,7	33,8	38,2	40,1	42,9	40,5	36,5	38,9	43,2	39,6
12,0	14,6	38,3	33,5	28,1	33,0	18,9	21,1	15,7	17,5
0,83	0,73	0,66	0,72	0,81	0,73	0,60	0,67	0,82	0,70
6,2	6,0	3,3	3,7	4,1	3,7	3,2	3,5	4,0	3,6
0,22	0,18	0,12	0,13	0,16	0,14	0,16	0,20	0,26	0,21

Довоенные и современные производственные

	Р о ж ь					
	СССР	Потреб. полоса	Производ. полоса	ЦЧО	Урал	Башкирия
Довоенные затраты на 1 га (с соломой):						
а) с рентой	71,67	82,42	67,95	75,27	62,00	51,76
б) без ренты	54,11	66,42	49,61	48,36	55,45	41,16
Затраты на 1 га по тип. посевн. гр. в 1925/26 г. .	83,12	142,35	66,52	51,81	75,61	50,57
Индекс затрат на 1 га (с соломой):						
а) с рентой { в довоен. затратах . . .	116,0	172,7	97,9	68,8	122,0	97,7
б) без ренты { . . .	153,6	214,3	134,1	107,1	136,4	122,9
Довоенная себестоим. 1 цент. зерна (без соломы):						
а) с рентой	5,22	6,16	4,86	5,51	4,41	3,98
б) без ренты	3,94	5,07	3,54	3,49	3,99	3,16
Себестоимость 1 цент. в 1925/26 г.:						
а) по всем посевным гр.	6,96	10,27	5,70	5,8	6,1	3,5
б) по тип. посевным гр.	7,68	11,13	6,41	6,5	6,7	3,8
Индекс себестоимости 1 цент. зерна (без соломы):						
а) с рен- { в довоен. { 1) по всем посев. гр.	133,3	183,9	117,3	105,3	138,3	88,3
той { 2) по типич. пос. гр.	147,1	199,5	131,9	118,0	151,9	96,0
б) без { себест. { 1) по всем посев. гр.	176,6	223,5	161,0	166,2	152,8	107,5
ренты { 2) по типич. пос. гр.	194,9	242,4	181,1	186,2	167,9	120,2
Индекс цен в 1925/26 г.	166,8	175,4	165,4	196,6	153,8	181,6

	О в				
	СССР	Потреб. полоса	Производ. полоса	ЦЧО	Ватский
Довоенные затраты на 1 га (с соломой):					
а) с рентой	59,24	66,94	54,62	65,90	50,84
б) без ренты	47,93	52,68	44,48	43,86	44,53
Затраты на 1 га по тип. посев. гр. в 1925/26 г.	73,60	103,00	63,70	49,28	71,42
Индекс затрат на 1 га (с соломой):					
а) с рентой { в довоен. затратах	124,2	153,9	116,6	0,75	140,5
б) без ренты {	153,6	195,5	143,2	112,3	160,4
Довоенная себестоим. 1 цент. зерна (без соломы):					
а) с рентой	4,08	4,56	3,79	4,21	3,84
б) без ренты	3,30	3,66	3,08	2,80	3,36
Себестоимость 1 цент. в 1925/26 г.:					
а) по всем посев. гр.	4,97	6,72	4,40	3,96	5,36
б) по типич. посев. гр.	6,18	7,09	5,37	4,65	7,26
Индекс себестоимости 1 цент. зерна (без соломы):					
а) с рентой { в довоен. { 1) по всем посев. гр.	121,8	147,4	116,1	94,1	140,1
б) без ренты { себест. { 2) по типич. пос. гр.	151,4	155,5	141,7	110,4	188,5
а) с рентой { в довоен. { 1) по всем посев. гр.	150,6	183,6	142,9	141,4	160,1
б) без ренты { себест. { 2) по типич. пос. гр.	187,2	193,7	174,4	166,1	215,7
Индекс цен в 1925/26 г.	184,1	174,2	185,0	170,6	239,1

Приложение 5

затраты в сельском хозяйстве

О з и м а я					П ш е н и ц а я р о в а я							
Ср.-волж-ский	Ниж.-волж-ский	Сев. Кавк. Дегестан	Ю. З. Сибирь с Том. округом	Украина	СССР	Производ. полоса	Урал	Ср.-волж-ский	Ниж.-волж-ский	Сев. Кавк.	Ю. З. Сибирь	Украина
66,75	53,17	49,17	48,63	76,63	55,95	55,95	59,84	53,55	49,14	54,70	34,35	66,65
47,85	38,26	34,91	44,93	55,59	42,75	42,75	53,57	39,90	35,23	37,74	40,37	45,12
54,91	47,58	52,53	74,29	72,50	52,19	52,19	60,95	47,85	51,99	46,51	37,90	66,20
82,3	89,5	106,8	152,8	94,6	93,3	93,3	101,9	89,4	105,8	85,0	85,5	99,3
114,8	124,4	150,5	165,3	130,4	122,1	122,1	113,8	119,9	147,6	123,2	93,9	146,7
5,01	4,42	4,44	3,50	4,86	5,04	5,04	5,06	5,02	5,47	5,18	3,62	5,76
3,59	3,19	3,14	3,23	3,51	3,81	3,81	4,53	3,59	3,91	3,61	3,28	3,88
5,4	5,61	3,63	6,66	5,72	5,50	5,50	5,79	5,29	6,31	3,99	3,66	6,57
5,8	7,1	8,51	8,32	6,12	6,56	6,56	6,37	6,35	10,87	5,74	4,39	7,13
107,8	126,9	81,8	190,3	117,7	109,1	109,1	114,2	105,4	115,4	77,0	128,7	114,1
115,8	160,6	191,7	237,7	125,9	130,1	130,1	125,6	126,5	198,7	110,8	121,3	123,8
150,4	175,9	115,6	206,2	163,0	144,4	144,4	127,8	147,4	161,4	110,5	142,1	169,3
161,6	222,5	271,0	257,5	174,4	172,2	172,2	140,6	176,9	278,0	159,0	133,8	183,8
177,6	170,9	120,2	104,8	147,3	160,0	160,0	158,3	197,0	178,9	145,3	135,3	185,2

Продолжение приложения 5

е с				Я Ф М Е Н Ь							
Урал	Башкирия	Ср.-волж-ский	Ю. З. Сибирь	СССР	Потреб. полоса	Производ. полоса	ЦЧО	Средне-волжский	Сев. Кавк. и Дегестан	Украина	
55,66	48,49	55,08	45,74	65,16	73,30	63,85	71,51	50,66	62,54	65,89	
50,52	40,17	40,13	42,45	46,60	59,94	44,55	45,86	39,77	43,74	44,82	
53,99	54,17	55,44	47,31	61,80	124,00	54,85	47,63	47,84	56,53	55,40	
0,97	111,7	100,7	103,4	94,8	169,2	85,9	66,6	94,4	90,4	84,1	
106,9	134,9	138,2	111,4	132,6	206,9	123,1	103,9	120,3	129,2	123,6	
3,76	3,68	3,97	2,98	4,27	5,23	4,11	4,88	3,89	3,90	4,20	
3,40	3,06	2,90	2,76	3,13	4,31	2,95	3,14	3,05	2,80	2,93	
3,95	4,40	4,88	3,86	4,47	8,89	3,80	2,5	6,3	3,0	4,0	
4,67	5,69	6,17	3,70	4,88	9,86	4,30	3,8	6,7	3,3	4,7	
105,1	119,5	122,9	129,5	105,7	170,0	92,5	51,2	161,9	76,9	95,2	
124,2	154,6	155,4	124,2	114,3	188,5	104,6	77,9	172,2	84,6	111,9	
116,2	143,8	168,2	139,8	142,8	206,3	128,8	79,6	206,6	107,1	136,5	
137,3	185,9	212,8	134,0	155,9	228,8	145,8	121,0	219,7	117,9	160,4	
178,8	217,1	209,0	127,3	112,4	144,7	121,8	156,9	166,3	118,6	122,4	

✓ Себестоимость и цены в среднем по 4 главным хлебам
(рожь озимая, пшеница яровая, овес и ячмень)

Приложение 4

94

Наименование районов	Довоенные данные					Современные (1925/26 г.) по всем хозяйствам					Индекс цен (довоенная=100)
	Средняя себестоимость по 4 хлебам в довоенных рублях			Разница между ценой и себестоимостью в дов. рубл.		Средняя себестоимость по 4 хлебам в черв. рубл.	Средняя цена по 4 хлебам в черв. рубл.	Разница между ценой и себестоимостью в черв. рубл.	Индекс себестоимости (довоенная=100)		
	Не считая ренты	С рентой	Средняя цена по 4 хлебам	Не считая ренты в себест.	С рентой в себест.				Не считая ренты в дов. себест.	С рентой в довоен. себест.	
СССР	3,85	4,91	4,16	+ 0,31	— 0,75	5,97	6,95	+ 0,98	155,1	121,6	167,1
Северо-восточный	4,32	4,84	—	—	—	9,80	8,52	— 1,28	226,9	202,5	—
Ленинград. и Карелия	4,77	6,01	—	—	—	10,15	8,56	— 1,59	212,8	168,9	—
Западный	4,84	6,38	—	—	—	6,75	8,22	+ 1,47	139,5	105,8	—
Центр.-промышл.	4,51	5,54	—	—	—	9,35	8,07	— 1,28	207,3	168,8	—
✓ Потребл. полоса	4,59	5,69	4,71	+ 0,12	— 0,98	9,06	8,20	— 0,86	197,4	159,2	174,1
Центр.-черноземн. область.	3,33	5,22	3,72	+ 0,39	— 1,50	5,33	7,09	+ 1,76	160,1	102,1	190,6
Вятский	3,92	4,48	3,36	— 0,56	— 1,12	6,69	6,79	+ 0,10	170,7	149,3	202,1
Урал	4,00	4,45	4,03	+ 0,03	— 0,42	5,21	6,58	+ 1,37	130,3	117,1	163,3
Башкирия	3,13	3,86	3,11	— 0,02	— 0,75	3,82	5,98	+ 2,17	122,0	99,0	192,3
Средн.-волжский	3,45	4,80	3,83	+ 0,38	— 0,97	5,29	7,21	+ 1,92	153,2	110,2	188,3
Нижн.-волжский	3,47	4,83	4,31	+ 0,84	— 0,52	5,85	7,52	+ 1,67	168,6	121,1	174,5
Сев. Кавказ	3,24	4,60	4,36	+ 1,12	— 0,24	3,90	6,55	+ 2,65	120,4	84,8	150,2
Сибирь Ю. З.	3,16	3,46	3,90	+ 0,74	+ 0,44	4,86	5,02	+ 0,16	153,8	140,5	128,7
Украина	3,36	4,91	4,28	+ 0,82	— 0,63	5,64	7,25	+ 1,61	163,0	114,9	169,4
✓ Производств. полоса	3,50	4,71	4,06	+ 0,56	— 0,65	{ ^{a1} 5,20 ^{b2} 6,10	6,65	+ 1,45	148,6	110,4	163,8
Белоруссия	3,38	5,37	4,48	+ 0,10	— 0,89		6,91	+ 0,55	174,3	129,5	163,8
						7,30	6,91	— 0,39	166,7	135,9	154,2

¹ По всем хозяйствам.

² По типичным.

Аналитический метод построения перспективных планов

1. Экономическое обоснование аналитического метода планирования

Мы исходим из положения, что советское хозяйство в основном, и в первую очередь в области распределения народного дохода, хозяйство субъектное, и что в определении путей его материального развития нам, в первую очередь и главным образом, приходится считаться не с законами определяющими развитие того или иного „бес-субъектного“ хозяйства, но с теми законами природы, и в частности производства, которые независимы от каждого данного общественного строя.

Означает ли это, что эти натуральные соотношения в производстве также постоянны и жестки, как соотношения между величинами какого-либо физического закона? Отнюдь нет. Для примера укажем, что производительность труда может быть различной на двух одинаковых предприятиях, в зависимости от субъективных свойств работников и руководителей.

По тем же причинам может отличаться потребление металла или топлива на единицу продукта, и те законы, которые можно установить в развитии общественного производства в субъектном хозяйстве, не могут включать и устанавливать жесткие соотношения там, где в действительности они не наблюдаются, и мы не должны коэффициентам, входящим в экономические формулы, приписывать свойства неизменных коэффициентов.

Как ни зыбки соотношения между натуральными величинами производственных элементов, ничего трудного для восприятия они не представляют и мы не задумываясь употребляем коэффициенты, определяющие расход кокса на тонну чугуна и затрату рабочего времени, на производство тонны кокса.

Значительно труднее воспринимается сумма несоизмеримых по своей физической природе предметов. Между тем, если мы вступаем на путь определения законов, устанавливающих соотношения между натуральными величинами элементов, участвующих в производстве, то мы неминуемо должны прийти к сопоставлению целых комплексов между собой, комплексов представляющих сумму физически несоизмеримых величин.

Скажем, паровая машина и те станки, на которых она производится. Уже отсюда возникает потребность в общем измерителе для самых разнообразных физически несоизмеримых предметов. Эта потребность еще усиливается при сопоставлении целых частей общественного производства и производства разных стран, с точки зрения их потребительной ценности, или с точки зрения физического объема производства (это понятие мы уточним в дальнейшем).

Какие требования мы должны предъявлять к этому общему измерителю? Единственное требование это то, что он должен выражать одно и то же, всегда одной и той же величиной.

Вся трудность состоит в том, чтобы определить, что именно в окружающих нас потребительных ценностях мы стремимся измерить нашим общим измерителем.

На этот вопрос необходимо ответить с абсолютной четкостью, что к общественному производству, в данном случае, можно подойти лишь с трех точек зрения:

1) С точки зрения того труда, который фактически общественно затрачивается в любой исторический момент для создания этих благ.

2) С точки зрения того труда, который общественно необходим в определенный, произвольно выбранный нами, исторический момент для создания одинаковых с точки зрения полезности этих благ.

3) С точки зрения того труда, который общественно необходим в определенный, выбранный нами исторический момент, для создания одинаковых с точки зрения физической формы и размеров этих благ (физический объем).

Круг этих благ, по мере обобщения всей нашей жизни, будет постепенно расширяться. Однако для дальнейших выводов необходимо, чтобы в учет были включены все блага, являющиеся результатом общественно необходимого производства.

С точки зрения высказанных выше соображений правильное всего было бы учитывать все элементы производства трудовыми затратами.

Однако такого учета не ведется, и из практических соображений мы должны удовлетвориться ценовыми выражениями всех благ, в той или иной степени отражающими трудовые затраты. Поэтому в дальнейшем мы будем оперировать в нашем изложении ценовыми выражениями, отнюдь не имея в виду исторической категории — ценности.

Словом „ценность“ мы будем пользоваться для удобства, имея в виду все то, что должно быть учтено и оценено.

Нетрудно понять, что схемы Маркса, выражающие условия равновесия и баланса, постоянно нарушаемого в капиталистическом хозяйстве, при выражении их элементов в трудовых затратах, могут служить для баланса трудовых затрат в любом общественном воспроизводстве, в котором труд является определяющим его фактором.

Для того чтобы схемы балансировались в количественном выражении, необходимо: либо чтобы производительность труда оставалась постоянной, либо чтобы все элементы производства переоценивались по производительности труда каждого данного текущего момента. Форма тех логических связей (в математической форме), которую мы в дальнейшем выведем из ценностных схем Маркса может быть распространена и на такие же по форме схемы, которые мы имели бы право установить при выражении всех элементов производства в трудовых затратах.

Поэтому все дальнейшее изложение будет нами проведено на основе ценностных схем Маркса, имея все время в виду, что они служат лишь некоторым субститутом трудовых выражений.

Баланс получится лишь при условии соответствующей калькуляции всех цен.

Однако в схемах Маркса даются не только условия равновесия, но и движение всех ценностей, независимо от того, получается ли баланс в ценностных единицах, или нет. „Небаланс“, с точки зрения непрерывности производства в условиях капиталистического хозяйства, означает кризис. „Небаланс“ в условиях планового хозяйства возможен по тем или иным разумным соображениям и кризиса не означает.

Наш дальнейший анализ мы будем сперва вести в предположении осуществляемого баланса. Конечные же наши формулы верны при их применении и в условиях нарушения баланса.

Почти каждая ценность получается в результате последовательной переработки и сочетания целого ряда ценностей.

Каждая ценность состоит из ряда перенесенных на нее ценностей ранее произведенных предметов и из вновь созданной ценности. В состав каждой ценности входит перенесенная на нее часть постоянного капитала и переменный капитал. Непосредственно каждым данным трудовым процессом создается лишь вновь созданная ценность, в результате деформации (видоизменения) попадающих в руки рабочего средств и орудия производства. Констатация этого факта ведет к неизбежному выводу, что вновь созданная ценность есть абстрактная разница между ценностью конечного для данной стадии трудового процесса продукта и ценностями всех использованных в данной производственной стадии средств производства в пределах перенесенных на конечный продукт ценностей.

Измерители же не могут изменить последовательности взаимозависимостей, схемы самого физического процесса.

Производительность труда может определяться по вышеизложенному как отношение вновь созданной ценности, в ее натуральном выражении, или в постоянных ценах, к затраченному труду.

Необходимо обратить внимание на одну из трудностей, которые возникают при исчислении ценностей, во вновь созданной их части. С усовершенствованием производительной техники возникают совершенно новые производственные процессы, которые могут

иметь совершенно новые производственные стадии. Возникает вопрос, какие цены применить при постоянной оценке (полезности или физического объема) таких предметов, которых не было в то время, ценовые соотношения которого нами используются для подсчетов. Нам кажется, что иного способа, кроме индексного, основанного на учете ценовых сдвигов аналогичных предметов, нет, и что для практических целей он совершенно достаточен.

Еще на одну особенность этих расчетов необходимо сейчас же обратить внимание.

Выше мы указали на то, что вновь созданная ценность имеет совершенно определенную натуральную форму и содержание. Однако размер ее в точности определяется лишь ценовыми соотношениями того года, в который она произведена.

Напомним, что вновь созданная ценность по Марксу имеет двойное выражение. В каждом отдельном производстве она равна разности между ценностью валовой продукции и перенесенной на эту валовую продукцию ценностью используемых в производстве ранее произведенных ценностей. С другой стороны, в процессе обмена вновь созданные ценности постепенно выкристаллизовываются в виде потребляемых человеком продуктов и новых оборудования и средств производства, присоединяемых к ранее существовавшим, чтобы на этой новой расширенной базе расширить и само производство.

Сферу непосредственного личного потребления можно себе представить пока совершенно отделенной от сферы производства для упрощения задачи. Тогда мы не будем учитывать износа накапливаемых средств потребления непосредственного пользования. (Нам кажется очевидным, что выбрасываемые, вследствие того, что они стали физически негодными, потребительные ценности должны быть учтены по ценам воспроизводства, как таковые, и вычтены из ценности вновь устанавливаемого оборудования, независимо от того, что они стоили в момент их производства).

Сумма всех лично и непосредственно потребленных ценностей и всех вновь прибавленных к прежним производственным фондам, является народным доходом и вновь созданной за данный период времени ценности. Этим устанавливается критерий и для определения вновь созданных ценностей в отдельных производствах. Дело в том, что расчетный ценностный баланс всего производства может быть увязан лишь в применении тех конкретных ценностных соотношений, которые имели место для данного рассматриваемого периода.

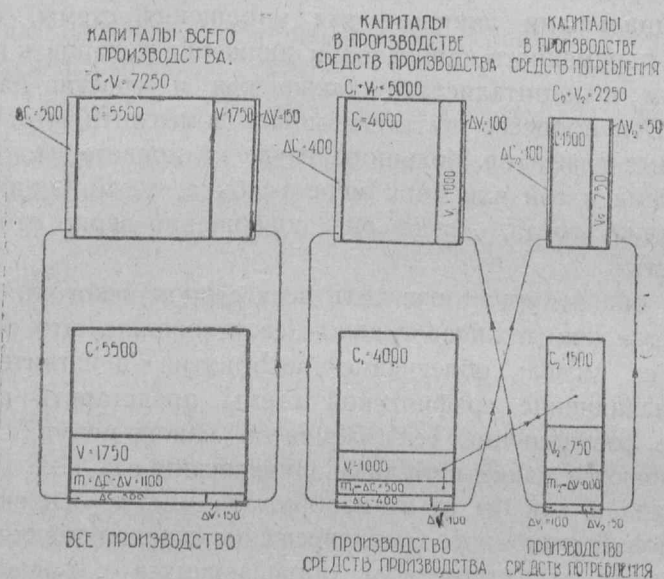
Таким образом для того, чтобы сумма всех вновь созданных в отдельных производствах ценностей была равна народному доходу, необходимо и то и другое определять по ценностным соотношениям данного рассматриваемого нами года.

Лишь определив таким образом вновь созданные ценности по ценовым соотношениям этого года, можно их пересчитать на те по-

стоянные цены, которые нами приняты для измерения полезности или физического объема ценностей.

Определив, таким образом, все материальные элементы общественного производства, для определения „натуральных законов“ его развития, мы должны составить себе ясное представление о самом механизме общественного производства, составить себе его схему. Это тот путь, по которому шел и Маркс при анализе законов капиталистического производства и все исследователи каких-либо физических процессов.

Наиболее понятными нам кажутся графические схемы и мы их используем в нашем анализе.

Чертеж 1

В основу развиваемой нами теории, мы, разумеется, кладем схемы расширенного воспроизводства Маркса, придав им графическое выражение, одновременно используя и аналитическое. В основу мы кладем ставший классическим следующий пример расширенного воспроизводства Маркса:

$$4000 c_1 + 1000 v_1 + 1000 m_1 = 6000 w_1$$

$$1500 c_2 + 750 v_2 + 750 m_2 = 3000 w_2$$

$$5500 c + 1750 v + 1750 m = 9000 w$$

Данный пример Маркса предполагает, что вся ценность капитала переносится на ценность продукта производства.

Это упрощает схемы и расчеты, ничего в принципе не изменяя в схеме производственного процесса.

На нашей схеме наверху мы располагаем используемые в производстве капиталы, внизу — ценности, получаемые в результате

производства. Структура как капиталов, так и продукции на схеме соответствует Марксовым схемам.

Отметим, что мы разделили всю прибавочную ценность на три части: 1) часть потребляемую $m - \Delta c - \Delta v = 1100$, 2) часть идущую на увеличение постоянного капитала — Δc , 3) часть идущую на увеличение переменного капитала — Δv .

На схемах показано движение вновь созданных капиталов и показано, как увеличивается таким образом капитал к следующему воспроизводственному обороту. Слева показано все воспроизводство в целом, справа — с делением по Марксу на производство средств производства и средств потребления. На правой схеме показан обмен средств производства на средства потребления между разделами (1) и (2); не показаны специальными линиями, для упрощения схемы, обороты постоянного и переменного капиталов и движение товаров к потребителям (рабочим и капиталистам), также как и участие рабочих в производстве. Эти процессы читатель может домыслить, что, на основе предложенных графиков, большого труда не представит.

Всякая схема в той или иной мере условна, в той или иной мере символична, даже тогда, когда она совершенно верно отображает действительность.

При этом она не может охватить всех сторон какого-либо сложного явления, так как это настолько бы ее усложнило, что потерялся бы основной ее смысл: облегчение восприятия действительности. Основное же назначение графической схемы представить в графической форме соотношение тех элементов какого-нибудь явления, которые связываются каким-нибудь аналитическим законом.

Схемы Маркса, как бы их не изображать, имеют основную цель выявления условий рыночного равновесия (и его нарушения), и они поэтому выявляют структуру всех обращающихся в общественном хозяйстве ценностей, как тех которые созданы вновь в течение текущего производственного оборота, так и тех, которые к нему перешли в наследство от предыдущих¹. Специфическое противоречие капиталистического строя, постоянно вновь воспроизводимое несоответствие роста потребления росту производительных сил, что связано с природой постоянных и переменных капиталов, побудило Маркса разбить все производство на средства производства и средства потребления. Эти основные линии рыночных отношений и получили свое выражение в аналитических схемах Маркса.

Однако схема всего общественного производства отнюдь не перекрывается выше приведенной схемой, хотя в графике мы дополнили аналитическую схему Маркса выделением в отдельную фигуру капиталов и указали их структуру (постоянный и переменный капиталы), а так же структуру их приростов.

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, кн. 2-я. Простое воспроизводство. Ретроспективный взгляд на А. Смита, Шторха и Рамсеса, стр. 409 (Госиздат, 1923 г.).

В схемах Маркса можно выделить вновь созданную ценность, но ее деление на часть накапливаемую и часть непосредственно и лично потребляемую, требует дальнейшего развития схем, будь то в аналитической, будь то в графической форме.

В развернутом виде схемы Маркса могут быть представлены в соответствии с нашей графической схемой следующим образом¹ (без чисел для упрощения):

$$\begin{aligned} C_1 + V_1 + \Delta C_1 + \Delta V_1 + m_{n1} &= W_1 \\ C_2 + V_2 + \Delta C_2 + \Delta V_2 + m_{n2} &= W_2 \\ \text{причем} \quad V_1 + \Delta V_1 + m_{n1} &= C_2 + \Delta C_2 \end{aligned}$$

Тогда вся вновь созданная ценность, равная народному доходу, выражается формулой:

$$\Delta = \Delta C_1 + \Delta C_2 + \Delta V_1 + \Delta V_2 + V_1 + V_2 + m_{n1} + m_{n2};$$

часть народного дохода, идущая на увеличение производственных фондов (капиталов)

$$\Delta_v = \Delta C_1 + \Delta C_2 + \Delta V_1 + \Delta V_2 = \Delta C + \Delta V;$$

часть же народного дохода, идущая в непосредственное личное потребление в текущем производственном обороте, выражается через:

$$\Delta_n = V_1 + V_2 + m_{n2} + m_{n1} = V + m_n.$$

Мы считаем необходимым уточнить содержание приведенных элементов общественного производства в условиях социалистических отношений.

Это особенно необходимо по отношению к переменному капиталу (V_1 и V_2 , ΔV_1 и ΔV_2).

Маркс дает во втором томе капитала (Госиздат, 1923 г., стр. 415) следующее указание: „Переменный капитал функционирует как капитал в руках капиталиста и функционирует как доход в руках наемного рабочего“.

„Переменный капитал существует сначала в руках капиталиста как денежный капитал, когда капиталист покупает на него рабочую силу. Пока он остается в его руках в денежной форме, он представляет не что иное, как данную стоимость, существующую в денежной форме, следовательно представляет постоянную, но отнюдь не переменную величину, это — лишь потенциально переменный капитал, именно вследствие того, что он может быть превращен в рабочую силу. Действительным переменным капиталом он становится лишь по совлечении своей денежной формы, после того, как он превращен в рабочую силу, а последняя начинает функционировать в капиталистическом процессе как составная часть производительного капитала“.

¹ Н. Бухарин, Империализм и накопление капитала. Госиздат, 1926 г., стр. 9. Мы приняли другое обозначение для большей наглядности. Знак Δ означает прирост.

Такое толкование полностью и целиком соответствует сложным капиталистическим производственным отношениям. В условиях социалистических отношений мы можем подойти к „капиталам“, потерявшим свое специфическое антисоциальное содержание, как к технически необходимым на данном уровне производительных сил производственным фондам, состоящим из средств производства и средств потребления независимо от того, в чьем временном владении и где они находятся в каждый данный момент. Мы не видим необходимости в условиях социалистических отношений лишать распределение производственной квалификации и считали бы возможным признать производственный процесс законченным лишь к моменту непосредственного использования или потребления всех потребительных ценностей.

Конечной целью производства становится потребление потребительных ценностей, непосредственное потребление человеком. Тогда мы могли бы рассматривать деньги лишь как орудие распределения. Тогда накопление денег, в материальном конечно виде, обуславливается такими общими условиями всего общественного производства, как и накопление всяких других ценностей.

В наших условиях рабочая сила не может рассматриваться как капитал, цепь капиталистических производственных отношений разорвана. Пролетариат стал субъектом производства, произвольно распределяющим свои силы между производством средств производства и производством средств потребления, между производством на удовлетворение потребностей сегодняшнего дня и работой на накопление новых производственных фондов для расширения производства и, в конечном счете, для увеличения размеров личного потребления, или сокращения рабочего времени, путем замены старого оборудования—новым, более усовершенствованным.

Схема общественного производства разумеется должна соответствовать выше изложенной концепции.

Естественно по этому разбить всю схему общественного производства на две части народного дохода:

$$\begin{aligned} D &= D_n + D_y \\ D_n &= V_1 + V_2 + m_{n1} + m_{n2} \\ D_y &= \Delta C_1 + \Delta C_2 + \Delta V_1 + \Delta V_2. \end{aligned}$$

Из выше приведенной схемы Маркса мы видим, что составные части D_y производятся в разных Марксовых разделах: $\Delta C_1 + \Delta C_2$ производятся (в натуре) в первом разделе, а $\Delta V_1 + \Delta V_2$ производятся во втором разделе. Уже из этих сопоставлений видно, что Марксова схема, анализирующая капиталистический процесс воспроизводства, по понятным причинам не отвечает требованиям социалистических соотношений.

С другой стороны, совершенно естественно возникает вопрос, каковы те фонды по размеру и структуре, которые необходимы для

производства отдельно D_n и D_y . Можно ли разбить фонды всего общественного производства таким образом на две части, чтобы каждая из них специфически обуславливала производство соответствующей части народного дохода. Как будет выглядеть оборот всех ценностей в новой схеме?

Прежде всего разрешим вопрос, можно ли и как разбить все общественное производство на части, соответствующие частям народного дохода D_n и D_y . Каковы те фонды, наличием которых специфически обуславливается производство каждой из частей народного дохода D_n и D_y . Представим себе, что каждая из этих частей, по тем или иным причинам, должна была бы производиться в местах „П“ и „У“ на далеком друг от друга расстоянии. Что надо было бы иметь на месте производств D_n и D_y . Прежде всего некоторый запас средств потребления, чтобы снабжать население продуктами при перерывах транспорта, и вообще для того, чтобы обеспечить непрерывность снабжения без затруднений и очередей. Необходимо авансировать население определенным количеством средств потребления.

Эти фонды в „П“ можно назвать V_n
и в „У“ „ „ „ V_y .

Конечно эти фонды потребляются и каждый раз вновь восстанавливаются. Потребляются они населением лично и непосредственно, и в пределах этого текущего потребления постоянно восстанавливаются.

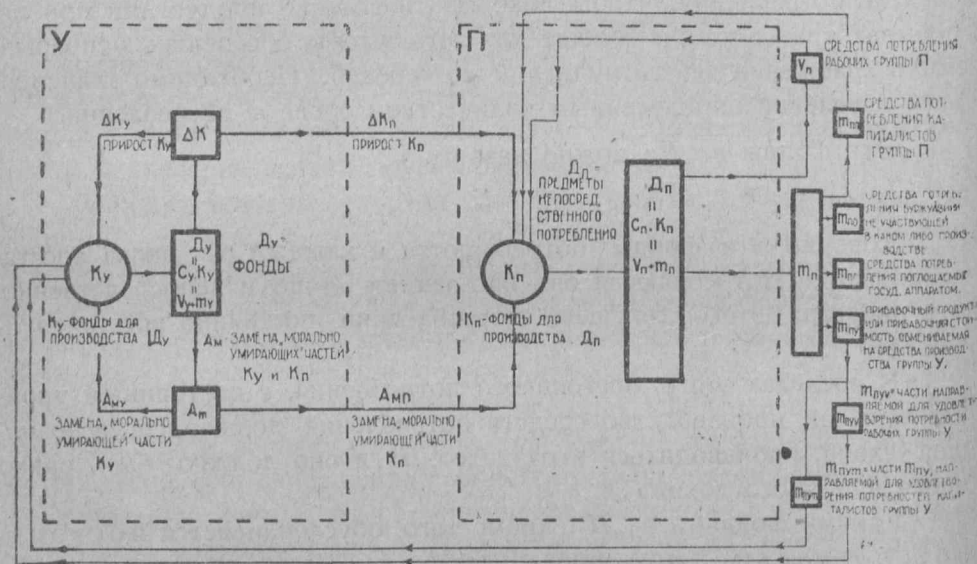
В пределах этого постоянного потребления, с постоянным уровнем запасов, производство средств потребления должно, согласно нашей схеме, производиться в разделе „П“ и оно должно быть равно части народного дохода D_n .

Какими фондами в „П“, кроме того, обуславливается постоянное и независимое производство D_n . Часть этих фондов— V_n нами выявлена только что. Другая часть состоит из средств производства как потребляемых, так и не потребляемых целиком при каждом производственном обороте. Для того чтобы производство D_n было обеспечено постоянно и на одном уровне, независимо от каких-либо производств в другом месте, хотя бы в „У“, необходимо, чтобы в „П“ производилось бы не только то, что входит в состав D_n , но и все то, что необходимо для постоянного восстановления тех фондов (средств и орудий производства), которых ценность переносится изо дня в день на результаты производства. Таким образом, в „П“ могло бы постоянно поддерживаться производство на одном уровне, удовлетворяя потребностям всего населения как в „П“, так и в „У“, если они остаются на одном и том же суммарном уровне.

В этих условиях мы имеем дело с простым воспроизводством, полностью и целиком удовлетворяемым производством в „П“. Таким образом при простом нерасширяющемся общественном

воспроизводстве, в котором часть населения в производстве не участвует, но кормится в порядке общественного обеспечения, в „у“, мы сосредоточиваем в „н“ все производство в целом и поддерживаем население в „у“, хотя бы оно ничего не производило. В любой момент однако, мы можем предложить населению в „у“ заняться созданием таких фондов в „у“, которые необходимы для того, чтобы увеличивать фонды как в „н“, так и в „у“, чтобы постепенно расширять производительную базу и перейти к расширенному воспроизводству в целом.

В „у“ должно будет производиться все то, на что мы хотели бы увеличить фонды как в „н“, так и в „у“, причем в „у“ должно было бы производиться все то, что необходимо и для восстановления потребляемых средств производства, но не средств потребления.

Чертеж 2

Средства же потребления в „у“ должны были бы производиться лишь в пределах, необходимых для увеличения фондов средств потребления как в „у“, так и в „н“.

Изложенная схема получила графическое выражение на чертеже 2.

Мы показали с достаточной очевидностью возможность организации расширенного воспроизводства согласно нашей схеме.

Характерным для схемы является то, что D_n и D_y являются вновь создаваемыми ценностями соответствующих разделов „н“ и „у“, так как в D_n ничего не входит кроме тех средств потребления, которые потребляются непосредственно и лично, а в D_y состоит лишь из вновь созданных фондов. Но—могут нам сказать—организовать можно что угодно, докажете, что и реально существующее общественное расширенное воспроизводство может быть разбито на разделы „у“ и „н“.

При простом воспроизводстве нет нужды в доказательствах, так как оно полностью, как мы указали выше, укладывается в раздел „н“.

В пределах этого раздела укладываются и схемы Маркса и:

$$C_1 + V_1 + M_1 = W_1$$

$$C_2 + V_2 + M_2 = W_2$$

$$V_1 + M_1 = C_2$$

$$V_1 + M_1 + V_2 + M_2 =$$

$$C_2 + V_2 + M_2 = D_n$$

$$C_n = C_1 + C_2 \quad V_n = V_1 + V_2$$

$$M_n = M_1 + M_2.$$

Рассмотрим случай расширенного воспроизводства.

Прежде всего укажем, что для предлагаемого нами разделения нет нужды, чтобы и производства были физически разделены, чего впрочем не требуется и при марксовом делении на производство средств производства и производство средств потребления. Необходимо лишь, чтобы разделение было осуществимо в счетном порядке, и чтобы этому разделению соответствовали определенные физические соотношения. Предположим, что мы имеем дело с расширенным воспроизводством:

$$C_1 + V_1 + \Delta C_1 + \Delta V_1 + M_{n1} = W_1$$

$$C_2 + V_2 + \Delta C_2 + \Delta V_2 + M_{n2} = W_2$$

$$D_n = V_1 + V_2 + M_{n1} + M_{n2} =$$

$$= C_2 + V_2 + M_{n2} + \Delta C_2 - \Delta V_1 = W_2 - \Delta V_1 - \Delta V_2$$

$$D_y = \Delta C_1 + \Delta C_2 + \Delta V_1 + \Delta V_2$$

Таким образом в пределах вновь созданных ценностей, распределение на группы „н“ и „у“ потребительных ценностей затруднений не представляет. Причем обратим внимание на то, что все элементы Марксовой схемы нашли себе непосредственное место в соответствующих разделах нашей схемы, и что лишь C_1 и C_2 не могут быть включены ни материально, ни счетно во вновь созданные ценности, а потому и не могли быть непосредственно включены ни в состав D_n , ни в одну из его частей D_n и D_y . И это понятно, ибо в натуре C_1 и C_2 состоят из средств производства, не входящих в состав вновь созданной ценности, получили свою ценность в предыдущих производственных процессах и находятся в постоянном обороте.

Однако предлагаемая нами схема не предполагает какого-либо обмена этой частью валовой продукции между разделами „н“ и „у“. Следовательно надлежит разбить C_1 и C_2 на две части, могущие независимо друг от друга обмениваться в каждом из разделов „н“ и „у“, и наличием которых обуславливается раздельные и независимые производства в „н“ и „у“¹.

1) Докажем, что к любой части народного дохода, состоящей из определенных и конкретных предметов, а посему представляющими полные ценности, в состав которых входят и перенесенные и вновь созданные ценности ($C_1 + V_1 + m_1 = W_1$), (мы пользуемся теми же обозначениями C_1 , V_1 , m_1 , C_2 , V_2 , и m_2 и т. д., чтобы не усложнить символики. Эти обозначения имеют другое содержание и объем, чем это показано в схемах), можно подобрать, путем счетного выделения из всего комплекса общественного про-

изводства, такие производства и части производств $\left(\begin{matrix} x=n \\ \Sigma \\ x=2 \end{matrix} W_x \right)$, чтобы выделенная нами произвольно часть народного дохода (W_1) была равна вновь созданной стоимости всего таким образом выделенного комплекса производств.

$$\left(W_1 + \begin{matrix} x=n \\ \Sigma \\ x=2 \end{matrix} W_x = \begin{matrix} x=n \\ \Sigma \\ x=1 \end{matrix} W_x \right).$$

Тогда станет ясно, каким образом можно выделить из всего общественного производства те капиталы, для которых D_p и D_n будут равны вновь созданным ценностям, и как таковые в процессе реализации конкретно выделяться в состав народного дохода в виде определенных товаров.

Теорема. К любому комплексу производств, суммарная стоимость которых $W_1 = C_1 + V_1 + m_1$, не превосходит вновь созданной стоимости всего общественного производства, можно подобрать из состава всего общественного производства дополнительно такой комплекс производств:

$$\begin{aligned} W_2 &= C_2 + V_2 + m_2 & W_{p-2} &= C_{p-2} + V_{p-2} + m_{p-2} \\ W_3 &= C_3 + V_3 + m_3 & W_{p-1} &= C_{p-1} + V_{p-1} + m_{p-1} \\ &\dots\dots\dots & W_p &= C_p + V_p + m_p \\ &\dots\dots\dots & & \end{aligned}$$

$$W_{n-1} = C_{n-1} + V_{n-1} + m_{n-1}$$

$$W_n = C_n + V_n + m_n$$

$$\text{чтобы } \begin{matrix} x=n \\ \Sigma \\ x=1 \end{matrix} (V_x + m_x) = W_1.$$

Для того чтобы при простом воспроизводстве теорема была доказана, нужно, чтобы были осуществлены следующие условия:

$$W_2 = C_1; W_3 = C_2; W_4 = C_3.$$

$$W_{p-2} = C_{p-3} + \alpha \cdot C_n$$

$$W_{p-1} = C_{p-2} + \beta \cdot C_n$$

$$W_p = C_{p-1} + \gamma \cdot C_n$$

$$W_{n-1} = C_{n-2}; W_n = C_{n-1}$$

причем:

$$\alpha \cdot C_n + \beta \cdot C_n + \gamma \cdot C_n = C_n$$

Не трудно убедиться, что при сложении всех вышеприведенных уравнений от (1) до (n) включительно, при учете только что указанных условий $\begin{matrix} x=n \\ \Sigma \\ x=1 \end{matrix} (Y_x + m_x) = W_1$

Рассмотрим указанные условия для двух случаев:

1) (1) является производством средств потребления, и вся сумма производимых в этом разделе средств потребления равна $W_1 = C_1 + V_1 + m_1$. За счет $V_1 + m_1$ рабочие и капиталисты (1) снабжаются средствами существования.

C_1 должно быть обменено на средства труда, чтобы был восстановлен к следующему воспроизводственному периоду необходимый постоянный капитал. Необходимые для (1) средства труда производятся в комплексе (2), подобранном нами таким образом, чтобы $W_2 = C_2 + V_2 + m_2$ был равен C_1 и по составу в точности соответствовал необходимому для производства (1) средствам труда.

Нет нужды в том, чтобы такой комплекс реально в природе существовал, как комплекс. Совершенно достаточно, чтобы такой комплекс средств труда мог быть изъят из суммы общественного производства, и его размеры определены в счетном порядке.

По так как W_1 нами взят в пределах вновь созданной стоимости реально существующего общественного производства, то наличие необходимых средств труда $= C_1$ обеспечено: счетная перегруппировка не может изменить реального соотношения вещей.

Однако в (2) может быть потреблено средств потребления лишь на $V_2 + m_2$, и в группе (2) остается излишек средств потребления в размере $C_2 = C_1 - V_2 - m_2$, каковой будет использован для обмена на необходимые для восстановления C_2 средства труда. Эти средства труда составляют комплекс W_3 , которые обмениваются на $C_2 = C_1 - V_2 - m_2$. В (3) также потребляется средств потребления лишь на $V_3 + m_3$ и в группе (3) останется излишек средств потребления в размере $C_3 = C_2 - V_3 - m_3$.

Этот процесс обмена мог бы продолжаться и дальше, без конца.

Однако как не велика спецификация средств труда, все же она предельна и наступит такой случай (n), для которого все необходимые средства производства C_n изготовляются в каких-нибудь комплексах, скажем — (p-2), (p-1), (p).

Увеличивая эти комплексы на соответственные части C_n :

$\alpha \cdot C_n, \beta \cdot C_n, \gamma \cdot C_n$, так чтобы:

$$\left. \begin{aligned} W_{p-2} &= C_{p-3} + \alpha \cdot C_n \\ W_{p-1} &= C_{p-2} + \beta \cdot C_n \\ W_p &= C_{p-1} + \gamma \cdot C_n \end{aligned} \right\} \text{причем } C_n = \alpha \cdot C_n + \beta \cdot C_n + \gamma \cdot C_n$$

мы замкнем круг на предельном числе комплексов n.

Таким образом поставленные нами выше условия имеют логический смысл, осуществимы, и теорема может считаться для данного случая доказанной.

Представим себе, что W_1 — комплекс средств производства. Тогда непосредственный обмен C_1 на W_2, C_2 на W_3 и т. д. — неосуществим, так как для всех производств (1), (2), (3) . . . (p-2), (p-1), (p), . . . (n-1), (n) необходимы средства существования

$$\text{в размере } \begin{matrix} x=n \\ \Sigma \\ x=1 \end{matrix} (V_x + m_x).$$

Таким образом, возможность существования таких комплексов обусловлена тем, чтобы W_1 целиком и полностью (в условиях простого воспроизводства) обменивался на средства существования. Это значит, что должен существовать еще один производственный комплекс, изготовляющий только средства потребления

$$W_0 = C_0 + V_0 + m_0$$

$$\text{причем } C_0 = W_1.$$

Мы вернулись таким образом к первому случаю, возможность которого доказана. И тот и другой случай доказуемы потому, что мы не вышли за пределы реально существующего общественного воспроизводства. Перегруппировки не могут изменить реальных соотношений вещей и ценностей.

В случае расширенного воспроизводства W_1 должно быть равно

$$C_0 + \Delta C_0, \Delta C_0 = \begin{matrix} x=n \\ \Sigma \\ x=1 \end{matrix} \Delta V_x, W_2 = C_1 + \Delta C_1 \text{ и т. д.,}$$

ход доказательства не изменится, и мы его приводить не будем.

Таким образом можно считать, что теорема доказана для всех возможных случаев.

В примечании мы даем аналитическое доказательство возможности такого разделения. Здесь же докажем эту возможность следующими соображениями.

С гениальной прозорливостью Маркс раскрыл ошибочность представления А. Смита („Капитал“, т. II, стр. 410, 411 и т. д., Госиздат, 1923 г.), что „потребители должны оплатить производителям всю стоимость продукта“.

Однако „всякому ребенку понятно“, что вся вновь созданная в течение года ценность, весь народный доход, и потребляемая его

часть и накапливаемая его часть, образуются в процессе производств по закону цепной связи, и что ко всем частям народного дохода может быть применен тот пример, который приводится Марксом, и который так хорошо иллюстрирует, как из целой серии последовательно производимых полуфабрикатов, с присоединением стоимости снашиваемых при этом орудий производства, образуется конечный продукт, попадающий в конечном счете к потребителю.

При этом снашиваемые части основного капитала, и вообще все ценности постоянного капитала, которые переносятся на вновь созданные ценности (части народного дохода), тут же к следующему обороту восстанавливаются за счет произведенных вновь ценностей.

Таким образом и все те полуфабрикаты, ценности которых переносятся на части народного дохода, либо должны быть непосредственно вновь созданными ценностями, либо должны тут же ими замещаться, если они уже были в составе постоянного капитала.

Эти ценности составляют лишь часть всех тех ценностей, которые находятся в обороте общественного воспроизводства. Но в данном случае совершенно несущественно то, что вновь созданные ценности зачастую проходят через форму (состояние) постоянного капитала, как, например, в том случае, когда конкретные, вновь созданные средства производства $V_1 + m_1$, лишь пройдя через форму C_2 , целиком входят в состав народного дохода, являющегося по своему существу вновь созданной ценностью. Надо твердо усвоить, что народный доход совершенно конкретно и материально образуется из всех вновь созданных ценностей, где бы они ни производились, и что все вновь созданные ценности так или иначе входят (переносятся) в народный доход.

Таким образом C_1 в натуре входит в состав народного дохода лишь в части переносимой в ΔC , и немедленно замещается вновь созданными ценностями в первом разделе, а C_2 в натуре целиком входит в состав народного дохода и немедленно замещается вновь созданными в первом разделе ценностями.

С другой стороны, в общественном расширенном воспроизводстве не может существовать производств, не создающих ценностей вновь.

Таким образом, определив по ценной связи все те продукты и производственные процессы, которые так или иначе и образуют все элементы народного дохода, мы сможем с точностью определить все те производства, которые необходимы для производства всех этих вновь созданных ценностей, а следовательно и все необходимые для каждого из этих производств постоянные капиталы. При желании можно было бы таким образом восстановить и всю сумму ценностей в обороте.

Взяв пример Маркса, мы должны были бы определять те постоянные капиталы, которые необходимы не только для швейного про-

изводства, изготовляющего покупаемую потребителем полотняную рубашку, но и все те постоянные капиталы, которые необходимы для производства всех тех полуфабрикатов, материалов и машин, ценность которых переносится в конечном счете на ценность полотняной рубашки, и все эти постоянные капиталы должны были бы войти в состав K_n .

Теперь вспомним, что каждая из частей $V_1, V_2, m_{n1}, m_{n2}, \Delta C_1, \Delta C_2, \Delta V_1$ и ΔV_2 выделились в состав народного дохода D лишь в процессе производственного оборота (производственный оборот, при социальных отношениях, включает и распределение), но что в оборот каждая из этих частей поступала как ценность, включавшая все составные части ценности (постоянные, переменные фонды и прибавочные продукты); каждая из этих частей явилась результатом конкретного производства, с определенной структурой (C, V, m).

Выделиться во вновь созданную ценность, в народный доход, эти части могли только потому, что из комплекса ценностей $C_1 + C_2$ переносились на них соответствующие части, вновь заменившиеся в процессе всего общественного производства. Приведенные нами схемы Маркса охватывают все производства в целом, и постоянные фонды полностью представлены суммой $C_1 + C_2$. Поэтому, в соответствии с реальным производственным процессом, $C_1 + C_2$ должны и могут быть распределены таким образом, чтобы получилась следующая серия производств, охватывающих все общественное производство в целом:

$$\begin{array}{ll} C_{v1} + V_1 & C_{\Delta c1} + \Delta C_1 \\ C_{v2} + V_2 & C_{\Delta c2} + \Delta C_2 \\ C_{m1} + m_{n1} & C_{\Delta v1} + \Delta V_1 \\ C_{m2} + m_{n2} & C_{\Delta v2} + \Delta V_2 \end{array}$$

при чем $C_{v1} + C_{v2} + C_{m1} + C_{m2} + C_{\Delta c1} + C_{\Delta c2} + C_{\Delta v1} + C_{\Delta v2} = C_1 + C_2$.

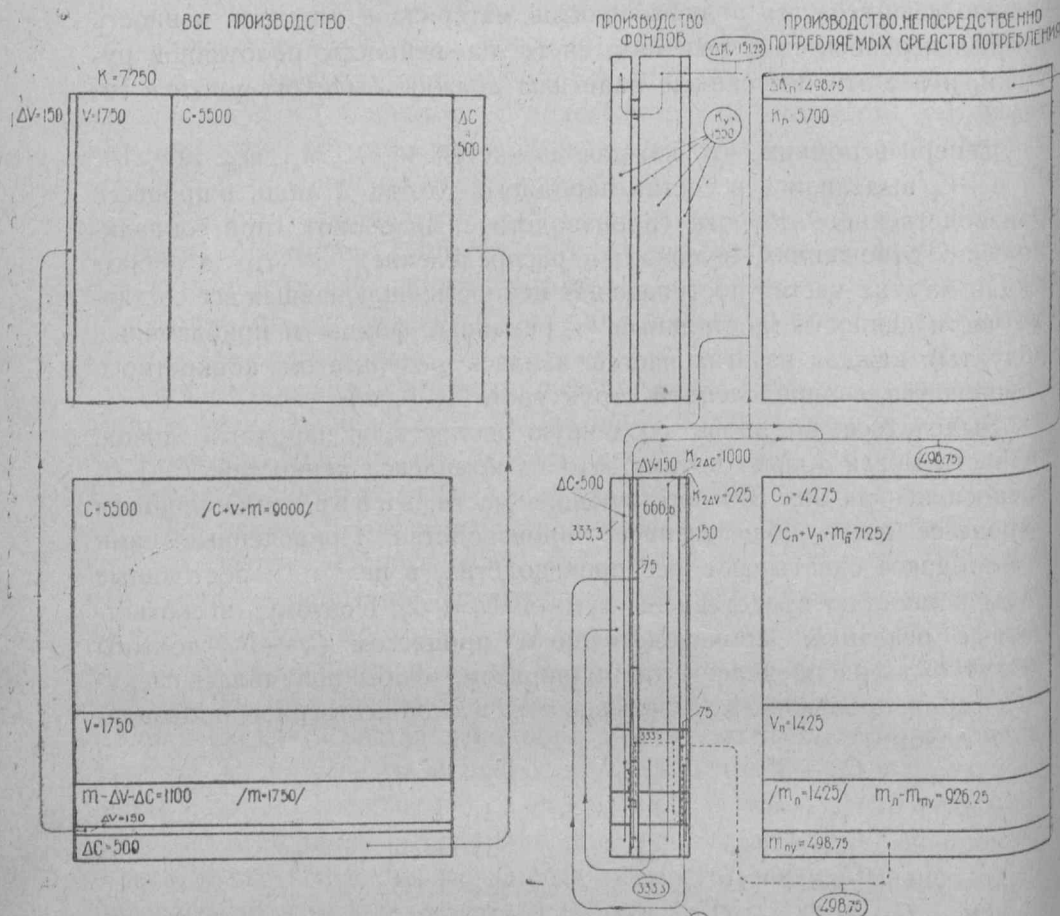
Элементы народного дохода $V_1, V_2, m_{n1}, m_{n2}, \Delta C_1, \Delta C_2, \Delta V_1, \Delta V_2$ составляют вновь созданные ценности каждого соответствующего производства, а

$$\begin{array}{l} C_{v1} + C_{v2} + C_{m1} + C_{m2} = C_n \\ C_{\Delta v1} + C_{\Delta v2} + C_{\Delta c1} + C_{\Delta c2} = C_y \\ \text{а } V_1 + V_2 + m_{n1} + m_{n2} = V_n + m_n \\ \text{и } \Delta C_1 + \Delta C_2 + \Delta V_1 + \Delta V_2 = V_y + m_y. \end{array}$$

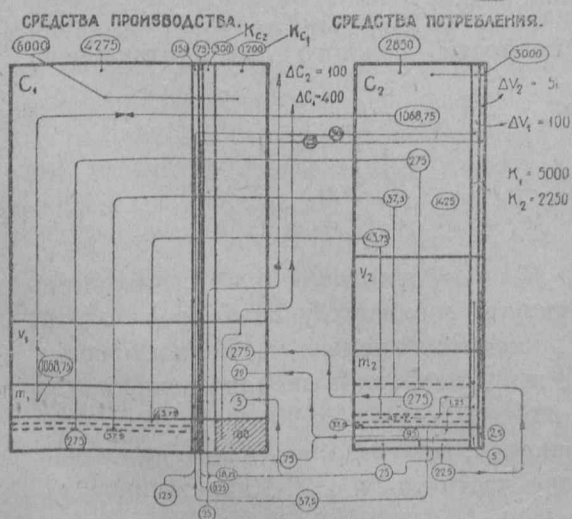
Для определения V_n и m_n, V_y и m_y в отдельности необходимо однако знать органическую структуру соответствующих производств. Прибавив к $C_y + V_y$ и $C_n + V_n$ непотребляемые части постоянных фондов, мы получаем фонды K_y и K_n , необходимые для производства новых ценностей D_y и D_n .

Применив изложенные принципы, мы разбили выше приведенный пример Маркса на новые две части „у“ и „н“. Единственное допущение, которое мы при этом сделали для упрощения (за отсутствием

ДЕЛЕНИЕ ВСЕГО ПРОИЗВОДСТВА НА ПРОИЗВОДСТВО "ФОНДОВ" И ПРОИЗВОДСТВО НЕПОСРЕДСТВЕННО ПОТРЕБЛЯЕМЫХ СРЕДСТВ ПОТРЕБЛЕНИЯ.

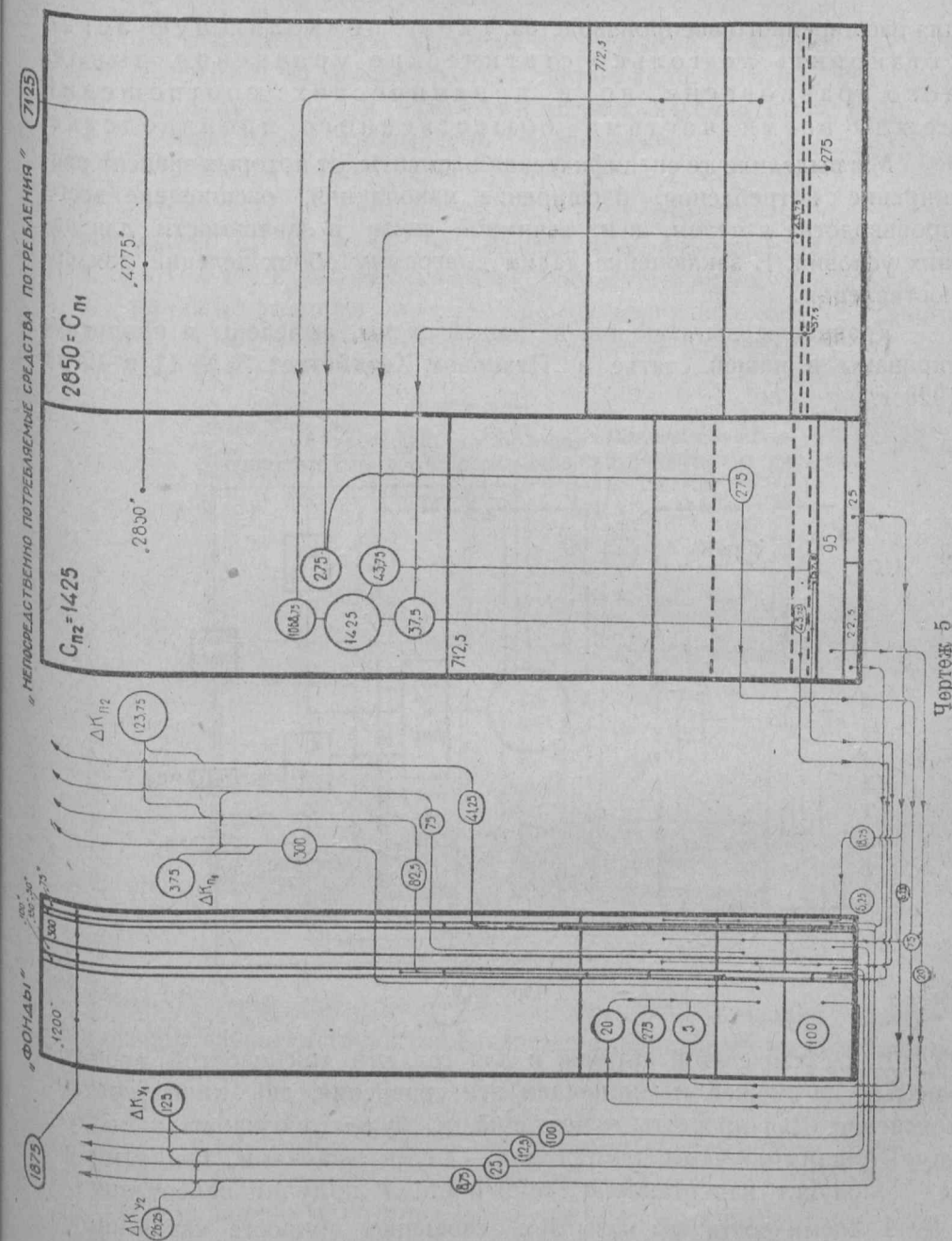

Чертеж 3

Чертеж 4

конкретных данных), состоит в том, что мы считали ценностную структуру отдельных комплексов средств потребления и средств производства равными тем соотношениям, которые даются Марксом соответственно для средств потребления и средств производства. Мы не приводим расчетов и лишь показываем на диаграммах 3, 4, 5 результаты этого деления, со всем товарным обо-

Чертеж 5

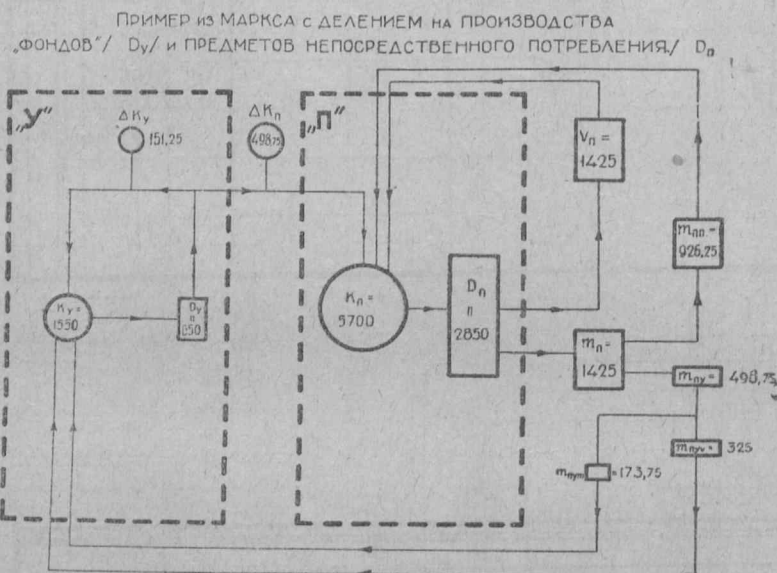
ротом. Результаты подсчетов даны нами также в форме новой схемы на чертеже 6.

Таким образом мы считаем приведенную схему расширенного воспроизводства в условиях социалистических отношений обоснованной. В пределах раздела "у" и "н" применимы схемы Маркса, но наша заслуга состоит в том, что мы дали специфическую схему

для расширенного воспроизводства, схему, позволяющую легко установить не только статические уравнения рыночного равновесия, но и динамических соотношений между всеми частями общественного производства.

Мы выделили те специфические элементы, от которых зависит расширение потребления, расширение накопления, расширение всего производства в целом, в их взаимной связи и зависимости для наших условий. В заключение дадим диаграмму обоих делений для сопоставления.

Уравнения, вытекающие из нашей схемы, выведены и продискутированы в нашей статье в „Плановом Хозяйстве“ № № 11 и 12 за 1928 г.

Для связи с этой статьей, и для тех, кто той работой воспользоваться не сможет, мы приведем эти уравнения, дав лишь краткие пояснения. Для простоты начертаний мы будем обозначать темп функции — одним значком, темп темпа — двумя значками. Так, темп роста D получит, начертание $\dot{D}$, темп роста $\dot{D}$ получит начертание $\ddot{D}$.

Темпами роста мы называем отношение прироста какой-нибудь величины за единицу времени к самой растущей величине. Выражаясь математическим языком, это — отношение первой производной к функции; иначе еще — это производная логарифма функции. Самым интересным свойством темпов можно считать то, что они во многом сходны с логарифмами.

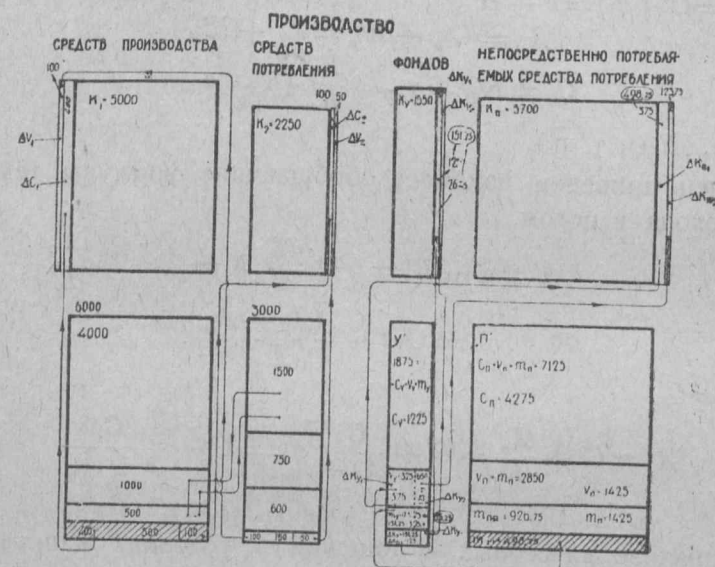
Так, например, темп произведения двух функций равен сумме темпов множителей. В полулогарифмической сетке функция, растущая или убывающая, с постоянными темпами изображается прямой линией

Объем народного дохода и каждой из его частей явно зависит от размеров соответствующих фондов (D_n от K_n и D_y от K_y) и производительности труда.

Эту зависимость мы выразим уравнениями:

$$\begin{aligned} D &= C \cdot K & D_n &= C_n \cdot K_n & D_y &= C_y \cdot K_y \\ D &= e \cdot H & D_n &= e_n \cdot H_n & D_y &= e_y \cdot H_y \end{aligned}$$

Коэффициенты C , C_n и C_y мы называем коэффициентами эффективности использования соответствующих фондов; e , e_n и e_y — производительность труда (производство на одного рабочего), H , H_n и H_y — соответствующее число рабочих.

Природа коэффициентов эффективности использования фондов и производительности труда определяется следующими выражениями:

$$C = \frac{D}{K} = \frac{\text{суб. фактор} \times \text{число часов работы} \times \text{технический фактор}}{\text{фонды}}$$

$$e = \frac{D}{H} = \frac{\text{суб. фактор} \times \text{число часов работы} \times \text{технич. факт.}}{\text{число рабочих}}$$

Для упрощения математического анализа, мы считаем процессы производства, потребления и накопления непрерывными.

Тогда уравнение, описывающее распределение новых фондов, будет иметь следующий вид:

$$D_y = \frac{dK_y}{dt} + \frac{dK_n}{dt} + A_{my} + A_{mn}$$

где A_{mn} и A_{my} моральная амортизация фондов.

Из самого деления определяется доля D_n — a_n , отправляемая в раздел „у“ для удовлетворения непосредственных нужд той части рабочих, служащих и пр., которые в „у“ находят то или иное приме-

нение своих сил. При подсчете в постоянных ценах $n \cdot D_n$ определяет ту долю D_y , которая производится за счет вновь созданной ценности в „ n “, за счет его накопления. Тогда участие „ y “ в производственном накоплении выразится через формулу:

$$\alpha_y \cdot D_y = D_y - \alpha_n D_n$$

Этими формулами в основном исчерпывается то, что может дать наша схема непосредственно.

Интересны однако и следующие формулы, выводящиеся математически из приведенных основных формул и устанавливающие взаимозависимость темпов элементов „ y “ и „ n “.

$$\begin{aligned} D' &= C' + K' = e' + H' & D_y &= C'_y + K'_y = e'_y + H'_y \\ D_n &= C'_n + K'_n = e'_y + H'_y & ? & \\ C_y &= K'_y + a_{my} + \frac{K_n}{K_y} (K' + a_{mn}) \end{aligned}$$

где $A_m = a_m \cdot K$ (и т. п.).

Наконец приведем наиболее обобщающие формулы темпов народного дохода в целом

$$\begin{aligned} D' &= e' + K' = C' + \frac{dK}{dt} : K = C' + \frac{D_y - A_m}{K} \\ D' &= C' + \frac{C \cdot (D_y - A_m)}{D}, \end{aligned}$$

а при $A_m = 0$

$$D' = C' + \frac{D_y}{K} = C' + \frac{C \cdot D_y}{D_y + D_n} = C' + \frac{C}{1 + \frac{D_n}{D_y}}$$

При анализе классовых отношений в условиях капиталистического хозяйства, надо иметь в виду, что $D_n = D_{nv} + D_{nm}$, то есть, что все потребление равно потреблению пролетариата (D) + потребление буржуазии. Вся прибавочная ценность:

$$D_m = D_{nm} + D_y,$$

тогда норма прибавочной ценности выражается через: $\frac{D_m}{D_{nv}}$, а норма прибыли—через $\frac{D_m}{K}$.

Связь между этими двумя Марксовыми категориями выражается через формулу:

$$\frac{D_m}{K} = \frac{C \cdot D_m}{D} = \frac{C \cdot D_m}{D_v - D_m} = \frac{C}{\frac{D_v}{D_m} + 1} = \frac{C \cdot \frac{D_m}{D_v}}{1 + \frac{D_m}{D_v}},$$

$$\text{а } \frac{D_m}{D_v} = \frac{\frac{D}{K}}{C - \frac{D_m}{K}}$$

В следующей таблице (табл. 1) мы показали в конкретных цифрах, как должна повышаться норма прибавочной ценности при снижении эффективности капиталов, в зависимости от размера годовой нормы прибыли. Приводим также подсчет органического строения капитала ($O. C. K.$).

Таблица 1

$C = 0,25$

$\frac{D_m}{K}$	0,01	0,02	0,05	0,10	0,25
$\frac{D_m}{D_v}$	0,042	0,087	0,25	0,657	∞
$O. C. K.$	7,34	7,69	9,0	12,0	∞

$C = 0,50$

$\frac{D_m}{K}$	0,01	0,02	0,05	0,10	0,25	0,5
$\frac{D_m}{D}$	0,0204	0,0417	0,111	0,25	1	∞
$O. C. K.$	3,09	3,17	3,45	4,0	7,0	∞

$C = 1,0$

$\frac{D_m}{K}$	0,01	0,02	0,05	0,1	0,50	0,75	1,0
$\frac{D_m}{D}$	0,0101	0,0204	0,0526	0,111	1,0	3,0	∞
$O. C. K.$	1,02	1,04	1,1	1,22	3	7	∞

Легко выводится зависимость нормы прибавочной стоимости $\frac{D_m}{D_v}$ от органического строения капитала при данной оборачиваемости переменного капитала (n) и эффективности использования капиталов (C).

Органическое строение выражается следующим образом:

$$\begin{aligned} O. C. K. &= \frac{K \cdot \frac{D_v}{n}}{\frac{D_v}{n}} = \frac{n \cdot K - D_v}{D_v} = \frac{n \cdot D - C D_v}{C \cdot D_v} = \\ &= \frac{n (D_m + D_v) - C \cdot D_v}{C \cdot D_v} = \frac{n}{C} \cdot \left(\frac{D_m}{D_v} + 1 \right) - 1. \end{aligned}$$

На основе этих формул мы исчислили органическое строение капиталов, условно приняв $n = 2$.

2. Приложение аналитического метода к иллюстративным вариантам перспективного плана

Имевшиеся в нашем распоряжении средства не дали возможности произвести исчисления с той точностью и исчерпывающей полнотой, которые необходимы для ответственного конкретного проектирования. Наши расчеты являются иллюстрацией к нашему теоретическому изложению, более или менее близко подходящие к реальному проектированию.

Прежде всего мы произвели подсчеты коэффициентов эффективности по основным разделам народного хозяйства как по данным за период с 1925/26 г. по настоящее время, так и по материалам пятилетки. (Таблица 2.)

Исчисленные коэффициенты показывают большую устойчивость и подтверждают нашу точку зрения о возможности их использования для аналитического метода планирования.

С другой стороны, напрашивается мысль о необходимости более тщательного анализа их динамики. В особенности интересна выявленная динамика коэффициентов эффективности в промышленности, дающая для истекшего времени рост, а для пятилетки — снижение.

Причем это снижение происходит главным образом за счет быстрого относительного роста основного капитала. Это подтверждается следующими рядами, показывающими отношение чистой продукции к основному капиталу для промышленности.

Годы	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
	0,566	0,646	0,704	0,725	0,740	0,723	0,691	0,666

Предположим, что мы задались бы себе целью повысить темп роста D к концу 5-летки до 17%, как это и имеет, примерно, место в принятом пятилетнем плане, с 7,5% в 1927/28 г.

Тогда, считая, что в наших условиях моральная амортизация практически равна нулю, мы получим следующие данные для $\frac{D_y}{D}$. Расчет мы произведем для двух вариантов: для $C=0,45$ и для 0,75 для того, чтобы выявить значение повышения эффективности использования фондов.

Воспользуемся формулой:

$$D' = \frac{C \cdot D_y}{D} \text{ при } C = 0.$$

Примем $D_0 = 1$ (народный доход в начале 5-летки): $C = 0,45$. (См. таб. 3.)

Предположим теперь, что C постепенно растет с 0,45 до 0,75.
 $C = 0,45 \ 0,51 \ 0,57 \ 0,63 \ 0,69 \ 0,75$. (См. таб. 4.)

Тогда для определения $\frac{D_y}{D}$ необходимо применить формулу:

$$D' = C' + \frac{C \cdot D_y}{D}$$

Таблица 3

Начало года	1	2	3	4	5	6
$D' \dots \dots \dots$	0,075	0,094	0,113	0,132	0,151	0,17
$D \dots \dots \dots$	1	1,085	1,198	1,350	1,540	1,788
$\frac{D_y}{D} \dots \dots \dots$	0,167	0,209	0,251	0,293	0,336	0,378
$\frac{D_y}{D} \dots \dots \dots$	0,167	0,237	0,305	0,396	0,518	0,676
Прирост $\frac{D_y}{D}$ за год . .	—	+ 42%	+ 28,8%	+ 30%	+ 31%	30,4%
$D_n \dots \dots \dots$	0,833	0,876	0,947	1,057	1,204	1,410
„ $\frac{D_n}{D}$ за год . .	—	+ 5%	+ 8,1%	+ 11,7%	+ 13,0%	+ 17%

Мы видим из таблиц 3 и 4 как различно можно осуществить задания в зависимости от того, как мы используем производственные фонды. Во втором случае потребление населения держится все время на более высоком уровне, хотя и растет несколько медленнее. Первые два года нет не только никакой нужды ускорять накопление, но даже, наоборот, часть фондов оказывается лишней для осуществления плана, и они могут быть проданы за границей.

Таблица 4

Г о д ы	1	2	3	4	5	6
$C' \dots \dots \dots$	0,133	0,118	0,105	0,095	0,087	0,08
$\frac{D_y}{D} \dots \dots \dots$	— 0,129	— 0,047	+ 0,014	0,059	0,093	0,12
$\frac{D_y}{D} \dots \dots \dots$	— 0,129	— 0,051	+ 0,0168	0,080	0,143	0,214
Прирост за год $\frac{D_y}{D} \dots$	—	—	—	+ 376%	+ 79%	+ 49,5%
$D_n \dots \dots \dots$	1,129	1,136	1,181	1,270	1,397	1,574
Прирост за год $\frac{D_n}{D} \dots$	—	+ 0,5%	+ 4,0%	+ 7,6%	+ 10%	+ 12,8%

С другой стороны, очевидно можно было бы осуществить во втором случае значительно большие темпы роста народного дохода, если принять те же отношения $\frac{D_y}{D}$, какие мы имели в первом случае.

Эти примеры иллюстрируют, с какой легкостью можно выбрать, пользуясь аналитическим методом, любой тип и темп развития народного хозяйства. Единственная, но вполне преодолимая, трудность состоит лишь в определении коэффициента эффективности, что необходимо было бы сделать по отдельным его составляющим: 1) интенсивности труда, 2) длительности использования оборудования, 3) технического отношения объема чистой продукции к объему необходимых фондов.

Предложенные вниманию читателя вышеприведенные наброски не учитывали необходимость проверки с точки зрения осуществимости того использования фондов, в двух основных группах „П“ и „У“, которые из полученных таким образом соотношений вытекают. Если бы пришлось иметь дело с более жестким и определенным развитием C_n и C_y , то пришлось бы считаться с уравнениями:

$$C = \frac{C_n \cdot K_n + C_y \cdot K_y}{K} \text{ и } K = K_y + K_n.$$

Если размер C_n или C_y окажется обязательным или будет так или иначе принят, то все остальные величины определятся из приведенных двух уравнений при принятых C и K , и этим определяется вся структура фондов и всего производства в целом.

Разумеется, от абстракции пришлось бы перейти к конкретике и все проектирование должно было бы протекать по методу встречных приближений или, иначе, аналитико-синтетическим методом.

Мы сделали попытку выявить в нами установленных категориях характер и динамику нашего пятилетнего плана и набросали два варианта: наименее удовлетворительный с точки зрения использования фондов, но продолжающего в общем и целом те линии развития, которые имели место до последнего года, и вариант высокого напряжения.

В результате наших подсчетов получилась таблица 6.

Дадим некоторые пояснения к этой таблице.

Вся сумма народного дохода (D) и все производственные фонды (K) получены нами непосредственно из госплановских данных и выражены в ценах 1925/26 г. Прирост фондов, равный производственно накапливаемой части народного дохода (D_y), получается из данных о росте фондов. Потребляемая часть народного дохода (D_n) получается как разность $D - D_y = D_n$.

Эффективность всех фондов определяется из равенства

$$C = \frac{D}{K}.$$

Темпы D' , D_y' , D_n' , и K' , а также отношения $\frac{D_y}{D}$ и $\frac{D_y}{D_n}$ подаются непосредственному исчислению из полученных ранее данных и определены нами на каждое 1 октября как средние интерполированные величины.

При ближайшем рассмотрении динамики $\frac{D_y}{D}$, D' , D_y' и D_n' за период пятилетки (в первом варианте) мы видим отсутствие равномерности в распределении народного дохода. Особенно поражает снижение темпа потребления к 1 октября 1929 г. и значительная колеблемость D_n для последующих лет.

Повышение темповой структуры народного дохода $\left(\frac{D_y}{D_n}\right)$ повышается по плану с 1928 г. на 1929 г. с 23,8% до 43,5% скачком; в дальнейшем динамика несколько замедляется, и мы имеем соответствующие цифры: 55,9%, 67,0%, 72,0%.

Второй вариант с количественной точки зрения в полной мере гарантирует построение социализма за указанный срок.

Для того чтобы глубже проникнуть в природу анализируемого плана, мы сочли необходимым сделать попытку разбить фонды на группы „П“ и „У“.

Это должно было нам открыть, насколько отличается эффективность использования капиталов в обеих группах и насколько изменение „темповой“ структуры народного дохода $\frac{D_y}{D_n}$ могло повлиять на динамику средней эффективности фондов (C) для всего нашего хозяйства в целом.

В таблице 5 нами дано приблизительное исчисление K_y на 1/X 1927 г.

Таблица составлена нами следующим образом: нам известен на 1/X 1927 г. D_y по сумме. Мы определили его состав в части, идущей в основные фонды, и в части—идущей в оборотные фонды. По имеющимся у нас данным об эффективности фондов в отдельных производствах, мы исчислили приблизительно необходимые для производства частей D_y фонды и получили в итоге сумму всех необходимых для производства D_y фондов.

Таким образом были определены K_y и C_y на 1/X 1927 г. Отсюда не трудно было исчислить K_n и C_n для того же момента, так как $K_n = K - K_y$, а $C_n = \frac{D_n}{K_n}$.

Приняв во внимание, что вес D_y в D менее значителен, чем вес D_n , мы предположили, что динамика C отражает главным образом динамику C_n , и приняли, что для остальных лет линия C_n будет параллельна линии C . Таким образом, мы получим путем расчета и C_y .

Она показывает некоторое снижение на протяжении пятилетки.

Определим и размеры K_y и K_n для всех пяти лет.

Дальнейший анализ мог бы раскрыть и самую структуру K_y и K_n , D_y и D_n , в зависимости от принятых в пятилетке темпов народного дохода и капиталонакопления. Это дало бы возможность проверить, если не определить, насколько принятая конкретная программа

строительства соответствует намеченному росту и распределению народного дохода.

Если бы не было еще программы строительства, ее можно было бы набросать, исходя из произвольно намеченной „темповой“ структуры народного дохода.

Необходимо было бы исчислить целую серию вариантов, изменяя лишь в пределах возможного коэффициенты использования производственных фондов и долю накопления в народном доходе. Каждый вариант требует не свыше одного-двух дней труда одного квалифицированного статистика. Главная трудность состоит в определении пределов для коэффициента использования фондов, но и эта трудность значительно легче определения повышения производительности труда на будущее время. Для наметки этих пределов необходимо было бы использовать опытные коэффициенты из практики наиболее развитых в техническом отношении стран.

Для того чтобы придать большую надежность всем расчетам, было бы необходимо поставить более углубленное изучение тенденций развития коэффициентов эффективности — C , C_y и C_n во всей их структурной сложности.

Подсчитав, таким образом, целую серию вариантов возможного развития производительных сил и производства, можно было бы остановить свой выбор на одной из них, в зависимости от определенных политических предпосылок.

Мы не коснулись в приведенном расчете ни вопроса заработной платы, ни вопроса производительности труда, ни вопроса о росте численности рабочих.

Мы этого не сделали по следующим причинам: 1) при намеченном нами росте потребления вопрос о фонде заработной платы сводится к вопросу о классовом распределении народного дохода, что не поддается математической обработке. Во всяком случае, намеченный рост потребления во много раз превосходит все то, что когда-либо имело место в какой-либо стране, и, во всяком случае, представляет полную возможность беспримерного удовлетворения растущих потребностей народных масс, 2) с теоретической точки зрения ничего нового эти вопросы не представляют в той плоскости, в которой мы произвели наши исследования. Они освещены нами в предыдущем изложении.

Мы полагаем, что мы с достаточной полнотой осветили и обосновали те возможности, которые дает намеченный нами аналитический метод проектирования народного хозяйства.

Мы считали бы совершенно недопустимым им пренебречь, экономя на его применении несколько тысяч рублей, когда он может

с исчерпывающей полнотой раскрыть весь процесс нашего материального развития в абстрактной форме и дать ясное, логическое обоснование всем нашим планам, рассчитанным на многие годы и выполнение которых обойдется в сотни миллиардов рублей.

При таком масштабе наших хозяйственных проектов, теоретические ошибки могли бы нам обойтись в сотни и сотни миллионов рублей.

Чистая продукция, основные и оборотные фонды и эффект
[данные ЦК ПП по контрольным цифрам и пятилетнему

Отрасли народного хозяйства	1925/26 год					1926/27	
	Чистая продукция	Фонды			Эффект. в %	Чистая продукция	Фонд
		Осно-вн.	Обор.	Всего			
	1	2	3	4	5	6	7
Промышленность ¹	5.583	9.861	3.634	13.495	41,4	6.781	10.510
Сельское хозяйство ²	11.392	15.624	10.139	25.763	44,2	11.409	16.624
Ж.-д. транспорт	621	9.577	326	9.903	6,3	713	9.673
Речной и морской транспорт ³	84	295	43	338	24,9	78	321
Нарсвязь	94	228	30	258	36,4	103	246
Торгово-складское дело ⁴	2.910	349	1.782	2.131	136,6	2.820	470
Строительное дело ⁵	1.173	—	—	720	162,9	1.289	—
Итого ⁶	21.857	—	—	48.968	41,5	23.193	—

Отрасли народного хозяйства	1929/30 год					1930/31	
	Чистая продукция	Фонды			Эффект. в %	Чистая продукция	Фонд
		Осно-вн.	Обор.	Всего			
	21	22	23	24	25	26	27
Промышленность ¹	11.297	15.267	5.899	21.166	53,4	13.343	18.445
Сельское хозяйство ²	12.845	19.507	14.466	33.973	37,8	14.107	20.970
Ж.-д. транспорт	1.088	11.146	432	11.578	9,4	1.235	12.231
Речной и морской транспорт ³	84	516	100	616	13,6	95	641
Нарсвязь	125	369	57	426	29,3	131	490
Торгово-складское дело ⁴	3.680	1.172	3.113	4.285	85,9	4.375	1.636
Строительное дело ⁵	2.627	—	—	3.397	71,3	3.461	—
Итого ⁶	31.746	—	—	75.441	42,1	36.747	—

¹ Основной капитал в промышленности включает основные капиталы промышленных предприятий без промышленно-жилищного фонда и основные капиталы электростанций. Чистая продукция промышленности исчислена с акцизмом. В оборотные средства промышленности включены синдикатские оборотные фонды, а также оборотные фонды электростанций и промысловой кооперации.

² Основной капитал в сельском хозяйстве исчислен без жилищных построек. В оборотные фонды сельского хозяйства включены оборотные средства с.-х. кооперации.

³ В основные и оборотные фонды вошли только капиталы морских и речных пароходств.

Активность капиталов по отраслям народного хозяйства
плану (оптимальный вариант) в ценах 1925/26 г.]

Таблица 2

г о д			1927/28 г о д						1928/29 г о д				
н д ы		Эфф.т. в %/о	Чистая продук- ция	Ф о н д ы			Эфф.т. в %/о	Чистая продук- ция	Ф о н д ы			Эфф.т. в %/о	
Обор.	Всего			Осно- вн.	Обор.	Всего			Осно- вн.	Обор.	Всего		
8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	
4.464	14.974	45,3	8.152	11.575	4.930	16.505	49,4	9.490	13.088	5.085	18.173	52,2	
10.614	27.238	41,9	11.311	17.509	11.755	29.264	38,7	11.708	18.386	12.437	30.823	38,0	
389	10.062	7,1	908	9.949	431	10.380	8,7	999	10.418	409	10.827	9,2	
67	388	20,1	69	359	90	449	15,4	75	423	90	513	14,6	
40	286	36,0	117	272	51	323	36,2	123	313	50	363	33,9	
2.139	2.609	108,1	2.892	617	2.383	3.000	96,4	3.182	840	2.587	3.427	92,9	
—	1.074	120,0	1.512	—	—	1.582	95,6	1.906	—	—	2.332	81,7	
—	56.631	41,0	24.961	—	—	61.503	40,6	27.483	—	—	66.458	41,4	

г о д			1931/32 г о д						1932/33 г о д				
в д ы		Эфф.т. в %/о	Чистая продукц.	Ф о н д ы			Эфф.т. в %/о	Чистая продукц.	Ф о н д ы			Эфф.т. в %/о	
Обор.	Всего			Осно- вн.	Обор.	Всего			Осно- вн.	Обор.	Всего		
28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	
6.947	25.392	52,5	15.899	23.021	8.266	31.287	50,8	19.201	28.852	9.926	38.778	49,5	
16.876	37.846	37,3	15.498	22.704	19.928	42.632	36,4	17.504	24.682	23.608	48.290	36,2	
460	12.691	9,7	1.473	13.723	492	14.215	10,4	1.764	15.773	527	16.300	10,8	
112	753	12,6	108	791	127	918	11,8	123	957	144	17.101	11,2	
65	495	26,5	138	496	73	569	24,3	148	566	81	647	22,9	
3.907	5.542	78,9	5.143	2.248	4.974	7.222	71,2	6.099	3.055	6.323	9.378	65,0	
—	5.001	69,2	4.343	—	—	6.797	63,9	5.329	—	—	8.568	62,2	
—	87.720	41,9	42.602	—	—	103.640	41,1	50.168	—	—	123.062	40,8	

⁴ Оборотные фонды в торговле составились из оборотных средств государственной (без синдикатов) и частной торговли и потребительской кооперации.

⁵ Капиталы в строительстве получены исходя из чистой продукции, путем распределения на все строительство коэффициентов эффективности собственного капитала стройорганизаций ВСНХ (за 1927/28 и 1928/29 гг.). Распределение капиталов на основные и оборотные произведено тоже исходя из соотношений этих капиталов в стройорганизациях ВСНХ СССР (это распределение в таблице не показано и учтено лишь при распределении банковских средств по отраслям народного хозяйства).

⁶ Оборотные фонды банков (товары, валюта) распределены по отраслям народного хозяйства пропорционально оборотным фондам последних.

Иллюстративный минимальный вариант динамики народного дохода, производственных фондов и эффективности их использования за время с 1926 по 1950 гг. в ценах (1926 г.) в млн.

На I/X	Народный доход	Накопление производственных фондов	Потребление	Доля накопления в народном доходе	Темповая структура народного дохода	Все производственные фонды	Фонды, обуславливающие производство фондов	Фонды, обуславливающие размеры потребления
	$\mathcal{D}$	$\mathcal{D}_y$	$\mathcal{D}_n$	$\frac{\mathcal{D}_y}{\mathcal{D}} \cdot 100\%$	$\frac{\mathcal{D}_n}{\mathcal{D}} \cdot 100\%$	K	K_y	K_n
	1	2	3	4	5	6	7	8
1926	22.525	4.024	18.501	17,9	21,8	54.619	8.711	45.908
1927	24.077	4.872	19.205	20,2	25,4	59.067	10.980	48.087
1928	26.222	5.045	21.177	19,2	23,8	63.981	11.171	52.810
1929	29.615	8.983	20.632	30,3	43,5	70.950	20.381	50.569
1930	34.247	12.279	21.968	35,9	55,9	81.581	28.131	53.450
1931	39.675	15.920	23.755	40,1	67,0	95.680	37.170	58.510
1932	46.385	19.422	26.963	41,9	72,0	113.351	45.944	67.407
1935	73.485	29.928	43.557	40,7	68,7	187.376	73.353	114.023
1938	109.606	40.434	69.172	36,9	58,5	292.919	102.885	190.034
1941	153.085	50.940	102.145	33,3	49,9	429.980	134.762	295.218
1944	202.252	61.446	140.806	30,4	43,6	598.559	169.273	429.286
1947	255.440	71.952	183.488	28,2	39,2	798.656	206.759	591.897
1950	310.992	82.458	228.534	26,5	36,1	1.030.271	247.622	782.649

Вариант высокого напряжения

1926	22,5	4,0	18,5	17,9	21,8	54,6	8,7	45,9
1927	24,1	4,9	19,2	20,2	25,4	59,1	11,0	48,1
1928	26,2	5,0	21,2	19,2	23,8	64,0	11,2	52,8
1929	29,6	9,0	20,7	30,3	43,5	71,0	20,4	50,6
1930	41,9	15,4	26,5	36,8	58,2	81,9	29,2	52,7
1931	60,6	26,3	34,3	43,4	76,7	100,0	42,6	57,5
1932	91,3	45,6	45,6	50,0	100,0	130,4	64,3	66,0
1935	224,5	112,2	112,2	50,0	100,7	320,7	158,3	162,4
1938	552,2	276,1	276,1	50,0	100,0	788,9	389,3	399,6
1941	1358,4	679,2	679,2	50,0	100,0	1940,6	957,7	982,9
1944	3341,7	1670,9	1670,9	50,0	100,0	4774,0	2.355,9	2.418,0
1947	8220,7	4110,4	4110,4	50,0	100,0	11.743,9	5.795,4	5.948,4
1950	20.222,9	10.111,5	10.111,5	50,0	100,0	28.889,9	14.256,9	4.633,1

Таблица 6

Фондов и эффективности их использования за время с 1926 по 1950 гг. в млн.

Темповая структура фондов	Максимальные темпы в условиях пропорционального развития всего хозяйства	Темпы фондов			Коэффициенты эффективности использования фондов			Темпы народного дохода и его частей "у" и "п"		
$\frac{K_y}{K_n} \cdot 100\%$	$K'_y = K'_n$	K'	K'_y	K'_n	C	C_y	C_n	$\mathcal{D}'$	$\mathcal{D}'_y$	$\mathcal{D}'_n$
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
19,0	7,40	—	—	—	41,2	46,2	40,3	—	—	—
22,8	8,2	8,1	26,0	4,7	40,8	44,4	39,9	6,9	21,1	3,8
21,2	7,9	8,3	1,7	9,8	41,0	45,2	40,1	8,9	3,6	10,3
40,3	12,7	10,9	82,4	—4,2	41,7	44,1	40,8	12,9	78,1	—2,6
52,6	15,0	15,0	38,0	5,7	42,0	43,6	41,1	15,6	36,7	6,5
63,5	16,6	17,3	32,1	9,5	41,5	42,8	40,6	15,8	29,7	8,1
68,2	17,2	18,5	23,6	15,2	40,9	42,3	40,0	16,9	22,0	13,5
64,3	16,0	18,2	16,9	19,2	39,2	40,8	38,2	16,6	15,5	17,3
54,1	13,8	16,1	11,9	18,6	37,4	39,3	36,4	14,3	10,5	16,7
45,6	11,8	13,6	19,4	15,8	35,6	37,8	34,6	11,8	8,0	13,9
39,4	10,3	11,7	7,9	13,3	33,8	36,3	32,8	9,7	6,4	11,3
34,9	9,0	10,1	6,9	11,3	32,0	34,8	31,0	8,1	5,4	9,2
31,6	8,0	8,9	6,2	9,8	30,2	33,3	29,2	6,8	4,6	7,6

Жения в миллиардах

19,0	7,40	—	—	—	41,2	46,2	40,3	—	—	—
22,8	8,2	8,1	26,0	4,7	40,8	44,4	39,9	6,9	21,1	3,8
21,2	7,9	8,3	1,7	9,8	41,0	45,2	40,1	8,9	3,0	10,3
40,3	12,7	10,9	82,4	—4,2	41,7	44,1	40,8	12,9	78,1	—2,6
55,4	18,8	15,4	43,3	4,2	51,1	52,7	50,2	41,3	71,4	28,2
74,1	26,3	22,2	45,8	9,1	60,5	61,7	59,6	44,7	70,7	29,6
97,4	35,0	30,2	51,1	14,8	70,0	70,9	69,1	50,7	73,6	33,1
97,4	35,0	35,0	35,0	35,0	70,0	70,9	69,1	35,0	35,0	35,0
97,4	35,0	35,0	35,0	35,0	70,0	70,9	69,1	35,0	35,0	35,0
97,4	35,0	35,0	35,0	35,0	70,0	70,0	69,1	35,0	35,0	35,0
97,4	35,0	35,0	35,0	35,0	70,0	70,0	69,1	35,0	35,0	35,0
97,4	35,0	35,0	35,0	35,0	70,0	70,0	69,1	35,0	35,0	35,0

В. П. Акуленко

Производительность общественного труда¹

„Производительность труда—это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя“.

„Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда“.

Ленин

Мы поставили себе исторического масштаба задачу—в кратчайший срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны.

Разрешить поставленную задачу—значит не только доказать право на жизнь новой экономической системы, но и утвердить доминирующую роль этой системы во всем мировом хозяйстве. Является ли посильной нам такого рода задача? Имеются ли у нас объективные предпосылки такого ускорения темпа хозяйственного развития? Для ответа на эти вопросы, разрешим вначале вопрос: что такое проблема темпа?

В статье «Направление, темп, равновесие»²) мы писали, что проблема темпа есть другая сторона проблемы производительности общественного труда.

Действительно, динамика производительности общественного труда—основной фактор, определяющий развитие того или другого социального агрегата, той или другой социальной системы. Те народы или же те системы, производительность которых росла замедленным темпом или оставалась вовсе стабильной, должны были уйти с исторической арены, уступив свое место народам и системам в большей мере повышающим производительность своего труда.

В свою очередь, неравномерное развитие производительности общественного труда в отдельных секторах современного мирового хозяйства является основной причиной различного уровня материального и культурного бытия одних и тех же социальных групп в различных странах, различного темпа роста этих стран и т. д. Соответственно с этим, показатели динамики производительности общественного труда являются наиболее синтетическими показателями всякого на-

роднохозяйственного плана. Так как центральной задачей таких планов должно явиться волевое воздействие на всю сумму факторов, определяющих производительность общественного труда в целях повышения последней, то вначале мы остановимся на определении этих факторов, а затем уже перейдем к конструированию самого понятия производительности общественного труда и показателей, отражающих динамику этого явления.

По Марксу «производительная сила труда определяется многосложными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и ее технических применений, общественной организацией производственного процесса, размерами и дееспособностью средств производства и, наконец, естественными условиями» (Капитал, I т., 5 стр.). Детализируя эти положения, получим следующую сумму факторов производительности обществ. труда;

а) субъективные качества рабочей силы: квалификация, интенсивность труда, общая и техническая культурность и пр., что в свою очередь является результатом объективных причин (постановка общего и технического образования и пр.);

б) уровень развития науки и ее технических применений, повышение которого позволяет извлекать из данной суммы накопленного труда («капитала»), из данной суммы материальных благ каждый раз растущую эффективность;

в) общественная организация производственного процесса: система общественного и географического разделения труда; система соединения труда—т. е. организация производства (концентрация и централизация, трестирование и комбинирование и пр.); организация обращения и распределения, определяющая скорость оборота капитала и издержек обращения; организация общественного производства в целом, определяющая, с одной стороны, пропорции производства и потребления, пропорции перераспределения общественного продукта и т. д., а с другой—величину издержек общественного воспроизводства;

г) размеры и дееспособность средств производства; величина постоянного капитала и его технический состав (степень машиновооруженности и энерговооруженности труда); пропорции основного и оборотного капитала; межотраслевые пропорции, в частности групп «А» и «Б» и т. д.;

д) наконец, естественные условия во всем их многообразии.

В каждой данный момент для каждого общества все эти элементы являются объективной данностью, хотя эта объективность есть в большой мере результат прошлых субъективных действий общества. Существующий комплекс производительных сил определяет: что производится, сколько, как и с какими издержками живого труда.

Но если в каждый данный момент величина общественного продукта есть объективная данность, непосредственно определяемая уже

¹ В порядке обсуждения. Ред.

² См. „Плановое Хозяйство“ № 2 и 4 за 1929 г.

имеющимся комплексом производительных сил, то перераспределение этого продукта, характер его общественного потребления, только посредственно определяется имеющимся комплексом производительных сил, и потому в каждый данный момент общественное потребление в большей мере поддается воздействию волевого фактора, чем общественное производство. Отсюда проблема повышения производительности общественного труда заключается в нахождении таких пропорций при перераспределении всего общественного продукта, которые гарантировали бы наиболее эффективное изменение существующего комплекса производительных сил в условиях относительного экономического равновесия всей системы. Соответственно с этим, разрешение проблемы темпа заключается в нахождении определенных пропорций при распределении общественного продукта между потреблением и накоплением; пропорции при перераспределении фондов потребления между личным и общественным потреблением; пропорций—при распределении фондов накопления между основным и оборотным капиталом, между постоянным и переменным капиталом (уровень механизации), между отдельными отраслями и т. д. Вполне понятно, что каждая страна, исходя из конкретных естественно-географических, социально-исторических и экономических условий по-своему находит эти пропорции. Тем не менее, анализ конкретного развития отдельных национальных хозяйств и мирового хозяйства в целом позволяет сделать ряд обобщений.

Нужно только подчеркнуть, что хотя характер общественного потребления (личного и производственного) в значительной мере поддается воздействию волевого фактора, тем не менее, это волевое влияние является далеко не безусловным началом, так как в конечном итоге и потребление в каждый данный момент является функцией определенного аргумента—производительных сил. Поэтому волевое изменение некоторых хозяйственных пропорций вне учета конкретных объективных условий может не только сорвать темпы развития, но и привести общественное хозяйство к серьезным потрясениям¹.

Трактовка пропорций как условий хозяйственного равновесия была дана нами в статье «Направление, темп, равновесие»; поэтому мы ограничиваемся в данной работе анализом пропорций как условий темпа. Вполне понятно, что такое размежевание является только методологическим приемом, так как в живой жизни пропорции, как условие ускоряющегося темпа, должны быть и пропорциями относительного производственного (но не обязательного рыночного) равновесия.

¹ Говоря о волевом факторе, автор недостаточно разграничивает систему плановую и стихийную. *Ред.*

* * *

При прочих равных условиях темпы хозяйственного развития будут тем выше, чем выше в данном общественном хозяйстве норма накопления.

В широком смысле слова норма накопления есть норма прибавочной стоимости или прибавочного продукта (M/P). В более узком понимании норма накопления есть отношение к общественному продукту, прироста основных и оборотных фондов. (Между прочим, в одном месте Маркс дает еще более суженную трактовку общественного накопления, понимая под ним только прирост группы производства средств производства, т. е. отраслей, производящих элементы основного капитала общества.)¹

Норма накопления (в широком понимании) прямо пропорциональна производительности труда (выработка на рабочего при данной интенсивности труда) и обратно пропорциональна величине потребления (личного или общественного). Действительно, по мере роста производительности единицы живой силы, несмотря на абсолютный рост массы потребления (зарплата или соответствующий эквивалент) доля прибавочного продукта растет еще сильнее в основном за счет относительной части прибавочного продукта². С другой стороны, не менее очевидно, что чем больше масса личного потребления, тем меньше масса, а потому и норма накопления. Соответственно с этим общественное хозяйство может иметь высокую норму накопления даже при низкой производительности труда, если последней отвечает нищенский уровень бытия самих трудящихся. Однако существует большая разница между высокой нормой накопления при высоком уровне технической производительности труда и при низком: первой отвечает огромная масса накопления (абсолютно и на единицу населения), а второй—значительно сниженная. Между тем при данной норме накопления (M/P) темп определяется как отношением массы накопления к имеющейся массе средств производства (M/C), так и отношением массы накопления к имеющейся живой силе (M/V).

До сих пор мы определяли массу накопления как прибавочный продукт ($P - V = M$).

Между тем, по существу, под народнохозяйственной массой накопления следует понимать о материализованную часть прибавочного продукта, т. е. прирост основных и оборотных фондов (запасов). Масса прибавочного продукта совпадала бы с о материализованным накоплением только в том случае, если бы вся масса общественного потребления совпадала бы с массой потребления непосредственных

¹ Редакция отмечает, что определение нормы прибавочной стоимости, даваемое автором, расходится с определением Маркса.

² „Относительная прибавочная стоимость прямо пропорциональна производительной силе труда. Она повышается с повышением и падает с понижением производительной силы труда“. (Капитал, I т., 238 стр.)

производителей. Между тем это далеко не так: во всяком обществе известная часть общественного продукта идет на социально-культурные нужды, на аппарат распределения и хозяйственного управления и т. д.; а в современном обществе, кроме того, на содержание армии, буржуазии, бюрократии, различных непроизводительных групп населения и т. д. Известная часть этих расходов является условием расширенного воспроизводства всякого общественного хозяйства (затраты на просвещение, здравоохранение и пр.) и потому рост доли этих расходов в общественном продукте является целиком положительным показателем; большая же часть приведенных расходов есть или *faux frais* менового хозяйства или непроизводительное потребление капиталистической системы хозяйства. Поэтому, чем меньше масса такого непроизводительного потребления (армия, буржуазия и пр.), тем лучше для всего общества. Обычно в период войны, революции и т. п., когда повышается удельный вес непроизводительных расходов, норма накопления сильно падает и даже сходит к нулю или отрицательной величине; последнее выражается в проедании основных и оборотных фондов страны. Как правило, норма накопления в капиталистических странах почти никогда не превышала 20%, понижаясь в отдельных странах до 10% и ниже, в зависимости от всей массы расходов непроизводительного характера.

Нужно, вместе с тем, признать, что всякое общество в каждый данный отрезок времени ограничено в повышении нормы накопления двумя моментами: один лежит в самих пропорциях перераспределения общественного продукта между потребляемой и накапливаемой частью; другой — в самой материальной структуре общественного продукта. Дело в том, что известный прирост потребительских фондов является условием расширенного воспроизводства, так как рост личного потребления группы производительного труда является условием роста самой производительности труда. Практически это означает, что, повышая, напр., норму выработки на 20%, нужно повысить заработную плату на 8—10%. Если такого повышения не будет, или если оно будет иметь номинальный характер, срезываясь ростом цен или обязательными отчислениями, то это более или менее отрицательно отразится на динамике производительности труда, а отсюда на снижении нормы накопления. С другой стороны, рост затрат социально-культурного характера, срезая в данный момент массу производительного накопления, необычайно повышает в последующем норму накопления, поднимая производительность всего общественного труда. Поэтому, срезывание потребительских фондов производительных групп населения или зажим расходов на социально-культурные нужды может повысить норму накопления только в каждый данный момент, отрицательно отражаясь на динамике производительности труда и нормы накопления на длительном отрезке времени.

Влияние второго момента — структуры общественного продукта — заключается в том, что не всякая часть общественного продукта может

быть накоплена. Если прибавочный продукт в основном состоит из предметов потребления, и при том непроизводительного потребления, то материальные возможности данного общества в деле накопления более чем ограничены. Этим и объясняется как чудовищное непроизводительное потребление в древних деспотиях, так и не менее чудовищное непроизводительное накопление (китайская стена, египетские пирамиды и т. д.). И наоборот, чем выше в прибавочном продукте доля средств производства и вообще элементов основного капитала (стройматериалы, металл и пр.), тем больше материальных возможностей для накопления; возможностей, определяемых самой природой накапливаемой материи. (В условиях неравномерного развития отдельных стран корректирующим фактором является внешний товарооборот.)

Переходим к анализу дальнейших пропорций. При данной массе накопления темп определяется пропорциями распределения этой массы между элементами основного и оборотного капитала. Как правило, чем ниже доля запасов в накапливаемом продукте, чем больше она приближается к общественно-необходимой норме, тем выше темп хозяйственного развития, так как тем выше эффективность использования общественного капитала. Разные отрасли народного хозяйства имеют различное соотношение между основным и оборотным капиталом по чисто техническим причинам. Тем не менее, каждой единице основного капитала народного хозяйства отвечает определенная величина оборотных средств производства (сырье, топливо, вспомогательные материалы, полуфабрикаты, незаконченное производство и стройматериалы для текущего ремонта). Для всего же народного хозяйства в состав запасов должна войти также определенная норма готовых изделий и продуктов. Соответственно с этим существует, как нижний лимит, нормативная масса запаса. Всякое общество, нарушающее эту нормативность в сторону снижения, подвергает свое воспроизводство таким перебоям, которые могут задержать темп развития (неполная загрузка основного капитала, транспортные перебои, отсюда удорожание продукции и ухудшение ее качества и т. д.).

Но проблема резервов стоит скорее в обратной плоскости: в плоскости общественного расточительства, так как всякое меновое хозяйство обычно имеет массу запасов, далеко превышающую общественно-необходимую норму.

Как правило, при данной длине производственного цикла, величина запасов будет тем меньше, чем развитее средства сообщения, чем развитее кредитно-денежные отношения, чем выше концентрация и централизация производства и обращения, чем лучше организация снабжения и сбыта, чем планомернее организация общественного производства в смысле приближения продукции к общественно-необходимому потреблению (имеем в виду перманентное перепроизводство капиталистического хозяйства) и т. д. Иначе говоря, величина общественного запаса в значительной мере определяется рядом организа-

ционных факторов и поэтому она тем больше, чем неорганизованнее, чем более стихийно данное общественное хозяйство.

Поэтому одна рациональная организация кредитно-денежного оборота равносильна созданию новых материальных капиталов. Роль кредита не только в том, что он уменьшает издержки денежного обращения, но и в том, что кредит приближает величину материальных резервов к общественно-необходимому минимуму, а также ускоряет оборот материальных ценностей, путем перемещения освобождающихся денежных капиталов.

Общественное хозяйство со слабо развитым «кредитным переплетом» имеет чрезвычайно замедленную скорость оборота капиталов, так как, во-первых, замедляется самый процесс обращения, а во-вторых, процесс производства. В этом случае можно встретить такие примеры, когда одно предприятие имеет избыточный уголь, нуждаясь в чугуне, а другое—избыточный чугун, нуждаясь в угле. В результате чисто организационных причин имеет место недостаточная нагрузка имеющихся основных капиталов, излишние резервы и т. д. Именно в этом смысле организация функционально равносильна созданию капитала.

Но, с другой стороны, эффективное значение кредита тем меньше, чем выше прочие организационные формы производства и обращения. Фордовский комбинат является классическим примером бескредитного хозяйства, где запасы сведены к технически необходимому минимуму, а скорость оборота—к техническому максимуму.

Поэтому роль кредита все более и более суживается по мере роста системы трестов, синдикатов, комбинатов, концернов и т. д. Такое же значение имеет рационализация обращения: транзит, система предварительных заказов и т. д.

Кстати сказать, по мере развития таких организационных форм снижаются также издержки обращения (торговая наценка и т. д.). Соответственно с этим можно сказать, что при данной массе накопления темп определяется общественной организацией производства и обращения: он выше для кредитного хозяйства сравнительно с денежным; для концентрированного хозяйства сравнительно с мелкотоварным хозяйством; для планового хозяйства сравнительно со стихийным¹.

Переходим к пропорциям капитального строительства. С точки зрения эффективности капиталовложений разрешение проблемы темпа заключается в нахождении таких комбинаций живого и мертвого труда (постоянного капитала) и такого межотраслевого сочетания этих комбинаций, которые, обуславливая

¹ Помимо вышеуказанного, преимущества высокой организации общественного производства (тресты, комбинаты и пр.)—это преимущества крупного предприятия перед мелким; общественной формы—перед частной, где, с одной стороны, может быть шире техническое разделение труда, выше специализация; а с другой, больше кооперация труда, его соединение.

определенную степень хозяйственного равновесия, гарантировали бы при данных социально-экономических условиях возможность максимальной общественной экономии и максимального повышения производительности труда. Я подчеркиваю «при данных общественных условиях», потому что в одних случаях ускорение темпа обуславливается одними пропорциями, а в другой—другими.

На первый взгляд кажется, что наибольший темп роста будет тогда, когда затраченный капитал даст наибольшую сумму продукции на единицу капитала (P/C). Иначе говоря, так как при данном уровне технической культуры по мере роста технического состава капитала продукция на единицу капитала падает (падение P/C по мере роста C/V), то можно было бы сделать вывод, что максимальный темп обуславливается наиболее низким уровнем механизации труда. Тем более, что при низком уровне механизации одна и та же сумма капитала позволяет вовлечь в производство большее число рабочих, чем при высокой механизации.

Такой вывод был бы неправильным, так как производительность труда (выработка на рабочего при данной интенсивности) тем выше, чем выше механизация труда. Поэтому низкой механизации отвечала бы низкая производительность, а потому низкая зарплата и пониженная норма накопления.

Но, с другой стороны, не менее ошибочно было бы думать, что всякое повышение уровня механизации при всяких социально-экономических условиях дает больше оснований для ускорения темпа. Так как по мере роста механизации нормы накопления соответствует параллельное понижение чистой продукции на единицу основного капитала (и по стоимости и в натуре), то в каждый данный момент при достижении известного уровня механизации можно иметь такое положение, когда произведение повышенной нормы на относительно пониженную продукцию может быть меньше произведения пониженной нормы на относительно повышенную продукцию.

Между тем для усиления темпа важно как раз иметь не столько повышенную норму накопления вообще, сколько повышенное отношение массы накопления к затраченному капиталу. Следовательно, вся соль проектирования заключается в нахождении оптимального уровня механизации при данных экономических условиях, так как не всякая степень механизации, экономически целесообразная в одной стране, может быть экономически выгодной в другой стране. Механизированное производство дает для данного хозяйства наибольшую массу прибавочного продукта (абсолютно и относительно к капиталу) только в том случае, когда масса прибавочного продукта, реализованного благодаря введению новой более мощной машины, будет превышать возможную массу прибавочного продукта, которую могла бы дать эта дополни-

тельная масса капитала при более низком уровне механизации, т. е. за счет дополнительного вовлечения рабочих.

Впрочем, в каждый данный момент лимитом высокого уровня механизации является не только масса прибавочного продукта и отношение последней к затраченной сумме капитала, а также и масса чистой продукции, поскольку с точки зрения P более высокое отношение C/V менее «произвительно» на единицу капитала, чем менее высокое. Поэтому всякое общество, нуждаясь в определенной сумме чистой продукции и располагая для этого всякий раз определенной суммой накопленного труда (капитала), должно при этих двух лимитах—потребное P и существующее C —выбирать такую структуру C/V , которая гарантировала бы производство общественно необходимой суммы продукции. Иначе говоря, произведение всей массы затрачиваемого капитала (C) на отдачу единицы капитала (P/C) должно гарантировать получение общественно-необходимой суммы P ; с другой же стороны, произведение всего числа V на выборку одного рабочего (P/V) должно дать тот же результат. С точки зрения чистой продукции эти два ряда диктуют выбор определенного уровня C/V , гарантирующего произведение P . Короче говоря, всякое общество может получить общественно-необходимую продукцию только ценою общественно-необходимых затрат. А вполне понятно, что критерий «общественно-необходимых затрат» будет один для Германии и другой для САСШ. Поэтому всякое общество, повышающее уровень C/V против общественно-необходимого, может, при указанных выше условиях, повысить темп развития ценою лишь временного недопроизводства.

Мы подчеркиваем, что все выводы об уровне C/V предполагают «данный уровень технической культуры», так как влияние технического прогресса существенно изменяет эти положения, поскольку «на одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой—хорошая может быть дешева» (Маркс).

Несмотря на то, что по вопросу эффективности капиталовложений существует наибольшая путаница понятий (путаница высокого уровня механизации и высокого уровня технического развития и т. д.), мы даем здесь только схематическое изложение этой проблемы, так как детальная ее трактовка дается нами в статье «О марксизме, индустриализации и безграмотности» («Хозяйство Украины» № 9, 1929).

Переходим ко второму моменту капиталовложений—межотраслевым пропорциям. В различных отраслях существует различный органический состав капитала по чисто техническим условиям производства: так, в промышленности он выше, чем в земледелии; в тяжелой индустрии—выше, чем в легкой; в транспорте—выше, чем в промышленности в целом и т. д. Из этого можно было бы сделать вывод, что наибольшие темпы будут обуславливаться таким распределением капитала, когда наибольшая масса его будет направлена в легкую индустрию, а не в тяжелую, в сельское хозяйство, а не в про-

мышленность и т. д. Однако и этот вывод был бы неправильным. Дело в том, что ряд наиболее капиталоемких отраслей, как транспорт, тяжелая индустрия, электропромышленность, химия и т. д., является, так сказать, «ведущими» отраслями, которые хотя и дают пониженную продукцию на единицу капитала, но зато поднимают производительность труда в связанных с ними отраслях.

Соответственно с этим мы выдвигали в качестве критерия народнохозяйственной эффективности комплексный учет эффективности, а не линейный (54—55 стр. № 4 «План. Хозяйства»). В качестве иллюстрации, мы приводили пример с транспортом, который дает очень низкую отдачу капитала. Тем не менее, развитие средств сообщения, создавая предпосылки рационального географического разделения труда, повышает темпы развития, ускоряя обращения капиталов и повышая норму накопления путем снижения транспортных издержек.

✓ Факты развития мирового хозяйства и отдельных национальных хозяйств как раз и говорят о том, что производительность общественного труда растет не в той мере, в какой развиваются отрасли с наибольшим выходом продукции на единицу капитала, а в той мере, в какой развиваются капиталоемкие отрасли с понижающейся отдачей капитала (металлургия, машиностроение, химия, транспорт и т. д.).

Иначе говоря, человечество проявляет прогрессивно растущий аппетит не к хлебу, мясу, текстилю и пр., а к углю, чугуну, химической продукции и т. д.

Соответственно с этим расширенное воспроизводство общественной продукции покупается всякий раз еще более расширенным воспроизводством группы «А», что и проявляется в повышении удельного веса этой продукции в общей сумме общественного продукта.

Собственно говоря, пропорция «А» и «В», пропорции отраслей, производящих средства производства и средства потребления, в конечном итоге есть другая сторона пропорций C/V . С другой же стороны, пропорции «А» и «В» в известной мере есть другая сторона пропорций накопления и потребления, так как «с прогрессом в производительности общественного труда, сопровождаемым, как это и происходит в действительности, ростом постоянного капитала, на долю капитала, как такового, будет приходиться также все большая часть годового продукта» (Маркс, «Теория» etc, II т. 94 стр.).

Особое значение в числе капиталоемких отраслей имеют «отмыкающие» отрасли индустрии (Keyindustrie), создающие, так сказать, ключи к расширенному воспроизводству менее капиталоемких отраслей.

Ряд таких отраслей, например, будет создан на дешевой энергии Днепростроя.

Итак, повышение удельного веса группы «А» (производство средств производства) является показателем расширенного воспроиз-

водства, показателем эффективности общественного накопления; показателем роста производительности общественного труда¹.

Но если общество прогрессирует лишь в той мере, в какой растет абсолютно и относительно группа отраслей «А», то не менее правильно, что даже при расширенном воспроизводстве чугуна, стали, стройматериалов и пр. общество может иметь крайне замедленный рост производительности труда, если продукция группы «А», а соответственно и группы «В», будет направлена в строительство отраслей непроизводительного характера: военная промышленность, добыча драгоценностей, строительство дворцов и т. д. Общество накапливает и тогда, когда строит пирамиды, или превращает ценою миллиардов Флориду из болота в Венецию американской буржуазии; общество «накапливает» и при производстве золота и т. д., но с народно-хозяйственной точки зрения это накопление мало чем отличается от проедания основного капитала страны. Поэтому весь вред непроизводительного потребления в буржуазном обществе не только в проедании тунеядцами известной части общественных фондов потребления, но и в непроизводительном использовании и без того урезанных фондов накопления.

При всех прочих предпосылках решающим фактором роста производительности общественного труда является уровень

¹ Из этого следует, что хотя скорость оборота капитала есть другая сторона высоты производительности труда, все же повышение производительности общественного труда не всегда совпадает с повышением скорости оборота капитала.

Вообще говоря, скорость оборота всего капитала тем выше, чем меньше масса амортизации в единице продукции, т. е. чем выше отдача основного капитала; чем меньше в единице продукции прочие составные части, т. е. для живого труда (переменный капитал), сырья, материалов и пр., чем выше отношение оборотной части капитала к основной и чем короче длина производственного процесса и т. д.

Для всего же общественного производственного процесса определяющими факторами скорости оборота капитала выступают, кроме того, организация обращения и модификации одних форм материальных благ в другие формы, а также организация транспорта („Главное средство для сокращения времени обращения — усовершенствование путей сообщения“ (Маркс). Растущее отношение c/v , а отсюда снижение отдачи основного капитала, более быстрый рост основной части постоянного капитала, чем оборотной, влияют в сторону замедления скорости оборота всего общественного капитала. Развитие же науки и техники влияет в противоположном направлении, повышая скорость оборота капитала путем повышения отдачи капитала и сокращения времени производства.

С другой стороны, растущее отношение c/v повышает скорость оборота как оборотной части постоянного капитала (снижение материальных затрат в единице продукции), так и всего переменного капитала (снижение доли v). В результате имеем снижение себестоимости, которое говорит о том, что одна и та же масса P всякий раз покупается меньшими затратами труда и капитала, или что одна и та же масса труда и капитала дает большую массу P .

В силу неравномерного роста технического прогресса и процессов механизации возможно несовпадение динамики коэффициента скорости оборота капитала и коэффициента темпа в тот или иной отрезок времени. (На длительном отрезке эти коэффициенты совпадают.)

культурного развития населения, уровень развития науки и техники.

Рост самого объема C и его структуры — C/V требует расширения воспроизводства квалифицированной рабочей силы и если такое задерживается, то данное общество будет стоять перед проблемой импорта квалифицированных кадров, несмотря на имеющиеся резервы труда. С другой же стороны, растущее воспроизводство предъявляет требования к кадрам квалифицированного труда не только в самом производстве, но и в сферах обращения и перераспределения общественного продукта (экономисты, бухгалтера, статистики и т. д.).

Вообще же, овладение самыми элементарными трудовыми процессами требует хотя бы самой элементарной грамотности населения — умения читать и писать, не говоря уже об элементах технической грамотности. Многомиллионное крестьянство каждой страны даже при одном и том же техническом базисе может очень резко повысить свою производительность, если овладеет хотя бы элементарными представлениями о технологии своего производства. Поэтому проведение целой системы агрикультурных мероприятий может более чем окупиться повышенной урожайностью, повышенным выходом мясной и молочной продукции и т. д. Повторяем, здесь вопрос стоит иногда в плоскости усвоения самых простейших принципов производства. Но это усвоение предполагает как наличие кадров агрикультурных работников, так и соответствующий уровень общей культуры населения.

Так же стоит вопрос для всей массы кустарного и мелкого ремесленного труда, где посредством организации простейших краткосрочных курсов могла бы быть повышена производительность труда и качество продукции без увеличения или при незначительных затратах капитала.

Наконец, рационализация быта и личного потребления, которой никто научно не занимается и провести которую можно лишь опять-таки подняв уровень общей культуры населения, скрывает в себе колоссальные резервы, так как в каждом обществе потребляются ведь от 80% до 90% всего общественного продукта. В наших, например, условиях рационализация потребления хотя бы на 4% дала бы миллиардный эффект. Одно уничтожение водки и самогона дает народному хозяйству десятки миллионов пудов хлеба, как сырья; десятки миллионов рублей фондов потребления, непроизводительно затрачиваемых на рабочих и служащих водочной промышленности; миллионы рублей экономии на основном капитале; повышение производительности труда потребителей водки и т. д., не говоря уже о снижении преступных актов и повышении уровня моральной, а также физической культуры (бюджет здравоохранения).

Переходя от элементов общей культуры, от вопросов распространения среди населения уже имеющихся достижений науки и техники, нужно резко подчеркнуть роль естественно-технических наук

Овладевание окружающей нас материей и энергией; подчинение обществу сил природы; растущая эффективность их использования, все это есть результаты развития науки и техники. Развитие естественно-технических наук, производя иногда целые технические революции, чрезвычайно повышает производительность труда, «удешевляя» продукцию и повышая ее качество. При этом, по Марксу, чем меньше сумма стоимости переносимая средствами труда на единицу продукции, тем больше приближаются средства труда к даровым силам природы. Влияние технического прогресса сказывается на машинах в том, что одна и та же машина одной и той же эффективности, на одной ступени технического развития будет стоить, например, 1000 руб., на другой—500 руб., а на третьей—300 руб. Пример фордовских автомобилей может служить иллюстрацией этого процесса роста технической культуры. (В данном случае говорят о реконструкции, рационализации. Но ведь сама реконструкция есть моральное обновление технически устаревшего капитала.)

Этот процесс роста технической культуры, роста изобретательства имеет своим логическим результатом рост продукции на единицу капитала. Следовательно, этот процесс прямо противоположен по своим результатам процессу роста уровня механизации. Действительно, в результате роста механизации стоимость единицы продукции снижается за счет доли живого труда и оборотной части постоянного капитала (сырье, топливо и пр.), но масса амортизации при этом растет и относительно и абсолютно, следовательно, отдача капитала падает. Наоборот, в результате технических усовершенствований амортизация имеет тенденцию относительно расти (в цене продукта), но абсолютно падать; следовательно, отдача капитала растет.

«Подобно тому, как усиленная эксплуатация природного богатства достигается просто повышенным напряжением рабочей силы, точно также наука и техника сообщают функционирующему капиталу способность к разрешению, не зависящую от его данной величины». (Капитал, I т., 478 стр.) Именно поэтому машина, произведенная в 1930 г. будет в несколько раз эффективнее машины той же стоимости 1860 г., потому что «на одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой—хорошая может быть дешева». Между прочим, последнее обстоятельство затушевывает процесс падения P/C по мере роста C/V , в результате чего имеет место невероятная путаница понятий в вопросах эффективности капиталовложений.

Но влияние технического прогресса сказывается не только на степени приближения средств труда к силам природы, но и на степени эксплуатации данных естественных ресурсов. Германия никогда бы не сумела поднять так высоко производительность своего труда, если бы не разрешила проблему бурого угля и фосфористой руды, если бы не развила свою химию и т. д.

С другой стороны, развитие естественных наук позволяет усиливать как продуктивность сельского хозяйства (гибридация, акклиматизирование и пр.), так и промышленности (ферментация табака, сушка сахарной свеклы и т. п.).

Суммируя, приходим к выводу, что только развитие науки и техники позволяет человечеству при той же, или даже уменьшающейся затрате труда и материи иметь каждый раз расширенный хозяйственный эффект. При стабильности технического прогресса человечество стояло бы перед проблемой: или повышение производительности труда ценою снижающейся продукции на единицу капитала, или производство общественно-необходимой продукции хотя бы и менее производительным трудом. В обоих случаях замедляющиеся темпы стареющего общества. Именно поэтому наиболее бурный рост производительности общественного труда среди всех ранее существовавших систем имел место в эпоху капитализма, т. е. в эпоху необычайно интенсивного развития науки и техники. С другой стороны, пролетариат сможет разрешить поставленные перед ним задачи только тогда, когда он сумеет произвести целые технические революции.

Но и поднятие общего уровня культуры, и развитие науки и техники возможно лишь при условии, когда общество выделяет из произведенного продукта определенную часть на социально-культурные нужды.

Переходим к природным факторам производительности. Значение этих факторов обуславливается тем, что по существу сама трудовая деятельность человека является ни чем иным, как процессом модификации одних форм материи и энергии в другие. *sic* Больше того, труд, как логическое условие существования человека, является процессом приспособления естественных форм материи и энергии к потребностям человека при помощи этой же трансформированной материи и энергии.

Но уже из этого последнего вытекает, что влияние природных условий на производительность труда не является ни абсолютным, ни непосредственным. Природные условия влияют на производительность общественного труда через систему средств труда, которой располагает данное общество. Поэтому на одной ступени общественного развития одни и те же естественные условия влияют одним образом, на другой—другим. Больше того, страна с худшими природными предпосылками в силу большего развития техники и средств труда может иметь более высокую производительность, чем страна с лучшими природными предпосылками, но более отсталая (сравни урожайность в Германии и Украины).

Но не менее правильно и то положение, что при прочих равных условиях, из двух общественных хозяйств, хозяйство с лучшими естественными предпосылками будет иметь более высокую производительность труда, чем хозяйство с худшими предпосылками. Это вытекает хотя бы из того, что само развитие системы средств труда тем

больше приближается к средствам природы, чем меньше передаваемая ими стоимость (амортизация) единице продукции.

Каково же влияние природных условий на производительность общественного труда?

«Помимо большего или меньшего развития общественного производства, производительность труда зависит от естественных условий. Они все могут быть сведены к природе самого человека, рас и т. д., или к окружающей его природе. Внешние условия природы, с экономической точки зрения, распадаются на две большие группы: естественные богатства, воплощенные в средствах существования, т. е. плодородие почвы, обильные рыбой воды и т. д., и естественные богатства, воплощенные в средствах труда, как то: водяная сила, судоходные реки, лес, металлы, уголь и т. д. В начале цивилизации решающее значение имеет первый, а на более высоких ступенях развития — второй род естественных богатств» (Капитал, I т., 361—363 стр.).

С другой же стороны, Маркс подчеркивает, что «не абсолютное плодородие почвы, но ее дифференциация, разнообразие ее естественных продуктов составляют основание общественного разделения труда». Прима́т дифференциации над абсолютной величиной богатства вытекает из того, что величина всякого абсолютного богатства влияет на производительность труда в каждом данном случае, а дифференциация богатства, создавая предпосылки общественного разделения труда, влияет тем самым на производительность всего общественного труда.

Вряд ли нужно останавливаться на значении естественных условий для развития сельского хозяйства в отдельных странах (почвы Германии и Украины; климат Англии и САСШ и т. д.), или для развития добывающей промышленности (степень богатства недр, удобство эксплуатации, географическая отдаленность залежей и т. д.). Для обрабатывающей промышленности имеет значение сама географическая расстановка отдельных моментов производства (сравни по Веберу условия развития хлопчатобумажной промышленности Англии и САСШ; или металлопромышленности Испании и Англии и т. д.).

Вообще же, характер географической конфигурации отдельных элементов производства (руда, уголь, лес и т. д.) имеет огромное значение для всего производства в целом.

Но производительность общественного труда тем выше, чем гуще сеть естественных путей сообщения, так как этим экономится значительная масса транспортных издержек.

Сама величина территории имеет огромное значение для развития производительной силы труда. В начале цивилизации развитию производительных сил благоприятствовала скорее небольшая территория, так как «разделение труда внутри общества предполагает известную величину и известную плотность народонаселения; эти моменты играют здесь ту же роль что и аггломерация рабочих в одной

мастерской». Поэтому древние культуры—Египта, Ассирии и Вавилона, Греции, Рима—культуры небольших территорий.

По мере же роста человеческой культуры положение меняется в обратную сторону, так как чем больше территория, тем больше предпосылок для рационального географического разделения труда, поскольку «сравнительно мало населенная страна с развитыми средствами сообщения обладает более густым населением, чем более населенная страна с неразвитыми средствами сообщений». (Маркс.)

Следует заметить, что, говоря о величине территории, нужно иметь в виду и политическое единство территории, так как политическая чересполосица также затрудняет развитие рационального географического разделения труда, как и слабое развитие транспорта. С этой точки зрения САСШ, например, имеют больше предпосылок для хозяйственного развития, чем лоскутная Европа.

Во всех этих случаях различие естественных предпосылок действует как различная техническая вооруженность, определяя с какими издержками производства добывается то или иное хозяйственное благо.

Таково, в общих чертах, значение естественных факторов в деле повышения производительности общественного труда.

Но развитие производительных сил человечества имеет место не только в неодинаковых естественных условиях, но и в неодинаковых социально-исторических и политических условиях. Обуславливаясь тем или другим уровнем развития производительных сил, эти условия в свою очередь рефлективно влияют на производственный базис, или стимулируют, или задерживая его развитие. Такое же значение имеют все надстройки.

Не останавливаясь детально на этих моментах, скажем, что форма буржуазно-демократических республик больше благоприятствовала развитию производительных сил, чем абсолютизм; что бессословное общество благоприятнее в этом смысле, чем кастовое или общество с феодальными пережитками и т. д. Отрицательное влияние религии на развитие естественно-технических наук имеет место даже до настоящего времени («обезьяний процесс» в САСШ. В Индии религия задерживает развитие продуктивного скотоводства и, в частности, свиноводства и т. д., и т. д.).

Суммируя все вышеизложенное, мы приходим к выводу, что при данных естественных и социально-политических условиях общество прогрессирует тогда, когда сводит к минимуму непроизводительное потребление, повышая в общественном продукте норму накопления и удельный вес социально-культурных затрат; когда наибольшая масса накопления идет в основной капитал; когда повышается технический состав капитала и удельный вес отраслей, производящих средства производства; когда растет уровень культурности населения и развивается наука и техника.

Неравномерное развитие системы экономических, а потому и социально-политических факторов производительности общественного

труда объясняет как неравномерную динамику последней во времени, так и неравномерный уровень развития отдельных географических секторов мирового хозяйства. Иначе говоря, эта неравномерность развития системы факторов производительности объясняет нам как причины неравномерного экономического прогресса человечества в отдельные его исторические периоды, так и причины неравномерного развития отдельных общественных хозяйств (сравни, с одной стороны, страны старой тысячелетней культуры — Китай и Индию — и страны молодой буржуазной культуры; а с другой — Европу и Америку).

Если рассматривать динамику производительности общественного труда, то придем к выводам, сделанным еще Марксом, что из всех исторических эпох наибольшее развитие производительных сил человечества наблюдалось в эпоху капитализма, так как из всех ранее существовавших социально-экономических систем капиталистическая система в наибольшей мере способствовала развитию факторов производительности общественного труда. В чем же состояли преимущества капиталистической системы перед всеми ранее существовавшими системами?

Развитие производительности сил прогрессирующего промышленного капитализма предполагало в своем идеале установление начал буржуазной демократии и равенства, буржуазной свободы (либерализма), буржуазных правовых норм и т. д., т. е. установления предпосылок для 100% реализации абсолютного товарного общества. Поэтому большая или меньшая реконструкция феодального социально-политического строя являлась *conditio sine qua non* развития капитализма. Переживая революционный этап своего развития, буржуазия отделяет церковь от государства и тем способствует развитию естественно-технических наук и культуры вообще; нападая на метафизику феодализма, буржуазия материализует человеческое миропонимание, создавая тем самым мощную методологическую базу для развития науки, как таковой. Развитию науки и техники способствовала «демократическая» свобода мысли и ее высказывания (слово и печать), а также соответствующее перераспределение общественного продукта. Одновременно с этим имеет место рост культурного уровня широких масс населения, хотя бы в пределах элементарной грамотности — умение читать и писать. Необычайный против предшествующих систем рост продукции бумажно-полиграфической, типографской и пр. промышленности создает техническую базу развития культуры.

И нужно признать, что именно в эпоху капитализма имело место наиболее глубокое проникновение в тайники природы; наибольшее подчинение материи и энергии человеку. Одновременно растет доля производительного накопления в общей сумме общественной продукции за счет известного сокращения непроизводительного потребления феодального общества, а в основном за счет беспощадной эксплуатации пролетариата и некапиталистических элементов общества. Последнее имеет место в силу того, что все выгоды растущей производи-

тельности труда присваиваются капиталом как его достояние, на основе неэквивалентности обмена.

Росту нормы накопления благоприятствует также чрезвычайно сложная и эластичная кредитная система, позволяющая аккумулировать мельчайшие сбережения во всех клеточках общества (акции, облигации; коммерческие банки (депозиты); эмиссионные банки; сберкассы; учреждения мелкого кредита и т. д.). Развивающийся «кредитный переплет» общественного хозяйства на основе прегрессирующих товарно-денежных связей (денатурализация хозяйства) не только повышает норму накопления, но и повышает скорость оборота всего материального общественного капитала (дебиторско-кредиторские взаимоотношения, безналичный оборот и т. д.), снижая норму резервов и облегчая модификацию ТвД и ДвТ. Рост товарно-денежных связей ведет в свою очередь к экстенсивному и интенсивному росту общественного разделения труда, создавая в конечном итоге чрезвычайно детализованную специализацию труда в интернациональном масштабе. Экстенсивному росту общественного разделения труда благоприятствует сильное развитие транспорта. Одновременно растет и кооперация труда по мере роста концентрации и централизации капитала.

Логическим результатом развития техники и роста массы производительного накопления является растущее отношение C/V , т. е. растущая механизация всех трудовых процессов, что выражается в более интенсивном воспроизводстве группы «А», сравнительно с группой «Б». Технический же прогресс каждый раз увеличивает эффективность той же суммы капитала.

Движущей силой этого процесса является не развитие производительных сил, с целью удовлетворения растущих общественных потребностей, а $D-D^1$. Если $D-D^1$ *primus motor* этого процесса, то конкуренция необходимо его условие.

Но эти два начала определяют и границы прогрессивного действия всей капиталистической системы; ее исторический, но не логический характер.

Дело в том, что с развитием капитализма развиваются внутренне-присущие ему противоречия, которые приводят к диалектическому перерождению его миссии: из фактора экономического прогресса капитализм становится фактором задерживающим развитие производительных сил и даже разрушающим таковые. Чудовищные потери в мировую войну 1914—1918 гг. и вся послевоенная конъюнктура достаточно иллюстрирует эти выводы. Система в целом уже сказала свое слово, хотя бы отдельные ее сектора, в силу закона неравномерного развития капитализма, еще и проявляли признаки жизнеспособности.

Переходим к анализу другой стороны вопроса.

Отрицательные особенности капиталистической системы, с точки зрения интересующего нас вопроса, сводятся к трем основным моментам:

1. Неполное использование капитализмом уже имеющихся материальных предпосылок производства.

2. Растущее непроизводительное общественное потребление.

3. Растущие издержки расширенного воспроизводства.

Движимый не стимулом к удовлетворению общественных потребностей, а стимулом $D-D'$, капитализм каждый раз перерастает рыночные возможности, так как потребительская сила общества «определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной производительной способностью, а потребительской способностью на основе отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы к минимуму, изменяющемуся в более или менее узких границах» (Маркс).

Поэтому в каждый данный момент развитие капитализма ограничено не абсолютной массой средств труда, а рыночными возможностями, т. е. социально-организационными лимитами. Отсюда в каждый данный момент, при имманентной тенденции к перепроизводству, наличие: а) громадных товарных резервов, во много раз превышающих общественно-необходимую потребность и б) громадных производственных резервов вследствие неполной загрузки основного капитала (перекапитализация).

Последний резерв составляет, как правило, не менее 10—15%, повышаясь в периоды низкой конъюнктуры до 30—40%. (Сравни существующую загрузку основного капитала в САСШ в 70—80%.)

Так обстоит дело в каждый данный момент. Но дело в том, что развитие капитализма вообще идет не по линии непрерывно растущей кривой, а по линии зигзагообразной кривой.

Такая циклическая кривая определяется в основном моментами перераспределения общественного продукта между потреблением и накоплением, хотя механическая основа кризисов заложена уже в самой неравномерности восстановления основного капитала¹.

Кривая цикла складывается из повышательной волны, иногда имеет место перераспределение народного дохода между потреблением и накоплением в пользу накопления, а последнего между вложениями в отрасли «А» и «Б» и т. д., и из понижательной волны, когда выросшие производственные возможности превышают потребительскую силу общества при данном уровне цен и рентабельности. Кри-

¹ «Если устранить капиталистическую форму воспроизводства, то дело сведется к тому, что размеры отмирающей и потому подлежащей возмещению *in natura* части основного капитала в различные последовательные годы изменяются. Следовательно все производство средств производства должно бы в одном случае расширяться, в другом сократиться. Этому можно было бы помочь лишь постоянным относительным перепроизводством... Такой вид перепроизводства равнозначущ контролю общества над общественными средствами его воспроизводства». В капиталистических же условиях... «в этом, охватывающем целый ряд, цикле взаимно связанных между собою оборотов, к которым капитал прикреплен своею основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов»... (Маркс.)

зис каждый раз выправляет пропорции производства и потребления путем общего снижения цен и постоянного обесценения капитала.

Таким образом цикличность развития есть специфическая форма расширенного воспроизводства в условиях капитализма. Отсюда неравномерность темпа, как и неравномерность нормы накопления в пределах цикла; большая амплитуда колебаний между высокими темпами и нормой накопления (*Hochkonjunktur*) и суженным воспроизводством периода депрессии, а следовательно общий пониженный темп развития против общественно возможного (при другой социальной структуре).

Отсюда стремление к недостижимому идеалу—вечной высокой конъюнктуре, являющейся утопией для капитализма, и логическим условием воспроизводства социалистического хозяйства.

Вся иррациональность капиталистической системы в том, что безработнице на одной стороне отвечает масса свободных средств труда на другой; что неудовлетворенным общественным потребностям отвечает избыток C/V . В условиях неравномерного капиталистического развития отдельных секторов мирового хозяйства выходом для «избыточной» массы средств труда является внешний рынок и экспорт капитала. Но последний момент говорит как о тенденции к превращению данной страны из производителя в потребителя («страна-рантье»), так и о замедлении темпа воспроизводства ее производственного базиса.

Неполное использование капитализмом имеющихся производственных предпосылок вытекает также из нерационального географического разделения труда в мировом хозяйстве в силу политической дифференциации последнего.

Так как выгоды растущей производительности международного разделения труда используются отдельными «национальными» объединениями капиталистов неравномерно, то этим диктуются центробежные силы капиталистического мирового хозяйства; борьба за «национальную», хотя бы и менее производительную, систему производительных сил. (Анализ этого момента дан нами в статье «Проблема мирового хозяйства»)¹.

Но нерациональное географическое разделение труда имеет место и в капиталистическом «национальном» хозяйстве, обуславливаясь, помимо причин исторического и политического порядка, влиянием монополистических организаций.

Географически локализованные массивы старого капитала в условиях монополизма могут задерживать более производительную географическую конфигурацию производства, если это грозит обесценением существующего капитала. Частнохозяйственные выгоды покупаются народнохозяйственными потерями. С другой же стороны, монополистические организации могут задерживать технический

¹ «Вопросы Экономики» № 2, Труды научно-исследовательской кафедры по экономике. Харьков.

прогресс, опять таки, если это грозит обесценением существующего капитала.

Но даже в тех случаях, когда имеют место отдельные географические и технические сдвиги, стихийность перераспределения капитала приводит каждый раз к громадной растрате накопленных средств труда вследствие недоиспользования морально изношенных, но физически дееспособных старых вложений капитала. Планомерность такого перераспределения (пример Стального треста САСШ) является спорадическим явлением как в пределах «национального» хозяйства, так и тем более в пределах мирового хозяйства. Но если монополистические организации могут тормозить хозяйственный процесс в результате отсутствия конкуренции, то раздробленная система индивидуальных товаропроизводителей также задерживает рост производительности труда, мешая росту более высоких организационных форм, а потому кооперации и механизации труда. Особенно это относится к сельскому хозяйству.

Наконец сокращение V в P по мере роста производительности общественного труда в условиях капитализма обуславливает железный закон прогрессирующего замедления темпов. Таким образом этот момент, как и цикличность, ведут к прогрессивному снижению темпов стареющего капитализма, к прогрессивному росту недоиспользованию имеющихся материальных предпосылок производства. Отсюда перманентная перекапитализация и растущая переиндустриализация капиталистического хозяйства. Но именно последнее обстоятельство вызывает растущее общественное непроизводительное потребление, растущее расточение общественных средств производства и рабочих сил.

Само замедление темпа развития, т. е. всякий раз суженная возможность производительного накопления (рост производства средств производства) ведет к необходимости растущего непроизводительного потребления. Этому благоприятствует также экспорт капитала, как и вообще сама организация мобилизации накопления, ведущая к росту всевозможных титулов дохода. В этом же направлении действует и растущий налог на землю и недра—рента.

Как следствие этого, рост рантье, непроизводительных слоев населения, обслуживающих буржуазию и пр. И второе следствие этого—растущее непроизводительное накопление (Флорида, дворцы, драгоценности и т. д.). Но стремление закрепить за «национальной» производственной системой более выгодное место в общей системе международного разделения труда ведет в условиях замедляющих темпов развития мирового хозяйства к обострению международных отношений, а следовательно к росту милитаризма и маринизма, к росту затрат на армию, флот и промышленность, производящую средства разрушения. Одновременное же обострение социальных противоречий ведет к росту расходов на аппарат управления и принуждения, включая сюда расходы на церковь и... профсоюзы.

Растущая конкуренция и борьба за рынки сбыта ведут и к другого рода непроизводительным расходам—по распределению товарных ценностей, что еще более увеличивает неизбежные для капитализма *faux frais* производства. (По Чэзу, в его «Трагедии расточительства» доля торговой накладки в САСШ составляет по отдельным товарам до 40—50%).

Наконец дефектность рыночных регуляторов капиталистического хозяйства, цены и процента, действующих всегда *post factum*, также снижает темпы развития, нарушая межотраслевые пропорции. Отсюда на одной стороне потенциальное перепроизводство, а на другой—недопроизводство. (См. вышеприведенные выводы Маркса.) Как следствие этого—непомерно высокие издержки расширенного воспроизводства.

Таким образом, растущие издержки расширенного воспроизводства имеют место при переходе от одного уровня техники к другому, более высокому; от одной системы межотраслевых пропорций к другой; от менее рациональной географической конфигурации производства, к более рациональной; от низших организационных форм к высшим и т. д.

Прогрессирующее замедление темпа роста производительности общественного труда в капиталистических странах отражается и на социально-политической его конструкции. Нужно сказать, что в силу того закона менового хозяйства, по которому более производительный труд расценивается как более интенсивный, растущая выгода от обобществленного разделения труда используется отдельными социально-хозяйственными группами далеко не равномерно. Иначе говоря, растущая производительность всего общечеловеческого труда в меру роста международного разделения труда неодинаково используется отдельными странами, так как более богатая страна эксплуатирует более бедную даже в том случае, когда эта последняя выигрывает от обмена (Маркс). То же имеет место внутри каждой страны, между городом и деревней, внутри промышленности между отдельными отраслями и т. д.¹ Индивидуально неравномерное использование растущих выгод всего общественного труда отражается на различном материальном и культурном уровне одних и тех же социальных групп в различных странах и даже в каждой отдельной стране. Уже это обстоятельство отрицательно отражается на социальном единстве одних и тех же групп населения. Но реакционная роль этого фактора довольно слаба в период быстрого темпа развития капиталистического хозяйства, когда имеется много объективных возможностей перехода

¹ Вследствие неравномерного использования отдельными социальными группами растущей производительности общественного труда капитализму свойственно:

- а) отделять город от деревни;
- б) отделять умственный труд от физического;
- в) превращать в рабочее время всю жизнь одних классов, создавая абсолютное свободное время другим классам. Именно поэтому с ростом производительности общественного труда растет масса непроизводительного населения.

из низшей социальной группы в высшую. По мере же замедления темпов роста, по мере того, как происходит относительное падение V в P , в результате механизации и прогресса техники, все больше и больше ослабевают возможности массового вовлечения в производство живой силы, а также возможности социальных перегруппировок. Все это создает кастовую идеологию как внутри отдельных социальных групп, так и внутри отдельных подгрупп пролетариата (сравни, напр., рабочую аристократию Англии и всех нечленов тредюнионов, а также горняков той же Англии и рабочую аристократию в целом). Отсюда стремление каждой группы организационно закрепить за собою свою долю в общем общественном продукте. Но так как величина «национального» общественного продукта определяется положением данной «национальной» системы производительных сил в общей системе мирового хозяйства, то отсюда трогательное единство интересов рабочей аристократии и национальной буржуазии. Именно в этом экономические корни фашизма вообще с его корпоративизмом, в этом же корни социал-соглашательства и социал-империализма. (Сравни политику того же «рабочего» правительства Англии и политику с.-д. правительства Германии с политикой фашистской Италии.) Но такое замедление темпов роста производительности общественного труда приводит одновременно к резкому обострению как «национальных» интересов, так и классовых. Соответственно с этим, мирохозяйственная и «национальная» проблема, как и социальная проблема в целом, есть другая сторона проблемы производительности общественного труда.

* * *

Вопрос «кто—кого?» в переводе на экономический язык означает: какая из двух социально-экономических систем имеет больше объективных предпосылок для форсирования темпов роста производительности общественного труда?

Все вышеизложенное облегчает ответ на этот вопрос.

Преимущества нашего советского хозяйства перед капиталистическими вытекают из самой общественной организации производства, при которой делается ставка не на рентабельность, а на производительность в интересах расширенного потребления всех производительных групп населения. Это—преимущества крупного хозяйства перед мелким; планового—перед стихийным; преимущества общества с рациональной социально-политической структурой перед обществом, связанным всей системой социально-исторических пережитков; общества, где вся система надстроек служит целям наибольшего роста производительных сил, а не закреплению той или иной системы социально-экономического неравенства и т. д., и т. д.

Все эти моменты органического характера решающим образом отражаются на развитии системы факторов производительности общественного труда. К анализу этого влияния мы и переходим.

Начать с того, что несмотря на рост против довоенного времени потребительских фондов подавляющей массы населения (рабочих и крестьян), несмотря на сокращение нормы эксплуатации за счет сокращения абсолютного прибавочного продукта (8-часовой рабочий день при установке на 7-часовой день для одних групп и 6-часовой для других), норма накопления в нашем хозяйстве уже в 1927—28 г. составляла почти 19%, превышая довоенную в полтора раза, и достигая максимальных норм передовых капиталистических стран.

Так как параллельный рост нормы накопления и потребительских фондов широких трудящихся масс имел место в условиях недостаточного роста производительности труда рабочего и крестьянина в восстановительный период, то рост производительного накопления и производительного потребления в обоих случаях шел за счет резкого сокращения всех видов непроизводительного потребления довоенной России (платежи по займам, доходы дворянско-капиталистически-помпадурских элементов, милитаризм, бюрократия и т. п.).

Известное значение имело срезывание доходов высококвалифицированных групп трудящихся, лиц свободных профессий и т. д. Таким образом, один факт социальной революции создал предпосылки для удвоения темпа, удвоив норму накопления. Но дело в том, что наша система далеко еще не сказала по этому вопросу последнего слова. По мере производственной реконструкции промышленности и сельского хозяйства, по мере роста производительности труда рабочего и крестьянина норма накопления в наших условиях безусловно превысит не только 20%, но и 30%. Достаточно сказать, что уже на 1929/30 г. эта норма запроектирована в размере 38%. (Везде берем накопление как прирост основных оборотных фондов.)

Между прочим, вся глубина учености некоторых наркомфиновских профессоров видна из того, что они доказывали невозможность в наших условиях даже довоенной нормы накопления..., потому что у нас мало сбережений вследствие нивелировки доходов отдельных групп населения и слабое хозяйственное накопление вследствие «нерентабельных» цен. Авторитетные экономисты маленько ошиблись, потому что оперировали частнохозяйственными категориями (прибыль, убыток и т. д.). Между тем с народнохозяйственной точки зрения «нерентабельная» цена, снижая возможности накопления на одном полюсе (в месте производства), повышает норму накопления на другом полюсе (в месте потребления). Правда, эти выгоды являются безоговорочными только для продукции производственного потребления, а не личного; в последнем же случае орудием перераспределения должен выступить бюджет или кредит. Впрочем, политика перераспределения народного дохода в условиях советской системы далеко не срезывает этих выгод потребителя и потому параллельно с ростом нормы накопления будет иметь место и абсолютное увеличение фондов как номинальной, так и

тем более реальной зарплаты (или соответствующего эквивалента для крестьянства).

Как раз именно в политике снижающихся цен, сознательно и планомерно проводимой ряд лет, заключается принципиально иной характер советской системы распределения и перераспределения общественного продукта сравнительно с капиталистической системой.

Выше уже указывалось, что при капитализме выгоды от растущей производительности всего общественного труда используются отдельными участниками далеко не одинаково. Это происходит потому, что в силу законов ценообразования стихийного хозяйства более производительный труд каждой отдельной отрасли, каждой отдельной хозяйственной единицы расценивается как более интенсивный. Конкретно это выражается в том, что равные затраты труда двух рабочих одинаковой квалификации создают различные стоимости. Отсюда различный уровень зарплаты одних и тех же групп рабочих в разных отраслях даже внутри одной страны; отсюда же различие в уровне бытия города и деревни и т. д. Советская же система ценообразования распространяет выгоды растущей производительности труда более равномерно между отдельными социальными и хозяйственными группами. Поэтому, например, продажа сельхозмашин в убыток отражается рядом плюсов на других участках, которые имеют, благодаря этому, сниженные затраты на сельхозсырье, предметах продовольствия и пр. Точно также «нерентабельность» нашей тяжелой индустрии или промышленности стройматериалов окупается выгодами потребителей этой продукции. Орудием же перераспределения выступает более эластичная финансовая система, имеющая больше возможностей для классового подхода, чем система рентабельных цен. Соответственно с иными законами ценообразования существует и известная нивелировка уровня зарплаты в различных отраслях общественного хозяйства. С другой же стороны, снижающиеся цены на предметы потребления поднимают уровень реального потребления как городского, так и сельского населения, особенно категорий с ниже-средним уровнем дохода. Выгоды же прочих групп населения могут быть с большей социальной справедливостью скорректированы финансовыми мероприятиями. Насколько для многих непонятной является такая система перераспределения, насколько сильно влияние частных хозяйственных методов балансирования видно из того, что сплошь и рядом приходится бороться с тенденциями к росту цен как в маленьком кооперативе, так и в большом тресте. (Исключение могут составлять лишь те группы товаров, которые входят в структуру потребительского бюджета группы населения с выше-средним уровнем доходов, а также все товары непроизводительного потребления и накопления.)

Резкое сокращение фондов непроизводительного потребления довоенной России объясняет нам тот факт, что одновременно с ростом нормы накопления и фондов личного потребления повысились также и затраты на социально-культурное строительство.

Итак, одно изменение пропорций перераспределения общественного продукта против довоенного времени создает предпосылки резкого усиления темпов роста советского хозяйства сравнительно с любым капиталистическим хозяйством; поэтому темпы довоенной России — три процента ежегодно — могут быть удвоены и утроены даже на основе уже приведенных предпосылок.

Но дело в том, что реконструкция системы производства и обращения позволяет нашему хозяйству развиваться со значительно меньшими резервами, чем стихийному хозяйству. Общественные предпосылки этого заключаются в исключительной концентрации промышленности и торговли (трестирование, синдицирование и пр.); в плановом учете потребностей обобществленного рынка; в более или менее точном учете потребностей неорганизованного рынка (система гендоговоров, контракция, частные балансы и пр.; в выпрямлении товаропроводящих каналов (транзит); в работе на заказ и т. д., и т. д.

Все эти моменты организационного характера, плюс, наличие потенциально-возможной, перманентной высокой конъюнктуры (см. далее), позволяют нашему хозяйству, даже при равной сумме накопления с капиталистическим хозяйством, иметь более высокие темпы в силу более эффективного использования этого накопления.

Вышеприведенные организационные моменты, облегчая все процессы обращения (трансформация $T \rightarrow D$ и $D \rightarrow T$), т. е. повышая скорость оборота общественного капитала, уменьшают в то же время массу непроизводительных расходов менового хозяйства (торговая наценка, издержки денежного обращения и т. д.).

Но если снижение нормы резервов и массы непроизводительного потребителя, при прочих равных условиях, повышают объем капитального строительства в количественном отношении, то политика капиталовложений повышает этот объем в качественном отношении. Делая ставку не на рентабельность, а на производительность, мы имеем возможность ценою временного нарушения межотраслевых пропорций форсировать развитие «ведущих», т. е. наивысших в производственной вертикали отраслей, на основе расширенного воспроизводства которых происходит последующее подтягивание всех прочих отраслей. Противопоставляя такой «скачкообразный» путь развития обычному «эволюционному», я писал, что он в наибольшей мере гарантирует рост производительности труда целого комплекса отраслей, связанных между собою по вертикали (см. «Плановое Хозяйство» № 4, 1929 г.). Капиталистическое же хозяйство, повинувшись рыночным регуляторам, имеет обратную последовательность развития: от низших звеньев вертикали к высшим. Этим достигается каждый раз больше элементов равновесия, но снижаются реконструктивные возможности. Известный корректив все же вносит такой вне-рыночный регулятор, как политика протекционизма. С другой же стороны, мы имеем больше возможностей в деле повышения уровня механизации как ведущих, так и всех прочих отраслей.

Последнее, правда, должно происходить соответственно с вышеизложенными критериями. Наши возможности в этом отношении, как и в отношении форсирования «ведущих» отраслей, объясняются возможностями планового воздействия на рынок, а не пассивного приспособления к нему.

Здесь нужно подчеркнуть один фактор ускорения наших темпов, не зависящий от преимуществ нашей социально-экономической системы. Мы имели бы более ускоренные темпы, чем любая капиталистическая страна, даже при всех прочих равных условиях в силу того, что вообще всякая страна более поздней индустриализации развивается более быстрым темпом, чем страны ранней индустриализации. Объясняется это тем, что страна более поздней индустриализации начинает свое развитие на более повышенном уровне технической культуры, чем страны ранней индустриализации.

В условиях относительной недостаточности капиталов нам нужно научиться применять их наиболее совершенным образом. Исключительное значение в этом отношении должна иметь работа наших исследовательских организаций и пр. Нам нужно не только усвоить уровень технического развития Запада, но и перегнать этот уровень, делая иногда ставку на целые «технические революции». И в этом отношении Германия во многом пример для нас. Бедная против Америки капиталами Германия сумела так рационализировать свою промышленность, что в техническом отношении далеко обошла в ряде отраслей своего кредитора (пример более дешевых, но более производительных доменных печей). Отсюда исключительное значение рационализаторских и реконструктивных мероприятий у нас.

Нужно сказать, что в этом отношении мы имеем все преимущества перед странами старой индустриализации, так как в последних технически старый основной капитал может даже задерживать введение нового более производительного оборудования. Конечно, если в отдельных отраслях технически новая конструкция логически связывается с повышенной механизацией труда, то вопрос разрешается сразу положительно. Вообще же, нахождение определения оптимального уровня механизации в каждом отдельном случае должно разрешаться путем чисто бухгалтерского подсчета. Это вопрос калькуляции.

Переходим к анализу прочих факторов ускорения темпа нашего развития, вытекающих из самой природы нашей системы. Наша система гарантирует возможность рационального географического разделения труда в силу обобществленной организации производства. При этом самый факт географического перераспределения капиталов, точно также, как факт введения технически более совершенных орудий производства, может происходить в наших условиях при минимальных общественных издерж-

ках воспроизводства. Географически нерационально локализованное старое производство, как и технически старое предприятие, являясь менее эффективными единицами, чем новые, не выходят все же из эксплуатации, продолжая давать производственный эффект до своего физического износа.

В капиталистических же условиях эти процессы совершаются с большими издержками воспроизводства.

Но наше хозяйство может форсировать темпы развития не только путем изменения эволюционного характера развития системы отраслей (пропорции ведущих и прочих отраслей и т. д.), а также путем изменения эволюционного характера развития организационных форм в каждой из отраслей. Вряд ли нужно доказывать преимущества крупного хозяйственного предприятия перед мелким, обобществленных форм перед частно-предпринимательскими. Между тем, в силу частнохозяйственной структуры капиталистического хозяйства, развитие высоко-организованных форм хозяйства (тресты, комбинаты и пр.) происходит на основе конкуренции и централизации капитала лишь постепенно и опять таки с большими издержками воспроизводства. Больше того, в таких отраслях как сельское хозяйство, где эти процессы вообще развиваются замедленным порядком, на пути концентрации и централизации капитала ставятся по политическим соображениям искусственные правовые рога (ставка на реакционное крепкое крестьянство). В наших же условиях процессы обобществления и укрупнения, стимулируются всеми мероприятиями экономической политики, не ожидая «естественного» созревания этого процесса. Сюда относятся все процессы производственного кооперирования, коллективизации, организация МТС и т. д.). Соответственно с этими процессами растет эффективность одной и той же массы капиталовложений, так как таковая может принять технически более совершенную форму в крупном предприятии, чем в мелких.

Все эти процессы, повышающие массу производительного накопления, повышающие степень технически более эффективного применения данной массы накопления, совершаются в условиях, которые гарантируют максимальные возможности в деле производственного использования существующих материальных ценностей.

Сама рационализация рабочего времени—пятидневка при беспрепятственной неделе—гарантирует почти 20% усиление степени технического использования машин и зданий. Но дело не только в этом. Дело в том, что в силу принципиально иного характера нашей социально-экономической системы, сравнительно с капиталистической, мы имеем потенциальные возможности постоянной высокой конъюнктуры, т. е. перманентно высокой степени нагрузки имеющегося основного капитала. В силу принципиально иного характера взаимоотношения потребления и накопления, в силу плановой организации производства—рынок в наших условиях не может быть

узким местом. Абстрактно рассуждая, для социалистического планового хозяйства проблема рынка не существует, так как человеческие потребности не ограничены. Узким местом в нашем хозяйстве всякий раз могут быть только производственные возможности.

Соответственно с этим циклическая форма развития хозяйства является для нас не обязательной. Речь может идти только в известной степени о цикличности конъюнктурных резервов в связи с технически неравномерным процессом восстановления основных капиталов. Больше того, делая ставку не на рентабельность, а на производительность, мы можем расширить пропорции «А» и «Б» (производство средств производства и производство средств потребления) в гораздо большей мере, чем это имеет место в капиталистическом хозяйстве.

В капиталистическом хозяйстве рост группы «А» всякий раз поддерживается падением процента на капитал сравнительно с группой «Б»; в наших же условиях возможно развитие группы «А», независимо от этого момента, как и независимо от состояния основного капитала группы «Б». «Избыточный» чугун, машины и пр. могут уйти в дорожное строительство и в средства транспорта, в жилищное и социально-культурное строительство, наконец в мероприятия по усилению обороноспособности страны.

Пропорции между «А» и «Б» сохраняются лишь в полной мере между «Б» в целом и всей массовой V в «А + Б», но не между «А» в целом и «С» в «А + Б».

К этим чисто экономическим преимуществам нашей системы следует отнести ряд других преимуществ: более или менее радикальное устранение всех социально-исторических пережитков (сословия, классы, клерикализм, собственность на землю и т. д.), принципиально иной характер надстроек (государство, общественные организации, этика, искусство и пр.), что является дополнительным фактором усиления темпов хозяйственного развития. Наконец, неисчерпаемые резервы кроются в разбуженной активности широчайших масс населения, для которых советская социально-экономическая и политическая система является не аппаратом классового насилия и эксплуатации, а формой производственной демократии.

При всех этих преимуществах мы имеем чрезвычайно благоприятные естественные условия как по абсолютному богатству, так и по степени дифференциации этих благ. В этом отношении из всех стран в наибольшей мере к нам приближаются САСШ.

Итак, наша социально-экономическая система имеет следующие предпосылки, гарантирующие чрезвычайное ускорение темпов хозяйственного развития:

а) Повышенная норма накопления, вследствие уменьшения всех видов непроизводительных расходов при относительно высоком

уровне фондов потребления широких масс населения и фондов финансирования мероприятий социально-культурного характера.

б) Наиболее эффективное использование массы накопления: сниженный удельный вес всех видов непроизводительного накопления; сниженная норма резервов; политика капиталовложений, ориентирующаяся на производительность; форсированное развитие «ведущих» отраслей; форсированное развитие более высоких организационных форм производства; рациональное географическое разделение труда; усвоение последних достижений науки и техники и т. д., и т. д.

в) Более интенсивное использование имеющихся материальных предпосылок производства как в силу рационального использования капитала (беспрерывная неделя, сменность и т. д.), так и вследствие принципиально иной, чем при капитализме, роли рынка (потенциальная возможность ациклического воспроизводства при устранении имманентной тенденции капиталистического хозяйства к перепроизводству).

г) Сниженные издержки воспроизводства всей системы при переходе от одних межотраслевых пропорций к другим; от более низких организационных форм к более высоким; от одного уровня техники к другому; от одной географической конфигурации производства к другой и т. д., и т. д.

д) Более или менее радикальное устранение всех социально-исторических пережитков; рациональный характер всех надстроек (государство, общественные организации и пр.); социализированная идеология широких трудящихся масс в противоположность индивидуализированному мировосприятию конкурирующего антагонистического капиталистического общества; растущая тенденция к слиянию общества и государства на началах производственной демократии и т. д., и т. д.

Наличие всех этих предпосылок гарантирует нам уже в настоящем, на унаследованной базе производительных сил, по меньшей мере в пять-шесть раз более высокие темпы, чем темпы развития довоенной России (три процента годовых) или современного мирового хозяйства в целом.

Это значит, далее, что темпы нашего развития в ближайшие годы почти в три раза будут превышать темпы САСШ в период их наиболее интенсивного роста.

Но нужно иметь в виду, что такие высокие темпы могут быть реализованы не в порядке «самотека», а в порядке напряженной борьбы за реализацию тех самых предпосылок, которые потенциально заложены в нашей системе. Дело в том, что в результате тех или других «плановых» просчетов или просто недоучета, мы можем нарушать тот оптимум пропорций, который гарантирует наибольшие темпы. Отсюда возможность повышенных издержек расширенного воспроизводства и даже возможность снижения потенциально-возможных

высоких темпов развития. Мы подчеркиваем: существуют пропорции абсолютного равновесия и существуют пропорции относительного равновесия; первые гарантируют более замедленные, вторые—более ускоренные темпы развития. Но так или иначе, а существуют пропорции как условия темпа, и потому всякий флюсообразный рост так же для нас вреден, как общественное расточительство.

Чрезвычайно отсталое состояние нашего дорожного хозяйства и складского хозяйства (холодильники и пр.) затрудняет снабжение городских и рабочих центров даже достаточными видами сельскохозяйственной продукции. Но скверное состояние наших дорог, холодильного транспорта и складского хозяйства ведет и к повышенным издержкам обращения вследствие громадных потерь как по линии самой продукции, так и по линии высоких транспортных издержек. Вообще говоря, всякая транспортная наценка есть прямой вычет из общественной продукции угля, чугуна, нефти, леса, предметов широкого потребления транспортных рабочих и служащих, кормов для скота и т. д. Поэтому, чем меньше сумма транспортных издержек, тем выше норма накоплений в общей сумме общественной продукции. Не может быть сомнений, что ежегодная сумма этих непроизводительных затрат измеряется у нас сотнями миллионов рублей. Такая общественная расточительность объясняется более чем пониженными затратами капитала в дорожное и торговое строительство. Поэтому одно упорядочение наших дорог и складского хозяйства (элеваторы, холодильники и пр.) повысило бы массу накопления на сотни миллионов рублей ежегодно. Но такого же рода общественная расточительность имеет место и в нашем капитальном строительстве, где господствует увлечение высокими строительными нормами (повышенные запасы прочности) и т. д. Некритическое же увлечение высокой механизацией, как и плохая проработка проектов капитального строительства, а часто вовсе безпроектное строительство, приводят к тому, что мы имеем и дорогую продукцию (сравни борьбу за снижение себестоимости), и меньшую отдачу капитала, т. е. меньший выход продукции на единицу капитала против возможного. К этому нужно прибавить еще неупорядоченную организацию самого строительства,—затяжка строительства, «лежачее» оборудование, плохое качество стройматериалов и т. д.

Упорядочение всех этих моментов было бы равносильно импорту капитала. Иначе говоря, мы стараемся больше не от бедности, а от неумения использовать имеющиеся возможности. Достаточно привести такой пример, как мобилизация внутренних ресурсов в 1928/29 г. Возможность такой мобилизации говорит о том, что у нас несколько лет лежал мертвый капитал, превышающий по величине стоимость Днепростроя. С другой же стороны, мы имеем более чем ослабленные маневренные резервы по ряду иногда самых необходимых хозяйствен-

ных благ (особенно строительных материалов и предметов питания). Но тот факт, что самым узким местом нашего строительства является культура—этот факт в значительной мере объясняется отставанием темпов социально-культурного строительства страны от общего темпа всего хозяйственного строительства. Отсюда как остро выявившийся дефицит квалифицированных кадров, так и ряд недочетов нашего строительства. Особенно остро стоит проблема культуры на селе, где имеет место наиболее напряженная борьба за организационно-техническую реконструкцию всего сельскохозяйственного производства.

И как это ни парадоксально, говоря о проблеме кадров, имеют в виду в основном кадры технических работников, а не социально-экономических инженеров. Между тем организация планового хозяйства, лишенного стихийных регуляторов менового хозяйства, логически немыслима без наличия высококвалифицированных кадров экономистов-плановиков. Сплошь и рядом наше бытие опережает наше сознание, тогда как нам нужно было бы на 100% осознавать это бытие для того, чтобы изменять его.

Этим выдвигается самая боевая из всех задач: задача резкого повышения уровня плановой культуры в нашей стране. В свою очередь, это требует и радикальной реорганизации существующей системы планирования, учета и контроля.

Экономический кризис в Соединенных Штатах

I

Биржевой крах, получивший наиболее яркое выражение 3, 25 и 29 октября в США, не является для экономистов-марксистов неожиданностью. Это является вполне закономерным, целиком обусловленным предыдущим «расцветом» (prosperity) США явлением, и очередным конкретным подтверждением марксовой теории промышленных кризисов.

Кризис разразился в США как раз в такое время, когда, с точки зрения американских оптимистов, меньше всего существовало для этого оснований. Во главе правительства США стоит испытанный руководитель капиталистического «процветания» — Гувер — этот, по меткому выражению т. Осинского, «оптимист по обязанности». Гувер предсказывает США одно лишь процветание и преуспевание в промышленности и торговле. Под его председательством лучшие буржуазные экономисты США составили обзор о положении в стране, где нет места ни одной пессимистической нотке¹. Оба тома обзора каждой строчкой говорят о под'еме, об успехе и расцвете США и об их счастливом экономическом будущем.

В самом деле, в стране в это время имеет место невиданный под'ем в промышленности и торговле. Одно лишь сельское хозяйство отставало и время от времени выплывало темным облачком на светлом небосклоне американского «просперити». Но в 1929 г. было принято Конгрессом и утверждено Гувером решение о помощи фермерам. Следовательно и здесь, по мнению оптимистов, не могло быть места унынию. Одним словом, получалось: что дела идут хорошо, бизнесмены потирают руки от удовольствия, на бирже — оживление, спекуляция в полном расцвете, а буржуазные экономисты предсказывают блестящий успех.

Положение США в мировом хозяйстве также складывалось хорошо. США из месяца в месяц увеличивали свой экспорт, чувствительно тесня другие страны и, в первую очередь, Англию. Экспорт за последний год усилился, главным образом, за счет форсирования вывоза готовых фабрикатов. За последний фискальный год (июль 1928 г. — июль 1929 г.) США увеличили свой экспорт на 10,7%, причем экспорт готовых изделий увеличился на 21,7%. Доля готовых изделий во всем экспорте США повысилась с 43,2% до 47,5%. Особенно сильно вырос экспорт черных металлов, который за первое полугодие 1929 г., по сравнению с тем же периодом 1928 г., дает увеличение на 40%.

За это время усилилась также империалистическая экспансия США: поездка Гувера в Латинскую Америку, агрессивная политика в

¹ Recent economic changes in the United States, Report of the committee on recent economic changes, of the presidents conference on unemployment. Herbert Hoover, chairman, 2 volumes N.-J., 1929.

отношении Англии, усиленная скупка германских предприятий, громадный рост экспортированного капитала и укрепление влияния США в Мексике, Китае и др. Одним словом, доллар становится властелином мира, а Гувер—его пророком. И вдруг «беда среди бела дня»—небывалый крах на бирже, по своей панике, катастрофичности и последствиям напоминающий наиболее острые кризисы довоенного времени: крахи 1903, 1907 и 1914 гг.

На первых порах буржуазная печать восприняла лишь финансовую сторону разразившегося кризиса. Европейские и американские журналы и газеты ограничивались лишь простым описанием драматических событий на бирже, уделяя при этом больше всего внимания финансовому краху, как таковому, и вытекающим из него последствиям: разорению мелких держателей, банкротству фирм по рекламированию биржевых ценностей, размерам катастрофы и т. д.

Больше того, в самой Америке большинство политиков, промышленников и ученых долгое время пытались создать впечатление, что биржевой кризис—явление случайное, вызванное лишь «техническими условиями» и что никакой угрозы для дальнейшего развития и процветания США не имеется. Когда в начале сентября Роджерс Бэбсон поставил вопрос о надвигающемся кризисе и предостерегал от оптимистической оценки дальнейшего развития, Ирвинг Фишер ему доказывал, что «основа американского хозяйства вполне здорова».

После 3 октября, когда падение курсов на бирже было особенно значительно, в «Еженедельном обзоре Гарвардского экономического общества» от 5 октября¹ писалось: «Теперешнее снижение курсов на бирже превосходит по своей величине лишь наименьшие в последние годы... Мы думаем, что такое снижение не обуславливает длительный период дальнейшего падения биржевых ценностей, но окажется лишь переходным явлением, как это было в 1921 г.... При данных условиях длительное падение биржевых ценностей является неправдоподобным».

Нечего и говорить, что остальные официальные оптимисты также остались верны себе. В конце октября, после двух новых паник на бирже 25 и 29, ньюйоркские банкиры выпустили заявление, в котором уверяли широкую публику, что «паника на бирже не отражает состояния экономики страны». Вслед за тем выступил Гувер с таким же «авторитетным» заявлением, что «положение основных отраслей промышленности и торговли является благоприятным».

В то же время началась подозрительная возня различных комиссий, которые должны были предотвратить возможность обще-экономического кризиса. По данным печати, Гувер имел несколько совещаний с представителями банков, промышленности, сельского хозяйства и американских тредюнионов (т. е. с профчиновниками типа Грина и др.). На этих совещаниях Гувер «уговаривал» руководителей строительных и крупных железнодорожных кампаний не снижать темпа строительства. От Грина Гувер добился обещания, что забастовки будут уничтожены и не будут иметь места. Банкиры решили организовать интервенцию на бирже, чтобы прекратить дальнейшее падение курсов. Учетная ставка была снижена 31 октября с 6 до 5%, а через месяц до 4½%, а Меллон к тому же пообещал также снизить ставки подоходного налога на 1% и организовать строительные работы для предупреждения роста безработицы.

Все эти мероприятия должны были несколько успокоить на смерть перепугавшегося «делового» обывателя и уверить его, что

ничего опасного не угрожает дальнейшему процветанию США. В этих же целях Гувер даже выступил со вторым публичным заявлением, в котором намеренно подчеркнул, что «промышленность будет процветать и впредь, вопреки биржевому краху».

Один лишь Форд не постеснялся заявить открыто и явно, в разрез с оптимистическими заверениями Гувера, что «наступивший упадок деловой жизни отнюдь не вызван падением курсов ценных бумаг на Ньюйоркской бирже. Наоборот, депрессия промышленности предшествовала биржевому краху». И как бы в подтверждение своего мнения, Форд, в добавление к ранее закрытому им предприятию по сборке машин в Деласе, закрыл такое же предприятие в Денвере, сократив количество занятых рабочих больше, чем на 30.000 человек.

Все эти факты мы привели для того, чтобы показать, что несмотря на то, что кризис в Соединенных Штатах уже начался, буржуазные ученые и руководители промышленности настолько ослеплены прошлым периодом «процветания» США, что не имеют в себе мужества констатировать самый факт начала кризиса. С точки зрения этих оптимистов получается, что «тем хуже для самого факта».

Истинная же суть дела такова, что разразившийся биржевой кризис явился лишь выражением еще ранее начавшегося промышленного кризиса. Не биржевой крах привел к кризису, а, наоборот, элементы кризиса в производстве с неизбежностью обусловили биржевой крах.

Элементы кризиса в производстве и промышленности начали выявляться еще в июне—августе сего года, прорвавшись в первую очередь в сельском хозяйстве, нефтяной, автомобильной, строительной и металлургической промышленности, и в форме биржевого краха опрокинули скрывавшую их надстройку, чтобы в дальнейшем проявиться в еще более резкой и катастрофичной форме во всех остальных областях промышленности, торговли и обмена.

И прямо смешными являются торжественные заявления «сильных мира» США, что кризиса в промышленности не будет, что предприниматели не будут сокращать производства, что рабочие не будут бастовать и т. д. Объективные и стихийные законы капитализма не поддаются «заговариванию» и действуют с силой естественных законов природы. Ничего поэтому нет удивительного в том, что явления кризиса все больше и больше будут расширяться и углубляться и неизбежно должны будут вылиться во всеобщий экономический кризис.

II

Перейдем теперь к более детальному ознакомлению с теми кризисными явлениями, которые еще до биржевого краха проявились в различных отраслях народного хозяйства США. Начнем с перепроизводства в нефтяной промышленности. После значительного скачка в 1927 г. нефтедобыча США остается в 1928 г. почти стабильной.

Динамика нефтедобычи в 1925—1928 гг. в США

Таблица 1

	1925	1926	1927	1928
В миллионах баррелей	763,7	770,8	901,1	902,0
В % к предыдущему году	—	+2,1	+16,2	+0,1
Вывоз из США в миллионах тонн	—	17,1	16,8	20,1
Запасы в миллионах баррелей	545	520	589	614
В % к предыдущему году	—	—4,6	+13,1	+4,3

¹ Harvard economic Society, October 5, 1929.

Из приведенной таблицы видно, что перепроизводство нефти, наметившееся в 1927 г. и выразившееся в огромном росте добычи на +16,2 и запасов на +13,1, в 1928 г. удалось несколько рассосать. Этому способствовало достигнутое в 1928 г. перемирие между нефтяными трестами. В 1929 г. перемирие вновь сменилось острой борьбой за рынки сбыта и добыча нефти вновь сильно поднялась.

Из таблицы 2 видно, как добыча нефти в США в 1929 г. все возрастает, а вместе с ней растут также и запасы, при систематическом снижении экспорта нефтепродуктов из США за границу. Запасы в июне этого года значительно возросли по сравнению с тем же месяцем в прошлом году (не меньше, чем на 45 млн. баррелей). Одновременно растет также и среднесуточная добыча, достигнув к концу июня 2.815 тысяч баррелей в день т. е. на 12% больше, чем среднесуточная за тот же месяц в прошлом году.

Наряду с этим (а вернее именно поэтому) наблюдается устойчивая тенденция к снижению цен на мазут и газолин, в особенности с мая—июля месяцев и, как результат, снижение курса нефтяных акций.

У некоторых может вызвать недоумение, почему рост цен на сырую нефть продолжается почти непрерывно, при одновременном снижении цен на переработанные нефтепродукты: на газолин и мазут. Но это явление в эпоху господства монополий—вполне закономерное, ибо цены на сырую нефть устанавливаются Стандарт Ойлем, значение же этой крупнейшей в мире монополии для регулирования рынка достаточно широко известно, а цены на готовые нефтепродукты, ко-

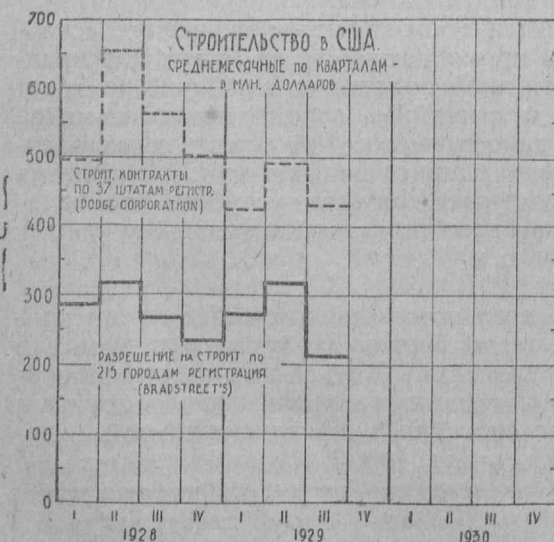

Диаграмма 2

которые сбываются непосредственно потребителю для соответствующего технического потребления, сильно колеблются в зависимости от спроса. Вот почему цены на мазут, употребляющийся для топки паровых и цены на газолин, потребляемый на автотранспорте, заметно снижаются под давлением значительного перепроизводства, явно

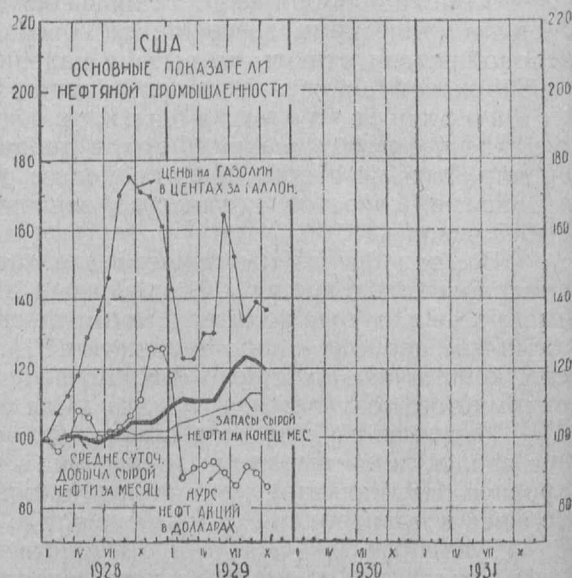

Диаграмма 1

выявившегося в июле-августе месяцах, в то время как сырая нефть показывает даже некоторую, правда незначительную, тенденцию к повышению.

В отношении строительства 1929 г. является депрессивным. Явления перепроизводства и общего перелома выявились еще в 1928 г. Общая ценность строительства в этом году (по данным регистрации строительных контрактов корпорации Доджа по 37 штатам, охватывающим до 90% строительства США) выражается в сумме 6.405 млн. долларов против 6.084 млн. в 1927 г. По всей территории США ценность строительства в 1928 г., повидимому, достигла 7 миллиардов долларов и превышала, таким образом, строительство 1927 г. не меньше, чем на сумму в 500 млн. долларов.

В 1929 г. строительство дает значительное снижение, что видно из таблицы 3 и из диаграммы 2. По приблизительным подсчетам объем строительства в 1929 г. будет на один миллиард меньше, чем в 1928 г.

Таблица 2

Основные показатели состояния нефтепромышленности США

	Добыча сырой нефти в млн. баррелей.	Запасы		Экспорт всех нефтепр. в млн. баррелей	Ц е н ы				Индекс нефтян. акций (Oil & gas)
		Всех нефте-прод. в млн. баррелей	Газолина в центрах за галлон		Сырой нефть-сильван. нефти в цент.	Газол. мотор. S. A. в цент. за галлон	Мазут в цент. за баррель		
1928 год									
Январь	73,5	596,3	36,1	12,4	2,65	5,5	0,72	63,41	
Февраль	69,8	603,4	38,8	10,9	2,65	6,0	0,76	61,09	
Март	74,7	610,2	40,2	12,2	2,80	6,3	0,80	63,22	
Апрель	72,7	612,7	40,2	12,5	2,80	6,7	0,80	68,39	
Май	74,3	618,7	37,3	14,8	2,80	7,2	0,72	67,38	
Июнь	71,7	613,4	34,4	13,7	2,90	7,7	0,69	63,36	
Июль	74,8	612,1	30,4	14,4	3,10	8,2	0,66	64,59	
Август	76,6	609,6	27,2	12,4	3,10	9,6	0,65	65,62	
Сентябрь	76,0	607,2	26,4	12,5	3,25	9,6	0,64	66,97	
Октябрь	78,8	607,4	26,5	11,8	3,35	9,6	0,64	70,16	
Ноябрь	75,8	609,1	29,1	12,7	3,50	9,4	0,64	79,59	
Декабрь	79,4	614,5	33,1	10,7	3,75	9,0	0,64	79,68	
1929 год									
Январь	82,0	626,0	40,6	13,4	3,95	8,0	0,57	74,62	
Февраль	75,7	634,1	45,7	10,8	4,00	6,9	0,57	55,78	
Март	82,5	642,5	47,2	11,9	4,00	7,0	0,58	55,97	
Апрель	80,1	649,6	47,0	11,7	4,00	7,3	0,57	58,39	
Май	84,4	652,0	44,6	12,6	4,00	8,0	0,54	58,98	
Июнь	83,4	659,9	41,5	13,6	3,85	9,2	0,55	57,24	
Июль	91,3	667,0	37,9	15,1	3,85	8,5	0,55	56,14	
Август	92,3	672,1	33,8	14,4	3,78	7,5	0,50	58,21	
Сентябрь	88,4	677,4	33,2	9,9	3,28	7,8	0,55	57,22	
Октябрь	—	—	—	—	—	7,7	—	54,47	

Квартальные показатели количества заключенных контрактов в 1929 г. показывают снижение по сравнению с теми же периодами за 1928 г. То же показывает и сравнение общих сумм ценности строительства и данные разрешенного строительства по 215 городам. Всего

за первые девять месяцев имеется уменьшение на 12% по сравнению с тем же периодом за прошлый год.

Таблица 3.

Данные о строительстве в США за 1928/1929 гг.

	Разрешение на строительство по 215 город. (рег. Bradstreet's) в млн. долларов	Квартальные, средние месячные данные	Строительные контракты по 37 штатам регистр. корпораций Доджа (в млн. долл.)	Квартальные, средние месячные данные
1928 год				
Январь	222,4	284,6	427,2	495,0
Февраль	287,7		465,3	
Март	343,6		592,6	
Апрель	295,6		643,2	
Май	328,3	316,0	668,1	653,9
Июнь	324,0		650,5	
Июль	286,9		583,4	
Август	276,2		517,0	
Сентябрь	238,7	267,3	587,7	562,7
Всего за 9 месяцев	2.603,4		5.135,0	
Октябрь	252,1	233,7	597,1	500,5
Ноябрь	231,6		471,5	
Декабрь	217,4		432,8	
Всего за год	3.304,5	275,4	6.636,4	553,0
1929 год				
Январь	213,3	271,8	410,0	418,7
Февраль	229,7		361,3	
Март	372,4		484,8	
Апрель	479,5		642,1	
Май	259,9	319,4	587,8	591,9
Июнь	218,8		545,9	
Июль	241,1		652,4	
Август	211,9		488,9	
Сентябрь	183,6	212,2	445,4	528,9
Всего за 9 месяцев	2.910,2		4.538,6	

Из приведенной таблицы видно, какое резкое падение строительства имеется в августе и, в особенности, в сентябре как по строительным контрактам по 37 штатам, так и по 215 городам. По отдельным видам строительства наибольшее снижение в 1929 г. по сравнению с 1928 г. дают: жилищное строительство, предприятия общественного назначения и пр. (public utilities). Производственное же строительство стоит на высоком уровне, что еще больше подчеркивает момент перепроизводства.

Так как строительство в США справедливо считается одной из основных отраслей народного хозяйства, то совершенно очевидно, что такое резкое снижение в последние месяцы должно было неблагоприятно сказаться и на состоянии стройматериалов: кирпич, цемент, лесной материал и т. д.

Но самым уязвимым местом американского prosperity во все времена было сельское хозяйство. После незначительного улучшения в 1927 г. положение фермеров опять ухудшилось в 1928 г. и таковым остается по сей день. Необходимо отметить, что фермерская проблема в США в данный период достигла такой остроты, что она не может быть разрешена как в годы хорошего урожая (1928 г.), так и в годы плохого урожая (1929 г.).

До сих пор на сельском хозяйстве США весьма плохо отражаются все еще существующие «ножницы» — расхождение между ценами на отчуждаемые сельскохозяйственные продукты и ценами на приобретаемые фермером промышленные товары.

Таблица 4.

Соотношение цен на сельскохозяйственные и промышленные товары в США¹

Д а т ы	Индекс цен на отчуждаемые с.-х. продукты	Индекс цен на приобр. фермерами промтов.	Отношение первого индекса ко второму
(VIII 1909 г.—VII 1914 = 100)			
1919	209	205	102
1920	205	206	99
1921	116	156	75
1922	124	152	81
1923	135	153	88
1924	134	154	87
1925	147	159	92
1926	136	156	87
1927	131	154	85
1928	139	156	90
1929 ²	138	154,7	89

По отдельным с.-х. продуктам покупательная способность еще более низкая, что видно из следующих данных:

	1925	1926	1927	1928
Хлопок	92	57	104	92
Пшеница	106	90	82	70
Картофель	180	131	89	52

Но совершенно убийственными для фермерства США являются низкие цены на сел.-хоз. товары. Из таблицы 4 и диаграммы 3 видно, что цены на пшеницу в мае 1929 г. были ниже, чем когда бы то ни было раньше в послевоенные годы, за исключением 1923 г., что цены на картофель в 1929 г. были ниже, чем даже в довоенный период. Цены на картофель в апреле—июне были в два-три раза ниже, чем в 1925—1926 г. Цены на свинину также очень низкие, а в январе-феврале 1929 г. достигли небывало низкого уровня, почти равного довоенному времени. Падение цен имело место также в отношении кукурузы и хлопка.

Хотя цены на хлебные культуры и предметы животноводства дали некоторый рост в июле—августе месяцах, но это был лишь временный скачок, вызванный искусственным вздутием цен со стороны спекулянтов, благодаря усиленному муссированию слухов о предстоящем неблагоприятном урожае. С августа месяца цены вновь начинают

¹ По данным „Crops & Markets“.

² Среднемесячные за первые 9 месяцев.

Таблица 5

Цены 5 основных сельскохозяйственных товаров США
(Среднемесячные для 1913/1929 гг. и месячные для I/VI 1929 г.)

Д а т ы	Пше- ница ¹	Куку- руза ¹	Карто- фель ¹	Свинина ¹	Хлоп. сыр. ²	Примечание
	В долларах и центах					
	Чикаго за 100 бушелей		Нью-Йорк за 100 ф.			
1913.	98,60	61,60	1,02	15,20	12,74	¹ Данные из „Bulletin Mensuel de l'office permanent“ (La Have)
1919.	235,70	158,00	2,38	35,00	31,90	
1920.	252,30	132,70	4,34	31,50	21,67	
1921.	143,50	56,50	1,79	25,90	13,58	
1922.	123,80	61,40	1,69	23,60	21,40	
1923.	117,00	81,10	1,46	19,00	26,68	² Данные из „The Index“ (New-York)
1924.	127,74	95,42	1,37	19,65	27,77	
1925.	177,02	101,72	2,09	25,89	23,75	
1926.	154,20	73,60	3,01	22,40	17,33	
1927.	137,70	88,10	2,31	18,30	17,84	
1928.	154,00	97,70	1,35	17,00	20,52	³ Для 1929 г. взята среднемесячная за 6 месяцев январь — июнь
1929 ³	131,28	92,03	0,83	18,42	19,83	
Январь	140,50	91,50	1,04	15,90	20,18	
Февраль	144,70	96,90	0,87	16,90	20,70	
Март	133,80	94,80	0,81	19,40	20,95	
Апрель	127,30	90,50	0,70	19,80	19,90	
Май	119,30	86,40	0,79	19,30	18,70	
Июнь	122,10	92,10	0,79	19,20	18,55	

снижаться (см. диаграмму 3), несмотря на то, что к тому времени уже был установлен факт недорода в США и довольно значительного недобора хлебов в Канаде. В ноябре цены на пшеницу упали до уровня июньских цен с/г.—самых низких цен за последние годы.

Несмотря на то, что еще в июне был принят Конгрессом закон об организации кооперативного сбыта сельскохозяйственных продуктов и государством был предоставлен для этой цели 100-миллионный оборотный фонд для стабилизации сел.-хоз. цен, все же цены на основные сел.-хоз. продукты, как мы видели, продолжают падать до сих пор. Это сильно сокращает покупательную способность фермерства и, таким образом, суживает внутренний спрос.

В связи с низкими ценами на сел.-хоз. продукты продолжается также падение цен на землю. Если падение цен на землю за 1912—1914 гг. принять за 100, то дальнейшее движение индекса будет такое.

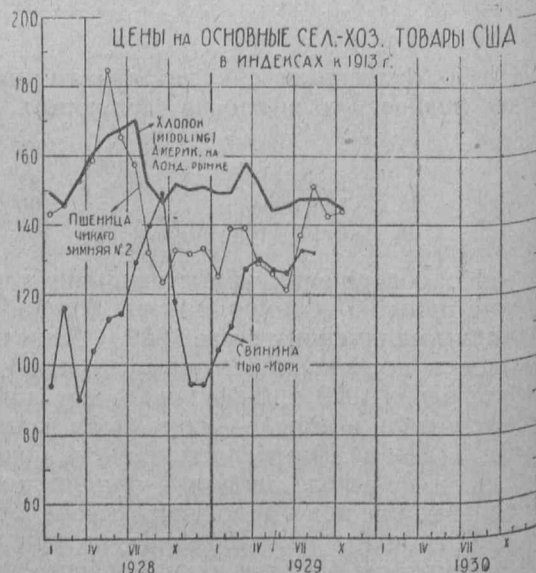

Диаграмма 3

I/III 1920 г. I/III 1925 г. I/III 1929 г.¹
170 127 116

но это означает не что иное, как уменьшение покупательной способности также и крупных землевладельцев.

Сбор хлебов в 1929 г. меньше прошлогоднего только по США и Канаде на 120 млн. квинталов. По пшенице США имеет недобор, по сравнению с прошлогодним сбором, на 30 млн. квинталов. В итоге, благодаря, с одной стороны, уменьшению сбора хлебов, а, с другой стороны, благодаря продолжающемуся падению цен, доход от продажи сел.-хоз. продукции ожидается в этом году на 400—500 млн. долларов меньше, чем в прошлом году. Совершенно понятно, что ухудшение положения фермерства США не может не отразиться на положении ряда отраслей промышленности, тесно связанных с сельским хозяйством. Вот почему кризисное положение в сел.-хоз. Соединенных Штатов должно было, наряду с другими причинами, привести к общеэкономическому кризису.

Явление кризиса и значительного перепроизводства выявились также и в автомобильной промышленности. Из нижеследующей таблицы видно, как постепенно производство автомобилей дошло до своего кульминационного пункта, и с мая—июня месяцев начинает давать систематическое снижение. В ноябре было произведено на 400 тысяч машин меньше, чем в апреле этого года.

Таблица 6

Выпуск автомобилей за 1928/1929 гг. в США²

Месяцы	1928 г.	1929 г.
Январь	231,728	401,037
Февраль	323,796	466,353
Март	413,314	585,223
Апрель	410,104	621,347
Май	425,783	604,078
Июнь	396,796	545,353
Июль	392,086	500,387
Август	461,298	498,361
Сентябрь	415,314	415,332
Всего за 9 месяцев	3,470,219	4,637,471
Октябрь	397,284	379,900
Ноябрь	257,140	214,000 ³
Декабрь	234,116	—
Всего за год	4,359,759	—

Хотя общие размеры производства за 9 месяцев 1929 г. значительно выше прошлогодних, однако следует учесть, что: 1) в первые месяцы прошлого года выпуск автомобилей был гораздо меньше, чем в этом году; 2) что в 1929 г., начиная с высшей точки взлета (апрель—май месяцы), намечается систематически снижающаяся тенденция в производстве автомобилей и 3) что количество нераспроданных машин в этом году значительно больше, чем в прошлом году. Затоваривание

¹ Цитируется по статье Позина в „Сельскохозяйственной газете“ от 17/XI 1929 г.

² По данным „Commercial and Financial Chronicle“

³ Данные предварительные.

в последние месяцы выразилось в том, что ежедневно производилось на 2.800 машин больше, чем продавалось.

Автомобильная промышленность является одной из ведущих индустрий в США. Автопромышленность США потребляет до 18% черных металлов, 15% меди, 24% олова, 26% свинца, огромный процент производимого в стране газа и около 80% ввозимого в страну каучука. Вот почему, вслед за падением производства в автомобильной промышленности, начинают также заметно снижаться производство и цены в черной и цветной металлургии, в производстве шин и др. Этим также объясняется, почему снижение продукции черной металлургии выявилось лишь в сентябре—октябре месяцах. По меди падение производства происходило параллельно уменьшению выпуска автомобилей, но это является результатом перепроизводства меди, независимо от падения спроса со стороны автомобильной промышленности.

Таблица 7

Производство чугуна, стали и меди за 1928/1929 гг. в США

	Чугун		Сталь		Медь	
	В миллионах метр. тонн				В тыс. метр. тонн	
	1929	1928	1929	1928	(электролиз)	
					1929	1928
Январь	3,5	2,9	4,6	4,0	154,5	122,7
Февраль	3,3	2,9	4,4	4,1	141,4	124,7
Март	3,8	3,2	5,1	4,6	163,6	130,0
Апрель	3,7	3,2	5,0	4,4	161,3	122,8
Май	3,9	3,3	5,4	4,3	161,8	129,3
Июнь	3,8	3,1	5,0	3,8	156,4	131,0
Июль	3,8	3,1	4,9	3,9	153,5	135,1
Август	3,8	3,2	5,0	4,2	148,6	143,1
Сентябрь	3,55	3,1	4,6	4,2	134,3	137,0
Октябрь	3,64	3,4	4,5	4,7	152,8	149,2
Ноябрь	3,2	3,4	3,6	4,3	145,4	155,4
Декабрь	—	3,4	—	4,1	—	147,9

Мы видим, что по стали и чугуну до октября имеется незначительное снижение, несмотря на то, что спрос со стороны автопромышленности дает снижение еще с июня месяца. Это объясняется двумя причинами: 1) сильным ростом экспорта железных изделий в 1929 г. и 2) компенсационным процессом, создавшимся благодаря возрастанию количества заказов со стороны железнодорожных компаний.

Вот что пишет по этому поводу «The Iron Age» от 14 ноября 1929 г.: «Значение спроса со стороны железных дорог для кризиса особенно очевидно в Чикаго, где 75% текущих заказов на готовые стальные изделия поступает со стороны транспортной и строительной промышленности... Усиленный сбыв релсы вместе с широким спросом на вагоны и локомотивы способствовали увеличению портфеля заказов Стальной корпорации на 183.981 тонну в октябре»¹.

¹ В «Торгово-Промышленной газете» от 3 декабря 1929 г. в статье «Международное экономическое обозрение» неким автором было написано следующее: «Сталелитейная промышленность США чрезвычайно сильно пострадала от кризиса, который начал ощущаться в этой отрасли еще задолго до нью-йоркского биржевого краха. Перелом конъюнктуры с полной ясностью обозначился в середине лета, и за три месяца — с июня по август — количество заказов, поступающих к сталелитейному тресту, упало со 108 до 74 млн. тонн, или на 30 с лишним %» (подчеркнуто автором, И. М.). Об ошибках, допущенных автором в этом небольшом отрывке, предоставляем судить самим читателям.

Однако, среднесуточная добыча начала падать гораздо раньше, падать из месяца в месяц, что видно из нижеследующей таблицы:

Таблица 8

Среднесуточное производство:

1929 г.	Чугуна	Стали
	В тысячах тонн ¹	
Апрель	122,1	189,9
Май	125,7	195,3
Июнь	124,0	195,3
Июль	122,1	186,1
Август	121,2	182,5
Сентябрь	116,6	180,4
Октябрь	115,7	167,1

Б. Бейкер в передовой «Annalist» от 8 ноября 1929 г. пишет: «Сильное снижение индекса активности за октябрь обусловлено в известной мере снижением производства стали (болванок). Среднесуточное производство в течение этого месяца в размере 160,1 тонн (самое низшее с января месяца этого года) означает уменьшение на 3% по сравнению с октябрём предыдущего года и на 7% — по сравнению с октябрём этого года. В этом месяце имело место 7-процентное снижение, вместо нормального сезонного увеличения на 3½%. Выравненный индекс стальной продукции в октябре составляет 104,5, т. е. уменьшение на 12,6 пункта по сравнению с сентябрьским индексом...

Хотя производство чугуна в октябре было больше, чем в октябре предыдущих лет, все же оно показывает уменьшение на 1% по сравнению с сентябрем, вместо нормального повышения на 5%. Кроме того следует заметить, что производство чугуна не является, как известно, достаточно достоверным фактором для предсказания (forecasting). Что это так — явственно следует из того факта, что производство чугуна в месяце, предшествующем ноябрьской панике в 1920 г., было на 75% больше, чем за год раньше, и что в октябре 1907 г. производство чугуна достигло наивысшего уровня, между тем как 24 числа этого месяца разразился биржевой крах».

III

После того как мы достаточно подробно выяснили явления кризиса производства, обнаружившиеся фактически еще до того момента, когда разразился биржевой крах, мы можем теперь перейти к освещению тех «драматических» событий, которые разыгрались в последнее время на Нью-Йоркской фондовой бирже.

Биржевому краху предшествовало длительное повышение акций, совершенно не соответствовавшее ни росту производства, ни росту прибылей. Котировка акций как бы оторвалась «от земли», от реальной жизни, и двинулась по темным и извилистым кривым спекулятивной горячки. За весь 1929 г. курсы поднялись на 61%, а брокерские кредиты достигли в октябре 8,5 млрд. долларов. Для всех было совершенно очевидным, что эта давно не испытанная биржевая лихорадка должна кончиться печально. И хотя надвигающийся крах был для

¹ «The Annalist», November 8, 1929.

многих очевидным, однако никто не в состоянии был приостановить невиданную спекуляцию на бирже. Таковы железные законы стихийного капиталистического развития.

Вот как описывает предкризисную лихорадку (правда, *post factum*) американский журнал «Commercial and Financial Chronicle» от 26 октября: «Поскольку цены, под влиянием спекулятивных махинаций поднимались все выше и выше, поскольку огромные состояния создавались в результате необузданного повышения расценок биржевых бумаг, старые расчеты были отброшены, всякий разумный учет оставлен и, казалось, будто действие всех экономических законов было прекращено, и что открылась новая эра, в которой успехи процветания могут быть достигнуты без какой бы то ни было затраты энергии и усилий, кроме как путем спекуляции на бирже.

Каждый был охвачен мыслью, что можно разбогатеть за одну ночь, при условии покупки одних только биржевых ценностей. Поэтому, каждый мечтал лишь о фондовой бирже и старался стать ее участником. Уборщицы, сторожа, лифт-бои, машинистки, чистильщики сапог, продавцы минеральных вод, конторщики, статистики, актеры и актрисы, высшие служащие, одним словом все группы населения — от высших до низших, от занимающих самое низкое положение в обществе до самого высшего, — все стали добычей биржевого безумия. Одни вложили только часть своих средств, другие — все. Теперь наступил горький час пробуждения, хотя неизвестно еще, будет ли полученный урок усвоен или нет».

К 3 сентября промышленные акции по Доу-Джонсовскому индексу достигли своей кульминационной точки: 381,17 пунктов. После ряда биржевых потрясений он скатился 13 ноября до 198,69, что показано на диаграмме 4 (см. диаграмму на стр. 70).

Падение курсов на бирже шло толчками. Общее снижение курсов с 3 сентября по 24 октября привело к уменьшению биржевых ценностей не меньше, чем на 20 млрд. долларов. 25 октября биржа пережила особенно большую панику. За этот день было продано около 13 млн. акций, а потери достигли огромных сумм, исчисляемых десятками миллиардов. С этого времени в американскую печать стали проникать печальные нотки отрезвления. Вот что писал на другой день американский журнал «Commercial and Financial Chronicle»: «Современная паника на бирже, в результате которой расстаяло в воздухе столько ценностей, не имеет себе равной в многочисленных биржевых паниках в прошлом, за исключением разве лишь краха, имевшего место когда разразилась мировая война в 1914 г. Никогда до сих пор в истории человечества не было такой необузданной спекуляции как та, которую пережили США за последние годы. Никогда раньше спекуляция не развивалась и продолжалась в течение такого длительного периода, никогда она не захватила таких широких слоев населения как внутри страны, так и за границей — во всем мире, — и никогда она не оказывала такого сильного влияния на мировое экономическое положение».

Но особенно большое впечатление на весь мир произвела паника, разыгравшаяся на бирже 29 октября. По силе эффекта этот толчок был в буквальном смысле слова потрясающим. На другой день (30 октября) появилась нижеследующая радиотелеграмма в „Neue Freie Presse“: «Несмотря на интервенцию центральных банков, снизивших процент покрытия ссуд с 50% до 25% от биржевой стоимости бумаг и тем самым устранивших сотни ликвидационных реализаций, сегодняшний биржевой крах превзошел все известные до сих пор. В совокупности за день реализован был огромный контингент в 16.410.030 акций. Сред-

няя потеря на отдельных акциях составляет около 30,62 доллара. Маневр банков, произведенный в последнюю минуту, непосредственного воздействия не оказал, так как мелкие спекулянты оказались уничтоженными уже, крупные же очутились в таком положении, что даже 25% покрытие оказалось недостаточным и принудительные ликвидации должны были быть продолжены на некоторое время. По имеющимся оценкам суммарные потери с начала кризиса на всех бумагах составляют, примерно,

Доу-Джонсовский индекс движения курсов на Ньюйоркской бирже с 13 ноября 1929 г.

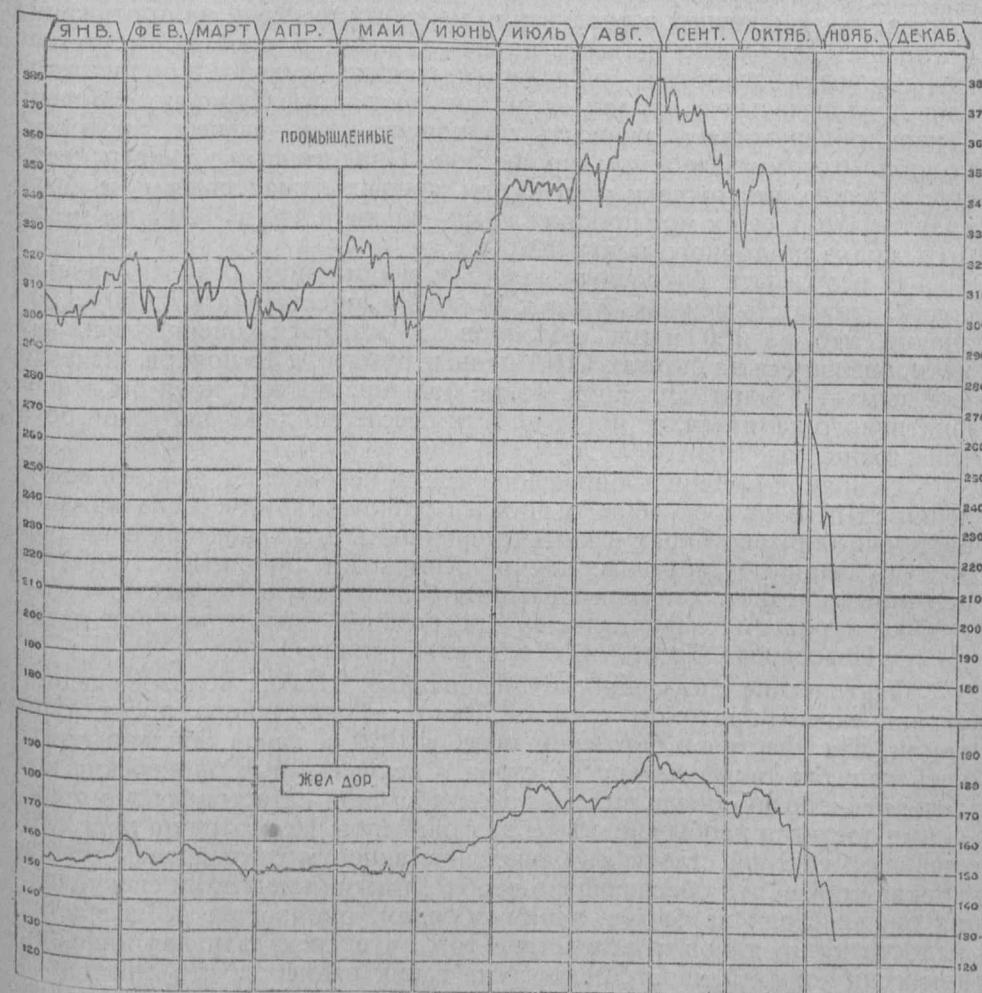

Диаграмма 4

50 млрд. долларов. Число разоренных мелких и крупных спекулянтов пока трудно установить, но не подлежит сомнению, что события последних дней могут рассматриваться как подлинная национальная катастрофа».

После биржевой паники 29 октября вся буржуазная печать, в том числе и американская, резко переменяла тон. От официального восхваления американского процветания, печать перешла к выяснению причин кризиса и его возможных последствий. Вот что писал «New-York

Times» от 10 ноября: «Развитие октябрьского кризиса ныне с полной ясностью позволяет судить о размерах краха и о масштабе спекулятивной мании, которая ему предшествовала. Падение курсов спекулятивных бумаг на 40% за 6 недель представляет самый сильный крах в истории Уолл-Стрита... Объем кредита фондовых маклеров, членов биржи, который вырос на 3 млрд. долларов или на 35% за предшествующие 12 месяцев, на протяжении одного только октября сократился на 2,4 млрд. или на 30%, а за первые 10 дней ноября он упал еще на 1 млрд. долларов. Целый ряд свидетельств катастрофического влияния биржевого кризиса на частную жизнь массы мелких спекулянтов, участвовавших в раздувании мыльных пузырей на протяжении последних лет, известен всем, но не попадает в печать. Отсутствие грандиозных банкротств объясняется только сильной поддержкой банков; для частных же лиц возмездие оказалось безмерно суровым. Теперь обнаружилась лживость пророчеств тех ученых, которые, подобно одному известному профессору Принстонского университета, еще недавно утверждали, что курсы ценных бумаг совсем не были вздуты, что рост их мог продолжаться дальше и что в 1929 г. не могло быть краха, подобного краху 1920 г.»

В результате биржевого краха и необычайно резкого падения акций, стоимость ценных бумаг к 15 ноября уменьшилась на 50%. Это значит, что из 150 млрд. долларов, в которых оценивались все котирувавшиеся на биржах США ценные бумаги, к 15 ноября «исчезло, как дым» — 75 млрд. долларов. Такие большие потери, хотя бы и фиктивного капитала, не могут пройти бесследно даже для такой богатой страны, как США.

Основной причиной биржевого краха, несомненно, явилось вступление США в полосу общего промышленно-экономического кризиса, но самый биржевой крах и катастрофичность его характера непосредственно были обусловлены двумя основными причинами: обилием дешевого кредита, стимулировавшим безудержную биржевую спекуляцию, и ростом спекулятивных организаций, известных под названием «Инвестмент Трест» и «Холдинг Компани».

Фактические спекуляция в Соединенных Штатах пользовалась неограниченным притоком средств. Ввиду непрерывного роста курса акций, для участия в биржевой игре, в 1929 г. начал обильно притекать капитал также из других стран. Спекулятивные брокерские кредиты непрерывно росли вплоть до октябрьской катастрофы и в общей сумме достигли необычайно высоких размеров. Несмотря на рост официальной учетной ставки, на банковские акцепты сохранилась довольно низкая ставка, что обеспечивало необходимыми кредитами спекуляцию на бирже. Крах на бирже, таким образом, произошел не вследствие недостатка кредитов, а вследствие того, что спекулятивная инфляция (эмиссия новых ценностей) достигла таких размеров, что она должна была обрушиться под собственной тяжестью. Достаточно сказать, что на протяжении 9 месяцев 1929 г. было эмитировано акций на 8,4 млрд. долларов, и некоторые из них падают 5,3 млрд. долларов (63%). В этой связи следует также упомянуть об особой роли, которую сыграли «Инвестмент Тресты».

Тов. Варга следующим образом объясняет природу «Холдинг Компани»: «Это — предприятие, которое не вкладывает своего капитала в производство, не производит никакой прибавочной стоимости. Оно использует свой капитал для скупки акций различных предприятий. Таким образом, «капитал» трестов инвестирования является потенциальным, фиктивным капиталом. Он даже не представляет действи-

тельный капитал, как акции какого-нибудь промышленного предприятия, но пользуется лишь доходами со скупленных им акций как базой для своего участия в общей прибыли»¹.

В сентябре месяце из выпущенного нового капитала на сумму в 1.307 млн. долларов, 643 млн. долларов этой колоссальной суммы падает на «Холдинг Компани» и на Компании инвестирования. В номере «Нью-Йорк Таймса» от 10 ноября приводится речь Леруа Д. Пивей, президента статистической организации Бэбсона, переданная по радио 9 ноября. В своей речи Пивей отмечает ту роковую роль в создании условий, предшествовавших кризису, которые сыграли именно, «Инвестмент-Тресты». Он говорит: «Эти организации создали систему нагромождения фиктивного капитала, которая практически не знала границ: начиная с известного капитала, они выступали покупателями определенных акций-фаворитов и тем взвинчивали их курсы, затем продавали их по повышенному курсу и на полученную разницу закупали новые акции. Получалась бесконечная цепь — больше денег — больше спроса; больше спроса — выше курсы; выше курсы — больше денег; больше денег — больше спроса и т. д. до бесконечности. Деятельность этих «Инвестмент-Трестов» необычайно усилила ту оргию спекуляции на разнице, которой предавалась вся страна в течение 6 месяцев, начиная от миллионеров и до лифт-боев, машинисток, шоферов такси и даже школьников».

IV

До биржевого краха явления кризиса обнаружились: в сельском хозяйстве, в нефтяной, строительной и автомобильной промышленности и также частично в цветной и черной металлургии и в производстве строительных материалов. Биржевой кризис привел к дальнейшему расширению кризисных явлений в других отраслях производства. В первую очередь здесь должно было сказаться банкротство и разорение многих мелких держателей акций и спекулянтов. Леруа Пивей об этом в своей речи сказал: «Спекулянты предъявили большой спрос на продаваемые в рассрочку автомобили, радио, меха, пылесосы, холодильники и всякие другие дорогие предметы потребления. Поэтому биржевой крах в первую очередь должен сказаться на сокращении сбыта этих предметов».

В ноябре месяце о факте сокращения продажи предметов роскоши писалось уже почти во всех газетах и журналах.

«Journal of Commerce» пишет: «В результате биржевого краха резко сократилась продажа предметов роскоши и повседневного обихода; в частности, это можно сказать о мехах, драгоценностях и радио-аппаратуре. Оптовая цена на предметы широкого потребления продолжает резко падать; это падение цен началось еще в июле».

В этом же журнале и в том же месяце отмечалось, что «в различных районах Америки явственно проявляются признаки кризиса промышленности».

О падении хозяйственной активности можно судить по нижеследующим данным «Анналиста» (см. таблицу 9).

Из приведенных данных видно, что в сентябре и октябре месяце снижение производства выявляется даже в тех отраслях, которые не были еще раньше захвачены кризисом. Следует подчеркнуть тот факт, что в хлопчатобумажной и обувной промышленности выявилось

¹ Е. Варга. «Международный биржевой крах — предвестник надвигающегося экономического кризиса». «Коммунистический Интернационал», № 46—47, 1929 г., стр. 25.

Таблица 9

Индекс хозяйственной активности „Анналиста“¹

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь
Производ. { Чугуна . . .	109,6	108,7	108,4	110,4	116,3	123,1	127,4	126,3	119,7	112,9
{ Стали . . .	103,7	107,0	111,4	115,6	121,7	131,6	130,8	120,2	117,1	104,5
Погрузка на ж. д.	98,2	101,3	98,0	103,9	102,8	101,9	102,1	101,8	101,7	—
Произв. автомоб.	144,5	145,7	147,4	148,0	145,9	150,5	146,8	136,8	128,9	118,4
Потребл. хлопка	111,2	107,7	107,9	110,7	113,5	114,8	104,9	100,4	103,6	—
Обувная промышл.	103,7	103,0	103,4	105,2	114,3	112,1	111,1	111,5	110,1	—
Произв. цинка	85,1	89,9	93,8	97,4	99,3	100,2	102,5	105,6	103,7	94,2
Общий индекс	104,1	104,9	103,0	107,5	108,8	107,5	108,5	106,6	105,5	—

снижение в сентябре и октябре, т. е. как раз в те месяцы, когда спрос, в связи с наступлением зимы, должен быть достаточно высоким. По данным печати также известно, что по южным штатам США хлопчатобумажная промышленность уже перешла на четырехдневную рабочую неделю. Вместе с тем стало также известно, что предстоит сокращение потребления натурального шелка, который, главным образом, импортируется из Японии.

Но особо ярким показателем падения торгового оборота и производства является факт снижения грузооборота железных дорог, что видно из нижеследующих данных:

	Октябрь 5/1929 г.	Октябрь 12/1929 г.	Октябрь 19/1929 г.	Октябрь 26/1929 г.	Ноябрь 16/1929 г.
Число погруз. вагонов	1.179.047	1.179.008	1.187.510	1.133.810	983.323

Соответственно упали также и доходы железных дорог:
(в долларах)

	1929	1928	Разница	В %/о
3-я неделя октября (6 дорог) . . .	15.367.703	17.572.563	— 2.204.850	— 12,54
2-я „ „ „ (8 „ „) . . .	15.790.725	18.706.196	— 2.915.471	— 15,58
1-я „ „ „ (8 „ „) . . .	15.055.110	18.216.629	— 3.161.499	— 16,53
4-я „ „ „ (7 „ „) . . .	21.174.048	23.291.930	— 2.117.882	— 9,10
3-я „ „ „ (8 „ „) . . .	15.745.187	16.524.538	— 779.351	— 5,82

О явлениях кризиса США можно также судить и по движению цен. Тенденция к систематическому снижению цен как в мировом хозяйстве в целом, так и в США, давно уже выявилась, но в последнее время снижение цен происходит с гораздо большей быстротой, что свидетельствует о кризисном переломе в экономическом положении США.

¹ „The Annalist“, Novembre 8, 1928.

Таблица 10

Недельные индексы цен на чувствительные товары по „The Annalist“

	Кожи	Цинк	Желез. лом	Средний	Оптовый
Сентября 10	176,3	147,4	125,6	149,8	147,2
„ 17	174,4	145,2	125,7	148,4	147,7
„ 24	174,4	144,8	123,8	147,6	147,7
Октября 1	166,7	144,1	125,8	145,5	145,9
„ 8	161,9	142,6	126,9	143,8	146,1
„ 15	158,1	140,4	124,4	141,0	146,2
„ 22	159,0	137,8	123,8	140,2	145,5
„ 29	160,9	133,0	123,1	139,0	144,0
Ноября 4	157,1	130,7	122,6	136,8	143,6

Однако мы считаем, что кризис еще не достиг своего апогея в промышленности и торговле. Это должно будет выявиться лишь через месяц—два, т. е. в декабре—январе месяцах. Дело в том, что в американской системе оборота большое значение имеет «продажа в кредит», так называемая installment seiling. Через некоторое время, когда начнут истекать сроки по «кредитным продажам» и многие, по случаю краха, окажутся неспособными уплатить в срок, это должно будет придать особую остроту разворачивающемуся экономическому кризису. Многие из трезвых американских экономистов предсказывали неизбежность кризиса, благодаря росту этой, в высшей степени шаткой, надстройки—продажи в кредит. Такая система сбыта в нормальное время усиливает спрос и, таким образом, способствует оживлению оборота. При наступлении же кризиса эта система должна превратиться в свою противоположность и обострить кризис. Когда создаются затруднения на бирже и задержки в производстве, тогда «продажа в кредит» должна с особенной силой обрушиться и обострить трудности товарооборота. Это должно будет выявиться в ближайшее же время.

Вступление США в состояние кризиса неизбежно должно будет также отразиться на рабочем классе и состоянии безработицы. Предчувствуя приближение этой угрозы, Гувер старается принять все меры для «предотвращения» безработицы. С этой целью Меллон обещает организовать общественные работы, на которые американское правительство намерено затратить в первую очередь 200 млн. долларов, а затем еще столько же. В общем, предполагается затратить на общественные работы в ближайшее десятилетие, с целью борьбы с безработицей, около 400 млн. долларов. Не нужно быть особенно близко знакомым с американскими масштабами, чтобы понять смехотворность этой цифры в деле разрешения «проблемы безработицы».

Гувер также пытается уговорить крупнейших предпринимателей Америки не сокращать производства. Однако сообщение о мероприятиях Форда по закрытию всех сборочных мастерских, что, несомненно, увеличит рост безработицы, показывает, что экономические силы сильнее «добрых пожеланий».

В последние дни ноября, когда рост безработицы, в связи с распространением кризиса в США, особенно четко обозначился, Гувер предписал губернаторам всех штатов: «Ликвидировать безработицу, возникающую на почве теперешних неблагоприятных условий», путем ускорения начала общественных работ. Насколько это мероприятие окажется действительным—выяснится через весьма короткий срок, когда кризис в США сделает еще несколько шагов вперед.

Начавшийся экономический кризис с неизбежностью должен будет также привести к уменьшению зарплаты. «Добрый Гувер» хочет и это предупредить, и усиливает методы «убеждения» предпринимателей не сокращать заработной платы. Но вот что пишет по этому поводу «Commercial and Financial Chronicle»: «Ввиду кризиса, доходы предприятий значительно уменьшаются, так же, как и индивидуальные доходы... Сомнительно, чтобы в ближайшем будущем штукатуры (строительные рабочие) и другие неквалифицированные рабочие могли бы вырабатывать по 15 долларов в день и зарабатывать по 75 долларов за пятидневную рабочую неделю, как до сих пор. Это дело прошлого и рабочим придется приноравливаться к новым условиям»¹.

Из разобранного и проанализированного нами материала с несомненностью явствует, что мы имеем сейчас дело в США с начавшимся общеэкономическим кризисом. Правда, мы стоим лишь в начале этого кризиса, ибо дальнейшее развертывание начавшегося кризиса будет гораздо более глубоким и катастрофичным. В данное время полоса «просперити» для США кончилась и последние должны будут расплачиваться за прежний подъем и перепроизводство «капиталистической монеты»: ростом безработицы, падением цен, банкротствами, крахами и т. д.

¹ Номер газеты от 26 октября 1929 г.

Пути развития современного международного товарообмена ¹

Прежде чем начать самое изложение, мы считаем необходимым оговорить следующее: при разработке статистических данных, характеризующих внешнюю торговлю отдельных государств, мы столкнулись с тем, что некоторые из них либо совершенно не обладают этими данными, либо если и располагают ими, то далеко неполными и опубликовывают их к тому же со значительным запозданием.

В предлагаемом вниманию читателя настоящем небольшом очерке мы пользовались, с одной стороны, данными о внешней торговле некоторых государств, почерпнутыми из их официальных статистических отчетов, а с другой стороны, за отсутствием последних, из пользующихся всеобщим, безусловным доверием статистических ежегодников, как: „Statesman's Year Book“, „Statist“, „Annuaire Général“, „Review of Economic Statistics“, „Bulletin de statistique Agricole et commerce“ и других.

Очевидно, что те или другие данные не всегда совпадут друг с другом, особенно когда имеет место перевод одних денег какого-либо государства в валюту страны, издающей данный ежегодник.

Повторяем, что мы, где это представлялось возможным, руководствовались подлинными статистическими отчетами внешней торговли, причем как в этом так и в другом случае, при переводе денег данной, рассматриваемой нами, страны в рубли, пользовались таблицами котировок фондового отдела МТБ, публикуемых ежедневно в нашей прессе.

* * *

Начнем с рассмотрения внешней торговли государств по отдельным частям света.

Ниже мы помещаем таблицу (см. стр. 182) внешней торговли европейских государств за 1928 г. (в тысячах черв. рублей).

Из приведенных данным мы усматриваем полное благополучие в отношении активности торгового баланса лишь по трем небольшим государствам Европы, а именно: Румынии, Чехо-Словакии и Болгарии.

Остальные страны имеют дефицитный баланс (в частности также и Англия, в цифру экспорта которой включен реэкспорт).

Что касается Европы в целом, то экспорт ее не только не превышает сумму импорта, но, наоборот, достигает лишь 79,6% последнего. Впрочем он был дефицитным и в довоенные годы. Еще в 1891 г. это отношение экспорта Европы к ее импорту было еще меньшим, а именно—78,1%.

¹ Печатаю настоящую статью, преимущественно обзорного характера, редакция считает, что большой цифровой материал, приведенный автором, представляет несомненный информационный интерес. *Ред.*

Таблица 1

Государства Европы ¹	Импорт	Экспорт	Весь товаро-обмен	Экспорт в % к импорту
Англия	11.148.300	7.858.950	19.007.250	70,5
Германия	6.419.025	5.508.375	11.927.400	85,9
Франция	4.008.600	3.851.025	7.859.625	96,1
Бельгия и Люксембург	1.679.250	1.603.800	3.283.050	95,6
Голландия	2.067.450	1.530.000	3.597.450	74,0
Италия	2.217.900	1.461.750	3.679.650	65,9
Чехо-Словакия	1.087.875	1.203.150	2.291.025	110,7
Швеция	877.875	804.150	1.682.025	91,6
Дания	888.675	789.075	1.677.750	88,9
Швейцария	1.011.975	787.050	1.799.025	77,7
СССР (Европ. часть)	807.300	625.800	1.433.100	77,5
Испания	843.975	618.675	1.462.650	77,3
Австрия	858.075	589.950	1.448.025	68,8
Польша	721.725	538.350	1.260.075	74,5
Румыния	388.650	438.900	827.550	112,9
Ирландия	543.525	417.225	960.750	76,7
Норвегия	517.575	348.525	866.100	67,3
Финляндия	385.950	300.750	686.700	77,9
Венгрия	395.625	273.525	669.150	69,1
Югославия	263.400	216.600	480.000	82,2
Данциг	180.000	153.225	333.225	85,1
Греция	305.475	139.950	445.425	45,8
Латвия	114.150	95.700	209.850	84,0
Болгария	83.775	90.600	174.375	108,1
Португалия	256.425	69.600	326.025	27,2
Эстония	67.950	65.025	132.975	95,7
Литва	55.800	49.125	104.925	88,0
Прочие страны	187.500	127.500	315.000	68,0
Всего	38.388.800	30.556.350	68.940.150	79,6

Приведенный здесь дефицит по торговому балансу Европы покрывается из трех источников: 1) доходами по торговому флоту, измеряемому в настоящее время в 46 млн. тонн, или 69% всего мирового флота (из коих 34%, между прочим, приходится лишь на один английский флот); 2) доходами от иностранного туризма (так, расходы одних лишь американских путешественников по Европе достигли в 1926 г.—1.350 млн. руб. и в 1927 г.—более 1.450 млн. руб.) и 3) доходами от капиталов, инвестированных в других частях света.

Обращаясь к размерам экспорта и импорта, приходящимся на каждого жителя, мы должны признать, что наибольший эффект в этом отношении опять таки дают малые государства.

Из последних на первом месте стоит Данциг (импорт на одного жителя—284 руб. 22 коп. и экспорт—403 руб. 20 коп.), внешняя торговля коего, впрочем, включает в себя, очевидно, в некоторой части и транзит, направляемый в Польшу и др. страны.

Среди «прочих стран» Европы выделяются следующие небольшие страны: Исландия и остров Жерсей. На одного жителя первой прихо-

¹ Данные по Испании, Румынии, Болгарии и Португалии относятся к 1927 г.; Турции—к 1926 г.

дится по импорту 307 руб. 80 коп. и экспорту—282 руб. 83 к., а по второй по импорту—502 руб. 50 коп. и экспорту—270 руб.

Эти же данные по другим наиболее крупным государствам Европы видны из следующей таблички (в руб. и коп.):

Таблица 2

Государства Европы	Приходится на одного жителя	
	По импорту	По экспорту
Англия	242.32	170.85
Германия	100.27	86.02
Франция	97.72	93.90
Италия	54.57	35.62
Польша	24.07	17.92
СССР (в Европ. части)	7.05	5.47
Всего по Европе	79.50	63.32

Возвращаясь к таблице 1, характеризующей общие размеры внешней торговли Европы по отдельным государствам, мы видим, что на первом месте по абсолютной величине своей внешней торговли стоит Англия. Поэтому не безынтересным для нас будет остановиться на ней несколько подробнее.

В 1764 г. по данным „*Annal of commerce*“, импорт Англии был равен всего лишь 105,8 млн. руб. (в современных черв. рублях) и экспорт—162,5 млн. В 1800 г. эти данные составили соответственно—283,8 и 401,9 млн. руб.

В 1891 г. импорт Англии выразился уже в сумме 4.058,4 млн. руб., а экспорт в 2.302,0 млн. руб., что дает отношение последнего к импорту в размере 56,8% против 141,5% в 1800 г. и 153,6% в 1764 г.

В то же время мы можем констатировать, что современный торговый баланс Англии по сравнению с 1891 г. несравненно более благоприятен.

Перейдем теперь к рассмотрению направления внешней торговли Англии. По сравнению с 1913 г. она уменьшила свой импорт из Германии на 20,8% и увеличила из Франции на 30,6%. Особенно же сильно увеличила Англия импорт из Дании (на 120,6%), Голландии (110,4%) и Бельгии (87,3%). Остальные государства Европы увеличили свой экспорт в Англию в пределах 50—51%; доминионы и колонии—до 90%. В общем же Англия увеличила размеры своего импорта из Европы на 38,6%.

Посмотрим теперь, куда направляется экспорт из Англии. В европейские государства последний увеличился по сравнению с тем же 1913 г. на 18,3%. В частности, Португалия увеличила свой ввоз из Англии за данный период времени на 100% и Голландия на 41,1%, остальные же государства—в значительно меньших размерах, приближаясь в отдельных случаях подчас к цифрам 1913 г.

В действительности же, если мы примем во внимание значительное повышение оптовых цен, имевшее место в Англии за последние годы, то ее экспорт в европейские государства окажется, пожалуй, даже ниже уровня 1913 г.

Для остальных стран увеличение покупок в Англии выражается примерно в 26,6%. В том числе по Соед. Штатам на 57% и Аргентине на 47%. Что же касается доминионов и колоний, то последние весьма значительно увеличили свой импорт из Англии. Так, цифры их импорта из Англии в 1928 г. выше нежели в 1913 г. на целых 68%. Это громадное увеличение проходит по всем без исключения доминионам и колониям, как-то: Индии, Цейлону, Австралии, Канаде, Южной Африке, Новой Зеландии и т. п.

Что же касается ее реэкспорта, то замечается снижение последнего в отношении Соед. Штатов и, наоборот, увеличение для Германии, Франции, Бельгии и, в особенности, для колоний (на 66%).

Вообще же Англия, как мы видим, находит в своих доминионах и колониях значительный рынок для сбыта своих товаров (45% своего экспорта 1928 г. против 37% в 1913 г.).

Перейдем теперь к рассмотрению внешней торговли стран Америки, приводимой нами в нижеследующей таблице (в тыс. руб.):

Таблица 3

Государства Америки	Импорт	Экспорт	Весь товаро-обмен	Экспорт в % к импорту
Соед. Штаты	7.834.050	9.631.350	17.465.400	122,9
Канада	2.338.350	2.628.825	4.967.175	112,3
Аргентина	1.687.950	1.910.400	3.598.350	113,1
Бразилия	846.225	909.450	1.755.675	107,4
Мексика	353.475	641.325	994.800	181,4
Куба	491.850	615.300	1.106.150	125,0
Чили	273.075	385.425	658.500	141,2
Новая Земля	240.300	280.350	520.650	116,8
Колумбия	227.700	232.350	460.050	102,0
Перу	140.775	226.800	367.575	161,1
Порто-Рико	186.150	198.225	384.375	106,4
Уругвай	164.475	189.300	353.775	115,1
Венесуэлла	132.150	161.400	293.550	122,1
Куракао	109.575	103.650	213.225	94,6
Аляска	61.575	155.925	217.500	253,2
Боливия	43.500	83.700	126.200	192,4
Прочие страны	626.625	636.075	1.262.700	101,4
Всего	16.508.550	18.989.850	35.498.400	115,0

Здесь, как мы видим, торговый баланс всех без исключения государств является активным. Но и из них выделяются своим громадным превышением экспорта над импортом: Аляска, Боливия, Мексика, Перу, Чили, Куба и, наконец, Соед. Штаты.

Размеры внешней торговли, приходящиеся на одного жителя часто очень значительны, что видно из следующей таблицы (в руб. и коп.) (см. табл. на стр. 185).

Столь значительные размеры импорта и экспорта, приходящиеся на каждого жителя, в особенности у первых трех стран, имеют свое объяснение. Так, благодаря тому, что население Новой Земли составляет всего лишь 265 тысяч, а рыбный промысел здесь приносит громадные доходы, мы и получаем непомерные, даже для «масштаба Америки», величины внешней торговли, падающие на одного жителя данного государства.

Таблица 4

Государства Америки	Приходится на одного жителя	
	По импорту	По экспорту
Аляска	1.119.52	2.835.—
Куракао	1.320.15	1.203.75
Новая Земля	906.75	1.057.87
Канада	233.85	262.87
Аргентина	160.72	181.95
Соед. Штаты	65.77	80.32
Прочие страны	41.77	42.37
Всего по Америке	64.12	77.25

То же самое можно сказать о Куракао с ее 83 тысячами жителей и об Аляске.

Канада же и остальные страны Америки, хоть и дают большие размеры внешней торговли на каждого жителя, но уже в пределах наблюдавшихся нами норм некоторых европейских государств.

Морской торговый флот американских государств достигает в настоящее время 16 млн. тонн, или около 24% всего мирового флота. В этом отношении они уступают европейским государствам и поэтому расходы, которые они несут по оплате морского фрахта флоту последних, довольно заметно снижают благоприятные результаты их активного торгового баланса.

Но это, конечно, не может относиться в столь сильной степени к Соед. Штатам и Канаде, как к остальным государствам Америки, так как первые получают весьма значительные доходы со своих капиталов, инвестированных в большом количестве в остальных странах мира.

Рассмотрим несколько подробнее внешнюю торговлю Соед. Штатов, по размерам последней стоящей на первом месте среди прочих государств Америки.

Импорт Соед. Штатов с 1921 г. по 1928 г. увеличился на 59%; экспорт же за тот же период времени—всего лишь на 29,3%. Из приводимой ниже таблицы мы увидим, за счет каких стран мира имело место упомянутое нами увеличение импорта и экспорта Соед. Штатов (в процентах):

Таблица 5

Части света	Импорт	Экспорт
Европа	51,6	12,3
Канада и Новая Земля	58,7	58,0
Латинская Америка	52,6	54,9
В том числе { Мексика	22,2	14,3
{ Южн. Америка	93,6	128,5
Азия	72,5	18,2
Африка	71,7	113,9
Океания	71,5	107,5
Всего	59,0	29,3

Как мы видим, наибольшую активность в своей торговле Соед. Штаты развили в сторону Океании, Африки и Южной Америки, и в несколько меньшей степени в отношении Канады и Новой Земли.

Активность эта, как мы знаем, приносит Соед. Штатам весьма ценные результаты для ее народного хозяйства.

Мы ограничиваемся приведением этих данных с целью определения лишь ориентации внешней торговли Соед. Штатов, чтобы перейти затем к рассмотрению внешней торговли стран Азии, как это мы сделали в отношении Европы и Америки (в тыс. руб.):

Таблица 6

Государства Азии	Импорт	Экспорт	Весь товаро-обмен	Экспорт в % к импорту
Британская Индия	1.814.925	2.291.700	4.106.625	126,2
Япония	1.949.175	1.698.675	3.647.850	87,1
Нидерландская Индия	691.200	1.231.800	1.923.000	178,2
Китай ¹	1.339.650	1.214.775	2.554.425	90,6
Малайские острова ¹	1.083.375	1.146.075	2.229.450	105,7
Гонг-Конг ¹	404.925	375.750	780.675	92,8
Цейлон	284.475	351.000	635.475	123,3
Корея	330.675	332.500	663.175	97,2
Филиппинские острова	239.250	287.250	526.500	120,1
Персия	174.225	244.275	418.500	140,2
Инд-Китай	202.500	225.000	427.500	111,1
Сиам ¹	153.675	201.375	355.050	131,0
Формоза	130.125	183.225	313.350	141,4
СССР (в Азиат. части)	122.625	135.900	258.525	110,8
Турция (в Азиат. части)	156.750	123.450	280.200	78,8
Сирия и Ливан	95.025	40.875	135.900	42,9
Афганистан и прочие страны ¹	406.950	346.200	753.150	85,0
Всего	9.579.525	10.420.425	19.999.950	108,7

Из приведенных в этой таблице данных, мы усматриваем наиболее благоприятный активный торговый баланс у Нидерландской Индии, разившей в громадных размерах экспорт каучука и нефти; затем, у о. Формозы (чай, сахар и пр.), Персии (нефть, рис), Цейлона (чай) и т. п.

Чрезвычайно высокие размеры внешней торговли на одного жителя Малайских островов (по импорту 1.083 руб. 37 коп. и экспорту—1.146 руб. 37 коп.) и Гонг-Конга (по импорту 506 руб. 10 коп. и экспорту 469 руб. 65 коп.) объясняются тем значением, какое имеют Сингапур и Гонг-Конг как важнейшие морские порты местного значения и транзита, при сравнительно небольшой плотности местного населения.

Переходим теперь к рассмотрению Африки, кстати сказать не обладающей странами со сколько-нибудь значительно развитой внешней торговлей.

Ниже мы помещаем таблицу, характеризующую внешнюю торговлю Африки (в тыс. руб.):

¹ Данные за 1927 г.

Таблица 7

Страны Африки	Импорт	Экспорт	Весь товаро-обмен	Экспорт в % к импорту
Южная Африка	701.325	792.600	1.493.920	113,0
Египет	497.325	536.700	1.034.025	107,9
Алжир	372.600	299.700	672.300	80,4
Нигерия (Анг. Судан) ¹	145.875	152.175	298.050	104,3
Золотой берег ¹	95.775	113.325	209.100	118,3
Франц. Зап. Африка	114.750	103.575	218.325	90,2
Тунис	132.900	77.025	209.925	57,9
Французское Марокко	133.650	63.525	197.175	47,5
Бельгийское Конго ¹	79.575	56.175	135.750	70,5
Прочие страны	720.000	589.725	1.309.725	81,9
Всего	2.993.775	2.784.525	5.778.300	93,0

Как мы видим, Золотой Берег, Южная Африка, Египет и Нигерия имеют активный торговый баланс, но Африка, в целом, дает результат худший, нежели Америка и Азия, и лишь несколько лучший Европы.

На каждого жителя Африки размеры торговли не столь велики, как в других странах, ибо покупательная их способность, само собой разумеется, как в абсолютных так и относительных размерах—весьма незначительна.

На первом месте стоит Южная Африка (по импорту 89 руб. 92 коп. и экспорту—101 руб. 62 коп.) и на втором Алжир (по импорту—61 руб. 05 коп. и экспорту—49 руб. 12 коп.); остальные страны дают в этом отношении значительно меньшую цифру.

Ниже мы приводим данные внешней торговли стран Океании (в тыс. руб.):

Таблица 8

Страны Океании	Импорт	Экспорт	Весь товаро-обмен	Экспорт в % к импорту
Австралия	1.379.550	1.320.675	2.700.225	95,7
Новая Зеландия	410.625	514.725	925.350	125,3
Гавайские острова ²	169.800	213.525	383.325	125,7
Прочие острова и колонии ²	49.575	62.850	112.425	126,7
Всего	2.009.550	2.111.775	4.121.325	105,0

Австралии, Новая Зеландия и Гавайские о-ва отличаются, как мы видим, большими абсолютными размерами своей внешней торговли в целом, а равно и размерами последней, приходящимися на одного жителя; последнее видно из следующей таблицы (в руб. и коп.):

¹ Данные за 1927 г.

² Данные за 1927 г.

Таблица 9

Страны Океании	На одного жителя приходится	
	По импорту	По экспорту
Гавайские острова	485.25	610.05
Новая Зеландия	273.75	344.62
Австралия	205.87	197.02
Всего	171.75	180.52

Из указанных в данной таблице стран, Новая Зеландия и Австралия экспортируют в больших количествах шерсть, а Гавайские острова, к тому же мало населенные, в значительных размерах сахар.

Ниже мы приводим сводную таблицу мировой внешней торговли за тот же 1928 г. по каждой части света в отдельности (в млн. руб.):

Таблица 10

Части света	Импорт	Экспорт	Весь товаро-обмен	Экспорт в % к импорту	На каждого жителя	
					Импорт	Экспорт
Европа	38.383,8	30.556,3	68.940,1	79,6	79.50	63.32
Америка	16.508,6	18.989,8	35.498,4	115,0	64.12	77.25
Азия	9.579,3	10.420,4	19.999,6	108,7	9.22	10.05
Африка	2.993,8	2.784,5	5.778,3	93,0	21.22	19.72
Океания	2.009,5	2.111,8	4.121,3	105,0	171.75	180.52
Всего	69.474,9	64.862,8	134.337,7	93,4	35.85	33.82

Из приведенных в этой таблице данных мы видим, что по абсолютной величине своей внешней торговли на первом месте стоит Европа. Но по размерам внешней торговли, приходящейся на одного жителя, Европа уступает: по импорту—Океании, а по экспорту—Америке и Океании.

Основываясь на данных населения каждой части света за 1928 г. мы составили следующую показательную таблицу:

Таблица 11

Части света	Население в 1928 г.		Импорт в % к мировому импорту	Экспорт в % к мировому экспорту
	Абс. цифры млн. жит.	Уд. вес.		
Европа	482,7	25,2	55,9	47,1
Америка	245,6	12,8	22,9	29,3
Азия	1.035,6	54,0	14,0	16,1
Африка	140,9	7,4	4,4	4,3
Океания	11,7	0,6	2,8	3,2
Всего	1.916,5	100,0	100,0	100,0

Как мы видим, Океания пропорционально своему населению имеет исключительно развитую внешнюю торговлю, и при том с активным торговым балансом. На следующем месте стоит Европа и затем уже Америка.

Наиболее же отстающими в этом отношении, как и следовало ожидать, являются Азия и Африка.

* * *

Ранее мы говорили уже относительно внешней торговли Англии в довоенные годы. Ниже мы приводим таблицу данных внешней торговли некоторых других государств за тот же 1891 г. по сравнению с соответствующими цифрами 1928 г. (в тыс. руб.):

Таблица 12

Наименование государств		За 1891 г.			За 1928 г.		
		Импорт	Экспорт	В % к импорту	Импорт	Экспорт	В % к импорту
Европа	{ Англия	4.059.075	2.302.875	56,7	11.691.825	8.276.175	70,7
	{ Германия	1.893.900	1.448.700	76,5	6.419.025	5.508.375	85,9
	{ Франция	1.762.050	1.319.400	74,8	4.008.600	3.851.025	96,1
Америка	{ Соед. Штат.	1.583.700	1.859.850	117,4	7.834.050	9.631.350	122,9
	{ Канада	229.500	184.125	80,2	2.338.350	2.628.825	112,3
	{ Бразилия	211.325	264.300	119,4	846.225	909.450	107,4
	{ Аргентина	124.950	190.725	152,6	1.687.950	1.910.400	113,1
Азия	{ Брит. Индия	647.550	938.850	144,9	1.814.925	2.291.700	126,2
	{ Япония	120.600	106.275	88,1	1.949.175	1.698.675	87,1
Африка	Египет	88.125	132.975	150,8	497.325	536.700	107,9
Океания	{ Австралия	553.200	490.050	88,5	1.379.550	1.320.675	95,7
	{ Нов. Зеландия	59.550	79.650	133,7	410.645	514.725	125,3

Цифры внешней торговли Англии за 1891 г. включают в себе данные и по Ирландии. Для сравнимости мы прибавили к соответствующим цифрам 1928 г. также данные и о внешней торговле Ирландии за тот же год.

Как мы видим, абсолютные размеры торговли 1928 г. больше, чем в 1891 г., по различным государствам и странам в два, четыре, шесть и даже десять и более раз. Особенно значительных результатов достигли Канада, Аргентина и Япония. Конечно, мы должны были бы принять во внимание увеличение населения, произошедшее в данный промежуток времени, а также повышение цен на одни и те же товары в сравниваемые нами годы.

Но нужно признать, что работа по выявлению этих поправочных коэффициентов и их применение отняла бы чрезвычайно много времени, не говоря уже о большой трудности выполнения этой задачи.

Помимо того, данные о ценах, существовавших в довоенные годы, еще и потому с большой трудностью могут быть нами проверены, что они попросту отсутствуют по многим странам.

Таким образом, целью данного сравнения цифр внешней торговли ряда стран за 1891 и 1928 гг. было показать, что некоторые из крупных

современных государств, как-то: Англия, Германия, Франция и Япония, имели пассивный торговый баланс еще и в довоенные годы, каким они его имеют и в настоящее время.

Разница вся только в относительном улучшении их торгового баланса, т. е. в изменении процентного отношения их экспорта к импорту.

Очевидно, и в те годы у них имелись какие-либо другие источники доходов, служившие им покрытиями их торговых дефицитов.

Все же необходимо признать, что Англия, Германия, Франция, а в особенности Соед. Штаты, Канада и Австралия, как это мы видим из той же сравнительной таблицы, немного улучшили свои балансы.

Что же касается торговых балансов остальных, помещенных в нашей таблице стран, то они менее блестящи.

Ниже мы приводим такую же сравнительную таблицу по отдельным частям света (в млн. руб.):

Таблица 13

Части света	Средние данные за 1890/1892 гг.			Данные за 1928 г.		
	Импорт	Экспорт	В %%	Импорт	Экспорт	В %%
Европа	12.645,0	9.870,0	78,0	38.383,8	30.556,3	79,6
Америка	2.850,0	3.240,0	113,6	16.508,6	18.989,8	115,0
Азия	1.702,5	1.867,5	109,6	9.579,2	10.420,4	108,7
Африка	472,5	420,0	88,8	2.993,8	2.784,5	93,0
Океании	652,5	615,0	94,2	2.009,5	2.111,8	105,0
Всего	18.322,5	16.012,5	87,3	69.474,9	64.862,8	93,4

Как мы видим, общие размеры мировой внешней торговли 1928 г. во много раз превосходят соответствующие средние данные за 1890—1892 гг.

По отдельным же частям света это увеличение представляет собою взятые пятикратно и даже более (Америка, Африка) размеры внешней торговли за период 1890—1892 гг.

Верно, здесь не надо забывать того, что и само население этих стран увеличилось в тех или иных пропорциях за тот же период времени, с другой стороны, и цены на товары претерпели подчас весьма значительные изменения в ту или иную сторону.

Произвести здесь абсолютно точное сравнение, как мы указывали выше, весьма трудно, а возможно и вовсе не осуществимо.

Одно лишь несомненно в данном случае, что общее улучшение торговых балансов, за немногими исключениями (Азия)—налицо. Наблюдаемое нами небольшое улучшение торгового баланса Европы, по сравнению с прочими странами мира, находит себе объяснение в трех серьезнейших потрясениях, какие она перенесла в результате двух войн (мировая и советско-польская) и ряда революций (в России, Германии, Венгрии и т. д.).

Но на Азии (Китай), перенесшей за этот промежуток времени также ряд потрясений, повлекших за собой значительные потери людьми и прочими средствами, это, очевидно, отразилось еще в большей степени, чем на Европе.

Мы закончим этот раздел рассмотрением сравнительных данных о размерах импорта и экспорта, приходящихся на одного жителя пяти

частей света, за тот же период времени. Это видно из следующей таблицы (в руб. и коп.):

Таблица 14

Части света	Среднее за 1890/1892 гг.		За 1928 г.		Рост в %%	
	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
Европа	35.40	27.67	79.50	63.32	124,6	128,4
Америка	23.85	27.—	64.12	77.25	16,8	186,1
Азия	2.02	2.25	9.22	10.05	356,4	346,6
Африка	3.37	3.—	21.22	19.72	529,6	557,3
Океания	93.45	87.37	171.75	180.52	83,7	106,6
Среднее для всего земного шара . .	12.75	11.10	35.85	33.82	181,1	304,6

Данные за 1890—1892 гг., само собою разумеется, претендуют на гораздо меньшую точность и достоверность, нежели соответствующие данные за 1928 г. Что же касается Китая, Персии и в особенности Афганистана и некоторых других, подобных этим стран, то цифры населения их, как известно, имеют своим основанием не всенародную перепись данной страны или государства, а результат различных по методу и точности простых расчетов и вычислений тех или других исследователей.

Из вышеприведенной таблицы, мы видим весьма значительный рост размеров импорта и экспорта, приходящихся на одного жителя всех стран мира за данный период времени.

Наибольший же рост как по импорту, так и экспорту, показывают Африка и затем Азия; наименьший же Океания, где, не в пример прочим частям света, экспорт на одного жителя определяет импорт.

Последнее обстоятельство целиком находит себе объяснение в том, что в этой части света находятся по преимуществу богатые колонии наикрупнейших «мировых держав», усиленно выкачивающих из них все их природные богатства.

Америка и Европа дают сравнительно незначительное увеличение внешней торговли на одного своего жителя, так как многие из находящихся в них государств, достигнув значительного прогресса в этом направлении за сравнительно небольшой промежуток времени, исчерпали все свои возможности.

Последнее же обстоятельство, нужно ожидать, будет причиной того, что в дальнейшем развитие их внешней торговли пойдет еще более замедленным темпом.

Это же обстоятельство заставляет их прибегать к еще более усиленной, чем до сих пор, эксплуатации своих колоний, т. е. по существу увеличивать размер внешней торговли Азии, Африки и Океании.

* *

Главнейшим и решающим фактором в столь значительном росте современной мировой внешней торговли явилось сильное развитие пароходства в течение последнего столетия.

Еще в 1871 г. Англия имела 23.189 парусных судов, вместимостью в 4.578 тыс. тонн и 3.178 пароходов, вместимостью 1.113 тыс. тонн. Но уже через двадцать лет, в 1891 г., ее торговый флот состоял из 13.823 парусников, вместимостью в 2.972 тыс. тонн и 7.720 пароходов на 5.307 тыс. тонн.

Вместимость парусных судов Франции с 921 тыс. тонн в 1871 г. снизилась до 426 тыс. тонн для 1891 г., а пароходов со 151 тыс. тонн увеличилось до 522 тыс. тонн за тот же период времени.

Германские же парусники с 900 тыс. тонн для 1871 г. дошли до 704 тыс. тонн в 1891 г., а пароходы с 82 тыс. тонн увеличились до 764 тыс. за те же двадцать лет.

Средний тоннаж пароходов в 1891 г., таким образом, достигал в Англии 690 тонн на судно, во Франции—450 и в Германии 810 тонн.

Эти размеры тоннажа, являвшиеся в те годы большим достижением, само собою разумеется в наше время являются сильно превзойденными. До мировой войны количество парусников в мировом торговом флоте с каждым годом уменьшалось и уменьшалось; с окончанием же войны и в последующие за этим годы они почти окончательно вытеснены пароходами.

Следующие цифры, характеризующие торговый флот крупнейших стран мира за последние годы истекшего столетия, в сравнении с соответствующими данными 1928 г.

Таблица 15

Страны	1893 г.		1928 г.		Разница в % по отношению к 1893 г. по тоннажу
	Колич. судов, вместимостью более 100 тонн	Их тоннаж в тыс. тонн	Колич. судов, вместимостью более 100 тонн	Их тоннаж в тыс. тонн	
Англия	15.094	9.209	10.683	22.782	+ 148
Соед. Штаты	3.849	1.895	4.336	14.538	+ 565
Германия	2.209	1.450	2.080	3.777	+ 160
Италия	2.156	761	1.429	3.429	+ 350
Франция	2.006	746	1.682	3.444	+ 348
Норвегия	3.835	1.632	1.787	2.968	+ 82
Россия и СССР	2.488	607	354	377	- 38
Всего	31.637	16.300	22.351	51.215	+ 215

Как видим, общее количество судов за истекшие тридцать пять лет уменьшилось на 30%, но зато общий тоннаж их увеличился на 215%.

Средний тоннаж с 515 тонн на судно в 1893 г. повысился почти до 2.300 тонн на судно, причем в 1928 г. и это среднее продолжает увеличиваться и в дальнейшем.

Странами, достигшими наибольших результатов, как мы видим, являются Соед. Штаты, Италия, Франция и значительно меньших—Германия, Англия и Норвегия.

СССР, наоборот, показывает уменьшение своего торгового флота, объясняемое тем, что, отказавшись от прибалтийских территорий с довольно значительными по объему портами (Рига, Либава и др.), СССР потерял также и часть своего торгового флота.

В настоящее время, как известно, СССР усиленно строит новый торговый флот, и в скором времени, очевидно, восстановит свой удельный вес в этом отношении среди остальных государств мира.

Государства, обладающие непосредственным выходом к морю, совершенно очевидно, получают наибольшие выгоды от использова-

ния этого ценного вида транспортирования грузов, являющегося более выгодным, нежели транспортирования по суше.

Вот почему страны, имеющие морские пути большого протяжения, стараются их еще более улучшить, в частности путем прорытия каналов, играющих роль морских подсобных путей сообщений.

Более или менее внимательное рассмотрение многочисленных приведенных нами выше таблиц позволяет констатировать все еще важную роль Европы в экономической жизни всех без исключения стран мира, а также значительнейшие достижения в этом отношении Америки.

Соед. Штаты и Канада на севере, Аргентина и Бразилия на юге Америки располагают обширнейшими территориями еще относительно слабо заселенными (несмотря на сравнительно быстрый темп роста населения) и обладающих к тому же огромнейшими и богатыми естественными ресурсами.

Население этих стран, все время подкрепляемое миллионами европейцев, к тому же чрезвычайно предприимчивыми, составляет именно ту категорию людей, которые энергично используя соответствующую, сильно вспаханную и экономически хорошо возделанную, благоприятную во всех отношениях почву своей страны—действительно создают сильнейшую конкуренцию старой Европе.

Районирование топливопотребления и железнодорожные тарифы на топливо^{1 2}

I

Факт нерационального географического размещения нашего топливопотребления является общеизвестным. Пожалуй, не менее общеизвестным является то, что в результате подобного размещения топливопотребления наше народное хозяйство несет огромные потери (последнее обследование РКИ СССР лишний раз подтвердило это обстоятельство). Но, вместе с тем, до настоящего времени этому вопросу, к сожалению, уделялось слишком мало внимания, ибо у нас чрезвычайно распространено мнение, что проводить оптимальное для народного хозяйства районирование топливопотребления возможно будет лишь по осуществлении весьма существенной технической реконструкции нашего топливного хозяйства. Нам представляется, что подобное толкование задач, ставящихся при исследовании проблемы оптимального размещения топливопотребления—недостаточно.

Правда, нужно заметить, что само понятие оптимального для народного хозяйства размещения не является раз навсегда данным, ибо содержание оптимума меняется в зависимости от изменения целого ряда условий. Поэтому, с одной стороны, можно и нужно говорить об оптимальном районировании топливопотребления, исходя не из существующего положения вещей, а из возможностей, создаваемых последними техническими достижениями. При этом можно исходить из того, что степень использования топлива соответствует последним достижениям теплотехники; что широко изменяется механическое и, главное, химическое обогащение топлива, приводящее к совсем иным способам использования топлива и его передачи (газопровод); что транспорт топлива происходит с помощью наиболее совершенных способов (сверхмагистраль, нефтепровод и т. п.) и, наконец, из всех производственных возможностей в области непосредственной добычи самого топлива. Необходимость учета всех этих возможностей (и даже всех тенденций в этой области) при анализе оптимального размещения топливопотребления бесспорна. Учитывать все эти меры, кроме всего прочего, необходимо еще в силу того, что географическое размещение самой топливной промышленности должно быть приспособлено к тому или иному плану районирования топливопотребления.

Но, с другой стороны, мы считали бы целесообразным и даже необходимым, первоначально рассмотреть вопрос об оптимальном размещении топливопотребления при существующем поло-

¹ В порядке обсуждения. *Ред.*

² Настоящая статья написана на основании материалов, разработанных секцией районирования научно-исследовательского института угольной промышленности под руководством автора и при участии П. Д. Науменко.

жении вещей, при существующей технике. Ведь чрезвычайно важно выяснить, исходя из существующей технической организации нашего топливного хозяйства и из существующих способов использования и транспортировки топлива, и, наконец, исходя из нынешних производственных условий в области топливной промышленности, — каким должно было бы быть географическое размещение топливопотребления, с точки зрения минимума затрат общественного труда на добычу и перевозку топлива.

Конечно, исследование проблемы в такой суженной постановке может иметь только известное ограниченное значение. Оно не может устранить необходимости исследования проблемы районирования в значительно более широкой постановке, основывающейся на учете всех перспектив и тенденций, о которых выше шла речь. Но зато подобное исследование позволяет выяснить те возможности рационализации топливопотребления, которые осуществимы даже без реконструкции техники, выяснить достаточно широкие возможности сбережения народнохозяйственных средств в этой области, используя на первых порах лишь только известную систему экономических мероприятий.

В капиталистическом обществе условия ценообразования являются, в сущности, основным экономическим фактором, определяющим географическое размещение производства и потребления товаров. Для нашего хозяйства моменты ценообразования сами по себе имеют несравненно меньшее значение, чем при капитализме. Мы все больше и больше стараемся изменить географическое размещение производства в желательном для нас направлении, действуя непосредственным путем, используя для этой цели ряд непосредственных мероприятий экономической политики, в значительной степени минуя рыночный механизм. Но из этого ни в каком случае не следует делать вывода, что мы вообще должны отказаться от воздействия на рыночный механизм и на ценообразующие факторы, с целью приспособления последних к задачам планирования территориального распределения производства. Подобный вывод просто противоречил бы общей тенденции экономики переходного периода, выражающейся в том, что по мере развития плановых социалистических элементов в нашем хозяйстве, рыночная цена все больше и больше должна поддаваться плановому регулированию, что в конечном счете должно привести к полному изменению экономического содержания категории цены. С другой стороны, отказ от воздействия в указанном направлении на ценообразующие факторы противоречил бы проводимому в настоящее время дальнейшему внедрению принципа хозяйственного расчета. Следовательно, поскольку сохраняется товарная форма в нашем хозяйстве, необходимость планового приспособления ценообразующих факторов соответственно задачам оптимального для народного хозяйства районирования производства и потребления не подлежат сомнению. Во всяком случае бесспорно, что в первую очередь необходимо обратить внимание на ценообразующие факторы, оказывающие в этом деле противодействующее влияние. А нам представляется, что одним из существенных моментов, мешающих рациональному районированию топливопотребления, как раз являются некоторые факторы, определяющие цену на топливо.

При определении конкурентоспособности различных видов топлива, а следовательно и при районировании их потребления, решающее значение имеет не столько относительная величина их производственной стоимости, сколько соотношение стоимости различных ви-

дов топлива на месте его потребления. Ибо в цене топлива обычно весьма значительная и часто даже преобладающая доля принадлежит издержкам по его перевозке¹. Принимая во внимание столь значительную роль транспорта в данном случае, как ценообразующего фактора, прежде всего необходимо исследовать насколько существующая система железнодорожных тарифов на топливо способствует оптимальному районированию последнего.

В установлении железнодорожных тарифов, представляющих ничто иное как цену услуг транспорта, стихийно-рыночные моменты совершенно устранены. Железнодорожные тарифы устанавливаются исключительно плановым путем, а потому к действующим тарифам должны быть предъявлены особо строгие требования соответствия целям планирования нашего народного хозяйства. Нужно иметь в виду, что при установлении железнодорожных тарифов преследуются в основном две следующих задачи. С одной стороны, с помощью тарифов осуществляется в очень значительных размерах перераспределение средств в народном хозяйстве. С другой стороны, с помощью железнодорожных тарифов мы должны воздействовать на географическое размещение хозяйства. Та или иная система транспортных тарифов может быть оправдана с общественной точки зрения лишь при условии соответствия ее обеим указанным задачам.

Если рассмотреть с этой точки зрения существующие железнодорожные тарифы на перевозку топлива, то нам представляется — и мы это постараемся ниже доказать, — что они совсем не соответствуют именно второй из указанных задач, преследуемой при установлении тарифов — регулированию размещения топливопотребления. Больше того. Нам представляется, что существующая система построения железнодорожных тарифов на перевозку топлива является одним из весьма существенных факторов, противодействующих осуществлению оптимального для народного хозяйства районирования топливопотребления. Ибо в результате неправильного построения железнодорожных тарифов на топливо совершенно искажается география топливных перевозок и, следовательно, искажается и размещение самого топливопотребления.

Проверить выставленное положение возможно следующим путем. Необходимо определить географические границы конкурентоспособности (или, иначе говоря, оптимальные границы потребления) различных видов топлива. Причем указанные границы должны быть определены в двух вариантах. В основу первого варианта должны быть положены данные о народнохозяйственной себестоимости железнодорожных перевозок топлива; в основу второго варианта — существующие тарифы на перевозку топлива. Сопоставление указанных двух вариантов и анализа расхождений между ними сделали бы возможным оценку существующей системы железнодорожных тарифов на топливо с точки зрения соответствия ее нашим задачам в области районирования топливопотребления.

В настоящее время мы еще не располагаем законченным материалом об оптимальных географических границах потребления всех

¹ Проф. П. М. Соловьев вычислил, что в среднем на 30 котельных, работающих на донецком угле, издержки перевозки составляют 75% заготовительной стоимости угля (см. П. Соловьев „О кочегарах“ — „Система и Организация“, 1927 г., № 10, стр. 21). Сплошь и рядом доля транспортных издержек в себестоимости топлива даже еще выше. См. напр., статью Н. С. Трифонова „Характеристика топливного хозяйства промышленных заведений“ („Материалы к характеристике топливного хозяйства промышленных предприятий“, Харьков, издание журнала „Уголь и Железо“).

видов топлива. Но для выяснения интересующего нас вопроса вполне достаточно данных, касающихся хотя бы некоторых видов топлива. Поэтому мы решили проверить выставленное положение путем анализа влияния железнодорожных тарифов на установление границ потребления подмосковного угля сравнительно с донецким углем. В настоящее время, когда мы заинтересованы в расширении потребления подмосковного угля, представляет самостоятельный интерес проследить насколько этому способствует транспорт и тарифы. Но нужно сказать, что выводы из анализа влияния железнодорожных тарифов на размещение топливопотребления, относятся не только к подмосковному углю, но и к целому ряду других видов так называемого местного топлива.

II

Для определения оптимальных географических границ потребления подмосковного угля сравнительно с донецким, прежде всего необходимо выяснить, что положить в основу масштаба соизмерения их технической и экономической ценности. Подмосковный и донецкие угли чрезвычайно отличаются друг от друга по своим качествам и свойствам, но это не исключает возможности их соизмерения. Если исходить из существующей техники, как это мы и условились делать, то в качестве единицы измерения технической ценности этих углей может явиться их испарительная способность, т. е. количество тонн пара, получаемого при современных условиях с тонны сжигаемого угля. Следовательно, показателем сравнительной экономической эффективности этих углей может быть народнохозяйственная себестоимость тонны пара, получаемого на этих углях.

Основное затруднение при решении поставленной проблемы — на основании какого материала практически осуществить соизмерение технической ценности этих углей? Мы располагаем достаточно обширным и проверенным материалом о теплотворной способности этих углей. Но этого еще недостаточно для определения их испарительной способности, ибо для этого еще необходимо знать степень их использования. Поскольку мы условились исходить из существующей техники, то для нашей цели не годятся данные о теоретическом возможном коэффициенте полезного действия при употреблении различных углей. Единственно пригодным в данном случае может явиться лишь только статистический материал, при том достаточно отражающий существующее положение вещей. Именно поэтому в основу определения показателей технической ценности углей нами был положен обширный материал, собранный эквивалентной комиссией Донугля о среднем коэффициенте полезного действия для определенных видов донецкого топлива, а для подмосковного угля — данные (также статистические, хотя и значительно менее обширные) Теплотехнического бюро Москвугля, которые приводятся ниже (см. табл. на стр. 131).

На основании данных об испарительной способности различных углей становится возможным определение себестоимости тонны пара на этих углях. Для этого прежде всего необходимы данные о себестоимости угля. Нужно отметить, что, к сожалению, совершенно невозможно сопоставление публикуемых данных о себестоимости подмосковного и донецких углей. С одной стороны, это объясняется отсутствием единообразия калькуляции по Москвуглю и Донуглю; с другой — различием производственно-технических условий. Так, например, формально и в Подмосковном бассейне и Донецком себестоимость исчисляется на тонну добычи. Но все дело в том, что в Подмо-

Таблица 1

Марки и сорта	Калорийность Q_p	Средний коэф. полезного действия $П_k$	Испарител. способность $\frac{П_k \cdot Q_p}{640}$
Донецк. угли			
Д	5.600 кал.	64,4	5,6
Г	6.470 "	66,9	6,8
ПКС	6.830 "	68,6	7,4
Ф	7.290 "	71,6	8,1
К	6.920 "	68,6	7,6
ПС	7.180 "	67,0	7,5
Т	7.370 "	66,8	7,6
АП	7.240 "	73,5	8,1
АМ	6.480 "	66,6	7,0
АБ	7.150 "	71,7	7,9
АС	6.360 "	66,6	6,5
АРШ	6.510 "	60,9	6,85
АН	6.690 "	52,7	4,4
Подмоск. угли			
К	3.380 "	63,8	3,37
О	2.965 "	64,3	2,98
МС	2.760 "	64,9	2,80

сковном бассейне, как это ни странно, в понятие добычи включается также и порода, извлекаемая на поверхность. К тому же положение весьма осложняется тем, что в Подмосковном бассейне, в результате совершенно единого по своему характеру производственного процесса, одновременно добывается не только уголь, но и огнеупорная глина и сернистый колчедан. Следовательно, фигурирующие повсюду данные о себестоимости по Москвуглю изображают себестоимость не тонны угля, а тонны добычи, являющейся, в сущности, конгломератом совершенно разнородных продуктов. Так что для сравнения себестоимости тонны пара на подмосковном и донецком углях, предвзительно необходимо было соответственным образом переработать, т. е. «очистить» отчетные данные о себестоимости подмосковного угля, дабы сделать их сопоставимыми с данными о себестоимости донецкого угля.

Ни донецкий уголь, ни подмосковный каждый в отдельности не представляют чего-то однородного. И тот и другой представляют собой целую гамму сортов, значительно отличающихся друг от друга. Если говорят о сравнительной конкурентоспособности или о сравнительной экономической эффективности подмосковного и донецкого углей, то под этим подразумевается сравнение какого-либо определенного сорта донецкого угля с каким-либо определенным сортом подмосковного угля. Можно, конечно, в результате сопоставления отдельных сортов сделать обобщение, вывести известные средние показатели для подмосковного и донецкого угля в целом, но лишь при условии предварительного сопоставления по каждому сорту в отдельности. Для осуществления же указанного условия необходимы данные по себестоимости добычи каждого сорта угля в отдельности. К сожалению, до настоящего времени ни Донуголь, ни Москвуголь не занимаются исследованием этого вопроса, ибо во всех их расчетах в качестве калькуляционной единицы является не тонна угля опреде-

ленного качества, а тонна добычи. Но последняя категория совершенно не презентативна, ибо в ней отсутствует представление о качестве добываемого угля. Переработав отчетные данные Донугля и Москвугля за 1927/28 г. путем применения методов калькуляции, о которых мы уже указывали в другом месте¹, нами были выведены приводимые в таблице 2 данные о себестоимости тонны угля каждого сорта в отдельности.

Для определения конкурентоспособности топлива еще недостаточно показателей его технической ценности и данных о себестоимости его добычи, ибо два вида топлива, обладающие одинаковой испарительной способностью и даже одинаковой себестоимостью, с экономической точки зрения не обязательно должны явиться равноценными, так как возможна неодинаковая стоимость их эксплуатации. Следовательно, для определения себестоимости тонны пара, получаемого на различных углях, требуются также данные о стоимости эксплуатации последних. Произведя специальную обработку статистических материалов, собранных Главгортормом, в результате обследования ряда промышленных предприятий, мы получили средние данные о сравнительной стоимости эксплуатации, или, иначе говоря, о сравнительной величине накладных и эксплуатационных расходов на тонну угля различных марок и сортов как Подмосковского, так и Донецкого бассейнов².

На основании вышеприведенных данных была определена (см. табл. 2) себестоимость тонны пара на различных углях на месте добычи.

Таблица 2

Марки и сорта	Себестоимость тонны в 1927/28 г.	Накладн. и эксплуат. расходы на тонну	Себестоимость тонны пара на месте добычи
Донецк. угли			
Д.	6.33 коп.	5.56 коп.	2.12 коп.
Г.	9.32 "	5.57 "	2.19 "
ПЖ.	10.95 "	5.60 "	2.24 "
Ф.	13.39,5 "	5.38 "	2.32 "
К.	11.62 "	5.61 "	2.27 "
ПС.	11.36 "	5.55 "	2.25 "
Т.	11.70 "	5.49 "	2.25 "
АП.	13.54 "	5.23 "	2.32 "
АМ.	9.79 "	5.63 "	2.20 "
АК.	12.81 "	5.31 "	2.29 "
АС.	8.44 "	5.68 "	2.17 "
АРШ.	9.44 "	5.60 "	2.20 "
АСШ.	5.40 "	5.72 "	2.14 "
АШ.	2.57 "	5.78 "	1.90 "
Подмоск. угли			
НК.	6.88 "	5.55 "	3.69 "
О.	5.95 "	5.74 "	3.92 "
МС.	3.86 "	5.91 "	3.49 "

¹ А. Пробст. "О калькуляции себестоимости донецких углей как о проблеме теоретической и прикладной экономики". "Хозяйство Украины", № 11, 1929 г.

² А. Пробст. "К вопросу о накладных и эксплуатационных расходах на минеральное топливо". "Уголь и Железо", № 48, за 1929 г.

Но для определения оптимальных географических границ потребления различных углей нужно исходить из себестоимости тонны пара на местах потребления угля, а для этого в свою очередь требуется определить народнохозяйственную себестоимость железнодорожных перевозок угля.

Еще совсем недавно определение издержек перевозок считалось вообще невозможным, ибо нельзя было определить издержки, зависящие от движения. Но в настоящее время, благодаря ряду работ и в особенности работам проф. Е. А. Михальцева, нужно считать эту проблему в основном разрешенной, так как применение разработанных им методов дает возможность отнести к издержкам, зависящим от движения, в среднем около 70 % всех эксплуатационных расходов. Применение этих методов дало возможность НКПСу, путем соответствующей обработки отчетных данных за 1926/27 г., исчислить среднюю себестоимость $m/км$ железнодорожных перевозок.

С помощью методов проф. Михальцева становится возможным определение не только средней себестоимости всех перевозок, но, основываясь на данных о величине последних, можно определить себестоимость перевозок индивидуального груза и угля в частности. Сущность примененного им метода заключается в том, что себестоимость перевозок исчисляется путем установления величины затрат по отдельным эксплуатационным измерителям. Сопоставляя данные об отклонении величины затрат по отдельным измерителям при перевозке данного груза с данными о затратах по тем же измерителям при средних условиях перевозки (например, учитывая иную, сравнительно со средними условиями, нагрузку на ось для данного груза и на процентное отношение пробега порожняка, свойственное данному грузу и т. п.), возможно установить действительную себестоимость перевозки данного груза. Произведя на основе вышесказанного соответствующие расчеты было определено, что средняя по сети себестоимость железнодорожных перевозок каменного угля при перевозке его на расстояние в 601 км (средняя дальность пробега груза), составляла в 1926/27 г. на тонну-километр:

Эксплуатационные расходы	1,02 коп.
Реновационные отчисления	0,11 "
Социалистич. накопления	0,05 "
Всего	1,18 коп.

Размер социалистического накопления был определен, исходя из 0,6 % — что соответствует фактическому размеру накопления транспорта в 1926/27 г.

Вышеприведенные данные представляют собой себестоимость железнодорожных перевозок каменного угля на $m/км$ при средней дальности пробега последнего (601 км). Для нас же важно определить величину себестоимости перевозки угля на любое расстояние. Воспользовавшись для этой цели специальными работами проф. Михальцева и С. А. Чудова по исследованию коэффициента изменчивости издержек перевозок в зависимости от дальности пробега груза, мы получили соответствующие данные о себестоимости перевозок угля на любое расстояние.

Наконец для получения окончательных данных о себестоимости перевозок угля к вышеприведенным данным было присоединено еще 61 коп. на тонну, — особые расходы — по взвешиванию, нагрузке и выгрузке, станционным расходам, обычно фигурирующих в виде так на-

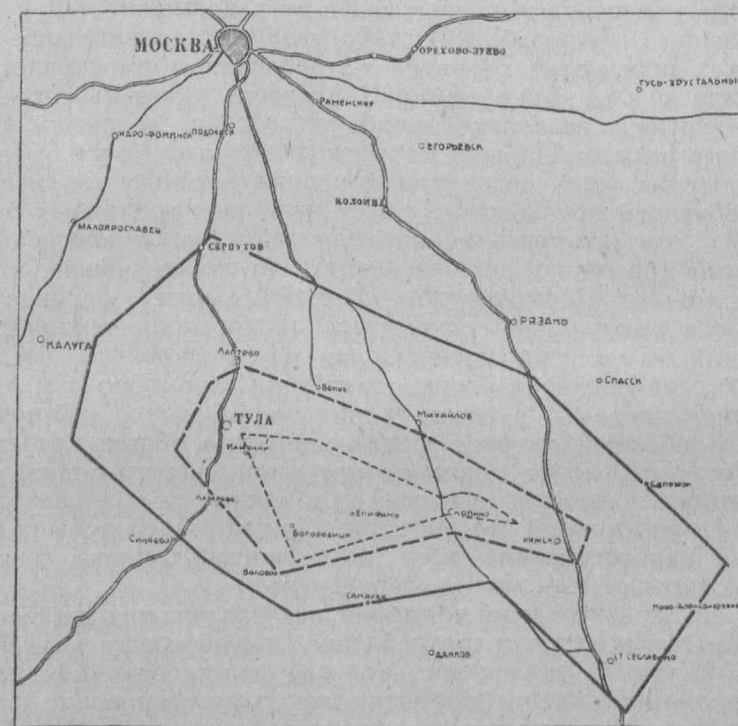
зываемых дополнительных сборов. Величина последних вообще сравнительно невелика и, по мнению специалистов, соответствует фактической величине этих расходов.

На основе всего вышеизложенного была определена себестоимость тонны пара на подмосковном и донецких углях в различных географических пунктах (исходя при этом из предпосылки, что уголь перевозится от места добычи к месту его потребления по кратчайшему из существующих железнодорожных направлений). По мере отдаления пунктов потребления от Донецкого бассейна в направлении к Подмосковному бассейну увеличивается себестоимость тонны пара на донецких углях и уменьшается себестоимость тонны пара на подмосковном угле. С другой стороны, по мере отдаления пунктов потребления на север от Подмосковного бассейна вообще, увеличивается себестоимость пара как на тех, так и на других углях; но возрастание себестоимости тонны пара на подмосковном угле происходит в большей степени, чем возрастание себестоимости тонны пара на донецком угле, так как последний является относительно более транспортабельным. Вместе с тем, имеется целый ряд географических пунктов, в которых себестоимость тонны пара на подмосковном и на донецком углях одинакова. Если соединить линией все такие пункты, в которых себестоимость тонны пара на подмосковном угле равна себестоимости тонны пара на донецком, то тем самым получим оптимальную географическую границу потребления подмосковного угля сравнительно с донецким. Действительно, за пределами очерченной таким образом границы с народнохозяйственной точки зрения потребление подмосковного угля является нерациональным, ибо за пределами этой границы для народного хозяйства более эффективным является потребление донецкого угля, поскольку он обходится там дешевле. Точно так же в пределах этой границы является более эффективным потребление подмосковного угля, так как последний обходится в этом районе дешевле донецкого угля.

Мы допускаем некоторую условность, говоря об одной только границе между подмосковным и донецким углем. Фактически же, как это мы уже указывали, нельзя сопоставлять подмосковный уголь с донецким углем, как с чем-то целым. Возможно сопоставление только известного сорта одного с известным сортом другого угля. Следовательно, получается не одна граница для подмосковного угля, а несколько границ; число последних равняется произведению количества сортов подмосковного угля на количество сортов донецкого угля. Да это и понятно, так как, если сопоставлять подмосковный уголь, например марки МС с донецким углем, например АШ, тогда оптимальный радиус (в направлении к Донбассу) распространения подмосковного угля составит 100 км; но если сопоставлять тот же подмосковный уголь с другим видом донецкого угля—с АРШ, то радиус составит только 18 км, и, наконец, 11 км, если сопоставлять опять таки тот же подмосковный уголь с донецким паровичным жирным или паровичным спекающимся углями. Изображенная на картограмме граница представляет собой среднюю из всех подобных границ, введенных на основании всех вышеприведенных данных. Причем в качестве веса при исчислении этой средней был принят удельный вес отдельных сортов угля в общем потреблении угля Центрально-промышленного района в 1927/28 г.

При рассмотрении указанной границы, изображенной на картограмме, нужно иметь в виду, что в данной связи нас интересовало не столько окончательное установление границ района потребле-

ния подмосковного угля, сколько выяснение влияния существующих железнодорожных тарифов на районирование топливопотребления. Мы считаем необходимым подчеркнуть это обстоятельство, ибо очерченная граница потребления подмосковного угля (на картограмме прерывистая жирная линия) фактически является весьма преуменьшенной и не дает еще представления о границах действительно оптимального района потребления подмосковного угля. Объясняется это принятием нами в качестве предпосылки, что использование подмосковного угля происходит с коэффициентом полезного действия, являющимся средним для существующих ныне условий. Но положенный в основу наших исчислений коэффициент полезного действия для подмосковного угля минимум на 25% меньше коэффициента полезного действия, возможного с точки зрения современной теплотех-

Картограмма 1

ники. Еще более важно то, что вследствие чрезвычайной нерациональности котельных установок, работающих на подмосковном угле, коэффициент полезного действия для последнего оказался процентов на 10—12 ниже, сравнительно с коэффициентом полезного действия для донецкого угля. Уже только это одно обстоятельство должно весьма значительно сузить очерченные границы потребления подмосковного угля.

На известной стадии анализа можно не учитывать, как это мы и условились, всех возможностей в области техники использования угля. Однако для того, чтобы не создавать повода к ошибочным выводам, необходимо рассмотреть конкурентноспособность подмосковного угля сравнительно с донецким, при условии одинаковой степени их использования. Действительно, современная теплотехника

допускает возможность получения равного коэффициента полезного действия при употреблении любого сорта угля, причем это подтверждает и практика: по ряду промышленных предприятий коэффициент полезного действия котельных, работающих на подмосковном угле, не ниже, чем для донецкого угля.

Поэтому, мы сочли необходимым нанести на картограмму еще вторую границу потребления подмосковного угля (обозначенную сплошной жирной линией). При установлении этой границы принимались уже ранее указанные методологические предпосылки, те же данные себестоимости угля, о стоимости его эксплуатации и перевозок; но при установлении данной границы принимался равный коэффициент полезного действия для подмосковного и для донецкого углей.

Но даже и эта вторая граница потребления подмосковного угля, в сущности, совершенно не учитывает всех возможностей в технике использования (и переработки) этого угля и, следовательно, не учитывает всех перспектив развития потребления подмосковного угля.

Вместе с тем, даже при рассмотрении указанных границ, не трудно убедиться насколько ошибочен взгляд, согласно которого современные размеры добычи подмосковного угля могут быть оправданы будто бы лишь современной напряженностью топливного баланса, требующей использования всех наличных топливных ресурсов, и вместе с тем напряженностью транспорта, не справляющегося с перевозками донецкого топлива. Ошибочно также мнение, что дальнейшее развитие Подмосковного бассейна может оправдать себя только лишь при условии осуществления коренной технической реконструкции, а именно: превращения Подмосковного бассейна в огромный химический комбинат, постройки газопровода и т. п. Это мнение ошибочно, ибо с точки зрения оптимального районирования топливопотребления, с точки зрения минимума общественных затрат на добычу и перевозку топлива, даже при существующей технике использования подмосковного угля необходимо дальнейшее развитие добычи в Подмосковном бассейне, так как настоящей добычи недостаточно для удовлетворения всей потребности топлива даже того района, который обозначен на картограмме.

Мы так сравнительно подробно останавливались на рассмотрении оптимальных границ потребления подмосковного угля, дабы выяснить, в каком направлении должны действовать как непосредственно экономические мероприятия, так и регулирование факторов, определяющих цену на топливо. Но нужно констатировать, что транспорт, являющийся основным ценообразующим фактором, в данном случае влияет как раз в противоположном народнохозяйственным интересам направлении.

На той же картограмме пунктирной линейкой обозначена граница конкурентноспособности подмосковного угля сравнительно с донецким, если исходить не из себестоимости ж.-д. перевозок, а из ныне существующих тарифов на перевозку угля. Все остальные показатели остались те же, какие были приняты при определении первой границы (обозначенной сплошной линией); стоимость же перевозки исчислялась для донецкого угля на основании общего тарифа № 100, а для подмосковного угля на основании исключительного тарифа № 1. Граница конкурентноспособности подмосковного угля, сравнительно с донецким, полученная на основании этих данных, оказывается значительно уже границы, полученной на основе данных о себестоимости ж.-д. перевозок угля.

Расхождение между указанными двумя границами объясняется существующим соотношением цен на подмосковный и донецкий уголь в пунктах его потребления, ибо это соотношение не в пользу подмосковного угля. Столь неблагоприятное для подмосковного угля соотношение цен является результатом соответствующего построения наших железнодорожных тарифов. Вопреки интересам народного хозяйства ж.-д. тарифы на уголь в данном случае способствуют расширению границ потребления донецкого угля за счет сокращения района потребления подмосковного угля. Этот вывод следует не только из сопоставления указанных границ на картограмме, но также из анализа данных о динамике средней дальности пробега по железным дорогам подмосковного и донецкого угля.

Средняя дальность пробега по железным дорогам (в километрах)

Г о д ы	Подмоск. уголь	Донецкий уголь
1896	157	414
1904	167	442
1912	229	547
1922	143	—
1923	164	—
1924	116	653
1925/26	176	691
1926/27	193	732

В довоенные годы увеличение дальности пробега донецкого угля протекало параллельно увеличению дальности пробега подмосковного угля. Совсем иная картина в настоящее время. Несмотря на весьма значительное увеличение средней дальности пробега донецкого угля в последние годы сравнительно с довоенными, средняя дальность пробега подмосковного угля значительно ниже, чем за довоенные годы. Вообще говоря, увеличение средней дальности пробега всех угольных грузов отрицательно отражается на народном хозяйстве. Напротив, увеличение дальности пробега так называемых местных углей (конечно, только до известных пределов), явилось бы фактом положительного порядка, ибо оно как раз способствовало бы сокращению всех угольных перевозок. Вместе с тем, несмотря на все разговоры о расширении потребления подмосковного угля, дальность пробега его ниже сравнительно с довоенным временем. Любопытно отметить, что сокращение средней пробега характерно и для многих других видов так называемого местного топлива; уральские угли сократили дальность пробега с 437 км в 1912 г. до 315 км в 1925—26 г., даже дальность пробега торфа сократилась с 80 км в 1912 г. до 63 км в 1926/27 г.

Столь неблагоприятное для подмосковного угля соотношение цен на топливо привело к чрезвычайно странному факту. Несмотря на растущую напряженность в удовлетворении потребности в угле, все же Москвуголь испытывает весьма серьезные затруднения в сбыте своего угля. При почти всеобщем сокращении запасов угля, как вследствие недостатка топлива, величина месячных запасов по Москвуглю возросла в 1929 г. (в среднем за 9 месяцев) в 2,6 раза сравнительно с предыдущим годом. Затруднения в сбыте подмосковного угля оказались столь значительны, что заставили ВСНХ распределить подмосковный уголь в принудительном порядке путем составления списка промышленных предприятий, обязанных потреблять исключительно подмосковный уголь.

Но указанного мероприятия ВСНХ, конечно, недостаточно. Несомненно, что мы сталкиваемся с косностью потребителей, не желающих потреблять подмосковный уголь; важнее еще, что котельное хозяйство многих промышленных предприятий не приспособлено к потреблению подмосковного угля. Но нельзя игнорировать того, что большинство предприятий просто не заинтересовано в потреблении данного топлива.

Существующее построение железнодорожных тарифов на перевозку угля приводит к такому соотношению цен на подмосковный уголь сравнительно с донецким, при котором интересы индивидуального предприятия, поскольку оно руководствуется принципом хозяйственного расчета, вступает в противоречие с интересами народного хозяйства. Ведь из рассмотрения картограммы ясно, что с точки зрения индивидуального, единичного предприятия невыгодно потребление подмосковного угля за пределами границы, обозначенной пунктиром, несмотря на то, что с точки зрения народного хозяйства выгодно потребление подмосковного угля еще далеко за пределами этой границы. И все это является результатом того, что существующие железнодорожные тарифы создают иллюзию выгоды потребления донецкого угля даже в районе Подмосковного бассейна¹.

Для расширения района потребления подмосковного угля до размеров, требуемых с точки зрения интересов народного хозяйства, также как и вообще для рационализации размещения всего топливопотребления, мы должны действовать не только мерами, аналогично предпринятым ВСНХ, но необходимо также воздействовать на ценообразующие факторы, на рыночный механизм, дабы с их помощью создать условия, стимулирующие отдельные предприятия к потреблению того, а не иного вида топлива.

Собственно говоря установлением исключительного тарифа № 1 на перевозку подмосковного угля и предполагалось создать особо благоприятные условия для расширения потребления последнего. Но несмотря на то, что провозная плата на подмосковный уголь по исключительному тарифу № 1 понижена в среднем более чем на 50%, сравнительно с общим тарифом, все же введение исключительного тарифа не достигает цели. Как мы уже указывали выше, даже при исключительном тарифе, границы конкурентноспособности подмосковного угля сравнительно с донецким уже, чем при себестоимости железнодорожных перевозок. Все дело в том, что, перевозя донецкий уголь даже по общему тарифу, мы, в сущности, перевозим его на весьма льготных условиях, значительно ниже себестоимости перевозок. Объясняется это тем, что тарифная ставка на т/км с увеличением расстояния падает с слишком большой прогрессией, причем падение дифференциальной ставки с увеличением расстояния, как это видно из прилагаемой диаграммы, происходит в значительно большей степени, чем уменьшение самих издержек перевозок. Столь значительное падение дифферен-

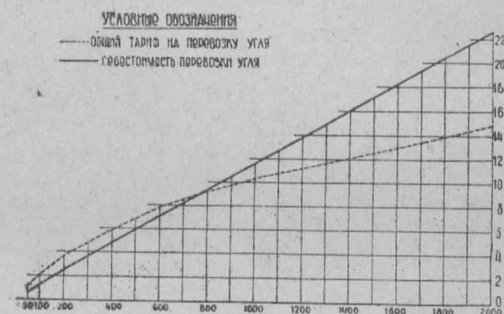
¹ Нельзя все же обойти факт ненормальности нашей политики цен на топливо. Очевидно, что необходимо привести в соответствие с задачами оптимального районирования топливопотребления не только железнодорожные тарифы, но также и отпускные цены. Вместе с тем, заслуживает внимания следующий факт. В то время, как отпускные цены (франко-вагон станция отправления) на донецкое топливо установлены в среднем значительно ниже себестоимости, отпускные цены на подмосковные угли (так же как и на многие другие виды местного топлива) установлены выше себестоимости.

Но такую политику цен и финансирования нельзя расценивать иначе, как политику представления особых льгот потребителям донецкого топлива сравнительно с другими видами топлива.

циальной ставки делает донецкий уголь вполне конкурентноспособным в Центральном районе и дает ему возможность вытеснить подмосковный уголь, да и не только подмосковный уголь. Анализ динамики дальности пробега так называемого местного топлива показывает, что вопреки народнохозяйственным интересам происходит вытеснение донецким углем в центральных и северных районах СССР местного топлива. Ибо современное построение железнодорожных тарифов на уголь создает весьма вредную иллюзию выгоды для народного хозяйства увеличения дальности пробега донецкого угля.

Современное построение железнодорожных тарифов не только не способствует осуществлению оптимального районирования топливопотребления, но весьма существенно противодействует ему. Указанное обстоятельство нельзя не учесть при предстоящем пересмотре ж.-д. тарифов. Вызывает недоумение, что в материалах, подготовленных НКПСом к пересмотру тарифов на уголь, этот вопрос совершенно обойден и в них ограничиваются только указанием необходимости повысить тарифную ставку в среднем на 14%¹. Стремление НКПС приблизить ж.-д. тарифы к себестоимости перевозок вообще является вполне правильным, ибо с нашей точки зрения тарифы должны устанавливаться не в зависимости от платежеспособности грузов, а исключительно в зависимости от себестоимости перевозок. Но именно исходя из этой точки зрения, мы считаем необходимым привести в соответствие с издержками перевозок не только среднюю провозную плату (или начальную тарифную ставку), но и само изменение дифференциальной ставки привести в соответствие с изменением издержек перевозок в зависимости от дальности пробега груза. В противном случае транспорт будет продолжать мешать оптимальному районированию хозяйства.

Мы все время говорили исключительно о подмосковном угле и о влиянии ж.-д. тарифов на районирование его потребления. Но, в сущности, речь идет не только об одном подмосковном угле. Последний имел для нас значение, главным образом, в качестве иллюстрации. Выводы же из предыдущих рассуждений, как нам представляется, должны касаться всей проблемы районирования топливопотребления в целом.

Картограмма 2

¹ См. „Материалы по генеральному пересмотру тарифной системы ж.-д. транспорта СССР в 1929 г.“, вып. III, Уголь. Москва, Транспечать, 1929 г.

Очередные задачи реконструкции сельского хозяйства Грузии

I

Сельское хозяйство Грузии нельзя рассматривать изолированно от сельского хозяйства ЗСФСР и всего СССР.

Развитие отдельных отраслей сельского хозяйства и всего народного хозяйства Грузии в целом тесно связано с развитием народного хозяйства Союза ССР и, в первую очередь, с республиками Закавказской федерации, в силу того, что последняя является единым хозяйственным целым (наличие однотипных отраслей сельского хозяйства, вызывающих необходимость увязки работы в вопросах промышленной переработки с.-х. сырья и сбыта с.-х. продуктов, единая водная и пастбищная система, железнодорожная магистраль и транзит в страны Востока, наличие гидроэлектрической энергии в связи с наличием разнообразных, допускающих производственную комбинацию, естественных богатств, как, например, медь, железо, уголь, нефть и т. д.).

Сельское хозяйство Грузии является в основном сырьевой базой промышленности. В общей системе народного хозяйства Союза ССР, роль сельского хозяйства Грузии определяется тем, что оно является районом технических и специальных культур, а также продуктивного животноводства. Отсюда становится понятным то особое внимание, которое уделяется развитию именно технических культур, тем более, что на этом участке сельского хозяйства республики пока что дело обстоит неудовлетворительно. (По удельному весу технические культуры занимают в сельском хозяйстве Грузии всего только 9 проц., причем даже по пятилетнему плану мы не имеем того роста технических культур, который должны были бы иметь.)

Однако, выдвигая как генеральную задачу развитие технических культур, не следует забывать о роли и значении для Грузии зерновых культур. Последние определенно являются базой для развития технических культур, и если грузинский крестьянин не будет иметь уверенности в том, что он обеспечен своим собственным хлебом и не зависит от привозного хлеба, он не пойдет на коренное переустройство своего хозяйства, на развитие технических культур. Поэтому для того, чтобы добиться развития технических и ценных культур и продуктивного животноводства в той мере, в какой это нужно и для союзной и нашей промышленности, необходимо поставить проблему интенсификации и в области зерновых культур, и вести работу в этом направлении таким образом, чтобы к концу пятилетия мы бы могли обеспечить полностью собственным хлебом всю потребность деревни, в том числе

и потребность районов технических культур и группы городов Грузии, не имеющих крупного промышленного значения¹.

По проектировке пятилетнего плана мы должны будем завозить в Грузию в конце пятилетия 120.000 т хлеба в год. Из них около 100 тыс. т — на потребление городского населения и остальное — на потребление деревни. Если, однако, учесть открывающиеся возможности в области повышения урожайности (правда, среди работников Госплана Грузии существует мнение, что такое поднятие урожайности, которое привело бы наше сельское хозяйство и наши зерновые культуры до уровня урожайности, проектируемого союзным правительством, невозможно), позволяющие, несмотря на примитивную культуру сельского хозяйства, целым рядом простейших мероприятий поднять урожайность наших зерновых культур до 30%, то по подсчетам к концу пятилетия хлебный дефицит Грузии может быть снижен до 44,2 тыс. т. Иначе говоря, повышение урожайности позволяет полностью покрыть местным хлебом потребности деревни и мелких городов. Вместе с тем такое развитие зерновых культур ни в какой степени не отражается на развитии технических культур и продуктивного животноводства.

Основными мероприятиями по поднятию урожайности зерновых культур является улучшение способов обработки почвы и борьбы с вредителями. Применение различных способов улучшения обработки почвы дают увеличение урожайности в следующих размерах (по данным Госплана и НКЗ):

Восточная Грузия		Западная Грузия	
1. Глубокопахотные плуги	2%	1. Мелкопахотные плуги	2%
2. Дисковые бороны и рядовые сеялки	20%	2. Зубцовые бороны	2%
3. Кукурузные сеялки 2-рядки	5%	3. Кукурузные сеялки	5%
4. Триеры	10%	4. Триеры	10%
5. Зяблевые вспашки	20%	5. Сортовые семена	20%
6. Сортовые семена	20%	6. Мергелевание	40%
7. Протравление семян	10%	7. Сидерация	25%
8. Навозные удобрения	20%	8. Севооборот	20%
9. Севооборот	20%		

Помимо того, весьма серьезное значение имеет хорошо налаженная борьба с вредителями, ибо эта борьба, по данным бюро борьбы с вредителями НКЗ Грузии, дала следующий эффект:

		Причинила убыток	Спасено
Саранча	1925 г.	1.500 р.	1.500.000 р.
	1926 г.	1.000 р.	1.700.000 р.
	1927 г.	15.822 р.	5.000.000 р.
	1928 г.	20.000 р.	11.000.000 р.
За последние 3 года		Причинила убыток	Спасено
1. Медведка и озимая совка		4.500.000 р.	8.500.000 р.
2. Головка		3.000.000 р.	3.500.000 р.
3. Вредители хлопка		500.000 р.	2.000.000 р.
4. Вредители табака		3.600.000 р.	12.000.000 р.
5. Вредители садов		3.900.000 р.	40.000.000 р.
Итого		30.000.000 р.	75.000.000 р.

¹ Неправильно было бы ставить перед собой задачу обеспечить потребность городского населения продукцией внутреннего зернового хозяйства полностью. Это предопределило бы необходимость развития зерновых культур за счет технических, т. е. предопределило бы движение сельского хозяйства Грузии назад, на рельсы исключительно зернового хозяйства. Мы можем и должны обеспечить местным хлебом население деревни и только части городов.

Решительное проведение в жизнь улучшенных способов обработки почвы и хорошо организованная борьба с вредителями может обеспечить поднятие урожайности больше, чем на 18%, предусмотренных в пятилетке, опубликованной Госпланом Грузии.

Здесь уместно остановиться на следующем моменте: Закгосплан запроектировал поднятие урожайности в ЗСФСР на 40%, причем в этой цифре не учтена эффективность таких мероприятий, как улучшение системы водопользования, введение севооборота и борьба с вредителями. С учетом этих мероприятий, согласно предположений работников Закгосплана, урожайность в Грузии можно поднять до 28—29%.

В расчетах же Грузгосплана (18%) эффективность этих мероприятий учтена, так что в этой проектировке мы имеем поднятие урожайности значительно меньшее, чем 18%, если исходить из единого метода подсчета для Зак.- и Грузгоспланов. Помимо этого, в проектировке Грузгосплана эффективность вышеприведенных мероприятий по поднятию урожайности учтена не в комплексном сочетании, а по отдельным мероприятиям в отношении каждой отдельной культуры, с последующим выведением из суммы простого среднеарифметического показателя. Этим самым допущена грубая агрономическая ошибка, ибо комплекс мероприятий дает не среднюю из суммы эффективности отдельных мероприятий, а гораздо меньше. С этой средней обыкновенно делают скидку (в РСФСР — на 20%). Госплан Грузии этого момента не учел, вследствие чего даже его 18% проектировка не является реальной.

В работе по поднятию урожайности Грузия отстает от республик Союза. В Грузии еще не проведен агроминимум и ничего в этом направлении не сделано, между тем как он уже проводится в жизнь применительно к местным условиям на Украине, в РСФСР и других республиках Союза.

Совершенно бесспорно, что агроминимум для Грузии имеет колоссальное значение. В то же время в Грузии его легче провести, чем в РСФСР и УССР, ибо крестьянство, будучи относительно более культурным, легко осознает выгоду проведения агроминимума. Отсюда вытекает необходимость в срочном порядке выработать агроминимум применительно к особенностям каждого сел.-хоз. района и принять все меры к его проведению, где агитацией и пропагандой, а где (в районах кулацкого влияния) путем законодательной регламентации.

Возьмем для примера хотя бы шелководство. Известно, что средний урожай коконов за последние два года увеличился в Грузии на 100% и что коробка грены дает сейчас свыше 32 кг урожая. Одновременно в Италии каждая коробка дает от 64 до 80 кг коконов.

Чем обусловливается такая разница? Итальянское крестьянство в общей массе немногим культурнее нашего, но там лучше поставлено дело ухода за шелковичными червями и тузовыми деревьями, чем у нас. И можно утверждать, что путем проведения самых простейших мероприятий нам удастся значительно поднять урожайность коконов.

Как известно, в наших деревнях шелковичные черви сидят на так называемых «челты». Кормление червей происходит на той же «челты», на которой они сидят, причем, в виду того, что «челты» от больных червей почти никогда не очищаются, последние заражают здоровых, что, конечно, отражается на качестве урожая.

Как же обстоит дело с кормлением в Италии? Над первым рядом «челты» устраивается второй ряд специально для кормления шелковичных червей. Туловые листья насыпаются на верхний ряд. Здоровый червь поднимается наверх и там питается. Больной червь остается на

нижнем «челты», который выносятся из помещения и очищаются от зараженных червей. Эта процедура почти полностью гарантирует червей от заболевания, в результате чего значительно поднимается и качество, и количество урожая. Существует еще одно чрезвычайно простое средство для поднятия урожайности. Известно, что в периоде питания шелковичного червя бывают жаркие дни, причем жара вредит червям. Какие меры принимаются против этого в Италии? С той стороны, откуда подступает солнце, стены и крыша обкладываются сеном или чалой и затем поливаются водой. Таким образом, итальянскому крестьянину легко удастся сохранить нормальную для червя температуру.

Разумеется, грузинскому крестьянству не трудно будет усвоить полезность такого рода мероприятий. В случае же сопротивления, вследствие косности или под враждебным влиянием, такого рода культурные меры могут проводиться путем издания обязательных постановлений.

Поднятие урожайности является для народного хозяйства Грузии очередной боевой задачей, разрешения которой необходимо добиться во что бы то ни стало. Необходимо мобилизовать все силы республики для осуществления мероприятий по поднятию урожайности, предусмотренных декретом ЦИК СССР (замена непородных семян сортовыми, борьба с вредителями, рациональный севооборот, применение минеральных и зеленых удобрений в широком размере, массовое распространение простейших агрикультурных мероприятий, развитие сети прокатных пунктов и ремонтных мастерских и т. д.).

В полной связи с вопросами повышения урожайности находится и проблема кукурузного хозяйства. Существует мнение у населения многих районов Грузии (его разделяют даже весьма ответственные коммунисты), что, вообще говоря, кукуруза — это даже не культура. Такая точка зрения в корне неправильна. Кукурузное хозяйство является культурным хозяйством. Достаточно указать на то, что сейчас Америка, в целях развития промышленности и продуктивности животноводства, делает ставку, главным образом, на кукурузу. Несомненно, пшеничный хлеб лучше кукурузного, но кукурузное хозяйство имеет большое значение в деле развития промышленности. Америка сейчас практически ставит проблему развития бумажной промышленности на кукурузных стеблях. Она уже имеет определенный опыт в этой области, опыт, который доказывает, что бумага из кукурузных стеблей по качеству выше бумаги, получаемой из древесины.

Несмотря на все это, в Грузии проблема кукурузного хозяйства абсолютно нигде не ставится. В частности, в пятилетнем плане кукурузное хозяйство вовсе не нашло своего отражения. Там просто написано — зерно, под которым обычно понимается пшеница, ячмень и т. д.

О роли кукурузного хозяйства в сельском хозяйстве Зап. Грузии говорят следующие данные:

Из этих данных видно, что в Западной Грузии в 1927/28 г. кукурузные посевы занимали 94,6% всей посевной площади, а в 1928/29 г. — 94,4%, продукция же кукурузы занимала в 1927/28 г. 96,6%, а в 1928/29 г. — 96,3%.

Отмечая большое значение для нашего сельского хозяйства кукурузной проблемы, необходимо поставить вопрос об изучении ее в смысле расширения кукурузной зоны и применения этой культуры и в других районах Грузии. Это необходимо еще потому, что задача повышения урожайности кукурузы уже выдвигает в числе других мероприятий на первое место вопрос об искусственном удобрении (зеле-

Продукция кукурузы и ее роль в сельском хозяйстве Западной Грузии

Годы	Площадь (в тыс. га)					Продукция (в тыс. цент.)				
	Кукур.	Ячмень	Пшен.	Остальн.	Всего	Кукур.	Ячмень	Пшен.	Остальн.	Итого
1927/28	314,2	2,4	13,1	2,6	332,3	3.643,3	20,3	91,5	17,5	3.772,6
%%	94,6	0,7	3,9	0,8	100,0	96,6	0,5	2,4	0,5	100,0
1928/29	332,7	2,3	15,6	1,9	352,5	3.123,8	17,2	90,2	13,6	3.244,8
%%	94,4	0,7	4,4	0,5	100,0	96,3	0,5	2,8	0,4	100,0

ное удобрение, мергелевание, известкование почвы и т. д.) и, помимо этого, задача реконструкции кукурузного хозяйства упирается в проблему переработки, силосования кукурузных стеблей для развития продуктивного животноводства и т. д.

II

Переходя к вопросу о животноводстве, нужно отметить прежде всего, что наряду с несомненным количественным ростом наблюдается сравнительно медленный темп развития продуктивного животноводства, имеющего для Грузии очень важное значение. Точно также наблюдается снижение возрастного состава. Узкое место в области животноводства в условиях Грузии заключается, главным образом, в недостатке кормовой базы. Поэтому мы должны остановить наше внимание на пастбищной проблеме.

Существенной кормовой базой для животноводства являются зимние и летние пастбища, а также продукты полеводства. Пастбища Грузии составляют 17,1% всей удобной земли или 741 тыс. га. Весьма важным является наличие в Грузии как зимних, так и летних пастбищ. Летние пастбища расположены настолько высоко (1.800—3.600 м), что сумма летней теплоты на них недостаточна для созревания хлебных растений и развития древесной растительности. В силу этого обстоятельства, хозяйственное использование этих площадей возможно лишь в виде пастбищ.

Общая площадь летних пастбищ равна 492 тыс. га, из коих 308,0 тыс. га находится в Восточной Грузии и 184,3 т. га — в Западной Грузии.

Зимние пастбища расположены в низменных местах Восточной Грузии в долинах рек Куры, Алазани и Иоры. Общая их площадь равна 249,0 тыс. га. Недостаток влаги не дает возможности использовать эту площадь в виде пашни, и эти земли в данное время идут исключительно для выпаса скота в зимнее время.

Некоторая часть пастбищ, при условии их орошения, может быть использована под зерновые, технические, ценные культуры, однако часть территории зимних пастбищ, по условиям рельефа и почвы (обрывы, солончаки), а равно из-за отсутствия водных ресурсов, не может быть мелиорирована.

Таким образом Грузия не только в настоящем, но и в будущем будет обладать абсолютными летними и зимними пастбищами. Наличие же зимних и летних пастбищ предопределяется создание и сохранение в Грузии комбинированного использования пастбищ скотом. В силу этого пастбищное дело приобретает в Грузии особенно важное

значение в проблеме улучшения, и рационализации пастбищного хозяйства должно быть уделено серьезное внимание.

Все летние пастбища Грузии, за исключением лишь некоторых трудно доступных мест, крайне перегружены и находятся под угрозой полного истощения кормовых качеств. Нагрузка пастбищ государственного значения в некоторых местах доходит до 20 голов и более на 1 га, тогда как при нынешнем состоянии наших пастбищ нагрузка 1 га местных пастбищ не должна превышать 8 голов скота. Зимние пастбища гораздо менее производительны, чем летние, и требуют значительно меньшей нагрузки вследствие меньшего запаса трав, а также вследствие того, что в пастбищный период на зимних пастбищах, в противоположность летним, не происходит возобновление растительности. Предельная нагрузка на 1 га не должна превышать 3 голов; фактическая же нагрузка значительно превосходит эту цифру.

По приблизительному подсчету, при условии нормальной нагрузки пастбищ, не могут прокормиться в пределах республики 500 тыс. голов овец.

Для прокорма этого количества скота необходимо не менее 150.000 га пастбищ средней категории за пределами республики. Что же касается зимних пастбищ, то таковые должны быть предоставлены вне республики для 700.000 овец, причем общая площадь этих пастбищ должна составить примерно 240.000 га.

При учете кормовых ресурсов страны, почти не приходится принимать во внимание клубне-корнеплоды и сильные корма, при современном состоянии хозяйства, ограничивающиеся пригородными районами г. Тифлиса. Таким образом в питании животных, и то исключительно крупного рогатого скота, свиней, лошадей и птицы, преобладающую роль играют грубые корма (сено и др. виды объемистых кормов) и в незначительном количестве зерно и отходы мукомольного и маслобойного производства. Общее представление о количестве всех видов кормовых средств, включая и сено с $\frac{2}{5}$ летних и $\frac{1}{5}$ части зимних пастбищ, по примерному подсчету НКЗ Грузии за 1927 г., выраженному в кормовых единицах, может дать следующая таблица:

Кормовое средство	Количество их в тоннах	Количество кормов. единиц
Сено с сенокосных участков	133.000	106.666.000
Солома и чала	716.000	433.286.000
Семена	512.000	307.344.000
Сено с пастбищных угодий	273.000	218.660.000
Выгоны	119.000	94.866.000
Зерно (дробленое, кукуруза, ячмень, соя и т. д.)	63.000	140.000.000
Отруби, жмыхи, бракованная мука и т. п.	42.000	100.000.000
Всего	—	1.400.822.000

Эти $1\frac{1}{2}$ млрд. кормовых единиц при распределении между всеми домашними животными страны не обеспечивают, строго говоря, даже части корма, требующегося для поддержания жизни животного, вследствие чего мы имеем худой и малопродуктивный скот. Вывести скот из этого полуголодного состояния возможно только путем коренной реконструкции существующих систем полеводства, с введением в их севообороты значительного клина под корнеплоды и кормовые травы.

Так обстоит в Грузии дело с пастбищным вопросом и с кормовой проблемой вообще. По данным Наркомзема, наши пастбища идут, главным образом, на выпас овец. Как известно, овцеводство носит в Грузии характер хозяйства полукочевого типа. Совершенно очевидно, что оставлять такой тип хозяйства на длительный период — не в наших интересах, ибо кочевое хозяйство по существу является тормозом интенсификации и реконструкции сельского хозяйства. При таком типе хозяйства овца все время находится в бесконечном движении с летних пастбищ на зимние, что лишает возможности реконструировать овцеводство на коллективных началах.

Однако ликвидировать сразу кочевое хозяйство не удастся, так как такого рода мероприятие сильно ударило бы по середнякам и беднякам хозяйствам. Отсюда понятно, что придется принять ряд мер, обеспечивающих постепенный переход кочевого и полукочевого хозяйства на более оседлый тип, на более рациональную базу, подготавливающую реконструкции и коллективизации.

За отсутствием в Грузии достаточной площади пастбищ, необходимо поставить задачу не количественного, а качественного роста овцеводства. Площадь местных пастбищ сократилась в значительной степени из-за отхода части ее к Турции, а рассчитывать на турецкие пастбища не приходится в виду того, что такого рода расчет, во-первых, связан с валютным вопросом, и, во-вторых — с целым рядом затруднений, которые не дадут нам возможности интенсифицировать скотоводческое хозяйство. Вот почему совершенно правильно будет поставить вопрос о стабилизации количества скота в Грузии и увеличении валовой продукции и товарности нашей овцы за счет улучшения ее качества.

В условиях малоземелья и аграрного перенаселения Грузии, колоссальное значение приобретает развитие и улучшение продуктивного животноводства. Мы уже отмечали, что эта проблема сейчас полностью упирается в кормовую проблему. По данным проф. Джандиери, наша обычная крестьянская корова поедает, примерно, половину того, что необходимо было бы дать ей для нормального питания, т. е. у нас корова ест ниже нормального на 50% и поэтому дает удой в 6 центнеров молока в год. Между тем, если довести корм нашей коровы до нормы, то ее удойность сразу повысится на 100%, т. е. до 10—12 центнеров. Если прибавить к этим нормам так называемые сильные корма, каким являются жмыхи и др., тогда удой коровы достигнет 18—19 центнеров в год. На зоотехнической станции средняя корова дает около 20 центнеров молока, причем эта норма установлена для всех коров. Это указывает на то, что в Грузии имеется полная возможность улучшения, интенсификации нашего продуктивного животноводства, для чего необходимо, в первую голову, разрешить кормовую проблему. Попутно с этим большим вопросом следует также признать свиноводство, распространенное в Западной Грузии и Абхазии, и имеющее большое значение не только с точки зрения укрупнения и улучшения сельского хозяйства, но и с точки зрения создания новой отрасли промышленности. Совершенно очевидно, что необходимо поставить вопрос о постройке баконого завода, тем более, что потребной для этого загрузкой он вполне обеспечен.

Птицеводное хозяйство также должно стать в центре внимания наших хозяйственных органов, тем более, что крестьянство Западной Грузии издавна занимается птицеводством, и в условиях Грузии у него большие возможности развития.

Последний вопрос из области животноводства—пушное звероводство. Не приходится говорить о том, какие блестящие перспективы имеются в Грузии, в области звероводства, в особенности, в ее нагорных районах, где крестьянство буквально нищенствует. Этот вопрос надо поставить как проблему, требующую большого внимания. Если бы нам удалось поставить это дело рационально, мы могли бы, затратив сравнительно небольшие средства, вывозить за границу всякого рода мехов на миллионы.

III

Перейдем теперь к лесному хозяйству. Чтобы полнее осветить перспективные возможности лесного хозяйства, необходимо подробнее остановиться на его состоянии в данный момент.

Общая площадь лесов ССРГ равна 1.709.708 га, из них удобной—1.501.459, неудобной—208.248. Из удобной лесной площади покрыты лесом—1.432.868 га, непокрыты лесом 68.591 га.

Вся площадь лесов (1.709.708 га) составляет единый государственный лесной фонд и подразделяется по своему значению на леса: 1) государственного значения—1.369.290 га (в ведении НКЗема); 2) местного значения—208.373 га (в ведении у юридических пользователей под контролем НКЗ); 3) Треста совхозов—11.387 га; 4) курортного значения—120.973 га (в ведении Курупра НКЗдрава); 5) находящиеся в ведении горисполкомов—437 га, и 6) учебно-показательные—219 га (в ведении Госуниверситета).

Для правильного и планового ведения лесного хозяйства необходимо устройство его, на что в дореволюционное время в Грузии не обращалось должного внимания. До революции было устроено всего 5,58% общей площади лесов государственного значения; после революции до советизации Грузии—10,25%, при советской власти уже устроено 20% и обследовано 14%. Таким образом, всего имеется приведенных в известность—49,83% общей площади лесов и остальные 50,17%—должны быть приведены в известность в ближайшее пятилетие.

Эксплоатация лесов, при неустроенности и необследованности их, отсутствии транспорта, пересеченности рельефа, носила явно хищнический характер. Лес рубился и рубится исключительно в доступных местах: около дорог, сплавных рек, на равнинах и пр., благодаря чему все эти удобные и доступные для эксплуатации лесные массивы уничтожены. Более или менее сохранившиеся насаждения уцелели лишь в труднодоступных местах.

Размер отпуска леса из государственных лесов как в довоенное время, так и до советизации, хотя и не превышал с гектара 0,5 куб. м, тем не менее рубки эти, в виду их бессистемности, носили опустошительный характер. После советизации из лесов ССР Грузии отпускаются лесоматериалы также из ближайших лесных дач, которые настолько истощены, что с трудом покрывают потребности населения. Поэтому, в дальнейшем лесные заготовки должны быть перенесены на более отдаленные из сохранившихся дач.

Но эксплуатация этих дач является делом нелегким. Слабое развитие путей товарности, горный рельеф местности, сравнительно малая населенность создают серьезные затруднения для организации в Грузии лесопромышленного дела, которое невозможно без рационализации и механизации всех работ. Ежегодно испрашиваемые по сметам необходимые суммы по организации в Грузии лесозаготовительных

работ в бюджетном порядке ассигновывались в столь мизерных размерах, что устранение катастрофичности создавшегося положения являлось проблематичным. Единственным выходом из положения явилось положение о создании специальных процентных отчислений при отпуске леса. Мера эта была признана необходимой и целесообразной высшими органами. С этого момента лесовозобновительные работы получили планомерное развитие, чем и обеспечено было дальнейшее сравнительно нормальное лесное хозяйство. Момент этот имеет громадное значение для наших горных лесов, так как каждая вырубка должна обеспечиваться возможностью своевременного выполнения лесовозобновительных работ.

Лесоопытное дело, столь важное в каждой стране для ведения правильного лесного хозяйства, приобретает в Грузии характер необходимости, так как разнообразие климата, гористость, многочисленность и неизученность лесных пород и почв, и водоохранное значение лесов создают в республике своеобразные условия для ведения лесного хозяйства. Настойчивая необходимость создания лесного опытного дела привела в этом году к организации Центральной лесной опытной станции.

Искусственное лесовозобновление должно вестись в районах с засушливым климатом и незначительными годовыми осадками. Эти работы должны быть намечены не только в лесничествах Восточной Грузии, как это главным образом предполагается НКЗемом, но и в лесничествах Западной Грузии, где сообразно почвенно-климатическим и метеорологическим условиям должны производиться работы, поддерживающие природные лесовозобновительные процессы.

Вместе с тем, одновременно с работами по борьбе с вредителями леса, лесохозяйственными мероприятиями, должны быть начаты работы лесомелиоративного характера.

На лесоопытное дело контрольные цифры на 1929/30 г. намечают рост ассигнований в размере 22.996 руб., что крайне недостаточно для выполнения намеченных мероприятий.

Для правильного ведения лесокультурных работ в лесничествах и усиления темпа их, необходимо лесничества обеспечить специалистами по лесокультуре.

Мы считаем, что наша задача в области лесного хозяйства заключается не в сокращении эксплуатации наших лесов, что отразилось бы отрицательно прежде всего на их сохранности, а в усиленной рациональной их эксплуатации. Эта задача станет понятной, если принять во внимание перестойность наших лесов (из-за отсутствия эксплуатации), губельно отражающейся на здоровом лесу.

В целях рационализации эксплуатации лесов необходимо провести ряд серьезнейших работ по устройству дорог, подъездных путей, чтобы проникнуть туда, куда нога наша еще не вступала.

Развитие лесного, а также всего сельского хозяйства вплотную упирается в проблему дорожного строительства, в проблему транспорта.

К концу пятилетия существующая сеть шоссейных дорог окажется абсолютно недостаточной, она будет задерживать дальнейшее развитие сельского хозяйства Грузии, ибо крестьяне не смогут вывозить на рынок продукцию своего хозяйства. Поэтому необходимо пересмотреть пятилетний план дорожного строительства, который с задачами реконструкции сельского хозяйства за пять лет никак не связан.

IV

Переходя к вопросу механизации сельского хозяйства, нужно отметить, что обеспеченность крестьянских хозяйств рабочим скотом и сельскохозяйственными орудиями и машинами в Грузии вообще крайне низка. Мы до сих пор имеем по Восточной Грузии 37,3% хозяйств без рабочего скота, по Западной Грузии—33%, а по всей Грузии—34%. С 1926 г. по 1927 г. мы имели снижение процента хозяйств без рабочего скота.

О чем говорит такое обилие хозяйств без рабочего скота? Прежде всего о том, что обработка почвы не может идти тем темпом, который необходим в целях интенсификации сельского хозяйства. Встает вопрос—почему, несмотря на колоссальную помощь, которую государство оказывает крестьянам в деле приобретения рабочего скота, мы все же имеем снижение хозяйств без рабочего скота? Можно ли это обстоятельство объяснить только тем, что крестьянам не хватает средств на приобретение рабочего скота? Такое объяснение кажется недостаточным и неправильным. Нам думается, что одна из важнейших причин этого явления кроется в раздробленности сельского хозяйства Грузии.

Грузинские крестьянские хозяйства настолько карликовые, что крестьянину невыгодно, не рентабельно содержать рабочий скот. Бедняк не в состоянии прокормить рабочий скот и должным образом его использовать. В каждой деревне имеется несколько десятков хозяйств, которые не могут прокормить даже одного быка. Условия некоторых с.-х. районов таковы, что крестьяне не имеют возможности использовать свой рабочий скот в качестве транспортной силы и поэтому он делается для него нерентабельным. Грузинский крестьянин предпочитает корову, так как продукция коровы (сыр, молоко) дает ему возможность иметь в результате рыночного отчуждения некоторые доходы.

Таким образом, наряду с недостатками корма для скота, одной из главных причин того, что в Грузии количество хозяйств, не имеющих рабочего скота уменьшается медленным темпом, является раздробленность индивидуального крестьянского хозяйства. Такого рода положение обязывает к некоторой переоценке проблемы снабжения крестьянских хозяйств рабочим скотом.

Насыщенность глубокопахотными плугами крестьянских хозяйств составляет 25%, причем, если принять во внимание, что эти плуги имеются, главным образом, в Восточной Грузии, то по существу мы имеем не 25, а 50% обеспеченности; мелкопахотными плугами—2,5%, боронами—около 1%. При такой насыщенности крестьянских хозяйств орудиями производства и рабочим скотом ставить перед собой задачу реконструкции сельского хозяйства конечно не приходится. Мы должны наперек все силы к тому, чтобы снабдить наше крестьянство необходимыми сельскохозяйственными орудиями.

Необходимо добиться того, чтобы культурный плуг и другие усовершенствованные орудия обработки почвы в ближайшие два года целиком вытеснили бы допотопную соху и первобытные с.-х. орудия.

Всемерно поддерживая техническое перевооружение деревни, мы должны принять во внимание, что в силу рельефа Грузии, механическая тяговая сила не во всех сельскохозяйственных районах сможет полностью вытеснить живую тяговую силу. Поэтому, нам необходимо принять все меры к увеличению рабочего скота и при том обратить особое внимание на производство дешевой рабочей лошади.

Среди специалистов-агрономов Грузии в свое время было не мало противников механизации деревни. Однако, после пробной организации машинотракторной станции и выхода общеизвестной книги Маркевича, отношение некоторых из них к вопросу о применении тракторной тяги в Грузии в корне изменилось.

Аргументация противников механизации сводится к указанию на специфические природные условия Грузии, при наличии которых по представлению специалистов, воловья и буйволиная тяга рентабельнее тракторной.

С такого рода точкой зрения агрономов, разумеется, нужно решительно бороться. Все нашим специалистам необходимо раз навсегда и твердо усвоить генеральную линию партии, направленную на индустриализацию страны. Не отрицая значения живой тяговой силы еще на довольно длительный период, без механизации деревни реконструкции сельского хозяйства Грузии мы не мыслим.

В своей работе над индустриализацией страны партия, как известно, исходит из того, что промышленность в стране пролетарской диктатуры в своем развитии должна создать «материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному коллективному, машинному земледелию» (Ленин, рез. II конгресса Коминтерна по аграрному вопросу. Стенограф. отчет, стр. 616).

В целях механизации и обобществления с.-х. производства и рациональной нагрузки сплошных с.-х. машин и орудий, необходимы снабжать исключительно государственные и кооперативные организации (совхозы, колхозы, сельхозкооперацию и т. д.).

Как во всем Закавказьи, так и в Грузии, в частности, вопросам массовой переработки с.-х. сырья должно быть уделено исключительное внимание, как мероприятию, имеющему значение не только для развития производительных сил сельского хозяйства и более быстрого накопления в нем, но и с точки зрения общей реконструкции и развития сельского хозяйства на социалистических основаниях.

Значительное расширение строительства по индустриализации и электрификации сельского хозяйства, вместе с широко осуществляемой механизацией, путем подведения под сельское хозяйство высшей технической базы,—явится фактором преобразования мелкого, раздробленного, плохо организованного и малопродуктивного крестьянского хозяйства—в сторону его укрупнения, производственного кооперирования и обобществления, в сторону увеличения его доходности.

Здесь уместно вкратце остановиться на состоянии кооперативного (в области сельского хозяйства) и колхозного движения в Грузии.

Два года тому назад говорить сколько-нибудь серьезно о колхозном движении в Грузии не приходилось, а теперь мы наблюдаем усиленный рост его. Сельскохозяйственных коммун на 1 мая 1928 г. было 13, на 15 апреля 1929 г.—19. Сельскохозяйственных артелей на 1 января 1928 г. было 31, на 1 мая 1928 г.—168, а на 15 апреля 1929 г.—513. Из них вновь организовалось 351, в том числе 283 с.-х. артели организовались с 1 октября 1928 г. Из 168 с.-х. артелей, состоящих на 1 мая 1928 г. без органических изменений, сохранилось на 15 апреля 1929 г. 158. За это время ликвидировалось таким образом лишь 14 с.-х. артелей.

Бурный рост с.-х. артелей говорит о том, что середняк больше идет именно в последние, но не в коммуны. Это вполне понятно, если

учесть, что крестьяне, особенно середняки—народ осторожный и они боятся сразу вступить в такое коллективное хозяйство, которое слишком связывает их индивидуальные хозяйственные возможности. Они предпочитают вступать в более простую форму коллективного хозяйства, где имеют больше возможности на деле, на практике проверить выгоду коллективной формы хозяйствования на селе против индивидуальной. Исходя из этого факта, необходимо в дальнейшем в колхозном строительстве Грузии сделать нажим на организацию этих первичных форм, в расчете на то, что постепенно их удастся перевести на высшие коллективные формы.

Товариществ по совместной обработке земли на 1 мая было 90, на 15 апреля 1929 г. их стало 190, причем 101 из них организованы после 1 октября 1928 г.

В общем, всех видов колхозов было на 1 мая 1928 г.—271 и на 15 апреля 1929 г.—722 (с.х. коммуны, артели, машинные товарищества и товарищества по совместной обработке земли). При этом с 1 мая 1928 г. вновь организовалось 472 колхоза, реорганизовалось из других уставных форм—9, организовалось в результате слияния—3, перешли на другой устав—5, слились—4 и ликвидировались 30. Вместе с тем следует отметить, что на 15 апреля 1929 г., невыясненных коллективных хозяйств с незарегистрированным уставом оказалось 25, из них с.х. артелей—19 и товариществ по совместной обработки земли—6.

Из простейших форм с.х. объединений на 15 апреля 1929 г. зарегистрировано: машинных товариществ 65 и мелиоративных товариществ 26.

Эти данные, разработанные ЦСУ по последнему подсчету, убеждают нас в том, что рост колхозов у нас протекает довольно интенсивно.

Наряду с количественным ростом колхозов мы наблюдаем некоторое качественное их улучшение. Так, если на 1 апреля 1928 г. в среднем на 1 колхоз мы имели 15 хозяйств, то сейчас имеем 18 хозяйств. Посевной площади на один колхоз в среднем приходилось на 1 апреля 1928 г.—19,3 гектара, а теперь—32,5 гектара. Процент хозяйств, объединенных в колхозы, по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами на апрель 1928 г. составлял 0,8, стало ныне 3,2 проц.; обобществленной пахотной земли было 0,3 стало—1,8 и т. д.

Таким образом, наше колхозное строительство не так бесперспективно, как это кажется правым паникерам.

Однако наряду с положительными фактами роста и улучшения колхозного движения, мы имеем ряд отрицательных явлений. Отрицательные стороны работы колхозного движения в Грузии таковы, что не выправить их—это значит задержать рост колхозов.

Первый и основной недочет, который в одинаковой степени относится и к совхозам, заключается в карликовом состоянии сельского хозяйства. В целях укрепления его, в целях реконструкции, интенсификации подьема на высшую культурную ступень, необходимо добиться укрупнения сельского хозяйства. Между тем, в Грузии имеются колхозы, которые занимают 5-6, даже 2 га земли. Мы имеем совхозы в 5-6—10-15 га. Средний размер колхозов за последний период хотя и возрос с 19 до 32 га удобной земли, но ведь и 32 га цифра карликовая и нищенская.

Второй недочет—это абсолютная недостаточность в совхозах и колхозах Грузии агроперсонала. Очень часто агрономы и инструктора

колхозцентра посещают наши колхозы только для прогулок, но никакой реальной помощи колхозам не приносят.

Третий недочет в области колхозостроительства—земельное неустройство и наблюдающиеся на этой почве недоразумения между колхозами и крестьянством. Вопрос о землеустройстве колхозов должен быть разрешен в первую голову. Это—очередная боевая задача. Необходимо решительно отказаться от тех методов землеустройства, которые до сих пор практиковались и поощрялись местными партийными и советскими организациями.

В ряду недочетов необходимо обратить внимание и на крайне низкую урожайность в колхозах. Конечно, урожайность в колхозах выше урожайности бедняцких хозяйств, и это потому, что в бедняцких хозяйствах обработка земли проводится особенно примитивно. Но если сравнить колхозные хозяйства с наиболее обеспеченными средствами производства кулацкими хозяйствами, то для первых получается картина невыгодная: урожайность в колхозах не выше, а места даже ниже, чем в кулацких хозяйствах.

Такое положение абсолютно ненормально. Колхозы имеют для нас прежде всего показательный смысл, они должны доказывать крестьянам, что при минимальных затратах труда на определенном участке земли, при более культурной его обработке, можно получить гораздо большую урожайность, чем в индивидуальных хозяйствах.

Необходимо еще отметить очень большой процент лже-колхозов, особенно среди машинных товариществ. По Кахетии организовалось много машинных товариществ, которые, по существу, оказались кулацкими. Они эксплуатируют средства производства в крестьянских хозяйствах и тем самым еще больше закабаляют крестьян-бедняков.

Наконец, крупным недостатком в работе по колхозостроительству Грузии являются крайне ограниченные технические вложения. На всю Грузию приходится до 300 тракторов. Несомненно, это количество абсолютно недостаточно, однако в данный период развития недостатком является не столько отсутствие тракторов или других машин, сколько неумение их использовать. Вопрос организационный, вопрос правильного использования сложных сельскохозяйственных орудий играет большую роль, чем количество этих орудий.

В отношении нерационального использования сельскохозяйственных машин разительный пример дает Кахетия. Произведенным недавно обследованием Кахетии установлено, что в этом районе мы имеем триеров, примерно, в два раза больше, чем необходимо для очистки семян, нужных для посева.

Нагрузка существующих в Кахетии триеров достигает всего 15%. Такое использование валютного товара—сельскохозяйственных машин,—такая расточительность, абсолютно недопустимы. Тем количеством триеров, которые имеются в Кахетии, можно было бы обеспечить еще один уезд и от этого дело только выиграло бы.

При существующем количестве тракторов необходимо раз навсегда прекратить то распыление их, которое наблюдается сейчас в Грузии. Необходимо собрать тракторы в определенные центры, организовать машинотракторные станции и тракторные колонны. Нужно направить тракторы в такие районы, где они могут дать максимальный хозяйственный эффект¹.

¹ Мы не касаемся проблемы строительства машинотракторных станций в Грузии, считая, что она подлежит рассмотрению в самостоятельной статье.

Итак, констатируя наличие больших результатов по кооперированию крестьянских хозяйств и охвату товарно-рыночных отношений деревни, нельзя не отметить того, что работа с.-х. кооперации, только лишь по кооперированию населения в сфере обращения, в настоящий момент не является достаточной. По линии содействия росту колхозного движения, а также по линии производственной помощи бедняцко-середняцким хозяйствам, работу с.-х. кооперации Грузии нельзя считать удовлетворительной. Необходимо, «ввиду слабости работы с.-х. кооперации, медленного темпа кооперирования, особенно бедняцких слоев, совершенной недостаточности кооперирования в районах специальных культур (чай, хлопок, табак, виноград)—принять меры к усилению темпа кооперирования и коллективизации крестьянских хозяйств для чего в первую очередь развернуть работу по организации переработки и сбыта продукции крестьянских хозяйств и их контракций»¹, ибо контракция «должна стать одной из важных методов производственной работы по подьему сельского хозяйства и его реконструкции». (Из резолюции XVI партконференции.)

Усиливая работу по производственной помощи основным массам крестьянства, с.-х. кооперация всемерно должна содействовать делу организации и развития колхозов.

Наряду с агрономической сетью НКЗема Грузии нужно сделать ударение на кооперативную, коллективную агропомощь, к которой и должны постепенно перейти узкотехнические задачи агрономической сети НКЗема. Проведение подобного мероприятия, с одной стороны, укрепит производственные функции с.-х. кооперации, а с другой—что особенно важно—приблизит ее к основным массам крестьянства.

Незначительные кадры агроперсонала, которыми мы располагаем, не могут справиться с грандиозными задачами реконструкции сельского хозяйства Грузии. По данным республиканского НКЗема на одного агронома приходится в среднем 51 селение, 5.203 крестьянских хозяйств, 10 тыс. га посевной площади и свыше 18 тыс. га культурной земли.

Данные Наркомзема по агрообслуживанию сельского хозяйства Грузии таковы:

Г о д ы	Количество агropунктов	Прокати. пункт. с.-х. машин и зерноочист. пунктов	Количество агropунктов
1925 г.	38	73	17
1926 г.	51	86	19
1927 г.	66	64	23
1928 г.	74	82	24

Цифры эти с достаточной ясностью говорят о ничтожном количестве имеющихся в настоящее время агropунктов и агроинструкторов, явно недостаточном для решения поставленных перед нами задач.

Это обстоятельство со всей серьезностью выдвигает вопрос о созидании и подготовке новых кадров. По пятилетнему плану намечается подготовка 600 агрономов. Помимо того, что это количество абсо-

лютно недостаточно, мы, кстати сказать, в пятилетнем плане не находим указаний, по каким отраслям эти агрономы будут работать. Госплану Грузии необходимо дифференцироватьготавливаемый контингент агрономов по основным специальностям для того, чтобы они могли бы обслуживать различные отрасли сельского хозяйства.

Реконструкция сельского хозяйства немыслима без быстрого увеличения количества агрономов-организаторов, агрономов-техников, агроспециалистов по разным отраслям сельского хозяйства.

Наряду с подготовкой новых кадров, необходимо позаботиться и о переподготовке старых агрономов, которые давно уже не в курсе новейших достижений по агрономии и научно-опытному делу. Перегруженные повседневной работой агрономы, работающие на селе, не имеют и не имеют возможности думать о поднятии своей квалификации. Между тем, без поднятия квалификации до уровня современных требований, агрономы не смогут осилить тех задач, которые стоят в порядке дня нашей текущей сельскохозяйственной политики.

Проведение всех означенных мероприятий ускорит и усилит подготовку кадра квалифицированных агрономов—кадра, необходимого для решения стоящих перед нами в области сельского хозяйства задач.

Таковы в общем все те вопросы, которые в настоящее время приобретают большое значение для разрешения актуальнейших проблем реконструкции сельского хозяйства Грузии.

¹ Из постановлений ЦК ВКП(б) 3 сентября 1928 г. «О работе компартии Грузии».

Л. Е. Минц. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР, стр. 470, ГИЗ. Москва, 1929, цена 6 руб. 50 коп.

Работа Л. Е. Минца представляет собой монографическое исследование одной из слабо разработанных проблем нашего хозяйства—проблемы аграрной перенаселенности. Среди прочих, хотя и очень немногочисленных работ, посвященных этой теме, исследование Л. Е. Минца выгодно отличается большим количеством тщательно разработанного статистического материала. Достаточно сказать, что более чем на половину книга состоит из статистических таблиц. Основные материалы, собранные и использованные автором, следующие: крестьянские бюджеты — 2.744 хозяйств по 11 районам за 1924/25 г., материалы динамических переписей и анкетных обследований отходничества и данные бирж труда о безработице. Значительная часть материалов публикуется впервые.

Содержание книги можно разбить на три части: 1-я—теория аграрного перенаселения, 2-я—экономическая и статистическая характеристика аграрного перенаселения и 3-я—городской рынок труда. Нельзя сказать, чтобы автор одинаково успешно справился со всеми тремя разделами своей книги.

Теория аграрного перенаселения представляет собою наиболее слабую часть всей работы. Казалось бы, что крупному монографическому исследованию, посвященному аграрному перенаселению, совершенно необходимо предпослать хотя бы краткий очерк, посвященный теоретической характеристике изучаемого явления. Можно сократить этот очерк до двух страниц, как это сделано в работе Л. Е. Минца, можно довести его даже до конспективной формы, но обязательно следует в нем осветить, что представляет собою явление, экономическому и статистическому анализу которого посвящена целая книга. Прежде, чем собирать и разрабатывать статистический мате-

риал, необходимо дать точное определение изучаемому явлению. В противном случае, исследователь рискует осветить какое-либо иное явление, которое может весьма далеко отходить от интересующего его объекта. К сожалению, приходится отметить, что Л. Е. Минц не дает читателю определения «аграрного перенаселения». Мы находим лишь такие два замечания: «Медленный темп развития, с одной стороны, сельского хозяйства, с другой—индустрии, которая не в состоянии была поглотить уходящую в города крестьянскую массу, наряду с необеспеченностью земель и низкой доходностью крестьянского хозяйства и создали так называемую аграрную перенаселенность» и «нам кажется, что аграрное перенаселение есть скорее качественное выражение определенного уровня производительных сил в сельском хозяйстве».

Первое замечание лишь объясняет причины образования аграрного перенаселения, причем объясняет их пожалуй в слишком обобщенной форме даже для конспекта. Что же касается второго замечания, то оно не только не объясняет того, что такое аграрное перенаселение, но, что гораздо хуже, вводит читателя в заблуждение. Аграрное перенаселение, также как и городская безработица, связано с социальной формой хозяйства. Аграрное перенаселение наблюдается почти во всех странах, хотя уровень развития производительных сил в этих странах далеко не одинаков. В СССР аграрная перенаселенность является пережитком капиталистической и мелко-товарной формы хозяйства в деревне и будет изживаться параллельно росту народного хозяйства как в его материальных показателях, так и в показателях общественного.

Ограничившись двумя замечаниями о природе аграрного перенаселения и не

определив этого явления, автор переходит к рассмотрению методологии его измерения. По этому поводу он замечает: «несмотря на всю важность определения размеров так называемого аграрного перенаселения, мы не имеем строго установленного метода его исчисления». Замечание совершенно правильное. Но в том-то и дело, что у нас отсутствует строго установленный метод исчисления именно потому, что мы не имеем точного определения самого явления. Есть несколько методов исчисления аграрной перенаселенности, но мы не можем сказать, какой из них наиболее правильный, ибо все они отличаются друг от друга не столько техникой расчетов, сколько материалами, положенными в основу этих расчетов. Это значит, что критерий правильности или неправильности того или иного метода вытекает прежде всего из нашего понимания природы аграрного перенаселения.

Если определить аграрное перенаселение как избыточное сельское население, доходы которого не достигают известного минимума, то правильным методом исчисления размеров перенаселенности будет учет доходности крестьянского населения. Если же понимать под аграрной перенаселенностью избыточное сельское население, труд которого при данной посевной площади и данном уровне развития производительных сил, не может быть использован в сельском хозяйстве, то в этом случае правильным методом будет разработка балансов использования рабочей силы в деревне. В обоих случаях метод целиком определяется нашим пониманием природы аграрного перенаселения. Совершенно очевидно, что в зависимости от того, какой метод мы применяем, мы получим два явления, различных не только по своим размерам, но и по своей природе. Было бы неправильно не только понимать, но и называть оба эти явления аграрным перенаселением.

«Наиболее правильным методом учета аграрной перенаселенности, — пишет автор, — явился бы учет доходности разных групп крестьянского населения в сопоставлении с доходностью других соответствующих групп населения». Отсюда мы можем заключить, что поскольку «наиболее правильным методом» является учет доходно-

сти, автор под аграрной перенаселенностью, очевидно, понимает население, доходы которого ниже доходов определенной иной группы населения. Но вследствие того, что «этот метод подсчета чрезвычайно трудно провести при современном уровне статистического знания» автор избирает иной метод. «Мы учли, — пишет он, — использование труда крестьянского населения и остаток неиспользованного времени». Автора мало смущает, что этот метод ни в какой мере не отразит размеры аграрной перенаселенности, понимаемой в первом смысле. «Этот метод, — утверждает он, — если количественно не точно отображает размеры аграрной перенаселенности, то все же дает представление о соотносительности этого явления между районами. Кроме того, мы получаем ряд других весьма важных показателей для характеристики крестьянского хозяйства».

По этому поводу нужно заметить следующее: 1) предлагаемый метод не только «количественно неточен», но совершенно неправильно отобразит абсолютные размеры аграрной перенаселенности, понимаемой в первом смысле и 2) предлагаемый метод не отобразит сущность изучаемого явления не только «количественно», но и качественно.

Нужно отдать справедливость Л. Е. Минцу. В его работе, если не искать в ней размеров аграрного перенаселения, содержится много чрезвычайно ценного и интересного материала. В многочисленных, детально разработанных статистических таблицах содержатся, например, такие ценные данные, как данные об использовании рабочей силы в деревне по 11 районам СССР, которые, будучи разбиты по 7 посевным группам, дают возможность сравнить степень использования труда в различных крестьянских хозяйствах.

Глава о городском рынке труда, вследствие замедления выпуска, представляет в настоящее время только исторический интерес. Достаточно указать, что последние данные, какие мы там находим, относятся к 1926/27 г. Нечего и говорить, что городской рынок труда 1929/30 г. не имеет ничего общего с рынком труда 1926/27 г. Те сдвиги, которые мы сейчас наблюдаем на городском рынке труда, никак не могут быть поставлены в преобладающую связь с тенденциями, имевшими место в 1925/26 и

1926/27 гг. То обстоятельство, что в настоящее время, несмотря на наличие почти 1,5 миллиона безработных, мы неожиданно столкнулись с недостатком рабочей силы почти всех профессий, от высококвалифицированных до чернорабочих, говорит о

том, что все прежние представления о количестве и составе безработных и о давлении аграрной перенаселенности на городской рынок труда должны быть коренным образом пересмотрены.

А. А.

Пути развития Донецкого бассейна (перспективный план каменноугольной промышленности на пятилетие 1928/29—1932/33 гг.) под ред. и с предисл. С. А. Гецова, вып. I, изд. Научно-изд. бюро Донугля, 1929 г., тир. 1.100, стр. 243, ц. 1 р. 50 к.

Рецензируемая книга являет собою один из немногочисленных пока опытов построения детализованного плана развития отдельного крупного хозяйства-конгломерата многих предприятий. Поэтому для каждого плановика, даже и не работающего в области каменноугольной или вообще горной промышленности, она представляет большой интерес: обмен методологическим опытом в деле перспективного планирования является одной из актуальнейших проблем плановой работы. Именно с этой стороны важно главным образом подойти к новой книге.

Донбасс связан тысячами нитей со всей страной, и построение планов развития как самого Донбасса, так и всего народного хозяйства страны, немалозначимо вне этих связей. Это дает второе обоснование для широкого изучения и общественного просмотра пятилетки Донбасса. Это же определяет исходные методологические пункты данной пятилетки, и, действительно, она начинается с исследования перспективной потребности и транспортных связей (гл. II — «Вопросы сбыта донтоплива в 1932/33 г.»). Изучение недр путем широко развернутой геологической разведки, определение основ технической реконструкции производства, создание «нового Донбасса» и связанная с этим заявка на снабжение его материальными (а следовательно и финансовыми) ресурсами — вот основные задания по проработке пятилетки, находящие свое выражение в данной книге.

Но Донугль насчитывает свыше 250 шахт; откуда возникает вопрос, — как же должна строиться пятилетка такого огромного конгломерата? Нет никакого сомнения, что в пятилетке должны быть даны возможности перспективы каждого отдельного предприятия, причем вариан-

ты максимального количественного и качественного развития его должны быть разработаны на местах. Предисловие С. А. Гецова указывает, что «трест переходит к построению рабочих календарных программ по каждой имеющейся или намеченной к созданию хозяйственной и производственной единице в отдельности и к их увязке между собою, и что «на основе этих рабочих программ будет заново проработана и уточнена общедонуглевская программа». Надо прямо признать (это протлевывает во многих местах книги), что опыт такого построения пятилетки был уже проделан трестом и оказался неудачным — и качественные, и количественные показатели в первой проработке самих шахт и рудоуправлений оказались далеко не достаточными, но, к счастью, и не обоснованными. Этому, конечно не приходится удивляться, зная новизну и трудности этого дела.

Наше каменноугольное хозяйство отстало и технически, и организационно, и в научном отношении, и по подготовке для него технических кадров, причем печать этой отсталости, по самой природе вещей, овладевает и умами. Само первоначальное методологическое руководство Донугля в вопросах отражения качественного развития производства в пятилетке — было принципиально неудачным: не давая технических и организационных образцов реконструкции, оно приглашало определять будущие сдвиги как результат подсчета влияния отдельных факторов (это особенно относится к производительности труда); но, не говоря уже о том, что рационализация данного производства более чем какого-либо другого носит комплексный характер и не терпит произвольного расщепления на элементы, не говоря

уже о том, что она носит здесь более, чем в какой-либо другой отрасли, индивидуальный характер, определяемый пестротой естественных условий залегания и качества угля, — сами взаимосвязи между ростом производительности труда и влияния отдельных факторов являются мало изученными, даже в нашем собственном опыте. Кроме того, последний далеко не показателен, поскольку в нем не осуществлен еще законченный рациональный тип предпринятия.

Рецензируемая книга показывает, как Донуголь, вынужденный создавшимся положением вещей, переименовал данный метод на гораздо более правильный «метод схематического технического проектирования», и это дало ему возможность, используя даже неудачные материалы мест, самому гораздо более удачно построить в централизованном порядке и достаточно обоснованный, и отвечающий директивам вариант пятилетки. Этот централизованный порядок знаменует одновременно и методологическую заслугу, и организаторскую неудачу Донугля; являясь дефектом плана, он дает рецензируемой книге, отражающей этот порядок работ, любопытный и ценный материал, что является, конечно, достоинством.

В этом отношении, в частности, интересна глава V — «Определение возможной в 1932/33 г. производительности одного трудящегося», где указанный метод схематического технического проектирования применен в соответствии с централизованным порядком составления плана, к условиям средних типовых шахт. Нельзя, однако, не отметить некоторую шаткость этого построения, особенно если учесть большое разнообразие технических и естественных условий отдельных шахт. Кроме того, в горном деле даже законченный технический проект еще не предпринимает с полной точностью числа обслуживающих шахту трудящихся. Здесь многое зависит от организационного искусства и различных деталей естественной обстановки, обнаруживаемых лишь по мере углубления в разрабатываемый пласт. Тем не менее, вряд ли можно согласиться принципиально с такой формулировкой, какую, напр., дал НТС каменноугольной промышленности, рекомендовавший в одном из своих постановлений определять число

трудящихся новых проектируемых шахт «с учетом роста производительности трудящихся», как-будто бы последняя способна расти самопроизвольно, подобно растению, а не является лишь экономическим выражением и следствием технического проекта, его конструктивного воплощения и организации работ. В этом отношении подход Донугля по крайней мере принципиально порывает с таким «методом методологической беспомощности».

Во избежание недоразумений надо оговорить, что централизованный порядок составления пятилетки Донбасса отнюдь не означает оторванности от действительности: план не оперирует еще со всей суммой индивидуальных особенностей, но все же базируется на конкретной и знакомой действительности Донбасса (как это видно уже из обстоятельного и очень содержательного предисловия С. А. Гецова) — и в этом залог его выполнимости. Например, определяемый им по укрупненным показателям рост производительности труда с 11,5 *m* в месяц в 1927/28 г. до 21,2 *m* в 1932/33 г. является, по нашему мнению, гораздо более обоснованным, чем среднее из предположений рудуправлений Донбасса, дающее только 16,7 *m* в месяц. То же можно было бы сказать и о других качественных, а тем более количественных, показателях. Заметим кстати, что пятилетка Донугля составлена без учета введения «непрерывной недели», и с этой поправкой она, можно сказать, дает гарантию выполнения директив правительства и генерального пятилетнего плана.

Из отдельных глав отметим гл. III, трагическую очень важную проблему технической реконструкции действующих шахт. Здесь нет детально разработанного плана рационализации — даны лишь общие основные линии развития; внимание сосредоточено, главным образом, на реконструкции как способе выполнения и количественных, и качественных заданий; ряд таблиц этого рода свидетельствует о большой исследовательской, или по крайней мере анкетной, работе по изучению шахт, заслуживающей внимания в качестве одного из необходимых актов перспективного планирования.

Техно-экономические показатели реконструкции старого Донбасса, приводимые в книге, выглядят достаточно убедительно.

ми: близкими по себестоимости к новым шахтам и более дешевыми по относительному размеру первоначальных капиталовложений. Несколько односторонними кажутся нам, во-первых, вывод относительно «стандартной» системы работ на пологопадающих пластах (длинными столбами), во-вторых, метод определения границ шахтного поля исключительно по расчету чистого времени, остающегося на работу «угольных» рабочих в забое. Последнее обстоятельство, нам кажется, связано с недооценкой выгод от централизации поверхностного хозяйства и ведет к недооценке типа крупнейших шахт (так наз. шахт-гигантов). Тем не менее, быстрое укрупнение шахт (рост средней добычи) составляет характерную картину данной пятилетки и служит важным фактором количественного и качественного развития Донбасса. Отметим здесь, однако, некоторый «амортизационный фетишизм» (стр. 58, п. 1). Не вдаваясь здесь в анализ корней этого фетишизма, заметим, что всякая форсировка эксплуатации уже существующей шахты, если она не связана с лишними потерями ископаемого в пластах, может быть с точки зрения поташения капитала (да вероятно и вообще с точки зрения стоимости производства) только выгодной.

Бесспорно правильно то значение, какое пятилетка придает развитию обогащения топлива и коренному переустройству поверхности рудников — едва ли это не самый отсталый фронт донецкого каменноугольного хозяйства. Правда, в книге не приведен технический план реконструкции этого рода — разработка его составит, по-видимому, следующий этап в построении пятилетки Донбасса.

В. Касаткин. Планирование народного образования НКП РСФСР. ГИЗ, 1929, стр. 131, ц. 1 р. 10 коп.

Рецензируемая книжка предназначена в качестве руководства для педвузов, педфаков и подтехникумов и в качестве практического пособия для работников отделов народного образования.

Своевременность появления такой книжки очевидна. Задачи планового развертывания просветительных учреждений и их деятельности, сами по себе новые, требуют популярного выяснения основных принципов и методологии планирования просвещения.

Сказанное не истерпывает содержания книги: отметим в ней также схему энерговооружения Донбасса (более подробный план электроснабжения Донецкого бассейна выпущен Донуглем особой книжкой), расчет капитальных затрат и план финансирования, а также ряд интересных таблиц — напр., таблиц, дающих технико-экономические показатели по проектам новых строящихся шахт, таблицы различного потребного Донуглю оборудования (что важно для нашей металлопромышленности), таблицу сбыта донецкого топлива по маркам и по родам потребителя, таблицу вывоза по направлениям, таблицу предельных границ шахтного поля, обеспечивающих нормальную производительность «угольного» рабочего.

Как видно из предисловия, следующие два выпуска будут посвящены: один — вопросам труда, другой — обоснованию ряда принципиальных установок Донугля. Последнее звучит несколько загадочно: по-видимому, здесь предполагается дать более подробную картину развития отдельных районов Донбасса, в общих чертах данную в выпуске 1.

Предисловие С. А. Гецова, помимо формулировки основных установок данной работы, дает интересные экономические сопоставления с каменноугольной промышленностью Англии и Рура, приводимые в обоснование занятых позиций. Автор книги и самой пятилетки, видимо, один и тот же — это коллектив работников Донугля под руководством С. А. Гецова и инж. А. В. Волькенау.

А. Сегаль

Книга т. Касаткина, однако, не удовлетворяет назревшим потребностям активных работников, имеющих дело с вопросами планирования народного образования.

Прежде всего работа т. В. Касаткина, написанная в претенциозной форме университетского курса, перегружена общими и расплывчатыми формулировками и знакомит читателя с уже устаревшими и отброшенными жизнью методами и приемами.

Наряду с этим книга содержит ряд со-

вершенно ненаучных определений и методологических приемов, предлагаемых автором читателю.

Примером такого далеко ненаучного поворота является своеобразное учение т. Касаткина об эффективности работы просветительных учреждений. Им предлагается ряд показателей, фиксирующих «количественную эффективность» работ данного учреждения, к ним относятся: а) охват школой соответствующего демографического контингента, б) фактическая продолжительность учебного года, в) посещаемость занятий, г) длительность всего учебного периода, д) показатель отсева, е) показатель продукции.

Имея по каждому из перечисленных пунктов соответствующий относительный показатель для данного района, т. Касаткин перемножает (!) все эти показатели друг на друга, полученное произведение делит на такое же произведение относительных величин, характеризующих уже не район, а РСФСР в целом, и выведенное таким хитроумным путем частное—рекомендует как формулу некоего синтетического и универсального показателя эффективности работы данного учреждения... Очевидно, что арифметическая мешанина разноименных величин, взболтанных произвольными умножениями и делениями, может в такой же мере быть синтетическим мерилем эффективности, как смесь всех лекарств в одной посудине,—универсальным, от всех болезней исцеляющим средством...

Впрочем тот же метод с успехом применяется автором при определении культурного профиля района. Отдельные показатели культурного состояния района выражаются в условной балловой оценке, затем исчисляется по установленным баллам среднее арифметическое для каждого района (по всем показателям)... и задача решена. Каждый район, как школьник в старой школе, имеет свой сводный и средний балл, оценивающий его «оптом и по совокупности». Приходится добавить, что сам т. Касаткин не пытается построить плановых выводов на базе такого анализа,—следует думать, что подобные попытки не будут иметь места и со стороны читателей его работы.

Наряду с упомянутыми откровениями книга грепит образцами устаревших исчислений и методов. Так, социально-классо-

вые моменты дважды обсуждаются т. Касаткиным. В одном случае он предлагает основным показателем, характеризующим социальный момент, считать удельный вес учащихся данной социальной группы в школе, в другом (стр. 41) он в качестве такового рекомендует отношение учащихся определенной социальной группы ко всему самодеятельному населению той же группы. И тот и другой метод для выяснения обслуженности школой основных социальных слоев населения представляется крайне несовершенным. Удельный вес детей рабочих в школе (т. е. процентное отношение их ко всему числу учащихся) ничего не говорит об обеспеченности детей рабочих школьными местами,—это не поможет нам выяснить и процентирование детей рабочих, обучающихся в школе, ко всему рабочему населению. Прямой ответ дается относительно несложным и единственно верным путем: соразмерением числа детей рабочих в данном типе школы с общим числом детей рабочих соответствующего возраста. Метод этот стал возможным с того времени, как перепись 1926/27 г. дала отрывные социально-демографические величины.

Законно подчеркивая неразрывную связь между народным хозяйством и просветительными учреждениями, т. Касаткин выдвигает особую группу «показателей связи просвещения с народным хозяйством». Важнейшим, видимо, является показатель «потребности за 5 лет в рабочей силе средней и высшей квалификации по линии индустриальной, педагогической и т. д. и процент удовлетворения в квалифицированной рабочей силе» (стр. 21).

Показатель—назван, но при этом совершенно отсутствуют указания на то, как соразмерять деятельность учебной сети с прямыми запросами народного хозяйства в кадрах, с задачами простого и расширенного воспроизводства квалифицированной рабочей силы. Весь комплекс проблем, связанных с балансом покрытия потребностей в новых кадрах, остается незатронутым в схеме показателей и в изложении т. Касаткина. Зато им предлагается взамен аналитических ряд показателей внешне-плюралистических: число учащихся в индустриальных школах на 1.000 рабочих и другие, аналогичные.

Есть в работе т. Касаткина и отдельные частные ошибки: таково, например, отне-

сение сетевых данных о числе учащихся к группе «демографических» данных (стр. 20), но на их перечислении останавливаться не стоит.

В качестве общего вывода следует подчеркнуть, что книга т. Касаткина носит характер слишком спешной и эскизной работы, чтобы отвечать тому назначению, которому она призвана служить. Тем не менее,

«Пути сельского хозяйства»—Научный орган Народного комиссариата земледелия и Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. Изд. «Новая Деревня», тираж 5.800 экз., № 5, 6, 7, 8, 9 за 1929 г.

Среди современных агрономических и агроэкономических журналов Союза, рецензируемый нами орган НКЗ РСФСР и ТСХА, «Пути сельского хозяйства» по своему значению должен занять одно из первых мест. Быстро растущий тираж журнала показывает, что работники сельского хозяйства предъявляют огромный спрос на научную продукцию в области всех агрономических наук.

Посмотрим, насколько удовлетворительно выполняется эта задача и какую научную продукцию потребляет аграрный низовых и средних звеньев нашей агросистемы в виде рецензируемого нами журнала.

Журнал «Пути сельского хозяйства» имеет такие отделы: 1. Экономика и аграрная политика. 2. Полеводство. 3. Животноводство. 4. Сельскохозяйственное образование. 5. Материалы. 6. Хроника. 7. Библиография.

Такое строение журнала мы считаем необходимым и правильным, потому что рядовой аграрный работник нуждается в универсальном научном журнале, который и ставил и освещал бы наиболее общие теоретические и практические проблемы, вводя этим каждого читателя в курс современной агроэкономической и агроэкономической мысли.

Только с указанной точки зрения и необходимо подходить к оценке рецензируемого журнала. Причем мы будем обращать меньше внимания на разбор той или иной статьи по существу, чем на оценку ее актуальности для такого универсального журнала.

Теперь перейдем непосредственно к статьям и остановимся лишь на трех главнейших отделах:

появление ее как официального издания Наркомпроса, весьма симптоматично, так как оно говорит не только о значительной отсталости и кустарности в плановой методологии Наркомпроса, но и о качестве некоторых позобий, используемых нашей высшей педагогической школой.

А. Д. Эпштейн

1. Экономика и аграрная политика. Интереснейшими статьями этого отдела являются статьи В. В. Матюхина «К вопросу социалистической реконструкции сельского хозяйства и производственная смычка с крестьянством» (№ 7) и «О тракторных колоннах» (№ 9).

Автор дает совершенно правильное теоретическое обоснование генеральной линии партии в аграрной политике.

Полную противоположность в этом отношении представляет статья т. Ганина «К вопросу о социалистической реконструкции сельского хозяйства» (№ 9). По прочтении статьи у читателя абсолютно ничего не остается, кроме величайшей путаницы в понятиях. Так, «под социалистической реконструкцией сельского хозяйства», по Ганину, нужно понимать 1) «создание теоретической модели эволюции сельского хозяйства на определенный отрезок времени... 2) «создание условий и возможностей проведения данной модели в действительность, выполнение намеченных планов» (стр. 20). Потом ни с того, ни с сего автор переходит к критике существующих пониманий индустриализации сельского хозяйства. Метод социалистической реконструкции, по Ганину, «распадается на две части: 1) метод теоретических намерений моделей наилучшего выполнения социалистической эволюции сельского хозяйства и 2) метод проведения в жизнь этих моделей» (стр. 23). Странное определение метода методом. И после этого автор пытается обвинить т. Матюхина в методологических ошибках по вопросам реконструкции сельского хозяйства, между тем как работы последнего по теории реконструкции сельского хозяйства должны быть

признаны лучшими из того, что написано по данному вопросу.

Вопросам планирования сельского хозяйства посвящена статья т. Муралова («О пятилетке и контрольных цифрах по РСФСР на 1929/30 г.») в №№ 5 и 8.

Большой интерес представляет статья т. Квирига «Предварительные итоги по осуществлению декрета об урожайности», где автором даются интересные цифры и примеры того, как проводится декрет на местах. Кроме того, дается отчетливая схема практических мероприятий по подъему урожайности. Из прочих статей некоторый интерес представляет статья т. Котова о районировании, где автор критикует точку зрения проф. Челинцева и Студенского.

Вопросам организации социалистического сельского хозяйства журнал уделяет непомерно мало внимания, хотя здесь есть о чем писать. Общим вопросам совхозного и колхозного строительства посвящены только 3 статьи. Чрезвычайно интересной является статья т. Павловского «Проблема организации лесозерновых комбинатов в Томско-енисейском районе» (№ 8), где автором выдвигается новая форма социалистических предприятий в лесных районах нашего Союза. Эта форма (лесо-сельхоз-комбинат) дает хорошее разрешение проблемы эффективного использования трактора и загрузки рабочей силы на Севере.

Вопросам колхозного строительства журнал уделяет абсолютно недостаточное внимание. В рецензируемых номерах мы имеем, собственно, только одну статью на эту тему—т. Наумова—«Строительство крупных колхозов» (№ 5). Как известно, автор руководит кафедрой коллективного земледелия в ТСХА и исследовательской работой по колхозам в Институте крупного хозяйства и с.х. экономики. Именно, поэтому, по всем выпускаемым им работам мы должны предъявлять повышенные требования. И нужно прямо сказать, указанная выше статья не стоит на необходимой научной и политической высоте. Автор пытается поставить все вопросы, которые возникают в процессе строительства крупных колхозов. Давая обзор чисто организационно-хозяйственных задач, автор совершенно упускает из виду и обходит социально-экономические вопросы колхозного строительства, во-

просы ожесточенной классовой борьбы вокруг и внутри колхозов. В статье т. Наумова имеется раздел «Социально-экономическая характеристика крупных колхозов». Но в этом разделе ничего нет социально-экономического, ни слова не сказано о тех специфических формах классовых отношений, которые свойственны данной стадии колхозного строительства.

Редакция допустила грубейшую политическую ошибку, напечатав указанную статью без всяких примечаний, этим самым помогая правоуклонистским элементам замазывать, умалять значение классовой борьбы.

Точно также в статье т. Войтова-Горденко о «Пути развития уральского маслоделия и коллективизации молочного хозяйства» есть все, что угодно, но нет социально-экономического, классового подхода к реконструкции.

Другие статьи этого раздела не представляют общего интереса. В частности, статья Анисимова Я. «Заметки о сельском хозяйстве Германии», на основе нескольких немецких статистических работ, дают краткий очерк состояния сельского хозяйства Германии. От т. Анисимова, бывшего в научной командировке в этой стране и работающего в области организации крупных совхозов, нужно было бы требовать более интересных материалов по крупным хозяйствам.

2. Полеводство. Из статей этого отдела большой интерес представляет современная дискуссия проф. Вильямса и его школы со сторонниками паровой системы хозяйства. Эта дискуссия показывает, как много еще нужно работать в области основных вопросов агрономии.

В рецензируемых номерах журнала (№№ 6, 8 и 9) помещены статьи сторонников теории проф. Вильямса, тт. Панина и Дмитриева, представляющие большую научную ценность.

В этом же разделе журнал дает ряд интересных статей по вопросам механизации с.х. (ст. Коморинцев в № 8), (Дмитриева—о жнеях-молотилках, в № 5), проблеме удобрений (статья Дружинина о действии главных форм азотистых удобрений—№ 6, Соколова о применении минеральных удобрений на песчаных почвах—№ 7, статья Крюкова о клецевинном жмыхе как удобрении—№ 8, Мещерякова—луговая и озерная известь как удобрение—№ 5). Весьма интересна статья Воробьева о повышении урожайности льна (№ 6), Николаева—о влиянии севооборота на засоренность полей (№ 9).

Специальным вопросам зернового хозяйства посвящены статьи проф. Константинова—о культуре твердых пшениц в № 8), Грабовского (о смешанных посевах, № 7), Фейгина (мелиорация и дренаж в зерновом хозяйстве, № 7).

Общим вопросам агрономической работы посвящена большая статья т. Осипова «О системе в агрономической работе» (№ 6). Несмотря на правильную в общем установку автора, еще чувствуется влияние земской агрономии на некоторые его формулировки (напр., о кустовом методе работы агронома). Недостаточно детализирована роль агронома в организации и руководстве колхозами. Вообще нужно отметить, что журнал в целом мало уделяет внимания разработке вопросов массовой агрономической работы. Он не объединяет тех молодых научных сил, которые интересуются этими вопросами.

В статье Купермана и Штанделя—«Задачи отделов применения в связи с проблемой урожайности» (№ 6)—совершенно правильно ставится вопрос о наиболее быстром внедрении в сельское хозяйство достижений опытных учреждений. Но вместе с тем, авторами недостаточно внимания уделено вопросам радикального изменения программ опытных работ в сторону максимального их приспособления к новым социалистическим формам сельского хозяйства. Подводя итоги отделу полеводства, мы должны прийти к выводу, что актуальные проблемы техники и организации полевого хозяйства ставятся и разрешаются журналом в общем удовлетворительно.

3. Животноводство. Основным вопросом организации и техники животноводческой отрасли журнал уделяет мало внимания. Так, по вопросам организации крупных животноводческих совхозов не помещено ни одной статьи, хотя сейчас над этими вопросами усиленно работают оперативные и плановые органы.

Всего в рецензируемых журналах помещено 7 статей по вопросам животноводства.

Из них необходимо отметить статью Моторина—«К вопросу об обследовании по животноводству», Бурцева и Николаева—«К вопросу об использовании отбросов при кормлении свиней». Последняя статья заслуживает общественного внимания, так как в наших городах пропадает зря масса отбросов, которые могли бы быть использованы для откорма свиней, что может дать тысячи тонн свинины. На это дело надо обратить внимание рабочей потребкооперации и земорганов. Актуальна статья Кузнецова «О метизации грубошерстных овец мериносовыми баранами» (№ 7) и статья проф. Бельковского о комбинированных кормах (№ 9).

Наконец интересна статья Каврайского—«Роль живой тяговой силы при механизации с.х. и транспорта» (№ 8). Автор совершенно правильно указывает на необходимость обратить глубокое внимание на коневодство. Механизация сельского хозяйства, по его мнению, не исключает использования лошади, по крайней мере в ближайшие десять лет. Принципиально соглашаясь с автором, нельзя, однако, присоединиться к некоторым его формулировкам, свойственным старому народничеству (бессменный кормилец, крестьянская «сивка» еще долгое время останется нашим усердным слугой и создателем ценности (?) и т. д.). Известно, что ни «сивка», ни прочие средства производства ценности не создают, а создателем таковой является человеческий труд, производительность которого выше при усовершенствованных средствах производства. В данном случае нельзя переоценивать лошадиную тягу в сельском хозяйстве, при использовании которой низкая производительность труда доказана. Но, поскольку в ближайшие годы мы не сумеем технически перевооружить все сельское хозяйство, вопрос о лошади должен быть разрешен во всей его широте. Именно такая диалектическая постановка вопроса должна быть в данном случае.

На других отделах журнала мы не будем останавливаться. Нужно отметить высокое качество рефератов и библиографических обзоров, и наоборот, очень незначительное количество и часто низкое качество рецензий в отделе библиографии. Например, совершенно неудовлетворительна рецензия тов. Таргульяна на известную книгу т. Гор-

дева «Основные проблемы с.-х. экономики». В ней совершенно не отмечено ни одной ошибки автора книги, все признано правильным и удовлетворительным¹. Сам автор, т. Гордеев, наверно не будет благодарен своему рецензенту. В этом мы видим несколько нездоровый уклон редакции, неправильно ориентирующий рядового читателя рецензируемых книг.

Подводя итоги всему сказанному о рецензируемых номерах журнала «Пути сельского хозяйства», мы должны отметить, что журнал встал на путь постановки современных проблем социалистической реконструкции, но еще окончательно не перестроился. В вопросе о крупных колхо-

зах редакция сделала политическую ошибку, поместив статью т. Наумова без всяких примечаний. Часто в журнале помещаются статьи, не имеющие общего агрономического интереса и не соответствующие существу журнала (напр., статья Аюбяна «Опыт прерывистого орошения на рисовых полях как метод борьбы с малярией в Армении» № 6, статья Лискуна об учреждении Института мясного дела и т. д.).

Редакции журнала надо гораздо решительнее вернуться к теоретическим и практическим проблемам социалистического переустройства деревни.

Ф. Хоробрых

«Вопросы Торговли». Ежемесячник, посвященный внутренней, внешней и международной торговле. Изд. Наркомторга СССР и РСФСР, № 1/2,3,4,5,6,7,8,9/10,11 и 12 за 1928/29 хоз. год.

Из большого количества статей, напечатанных в рецензируемых номерах журнала «Вопросы Торговли» внимание читателей должны прежде всего привлечь наиболее ответственные участки наркомторговской работы, в особенности хлебозаготовки. Потому мы и начнем со статей, посвященных хлебозаготовительным вопросам.

В № 4 (январь 1929 г.) помещена статья С. Брике «Хлебозаготовительная кампания 1928/29 г. и наши задачи». Автор довольно подробно останавливается на актуальности зерновой проблемы, в свете решений высших партийных и советских органов, и дает анализ состояния и распределения урожая зерновых в 1928 г. В статье проведены основные данные, опровергающие теорию деградации сельского хозяйства. Познакомив читателя с ходом хлебозаготовок, автор правильно наметил основные задачи в этой области, в духе решений ноябрьского пленума ЦК ВКП(б).

К. Коптев в статье «Зерновое производство и заготовительная сеть» (№ 6) дает характеристику хлебозаготовительной сети в связи с социально-экономическим укладом зернового производства и приходит к выводу, что разрешение зерновой проблемы за счет обобществления хозяйства позволит радикально реорганизовать сеть в сторону

наилучшего обслуживания основной массы хлебопашцев.

Отмеченными двумя статьями и исчерпывается освещение вопросов хлебозаготовительной кампании 1928/29 г. Разумеется—это совершенно недостаточно. Журналу следовало бы более подробно осветить состояние зернового хозяйства и основные моменты хлебозаготовок.

В частности, не плохо было бы дать хотя приближенный анализ хлебофуражного баланса в социальном разрезе и соотношение классовых сил в процессе хлебозаготовок. Не мешало бы также дать статью, посвященную итогам хлебозаготовительной кампании. Кроме того, нельзя признать своевременным помещение руководящей статьи по хлебозаготовкам в январе, когда полгода заготовительной кампании уже прошло.

Кампании 1929/30 г. посвящена статья М. Чернова «Вопросы хлебозаготовок» (№ 12 сентябрь). Подводя краткие итоги работы по разрешению зерновой проблемы, автор останавливается на задачах партийно-советского заготовительного аппарата, в связи с доведением плана до села и заданием выполнить план хлебозаготовок к январю-февралю 1930 г. В статье даны также первые итоги заготовок. Однако и здесь освещение вопросов новой хлебозаготовительной кампании надо признать недостаточным. Почему редакция не отвела места в журнале более подробному анализу уро-

жая 1929 г. и условий заготовок—неизвестно, между тем, эти вопросы нельзя не признать актуальными для органа Наркомторга.

К кругу вопросов, связанных с хлебозаготовками и хлебоснабжением тесно примыкают вопросы организации питания и продовольственного снабжения. В этом отношении необходимо отметить две статьи, которыми также исчерпывается вся программа по данным вопросам,—В. Власова и С. Гессена—«Проблема питания городского населения и его продовольственное снабжение» (№ 3) и Н. Патрикеева—«От регулирования торговли к организации питания» (№ 9—10).

В первой статье авторы приводят нормы потребления продуктов питания городским населением в динамике за последние четыре года и в сравнении с западными странами. Наряду с этим в статье дана беглая характеристика условий заготовок основных продуктов и затруднений в области снабжения за последнее время, а также наметка перспектив снабжения в предстоящем году.

Н. Патрикеев в своей статье дает только постановку вопроса об организации питания в связи с последними решениями правительства. Автор ставит вопрос о важности обобществления мясного, плодоовощного, молочного и яично-птичного хозяйства и говорит о возрастающей роли Наркомторга в связи с осуществлением этих задач.

Редакция в примечании к статье Власова и Гессена, не согласившись с некоторыми выводами авторов, обещала вернуться к затронутым вопросам, но на продолжении всех последующих номеров журнала читатель не найдет больше ни одной статьи на эту, чрезвычайно интересную, тему.

Общезвестна актуальность проблемы животноводства и это обстоятельство не могло пройти мимо «Вопросов Торговли». Из этой области следует отметить статью В. Дроздова «История и методы регулирования мясного рынка» (№ 6), знакомящую читателя с постепенным ростом охвата мясозаготовок и снабжения обобществленным сектором и усилением регулирующего начала в этой отрасли народного хозяйства.

Н. Стефановский, в статье «Крупные мясные совхозы» (№ 11), ставит вопрос о

необходимости организации государственных мясных хозяйств и приходит к совершенно правильному выводу, что разрешение мясной проблемы нужно искать, главным образом, в росте обобществленного сектора в этой области. В статье приводится наметка организации и географического распределения совхозов.

Проф. Е. Лискун в № 11 журнала статьей «Научно-исследовательская работа в области мясного дела» ставит вопрос о необходимости организации специального научно-исследовательского мясного института и наметает программу работы этого института.

Следует еще отметить статью В. Дроздова о крупных скотоводческих мясных хозяйствах в Аргентине (№ 12), являющейся наиболее развитой страной в области животноводства и первой в области мясного экспорта.

Наибольшее количество статей во всех номерах журнала посвящено вопросам товарооборота, организации торговли, розничной сети, планирования товароснабжения, накопления и пр.

Из этой серии статей необходимо отметить статью Н. Виноградского «Некоторые вопросы товарооборота в перспективном плане», помещенную в № 4. Автор заостряет внимание регулирующих и планирующих органов на основных вопросах товарооборота, требующих разрешения в ближайшие годы—продовольственным снабжением экспорте, складом хозяйства, транспорте и пр.

Вопросы розничной торговой сети затрагиваются в статьях Б. Кафенгауза «Розничная торговая сеть и перспективы ее развития» (№ 4) и В. Николаева «Розничная торговля и рационализация ее техники» (№ 3).

В. Николаев, проводя параллель между нашей и заграничной розничной торговлей и останавливаясь на особых задачах товаропроводящей сети по обслуживанию трудящихся—останавливается главным образом на моментах рационализации торговли. Б. Кафенгауз, основываясь на данных обследований торговли Наркомторга СССР, трактует вопрос с точки зрения распределения розничной сети между секторами в настоящем и освещает перспективы передвижения в этой области за счет усиления общественного сектора.

¹ См. нашу рецензию на эту книгу в журн. «Плановое Хозяйство», № 9, 1929 г.

Необходимо также указать на интересную статью М. Снегирева—«О рационализации товаропроводящего аппарата» (№ 6), в которой автор дает обстоятельную характеристику основных моментов синдицирования сбыта продукции, организации транзита и генеральных договоров. Кроме того, автор подробно останавливается на динамике расходов потребкооперации, целесообразности реорганизации последней на основе двухзвенной системы и освещает работу торгов.

К этой же серии относится статья С. Биленко—«Вопросы реконструкции лавочной сети крупных рабочих кооперативов» (№ 12) и ряд других.

Статья Л. Залкинда—«Основные моменты товарооборота в первой трети 1928/29 г.», несмотря на обстоятельность ее, представляется в общем контексте как бы случайной статьей. Редакция следовало бы помещать подобного рода работы не за один какой-нибудь отрезок времени года, а систематически, по кварталам или по полугодиям.

Рынкам промтоваров посвящены две статьи В. Ярмолевича—«Баланс промтоваров широкого потребления» в № 1—2 и В. Лозинского—«Спрос и предложение промтоваров в 1928/29 г.» в том же номере.

Около двух десятков статей на протяжении года посвящено вопросам внешней торговли. Из них отметим прежде всего две работы М. Кауфмана—«К построению перспективного плана по внешней торговле» (№ 1—2) и «Импорт и народное хозяйство» в № 7. В первой статье обрисовываются установки пятилетнего плана внешней торговли как в области экспорта, так и импорта. Во второй статье автор останавливается на значении импорта в нашем хозяйстве и подробно знакомит читателя с перспективами в этой области, в связи с индустриализацией страны.

К. Рубинштейн в статье «Германия как рынок сбыта советских хлебопродуктов»—приводит историческую справку об импорте хлеба в Германию и о том значении, которое имела Россия в довоенном германском импорте по различным зерновым культурам. В связи с задачами в области поднятия сельского хозяйства автор намечает пути нашего экспорта хлебопродуктов и останавливается на тех трудностях, которые неизбежно встретятся с возобновлением этого дела в отношении рынков Германии.

Интересной является статья Я. Е. Вовси—«Задачи лесной промышленности и лесного экспорта». Проблема лесного экспорта, в связи с временным выпадением хлебного экспорта, для нас является в настоящее время одной из центральных проблем. Автор дает подробную обрисовку положения вещей в данной отрасли хозяйства и намечает пути развития лесного экспорта.

Организационные формы внешней торговли СССР со странами Востока освещены в статье Ю. Чельцова, помещенной в № 7. Наши внешнеэкономические отношения с США и возможности экспорта в Америку обрисованы в статьях М. Розина—«Наши торгово-политические отношения с США» (№ 1—2) и П. Коломийцова—«Советский экспорт и США» (№ 9—10).

Тов. Энгельс в своей работе «Иностранный капитал и платежный баланс дореволюционной России» (№ 11) знакомит читателя с историей международных платежных отношений царской России и ввозом иностранных капиталов. Статья представляет интерес как для изучающих данные вопросы, так и для всех работников, связанных с внешней торговлей.

Некоторые спорные вопросы методологии внешнего баланса ставит К. Лупандин в работе «Внешний баланс страны». Автор устанавливает пять видов внешнего баланса (торговый, платежный, расчетный, валютный и баланс дня), обосновывает это свое положение и дает критику определений ряда иностранных авторов, а также критикует определение М. И. Боголепова, Н. Н. Шапошникова, А. Финн-Енотаевского и М. Спектатора. Надо пожелать редакции продолжить обсуждение данного вопроса на страницах журнала.

Размеры рецензии не позволяют нам более подробно останавливаться на разборе отдельных статей, помещенных в журнале. В частности, по вопросам внешней торговли мы ограничимся лишь еще указанием на статью Н. Петрова и Я. Букшпапа—«О научно-исследовательской и информационной работе по внешней торговле» в № 1—2, ставящую вопрос об институте монополии внешней торговли и тем самым закончим обзор статей этого отдела журнала.

Надо сказать, что вопросы внешней торговли представлены в журнале не плохо, хотя и здесь необходимо пожелать редакции больше заострять внимание на боевых,

текущих вопросах экспорта. На протяжении года следовало бы, например, поместить статью о задачах экспорта в настоящий момент, недостатках работы и т. п.

Значительное количество статей посвящено вопросам международной торговли.

В №№ 7, 9—10 и 12 напечатана большая работа немецкого экономиста д-ра А. Маркуса—«Изменения в структуре международного рынка цветных металлов». Автор дает подробную характеристику структурных изменений на мировом рынке меди, алюминия и цинка, происшедших за последние годы. Статья по богатству сконцентрированного в ней материала представляет хорошее пособие для всех, желающих детально познакомиться с данными вопросами.

Несколько статей посвящено характеристике внешних рынков отдельных капиталистических стран. Так, в журнале нашли отражение внешняя торговая политика Италии в статье А. Поль, помещена статья «Внешняя торговля и народно-хозяйственные проблемы Турции»—И. Генина, «Экспортные ассоциации САСП»—И. Фигнера и ряд других статей о рынках Германии, Прибалтики, Франции и т. д.

В общем вопросы международной торговли представлены в журнале удовлетворительно и все статьи этого раздела имеют определенный интерес.

Кроме того в каждом номере журнала отводится место реферированию иностранной литературы по вопросам экономики торгов-

ли. В нескольких номерах помещена документация по торгово-договорным отношениям Германии, Англии, Италии, Чехо-Словакии и т. д.

Хорошо поставлен отдел библиографии. Здесь даны отзывы о литературе, главным образом по вопросам торговли как на русском, так и на иностранном языках.

№ 8 журнала (маянская книжка) целиком посвящен пятилетнему плану в области внешней и внутренней торговли.

Заканчивая рецензию, мы должны заявить, что журнал «Вопросы Торговли» не со всеми основными задачами, стоящими перед ним, как печатным органом Наркомторга, справлялся в удовлетворительной степени. В дальнейшей работе журналу необходимо больше уделять внимания боевым текущим вопросам торговли. Особенно необходимо сильнее развернуть постановку вопросов основных заготовительных кампаний, освещать социальные моменты в товарообороте, задачи экспорта и т. д.

В журнале за весь год не было напечатано ни одной статьи по таким, например, рынкам, как плодоовощной, рыбный, яично-птичный. Между тем актуальность их в настоящих условиях общеизвестна.

Устранение всех этих недостатков позволит журналу подняться на более высокую ступень и увеличить свой тираж, стоящий на довольно низком уровне (1.000 экз.).

В. Носов

А. Виленчук—Международная задолженность после войны.

Стр. 204.

С. А. Вышнепольский—Мировой транспорт и мировое хозяйство.

Стр. 175.

И. М. Файнгар—Америка и Европа в мировом хозяйстве. Стр. 124. Популярная серия «Мировое Хозяйство», под редакцией Ш. Дволайцкого и Н. Петрова. Изд. «Московский рабочий». Москва—Ленинград. 1929 г.

Популярная серия «Мировое Хозяйство» рассчитана, судя по темам отдельных книжек и общему характеру трактовки этих тем, на широкий круг читателей-хозяйственников, обнаруживающих растущий интерес к мирохозяйственным проблемам. Другое ее назначение—помочь изучать экономику современного капиталистического мира студентам многочисленных социально-экономических вузов и комвузов.

Такие задачи серии, естественно, обязывают авторов книжек к величайшей тщательности и продуманности в разработке материала.

Между тем, многие авторы популярных изданий по экономическим вопросам именно в сугубой популяризации видят свою нарочитую задачу. Что же касается научной проверки, тщательной разработки и систематизации материала, которые только и

способны создать действительную ясность представлений у читателя, то... ведь речь идет не о научном трактате, а о популярной брошюре. Это пренебрежительное и поэтому небрежное отношение к популярной литературе у самих авторов основано на предвзятости, будто популярность изложения и строгая научность—две вещи несовместные, или, во всяком случае, вторая не требуется. Такое отношение сильно снижает качество этого вида литературной продукции.

Из трех рецензируемых книжек только одна—работа А. Виленчука о международной задолженности—в полной мере удовлетворяет требованиям, которые могут быть к ней предъявлены с точки зрения формулированных выше специальных задач и интересов читательского круга, на какой рассчитана серия. Остальные две книжки не поднимаются выше обычного уровня популярных брошюр и страдают их обычными недостатками. Особенно слаба работа И. М. Файншлага о Европе и Америке в мировом хозяйстве.

Тов. А. Виленчук в своей работе ограничивается лишь анализом внешней государственной задолженности, возникшей в результате мировой империалистической войны. Вопросы о внутренних государственных долгах, а также о внешней частной задолженности, он касается только попутно. Зато свою ограниченную тему автор развивает весьма систематически и обстоятельно.

Он начинает с картины состояния международной государственной задолженности накануне мировой войны и вскрывает происхождение долгов отдельных стран и мирохозяйственные связи высококапиталистических стран-кредиторов и отсталых стран-должников, которые в значительной мере предопределили группировку борющихся сторон во время мировой войны. Переходя к подробной характеристике стоимости мировой войны, экономической сущности военного хозяйства и основных способов финансирования войны, автор дает законченный генезис внешней задолженности воевавших стран. Выявляя в дальнейшем основные статьи баланса взаимных обязательств и требований, автор подробно излагает историю последовательных этапов послевоенного урегулирования междусоюзнических военных долгов и германских репараций. Специальная глава по-

священа структуре и функционированию плана Дауэса. План Юнга является предметом отдельного послесловия, так как брошюра к моменту его опубликования уже была целиком сверстана. Вопрос о долгах б. царской России и временного правительства также выделен в специальную главу, где вкратце изложена вся история переговоров советского правительства с капиталистическими державами по вопросу о долгах и кредитах.

Наибольший принципиальный интерес представляет глава VIII, являющаяся попыткой экономического и политического анализа условий урегулирования международной задолженности с точки зрения противоречий послевоенного капитализма. Автору удалось с большой ясностью показать экономическую сущность реализации платежей по военным долгам из народного дохода стран-должников и вскрыть противоречивость и сложность проблемы трансферта этих платежей в народное хозяйство стран-кредиторов. При этом справедливо отмечается, что проблема европейско-американского трансферта—к главному кредитору, представляет не меньшие трудности, чем обычно выдвигаемая на первый план проблема трансферта платежей главного должника—Германии.

Очень удачная картограмма на стр. 136 прекрасно иллюстрирует функционирование объединенного механизма репарационно-междусоюзнических платежей. Жаль только, что диаграмма эта основывается еще на цифрах плана Дауэса. Именно план Юнга окончательно запечатлевает единство действия всего этого механизма. В изложении т. Виленчука этот существенный момент совершенно не оттенен и в весьма обстоятельной цифровой характеристике междусоюзнической и репарационной задолженности не хватает заключительного звена—общего баланса взаимных обязательств и претензий в единой отныне системе мировых военных долгов. Этот недостаток, впрочем, объясняется тем, что книжка т. Виленчука была закончена, набрана и даже сверстана до решающих событий в области урегулирования международной военной задолженности летом 1929 г. и автор в состоянии был внести только отдельные дополнения и поправки. Этим же обстоятельством объясняется и несоответствующее действительности утверждение на 118 стр., что как франко-ан-

глийское, так и франко-американское соглашения о военных долгах по сей день еще не ратифицированы французским парламентом.

Главными достоинствами книжки т. Виленчука являются обстоятельная документация, строгая систематичность изложения при большой ясности и выразительности характеристик излагаемого предмета. При этом изложение не перегружено цифрами и везде, где это возможно, читатель получает наглядное представление о количественных соотношениях из простых и выразительных диаграмм. Но наиболее ценно в книжке то, что она, отнюдь не в ущерб популярности изложения, с начала и до конца носит исследовательский, проблемный характер, не оставляет ни одного факта, ни одной цифры без надлежащего экономического освещения и дает все, что нужно для того, чтобы заинтересовать читателя и помочь ему самостоятельно разобраться в сущности вопроса.

Резкий контраст по сравнению с только что рассмотренной работой представляют две других брошюры. Книжка С. А. Вышнепольского «Мировой транспорт и мировое хозяйство» в ряде глав излагает элементарные сведения о гужевом, железнодорожном, морском, речном и воздушном транспорте. Вступительная глава содержит общую характеристику роли транспорта в народном хозяйстве. Непонятно, почему к этой главе автор пристегивает четыре странички, посвященных советскому транспорту и его перспективам в связи с задачами индустриализации страны, а в самом конце книги посвящает еще четыре странички специальной главе о советском транспорте. И там и тут он ограничивается поверхностным и беглым перечислением основных цифровых данных и целевых установок наших хозяйственных планов в сфере развития транспорта. Лучше было бы совсем не писать о проблемах транспортного строительства в СССР, чем так небрежно отписаться от них.

Лучше написаны две главы, посвященные характеристике роли мирового транспорта в мировом капиталистическом хозяйстве, его значению в захвате внешних рынков и завоеваний колоний. Но и здесь автор пытается в очень сжатом очерке охватить сразу очень много проблем как общего, так и специального значения: и

проблемы монополистического капитализма в мировом железнодорожном и морском транспорте, и проблемы таможенного протекционизма и экономического завоевания колоний, и специальные характеристики транспортной политики Японии и Соединенных Штатов. Это стремление «объять необъятное» опять приводит к беглому и поверхностному перескакиванию от одной темы к другой.

В предисловии автор оговаривается, что «охватить всю сложность» современных транспортных проблем ему не позволила как сжатость данного очерка, так и специальные цели настоящей серии». Мы позволим себе не согласиться с автором. Как уже указывалось выше, именно специальные цели данной серии обязывали автора подробно остановиться на выяснении основных проблем исторической эволюции экономики мирового транспорта, проблем соперничества и разделения труда между отдельными видами транспорта (борьба ж.-д. транспорта с водным транспортом и автомобильным транспортом), проблем технической революции на транспорте и т. д. Обо всем этом в книге нет ни слова. С другой стороны, ряд второстепенных и побочных вопросов, которых автор бегло касается в своей работе, мог бы быть с успехом оставлен в стороне. Главный грех работы т. Вышнепольского именно в том и заключается, что она совершенно не носит проблемного, исследовательского характера, а представляет в основном достаточно бессистемный и скучный набор элементарных сведений.

При этом в отношении доброкачественности этих сведений в книжке также далеко не все обстоит благополучно: есть ряд погрешностей и неточностей, которых следовало бы особенно избегать в работе, рассчитанной на малоподготовленного читателя. Такие (неточности) как «Канада и Индия—две части английского королевства» (стр. 60), или «Нью-Йорк—столица Соединенных Штатов» (стр. 78) еще не так существенны. Но, напр., на стр. 93 автор утверждает: «Расположение американских рек настолько благоприятно, что особенно больших средств на речные каналы... здесь не пришлось затрачивать. На 47 тыс. км судоходных рек в САСШ речных каналов имеется всего длиной в 5,5 тыс. км, т. е. около 1/8». Автор обходит молчанием всю бурную историю борьбы каналов и

железных дорог в САСШ, в результате которой было засыпано больше каналов, чем осталось, и затраченные на них огромные средства пропали даром. Или на стр. 98 сказано, что «в 1914 г. совершаются первые кругосветные путешествия на аэропланах». Это явно не соответствует ни действительности, ни дальнейшему контексту книжки. Наконец, на стр. 145 говорится: «Транспортная политика английского империализма в Индии—это глубоко обдуманый и прекрасно выполненный коварнейший замысел... В короткое время Индия, бывшая большой промышленной страной (sic!), благодаря развитию внутренних путей сообщения и дешевизне морских перевозок, была наводнена английскими готовыми товарами. Ее цветущая промышленность разорилась и она превратилась в крупного экспортера сырья». Автор несколько увлекся и преувеличил вредное влияние хороших путей сообщения на индийскую промышленность. Дело обстоит как раз наоборот: какие бы захватнические цели не ставил себе британский империализм, именно развитие хороших путей сообщения послужило главной основой для расцвета в Индии прежде не существовавшей мощной капиталистической промышленности и, как следствия этого подъема, для зарождения молодой национальной буржуазии, ныне добивающейся независимости от Великобритании, и необычайного развертывания революционной классовой борьбы пролетариата, свидетелями которой мы являемся в последние годы.

Еще менее удачна работа И. М. Файнгара «Америка и Европа в мировом хозяйстве». Она отличается теми же недостатками, что и брошюра С. А. Вышнепольского, но в более сильной степени. Автора нельзя упрекнуть в том, что он оставил вне поля зрения какую-либо из основных проблем взаимоотношений Европы и Америки в мировой капиталистической экономике после войны. Он останавливается и на пере-

мещении в Америку центров мирового производства, и на торговой и кредитной экспансии Америки в противовес старой Европе, и на борьбе за колониальное сырье, и на роли и значении Америки в послевоенном восстановлении европейского хозяйства. Не забыты и политические аспекты проблемы образования европейского таможенного союза и Соединенных Штатов Европы, направленных против американской гегемонии. Но изложение всех этих вопросов и здесь чрезвычайно беглое и мало продуманное.

Книжка тов. Файнгара представляет собой любопытный пример исключительно неумелого пользования богатейшим материалом американской хозяйственной статистики для аргументации и иллюстрации излагаемых им положений. Мы не будем приводить подробных примеров, так как их пришлось бы привести слишком много, но в ряде случаев либо берутся устаревшие данные (напр., данные промышленного ценза 1919 г.—стр. 22), либо сопоставляются отдельные, случайно выхваченные, годы, либо иллюстрация почему-то ограничивается только годами войны, а все послевоенные годы оставляются без внимания (см. диаграммы на стр. 34, 38 и 45). Вследствие этого совершенно искажается перспектива, и читатель лишается возможности составить себе какое бы то ни было определенное представление об экономической эволюции США за послевоенный период. Немало также фактических и теоретических погрешностей, в частности—в анализе платежного баланса между США и Европой (стр. 54—55). В общем книга гораздо слабее ряда оригинальных и переводных работ об американской экономике, выпущенных за последние годы.

Большим достоинством всей серии является наличие в конце книжек указателей литературы для дальнейшего чтения и предметного указателя. Изданы книжки очень опрятно. Цена умеренная.

А. Н. Зак

Новые материалы о бюджетах рабочих в Германии в 1927/28 г.

(По данным официального обследования)

Долгожданные результаты бюджетного обследования в Германии, произведенного Центральным управлением статистики в 1927/28 г., наконец опубликованы в предварительных итогах в только что вышедшем номере (№ 20 за 1929 г.) «Wirtschaft und Statistik». В напечатанных пока материалах содержатся лишь сведения о структуре приходного и расходного бюджета по экономическим группировкам; материалов же о потреблении в натуральном выражении, что представляло бы для нас особый интерес, мы пока не можем получить. Но и те данные о приходе-расходном балансе трудовых семейств Германии, которые можно извлечь из упомянутого предварительного очерка, заслуживают большого внимания, тем более, что в германском обследовании бюджетов применен ряд методологических новшеств, имеющих немало-важное значение.

Обследование проведено было по типу годовых закладок-записей за период времени с марта 1927 г. по февраль 1928 г. включительно. Наблюдение таким образом приходится на период благоприятной конъюнктуры народного хозяйства Германии. Существенного прироста реальной зарплаты 1927 календарный год, как известно, в Германии не принес (увеличение ставок реальной зарплаты по официальному индексу в 1927 г. составляло всего 1% по сравнению с 1926 г.). Однако благоприятная конъюнктура по крайней мере гарантировала рабочего от существенных «прогибов» в бюджете из-за безработицы и сокращенного рабочего времени.

Это следует иметь в виду при трактовке материалов, помещенных ниже, и это отмечают и авторы обследования.

Обследование было начато в 2400 семьях рабочих, служащих и чиновников государственных учреждений. Годичные бюджеты полностью и с доброкачественными данными удалось провести для 2036 семей. Таким образом, отпадение и браковка составляют 15% первоначально заложенного количества бюджетов. Из 2036 годовых бюджетов приходится 964 на рабочие семьи, 559 на семьи служащих, 509 на чиновников госслужбы и 4 прочих. В опубликованных же пока сводках дается материал только по бюджету рабочих семей, причем из общего числа 964 бюджетов включены 56 семей по той причине, что в них получились значительные выпадения в доходной части, вследствие безработицы, болезни, стачек или локаутов. Таким образом, Германское статистическое управление считает целесообразным вводить в сводки лишь более или менее «нормальные» бюджеты в смысле стабильности дохода (даже и в условиях сравнительно благоприятного по конъюнктуре года). Исключенные из сводки 56 бюджетов авторы

обещают, однако, подвергнуть проработке особо. Кроме того, 12 бюджетов подлежат по разным соображениям монографическому описанию и из сводки также исключены.

При анализе доходной части бюджета мы еще вернемся к вопросу о репрезентативности бюджетов, вошедших в сводку, пока же остановим наше внимание на одном из стержневых вопросов бюджетной методологии, а именно на примененных авторами способах исчисления так называемого «взрослого едока», или унифицированной потребительской единицы.

Как известно, существует целый ряд шкал для перевода «душ» разного возраста на взрослых едоков. Из числа последних западно-европейских исследований большинство пользовалось довольно детальными нормами переводов. Исключение составляли гамбургские бюджетные обследования, руководимые профессором Тышка (Tysza), который считает, что более целесообразно применять упрощенную схему: дети до 13 лет обоего пола приравниваются к 0,5 взрослой потребительской единицы, а все лица в возрасте старше 14 лет принимаются за 1,0.

Германское статистическое управление пошло иным путем. Оно подвергло серьезной критике все старые методы в этой области и приняло на наш взгляд здоровое решение, а именно: оно установило различные схемы переводов душ в взрослые едоки для пищевой и непищевой части бюджета. Насколько верны самые нормы—это, конечно, еще подлежит тщательной проверке на конкретных материалах. Но нельзя отказать в логичности такому построению, когда для детей раннего и школьного возраста дается несколько больший удельный вес по пищевому расходу, чем по прочим статьям бюджета. В самом деле, ребенок если и потребляет количественно много меньше взрослого работающего человека, то состав его пищи и качество ее требует повышенных расходов на единицу продукта. Между тем по одежде, квартирному, топливному расходу, по затратам на все иные потребности на «душу» в возрасте 8—9 лет несомненно приходится относительно меньшая доля, чем по расчету на пищевые расходы. Исходя из этой правильной предпосылки—авторы германского бюджетного обследования построили следующую схему¹.

Шкала пересчета душ на взрослых едоков (взрослый едок = 1)

	Мужч.	Женщ.
1. Для питания		
до 9 лет включительно	0,50	0,50
от 10 до 14 лет „	0,75	0,75
от 15 лет и старше	1,00	0,90
2. Для прочих жизненных потребностей		
до 5 лет	0,20	0,20
6—9 „	0,30	0,30
10—14 „	0,50	0,50
15—19 „	0,70	0,70
от 20 лет и старше	1,00	0,90

Согласно этой схеме, ребенок в возрасте до 5 лет приравнивается по пищевому расходу к половине взрослого работника мужского пола, тогда как по расходам на все прочие нужды лишь к 0,2 взрослого. Подростки от 15 лет по питанию приравнены к взрослым, а по прочим расходам они «расцениваются» на 30% ниже взрослого и т. д.

¹ В выработке ее принимали участие виднейшие гигиенисты Германии: проф. Grotjahn, Hahn, Rubner, Schütz.

Было бы весьма желательно подвергнуть все это оригинальное построение надлежащей дискуссии у нас, так как в нашей бюджетной методологии, при всех ее больших успехах, именно по этому пункту почему-то наблюдается консерватизм (мы застыли здесь в сущности на «вологдско-этуотерских» нормах).

Обращаемся к рассмотрению прихода-расходного бюджета рабочих семейств в Германии.

Относительно техники построения прихода-расходного баланса мы отметим лишь два пункта: 1) так называемые переходящие оборотные статьи показаны после взаимного зачета и в своем первоначальном виде не фигурируют; 2) номенклатура доходного бюджета даже в предварительных итогах, опубликованных пока в двухнедельном журнале «Wirtschaft und Statistik» отличается значительно большей детализацией, чем в старых довоенных германских обследованиях и вообще во всех зарубежных обработках бюджетов, которые, в противоположность нашим, не считают необходимым уделять много внимания структуре приходной части рабочего бюджета.

В напечатанном пока материале мы находим всего три основных таблицы: а) состав прихода по экономическим группам, установленным на основании дохода на семью в целом, б) состав расхода по тем же экономическим группировкам и в) состав расхода по экономическим группам, исчисленным на основании размера дохода на одного взрослого едока.

Средний размер семьи по числу душ определяется в 4,2, т. е. весьма близок к соответствующей величине наших годовых бюджетов (1928 г. = 4,16—4,18 душ на семью по 980 бюджетам по всей территории СССР в среднем). Количество взрослых едоков на семью в очерке непосредственно не указано, но мы можем его легко установить из соотношения между средним расходом на семью и на одного взрослого едока. Произведя это вычисление, мы можем получить показатель, согласно которого на семью приходится 2,88 взрослых едоков, величина несколько большая, чем по нашим годовым бюджетам 1928 г. (2,73 взрослых едока на семью)¹.

Для суждения о степени репрезентативности германских рабочих бюджетов по экономическому признаку можно сделать лишь самую схематическую оценку типичности заработка глав семей, вошедших в обработку. Так как пока мы не располагаем сведениями о профессиях и производствах, в которых работают главы семей, то оказывается затруднительным сравнивать их заработок с общей средней зарплатой. К тому же общеизвестно, что в Германии нет достаточно доброкачественных текущих сведений о фактической зарплате.

Средний заработок по основному занятию (Hauptberuf) у глав семей по германским бюджетам составлял 2.647 марок в год. Так как в качестве глав семей фигурируют в этих бюджетах только мужчины (это, конечно, вообще неправильный подход), то мы должны определить средний заработок взрослого женатого рабочего. Публикуемые в текущем порядке ежемесячные данные о тарифных ставках, как видно из соответствующих примечаний, представляют из себя именно ставку взрослого рабочего мужчины с надбавками на семью (жену и двое детей). За интересующий нас период времени с марта 1927 г. по февраль 1928 г. средняя недельная ставка квалифицированного

¹ Число взрослых едоков на семью, как понятно из вышесказанного, будет различно в зависимости от того, трактуется ли расход на пищу или на прочие потребности. Величина 2,88 является фиктивной средней для всех расходов вместе.

рабочего составляла около 49 марок, а для неквалифицированного — 37 марок. Соотношение квалифицированных и неквалифицированных рабочих мы можем принять по имеющимся приблизительным данным как 7 и 3 (70% квалифицированных и полуквалифицированных и 30% необученных по германско-австрийской терминологии). Исходя из этого мы получим ставку семейных рабочих мужского пола для всех квалификаций, в среднем, в 45 марок в неделю, или 7,5 марок в день.

Как определить теперь годовую зарплату для этих рабочих? Казалось бы, можно просто помножить недельную ставку на 52 и получить формально годовую ставку. Но это было бы неправильно, так как означало бы, что мы берем заработок рабочего за 312 фактически отработанных дней в году ($6 \times 52 = 312$ дней), чего, конечно, не может быть. Каково же фактически отработанное число дней в году у германских рабочих? К сожалению, вполне доброкачественных данных по этому вопросу мы не имеем. Но из сопоставления списочного числа занятых рабочих и количества отработанных дней в году по материалам страхования от несчастных случаев за 1927 г. мы можем вывести, что на одного рабочего приходится 263 отработанных дня, если включить сюда и строительную промышленность, в которой по сезонным условиям приходится всего 192 отработанных дня на одного рабочего в год. Если же исключить строительную промышленность как сезонную отрасль производства, то мы получим 281 отработанный день на одного рабочего¹. Приняв даже эту последнюю цифру (в виду того, что, как сказано, авторы исключили из бюджетов те семьи, где получилось особо сильное выпадение заработка из-за болезни, безработицы и пр.), мы получим годовую ставку женатого мужчины-рабочего $7,5 \times 281 = 2.107,5$ марок. Но это — размер годовой ставки, а не фактического заработка за отработанное время.

Как показывают специальные обследования действительной заработной платы, выполненные Статуправлением Германии (по текстильной, металлообрабатывающей, деревообделочной, химической промышленности), приработок на колдоговорную ставку составляет примерно 15%. На 2.108 марок это дает 316 марок, и таким образом, весь фактический заработок для семейных рабочих мужского пола можно определить не более, чем в 2.400—2.450 марок в год (по всей Германии в среднем для 1927 г.)². По бюджетам же годичный заработок составляет, как сказано, 2.647 марок. Объясняется ли это особенностями производственного, профессионального или территориального характера по отношению к объектам бюджетного обследования, или же здесь играет роль отбор более благополучных рабочих по количеству отработанных дней за год — судить пока трудно.

Расхождение может объясняться отчасти тем, что по использованной нами тарифной статистике по двум производствам включены ставки также и женского персонала, тогда как главы бюджетных семей принадлежат исключительно к мужскому составу. Между тем подобный специальный подбор семейств с главами мужчинами по существу не может быть признан правильным.

¹ Без горнодобывающей промышленности, которую, по условиям публикации материала, включить здесь не можем.

² Подчеркиваем, что речь идет не о среднем заработке для всех рабочих того и другого пола и всех возрастов, а лишь для мужчин, с семейной надбавкой, и при том для высших возрастных тарифных групп. Лишь по текстильному и картонажному производству учтены ставки также и женского персонала, которые по видимому, включены и в общую взвешенную среднюю.

Приходный бюджет для всех 896 семейств, вошедших в сводку, имеет следующий состав:

	Число случаев данного вида доходов	Сумма прихода на семью в год в германских марках	% к итогу
Заработок главы семьи:			
По основному занятию	896	2.647,02	79,6
По второстепенному занятию	338	35,31	1,1
Всего заработок главы	896	2.682,33	80,7
Заработок жены	411	142,10	4,2
Заработок проч. членов семьи	251	159,21	4,8
I. Всего: заработок (главы и членов их семьи)	896	2.983,64	89,7
Чистый доход от сдачи комнат и от нахлебников	118	21,24	0,6
Чистый доход от собственного заготовительн. хозяйства	192	12,06	0,4
Поступления от страхования	468	84,18	2,5
Проценты	47	9,42	0,3
Помощь родных и пр., подарки	776	111,66	3,4
Прочие поступления	592	28,86	0,8
Всего: разные доходы	864	267,42	8,0
A. Всего: заработок и разные доходы	896	3.251,06	97,7
Взято из сбережения	407	26,29	0,8
Поступило возврата долга	196	6,22	0,2
B. Всего от сбережений и возврата выданных в долг денег	520	32,51	1,0
Взято аванса в счет зарплаты	43	1,27	0,0
Взято в товарный кредит (непокрыто к концу года)	307	20,24	0,6
Взято займы деньгами	124	8,66	0,3
C. Всего взято в долг	401	30,17	0,9
D. Невыясненный доход	531	11,38	0,4
Общий итог	896	3.325,12	100,0

Заработная плата главы семьи по основному занятию составляет 80% всех поступлений в семье.

В бюджетах наших рабочих по ноябрьским месячным обследованиям заработок главы семьи покрывает 70—71% доходного бюджета. По годовому обследованию 1928 г. — 75—76% (1-е полугодие 1928 г.). Более высокая доля зарплаты главы семьи в доходе германских рабочих семей является результатом уже упомянутого специального подбора семей. В германских бюджетах подобраны семьи, состоящие непременно из супружеской пары (муж и жена), причем главой является зарабатывающий муж. В наших бюджетах главой семьи может быть как муж, так и жена, вдова-мать семейства, старший сын, если является фактически главным добытчиком средств. При таких условиях вполне понятны без дальнейшего структурные различия в

составе доходов наших и германских семей рабочих и более высокая доля заработка главы семьи—отца в германских бюджетах.

На зарплату прочих членов семьи (жену и детей) в германских бюджетах 1927/28 г. приходится 9%, а по нашим ноябрьским обследованиям 11—12% (не считая соцстраховых поступлений, о которых речь будет дальше), по годовому (1-е полугодие 1928 г.)—около 8%.

Поступления от социального страхования в опубликованных таблицах показаны вместе с другими видами страховых доходов (частное, добровольное страхование, имущественное страхование). Но можно считать, конечно, что на соцстрахование приходится в этой статье подавляющая доля. Страховые поступления приведены одной цифрой на всех членов семьи вместе и дают всего 2,5% дохода. В бюджете же наших рабочих семей (берем годовые бюджеты, так как месячные—ноябрьские—именно по этой статье дают неправильное представление) соцстрах и соцобеспечение составляют 6,4% поступлений. Это конечно понятно, если учесть прежде всего более высокие нормы страховых пособий по временной нетрудоспособности в СССР (100% заработка до издания новых правил) и в Германии 50—55% «основной» зарплаты, а равно если принять во внимание различия в длительности выплаты пособий по законодательству той и другой страны.

Состав доходов по экономическим группировкам напечатан в цитируемом источнике пока лишь по показателю дохода на семью в целом.

Хотя такие группировки и являются общепринятыми в иностранных бюджетных обследованиях, они вскрывают лишь половину дела по существу. В добавление к этой группировке необходимы еще расчеты экономических групп по доходу на одного взрослого едока, как это было сделано еще в превосходном исследовании венских бюджетов 1912—1914 гг., к сожалению, малоизвестных у нас до сих пор.

Состав доходов в % к общему итогу по экономическим группам в германских рабочих семьях 1927/28 г.

Статьи дохода	Группы по размеру дохода на семью в год в марках					В среднем
	До 2500	2500 — 3000	3000 — 3600	3600 — 4300	Свыше 4300	
Зарплата главы семьи:						
а) по основн. занятию	88,6	85,9	82,0	75,3	66,5	79,6
б) по второстеп. занятию	0,5	0,6	1,4	1,2	1,2	1,1
Всего	89,1	86,5	83,4	76,5	67,7	80,7
Заработок жены	1,8	2,4	4,0	6,2	6,0	4,2
Заработок проч. членов семьи	0,4	0,8	2,3	6,2	16,6	4,8
Итого трудовой доход семьи	91,3	89,7	89,7	88,9	90,3	89,7
Прочие источники дохода	8,7	10,3	10,3	11,1	9,7	10,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Число семей	86	255	293	178	84	896
Число душ в среднем на семью	3,6	3,9	4,2	4,4	4,9	4,2

С увеличением абсолютного размера дохода семьи увеличивается, как видим, доля трудовых доходов, приносимых в семейный бюджет другими членами семьи, кроме главы, и падает относительно доход от заработка главы семьи. Это и естественно, поскольку самый рост бюджета обусловлен увеличением числа зарабатывающих членов семьи, а не только абсолютным повышением размера заработной платы главы. К сожалению, в опубликованном пока материале нет данных о количестве зарабатывающих членов семьи по экономическим группам, и трактовку этой части вопроса придется отложить до дальнейшего. В прилагаемых основных таблицах читатель может проследить динамику прочих более мелких статей дохода по экономическим группам.

Расходный бюджет рабочей семьи в Германии в 1927/28 г.

Статьи расходов	Число случаев данного расхода	Сумма расхода на семью в год в герм. марках	% к итогу расходов
1. Питание, вкусовые вещества, напитки, наркотики ¹ :			
Питание и безалкогольные напитки	896	1,372,44	41,3
Алкоголь	886	84,36	2,5
Табак, папиросы, сигары	827	50,19	1,5
2. Прочие потребительские расходы:			
Квартирная плата	896	333,12	10,0
Отопление и освещение	896	120,61	3,6
Обстановка и прочие расходы по квартире	896	127,50	3,9
Одежда и белье	896	422,86	12,7
Гигиена тела	896	25,51	0,8
Медицинская помощь	857	21,00	0,6
Страховые взносы	896	260,41	7,9
Образование, обучение	895	65,46	2,0
Развлечение и пр.	872	30,37	0,9
Отдых	871	36,88	1,1
Поездки, развозные расходы	859	40,91	1,2
Взносы в союзы и общества	884	75,17	2,3
Налоги	819	81,49	2,5
Пошлины, сборы (почтовый расход, телефон, судебный сбор)	832	4,59	0,1
Уплата процентов	41	0,41	0,0
Убытки собственного хозяйства (огородного, молочного и пр.)	61	1,39	0,0
Содержание прислуги	2	1,44	0,0
Помощь и подарки лицам, не состоящим членами семьи	868	49,61	1,5
Прочие расходы	896	40,86	1,2
3. Вклады денег:			
Сбережения	487	42,65	1,3
Дано взаймы (на сторону)	132	5,14	0,2
4. Погашение долгов:			
Возврат аванса зарплаты	36	1,03	0,0
Уплачено за товарный кредит	226	17,93	0,6
Погашено прочих долгов	102	4,23	0,1
5. Невыясненный расход	327	7,56	0,2
Всего	896	3,325,12	100,0

¹ Статью «Питание и вкусовые вещества», включающую по германской номенклатуре также и спиртные напитки и наркотики, мы расчленим на три части: а) пищевые и вкусовые вещества, б) алкоголь, в) табак — на основании детальных данных, помещенных в № 22 „Wirtschaft und Statistik“ за 1929 г.

Относительная роль соцстраховых поступлений падает по мере перехода к высшим группам дохода. В самой высшей группе поступления от соцстраха понижаются даже и в абсолютной их величине.

Поступления от сдачи комнат и от нахлебников, повидимому, обнаруживают тенденцию не только к абсолютному, но и к относительному росту в семьях с более крупным доходом.

Расходный бюджет рабочей семьи в Германии в 1927/28 г. в используемом нами источнике опубликован в двух комбинациях: в экономических группировках по доходу на семью в целом и на взрослого едока. Прежде всего ознакомимся с структурой расходного бюджета в среднем для всего круга обследованных семейств (см. табл. на стр. 146).

Сопоставляя структуру германских и наших рабочих бюджетов по основным статьям, получаем следующую картину:

Структура расходного бюджета рабочей семьи в % к итогу

	В Германии (1927/28 г.)	В СССР Избранные бюджеты 1927 г.
Питание, алкоголь, табак,	41,3	43,8
алкоголь	2,5	2,8
табак, папиросы	1,5	1,4
Квартирная плата	10,0	4,8
Единовременный расход по дому и на ремонт	3,9	2,1
Обстановка, хозяйственные вещи	3,6	3,3
Отопление, освещение	12,7	6,2
Одежда, обувь	0,8	22,4
Гигиена	0,6	0,6
Лечение	0,6	0,2
Культурно-просветительные расходы (Обучение, книги и пр. просв. расх.)	2,0	0,9
Развлечения (театр, кино)	0,9	0,9
Общественно-политический расход	2,3	2,2
Страхование (социальное, частное и имуществ.)	7,9	0,5 ¹
Налоги	2,5	
Сборы и пошлины	0,1	
Дано взаймы	0,2	
Уплачено долга (лицам и организациям)	0,1	3,3
Помощь отсутствующим членам и проч.	1,5	1,2

Питание в наших бюджетах берет несколько большую долю общего бюджета, чем в Германии. Расход на алкоголь почти одинаков по бюджетам обеих стран (несколько более высок у нас). Также почти равны относительные доли расхода на табак, папиросы и проч. в бюджетах наших и германских рабочих.

Что касается квартирного расхода, то так как затраты по ремонту дома и расходы, связанные с переменой квартиры, в германских бюджетах слиты с расходами на хозяйственные вещи и обстановку, то мы должны были соответственно перегруппировать жилищный расход в наших бюджетах, расчленив его на квартплату в собственном смысле и на прочие расходы. При этих условиях квартирная плата (оплата площади) в бюджетах наших рабочих семей берет вдвое меньшую

¹ Частное страхование и прямые налоги.

долю, чем у германских. Здесь играют роль два обстоятельства: 1) классовый принцип квартплаты в СССР и 2) наши низкие нормы жилищной площади. К сожалению, мы пока не можем привести точные данные о жилплощади у германских рабочих семей—объектов бюджетного обследования. Однако по имеющимся теоретическим расчетам надо полагать, что душевой размер жилплощади в Германии выше, чем у нас в среднем по СССР.

На отопление и освещение у нас идет больший процент расхода, чем в Германии. Причина этого лежит—во-первых, в различии климатических условий обеих стран (более длинная и суровая зима в Российской части СССР, чем в Германии), во-вторых в относительной дороговизне отопительных и осветительных средств у нас (в Германии топят исключительно каменным углем, а не дровами).

Равным образом, более высока доля расхода в наших бюджетах на одежду (включая обувь, белье и пр.). Здесь опять-таки имеет отчасти значение различие в климатических условиях. Суровая зима в СССР заставляет приобретать много теплой одежды (шубы, валенки, тулупы, шапки, теплые платки и пр.). Но, с другой стороны, несомненно и то, что в 1927/28 г. одежда и ткани у нас стоили примерно в два раза дороже, чем в Германии. Отсюда ясно, что и расход на эту статью должен быть абсолютно и относительно ниже в Германии при одинаковом количестве и качестве приобретаемых вещей¹.

Значительно ниже, чем в Германии, у нас доля расходов на медпомощь, что, очевидно, связано с условиями нашего соцстрахования и организации медпомощи. Отчасти, может быть, здесь сказываются и несколько большие затраты немцев на покупку мелких медикаментов, на зуболечение (сверх страхового зубо врачевания). Что касается культурно-просветительных расходов, то меньшая доля в бюджете нашего рабочего объясняется² большим количеством бесплатных культурных услуг, вследствие более широкой сети культурно-просветительных учреждений наших профсоюзов и меньшими затратами на покупку книг и газет. На развлечения же (театр, кино) у нас и в Германии рабочие затрачивают приблизительно одинаковый процент расходного бюджета. Здесь, однако, надо еще учесть бесплатные билеты, предоставляемые нашим рабочим. По исчислениям Г. С. Полляка, по отношению к бюджетам 1927 г. число бесплатных посещений зрелищ (театры, концерты, кино) превышает число платных (на 16%), а в частности по театру число бесплатных посещений в три раза больше, чем число платных³.

Общественно-политические расходы дают почти одинаковый процент в бюджете германского и советского рабочего.

Весьма характерно далее, что на страховые взносы и налоги германская рабочая семья вынуждена выкраивать 10% своего расход-

¹ Весьма любопытно, что в зиму 1928/29 г. Германия и Австрия (а равно и другие западно-европейские страны) впервые за 200 последних лет познали „настоящие русские морозы“. По сведениям из периодической печати трудовое население чрезвычайно страдало от этих холодов. Запасы шерстяной одежды в магазинах раскупались, по газетным сведениям, нарасхват. Равным образом колоссально возросло и потребление топлива. Каменного угля не хватало и часть учреждений даже приостанавливала функционирование. Интересно будет проследить влияние этого фактора в тех бюджетах, которые охватят зимний период 1928/29 г.

² и ³ Бюджеты рабочей семьи. Изд. ЦСУ (вып. I), 1929 г. Стр. 73. По расчетам Г. С. Полляка, бесплатные культурно-просветительные услуги, не считая обучения детей, составляют по самой минимальной оценке 50% денежного культурно-просветительного расхода наших рабочих семей.

ного бюджета. По отношению к заработной плате (всех членов семьи) это составит даже еще больший процент.

	Затраты на страхование и налоги в германских рабочих семьях в % к зарплате (1927/28 г.)
Страхование (социальное, частное и имущественное)	8,72
Налоги (прямые)	2,73
Всего	11,45

Расход по страхованию включает не только взносы на социальное страхование, но и на частное. Однако эти последние расходы, повидимому, очень невелики, так как по данным специальных обследований зарплаты в металлопромышленности и химической промышленности в Германии взносы на соцстрах составляют свыше 8% зарплаты (брутто)¹.

Прямые налоги по тем же данным отнимают 2,5—4% у металлистов мужчин и 0,7—1,7% у женщин (с низкой зарплатой; благодаря необлагаемому минимуму часть зарабатывающих не подпадает под обложение). Таким образом, данные бюджетов в этом отношении вполне сходятся с материалами специальных обследований зарплаты в Германии.

Что касается бюджетов наших рабочих, то социально-страховые взносы здесь, конечно, полностью отсутствуют. Но должны быть в очень небольшой доле те или иные расходы по частному страхованию и по уплате подоходного налога в высших группах зарплаты. К сожалению, всесоюзные сводки бюджетов не содержат соответствующих сведений. По Москве же (где эти расходы должны быть преувеличены вследствие более высокой зарплаты, и следовательно, большего числа случаев превышения необлагаемого минимума), по нашим подсчетам на упомянутые статьи падает не более 0,5% бюджета. Эту цифру как максимальную мы и включили в наше сопоставление².

Откладывая сравнение потребления в германских и наших рабочих семьях в реальных выражениях до ближайшего будущего, когда будут напечатаны сведения о приобретенных предметах в натуральных величинах и о размерах жилищной площади германских рабочих, обратимся к рассмотрению структуры расходного бюджета рабочей семьи в Германии по экономическим группам.

Основные расходы при группировках на основании общего размера дохода на семью в целом дают следующую картину (см. табл. на стр. 150).

В приведенной таблице мы сгруппировали статьи расходов в три основные группы: 1) потребности неэластические или мало эластические, 2) эластические, 3) группа стабильных расходов. Первая группа состоит из расходов на пищу, жилище, отопление и освещение, страхование (главным образом социальное) и лечение. О страховании следует пояснить, что расходы на страхвзносы исчисляются в Германии в виде процента к основной зарплате по разрядам или классам. При этом в высшем классе взнос единообразен для любого заработка (для

¹ См. „Wirtschaft u. Statistik“ № 11, 1929.

² Можно было бы ожидать, что рабочие провинциальных районов, ввиду большого распространения у них собственных домов, в которых они проживают, должны дать более высокий расход на страхование зданий. В действительности, как это видно из упомянутой работы Г. С. Поляка, это обстоятельство не может иметь существенного значения.

Состав расходов в % к итогу в группах по размеру дохода на семью в год в марках (1927/28 г.)

Статьи расхода	I гр. до 2500 марок	II гр. 2500— 3000 марок	III гр. 3000— 3600 марок	IV гр. 3600— 4300 марок	V гр. свыше 4300 марок	Среднее
I. Неэластические потребности						
Питание	44,4	43,4	41,6	40,1	37,5	41,3
Табак	1,7	1,7	1,6	1,4	1,2	1,5
Квартирная плата	11,9	10,6	10,2	9,4	8,8	10,0
Отопление, освещение	4,3	4,0	3,7	3,5	2,8	3,6
Страхование (социальное, частное, иму- щественное)	8,8	8,3	7,9	7,5	7,0	7,9
Лечение	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6
Всего	71,8	68,7	65,6	62,5	57,9	64,9
II. Эластические потребности						
Одежда, белье, обувь	10,4	11,6	12,7	13,4	14,6	12,7
Обстановка, хоз. вещи	3,1	3,2	3,6	4,1	5,3	3,9
Алкоголь	1,8	2,2	2,4	3,0	2,8	2,5
Культурно-просветительный расход (обра- зование, обучение)	1,8	1,8	2,0	2,0	2,4	2,0
Развлечения	0,6	0,8	0,9	0,9	1,4	0,9
Отдых	0,6	0,9	1,1	1,3	1,5	1,1
Поездки, покупка велосипедов	1,1	0,9	1,3	1,4	1,5	1,2
Прямые налоги	1,7	2,4	2,5	2,5	2,6	2,5
Подарки, помощь разн. лицам	1,0	1,3	1,4	1,9	1,6	1,5
Гигиена	0,6	0,8	0,7	0,8	0,8	0,8
Содержание прислуги (плата)	0,0	0,0	0,0	0,1	0,2	0,0
Сбережения	0,7	0,8	1,0	1,5	2,6	1,3
Всего	23,4	26,7	29,6	32,9	37,3	30,4
III. Прочие расходы						
Общественно-политические (взносы в со- юзы, общества и пр.)	2,2	2,4	2,3	2,2	2,1	2,3
Пошлины, сборы, телефон, марки	0,2	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1
Разные расходы	2,4	2,1	2,4	2,2	2,6	2,3
Всего	4,8	4,6	4,8	4,6	4,8	4,7
Общий итог	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Средний размер расхода в марках	2.271,8	2.758,9	3.285,2	3.907,5	5.027,5	3.325,1

рабочих), поэтому чем выше заработок, тем относительно ниже процентный размер взноса. Благодаря этому получается «регрессия» обложения на социальное страхование.

Относительно расхода на табак нужно оговориться, что он попадает в раздел неэластических или жизненно-необходимых статей лишь при группировках на семью в целом. Как увидим далее, при группировках на взрослого едока этот расход относительно возрастает от низшей к высшей группе. Это, очевидно, служит отражением лишь того факта, что расход этот, связанный теснейшим образом с возрастно-

половым составом хозяйственных групп (курят главным образом взрослые мужчины), может принимать различные формы при экономических группировках, в зависимости от фактического количества взрослых лиц (не фиктивных «взрослых едоков», а действительно взрослых мужчин) в тех или иных группах.

В общем, по первому разделу неэластических расходов получается снижение с 72 до 58% общего итога при переходе от низшей к высшей экономической группе, т. е. при увеличении среднего расхода на семью в год с 2.272 марок до 5.028 марок, иначе говоря, при увеличении абсолютной суммы бюджета семьи в 2,2 раза—относительная доля расхода на первейшие нужды и на обязательные статьи (соцстрах) падает почти на $\frac{1}{5}$ часть.

Второй раздел состоит из «эластических» статей, т. е. способных подвергаться сильному сжатию в слабых и маломощных экономических единицах и интенсивно разворачиваться при росте бюджета. От низшей к высшей экономической группе здесь получается прирост удельного веса в целом по разделу на 50% исходной величины (с 23% до 37% итога). Наиболее интенсивный рост обнаруживают при этом сравнительно мелкие статьи, имеющие вообще малый удельный вес в бюджете, и почти исчезающие из обихода рабочей семьи при резком сжатии бюджета. Сюда относятся развлечения (театр, кино), отдых, сбережения и т. д. В противоположность обязательным вычетам на соцстрах, имеющим регрессивный характер, прямые налоги (на зарплату, подоходный налог) носят прогрессивный характер.

Приведенные соотношения, как упомянуто, исходят из общепринятых в западно-европейских и американских обработках группировок по доходу или расходу на семью в целом. Положительным качеством новых германских обработок является вторая группировка—по расчету на взрослого едока. При этих расчетах следует помнить отмеченное выше своеобразие новой германской схемы перевода душ на взрослых едоков.

В нижеследующем увеличении мы снова даем группировку расходов по принятым нами подразделениям в комбинации с размером дохода на взрослого едока (Vollperson). В отличие от предыдущей таблички, здесь нам пришлось сделать небольшое отступление от принятой выше классификации расходов, так как в первоисточнике в таблице расходов на взрослого едока страховые взносы почему-то соединены в одну группу с прямыми налогами и общественно-политическими расходами. Расчленить эту слитную группу на части мы поэтому в нижеследующей выборке не могли (см. табл. на стр. 152).

Авторы германского обследования считают, что структура расходов при группировках на взрослого едока обнаруживает те же тенденции, что и при группировках на семью в целом, и поэтому находят даже излишним подвергать особой трактовке эту новую комбинацию. Однако это не так. Мы можем заметить, например, что при расчетах группировок на взрослого едока столь важная статья расхода как затраты на одежду имеют здесь совершенное иное развитие по мере перехода к высшей группе, чем это было констатировано при группировках на семью в целом. В самом деле, там мы видели увеличение доли этой статьи от низшей к высшей группе в $1\frac{1}{2}$ раза, здесь же не только нет относительного роста этой статьи, но даже замечается регресс в высших группах. Очень небольшое повышение дает эта статья лишь в средней экономической группе. Между тем другая типичная эластическая статья—расход на обстановку и хозяйственные

Состав расходов в процентах к итогу. Группы по размеру дохода на одного взрослого едока в год в германских марках.

Статьи расхода	I гр. до 800 марок	II гр. 800—1000 марок	III гр. 1000—1200 марок	IV гр. 1200—1400 марок	V гр. 1400—1600 мар. и более	Среднее
I. Неэластические статьи						
Питание	43,6	41,5	38,1	35,8	32,3	37,3
Квартирная плата	11,5	11,6	11,2	10,6	9,7	10,8
Отопление, освещение	4,7	4,2	4,1	3,8	3,3	3,9
Лечение	0,7	0,6	0,7	0,7	0,8	0,7
Всего по I разделу	60,5	57,9	54,1	50,9	46,2	52,7
II. Эластические статьи						
Алкоголь	1,6	1,9	2,4	2,5	2,9	2,4
Табак	1,1	1,3	1,3	1,7	1,6	1,5
Одежда, обувь, белье	13,6	13,4	14,0	12,9	13,0	13,3
Обстановка, хозяйственные вещи	2,6	3,3	3,6	4,7	5,7	4,2
Культурно-просветительные расходы (образов., обучение)	2,0	2,1	2,1	2,0	2,0	2,1
Развлечения	0,6	0,7	0,9	1,0	1,5	1,0
Отдых	0,8	0,9	1,1	1,3	1,5	1,2
Поездки, покупки велосипедов и пр.	1,0	1,1	1,2	1,5	1,6	1,3
Прямые налоги, страхование и общеполитические расходы	11,6	12,8	13,9	14,5	14,0	13,7
Подарки, помощь разным лицам	1,1	0,9	1,2	1,9	3,1	1,7
Гигиена	0,6	0,7	0,8	0,9	1,1	0,9
Содержание прислуги	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1
Сбережения	0,4	0,6	0,8	1,5	2,7	1,3
Всего по II разделу	37,0	39,7	43,3	46,5	50,8	44,7
Прочие расходы	2,4	2,4	2,6	2,6	3,0	2,6
Общий итог	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Средний расход по всему бюджету на 1 взрослого едока в марках	714,51	906,2	1.097,5	1.328,6	1.766,9	1.156,6

вещи—дает более интенсивный относительный рост при группировках на взрослого едока, нежели при комбинациях с общим ростом бюджета на всю семью в целом.

Так как мы не располагаем пока всем основным материалом, то трудно судить о причинах этих вариаций. Можно было бы думать, что применение новой схемы перевода душ на взрослых едоков, схемы, в которой «неполные» души исчисляются раз но в зависимости от характера расходов (на пищу они засчитываются в большем весе, чем на прочие расходы), приводит к новым «бюджетным закономерностям». Это, несомненно, так и должно быть, но остается неясным, почему сродные в общем статьи (в отношении эластичности), одежда и хозяйственновещевая, обнаруживают столь противоречивые тенденции при переходе на новые способы исчисления взрослых едоков.

Бюджеты рабочих семей

(По данным официального обследования, произве

Приходный бюджет. Группировка

Группы по размеру годового дохода на семью в марках	До 2500			От 2500 до 3000		
Число семей	86			255		
Среднее число душ на семью	3,6			3,9		
Статьи дохода	Число случаев	Доход в марках	% к итогу	Число случаев	Доход в марках	% к итогу
Заработок главы семьи по основному занятию	86	2.013,21	88,6	255	2.370,39	85,9
То же по побочному занятию	27	11,60	0,5	84	16,48	0,6
Всего: заработок главы семьи	86	2.024,81	89,1	255	2.386,87	86,5
Заработок жены	30	39,00	1,8	102	66,33	2,4
Заработок детей	4	9,07	0,4	31	22,92	0,8
I. Всего заработок главы и членов семьи	86	2.072,88	91,3	255	2.476,12	89,7
Поступления (чистый доход):						
От жильцов и нахлебников	5	7,74	0,4	34	17,72	0,7
Чистый доход от собствен. производ. хозяйства	13	3,32	0,1	47	12,32	0,4
Поступления от страхования	41	69,84	3,1	135	79,15	2,9
Поступления от процентов	2	0,50	0,0	9	3,01	0,1
Подарки и помощь лиц, не принадлежащих к составу семьи	71	61,60	2,7	210	94,74	3,4
Прочие источники	51	11,35	0,5	148	21,79	0,8
II. Все прочие поступления	78	154,35	6,8	245	228,73	8,8
A. Заработок и прочие поступления	86	2.227,23	98,1	255	2.704,85	98,0
Взято из сбережений	43	10,50	0,4	115	17,16	0,6
Получено возврата долга	18	4,13	0,2	57	5,34	0,2
B. Всего оборот денежных средств	53	14,63	0,6	150	22,50	0,8
Взято аванса в счет зарплаты	9	1,28	0,1	15	1,43	0,1
Товарный кредит	30	14,59	0,6	85	13,93	0,5
Взято в долг	13	5,13	0,2	34	6,19	0,2
C. Всего взято в долг и кредит	39	21,00	0,9	115	21,55	0,8
D. Невыясненные доходы	51	8,93	0,4	162	10,03	0,4
Общий итог поступлений (баланс).	86	2.271,79	100	255	2.758,93	100

Таблица 1

в Германии в 1927/28 г.

денного Германским Статистическим Управлением)

по размеру расхода на семью

От 3000 до 3600			От 3600 до 4300			От 4300 и выше			В среднем		
293			178			84			896		
4,2			4,4			4,9			4,2		
Число случаев	Доход в марках	% к итогу	Число случаев	Доход в марках	% к итогу	Число случаев	Доход в марках	% к итогу	Число случаев	Доход в марках	% к итогу
293	2.695,17	82,0	178	2.941,29	75,3	84	3.344,17	66,5	896	2.647,02	79,6
113	44,82	1,4	74	47,20	1,2	40	58,35	1,2	338	35,31	1,1
293	2.739,99	83,4	178	2.988,49	76,5	84	3.402,52	67,7	896	2.682,33	80,7
141	130,90	4,0	95	244,61	6,2	43	299,57	6,0	411	142,10	4,2
77	77,49	2,3	78	240,86	6,2	61	838,73	16,6	251	159,21	4,8
298	2.948,38	89,7	178	3.473,96	88,9	84	4.540,82	90,3	896	2.983,64	89,7
39	20,00	0,6	26	26,34	0,7	14	39,27	0,8	118	21,24	0,6
61	11,06	0,3	48	14,86	0,4	23	17,78	0,4	192	12,06	0,4
151	85,51	2,6	97	103,05	2,6	44	69,52	1,4	468	84,18	2,5
17	8,82	0,3	14	21,65	0,6	5	14,14	0,3	47	9,42	0,3
264	106,54	3,3	160	142,15	3,6	71	167,55	3,3	776	111,66	3,4
208	31,72	1,0	124	31,64	0,8	61	52,41	1,0	592	28,86	0,8
285	263,65	8,1	176	339,69	8,7	80	360,67	7,2	864	267,42	8,0
293	3.212,03	97,8	178	3.813,65	97,6	84	4.901,49	97,5	896	3.251,06	97,7
139	29,54	0,9	81	35,99	0,9	29	38,35	0,8	407	26,29	0,8
68	7,05	0,2	39	5,15	0,2	14	10,32	0,2	196	6,22	0,2
173	36,59	1,1	106	41,14	1,1	38	48,67	1,0	520	32,51	1,0
12	1,10	0,0	6	0,75	0,0	1	2,50	0,0	43	1,27	0,0
98	17,35	0,5	62	23,69	0,6	32	47,90	1,0	307	20,24	0,6
38	7,42	0,3	31	15,48	0,4	8	9,61	0,2	124	8,66	0,3
125	25,87	0,8	84	39,92	1,0	38	60,01	1,2	401	30,17	0,9
164	10,72	0,3	108	12,75	0,3	46	17,35	0,3	531	11,38	0,4
293	3.285,21	100	178	3.907,46	100	84	5.027,52	100	896	3.325,12	100

Бюджеты рабочих семей

(По данным официального обследования, произве

Расходный бюджет. Группировка

Группы по размеру годового дохода на семью в марках	До 2500 марок			2500—3000 марок		
Число хозяйств	86			255		
Среднее число душ на 1 хозяйство	3,6			3,9		
Статьи расхода	Число случаев расхода	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу
1. Питание, вкусовые вещества, алкоголь, табак	86	1.089,71	47,9	255	1.305,59	47,3
В том числе:						
Пищевые, вкусовые вещества и безалкогольные напитки	86	1.009,63	44,4	255	1.198,16	43,4
Алкоголь	84	41,62	1,8	252	61,45	2,2
Табак	80	38,46	1,7	239	45,98	1,7
2. Прочие потребительские расходы:						
Квартплата	86	270,31	11,9	255	292,07	10,6
Хоз. вещи, тек. ремонт и пр.	86	69,29	3,1	255	87,02	3,2
Отопление, освещение	86	97,69	4,3	255	111,10	4,0
Одежда, белье, обувь	86	237,14	10,4	255	320,38	11,6
Гигиена	86	14,90	0,6	255	21,22	0,8
Лечение	77	15,04	0,7	241	18,03	0,7
Страхование	86	199,60	8,8	255	229,80	8,3
Образование, обучение	86	39,95	1,8	255	48,88	1,8
Развлечения (театр, кино)	78	13,06	0,6	248	21,78	0,8
Отдых	78	14,32	0,6	249	26,01	0,9
Поездки, транспорт. средства	73	24,99	1,1	245	24,24	0,9
Взносы в союзы, об-ва, партию	80	51,79	2,2	254	65,16	2,4
Налоги	77	38,97	1,7	232	67,53	2,4
Сборы, пошлины (почтовые, телефонные расходы)	70	3,58	0,2	238	3,35	0,1
Уплата процентов	2	0,04	0,0	12	0,39	0,0
Убытки от собственного хозяйства (огород и пр.)	5	1,26	0,1	19	1,64	0,0
Плата прислуге	—	—	—	—	—	—
Помощь и подарки не членам семьи	80	22,80	1,0	243	34,73	1,3
Разные расходы	86	24,99	1,1	255	30,65	1,1
Всего проч. потреб. расходы	86	1.139,72	50,2	255	1.403,98	50,9
А. Итого расходы потреб. характера	86	2.229,43	98,1	255	2.709,57	98,2
Сбережения	42	15,36	0,7	140	22,59	0,8
Дано в долг на сторону	7	1,94	0,1	31	1,73	0,1
В. Итого вклады денег	46	17,30	0,8	155	24,32	0,9
Погашение авансов зарплат	3	0,40	0,0	12	1,26	0,0
Погашение товар. кредита	17	15,97	0,7	62	16,06	0,6
Уплата прочих долгов	6	2,24	0,1	30	2,50	0,1
С. Итого погашение долгов	23	18,61	0,8	91	19,82	0,7
Д. Невыясненный расход	28	6,45	0,3	83	5,22	0,2
Всего расходов (баланс)	86	2.271,79	100,0	255	2.758,93	100

Таблица 2

в Германии в 1927/28 г.

денного Германским Статистическим Управлением)

по доходу на семью

3000—3600 марок			3600—4300 марок			4300 марок и более			В среднем		
293			178			84			896		
4,2			4,4			4,9			4,2		
Число случаев	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу
293	1.497,85	45,6	178	1.739,04	44,5	84	2.085,73	41,5	896	1.506,99	45,3
293	1.366,14	41,6	178	1.566,04	40,1	84	1.884,60	37,5	896	1.372,44	41,3
290	79,74	2,4	177	118,77	3,0	83	140,95	2,8	886	84,36	2,5
265	51,97	1,6	165	54,23	1,4	78	60,18	1,2	827	50,19	1,5
293	335,83	10,2	178	367,21	9,4	84	440,37	8,8	896	333,12	10,0
293	118,94	3,6	178	162,22	4,1	84	266,34	5,3	896	127,50	3,9
293	120,13	3,7	178	135,98	3,5	84	142,08	2,8	896	120,61	3,6
293	417,07	12,7	178	522,87	13,4	84	732,35	14,6	896	422,86	12,7
293	24,60	0,7	178	31,20	0,8	84	40,44	0,8	896	25,51	0,8
286	20,41	0,6	172	23,94	0,6	81	31,93	0,6	857	21,00	0,6
293	259,13	7,9	178	293,59	7,5	84	349,71	7,0	896	260,41	7,9
293	64,66	2,0	177	77,52	2,0	84	119,20	2,4	895	65,46	2,0
287	27,77	0,8	175	35,05	0,9	84	73,35	1,4	872	30,37	0,9
285	34,28	1,1	175	50,17	1,3	84	73,86	1,5	871	36,88	1,1
282	42,30	1,3	178	54,67	1,4	81	73,60	1,5	859	40,91	1,2
291	75,67	2,3	176	86,29	2,2	83	104,20	2,1	884	75,17	2,3
270	82,64	2,5	161	97,22	2,5	79	130,00	2,6	819	81,49	2,5
276	4,54	0,1	170	5,90	0,2	78	6,73	0,1	832	4,59	0,1
15	0,38	0,0	9	0,40	0,0	3	1,00	0,0	41	0,41	0,0
22	1,41	0,0	9	1,55	0,0	6	0,38	0,0	61	1,39	0,0
—	—	—	1	3,19	0,1	1	8,60	0,2	2	1,44	0,0
286	47,03	1,4	177	73,25	1,9	82	81,14	1,6	868	49,61	1,5
293	39,62	1,2	178	52,49	1,3	84	67,81	1,3	896	40,86	1,2
293	1.716,41	52,2	178	2.074,71	53,1	84	2.743,29	54,6	896	1.739,59	52,3
293	3.214,26	97,8	178	3.813,75	97,6	84	4.829,02	96,1	896	3.246,58	97,6
154	33,62	1,0	96	58,02	1,5	55	130,50	2,6	487	42,65	1,3
58	7,59	0,2	20	4,52	0,1	16	11,47	0,2	132	5,14	0,2
179	41,21	1,2	103	62,54	1,6	59	141,97	2,8	542	47,79	1,5
16	1,53	0,0	3	0,60	0,0	2	0,13	0,0	36	1,03	0,0
76	15,23	0,5	49	16,89	0,5	22	37,25	0,8	226	17,93	0,6
38	5,14	0,2	19	4,92	0,1	9	6,92	0,1	102	4,23	0,1
106	21,90	0,7	62	22,41	0,6	28	44,30	0,9	310	23,19	0,7
118	7,84	0,3	62	8,76	0,2	36	12,23	0,2	327	7,56	0,2
293	3.285,21	100	178	3.907,46	100	84	5.027,52	100	896	3.325,12	100

Бюджеты рабочих семей

(По данным официального обследования, произведе

Расходный бюджет. Группировка

Группы по размеру годового дохода на 1 взрослого едока	До 800 марок			800—1000 марок		
Число хозяйств	102			215		
Статьи расхода	Число случаев	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу
1. Питание, вкусовые вещества, алкоголь, табак.	102	331,48	46,4	215	405,33	44,7
В том числе:						
Питание и безалкогольн. напитки . . .	102	312,01	43,6	215	376,39	41,5
Алкоголь	100	11,29	1,6	213	17,30	1,9
Табак	98	8,18	1,1	200	11,64	1,3
2. Прочие потребител. расходы:						
Квартирная плата	102	82,18	11,15	215	105,02	11,6
Хозяйств. вещи, текущий ремонт . . .	102	18,68	2,6	215	30,11	3,3
Отопление, освещение.	102	33,66	4,7	215	38,23	4,2
Одежда, белье, обувь	102	97,45	13,6	215	121,19	13,4
Гигиена	102	4,16	0,6	215	6,40	0,7
Лечение	92	4,95	0,7	205	5,11	0,6
Образование, обучение	102	14,57	2,0	215	19,30	2,1
Развлечения (театр, кино).	96	3,88	0,6	202	6,37	0,7
Отдых	94	5,44	0,8	211	7,98	0,9
Поездки, трансп. средства.	90	6,84	1,0	202	10,12	1,1
Сборы, пошл., почт., телефон	77	0,72	0,1	197	1,26	0,1
Уплата процентов.	8	0,20	0,0	9	0,05	0,0
Убытки собств. хоз-ва (огород и пр.) .	8	0,38	0,1	23	0,86	0,1
Плата прислуге	—	—	—	—	—	—
Помощь и подарки лицам вне семьи . .	90	7,67	1,1	208	8,48	0,9
Прочие расходы	102	8,13	1,1	215	11,43	1,3
Страхование, взносы в союзы, прямые налоги	102	83,37	11,6	215	116,06	12,6
Всего прочих потр. расх.	102	372,28	52,2	215	487,97	53,8
А. Итого расх. потребит. характера .	102	703,76	98,6	215	893,30	98,6
Сбережения	42	3,12	0,4	118	5,72	0,6
Дано в долг на сторону	17	0,35	0,1	20	0,58	0,1
В. Итого вклады денег	51	3,47	0,5	128	6,30	0,7
Погашение авансов зарпл.	6	0,26	0,0	8	0,24	0,0
Погашение задол. по тов. кредиту . .	27	4,62	0,7	54	0,68	0,4
Уплата проч. долгов	14	0,73	0,1	18	0,76	0,1
С. Итого погашение долгов	41	5,61	0,8	72	4,68	0,5
Д. Невыяснен. расходов	34	1,67	0,2	67	1,92	0,2
Всего расходов	102	714,51	100,0	215	906,20	100,0

Примечание: При рассмотрении этой таблицы следует помнить, что расчет по статей расхода.

Таблица 3

в Германии в 1927/28 г.

денного Германским Статистическим Управлением)

по размеру дохода на 1 взрослого едока

1000—1200 марок			1200—1500 марок			1500 марок и более			В среднем		
240			214			125			896		
Число случаев	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу
240	458,30	41,8	214	531,98	40,0	125	651,69	36,9	896	475,73	41,2
240	418,02	38,1	214	475,56	35,8	125	571,99	32,3	896	431,19	37,3
237	26,08	2,4	212	33,33	2,5	124	51,60	2,9	886	27,58	2,4
219	14,20	1,3	197	23,09	1,7	113	28,10	1,6	827	16,96	1,5
240	122,34	11,2	214	140,77	10,6	125	170,67	9,7	896	124,75	10,8
240	39,86	3,6	214	62,70	4,7	125	100,81	5,7	896	49,07	4,2
240	44,75	4,1	214	50,11	3,8	125	57,50	3,3	896	44,98	3,9
240	153,34	14,0	214	172,11	12,9	125	228,77	13,0	896	154,27	13,3
240	9,12	0,8	214	11,65	0,9	125	18,70	1,1	896	9,84	0,9
229	7,38	0,7	208	9,59	0,7	123	14,62	0,8	857	8,10	0,7
240	23,20	2,1	214	26,95	2,0	124	35,49	2,0	895	23,89	2,1
239	9,70	0,9	211	13,81	1,0	124	25,78	1,5	872	11,46	1,0
234	12,47	1,1	208	17,55	1,3	124	26,59	1,5	871	13,78	1,2
233	12,93	1,2	210	19,60	1,5	124	28,61	1,6	859	15,34	1,3
232	1,58	0,1	205	2,02	0,1	121	3,49	0,2	832	1,78	0,1
13	0,22	0,0	6	0,04	0,0	5	0,28	0,0	41	0,14	0,0
8	0,13	0,0	16	0,65	0,1	6	0,70	0,0	61	0,54	0,1
—	—	—	1	1,08	0,1	1	2,41	0,1	2	0,59	0,1
233	13,13	1,2	212	25,09	1,9	125	54,23	3,1	868	19,98	1,7
240	14,13	1,3	214	17,20	1,3	125	26,52	1,5	896	15,26	1,3
240	152,58	13,9	214	191,77	14,5	125	248,86	14,0	896	158,74	13,7
240	616,86	56,2	214	762,69	57,4	125	1.044,03	59,1	896	652,51	56,4
240	1.075,16	98,0	214	1.294,67	97,4	125	1.695,72	96,0	896	1.128,24	97,6
122	9,18	0,8	127	20,20	1,5	78	48,00	2,7	487	15,71	1,3
33	1,42	0,1	32	2,29	0,2	30	6,13	0,3	132	1,96	0,2
141	10,60	0,9	135	22,49	1,7	87	54,13	3,0	542	17,67	1,5
7	0,51	0,0	10	0,48	0,0	5	0,26	0,0	36	0,38	0,0
67	6,78	0,7	48	6,19	0,5	30	11,17	0,7	226	6,26	0,6
35	1,96	0,2	23	1,44	0,1	12	2,25	0,1	102	1,45	0,1
88	9,25	0,9	69	8,11	0,6	40	13,68	0,8	310	8,09	0,7
89	2,53	0,2	84	3,37	0,3	53	3,33	0,2	327	2,60	0,2
240	1.097,54	100,0	214	1.328,64	100,0	125	1.766,86	100,0	896	1.156,60	100,0

евода на взрослых едоков сделан по различной шкале: а) для питания и б) для прочих

Ответить на этот вопрос мы сможем лишь в дальнейшем, когда получим в свое распоряжение детальные материалы о составе семей, числе зарабатывающих, количестве детей разного возраста и пр.¹

Степень эластичности различных потребностей выявляется лучше всего при сопоставлении средних величин расхода в низших и высших группах по расчету на взрослого едока. Мы расположим расходы в ряд по восходящей степени интенсивности роста от наименее обеспеченной к наиболее мощной экономической группе.

Статьи расхода	Приходится расхода на 1 взрослого едока в марках в год		Степень увеличения расхода (во сколько раз)
	В низшей эк. группе	В высшей эк. группе	
Отопление, освещение	33,76	57,50	1,71
Питание	312,0	571,99	1,83
Квартирная плата	82,18	170,61	2,08
Одежда, белье, обувь	97,45	228,77	2,34
Культурно-просветительные расходы	14,57	35,49	2,43
Лечение	4,95	14,62	2,96
Прямые налоги, взносы на страхование, взносы в союзы и общества	83,37	248,86	2,98
Табак, папиросы	8,18	28,10	3,43
Разъездные расходы, покупка транспортных средств	6,84	28,61	4,44
Гигиена	4,16	18,70	4,50
Алкоголь	11,29	51,60	4,57
Сборы, пошлины, телефон, марки	0,72	3,49	4,84
Отдых (праздничные поездки, экскурсии, отпуск ² , спорт)	5,44	26,59	4,88
Хозяйственные вещи, обстановка, расходы по получению новой квартиры	18,68	100,81	5,39
Развлечения (театр, кино и др.)	3,88	25,78	6,65
Помощь разн. лицам, подарки	7,67	54,23	7,07
Отложено в сбережения	3,12	48,00	15,38
Дано в долг на сторону	0,35	6,13	17,51
Общий итог (включая прочие мелкие расходы не вошедшие в перечень)	714,51	1.766,86	2,47

Наибольшей инертностью отличаются, как видим, те статьи, которые, по общепринятым понятиям, входят в разряд малоэластических (отопление, питание, квартира). Но здесь же, в начале восходящего ряда, располагается и расход на одежду и обувь, тогда как он должен был бы находиться в середине ряда по степени интенсивности его роста. Равным образом и культурно-просветительный расход (образование, обучение и книги) обнаруживает менее интенсивный рост, чем весь бюджет в среднем. На самом верху ряда оказываются расходы: а) на хозяйственные вещи, обстановку и на затраты, связанные с получением новой квартиры, б) на помощь родным, подарки и пр., в) на

¹ Надо отметить следующее: расход на табак, дающей при группировках на семью в целом регрессивный ряд при переходе от низших к высшим экономическим группам, дает восходящую кривую при группировках на взрослого едока. Это служит явным указанием на то, что «взрослый едок» в высших экономических группах содержит большее количество фактических взрослых мужчин и меньшее количество детей и женщин в переводе на взрослые единицы.

² Расход на пищу включен в статью «отдых» лишь в тех случаях, когда он превышает нормальный пищевой расход.

сбережения и г) на дачу денег в долг. Две последних статьи дают весьма характерный высокий темп развертывания по мере увеличения экономической мощности хозяйства рабочей семьи, хотя надо отметить, что здесь не исключено, конечно, влияние случайностей, вследствие малого размера этих статей вообще.

Чрезвычайно важно было бы сделать сопоставление бюджетов 1927/28 г. с довоенными германскими бюджетами в реальных величинах. Однако, в этом мы встерчаем целый ряд препятствий. Прежде всего довоенные бюджеты относятся к 1907 г. Индексы же дороговизны жизни, с необходимыми для оценки отдельных статей расхода субиндексами, имеются только на базе 1913/14 г. Между тем с 1907 по 1913 год, как можно судить по наличному материалу, в Германии происходили существенные сдвиги цен, и при том весьма неравномерные для различных групп товаров. Поэтому мы лишены возможности сделать непосредственные сопоставления по статьям в реальных величинах¹. Далее, по самому характеру бюджетных обследований, да еще при отсутствии гарантии в правильности отбора репрезентативных объектов как при обследовании 1907, так и 1927/28 гг., мы не можем пользоваться средними бюджетными величинами, если хотим иметь солидные данные, на которые можно было бы положиться с большей уверенностью, чем на обычные материалы о реальной зарплате, а без этой предпосылки сопоставления теряют свое значение.

Нам остается поэтому ограничиться рассмотрением структуры расходного бюджета 1907 и 1927/28 гг. Для 1907 г., в целях большей сопоставимости, мы, конечно, берем не всю массу 852 бюджетов, а лишь сведения по 522 бюджетам рабочих, так как для 1927/28 г. речь идет именно о последних (см. табл. на стр. 155).

Удельный вес расхода на питание в современных бюджетах понизился, что можно было бы принять за признак повышения благосостояния рабочей семьи, если здесь не играли роль сдвиги в ценах, и если отбор в объектах в бюджетах 1927/28 г. не грешит в сторону отцеживания небогатополучных семей (отчасти это, как мы видели, имеется). Доля расхода на питание в 1927/28 г. оказывается меньше довоенной даже и в низшей экономической группе. Квартплата равным образом берет в бюджетах 1927/28 г. меньшую долю, чем до войны, что объясняется, конечно, регулированием квартплаты (средний индекс квартплаты в Германии в 1927 г. = 115 на базе 1913/14 г. = 100, тогда как общий официальный индекс стоимости жизни в 1927 г. = 148). Расход на одежду в современных бюджетах занимает относительно большее место, чем в довоенных. Что касается статьи «хозяйственные вещи» и пр., то несколько больший процент, падающий на эту статью в современных бюджетах, объясняется примешиванием в эту статью расхода, связанного с получением нового жилища. Расход на алкоголь резко упал сравнительно с довоенным временем. Это подтверждается и другими данными. Аналогичное явление отмечено в австрийском (венском) бюджетном обследовании.

Культурно-просветительные расходы в довоенных бюджетах слиты с общественно-политическими и разделить их нет возможности. Если взять в таком же виде эти расходы и в бюджетах 1927/28 г., то получается заметный рост.

¹ Когда будут опубликованы данные о потреблении в натуральных единицах, то по крайней мере по некоторым продуктам представляется возможность реальных сопоставлений. Говорим — по некоторым, так как в основных таблицах обследования 1907 г. приведены данные о потреблении далеко не всех, даже важнейших, продуктов.

Состав расходов в процентах к итогу

Статьи расхода	В довоенных бюджетах рабочих 1907 г. ¹	В бюджетах рабочих 1927/28 г.	
		В среднем по всем эк. группам	В нижней экономичес. группе
Питание	47,1	41,3	44,4
Алкоголь	3,9	2,5	1,8
Табак, папиросы	1,0	1,5	1,7
Квартирная плата	14,2	10,0	11,9
Отопление, освещение	4,3	3,6	4,3
Одежда, обувь, белье	11,2	12,7	10,4
Хозяйственные вещи и проч.	2,7	3,9	3,1
Гигиена	0,5	0,8	0,6
Лечение	0,8	0,6	0,7
Образование, обучение, книги, газеты	3,4	2,0	1,8
Взносы в союзы и пр.	1,2	2,3	2,2
Развлечения	1,1	0,9	0,6
Налоги	1,1	2,5	1,7
Страхование (социальное и частное)	3,0	7,9	8,8
Транспорт (поездки, велосипед)	1,4	1,2	1,1
Прислуга	0,1	0,0	0,0
Погашение долгов, уплата процентов	0,4	0,1	0,1
Сбережения	1,0	1,3	0,7
Прочие расходы	2,7	4,9	4,1
Всего	100,0	100,0	100,0
Средний расход на бюджет	1.835 м.	3.325,1 м.	2.271,8 м.
Среднее число душ на семью	4,5	4,2	3,6

Особенно резкое увеличение дают, однако, налоги и взносы на соцстрах. До войны на эти цели уходило 4% расходного бюджета, а теперь более 10%, что, конечно, ложится тяжелым бременем на бюджет рабочей семьи. Отчасти, правда, повышение это связано с введением новой отрасли соцстраха—обеспечением безработных и таким образом увеличение взносов должно возвращаться в виде пособий при безработице и отражаться на приходном бюджете².

В заключение еще несколько замечаний к вопросу о том, что дает новое бюджетное обследование для критической оценки официального индекса вздорожания жизни.

Как известно, этот индекс до сих пор имеет довоенную базу. Когда будут опубликованы сведения о фактическом потреблении продуктов и одежды в натуральных единицах, можно будет судить о степени устарелости индексных норм по существу. Сейчас мы можем лишь установить различие веса крупнейших статей по индексному набору и по фактическому бюджету.

¹ См. „Erhebung von Wirtschaftsrechnungen minderbemittelten Familien im Deutschen Reiche“. Berlin, 1909, стр. 185, часть исчислений сделана нами.

² К сожалению приходный бюджет в 1907 г. разработан недостаточно детально и соцстрах выделить в нем нельзя.

Как известно, последний пересмотр официального индекса был произведен в начале 1925 г.¹ В качестве весов для субиндексных частей были взяты довоенные соотношения с некоторыми поправками. Структура довоенной базы набора была принята в следующем виде:

Питание	54,77
Квартилата (включая текущий ремонт)	20,35
Отопление, освещение	5,55
Одежда, обувь	10,05
Поездки	3,07
Прочие расходы	6,21
Всего	100,00

Надо пояснить, что взносы на соцстрах и налоги (прямые) в индекс не включены. Если помножить эти веса на соответствующие субиндексы цен (средняя для 1927 г.², то получим следующее³:

Статьи индекса	Вес (довоенная база набора) стоимостью в 100 марок	Вздорожан. (1913/14=1) субиндексы и тотал. индекс	Стоимость набора по ценам 1927 г.	% к итогу
Питание	54,8	1,52	83,30	56
Квартилата	20,3	1,15	23,34	16
Отопление, освещение	5,6	1,44	8,06	5
Одежда, обувь	10,0	1,59	15,90	11
Прочие расходы	9,3	1,84	17,10	12
	100,0	1,48	147,7	100

Состав стоимости набора в средних ценах 1927 г. существенно отличается от фактической структуры бюджета. Если в последнем исключить страхование, прямые налоги, алкоголь и табак (не входят в набор), а равно мелкие статьи оборотного характера (дача в долг, сбережения⁴, то получим такие показатели в сравнении с структурой индексного набора:

Наименование статей	% к итогу по фактическому бюджету рабоч. семьи 1927/28 г.	По индексному набору в ценах 1927 г.
Питание	52,1	56
Квартира	12,7	16
Отопление, освещение	4,6	5
Одежда	16,0	11
Прочие расходы	14,6	12
Всего	100,0	100

¹ См. „Die Reform der Reichsindexziffer für die Lebenshaltungskosten“. „Wirtschaft u. Statistik“ № 5, 1925 г.

² Для сравнения берем календарный 1927 г. в среднем, так как бюджеты обследовались, как указано, с марта 1927 г. по февраль 1928 г.

³ Построение сделано нами теоретически, исходя из базы и фактического движения индекса и субиндексов, публикуемых в текущем порядке. Действительная стоимость набора в среднем по Германии нам неизвестна, но, конечно, результаты исчисленные нами, должны быть очень близки к фактическим.

⁴ В сводке они все же фигурируют, хотя в индивидуальном бюджете зачтены.

Что говорит это сопоставление? Оно указывает на тот факт, что в наборе явно вздута та статья, которая снижает уровень индекса, а именно квартирная плата. Откуда автор индекса вообще взял для довоенной базы расход на квартиру в 20%—остается загадочным. Вывод отсюда, что если индекс подвергнуть пересмотру, снизив вес квартирной статьи и придав надлежащий вес для одежды и «прочих» расходов, то уже одно это обстоятельство, без пересмотра внутренней структуры каждой из статей (что можно сделать лишь имея в руках цифры о потреблении в натуральных единицах), даст повышение индекса на 4-5 пунктов. Материалы новейшего бюджетного обследования должны быть использованы для всесторонней критики официального германского индекса стоимости жизни.

Систематический указатель статей и материалов, напечатанных в журнале „Плановое Хозяйство“ №№ 1—12 за 1929 год

ОТДЕЛ I. ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

I. ЭКОНОМИКА НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО ЦЕЛОГО

А. Общеэкономические статьи

- Г. М. Кржижановский. — Энергетика и социалистическая реконструкция (I, 7).
С. Розентул. — Процессы накопления в СССР (I, 301).
В. П. Акуленко. — Направление, темп, равновесие (II, 135 и IV, 50).
И. А. Бялый. — К вопросу о кризисах в хозяйстве СССР (II, 156 и IV, 36).
Г. А. Фельдман. — О лимитах индустриализации (II, 194).
О. А. Ерманский. — К постановке проблемы рационализации (II, 197).
Л. Гатовский. — О динамике цен в связи с социальными отношениями в условиях СССР (IV, 17).
Б. Гухман. — На рубеже (V, 164).
Н. Н. Колосовский. — Проблема порайонной организации хозяйства СССР (VI, 20).
В. П. Вейнберг. — Место планового хозяйства в ряду других научных дисциплин и некоторые его пункты (VI, 50).
С. Розентул. — Формула эффективности капитальных вложений (VI, 99).
С. Г. Струмилин. — К проблеме эффективности капитальных затрат (VII, 59).
Арк. Виткуп. — Проблема воспроизводства в СССР и баланс народного хозяйства (VII, 171).
И. А. Кан. — Плано-организационные задачи в области стандартизации (VII, 227).
Л. М. Гатовский. — К проблеме распределения в СССР (VIII, 27).
Л. Шанин. — На путях преодоления НЭПа (VIII, 138 и IX, 131).
И. Бялый. — Баланс, кризисы, роль субъективных и объективных факторов (IX, 111).
Т. К. Энгеев. — Задачи и методы балансового учета международных хозяйственных отношений (IX, 166).
Г. Ф. Гринько. — Борьба за кадры (X, 7).
Вл. Кац. — Народный доход СССР и его распределение (X, 103 и XI, 48).
М. И. Мительман. — Вопросы фиксации наблюдений и центрографический метод (X, 117).
Ш. Я. Турецкий. — Ценообразование в системе народного хозяйства (XI, 135 и XII, 70).
А. А. Айзенберг. — Об одной неудачной теории (по поводу теории рационализации О. А. Ерманского) (XI, 152).
И. Г. Туровский. — Борьба с потерями в народном хозяйстве (XII, 32).
В. П. Акуленко. — Производительность общественного труда (XII, 123).

Б. Проблемы планирования

а) Генерального

- Л. М. Сабсович. — Гипотеза масштаба продукции основных отраслей народного хозяйства СССР в период генерального плана (I, 54).
Г. А. Фельдман. — Аналитический метод построения перспективных планов (XII, 95).

б) Перспективно-пятилетнего

- С. Г. Струмилин. — О темпах нашего развития (I, 104).
Г. Ф. Гринько. — План великих работ (II, 7).
Г. М. Кржижановский. — Итоги V планового съезда (III, 7).
С. Г. Струмилин. — Социально-экономические проблемы пятилетки на 1928/29—1932/33 гг. (III, 17).

¹ Римскими цифрами в скобках всегда обозначены №№ книг «Планового Хозяйства», арабскими после запятой — страницы данной книги.

- Н. А. Ковалевский. — Районный разрез в пятилетнем плане (III, 53).
 Г. М. Кржижановский. — Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР (V, 7 и VI, 7).
 Л. Улицкий. — К методологии построения пятилетнего плана городской экономики (IX, 229).
 С. И. Шаров. — Пятилетний план и плановая работа (X, 26).
 Г. М. Кржижановский. — Хлебный год пятилетки (XI, 7 и XII, 7).

в) Текущего

- Э. И. Квиринг. — Предварительные замечания к контрольным цифрам (VII, 7).
 Г. М. Кржижановский. — На пороге нового хозяйственного года (IX, 7).
 С. Г. Струмилин. — Контрольные цифры на 1929/30 г. (IX, 17).
 Э. И. Квиринг. — План капитального строительства на 1929/30 г. (IX, 41).
 Н. А. Ковалевский. — Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г. в порайонном аспекте (IX, 67).
 М. Персиц. — Пять лет контрольных цифр (XI, 167).

г) Вопросы конъюнктуры и динамики народного хозяйства.

- А. Мендельсон. — Конъюнктура народного хозяйства СССР в 1-е полугодие 1928/29 г. (V, 54).
 С. А. Первушин. — Экономические барометры и пути конъюнктурного прогноза (VI, 118).
 А. С. Мендельсон. — 1928/29 хозяйственный год (VIII, 7).

2. ВОПРОСЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

А. Общепромышленные проблемы

- Э. И. Квиринг. — Промышленность как ведущее начало пятилетки (IV, 7).
 М. Аронвич. — Задачи стандартизации и реконструкции промышленности (V, 109).
 Л. А. Мендельсон. — Сравнительный анализ структуры промышленности СССР и главнейших стран капитализма (VIII, 64).
 С. Зак. — О «законе» падения производительности последовательных затрат капитала в промышленности (VIII, 100).
 М. В. Иоффе. — Основные элементы себестоимости общепромышленной продукции (X, 142).

Б. По отраслям промышленности

- И. Корасташевский. — Об организационных формах электропромышленности (I, 229).
 В. А. Ларичев. — Топливная проблема в пятилетнем плане (III, 141).
 И. А. Калинин. — Проблема металла и машиностроения (III, 179).
 В. Ц. Камзолкин. — Основные проблемы пятилетнего плана химической промышленности (III, 196).
 Н. М. Мильштейн. — Организационные проблемы электропромышленности (V, 245).
 А. Абрамов. — Перспективы географического размещения текстильной промышленности (VII, 94).
 А. Е. Пробст. — Районирование топливопотребления и ж. д. тарифы на топливо (XII, 197).

3. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

- Н. М. Вишняковский. — Весенняя посевная кампания (I, 117).
 М. М. Вольф. — Проблемы реконструкции сельского хозяйства (II, 99).
 М. Краев. — К вопросу о значении контракта в реконструкции крестьянского производства и товарооборота (IV, 113).
 Н. Д. Лежнин. — За революцию в переселенческом деле (V, 77).
 Ш. Я. Турецкий. — К вопросу о процессах ценнообразования в сельском хозяйстве (V, 139 и VI, 65).
 Л. Кессель. — Пути производственного кооперирования крестьянских хозяйств (V, 91).
 А. Авербух и А. Брюханов. — Условия ценообразования зерновых хлебов по районам СССР (VII, 251 и VIII, 259).
 С. Линецкая. — К вопросу о методологии исчисления крестьянских индексов (VII, 305).
 С. Г. Струмилин. — Расслоение советской деревни в 1927/28 г. (VIII, 49).
 Ф. А. Хоробрых. — К теории организации и планирования сельского хозяйства (VIII, 175).
 М. Краев. — Машинотракторные станции и реконструкция сельского хозяйства (X, 66).

- А. Авербух и А. Брюханов. — Цены и условия реализации с. х. продукции в 1928/29 г. (X, 86 и XI, 84).
 Л. Кессель. — Контрактация и коллективизация (XI, 96).
 С. Кузнецкий. — Проблема реконструкции рисосейяния и строительство рисовых совхозов (XI, 225).
 Н. Гершман. — Проблемы пересмотра пятилетнего плана животноводства (XII, 57).

4. ТРАНСПОРТ И СВЯЗЬ

- С. В. Вернштейн-Коган. — К вопросу о реконструкции ж.-д. транспорта СССР (I, 127).
 Л. Любич. — Перспективы развития хозяйства связи и его реконструкция (II, 291).
 И. К. Либин. — Железнодорожное строительство в пятилетие 1928/29—1932/33 гг. (III, 223).
 В. В. Лепешинский. — Основы энергетического хозяйства транспорта по пятилетнему плану (V, 231).
 А. Морин и Н. Хрулев. — Непроизводительный пробег грузов и планирование межрайонного грузооборота (V, 315).
 П. Шушков. — Об использовании технических средств на транспорте (VIII, 235).

5. КООПЕРАЦИЯ

- Р. Е. Вайсберг. — Ленинская кооперация в пятилетнем плане (III, 91).
 Е. Эфраимский. — Порайонный план и его значение для кооперативного планирования (VII, 75 и IX, 151).
 Р. Е. Вайсберг. — Кооперативный план на второй год пятилетки (X, 43).

6. ТОВАРООБОРОТ

- Н. Н. Виноградский. — Вопросы организации рынка (I, 149).
 Ю. Л. Шпирлин и Г. А. Липштейн. — К вопросу о потребительской емкости рынка (I, 168).
 И. Г. Туровский. — Товарный дефицит и пути его преодоления (II, 251).
 М. Кауфман. — Итоги и перспективы внешней торговли (IV, 76).
 С. Зак. — Торговая сеть СССР и ее рационализация (IV, 95).
 Ц. Кроп. — К итогам рационализации товаропроводящего аппарата (V, 125).
 С. С. Зак. — К вопросу о планировании внешней торговли (XI, 113).

7. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, ФИНАНСЫ И КРЕДИТ

- Г. Козлов. — Спорные вопросы теории кредита (II, 230).
 М. И. Боголепов. — Финансы планового хозяйства (III, 263).
 В. Раскин. — Сущность и роль кредита в переходном хозяйстве (IV, 131).
 А. Б. Маймин. — Местные финансы и пятилетний план (IV, 223).
 А. А. Абуляк. — Перспективы развития местных финансов СССР в пятилетие 1928/29—1932/33 гг. (IV, 230).
 В. С. Новиков. — Финансы коммунального хозяйства местных советов на 1928/29—1932/33 гг. (IV, 242).
 С. Шапновская. — Проблемы единого финансового плана (VI, 32 и VII, 135).
 Г. Козлов. — К вопросу о природе денег и законах денежного обращения в СССР (VIII, 114).
 А. Биков. — Классовая линия и ее извращение в государственном страховании на селе (VIII, 154).
 М. И. Боголепов. — Финансовый план 1929/30 г. (IX, 94).

8. ВОПРОСЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

- Н. Н. Вернадский. — Строительное производство и промышленность строительных материалов в пятилетнем плане (III, 214).
 Л. М. Сабсович. — Проблема города (VII, 37).
 А. Зелешко. — Проблема строительства социалистических городов (XII, 16).

9. ТРУД

- А. Черных. — Вопросы труда в пятилетнем плане (III, 240).
 А. Кабо. — К вопросу об изучении рабочего потребления (IV, 291).
 В. Ф. Усольцев. — К пересмотру тарифа социального страхования (VII, 115).
 Л. Е. Минц. — Использование рабочей силы в крестьянском хозяйстве (VIII, 301).
 В. Львов. — Энергификация труда и ее экономическая эффективность (XI, 271).

ОТДЕЛ II. ЗА СОВЕТСКИМ РУБЕЖОМ

1. ДИНАМИКА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

- И. Гершман. — Исторические кривые и географические различия мирового сельскохозяйственного прогресса (I, 209).
 М. Спектатор. — Противоречия послевоенного капитализма (V, 197).

2. ПРОЧИЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

- В. А. Крончер. — Мировая проблема угля (IV, 166).
 А. И. Зак. — Итоги плана Дауэса и перспективы плана Юнга (V, 213 и VI, 147).
 С. А. Фалькнер. — Баланс международных перемещений капиталов (VI, 168).
 К. Л. Вейдемюллер. — Энергетические противоречия капитализма (X, 167 и XI, 177).
 Н. Бару. — Мировой денежный рынок 1928/29 г. (X, 187).
 А. Корецкий. — Пути развития современного международного товарообмена (XII, 181).

3. АМЕРИКА

- К. Вейдемюллер. — Вывоз американского капитала (II, 271).
 Н. Н. Петров. — Американское строительство (VI, 225).
 Л. И. Фрейман. — Экономический прогноз у американских концернов (VII, 199).
 В. Карра. — Техно-экономическая и организационная структура железодобывающей промышленности САСШ (IX, 211 и X, 207).
 Иосиф Марков. — Экономический кризис в Соединенных Штатах (XII, 163).

4. АНГЛИЯ

- Л. А. Мендельсон. — О некоторых структурных изменениях в современной английской промышленности (I, 189).
 Н. Бару. — Социальные сдвиги в английской кооперации (IV, 149).
 Морис Добб. — Финансовое положение Великобритании (XI, 195).

5. ГЕРМАНИЯ

- В. Ивановский. — Теоретика районирования в Германии (VIII, 208).
 К. Рубинштейн. — Методы исчисления народного дохода в германской литературе (VIII, 199).
 Г. Мебус. — Каменный уголь в промышленности Германии (VIII, 215).
 Ф. Д. Маркузон. — Новые материалы о бюджетах рабочих в Германии в 1927/28 гг. (XII, 249).

6. ЯПОНИЯ

- Б. Г. Быховский. — Экономика современной Японии (IX, 193).

ОТДЕЛ III. ЭКОНОМИКА И ТЕХНИКА

1. ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

- П. С. Осадчий. — Пути энергетической реконструкции (III, 121).

2. ПРОЧИЕ ЭКОНОМИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- С. Н. Новацки. — Дефекты организации водного хозяйства (IV, 201).
 А. А. Горев. — К вопросу о том, что такое «экономически наилучшее сооружение» (VI, 199).
 Н. И. Сазонов. — Реорганизация энергоснабжения городов на основе теплофикации и газоснабжения (VII, 233).
 М. Келлер. — Энергетические ресурсы ветра и его использование (VIII, 243).
 А. Д. Ратнер. — Проблемы рационализации производства в каменноугольной промышленности (XI, 211).

ОТДЕЛ IV. ПО РАЙОНАМ

1. ВОПРОСЫ РАЙОНИРОВАНИЯ И РАЙОННОГО ХОЗЯЙСТВА

- К. И. Козьмин. — Дробное районирование (V, 255).

2. РСФСР

- А. Н. Челинцев. — Сельское хозяйство и перспективы его по автономным республикам РСФСР (I, 251 и II, 309).

3. ЦПР

- Н. Волжин. — Экономический рост совхозов промышленного района и молочное хозяйство (II, 324).
 Е. Михеев. — Потребление алкоголя рабочими и служащими г. Москвы (VI, 289).

4. СЕВ. КАВКАЗ

- С. П. Мацкевич. — Энергетика крупного сельского хозяйства и перспективы электрификации на Сев. Кавказе (X, 223 и XI, 244).

5. УССР

- Н. Г. Лаленков. — В защиту связи Донбасса с Днепростроем (I, 245).
 П. Цейдлер. — Проблемы водоснабжения Донбасса (IV, 181).
 Н. Г. Лаленков. — К вопросу о плане водоснабжения Донбасса (IV, 213).
 Ф. Свищев. — Развитие торговли Украины в связи с качеством обслуживания ее населения (VI, 241).

7. ЗСФСР

- Леван Гогоберидзе. — Очередные задачи реконструкции сельского хозяйства Грузии (XII, 213).

8. СРЕДНЯЯ АЗИЯ

- И. А. Шаров. — За реконструкцию ирригационного хозяйства (I, 264).
 Ф. Ушкалов. — Расширение хлопкового клина и вытеснение рисовых посевов из хлопковых районов Средней Азии (I, 275).
 И. С. Якубов. — Шелкоматальная промышленность Средней Азии (VI, 253).
 С. К. Кондрашев. — Вопросы освоения орошаемых земель в хлопковых районах (IX, 242).
 П. Плеханов. — Колхозное строительство и его перспективы в Туркмении (V, 268).
 М. М. Бушув. — К завоеванию новой хлопковой пятилетки (X, 240).

9. СИБИРЬ

- Н. Н. Колосовский. — Перспективы использования энергии р. Ангары в связи с хозяйством Сибири (IV, 242).
 А. П. Яхонтов. — Колонизационное значение Томско-Енисейской ж. д. (V, 280).
 Н. Верезов. — Лесозаготовка и колонизация сибирской тайги в связи с ж. д. строительством (VII, 270).
 В. Краснов. — К вопросу о дальнейшем развитии металлургии белых металлов в Сибири и о месте постройки новых заводов (X, 254).

ОТДЕЛ V. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

- Е. Л. Грановский. — Монополистический капитализм в России (А. Светлов — V, 295).
 А. Гордон. — Система плановых органов (А. Попов — V, 298).
 К. Розенталь. — В защиту индустриализации СССР (М. Персиц — V, 302).
 Г. Гроссман. — Закон накопления и крушение капиталистической системы (Р. Новицкий — IX, 253).
 Морис Добб. — Возникновение и развитие капиталистического хозяйства (М. П. — XI, 253).

2. КОН'ЮНКТУРА И СТАТИСТИКА

- Н. Д. Кондратьев и Д. И. Опарин. — Большие циклы кон'юнктуры (А. Светлов — I, 285).
 Хакернелл. — Предвидение кон'юнктуры (Г. Гордеев — I, 294).
 Кон'юнктура народного хозяйства РСФСР и районов 1927/28 г. — (В. Страхов — VI, 271).
 Воррен Милтон Персонс. — Построение индексов (Л. И. Фрейман — X, 282).

3. ХОЗЯЙСТВО СССР ПО ОТРАСЛЯМ

А. Промышленность

- Сырьевые проблемы промышленности. — Сборник статей (В. Носов — I, 287).
 Фабрично-заводская промышленность г. Москвы и Моск. губернии 1917—1927 гг. (Н. Баранский — I, 290).
 Э. Квиринг. — Очерки развития промышленности СССР (М. Персиц — VIII, 277).

- Капитальное строительство текстильной промышленности (И. Беспалов—VIII, 278).
 «Металл». — Ежемесячный журнал (Ал. Брауде—X, 273).
 Фабрично-заводская промышленность СССР за 1926/27 г. Статистич. сборник (В. Вальдяжников—X, 270).
 Годовой обзор минеральных ресурсов СССР за 1926/27 г. Изд. Геолкома (А. С—ль—X, 272).
 «Основные капиталы ценовой промышленности. Статистич. сборник (Н. Михайлов—XI, 255).
 Материалы по рационализации каменноугольной промышленности за границей. Сборник (А. Сегаль—XI, 260).
 Пути развития Донбасса (пятилетний план каменноугольной промышленности) (А. Сегаль—XII, 233).

Б. Сельское хозяйство

- «На аграрном фронте» — журнал (А. Попов—IV, 273).
 А. М. Маркевич. — Межселенные машинотракторные станции (М. К.—V, 300).
 Водное хозяйство. Сборник статей (В. Шлегель—V, 306).
 Пути под'ема и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Сборник статей (Ф. А. Хоробрых—VI, 269).
 В. Каврайский и И. Нусинов. — Классы и классовые отношения в современной советской деревне (М. Орлова—VII, 290).
 Себестоимость продуктов сельского хозяйства. Сборник статей (Ш. Я. Турецкий—VII, 293).
 География избытков и недостатков с-х. продуктов. Сборник ЦСУ СССР (Н. Баранский—VII, 295).
 Г. С. Гордеев. — Основные проблемы сельскохоз. экономики (Ф. А. Хоробрых—IX, 256).
 М. Ладис. — Аграрное перенаселение и перспективы борьбы с ним (В. Носов—X, 269).
 «Пути сельского хозяйства» — журнал (Ф. Хоробрых—XII, 237).

В. Труд

- И. А. Толстопопов. — Перспективы труда в свете развития народного хозяйства СССР (З. Гришин—II, 335).
 Рабочий день в фабрично-заводской промышленности в 1928 г. (В. Львов—II, 336).
 Е. О. Кабо. — Очерки рабочего быта (В. Львов—IV, 272).
 Энергификация труда и ее эффективность. Вып. IV (В. Львов—XI, 258).
 Л. Е. Милиц. — Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР (А. А.—XII, 231).

Д. Товарооборот

- «Советская Торговля» — журнал (Сав. Гессен—13, 259).
 «Вопросы Торговли» — журнал (В. Носов—XII, 240).

Е. Денежное обращение, финансы и кредит

- «Кредит и хозяйство» — ежемесячный журнал (А. Неусыпин—II, 338).

Ж. Экономико-технические проблемы

- Техническая энциклопедия — тт. III и IV (А. Сегаль—I, 292).
 «Известия теплотехнического института» — №№ 7, 8 и 9 (А. С.—IV, 277).
 Инж. Б. Л. Шифринсон. — Теплофикация городов (А. С—ль—V, 307).
 Проф. Л. Юрен. — Современные методы добычи нефти (А. Сегаль—V, 275).
 Проблемы энергетики. — Материалы к пятилетнему плану промышленности (В. Шемятовский—VII, 287).
 Проф. А. И. Саханов и М. Д. Тиличев. — Крэкинг в жидкой фазе (А. С—ль—VII, 296).
 «Предприятие» — журнал. №№ 1—9 за 1929 г. (Н. А. Кан—XI, 261).
 Сборник материалов по рационализации каменноугольной промышленности за границей (А. Сегаль—XI, 260).

4. Районное хозяйство и местная пресса.

- Л. Б. Диманштейн. — Металлургия, производство Закавказья в связи с условиями развития СССР (Ал. Брауде—I, 291).
 Пути народнохозяйственного развития УССР. — Сборник материалов (Ш. Я. Турецкий—II, 331).

- «Экономическая жизнь Дальнего Востока» — журнал (А. Бонч-Осмоловский—II, 340).
 Сельскохозяйственные районы Уральской области (М. Лучебуль—IV, 277).
 «Хозяйство Урала» — журнал (И. Лерман—IV, 279).
 «Народное хозяйство Казахстана» — №№ 1—12 (Ал. Брауде—IV, 282).
 «Нижнее Поволжье» — ежемесячный журнал (В. Н.—IV, 283).
 Бюджеты горнозаводского населения Урала (В. Львов—V, 304).
 «Советское строительство» — ежемесячный журнал (А. Неусыпин—V, 358).
 «Северное хозяйство» — ежемесячный журнал (П. Горшечников—V, 309).
 Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. (В. Бабынин—VI, 273).
 Бюджет рабочих семей на Украине в 1925—27 гг. (Сав. Гессен—VI, 277).
 «За реконструкцию сельского хозяйства» — журнал №№ 1 и 2 (М. Бушуев—VII, 297).
 «Хозяйство Урала» — журнал (В. Н.—в—X, 276).
 «Хозяйство Башкирии» — журнал (В. Носов—XI, 265).

5. МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

- Весь мир. — Всемирный политический и финансовый справочник (И. Морозов—I, 293).
 Эллис Баркер. — Секрет Америки (А. Бонч-Осмоловский—I, 296).
 Г. Донский. — Борьба за Латинскую Америку (М. Котан—II, 343).
 Я. Балабан. — Хлеб в мировом хозяйстве (В. Носов—IV, 271).
 „The Quarterly Journal of Economic“ — (Г. Гордеев—IV, 286).
 „Weltwirtschaftliches Archiv“ — 1928—Januar 1929 (А. Светлов—VIII, 280).
 А. Мельник. — Турция (М. Котан—VIII, 286).
 «Мировое хозяйство и мировая политика» — журнал И. Гершман—VIII, 288).
 Мировое хозяйство на рубеже 1929 г. — Ежегодник (А. И. Фрейман—IX, 262).
 Последние изменения в экономике САСШ. — Отчет комиссии Гувера (А. И. Зак—IX, 265).
 М. Рубинштейн. — Противоречия американского капитализма (И. Браславский—X, 279).
 Новые возможности Америки. (В. В. Покшишевский—X, 281).
 А. Виленчук. — Международная задолженность после войны. С. А. Вышнепольский. — Мировой транспорт и мировое хозяйство. И. М. Файнгар. — Америка и Европа в мировом хозяйстве (А. И. Зак—XII, 243).

6. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

- Б. А. Тутыхин. — Центрально-черноземная область (А. Рыбников—VI, 279).
 Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич. — Земледельческий Афганистан (В. Аболтин—VI, 280).
 Альберт Галаш. — Новая Центральная Европа в экономических картах (К. Рубинштейн—VIII, 284).

7. ПРОЧИЕ ВОПРОСЫ

- Экономическая организация английской печати (И. М. Гринштейн—II, 345).
 Г. Срагович. — Библиография ялловской работы (V, 281; VII, 300; VIII, 240 и X, 285).

ОТДЕЛ VI. СТАТИСТИКА

1. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР

- Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Сводная таблица (III, 290—295).
 Основные показатели пятилетнего плана народного хозяйства по сравнению с 1913 г. и предыдущим пятилетием (III, 296—299).
 Сводная таблица контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1929/30 г. (IX, 272—277).
 Контрольные цифры на 1929/30 г. и пятилетний план (IX, 278—282).
 Капитальные вложения в основные фонды народного хозяйства (IX, 286).

А. Показатели ресурсов обобществления

- Процессы обобществления в пятилетие 1928/29—1932/33 гг. (III, 300).
 Процессы обобществления в контрольных цифрах 1929/30 г. (IX, 284).

Б. Промышленность

Капитальные вложения в государственную планируемую ВСНХ промышленность на 1929/30 г. (IX, 283).

Капитальные вложения в новое строительство государственной планируемой ВСНХ промышленности на 1929/30 г. (IX, 290).

Выполнение пятилетнего плана капитальных вложений в государственную планируемую ВСНХ промышленность за 2 года—1928/29 г. и 1929/30 г. (IX, 294).

В. Сельское хозяйство

Трактороснабжение по республикам и районам (IX, 289).

Удельный вес обобщественного сектора сельского хозяйства по посевным площадям за 1928/30 гг. (IX, 296).

Г. Транспорт

Новое жел.-дор. строительство на 1929/30 г. (IX, 298).

Хребтовый год пятилетки¹

Когда слушаешь работников нашей страны, когда чувствуешь, как они обращаются к тебе со своими нуждами, то невольно испытываешь смущение. Какой бы человек ни был, какая бы организация ни была, но поднять на плечи это гигантское строительство пятилетия и сказать: «Моя воля здесь ведет это гигантское, историческое дело», — я думаю, никому не под силу. Выход из такого положения только один — откровенно сказать стране — мы все ясно сейчас видим, какое громадное значение имеет эта плановая хозяйственная работа. Но под силу она лишь великому коллективу. Наши прения в сумме свидетельствуют о том, что у нас уже имеется общая база, что мы на ней твердо стоим и хотим своими заявками не изменить ее установку, а улучшить, добавить, указать, что пропущено. Мы чувствуем, что как ни трудна задача плановой перестройки нашего народного хозяйства, но почва расчищена, что многое уже в значительной степени сделано, что мы для всего народного хозяйства заложили уже солидные плановые рельсы. Надо, чтобы эти рельсы проходили действительно во все уголки огромной территории нашей страны, надо, чтобы отряды работников, ведущих плановое строительство, не замыкались в ведомства и учреждения, чтобы мы с каждым годом вновь и вновь получали все более растущую смычку с трудящимися, чтобы планы эти охватывали бы весь огромный их коллектив.

Мы все должны констатировать, что значительный путь в этом отношении пройден. Хозяйство стоит уже на плановых рельсах, но еще огромный путь нам надо пройти для того, чтобы плановое строительство было всенародным строительством. И поэтому еще и еще раз с этой трибуны я прошу вас обратить внимание на то, что сейчас, в этот хозяйственный период, среди всех организационных вопросов есть чрезвычайно острый организационный вопрос — это налаживание плановой хозяйственной работы. Надо, чтобы плановые ячейки были буквально во всех хозяйственных органах, чтобы каждый районный совет имел свою плановую ячейку, чтобы каждая фабрика и завод имели свои плановые организации, чтобы каждый крупный колхоз учился подходить к хозяйственному строительству как к плановому строительству. В частности, должен вам сказать, что мы прилагаем все усилия к тому, чтобы основной наш плановый штаб — Госплан Союза —

¹ Литературно обработанное заключительное слово по докладу на 8-й сессии ЦИК Союза ССР V созыва (декабрь 1929 г.).

в ближайшие сроки реорганизовать, реконструировать так, чтобы он свои организующие планы в грядущие годы строил лучше, чем было в прошлые годы.

Что мы в направлении реорганизации Госплана Союза делаем? Я должен вас информировать, что одним из крупнейших таких сдвигов я считаю новую сплоченность в плановой работе со статистической работой. Учет статистический должен перестать быть орудием в запасе. Мы должны констатировать, что до сих пор наша статистика не совсем своевременно приходила на помощь хозяйственному строительству и часто давала нам материалы уже после того, как нужда в этих материалах отпадала. Нам все чаще и чаще приходится вспоминать слова Владимира Ильича, что необходимо делать так, чтобы статистики были нашими действительными помощниками. В нынешнем году мы предполагаем статистические органы связать с плановыми органами уже по-другому. В частности, центральный аппарат статистики, оставаясь свободным в своих оперативных действиях, в своей работе будет теснейшим образом связан с Госпланом Союза, и управляющий статистикой будет заместителем председателя Госплана, будет работать в президиуме Госплана. В областных плановых органах статистический аппарат будет прямо слит с плановым аппаратом. Это большой сдвиг. Я думаю, что в дальнейших наших плановых работах мы будем пользоваться статистическими данными уже более основательно подобранными, не так кустарно, как это до сих пор нам приходилось делать.

Кроме того, вы в контрольных цифрах 1929/30 г. впервые видите более подробно разработанный раздел районного разреза хозяйства. Сейчас мы имеем все надежды на то, что некоторая разногласица, которая была в восприятии хозяйственных проблем в районном и в общесоюзном разрезе, устранится тем, что во всех экономических районах уже работают плановые органы. Некоторые из них насчитывают сроки существования в течение нескольких месяцев, и то, что некоторым кажется забытым, неучтенным, — объясняется просто новизной дела. Будет крепнуть рать работников в районах, в специальных плановых органах, подкрепленных статистическими аппаратами и учащих на практике великому хозяйственному строительству, будет крепнуть и весь наш хозяйственный план.

С другой стороны, мы чувствуем все, что при разрешении хозяйственных вопросов нам нужно еще теснее связаться со всеми научно-исследовательскими работами. До сих пор мы не можем не отметить рассыпанности этого фронта. У нас есть много научно-исследовательских органов, живущих своей самостоятельной жизнью. Едва ли в каком-нибудь разрезе нашего хозяйства существует такая разобщенность, — как это ни странно, — как среди научных учреждений. Мы ставим задачу в Госплане Союза создать мощный сектор культуры и науки для того, чтобы рассыпной строй научно-исследовательской мысли подтянуть, поставить тоже на плановые рельсы. Такой сдвиг, несомненно, скажется положительными результатами уже в ближайших наших работах.

Наконец нет никакого сомнения, что только теперь, когда мы прошли уже значительное поле предварительных работ, мы сможем свойственную этому этапу строительства ударность направить на культурный фронт. Мы думаем, что сектор культуры в таком центральном хозяйственном штабе как Госплан Союза ОССР должен теперь тоже быть организован по-новому, подтягивая новые силы.

Но если подвести итоги прений, которые мы здесь слышали, то, помимо общей черты, которую я уже подчеркнул, т. е. признания того, что основной базис хозяйственного строительства намечен в планах достаточно ясно и твердо для всех наших работ, — помимо этого, бросается в глаза то, что мы еще только вооружаемся. Полоса хозяйственной работы, в которую мы сейчас вступаем, это — полоса крупного грандиозного строительства, но вместе с тем это еще полоса вооружения; мы еще не вооружены, и было бы странно требовать, чтобы в процессе этого вооружения мы уже могли удовлетворять этим гигантским потребностям, охватывающим нас со всех сторон. Ясно, что только тогда, когда мы вооружимся, станет неизмеримо легче: мы тогда поднимем все хозяйство на новый уровень, вооружимся такими ресурсами, которых сейчас не имеем, и тогда многое из того, что сейчас нам кажется таким затруднительным, будет уже не столь тяжелым. Но пока — мы в полосе вооружения.

Мы сейчас еще во многих отношениях, так сказать, должны. Мы знаем, что большое строительство, для того чтобы его реализовать, требует два-три, а иногда и пять лет.

Пока эти новые сооружения не вступили в оборот, они являются некоторым грузом в нашем текущем хозяйстве. Некоторым кажется, что очень легко было бы получить временное улучшение в нашем продовольственном положении, в отношении товаров широкого потребления и т. д., — стоит только отказаться от вложений в эти капитальные работы, обратить эти средства на закупку потребительского фонда, и мы получили бы временное облегчение. Это не верно. Мы этого сделать не можем, потому что отказаться от машинного вооружения — значит отказаться от того, чтобы взять судьбу в свои руки.

Для того, чтобы пояснить этот процесс машинного вооружения, сопоставлю то, что вкладывается в Германии, — передовой индустриальной капиталистической стране, — по машинному вооружению на душу населения, с тем, что вкладывается у нас. Данные эти вы найдете у нас в контрольных цифрах. В расчете на душу населения в марках в 1924 г. Германия вкладывала по машинному вооружению 27 марок, в 1925 г. — 36 марок, в 1926 г. — 47 марок. Мы, начиная с 1924 г., уже не проживаем наше старое вооружение, а перевооружаемся новыми машинами. Вот цифры: в 1925 г. мы могли ассигновать для этой цели на душу населения 4,3 марки, в 1926 г. — 7 марок, в 1927 г. — 9 марок, в 1928 г. — 13 марок и только в 1929 г. — 21 марку. Вы видите, что мы только теперь подошли к тем нормам, которые Германия имела давно.

Несмотря на то, что мы вкладываем огромные средства, машинное перевооружение у нас далеко еще недостаточно. Но интересно было бы сделать общую прикидку — а как, все-таки, по сумме средств, при этом небольшом расходе на душу населения, мощно ли перевооружается наш народ? Я обращаю ваше внимание на один общий расчет наших экономистов. Хотя такие расчеты грубы, но все-таки они показательны и хорошо отвечают тем нашим врагам, которые отрицают то, что мы идем вперед, и которые говорят, что наше хозяйство деградирует, идет назад. Вот элементарный расчет: у нас каждый год вступает новая рать работоспособных в размере 1.800 тыс. чел. В среднем, если мы подсчитаем наши производственные фонды, то у нас до последнего времени на каждого работоспособного производственных фондов приходилось на душу около 1.000 рублей. Для того чтобы этот отряд работников, вступающих каждый год в наше строительство, вооружить по среднему уровню, мы должны на 1.800 тыс. чел. дать капиталовложений не меньше, чем на сумму 1.800 млн. рублей. Тогда мы не ухудшали бы производственную вооруженность, но и только. Теперь посмотрите, как мы идем по контрольным цифрам в 1929/30 г.? В производственную базу промышленности, в ее фонды мы вкладываем около 4 млрд. руб. Следовательно, при тех темпах, которые мы взяли, мы по одной промышленности удваиваем нашу производственную вооруженность для всего прироста наших работоспособных. Вот это говорит нам о том, что мы время даром не тратим, и что как ни трудно это переходное время, мы все-таки идем быстрыми темпами вперед, укрепляем хозяйственную позицию наших трудящихся.

Если бы действительно было такое положение, что наши планы были бы безукоризненны, что это означало бы? Это означало, что мы, собственно говоря, уже проблему коллективного хозяйства социализма разрешили, потому что ведь мы говорим, что только социалистический строй — такой строй, когда в его высших формах каждый получает по потребностям и от каждого требуется по его возможностям, когда все удовлетворены, желать нечего и остается думать только о движении вперед и не на почве удовлетворения элементарных материальных потребностей, а на почве дальнейшего всестороннего развития человека.

Совершенно ясно, когда мы говорим что мы строим социализм, — это значит, что мы еще не построили его. Совершенно ясно, что такое положение, когда планы, разработанные кем угодно, были бы на 100 % удовлетворяющими нас, еще далеко от осуществления у нас. Мы всемерно должны в этом направлении двигаться, но заранее знать, что каждый из наших планов подлежит в дальнейшем переработке, поправке, улучшению, что он только относительно удовлетворяет наши потребности. Но как раз в 1929/30 г. мы переживаем громадный перелом в этом отношении, потому что мы резко, решительно ломаем самое больное место планового хозяйства.

Какое самое больное место планового хозяйства было во всю нашу предшествующую экономическую историю? Конечно, вот эти 26 млн. разобщенных крестьянских хозяйств, из которых каждое ду-

мало устроиться само по себе, опираясь на игру цен, на вольный рынок; 26 млн. единиц этого хозяйства с валовой продукцией, составляющей свыше 40 % всей нашей валовой продукции, имело огромную стихийную силу. Имея такой огромный остов частных, индивидуальных хозяйств, мы могли говорить об общем народнохозяйственном плане только с некоторыми приближениями. Теперь, когда вы ясно видите, что на ваших глазах ломается этот строй частного деревенского хозяйства, вы должны чувствовать полную уверенность в том, что одновременно ломается неуверенность в наших плановых установках, устраняется то, что мешало прочным плановым рельсам. Если 1929/30 г. является годом решительного перелома в судьбах частного крестьянского хозяйства, то, вместе с тем, это — год решительного перелома в судьбах планового хозяйства. Тем большее внимание мы должны обратить на положение планового хозяйства, подойти к этому разделу нашей организации с величайшей бдительностью.

Иногда слышишь такие замечания: ну хорошо, если вы строите плановое хозяйство, если вы учитываете всесторонние нужды различных районов, различных ветвей нашего хозяйства, нельзя ли устроить так, чтобы, благодаря этому учету, было полегче подниматься в гору? Я думаю, что для того, чтобы сделать такой расчет, мы должны себе представить, а что было бы, если бы у нас той плановой работы, которая проходит на ваших глазах, не было, если бы огромные районы, отдельные отрасли хозяйства попробовали идти по своей воле. Для всех ясно, что тут наступило бы такое столкновение интересов, такие случайности в решениях, что было бы очень и очень плохо большому целому нашего народного хозяйства. Вот, что надо помнить. Нам от напряжения великого строительства не уйти. Если бы вышло так, что вы, переживающие эту эпоху, вы, труженики, на плечах которых — постромки от огромных хозяйственных грузов, которые вы поднимаете на новый хозяйственный уровень, вдруг бы почувствовали резкое облегчение, что это показало бы? Это показало бы одно: постромки оборвались, вы оторвались от того хозяйственного поезда, который вы вели. Выхода нет, тяжесть грузов, которую вы испытываете, — это результат напряженности плана. Напряженность плана — результат нашего общего желания в быстрый срок окончить муки переходного времени, перейти в кратчайшие сроки к тому развернутому плановому режиму хозяйства, когда отношения человека к природе и человека к человеку будут совершенно другие.

Наши экономисты делают один любопытный подсчет, который я бы хотел, чтобы вы также заметили в дополнение к тому, что вы имеете в наших материалах. Мы останавливаемся на вопросе, нельзя ли подсчитать общую эффективность наших капитальных вложений в часах труда. Экономят ли они что-нибудь для трудящихся в дальнейшем и сколько? Такой расчет сделан. Если взять пятилетний план

в той форме, в какой он был нами впервые выпущен, без всяких поправок которые мы теперь делаем, то оказывается что, осуществляя эту строительную программу каждым часом труда, который падает на вас в осуществление этой строительной программы, вы сберегаете для грядущих работников свыше 7 часов труда. Вы в семь раз облегчаете работу тех, кто пойдет по вашим следам, когда будет выполнен этот план. Я думаю, что если сделать подсчет по теперешнему размаху, то коэффициент будет не 7, а, скажем, 9—10. Во всяком случае, помните, что та тяжесть, которую вы поднимаете на свои плечи, как она ни тяжела, она вместе с тем избавляет тех, кто пойдет за вами следом, от десятикратной тяжести.

Тем не менее, задача всех плановых, всех хозяйственных органов, оценивая напряженность плана, грандиозность задач, которые стоят перед нами,—все сделать для того, чтобы помочь пережить это время с минимальными затратами, лишениями. Мы стараемся, в меру наших сил, в этом народнохозяйственном плане воздать каждому свое, рассматривая отрасли за отраслями, территории за территориями, стараемся с максимальной помощью поставить каждого на место, но есть одна задача, которая, на мой взгляд, должна быть поставлена как специальная задача, и поднята новым напряжением всех наших сил.

Какая эта задача? Мы энергично преобразовываем наше хозяйство, но прошлое еще висит над нами громадным грузом, и когда мы начинаем изучать, как в различных разделах народного хозяйства сказывается это прошлое, мы видим, что наша хозяйственная работа везде и всюду сопровождается большими ненужными потерями. Некоторые указывали, что мы имеем эти потери, например, тогда, когда руководствуемся старыми нормами. Инженер Точинский здесь совершенно правильно отмечает это относительно норм НКПС по приему металлоизделий. Нам указывают, что если посмотреть, какая доля металла поступает в изделия и какая пропадает как брак, то половина пропадает в виде отбросов. Правильно это или нет? Я думаю, что современная техника позволяет иметь совершенно другие соотношения.

Возьмем такой огромный раздел как ж.-д. транспорт. Оказывается, что если посмотреть движение грузов, которое требует сотен миллионов рублей для своего исполнения, требует расхода многих миллионов тонн драгоценного топлива, то мы наблюдаем еще огромное количество встречных потоков, завозки грузов не туда, куда нужно, злоупотребление транспортными средствами. Здесь огромное поле потерь, которое подлежит специальному изучению. Если взять сельское хозяйство, еще вопрос—сообразно ли почвенным условиям, сообразно ли значимости того или иного растения мы эксплуатируем эту огромнейшую территорию данными растениями. Подсчитайте здесь потери,—они тоже чрезвычайно велики. Борьба с этими потерями в различных разделах нашего хозяйства, борьба, которая должна опираться на совершенно исключительные особенности социалистического преобразования нашего хозяйства, все это является сейчас не-

отложным для нашего тщательного, внимательного изучения. Мы предполагаем в нынешнем году в Госплане устроить специальную группу работников, которая сидела бы как раз над этим делом, которая связалась бы со всеми организациями страны, чтобы помогать изживать эти потери.

Возьмем потери на продовольственном фронте. Мы знаем с вами, что здесь вахта особенно нужна, потому что 1929 г., с результатами которого мы вошли в 1929/30 хозяйственный год, вовсе не дает нам простора в этом отношении. Мы должны усиленно вести нормирование снабжения, вводить классовый паек, должны очень и очень позаботиться, чтобы с мясным и молочным довольствием не было так тесно. А вот оказывается, что около 30% продовольственных грузов в каналах нашего обращения портятся прежде, чем доходят до потребителя. Это говорит о том, что и здесь огромное поле работы. Мы должны быстрее подойти к этому, должны привлечь крупнейших работников для этого дела и, кроме того, призвать самих трудящихся к соответствующему контролю. Только всенародными усилиями сможем мы продвинуться быстро вперед и помочь с этой стороны изживанию трудностей переходного времени.

Товарищи, всякий раз, когда переходишь от вопросов плановых к вопросам оперативной хозяйственной жизни, видишь, какую огромную роль играет оперативный, исполнительный аппарат. Можно написать хорошие законы, но если их некому исполнять — плохо. План — своего рода хозяйственный закон. Это одна сторона дела. Хозяйственная жизнь должна сочетать умелую выработку законов с умелой расстановкой действующих сил, с умелым воспитанием этих действующих сил. Нужно признать, что один фактор здесь является для нас отрицательным, это — культурно-бытовые условия. На настоящей сессии, по-моему, особенно яркую иллюстрацию в этом отношении давали делегатки. Я не могу не подчеркнуть этого чрезвычайно страдного факта, что сами женщины, которые близко стоят к этому вопросу, на которых особенно тяжело падают эти бытовые условия. Решительно подходят к большим сторонам этого нашего строительства. Здесь еще многое не сделано так, как нужно. Характеризуя культурно-бытовую сторону, в контрольных цифрах мы сказали, что употребим все усилия на то, чтобы 1929/30 год был годом великого культурного перелома. Ясно, почему этот вопрос находился у нас в некотором отставании. Потому, что нельзя сразу решить тысячу дел. Только теперь, когда мы настолько укрепили себя по линии основной, решающей,—по линии крупной промышленности,—когда мы ясно ощущаем, что в сельском хозяйстве стоим крепче,—только теперь мы можем сказать, что у нас есть средства для того, чтобы и этот фронт сделать ударным фронтом. Помощь женщин имеет колоссальное значение. Мне хочется с этой трибуны засвидетельствовать, что женщина-делегатка честно выполнила ту задачу, которую поручили ей ее избиратели.

В частности, придется обратить особое внимание на жилищные условия, на новое городское строительство. Я получаю много писем от рабочих, которые указывают, что здесь иногда и с основной установкой неблагоприятно, что мало создать столько-то квадратных метров жилища. Для того чтобы подойти к разрешению нашего жилищного вопроса, нам надо так строить жилища, чтобы не плодить новых мешчан, чтобы в этом жилище рос другой человек, который будет работать не на своей кухоньке, не у своего очага, не на своем огороде, чтобы рос новый, общественный человек. И помощь женщины в этом отношении будет чрезвычайно важна. Надо, чтобы новые дома в той части их, где женщина отрывается от общественной нагрузки и приковывается к домашнему очагу, чтобы эти дома были построены по-другому. Известно, что в Америке женщины являются большими поборницами за внедрение электрической энергии в обслуживание бытовых надобностей. Это потому, что бытовое значение электрификации громадно. Она освобождает женщину-работницу от целого ряда трудных физических домашних работ. Я надеюсь, что в новых домах жилищного строительства мы обратим внимание на эту сторону и их электрифицируем по-новому, чтобы помочь женщине не нести ту нагрузку, которую она несет в старой обстановке. В этой связи большое бытовое значение может получить и газификация.

Из больших проблем хозяйственного значения, которые здесь обсуждались, я хотел бы остановиться только на одной проблеме: это взвешивание соотношений сил Урала и Украины. Мне кажется, что неправильно будет смотреть так, что эти два района должны что-то такое делить. У каждого из них свои колоссальные задачи. Они должны не делить, а нести каждый свою специальную нагрузку, на основе определенного разделения труда. И украинцы должны совершенно спокойно признать, что, помимо того нового, что мы имеем с кизеловским углем, его коксованием, по новым разведкам рудных и минеральных богатств на Урале, по новым работам в Сибири, в связи с теми потребностями, которые Сибирь предъявила к Уралу, нам еще придется пересмотреть уральскую программу в сторону ее подъема. И не только для нужд развития народного хозяйства, как такового, но еще и для другой важной задачи: для задачи обороны нашей страны. Нельзя закрывать глаза на то, что Урал — это хребет нашей обороны, и товарищи украинцы должны этот момент учитывать и знать, что то строительство, которое уместно будет поставить на Урале, неуместно — на Украине.

Я не останавливаюсь на некоторых замечаниях конкретного свойства, в частности, относительно неравномерного распределения тракторов. Вы заслушаете здесь специальный доклад по этому вопросу и увидите, что большего форсирования тракторного строительства, чем то, которое делаем мы, трудно себе и представить. Мы напрягаем все усилия, чтобы сделаться как можно скорее первой в мире страной по производству тракторов. Вы должны иметь в виду следующие цифры:

Америка имеет свыше 800 тыс. тракторов. Мы в нашей стране рассчитываем в нынешнем 1929/30 г. перейти к 60 тыс. тракторам. Расстояние огромное. По нашим расчетам, наши хозяйства и не потребуют того, что требуют американцы с их раздробленными фермерскими хозяйствами. Но для того, чтобы удовлетворить тракторные нужды, нам необходимо иметь по крайней мере 400 тыс. тракторов. Ясно, что мы не можем быстро справиться с удовлетворением потребностей такого масштаба. Поэтому некоторая диспропорция в разделении есть: каждый район не удовлетворен.

Но я должен сказать, что упреки, которые сделали некоторые товарищи, неправильны. В частности, Казакстану назначено значительное количество тракторов — свыше 4 тысяч, и его дело — распределить эти трактора между Турксибом и другими районами. Точно так же для Сибирского края намечается 3.900 тракторов, а не 1.100, как говорил один товарищ из Сибирского края. Во всяком случае, нужно сказать, что в этом году, при строительстве колхозов, придется в значительных размерах опереться на умелую организацию использования лошадиной тяги.

Одним из характерных обстоятельств нашей сессии следует признать следующее: едва ли когда-нибудь с этой кафедры мы выслушивали подряд столько разных ответственных представителей нашей науки и техники. Выходили на кафедру профессора, инженеры, агрономы, металлурги, и мы с величайшим интересом прислушивались к их словам. Мы должны, как общее наше впечатление, отметить, что в словах этих товарищей мы слышали честный, убежденный голос работников, бесповоротно решившихся идти с нами рука об руку в социалистическом строительстве. Когда-то Владимир Ильич говорил о том, что на наших съездах, по мере развертывания нашего народного хозяйства, все больше и больше будут участвовать агрономы, инженеры и техники, люди высокой технической квалификации, из которых — подчеркивал он — каждый по-своему приходит к социализму. Настоящая сессия свидетельствует о том, что и в этом направлении мы движемся вперед. Я думаю, что этот факт, наряду с тем фактом, что мы все преисполнены уверенности, что 1929/30 г. дает новую великую смычку между рабочим и крестьянином и, как правильно сказал т. Бондаренко, мы в этой смычке видим те же черты, ту же силу, которая проежилась в исторический военно-боевой период, является важнейшим выводом всех наших обсуждений контрольных цифр. Это вливает в нас уверенность, что мы справимся со всеми трудностями, что мы представляем собою действительно несокрушимую силу.

А. Зеленко

Проблема строительства социалистических городов¹

Общие замечания

По всей стране сейчас идут разговоры о том, что нужно приступить к переустройству быта. Слышно это и на собраниях рабочих, и на собраниях культработников, профработников, педагогов; вопрос об этом поднимают инженеры и хозяйственники, но планового подхода к этому вопросу пока не замечается. Между тем, мы должны считаться с очень определенным фактом, что целый ряд крупных производственных организаций сейчас затрачивает и будет затрачивать сотни миллионов рублей на постройку жилищ для тех рабочих, которые будут жить и работать на новых заводах. Уже в этом году подсчитано, что приблизительно 1.350 млн. будет затрачено на жилищное строительство, а в течение четырехлетки—до восьми миллиардов рублей. Можно считать, что приблизительно для 1 млн. людей, считая и взрослых и детей, будет приготовлено новое место для жилья. Около 200 индустриальных городков или поселений возникнут и уже возникают в этом году. Кроме этого, возникает целый ряд поселков в деревне—там, где строятся тракторные станции, где организуются крупные колхозы, и таких мест, по самому грубому подсчету, будет в ближайшие годы не менее 2-3 тысяч.

Уже сейчас встречаешь очень много инженеров и архитекторов, которые работают над планированием жилищ, при этом у этих инженеров и техников нет никаких руководящих данных, каким образом создавать эти новые города. Они в этом отношении совершенно беспомощны, потому что эта проблема не разрешается одними техниками. Она должна получить разрешение при совместной работе различных специалистов и широких рабочих кругов, которые должны разобрать ее тщательнейшим образом. В ее разрешении должны участвовать и врачи, и педагоги, и хозяйственники, и техники, и экономисты, и профработники.

Сейчас всюду начинают строиться новые жилища—распыленно, разбросанно, причем чаще всего это такие жилища, которые может быть в ближайшем же будущем нам будут казаться очень ненужными, очень вредными, потому что они закрепощают старый быт, не дают

возможности нам воспользоваться величайшим оружием в наших руках, именно индустриализацией страны и коллективизацией сельского хозяйства, для того чтобы возможно быстрее пойти вперед для социалистической реконструкции нашего быта. Между тем, одно правильное использование этих средств позволило бы нам сэкономить очень много денег. Крупные жилища дали бы нам возможность строить города компактно, поставить эти города в более зеленом окружении, дать возможность более рационально расположить трубопроводную сеть, уменьшить средства, которые затрачиваются на мостовые, на дороги и т. п.

Мы сейчас делаем ставку на широкое автомобильное строительство. Оно нам нужно и для экономических, и технических целей, и для военной обороны—и нужно подумать также о рынке сбыта для этих автомобилей. Мне думается, что трудно рассчитывать, чтобы каждый отдельный гражданин имел свою машину, в виде небольшого «Форда», как это имеет место в Америке. Это будет только безумная растрата средств—вроде той, которую мы видим в Америке. Там движутся рядом сотни, тысячи автомобилей, в каждом из которых сидит один-два человека, машины зря изнашиваются и средства затрачиваются нерационально. Если бы у нас были крупные дома, где живут сотни людей, было бы легче приобретать сообща пассажирские автомобили, которые служили бы для всего коллектива данного дома. Итак, рост и сбыт нашего автостроения тоже зависит от укрупнения жилищ.

Затем все старые поселения и города, которые у нас растут сейчас разбросанно, непланово, постепенно перейдут к новому типу строения, и эту работу нужно повести так, чтобы она охватывала и реформу жилищного быта. Необходимо обдумать, во-первых, какого типа и объема крупные жилища нам нужно строить; второй вопрос—каким образом можно эти жилища располагать относительно друг друга для того, чтобы создались типы нового города; третий вопрос—в каком взаимоотношении будут в новых городах жилища людей и всевозможные общественные здания. Площадь жилых домов будет теперь вмещать не только помещения, где спят, отдыхают, но и помещения, где бы проводился досуг, где можно было бы встретиться друг с другом, где происходило бы то, что можно назвать социальным контактом людей между собой.

Если мы возьмем деревенское строительство, то и там, при создании новых энергетических баз, вокруг этих баз также будут возникать укрупненные поселения и при них будет развиваться громадная культурная работа, в которой эти поселения нуждаются. Она будет облегчена именно благодаря тому, что будут возникать новые сельские горсда, или то—что можно назвать агрогорода.

Конечно, по мере развития переработки сельскохозяйственных продуктов, с одной стороны, и по мере окружения индустриальных центров крупными совхозами, снабжающими эти города продуктами сельского хозяйства, города безусловно постепенно будут превра-

¹ Литературно обработанная стенограмма доклада в клубе плановых работников им. Г. М. Кржижановского.

щаться в единый тип социалистического города. Каков будет внешний вид домов? Несомненно, эти дома будут различаться в своих внешних оформлениях, в своей архитектуре. Я не мыслю ни на одну минуту, чтобы можно придумать какой-то тип города или жилища, который был бы штампованным и единым во всем нашем Союзе. Я думаю, что это даст возможность нашим техникам, архитекторам творить новые формы, искать нового разрешения этого вопроса, но все-таки я думаю, что при большом плановом строительстве возможно его удешевить, если мы это плановое строительство выработаем в некоторых стандартных единицах в смысле норм для его строительных частей, для использования лесных материалов, для выработки известного типа окон, дверей и т. д. Это то, что сейчас уже делает Америка, и что позволяет ей, при стандартных кратных единицах, значительно удешевлять свои расценки. Немыслимо сейчас представить типы социалистического города, который был бы продуман от начала до конца. Эта задача—для проработки и творчества на деле, в ближайшем будущем, а сейчас нужно поставить проблему, найти ее трудные места, поискать совместно разрешения этих трудных мест. То, что здесь представляется, есть только пробные схемы для того, чтобы эту проблему развернуть перед соработниками. Это—тот орех, который нам нужно разгрызть всем вместе, т. е. материал для критики, для совместного искания новых форм, в которых нужно разобраться и нужно дать ответ. Поэтому приводимые здесь схемы являются весьма общими, ставящими вопросы, но не разрешающими.

Связь городов

Если мы начнем разбирать схемы, то в первой схеме увидим, что наши города несомненно будут строиться, оседая, вдоль каких-то путей сообщения. Вдоль реки или железной дороги располагаются какие-то узловые точки для скопления людей, соединенные между собой шоссейными, по возможности автомобильными, дорогами. Нужно думать, что эти города не будут расти в таком неурегулированном темпе, как это было раньше, потому что в каждом городе будет своя задача, построенная на трудовых основах. В каждом городе будет сумма известных производств, зависящих от того, какое по близости имеется сырье, или город будет представлять из себя важный перевалочный пункт, и тогда рабочий, производственный смысл этого центра, предопределяет собой и то население, которое будет там рядом жить. Затем, если явится необходимость его расширения, то оно будет идти не по старому, большей частью радиальному типу (раньше строили крепость, Кремль, был какой-то центр, где сидел властитель, или создавался торговый центр капитала), а наоборот, по производственному началу, расширяясь в линейном направлении. Город будет представлять какую-то цепочку-ожерелье, причем в некоторых местах города будут производственного типа, аграрного или индустриального, а другие—меньшего объема—будут представлять скорее перевалочные пункты.

Схема производственной части

Схема производственной части изображена на рис. 1. Несомненно, что производственная часть, представляющая какие-то заводы, какую-то переработку продуктов, должна быть построена по точному (или конвейерному) принципу. С дорожной магистрали будет доставляться сырье, которое будет перерабатываться в полуфабрикат, потом оно будет переходить в цеха для дальнейшей обработки и уходить в склады, откуда его постепенно увезут. Такая схема представляет необходимость поставить все производство (одно или несколько) в связанное состояние в своих процессах. Но, кроме того, мне думается, около социалистического завода вырастут новые части—учебные, такие, которых раньше на заводе не было и которые сейчас уже во многих местах начинают давать первые ростки. Они превратят завод—в завод-вуз. Завод будет не только производить материальные ценности, но готовить и улучшать свою рабочую силу. Такой завод-вуз будет местом, где повышается квалификация рабочих, где готовятся новые кадры, где найдут опору ударные бригады, изобретатели и рационализаторы.

К вопросу о заводе-вузе нужно приступить совершенно планомерно. Там должна подготовиться не только молодежь, не только подрастающее поколение, там должны быть не только всевозможные культурные учреждения и образовательные учреждения ФЗУ, но должна быть поставлена переподготовка и массы взрослых рабочих. Такой завод-вуз можно представить схематично следующим образом: по краям этого завода расположатся здания, которые будут отданы образовательным целям. Какие отделения могут быть в таких заводах-вузах? Вероятно, в одном отделе надо провести определенную тренировку, подготовку автоматизма, т. е. таких навыков, которые нужны для более резкой, четкой и правильной работы с теми механизмами, которые имеются на заводе. Затем здесь должны быть лаборатории,

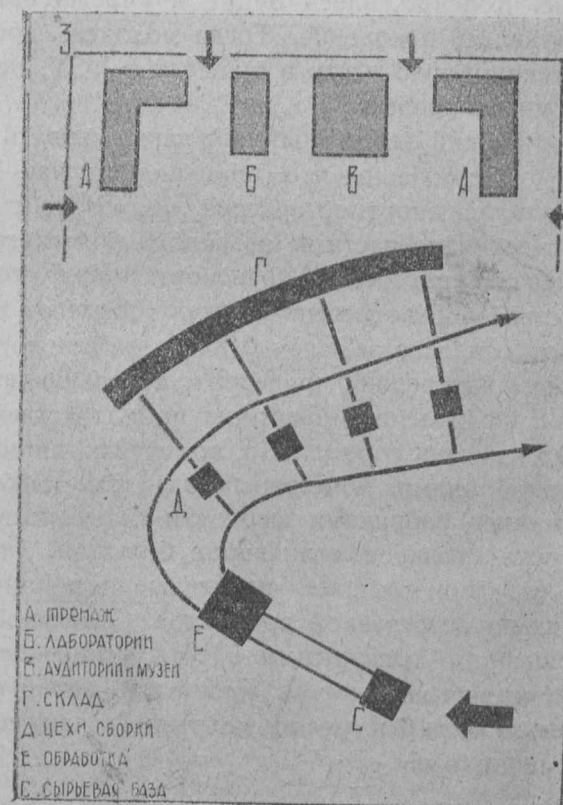

Рис. 1

где развивается и работает техническая мысль конструктора, изобретателя, рационализатора, чтобы после обязательной работы у станка он мог свои улучшения в производстве проработать в своей лаборатории. Затем, несомненно, здесь должны быть определенные аудитории, студии, где люди учатся, работают теоретически; наконец, должны быть библиотеки, где имеются справочные книги, дающие возможность совершенствовать свои теоретически-технические познания. В то же время в аудиториях и лабораториях куется не только работник-практик, но и социалистический хозяин. Тогда рационализаторские стремления рабочих встретят такую техническую помощь, которая поможет претворить в жизнь их замыслы в виде улучшения в хозяйстве. Конечно, здесь будут и учреждения, где будет работать подрастающее поколение. Тогда молодежь, пройдя общеобразовательную и техническую часть в школе и в ФЗУ, получит возможность научно специализироваться.

Всякий завод должен распланировать территорию.

Несомненно, что производственная часть будет располагаться вдоль транспортной артерии, подвозящей грузы. Поэтому, города будут вероятно расти не по радиальной системе, а по линейной системе, имея свой внутренний транспорт. Вокруг этого будет создаваться жилая часть. Производственная часть города от жилой части города должна быть отделена зеленым бульваром, зеленой полосой, по которой проходит внутренний транспорт, а дальше начинается жилая полоса.

Особое место занимает производственная часть, обслуживающая быт и жизнь города. Это, во-первых, пищевой комбинат—с его мясохладобойнями, консервным заводом, хлебными заводами, холодильниками и фабриками заготовки пищевых продуктов, вплоть до кондитерских товаров, если город большой. Затем следуют совхозы, огороды, фермы. Далее—прачечные и почилочные мастерские. Все это связано с доставкой продуктов. Отдельной группой стоит городской транспорт—товарный и пассажирский—со своими путями, вагонами электрических дорог, машинами автобусными и автомобильными. Самые пути быстрого и медленного движения должны быть отдельно спланированы.

Жилая часть города

Каким образом нужно было бы строить эту жилую часть города? Первое положение, вероятно, будет то, что город неудобно строить, стягивая его к одному центру. Нужно город располагать линейно, так, чтобы дома, идущие вдоль производства, имели бы по возможности близкий доступ к нему. Можно дома при этом ставить не раздельно, а группами. Если мы будем собирать известную группу домов, как это часто делается и теперь у нас и за-границей, то среди этой группы может быть какой-то двор, который может быть превращен в сад, в площадку, затем вокруг него расположены дома. Эти дома в которых живут 2-3 тысячи людей, можно назвать блоком, или жилым

комбинатом. Такие комбинаты-блоки, отделенные друг от друга большим резервуаром зелени и дорогами, представляют собою примерно такую схему (рис. 2). Если в каждом комбинате живет 2-3 тысячи человек, и если расположить эти комбинаты в шахматном порядке, то весь город, состоящий из 50 тыс. жителей, займет 5-6 км в длину и 2-3 км в ширину, и не будет представлять собою слишком большой и растянутой, территории, проживание на которой было бы связано с затратой большого времени для того, чтобы добраться к производству. По одной стороне здесь есть какая-то артерия сообщения жилья с производством, по другую сторону—другая артерия, сообщающая город с полосой интенсивного земледелия, с городскими совхозами, снабжающими город всеми продуктами сельского хозяйства. Тут могут быть совхозы—огородные, садоводческие, животноводческие, молочные фермы.

Но возникает вопрос, где ставить здания общественного значения? Естественно, что эти здания могут быть отодвинуты от завода в противоположную сторону, потому что население, выйдя из завода и придя домой, отдохнув, помывшись и поевши может пойти в здание общественного назначения. Эти здания будут самые разнообразные. Будут дома управления, дома общественных собраний, для профсоюзной деятельности, дома Советов. Затем будут аудитории, театры, больницы, всевозможные учреждения для научной работы. Необходимо указать, что было бы рационально устроить целый ряд помещений, где люди встречались бы друг с другом в тех же домах, где они живут. Дом-коммуна есть место общественной и личной жизни. В них происходят встречи людей, создаются общие задачи, происходит известный групповой социальный подбор, тогда как для больших массовых собраний и для научной и художественной работы, с другой стороны, должны быть созданы особые здания: дома для массовых собраний и выступлений, как театры, аудитории, либо специальные здания для библиотеки, научных институтов, лабораторий

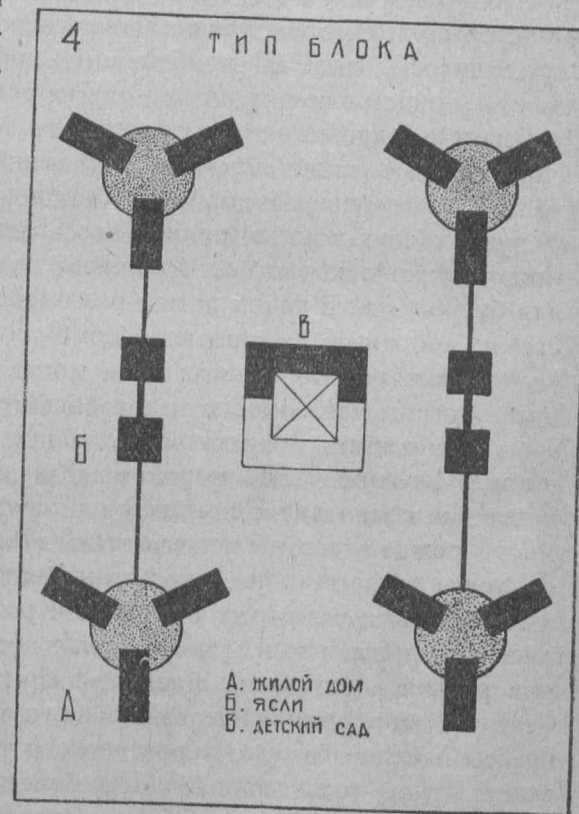

Рис. 2

и т. д. Конечно, схемы дают при этом самые разнообразные варианты.

Если мы посмотрим один такой комбинат, состоящий из нескольких домов, то мы увидим такое расположение. Дом состоит из двух частей. Здесь каждому жителю отводится одна комната небольшого размера, где жители отдыхают, спят. Дом представляет собою корпус с комнатами меньшего масштаба, сообщающимися попарно раздвижными перегородками-дверями. Эти комнаты можно расположить в 3, 4, 5-м этаже, и они могут быть меньшей высоты, нужно только дать достаточный доступ свету и чистому воздуху. Затем должны быть помещения, отведенные для общественных потребностей—в 1-м или во 2-м этаже, больших размеров и высот. Это дает простор архитекторам для всевозможных комбинаций. В Америке мне приходилось видеть комбинации корпусов, поставленных зигзагами, причем в самом зигзаге они не раз'единяются, а связаны общей лестницей, ведущей в тот и другой дом. Мне приходилось около Нью-Йорка видеть такие дома, расположенные в виде дуги, причем эти лестницы не мешают коридору, идущему посреди дома, быть освещенным с двух концов, причем здесь даже нет впечатления длинного монастырского коридора. Возможно делать и другие типы: елочный или буквой «п». В таких домах и столовая и кухня, для подогрева доставляемой пищи из пищевого комбината, расположены внизу.

Самые разнообразные типы могут быть представлены как комплекс дома и для жилища и для общественных потребностей.

Как решить вопрос, какие общественные комнаты надо иметь в доме? У человечества можно выделить в группы следующие потребности для социального контакта или связи.

Прежде всего мы встречаемся потому, что желаем получить друг от друга информацию—мы хотим знать, что случилось вокруг нас и на белом свете. Этому отвечают и разговоры, и стенгазета, и ежедневная пресса и т. п. Теперь у нас поставлена информация так, как она раньше никогда не ставилась. При социалистическом строительстве эта информация вырвана из рук продажной капиталистической прессы и отдана в руки человеческого трудового коллектива. Информация устная тоже начинает быть более организованной. Информация в больших домах может быть поставлена гораздо легче, чем при жизни людей в своих небольших закутках, где они питаются лишь слухами. В доме-коммуне надо завести читальню, причем не нужно в каждом доме иметь большую библиотеку, а достаточно, чтобы в городе была одна большая библиотека и каждый дом снабжался передвижным комплектом книг, сменяемым из центральной библиотеки. Тут же в доме может быть газета, журнал, выставка, кино, радио, раздевальни. Тут же около раздевальни и вестибюля расположится и справочное бюро, и парикмахерская, и чистка сапог. Все средства для взаимной информации и осведомления будут в таком доме к услугам жителей.

Второе—почему мы встречаемся друг с другом? Наши встречи отражают желание дать что-то друг другу, узнать что-то поглубже, посовершенствоваться, позаимствовать друг у друга, дать себе большую квалификацию, хотя бы не своей только профессии. Для этой цели должен быть целый ряд помещений, где эту квалификацию можно получать. Значит, это может быть студия, где можно проработать по какому-нибудь техническому или художественному вопросу, где можно поработать над всякими своими бытовыми нуждами. Так как мы надеемся, что за 7-часовым рабочим днем пойдет еще большее уменьшение рабочего дня, так как при непрерывке освобождаются большие отрезки времени, которые нужно культурно использовать, то все это свободное время возможно будет использовать в том направлении, которое я называю повышением своего призвания, своих временных или постоянных потребностей и вкусов. Оно может быть использовано либо в комнатах рабочего типа при своем доме, либо в центральной библиотеке, либо в помещениях втуза, который будет расположен на территории самих заводов. Эти рабочие комнаты при доме будут как небольшие, для индивидуальной работы или занятий (для музыки, фото, работы с книгой), так и для групповых занятий или времяиспользования (кружки радио, фото, прикладного искусства, хоровой, оркестровый, шахматный и т. п.). Наконец, комнаты для отдыха, встреч между собой и со своими гостями.

Наконец, третье—тот факт, что человечество встречается друг с другом с желанием не только взять, но и дать. Это желание дать в будущем должно у нас развиваться очень сильно и на него мы должны обратить большое внимание, потому что только таким путем и общественным подходом друг к другу мы будем иметь возможность самым широчайшим образом поддержать наши способности, поднять наши кадры, дать развитие призванию, дать возможность развиваться искусству в нашей стране. Это для нас потому очень важно, что наше искусство должно отличаться от искусства капиталистического Запада и должно вырасти на базе нового быта. Желание дать поведет к созданию массы кружков, быстро растущих, показывающих себя в выступлениях литературных, художественных, политических. Такие кружки будут сначала проявлять себя в той же столовой, в том же клубе данного дома, а потом уже выходить на более широкую арену.

Удовлетворение этим трем основным качественным требованиям социальной связи и должны быть предусмотрены в доме. Что это значит? Известный процент площади должен быть отведен на эти потребности человека. Подсчитывая, что человек все равно в квартире старого буржуазного типа тратит известную площадь на гостиную, или место для приема гостей, на столовую, кабинет, или рабочий уголок и на кухню, которой здесь тоже не будет (потому что здесь несомненно будут общие столовые), подсчитывая, с другой стороны, что в новых домах нужно будет тоже иметь художественные комнаты, читальни, приемные, мы сумеем ту же самую площадь в таких укрупненных

домах снабдить гораздо лучшим помещением, оборудованием, лучшим приспособлением, при этом не дороже стоящим, если их поставить в равные условия. Но мы должны для нового быта дать и больше и лучше. Если мы возьмем такой дом, в котором живет от 500 до 1.000 человек, и рядом еще несколько таких домов, то этим мы получаем комбинат, который стоит в парке, имеет зеленое окружение и представляет из себя комплекс жилищ в 2-3 тысячи человек.

Где и как будут жить дети?

Несомненно, что в этом жилищном комбинате в 2-3 тысячи человек будет большое количество детей, о которых нужно подумать. Заботу об этих детях нужно разбить на три части: заботу о самых маленьких детях, которые должны получать помощь в яслях (в возрасте от 0—до 3 лет), затем следующий возраст—дошкольный, детские сады (в возрасте 3—6 лет) и, наконец,—школьный возраст (от 7 до 15 лет).

Ясли, конечно, должны быть так расположены, чтобы ребята получали там всю необходимую современную медицинскую и педагогическую помощь, чтобы они находились в приспособленных для этого помещениях, с специальным уходом, но в то же самое время чтобы они не были оторваны от родителей, от взрослых. Поэтому, эти ясли с гигиенической стороны правильнее ставить в этом же комбинате, рядом с этими же домами, соединяя их теплыми проходами, для того, чтобы родители имели бы непрерывную связь с этими яслями. Вероятно, удобнее всего ставить ясли не на производстве, а около жилых домов, потому что при 7-6-часовом рабочем дне, при введении одного лишь искусственного питания в течение дня, при возможности первые два месяца не работать, можно вполне поставить дело так, чтобы мать могла оставлять ребенка в яслях, пока она работает на производстве.

Детский сад можно было бы расположить среди этих же самых домов и помещать, по возможности, в домах в один—два этажа, чтобы дети имели доступ прямо в сад, чтобы у них была своя площадка, свои маленькие животные и т. д., свой известный мир, в котором обычно воспитываются дети возраста детского сада. Но нужно так сделать, чтобы все это было совершенно открыто перед глазами тех родителей и взрослых, которые тут же живут. Дом с большими стеклами, без всяких заборов вокруг садика, даст эту возможность. Тогда эти детские сады не будут оторваны от взрослых.

Второй вопрос—нужно ли, чтобы дети сюда попадали только днем, или чтобы они жили здесь и днем и ночью? Вопрос этот—вопрос воспитания масс. Нужно так сделать, чтобы показать, что детям здесь под общим контролем удобнее и лучше жить; необходимо, чтобы сами родители пришли к выводу, что это самое рациональное разрешение для их же детей—лучше жить рядом с ними, но в помещениях, приспособленных для детского жилья, для сна, отдыха, игры, занятий. Поэтому, жилища в доме для взрослых должны быть приспособлены

только для жилья взрослых. Поэтому лучше, чтобы дети не жили вместе со взрослыми в их комнатах, или мешая им, или мешая себе. Но к этому население должно прийти само и поэтому естественным, вероятно, будет какой-то переходный период, в течение которого более отсталые родители будут стараться удерживать детей у себя, а более передовые родители будут соглашаться на то, чтобы дети жили рядом с ними и находились все-таки под их непосредственным контролем. Дело коммуны ввести в жизнь этот распорядок. Кроме того, и самая педагогическая профессия и профессия ухода за детьми станет предметом широкого социального подбора, а не только предметом заработка, как это теперь часто бывает, и будущие родители пойдут в педагоги, потому что любят возиться с детьми. Несомненно, если дети будут жить в небольших комнатах взрослых, если они будут бегать беспризорно по коридорам, то это будет служить ярким примером того, что этого не следовало бы делать, если рядом находится специальное помещение, более хорошо оборудованное.

Конечно, возможен еще один переходный этап: вместо того, чтобы устраивать отдельно хороший детский сад, отдельно ясли, соединенные теплым ходом, можно отводить для детей помещения в тех же домах, где живут взрослые. Но этот компромисс может быть отвергнут самими трудящимися.

Теперь перейдем к вопросу о школе. Школа—это место, где дети живут, исполняя в общем ряд своих несколько разнородных образовательных задач. Уже у малых ребят, 6—10-летних, есть желание изучать новое, следовательно, в такой школе нужно устроить место, где бы они могли учиться всякого рода познанию, искусству, науке и технике. Затем у них есть желание дать простор своим эмоциональным потребностям. Следовательно, при такой школе должна быть площадка для игр, место для гимнастики, плавания, представлений и т. п. Затем, дети всегда интересуются производством, что и как на свете разными людьми делается. Они большие рационалисты и хотят знать, куда и зачем идут те или иные изделия. Несомненно, все это может быть поставлено глубоко и планомерно и в этом и будет состоять политехническое воспитание. Дети по мере роста, переходя в старшие классы, будут все ближе и ближе подходить к производству. И, наконец, несомненно, что дети, участвуя в общем строительстве, будут все больше интересоваться общественной жизнью, а педагоги будут располагать всеми возможностями вести их в этом направлении. В конце концов мы можем выставить такой лозунг: «Школа должна быть школой целого дня и целого года». Для детей нет бессмысленного времяпровождения, оно всегда должно быть для них и осмысленно, и интересно. Ребенок может проводить известную часть дня в учебе, известное время в игре, известное время на производстве или в связи с производством, причем я подразумеваю под производством не только какое-то участие в работе на заводе, но и участие в работе в совхозе. Если эта школа будет расположена рядом с жилыми комбинатами, то

для производственной практики дети будут направляться либо на завод, либо сюда в совхоз.

И последняя важная задача—это непрерывный контакт детей с жизнью взрослых, участие в общественной жизни взрослых и ее обсуждение, помощь взрослым в общественности, технике, искусстве. Может быть, это будет помощь по дому, ремонт дома, проведение электричества, организация выставок, вечеров, украшение дома и т. д.

Одним словом, раз школа помещается здесь, среди всех этих жилых комбинатов, собирая много детей из нескольких блоков и проводя здесь время целыми днями, то программы НКПроса учтут новые потребности жизни нового быта. Такова структура начальной школы и первого концентратора средней. Второй концентратор средней школы будет все больше и больше переходить к работе от своей мастерской к мастерским на заводе-втузе. Так как назначение школы—обслужить детский возраст, она поэтому должна быть в связи с производством, должна быть универсальной, знакомящей с коллективным земледелием и коллективным индустриальным производством.

Схема социалистического города

Теперь становится ясной общая схема целого города (рис. 3).

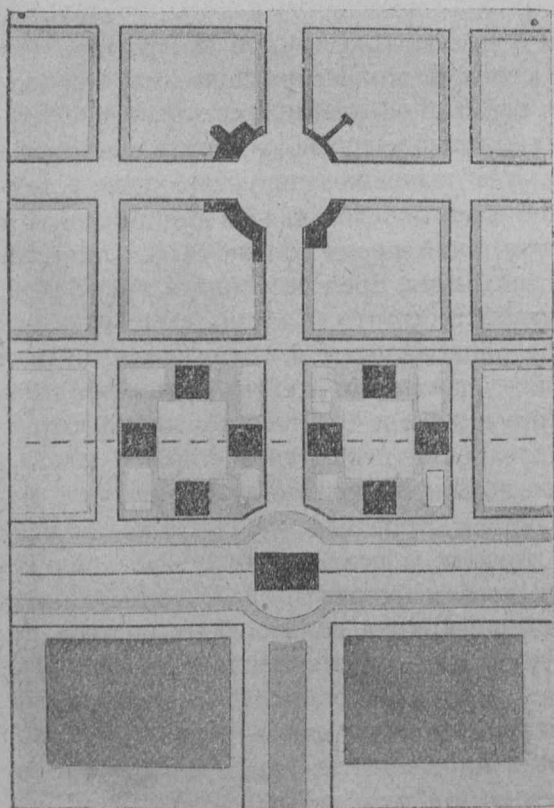

Рис. 3

Где-то проходит жел.-дор. линия, будет станция, причем с одной стороны здесь расположатся один, другой, третий кварталы для индустриального города, с другой — проведены в парке улицы и между ними жилищные блоки и кварталы школ. В парке — площадки для игр. Большие улицы сходятся в большие площади, которые могут быть превращены в несколько центров для общественных зданий. Здесь будут собираться большие массы людей, — площади нам нужны. У нас такие массовые собрания играют большую политическую роль, когда мы проводим демонстрации, празднества, и в новом городе нужны такие места, где население собиралось бы для выражения своих массо-

вых настроений; таких площадей нам нужно иметь несколько, нужно

будет иметь какие-то центры города, примерно, на второй—третьей улице, где можно построить целый ряд общественных зданий.

По какому принципу будет строиться схема аграрного города? (Рис. 4). Аграрный город имеет свою своеобразную и на первых порах отличную от индустриального города форму. Конечно, надо исходить из того, что и новый агрогород тоже концентрируется вокруг какого-то энергетического производственного центра, тракторной станции, совхоза, коллективного хозяйства. Сейчас подсчитано, что такой энергетический центр по данным, которые собраны, работает и обслуживает площадь в среднем 50—60 тыс. га. Это по территории представляет кусок земли приблизительно в 25 км, радиус которого равняется 12—15 км. Если мы возьмем один такой крупный аграрный массив, то он в центре будет иметь тракторную станцию, связанную какими-то путями сообщения, автомобильными или железнодорожными, с другими массивами.

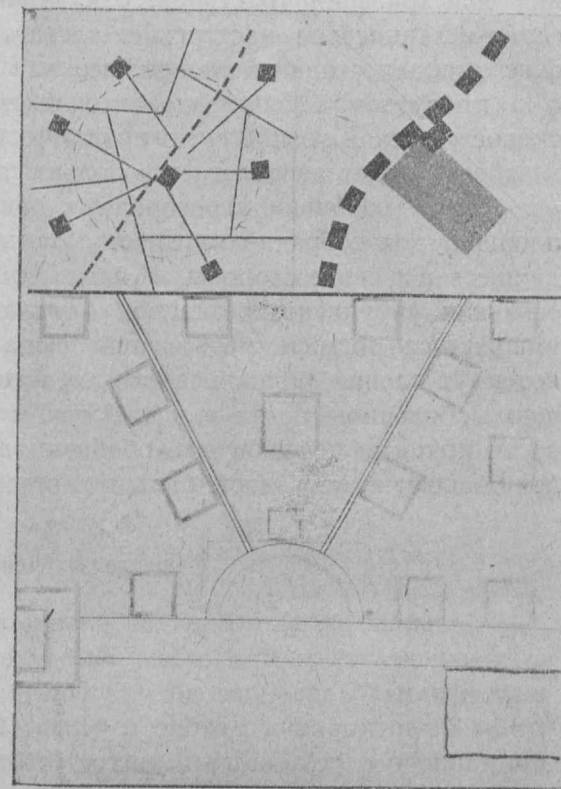

Рис. 4

В крупном колхозе или совхозе массив делится на целый ряд экономий: 8—10—12 экономий. В таком массиве в зерновой полосе построено в среднем около 4.000 дворов, с населением около 20.000 человек, если это только не вновь завоеванная земля, где работает совхоз и где еще нет плотного населения. Население постепенно будет концентрироваться около экономий, расположенных в этих пунктах, или около главного центра—тракторной станции. В экономиях останутся только животноводческие хозяйства с небольшим количеством рабочих и с определенным количеством скота для получения навоза для окружающих полей. В центре же будут перерабатываться продукты интенсивных культур, и население, чтобы пользоваться всеми благами культуры, естественно будет стекаться в центр; здесь будут дома культуры, больницы, кино, школы. Для того, чтобы ездить из центра на поля для 6—8 часов работы—транспорт не представит затруднений. Так, вероятно, будут возникать новые агропоселки.

Агропоселки будут состоять из двух частей—из энергетической машинной базы и из жилищной базы. В первой части будут помещения для хранения тракторов, с.-х. машин, ремонтные станции, слесарно-механические мастерские, элеваторы, мельницы и электрические станции—одним словом, все что необходимо для переработки с.-х. продуктов. Несомненно, что быстро будет развиваться интенсивное сельское хозяйство: огородничество, садоводство; зерновое же хозяйство будет располагаться больше по периферии этого массива.

Схема разбивки агрогорода в общем такова. В центре нужна площадь для собраний населения, от нее идут затем дороги, расходящиеся в разные стороны. Жилые дома будут сосредоточены в нескольких укрупненных зданиях—блоках или кварталах. Они будут умножаться по мере переселения сюда из экономии людей. Рядом вырастут здания общественного характера: дома Совета и культуры, школы, больницы, почта и т. д. В таком направлении будут, вероятно, расти крупные поселки, где обобществление быта будет развиваться все больше, и, кто знает, быть может скорее, чем в индустриальных.

Главные затруднения

Большие затруднения для планирования состоят в том, что мы не знаем, делать ли нам ставку на более или менее дальнюю перспективу или на ближайшее время? Иначе говоря, строить ли нам так, чтобы было хорошо, удобно и через 10 лет, или же строить только для данного переходного периода, что-либо более временного характера. Мы правильно поступим, если мы будем принимать в расчет динамику этих процессов, т. е. если мы будем учитывать изменчивость наших запросов и потребностей и, ставя себе ближайшую перспективу, учтем возможность осуществления наиболее полно и дальней перспективы. Если мы так сделаем, мы удовлетворим отчасти и нужды сегодняшнего дня, и подготовим реальные формы, которые будут нужны для дальнейшей революционной перестройки и для улучшения нашего быта. Если мы учтем, что динамика города может меняться, что типы жилища также могут меняться в зависимости от быта, что и самый быт мы можем ковать силами самого общества, именно в новых лучших каменных одеждах быта, то динамика будет разрешена.

Здесь попутно встает вопрос отношения к детям. Мы знаем, что дети очень часто окружены родителями отсталыми, которые своим воспитанием приносят ребенку вред. Нужно оказать влияние на этих родителей и так перестроить отношение быта к детям, чтобы уничтожить вредное влияние на ребенка, а может быть даже и сделать их хорошими воспитателями детей вообще. Прежде всего здесь надо воспитывать родителей. Центр тяжести вопроса в том, что очень глубоко было замечено Н. К. Крупской, подчеркнувшей в своем выступлении при обсуждении в клубе плановых работников проблемы

социалистического города, что надо строить «такие формы бытия, которые содействовали бы организованности общества». Это выражение дает руководящую нить нашей линии планирования.

Какова же будет динамика роста социалистического города? Мы не можем сказать, будет ли данный город расти значительно, или жизнь его будет замирать. Поэтому мы должны так построить город, чтобы дать ему возможность нового роста по главным артериям транспорта. Мы должны предусмотреть значительную динамику производства. Поэтому лучше с одной стороны артерии движения иметь вдоль промышленной части города, а другие—вдоль свободно развивающейся жилищной части, окруженной сельскохозяйственным сектором. Надо правильно учесть расположение транспорта, чтобы он мог работать и в промышленной части города, и в сельскохозяйственной. Но в то же время система транспорта через 10 лет значительно изменится, и мы можем быть вынуждены перестраивать «структуру самих городов». При возможности расти и в сторону сельского хозяйства и расширения его промышленной части, транспорту тоже легче перестроить свои пути.

Желательно ли строить сейчас дома более крупные, или менее крупные? Есть направление так называемых дезурбанистов, которые думают, что надо строить лишь временные жилища небольшого объема. Есть даже сторонники постройки для каждого человека маленького домика, стоящего на четырех столбиках, с тем, чтобы под ним хранился автомобиль обладателя домика.

При быстром процессе коллективизации общества нам надо использовать все пути лучшей организованности. Надо связать все процессы быта так, чтобы ребенок был и на глазах родителей, но чтобы он стоял близко к трудящимся массам. Надо, чтобы клубные комнаты, столовые, библиотеки и т. д. объединяли быстро и удобно взрослых. Вероятно поэтому такая ориентировка на небольшие домики неправильна, потому что мы, в процессе построения такого рода жилищ, не создадим необходимой спайки, которую мы называем «задачей социалистического сращения». Надо продумать систему этого контакта, чтобы, согласно ему, спланировать и жилища и их взаимоотношение. Нужно строить жилища более крупные и такой крупности, которая позволила бы создать определенный общественный контакт, собрать определенный коллектив, но так, чтобы личность развивалась возможно свободно и разносторонне при помощи коллектива. Если мы при бедности сейчас строим недостаточно комфортабельные жилища, то техника может и сейчас предусмотреть возможное изменение так, чтобы мы могли свинчивать и развинчивать свое жилье, чтобы мы могли из малых комнат делать большие, и наоборот. Лучше всего к этому строительству подойти так, как подходят американцы, а именно, строить стандартные размеры и для стен, комнат и перегородок, которые могли бы выниматься и вставляться. Америка и Япония производят элементы строительства на заводах так, что эти элементы по-

лучаются готовыми в определенных кратных на постройке величинах. Это не мешает архитекторам комбинировать эти стандартные части по-разному и проявлять так свое творчество.

Указывают, что жалко ломать дома раньше времени. Большой вопрос о том, будут ли дома вообще долго стоять или нет. Американцы сейчас ломают первый небоскреб в Чикаго, построенный 15 лет тому назад, только потому, что он кажется им устарелым. Мы знаем, что машины при быстрой эволюции техники живут не больше 10 лет и меняются раньше срока своего изнашивания. Жизнь материальных вещей определяется не изнашиваемостью, а экономичностью своей продукции. То же происходит и с жилищем, и чем дальше, тем быстрее. Творчество науки и техники поможет нам решить, в какой момент мы должны перестроить наши жилища для большего удобства.

Группировки людей в коллективе, непрерывное изменение группировок или дифференциация и интеграция групп в организованном порядке, представляет собою тот процесс динамики общества, за которым нам нужно следить и помогать ему оформляться в быту. Поэтому само жилище есть вместилище группировок для социальной связи. Отсюда временные жилища для отдельных лиц, стоящие на четырех столбиках, нам не по пути, потому что это не позволяет организовать общество, как нужно. Поэтому, и общественные учреждения, и места питания, и места воспитания детей и взрослых всеми способами культуры, должны создаваться в таких формах, чтобы там был облегчен контроль общества и возможность общественного участия.

Почему детские дома стали одиозными? Потому что общественного контроля над ними почти не было. Почему общественное питание многими осуждается? Потому что до сих пор было трудно поставить общественный контроль в этих учреждениях. Если бы производство пищи находилось близко от общественного жилья, если бы оно производилось людьми, которые в этом заинтересованы и могли удобно контролировать, то дело бы было поставлено лучше. Если бы детский сад был на виду у всех, если бы стены были как стеклянные и легко было бы видно, что там творится, то было бы и там хорошо и он не напомнил существующий плохой детдом. Не следует думать, что детский дом, который будет у нас строиться в будущем, будет таковым, как сейчас. Мы предполагаем, что в нем будут участвовать и родители и вообще взрослые. В яслях надо предусмотреть комнаты и для матерей и если ребенку станет плохо, если нужно психологическое воздействие матери, то это легко можно будет осуществлять.

Когда мы говорим о недоверии к специалисту со стороны массы, то мы забываем, что в процессе реконструкции бытовой будет эволюционировать и специалист и масса. Для этого прежде всего должны быть экономические предпосылки. Если специалист будет иметь больше свободного времени, а государство даст большую возможность совершать выбор призвания по желанию и способностям, то будет выполнена реализация формулы: каждому по потребностям и от каждого

по способности. Государство должно помогать развитию способностей. Отсюда ясно, что люди, которые интересуются гастрономией, будут работать там, где речь идет о пище, а те кто сидит «на пище святого Антония», этим делом заниматься не будут и займутся иными делами. Ребенок даже в школе может проявить педагогический уклон и может пойти свободно по этой дороге, не так, как теперь, когда кто-нибудь, провалившись в других вузах, когда некуда больше податься, идет на педагогическую работу. Тогда уход за детьми будет производиться силами общества гораздо больше, чем теперь, и при этом людьми, которые к этому чувствуют призвание.

Отсюда вытекает последнее трудное дело, последний подводный камень: нужно затратить очень большую энергию на подготовку населения к жизни на новых условиях. Если мы этого не сделаем, то из социалистических городов вырастет новое бюрократическое начинание, и мы потерпим крах. Но общественное творчество масс нам поручено, что это не произойдет. Если мы в сметы будем вводить постройку зданий новых домов, коммун или новых городов, то следует в смету вводить и такую статью как расходы на подготовку населения к новым бытовым условиям. Тем самым мы будем экономить на будущем ремонте и уходе. Тогда мы будем иметь такого коллективного хозяина, который будет беречь этот дом. Если правильно поставить вопрос о социалистическом быте, если в этом будет заинтересована партия, комсомол, профсоюз, организации ученых и художников, и если создадутся бригады в старом городе из массового населения, которые будут ставить пропаганду о новом быте, то мы сможем построить уже сейчас такие города, которые будут ближе к социалистическому обществу.

Подготовка населения к новому делу—задача весьма серьезная: параллельно с предстоящей нам работой по строительству самих городов нужно провести самую энергичную кампанию по подготовке населения к этому строительству. Нужно, чтобы в новый большой коллективный дом вошел бы подготовленный коллективный хозяин. То, что приходилось слышать при встречах с культработниками и с рабочими, подтверждает, что трудовые массы этим вопросом очень интересуются и готовы в этом деле принять самое горячее активное участие. Они хотят и познакомиться с блоками, и помочь в большой перестройке быта.

Вот, например, на одном собрании одна женщина так говорила: «Я работаю уже два десятка лет и никак не могла дожидаться, чтобы поднялись такие разговоры, как здесь сегодня. Как нам подходить к этому строительству? В руки рабочих и крестьян попала власть, мы знаем, как ее защищать, но не знаем еще как нужно строить. На это нужны большие затраты, почтому что мы хотим, чтобы новый город не был таким, как сейчас, когда у рабочего под кроватью мешки, капуста и т. п. Вот деревня готовится к социализму и мы видим, какая там происходит борьба. Поэтому, нужно довести все до плана и всем

вместе нужно всем фронтом бороться за это дело. Вот мы давно добиваемся детских площадок, а добиться не можем. С яслями несколько лучше дело». А другой рабочий говорил следующее: «Нужно сделать так, чтобы когда мы будем строить—другие не стояли бы рядом, не лущили семечек и не смотрели бы недоверчиво на нас... посмотрим, что-то у вас выйдет!».

Нужно всех втянуть в социалистическое строительство. Тогда такая новая коммуна поможет корректировать то, что создается, поможет поставить правильно общественное обслуживание. Оно распадается на несколько видов, которые нужно различать. Оно может проводиться с помощью платных коммунальных органов, с помощью кооперативного обслуживания и с помощью добровольных обществ. Могут, например, быть городской оркестр, оркестр профсоюза или жилкооперации и добровольный музыкальный клуб. Под контролем этого общественного обслуживания придется пересмотреть, вероятно, и всю систему коммунального хозяйства. Проявятся новые методы хозяйствования и новые пути, которых мы сейчас не предусматриваем. Когда же мы постепенно подойдем ближе к разрешению этих вопросов, то создадим ту практическую школу социализма, к которому мы так стремимся.

Реформа старых городов

Отделить вопрос о реформе старых городов здесь тоже нельзя. Возьмите историю. Мы видим, что очень часто новый строй смахивал с лица земли все старое. Есть ли у нас много домов, которым больше 100 лет? Конечно, нет. Прокладываются новые дороги и улицы, и целый ряд домов уничтожается. Может быть некоторые дома останутся как музеи, но должны возникать новые дома соответственно новой культуре и быту, и они будут строиться около новых предприятий. Таким образом строится Москва. Прекратить рост нельзя, но нужно подвергнуть это строительство регулированию и плановому обслуживанию и постепенно, таким образом, мы создадим планово то, что создается сейчас уже невольно. Что такое Зеленый город, как не совершенно новая струя для старой столицы. Этот Зеленый город показывает нам новые пути, которые нужно продумать еще дальше. Во всяком случае нужно остановить то хаотическое строительство, которое происходит сейчас, нужно сказать, что та городская чересполосица, которая сейчас имеется и далее развивается, нетерпима и, шуточно говоря, ясно, что нужно «колхозировать город». Такова основная задача, перед которой мы стоим.

Заканчивая этот краткий схематический обзор, необходимо указать на важность проведения следующих организационных мер:

1) Издания законов, воспрепятствующих более крупное жилищное строительство в городах и в обобщественном секторе сельского хозяйства без руководства нормами, издаваемыми Госпланом, и без утверждения соответствующими планировочными инстанциями.

2) Организация при Госплане СССР органа, планирующего стандарты для новых индустро- и агрогородов, каковые должны быть разработаны совместно с другими заинтересованными ведомствами в самый краткий срок и изданы для руководства всех хозяйственных предприятий и технических сил.

3) Поручения всем краевым плановым организациям проверять и останавливать строительство, в случае несоответствия его общим плановым директивам социалистического жилищного строительства, и согласовывать его с таковыми.

4) Во всех случаях, где крупное жилищное строительство проводится рядом с существующими городскими поселениями или хозяйственными предприятиями, или где создаются рядом несколько независимых друг от друга промышленных предприятий, таковое должно быть согласовано и образован общий стройком, имеющий решающее значение в вопросах общего планирования и объединения предприятий, обслуживающих коммунальный и общественный быт.

5) Поручения органам Госплана СССР, совместно с приглашенными представителями Госплана РСФСР и других заинтересованных ведомств, выработать основные планировочные нормы:

а) увязки на территории Союза планирования промышленных и аграрных городов, с определением возможных артерий связи между ними;

б) типов жилищного строительства для городов или сельских поселений, с выработкой соответствующих норм;

в) типов разных временных жилищ разборного характера как для помещений строительных рабочих, так и для временных помещений постоянных рабочих на производстве, впредь до создания постоянных жилищ;

г) норм для заселения территории города;

д) основных установок по различным типам жилых домов;

е) соотношения между зеленой частью города и застройками;

ж) основных правил коммунального обслуживания новых городов;

з) норм по введению в сметы жилищного строительства известной суммы на подготовку населения к участию в планировании, создании и контроле того нового социалистического жилищного строительства, в котором будет жить новый, коллективный хозяин.

И. Г. Туровский

Борьба с потерями в народном хозяйстве

(Темпы, ресурсы и план)

Введение

Далеко ушла вперед капиталистическая машина.

По глухим, первобытным дорогам старой России идет вдогонку новая, советская машина. Она движется в несколько раз быстрее, чем капиталистическая. Только дороги труднее, зато короче, прямее.

Хватит ли сил «догнать и перегнать» в обозримые короткие сроки? Не перенапряжены ли темпы? Возможен ли срыв или имеется возможность развить еще большую скорость?

Оглядываешься назад.

Что показывают наши контрольные цифры, конъюнктурные сводки, наши балансы. Все ли ресурсы исчерпаны? Нет ли резервов?

Все эти барометры нашего хозяйственного развития показывают высокое напряжение всей хозяйственной системы. Баланс спроса и предложения выведен с дефицитом. Отдельные балансы промышленных товаров, являющихся фундаментом индустриализации страны—это балансы металлов черных и цветных, пиломатериалов, кирпича, цемента и других стройматериалов—показывают также дефицит, измеряемый от 5 до 25%. Тов. Коссиор на основе «житейского опыта», а не балансовых исчислений, жалуется на «невидимые хвосты за дефицитным материалом» внутри самого обеспеченного участка нашего хозяйства—в промышленности.

Значительно также напряжение на участке продовольственного снабжения. В 1929/30 г. обеспеченность хлебом, картофелем заметно повысилась, тем не менее в целом проблема продовольственного снабжения остается одной из трудных.

Еще в 1928/29 г. удельный вес средств производства и стройматериалов в бюджете крестьянина составлял всего 22%. В то же время в бюджете немецкого крестьянина средства производства составляли около половины (45%). Этот факт недостатка средств производства следует считать одним из основных в ряду прочих факторов, обусловивших хозяйственные диспропорции. С одной стороны, он обусловил недопроизводство с.-х. продукции, а при распыленности нашего хозяйства и крайнюю недостаточность его товарности. С другой стороны, он вызвал относительно повышенный спрос со стороны крестьянства на товары личного потребления, так как покупательный

фонд, не находя удовлетворения в средствах производства, обращался на товары личного потребления. Кроме того, как известно, основным лимитом развертывания легкой индустрии является недостаточность внутреннего с.-х. сырья, а не преуменьшенность капитального строительства, как это думают некоторые из наших экономистов.

Стратегия пятилетнего плана бьет по основным затруднениям. Бьет с той концентрированной и сокрушающей силой, какая только возможна в сложных условиях нашего хозяйства. На основе максимального подъема тяжелой индустрии, перспективный план перевооружает сельское хозяйство. Перспективный план куёт стальной, индустриальный хребет сегодня еще ползущему сельскому хозяйству. К концу пятилетия СССР должен превратиться в самую хлебную страну. Мы, вместе с тем, становимся одной из стран металла и электроэнергии.

Но только ли в будущем, хотя и довольно близком, наши резервы?

Может быть перенапряженность нашего хозяйства обуславливается не столько исчерпанием резервов на отдельных участках, не столько предельным напряжением отдельных элементов хозяйственной системы, сколько совершенно обратным: недостаточным вовлечением резервов в хозяйственный оборот на всех стадиях процесса воспроизводства, расточительным расходом материалов, неиспользованием огромных организационных ресурсов, какие таит в себе система планового хозяйства.

И если последнее окажется правильным, то предельны ли взятые темпы, или возможны большие?

1. Синодик потерь и темпы хозяйственного строительства

Начнем с решающей проблемы—проблемы дефицита средств производства и стройматериалов в народном хозяйстве.

По контрольным цифрам Госплана на 1928/29 г. дефицит по строительным материалам в процентах к потребности определялся следующим образом:

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Кирпич	10,1	15,1	18,1	17,5
Цемент	1,0	3,1	6,0	4,2
Известь	31,0	24,7	11,9	10,8
Алебастр	7,7	1,1	22,0	12,5
Лес круглый	22,3	5,9	14,5	18,8
Лес пиленный	10,0	20,0	18,0	16,1
Оконное стекло	19,6	24,0	30,9	23,6

По данным Всесоюзного Металлосиндиката и ВСНХ баланс черных металлов сводился следующим образом:

В тысячах тонн

Группы потребителей	1926/27		1927/28		1928/29	
	Потребл.	% удовл.	Потребл.	% удовл.	Потребл.	% удовл.
Транспорт	60.400	95,1	71.300	91,0	75.500	87,0
Наркоматы и учреждения	7.600	97,5	15.900	96,0	21.000	78,5
Металлопромышл. ГУМПа	108.300	91,5	133.218	87,4	157.300	77,2
" местная	80.200	75,2	33.000	87,2	33.700	66,0
Прочие неметаллич. промышленность	100.000	81,9	110.166	81,8	117.500	77,5
Коммунал. и строительство	67.000	79,4	76.833	73,6	83.000	57,7
Кустарн. промышленность	17.000	62,4	22.408	67,8	26.100	48,5
Индивид. потребности	77.000	68,2	86.400	60,5	91.000	56,6
Город и все прочие	2.500	—	1.775	—	4.450	81,2
Итого	470.000	82,3	549.027	80,0	609.550 ¹	71,0 ¹

По цветным металлам, несмотря на значительный импорт, баланс был сведен с дефицитом в 25%. При таких показателях естественно было ожидать заметного недовыполнения производственных и строительных программ.

Между тем из года в год, вопреки балансовым расчетам, производственные и строительные программы перевыполнялись. План, перенапряженный до нереальности, оказывался более чем реальным. Правда, в процессе его выполнения обнаруживались перебои в снабжении материалами предприятий, устанавливались «невидимые хвосты за продукцией» и нередко бывали аварии из-за перегрузки оборудования, особенно по металлургии. И все же... планы перевыполнялись.

Таким образом, между планом и действительностью создавался своеобразный разрыв. Что всего любопытнее, контрольные цифры и Госплана и ВСНХ упорно записывали разные проценты дефицита за прошлые годы, несмотря на то, что программа оказалась вполне обеспеченной. Таким образом система «объективных» показателей, определяющих плановое задание, находилась (и находится) в противоречии с задачами максимальной интенсификации хозяйственного развития. Балансы очевидно не учитывали каких-то крупных резервов или базировали свои расчеты на явно искаженных показателях². Но еще более крупным оказался разрыв между действительностью и возможностью. Оказывается, что «дефицитность» продукции обусловлена не столько недопроизводством, сколько расточительностью продукции в процессе ее использования; перебои в снабжении материалами промышленного происхождения объясняются не столько недостатком запасов, сколько затовариванием.

¹ Отпуск 1928/29 г. показан без учета резервов. При учете последних процент удовлетворения повысится до 77,6%.

² Оценку балансам производства и распределения см. в нашей статье «Проблемы качества и количества в советском хозяйстве», напечатанной в № 9 журн. «Экономическое Обозрение» за 1929 г.

Отделом рационализации одного из крупнейших металлообрабатывающих заводов Ленинграда («Красный Путиловец») был разработан валовой баланс металла; этот баланс представляет значительный интерес, так как на указанном заводе можно проследить судьбу металла от мартеновской печи до готовой продукции, выпускаемой обрабатывающими мастерскими. Отдел рационализации сообщает, что «баланс составлен на основе различных отчетных данных, документов и прочих отчетных сведений различных органов. Таким образом, в балансе помещен только металл, находящийся на учете. В виду того, что технический учет на заводе не носит систематического, организованного характера, не отличается точностью и во многих случаях вовсе отсутствует, то баланс представляет собой относительно более благоприятную картину, чем если бы был учтен весь металл, находящийся на территории завода».

По данным этого «более благоприятного» баланса использование металла характеризуется следующим образом:

	Всего	В том числе					
		Сдано по заказам	Внутрен. потребл.	Увелич. запасов	Потери		
					Угар	Отходы	Итого
В тоннах	7.755	3.210	405	453	877	2.810	3.687
В %	100	41,4	5,2	5,8	11,4	36,2	47,6

Только 41,4% всей металлопродукции, поступившей в обработку, сдано заказчику. Почти половину всего металла составляют угары и отходы. Из-за столь высокого процента отходов завод ежемесячно пускает в оборот лишь около половины «свежего» металла (3.668 тонн). При этом запасы «свежего» металла на заводе исчислялись в размере 60.000 тонн, т. е. составляли примерно $\frac{1}{10}$ потребность предприятия в свежем металле. «В это число не включен неучтенный (неорганизованный металл), запасы которого не так уж малы».

Можно ли при таких «напряженных» условиях работы говорить о напряженности выполненных, а тем более заданных темпов. Не объясняют ли, например, чрезмерные запасы и отходы металла затруднения в снабжении металлом других предприятий.

Тов. Рухимович, обследовавший в марте 1929 г. украинскую промышленность, отметил также значительный перерасход металла и дерева. Так, например, на заводе «Серп и Молот» он оценивает отходы металла в 40—50%, причем «на вопросы облегчения конструкций, лучшего использования сырья, путем уменьшения отходов—не обращено должного внимания». Тов. Рухимович далее указывает, что переводом производства старых типов моторов всех габаритов на

более облегченные может быть достигнута экономия до 60% металла.

Объединенному бюро жалоб НК РКИ было поручено произвести летучее обследование семи машиностроительных заводов: Мытищенского, Подольского, Коломенского, Люберецкого, Тормозного, «Динамо» и «Мельстрой» № 1 для проверки правильно ли используется чугун¹.

«Комиссия обнаружила целый ряд недочетов, при устранении которых можно получить большую экономию в расходовании чушкового чугуна, кокса и снизить брак. Даже небольшая экономия в 5—7% может дать примерно около 500 тонн в месяц. Как общее правило, на всех проверенных заводах можно отметить полнейшее безразличие к использованию отходов литейной. На свалку вместе с горелой землей нередко попадает, помимо угара, литейный чугун, а также бракованные, иногда даже годные детали. На заводе «Динамо» выбрасывают в свалку шлак, содержащий в отдельных случаях до 80% чугуна. На Подольском заводе умудряются чушковый чугун засыпать землей и глиной. Есть заводы, где брак в литейной доходит до 20—30%. На Тормозном заводе сушат песок, вливая в него горячий чугун» и т. д.

Весьма значителен перерасход металла в строительстве. Специалисты оценивают перерасход сортового металла в строительстве из-за несоответствия потребностям производимого ассортимента в 25—30%. А между тем, строительство потребляет свыше 600 тыс. тонн металла. По расчетам специальной комиссии, сделанным по заданию Госплана Союза, строительство расходует 67% лишнего металла при весьма распространенной замене катанки «ближайшим диаметром круглого сортового железа в 9,5 мм». При замене мелкосортного металла ближайшим диаметром среднесортного железа (что также весьма распространено) «непроизводительно теряется до 25—30% заменяемого металла».

Весьма робко идут наши строители на замену крайне дефицитного металла гораздо менее дефицитным и более доступным круглым лесом. Проф. Лахтин пишет следующее по вопросу о замене металла лесом²: «Одно из предубеждений против применения дерева в строительстве заключается в его стораемости... а между тем можно дерево сделать не воспламеняющимся при помощи пропитки его некоторыми солями аммония... Железо, подвергающееся действию высокой температуры, при пожаре очень быстро теряет свою прочность, хотя и не горит». Проф. Лахтин так кончает свою статью: «Замена в строительстве металлических и железобетонных конструкций деревянными является дважды экономически выгодным; с одной стороны, более дефицитный материал (чугун и железо) освобождается от применения в строительстве и идет на применение в машинострое-

¹ См. газету «Экономическая Жизнь» от 4/XII 1929 г.

² См. газ. «Экономическая Жизнь» от 4/XII 1929 г.

нии и в транспорте, с другой стороны—применение дерева в строительстве наиболее целесообразно, имея в виду, что оно является стойким в среде, неблагоприятной для металлических и железобетонных конструкций».

Мы не станем останавливаться на получивших скандальную известность данных о расточительности металла и дерева в мастерских транспорта, расточительности, граничащей с вредительством. Необходимо подчеркнуть, что технический консерватизм на транспорте, крайняя устарелость стандартов и технических требований, иногда вековая их давность, являются причиной значительного перерасхода материалов. В частности, несмотря на широкую известность преимуществ электросварки, таковая развивается далеко не в достаточном темпе. А между тем, по мнению специалистов, применение электро-сварки например в мостостроении может сэкономить до 25% металла.

Выше мы уже указывали, что дефицит цветных металлов исчислялся для 1928/29 г. в размере 19 тыс. тонн или 25% всей потребности. Ввиду невозможности покрытия дефицита была создана комиссия для выяснения размеров возможного сокращения отпуска цветных металлов без ущерба для производственной программы.

Комиссия установила, что возможно сокращение расхода цветных металлов на 7 тыс. тонн без какой-либо дополнительной технической проработки. Кроме того, возможна добавочная экономия цветных металлов в размере 27 тыс. т «не вызывающая, по существу, технических и практических возражений», но требующая «согласования» и проведения ряда мероприятий по линии сокращения запасов, замены черными металлами и суррогатами, облегчения веса перехода на штамповку от литья и т. д.

Если бы вся промышленность, перерабатывающая цветные металлы, провела с необходимой интенсивностью все намеченные мероприятия, то производственная программа—в той мере, в какой она зависела от фонда цветных металлов—могла бы быть увеличена на 25%, вместо угрозы сокращения на те же 25%. Сообщение «Экономической Жизни» от 3/XI 1929 г. свидетельствует о том, что мероприятия по сокращению расхода цветных металлов проводятся далеко не в достаточной мере.

Общую сумму потерь леса т. Майер исчисляет для 1928/29 г. свыше 60 млн. рублей. Более конкретные обследования использования леса в промышленности, на транспорте, в строительстве несомненно покажут, что названная цифра является более, чем скромной. Кроме непосредственных потерь лесопромышленности народное хозяйство несет значительные потери из-за потребления и перевозки леса в сыром виде.

Следующей крупнейшей потерей является неиспользование топливных ресурсов, при весьма напряженном топливном балансе. «Данные, которыми располагает НК РКИ¹, говорят о том, что при

¹ См. «Экономическую Жизнь» от 2/XI 1929 г.

использовании топлива промышленность несет большие потери, которые в 1928/29 г. выразились в сумме свыше 300 млн. рублей», что составляет около половины всего топлива, сожженного на теплосиловых установках промышленности. Так, например, «на Харьковском паровозостроительном заводе, целиком электрифицированном, потери в одних лишь трансмиссиях составляют 52% от всей передаваемой трансмиссиями механической энергии. Если учесть потери в распределительной сети, трансформаторах, моторах, а затем при передаче энергии от районной станции до завода, то общая потеря энергии возрастет до 70%».

Столь же расточительно расходование наиболее дефицитных стройматериалов. Вот как оценивают материалы НК РКИ² возможность ослабления, преодоления дефицита: «Этот дефицит строительных материалов во многих случаях можно изжить, даже не увеличивая его производства, а лишь заменяя одни материалы другими и строя более облегченные конструкции. В то время как в Германии, Соединенных Штатах и даже в Швеции и Норвегии, при довольно суровом климате, стены для жилищ строятся из одного и полутора кирпича с разными изоляциями: торфолиум, камышит, или стены с воздушными прослойками и герардовская система кладки кирпича, у нас, несмотря на то, что некоторые системы довольно известны и даже употребляются в отдельных местах, мы строим дома из 2½ кирпичей и редко в 2 кирпича. Применяя у нас вышеуказанные конструкции строительства по плану жилищного строительства 1928/29 г., можно получить экономию около 500 млн. кирпичей. Заменяя в промышленном строительстве кирпич бетонным камнем, а также употребляя облегченную укладку кирпича там, где конструкция это позволяет, можно получить экономию около 1.000 млн. кирпичей. Оба мероприятия дадут нам экономию в 1.500 млн. кирпичей и выведут из дефицита. Если к этому прибавить, что наши старые кирпичные заводы были загружены только на 70%, то при полной загрузке их у нас не будет не только дефицита, но у нас будет довольно большой излишек.

В отношении цемента у нас та же картина. Стены домов строятся у нас на смешанном растворе, т. е. на смеси цемента, песка и извести, в то время как в Европе и в Америке только на известковом растворе; то же самое для заполняющих стен в промышленном строительстве. При железобетонных работах на Западе уже употребляется система Абрамса Графа, которая дает экономию в цементе 10% и больше, и которую возможно применить у нас при ничтожных затратах. Применение этих мероприятий даст нам излишек в цементе, а не дефицит.

Что касается балок, швеллеров, проволоки-катанки, сортового железа и фасонного, стали и кровельного железа, то, заменяя одни материалы другими, например, железные стропила деревянными, уве-

² См. сборник под редакцией А. Гольцмана, «Резервы в народном хозяйстве» (стр. 69, 70, 71).

личивая напряжение на железо с 1.200 кг до 1.400 кг на кв. см (предлагаемое Техническим советом ВСНХ), покупая балки, швеллера не в торговых длинах, как теперь практикуется (которые дают от 5 до 15% отходов), а в точных размерах, запрещая контролирующим организациям утверждать проекты, употребляющие железо в местах, не вызываемых необходимостью (в жилищном строительстве часто употребляются железные балки не вызываемые необходимостью), заменяя кровельное железо толем, шифероруберойдом, черепицей и др., дефицит в железе в 1928/29 г. мог бы быть если не изжит полностью, то во всяком случае очень смягчен.

Если же принять во внимание, что строительные организации, во избежание перебоя в работе, покупают больше дефицитного материала, чем нужно (что было выявлено строительной группой РКИ в процессе обследования строительных контор), то можно с уверенностью сказать, что при проведении вышеуказанных мероприятий, а также при более четком контроле за покупками дефицитных материалов, кризис дефицитных материалов мог быть в 1928/29 г. изжит».

В задачи нашей статьи не входит анализ и систематизация причин, обусловивших перечисленные потери в народном хозяйстве. Необходимые мероприятия частично уже намечены Госпланом и вносятся в правительство, частично прорабатываются. От интенсивности и качества их выполнения будут зависеть размеры и сроки реализации этих резервов. Мы хотели только слегка приподнять завесу средних показателей наших плановых документов, за которыми скрываются богатейшие ресурсы. Не прибегая даже к средним и суммарным экстраполяциям, можно прямо сказать, что на одном из напряженных и решающих участков народного хозяйства имеются залежи, груды скрытых резервов. Темп индустриализации, а следовательно и темп преодоления частных затруднений, темп продвижения к социализму может быть заметно увеличен. Борьба за темпы — это борьба за качество хозяйственной системы.

Особенно ярким показателем «скрытых ресурсов» являются данные о размере запасов наиболее дефицитных материалов в промышленности, на транспорте, в строительстве; характерно, что эти данные, относящиеся к наиболее планируемому участку хозяйства, были получены не от ЦСУ, не от статистико-учетных органов самих ведомств, а от... НК РКИ и от инспекции ВСНХ.

Нужно сказать, что отличительной чертой балансов важнейших товаров производственного назначения являлось отсутствие данных о запасах. При ближайшем ознакомлении выяснилось, что сведения о запасах, в том виде, как они нужны для планирования производства и снабжения, не имеются даже у директоров предприятий. Естественно, что они вовсе отсутствовали в наших балансах. Более детальное рассмотрение данных о состоянии запасов в обобществленном секторе нашего хозяйства показало, что те данные о запасах, кото-

рые нам обычно представлял ВСНХ—являются той общей «средней» абстракцией, которая наводит туман, но не вскрывает истинной картины.

Как известно, к концу октября запасы сырья сельскохозяйственного происхождения остаются в минимуме. При этом запасы материалов промышленного происхождения оказываются значительно больше. Но в ВСНХ все сие суммировали, а сумму относили к валовой продукции и получали относительно скромную цифру запасов. Произведенное анкетное обследование РКИ выявило, что только по 28 крупным трестам сумма возможной дополнительной мобилизации внутрипромышленных ресурсов определялась примерно в 200 млн. рублей. Запасы определялись в размере 5—6-месячной потребности, в то время как сами промышленные предприятия говорили, что при наличии центральных питательных баз с запасами до 1-2 месяцев—на самих предприятиях вполне достаточны, в среднем, месячные запасы материалов.

Последовавшие затем обследования инспекции ВСНХ (летом текущего года) полностью подтвердили выводы НК РКИ. Задачей обследования было выявление возможных излишков наиболее дефицитных материалов «общепромышленного потребления» (металлов, химикатов, стройматериалов, электротехнических материалов и т. п.).

По данным инспекции ВСНХ запасы названных материалов в крупнейших промышленных пунктах определяются в размере свыше 6-ти месяцев.

Значительный интерес представляет дифференцирование названных средних данных по крупнейшим промышленным предприятиям по важнейшим товарам.

Возьмем наиболее организованную, планируемую промышленность—ленинградскую. Расход названных выше дефицитных материалов по 14 крупнейшим предприятиям составил в 1927/28 г. около 18,5 млн. рублей, а только за 1-е полугодие 16 млн. рублей. Эти данные характеризуют темп разворачивания работ. Казалось бы, что при остром дефиците в материалах и при столь интенсивном развертывании работ, запасы должны были либо понизиться, либо упасть до минимального предела, а между тем данные совсем не подтверждают нашего предположения.

Запасы в оборото-днях	Невский завод	Балтийский завод	Красн. Выборж.	Знамя Труда" зав. № 1	Знамя Труда" зав. № 2	Знамя Труда" кооператор	Тремасс—зав. Промет.
За 1927/28 г.	219,5	264,7	148,7	165,1	90,9	133,3	114,6
За 1-ю полов. 1928/29 г. . .	187,4	287,7	146,3	117,6	101,1	173,0	92,7

Запасы, как видно, превышают шестимесячную потребность заводов и обнаруживают довольно слабую тенденцию к относительному снижению, несмотря на «напряженность темпов».

Запасы в оборото-днях	Зав. "Красная Заря"	Электроток 1-й ЛХС	Божтест ф. Скороход	Зав. "Красный Треугольник"	Лентекс. ф. Халтурина	Ленжет Нев. Стел. рин. зав.	Крестовский зав.	Всего
За 1927/28 г.	195,6	255,3	272,7	202,2	173,0	89,1	155,1	203,4
За 1-ю полов. 1928/29 г. . .	185,5	333,3	155,1	140,6	134,3	124,1	126,7	191,5

По тем же предприятиям приводим данные о размере запасов наиболее дефицитных материалов.

Запасы в оборото-днях	Металлы	Балки и швеллера	Сталь разн.	Металлоизделия	Арматура	Трубы	Инструменты	Цветн. прокат. металл
За 1927/28 г.	148,7	257,1	339,6	203,3	352,9	274,8	194,5	192,5
За 1-ю полов. 1928/29 г. . .	157,8	204,5	230,7	272,7	305,0	230,7	144,0	169,8
Всего	—	—	—	—	—	—	—	—

Запасы в оборото-днях	Элек.техн. изделия	Ремни, шиф. изд. и пр.	Химич. товары	Моск. и лако-крас. изд.	Силик. строитель.	Лесные материалы	Прочие вспомогат.	Всего
За 1927/28 г.	324,3	349,5	184,6	168,2	201,1	177,3	144,0	203,4
За 1-ю полов. 1928/29 г. . .	339,6	272,7	132,3	134,0	236,8	187,5	145,1	191,5
Всего	—	—	—	—	—	—	—	—

В приведенной таблице характерен не только уровень запасов, но и динамика их. Относительные (к интенсивно повышающейся производственной программе) запасы наиболее дефицитных товаров—повышаются, менее дефицитных—понижаются. Так по трубам, балкам, стали, инструменту, цветным металлам—запасы увеличиваются. Не в этом ли «секрет» обострения их дефицита? В то время как по одним товарам имеются 2-летние запасы товаров, а в некоторых случаях даже 6-летние, по другим сортам товаров запасы не превышают 2-недельной потребности. Но если обследовать запасы всех предприятий, то выяснится, что на одном предприятии имеется значительный запас того, чего нет в других предприятиях. Сейчас в Ленинграде идет жесткое распределение карборундовых кругов, а между тем на одном из крупнейших заводов Ленинграда имеется многолетний запас этих карборундов.

Летом 1929 г. была проведена ударная кампания по мобилизации внутрипромышленных ресурсов. Но эта мера могла способствовать лишь временному уменьшению затоваривания (да и то при неизбежных перебоях в производственном процессе отдельных предприятий), но не устранить причины. Для этого необходимо перестроить систему связей между производителем и потребителем.

Уже после кампании по мобилизации ресурсов сталинградская РКИ¹ нашла на заводе «Красный Октябрь» почти на 2 млн. рублей материалов, валяющихся беспризорно. Складское хозяйство иначе не назовешь, как кладбищем металла. Учет отсутствует. Для того чтобы выбрать что-либо годное, надо порыться прежде всего в грудах железа. Т. П. О. завода сделал заказ на два котла, стоимостью в 18 тыс. рублей. Заказ шлют заводу на исполнение, а комиссия РКИ находит среди лома два вполне исправных котла. В цехах годами лежат целые склады выполненных заказов, сделанных другими цехами того же завода. Эти заказы давно аннулированы.

При осмотре складского хозяйства одного из крупнейших заводов в ноябре 1929 г. мы обнаружили, что из запасов на 4 млн. рубл. имеется, примерно, на 700 тыс. рубл. товаров, которые заводу никогда не потребуются, и которые безмятежно отдыхают на заводских складах в течение многих лет. На другом заводе совершена была сделка по приобретению партии цветных металлов, заводу вовсе ненужной. Коммерческий директор приобретал эти товары с расчетом в последующем обменять их с другим заводом, который нуждался в этих товарах, но у которого в излишке были товары, необходимые для производства первого завода.

Такова в действительности диалектическая взаимозависимость между «товарным дефицитом» и «затовариванием». Это явление, неизбежное в условиях капиталистического хозяйства, недопустимо в плановом хозяйстве. Очевидно, преимущества планового хозяйства далеко еще не осознаны нами и не реализованы в практике нашего хозяйства. Мы зачастую еще слепо копируем организацию капиталистического хозяйства в тех областях, где объективные данные позволяют нам обогнать его.

На транспорте было также обнаружено, что установленные нормы материального снабжения (которые составляли на первое января 1929 млн. рубл.) были транспортом превышены на 162 млн. рубл. А между тем и установленные нормы являются весьма либеральными.

Выявленное на транспорте «затоваривание» имеет место не только по «малоходовым» изделиям, но и по самым дефицитным.

Запасы Октябрьской железной дороги в 1928/29 г. в оборотных днях определялись в размере 207 дней, а по следующим товарам ставили: по металлам и стали 215 дней, по металлическим изделиям и арматуре—270 дней, по инструментам—251 день, по цветным метал-

лам—225 дней, по электротехническим изделиям—318 дней, по трубам—350 дней и т. д.

На Екатерининской ж. д. выявлено имущества на 2,4 млн. рубл., в том числе половина металла, при том нового, не бывшего в употреблении. В течение полутора лет на складах этой дороги лежало 11 вагонов красной меди, завезенной из Карской экспедиции. На южных дорогах имеется запас сортового железа на 8 лет. На Уссурийской дороге паровые машины лежали без движения 5 лет, а крестовины—10 лет. На Московско-Курской железной дороге излишние запасы оцениваются в 21,6 млн. рубл. и на 126% выше нормы. В то же время дорога требует увеличения снабжения, угрожая срывом производственных программ. По словам инж. Лямерц (начальника Кельнских ж.-д. мастерских), знакомящегося с работой наших мастерских, материальное хозяйство поставлено совершенно неудовлетворительно. В требованиях и расходах материала наблюдается полнейшая бесплановость. Имеются совершенно «беспризорные» материалы, громадные ценности, которые ускользают от контроля. Мастерские и дворы завалены кучами старых и новых материалов, которые еще могут быть использованы.

В имеющихся данных о состоянии запасов Госречпароходства, коммунальных хозяйств повторяется та же картина значительного затоваривания.

Если бы все эти ресурсы были реально мобилизованы, если бы к ним были присоединены огромные материальные резервы, идущие ныне в угары, брак, отходы, или напрасно замурованные в различного рода сооружениях, или висящие ненужным грузом в утяжеленных конструкциях машин, станков, оборудования—наши плановые задания были бы признаны не столько напряженными, сколько преуменьшенными.

Далее, наши продовольственные затруднения. В какой мере они являются результатом недопроизводства с.-х. продукции и в какой результат хищнического ее использования.

Распыленное сельскохозяйственное производство обуславливает крупнейшие потери с.-х. продукции и в момент засева, и в процессе созревания, и в процессе уборки с.-х. продуктов. То же и в области ухода за скотом. Это значительно понижает наши ресурсы у самого истока их.

Одни полевые вредители съедают столько же, сколько 100 млн. крестьянского населения. По имеющимся подсчетам при затрате на 1 рубль химических средств для борьбы с вредителями достигается экономия с.-х. продукции на сумму 37 рублей. Стоит только всю проблему борьбы с вредителями взвесить на весах потерь, как сразу становится ясным, что на этом участке мы страшно отстали, что здесь недостаточны те меры, которые многими определяются как интенсивные. С особой силой нужно будет заострить внимание и химической промышленности, и органов НКЗема на разрешении в кратчайший

¹ См. «Экономическую Жизнь» от 30/X 1929 г.

срок указанной проблемы. Если молодость нашей химической промышленности и раздробленность до последнего времени сельского хозяйства могли служить фиговым листком, прикрывающим позорное отставание на одном из важнейших участков народного хозяйства, то потери сельскохозяйственной продукции в сфере обращения, в значительной мере обобществленной, следует признать глубоко ненормальным.

Ссылки на недостаток технической базы далеко не оправдывают тех потерь, какие мы наблюдаем на пути от производителя к потребителю. Имеющиеся материалы убеждают нас в том, что и наличная техническая база используется крайне неудовлетворительно. Вопросами потерь с.-х. продукции в процессе обращения специально занималась торговая секция Украинского Госплана, в частности т. Свищев.

Вот, что он сообщает.

По данным Плодоспилки 30% фруктов портится на месте и не поступает в дальнейший оборот. «В действительности—пишет Плодоспилка—не будет большой ошибкой, если мы скажем, на основании нашего опыта за последний год, что эту цифру надо увеличить вдвое, ибо даже товар, приведенный в ликвидное состояние, оказывается слишком слабым и не выдерживает длительного хранения».

Тот же процент мы наблюдаем и по овощам.

По мнению РКИ УССР «такой высокий процент порчи зависит в значительной мере от того, что приемка и хранение на станциях отправления проводится плохо. Овощи и картофель, как правило, просто сбрасываются на землю, не имеется специальных навесов от дождя; навалка производится железными лопатами, что обуславливает процент порчи в 10—15% (нормально 2—3%)». Это заключение РКИ было сделано на основе «нормальной» практики отгрузки овощей еще до картофельной эпопеи.

Весьма значительны также потери мяса, масла, яиц, рыбы. Тов. Свищев оценивает «потери в сфере обращения в 31—35% от всей продукции, поступающей от с.-х. производства в товарооборот». «Конечно—пишет он—все эти потери не представляются возможным сбересть. В каждом из звеньев должна будет существовать так называемая «нормальная» потеря. Но если даже отбросить эту нормальную потерю, то мы все же теряем около 25% всей товарной продукции вследствие «ненормальной» порчи». В денежном выражении эти ненормальные потери составляют 100 млн. рубл. для одной Украины. Значительны также потери продовольственных продуктов в самом процессе потребления. Р. Кучинский исчисляет потери в довоенной Германии в процессах потребления в размере 22% всех потребляемых калорий.

Р. Пирль, автор большого исследования о народном питании в САСШ, оценивает потери в питании САСШ: белков—5%, жиров—25% и углеводов—25%.

Исследования отбросов в Нью-Йорке показали, «что 27% найденных отбросов были еще годны к употреблению в тот момент, когда они были брошены в помойное ведро. Из них $\frac{1}{3}$ составляли хлеб и $\frac{1}{6}$ —мясо». Нам неизвестны данные о потерях в процессе потребления в СССР. Думаем, что они не на много ниже «заграничного уровня», если не выше.

Неоднократно поднимался вопрос об организации сбора домашних отбросов. Приводились исчисления, которые сулили таким образом вовлечение в оборот добавочного сырья для переработки и экспорта на сумму до 200 млн. рубл. Однако до сих пор этот вопрос практически мало продвинулся.

Надо полагать, что процессы обобществления питания, если они будут подняты на иной качественный уровень, а также более широкая научная проработка вопросов питания, сопутствующая процессам обобществления—позволит более радикально решать и вопросы использования продукции, в частности, в виде отбросов.

1929/30 г. сделал гигантский скачек в области обобществления производства и распределения с.-х. продукции. Это создает чрезвычайно благоприятные условия для организованной, целеустремленной борьбы за повышение использования с.-х. продукции. Приведенные данные показывают, что на этом пути имеются значительные ресурсы, могущие заметно облегчить продовольственное напряжение. Нужно их поднять и довести до потребителя.

Мы только едва приподняли завесу средних, или суммарных, всесоюзных показателей, за которыми скрывается море потерь.

Мы показали только некоторые виды прямых материальных потерь, мы показали вскрытые залежи иммобилизованной продукции. Но это только капля в море.

А потери от замедленности производственных, строительных процессов, от неиспользования транспортных средств, от неиспользования наличных и потенциальных энергетических ресурсов человека, стихии и т. д., и т. д.

Огромное количество потерь может быть устранено сегодня-завтра мероприятиями несложными, не столько требующими капитальных затрат, сколько доброй воли. Другие потери могут быть преодолены только в перспективном, генеральном плане, но их нужно осознать сейчас, в борьбу с ними нужно вступить немедленно. Идея их преодоления должна быть положена в основу генерального плана, но часть мероприятий можно осуществить на отрезке ближайших контрольных цифр.

При обсуждении контрольных цифр транспорта на 1929/30 г. Г. М. Кржижановский выдвинул перед транспортниками генеральную задачу—повышения эффективности двигательной силы.

Транспорт обладает наибольшими ресурсами двигательной силы—в 10 млн. лошадиных сил. Но эти ресурсы используются до

смешного мало. Коэффициент их полезного действия определяется в пределах, кажется, 10%. Из 10 млн. лошадиных сил—9 исключаются из хозяйственного оборота страны. Тов. Кржижановский выдвинул идею такого сочетания интересов, транспорта и районного хозяйства в деле использования двигательной силы, при котором коэффициент полезного действия был бы значительно увеличен. Каждый день промедления в ее осуществлении является не только потерей грандиозных возможностей, но и расширенным воспроизводством потерь, обусловленных ростом транспорта на старой энергетической базе. Но рядом с такой генеральной задачей имеются совсем близкие задачи, с разрешением которых мы даже запоздали. Решение этих задач не требует крупных капитальных затрат и, во всяком случае, они по плечу текущему или ближайшему году.

Объективные предпосылки для планирования, во времени и пространстве, подавляющей части перевозок—вполне созрели. Однако, практика применения действительно плановых перевозок—очень ограничена, если не сказать больше. Сахаротрест проделал необходимую работу по переводу своих перевозок на плановые рельсы. В результате—экономия исчисляется в размере до 30%. Эта цифра является косвенным показателем возможных результатов от повышенного использования перевозочных средств. Этот процент экономии можно считать показательным для определения примерной эффективности от реального перехода на всеобщее планирование перевозок. Как известно, Резинотрест производит галоши только на двух предприятиях: в Москве и Ленинграде. Вся продукция продается за год вперед по генеральным договорам с областной и республиканской кооперацией и госторговлей. Кроме того имеется специальное Акционерное общество «Транспорт», задачей которого является концентрация грузов разных отправителей для обеспечения отправки полнотонных вагонов или даже маршрутов. И тем не менее, только 23% всех галош отправляется полнотонными вагонами, остальные—мелкими партиями. Оказывается, что система тарифов не стимулировала до сих пор грузоотправителей к укрупненным отправлениям. Предложенная хозяйственными организациями система веерных отправок¹ встречала на практике непреодолимые затруднения и в результате—недоиспользование перевозочных средств и замедление грузооборота.

¹ Сущность веерной системы заключается в следующем:

Товар, предназначенный для целого ряда пунктов, расположенных по одному направлению, отправляется полнотонным вагоном с применением партийного тарифа (ныне применяется тариф мелких отправок) до центрального для данного района пункта, являющегося переломным. В данном пункте предназначенный для него товар выгружается, а остальной, без вывоза его со станции, уже мелкими партиями (веером) отправляется в остальные пункты по всем направлениям, кроме обратного. Эта система дает возможность значительно повысить использование подвижного состава транспорта (крайне недостаточного), ускорить капиталоборот, благодаря ускорению продвижения грузов, сократить хищения и потери товара в пути, избежать обратных перевозок.

Проведенная в Госплане СССР работа по изысканию путей рационализации тары совершенно неожиданно вскрыла, какие крупные транспортные ресурсы остаются неиспользованными.

Выяснилось, что в нормальный 16,5-тонный вагон из-за разных размеров и громоздкости бочек грузится всего лишь 10-ю т растительных масел.

А между тем при установлении стандарта на бочку от растительного масла в 0,41 т, полезная емкость вагона может быть использована на 100%. При общей перевозке растительных масел в 362 тыс. т и средней дальности перевозок в 1 100 км, транспорт теряет при перевозке масла от неиспользованной емкости вагонов свыше 2 млн. руб. и 154.464 вагоно-дней.

Другой пример с хлопком.

Средняя нагрузка нормального вагона советским хлопком составляет 10,3 т. Импортный, американский хлопок при упаковке его в рулоны грузится по 14 т в вагон. При правильно поставленной прессовке хлопка можно достигнуть 100% использования вагонной емкости. Но даже по сравнению с перевозками американского хлопка транспорт теряет свыше 2 млн. руб. и 210 тыс. вагоно-дней.

Перевозка сена и соломы производится в еще менее благоприятных условиях.

Ныне установленная норма погрузки сена и соломы в крытый вагон равна 7 т (фактическая норма колеблется между 5,5—6,1 т) и 10 т на платформе, в то время как в довоенное время соответственно были установлены нормы в 10 и 12,3 т.

В условиях планового хозяйства минимальные нормы должны быть равны 10,8 т в крытом вагоне и 15,75—16,5—на платформе. Эти нормы могут быть достигнуты за счет лучшей прессовки и установления размера кипы, наиболее отвечающем кратности вагона. Из-за неэкономной загрузки вагонов сеном и соломой, транспорт напрасно загружает при перевозке 709 тыс. т сена (масса, перевезенная в 1925/26 г.) 450.000 вагоно-дней и 4.610 паровозов.

В нынешней практике перевозки с.-х. машин (перевозка которых должна гигантски увеличиться в ближайшие годы) использование вагонной емкости едва достигает одной трети, а между тем отдельные предприятия с.-х. машиностроения, благодаря стандартизации упаковки, уже достигли использования 66% емкости вагонов.

Мы не станем более множить этих данных, но и приведенные свидетельства о недоиспользовании значительных транспортных ресурсов, по причинам более чем неуважительным для планового хозяйства.

Все перечисленные потери на транспорте, обусловлены были бесплановостью, разрывом на стыке транспорта с грузоотправителями. Но вот имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят о том, что транспорт с наибольшей расточительностью осуществляет «свои собственные» перевозки. Как известно, директивными и правительствен-

ными органами была проведена большая, напряженная кампания по сокращению технической звенности, по максимальному выпрямлению путей товаропродвижения. Оказывается, эта кампания докатилась только до ворот транспорта и здесь тихо умерла. Товар, потребляемый транспортом, как правило, завозится от поставщика на главный склад дороги; отсюда через некоторое время, часто самое короткое, этот товар вновь погружается в вагоны и отправляется на участковый склад. Участковые склады расположены по обе стороны главного склада; нередко, поэтому, товар с главного склада увозится в обратном направлении. С участкового склада товар движется затем на склады потребителя. Транспортные услуги оказываются самыми дорогими для самого же транспорта. Не потому ли, что они «даровые»? При таких условиях трудно рассчитывать на проектировку мероприятий, повышающих народнохозяйственную эффективность.

В сентябре месяце, а еще более в октябре, обнаружались значительные затруднения с перевозкой хлеба и картофеля. Потребовались энергичные действия прокурора для того, чтобы ликвидировать транспортные пробки, закупоривающие движение.

13 ноября с. г. работник НКПС т. Бессонов поместил в печати данные, характеризующие неравномерную среднесуточную нагрузку по месяцам. Эти данные охватывают 4 года—1925/26 г., 1926/27 г., 1927/28 г. и 1928/29 г. Следовательно, эти данные могли быть использованы их автором с таким же успехом и до контрольных цифр. Автор резюмирует свои расчеты следующим образом: «16% огромного основного капитала ж.-д. транспорта, суммой не менее 1,5 млрд., работает только один месяц в году и свободно могли бы быть обращены на другие цели (в том числе и на самом транспорте), если бы мы организовали равномерное движение грузов по месяцам. В переводе на язык цифр это означает, что мы затрачиваем основные фонды транспорта—размером в 1,5 млрд. рубл.—чтобы избежать расходов на сооружение 250—300 млн. рубл. Невольно хочется вместе с автором воскликнуть: «Нечего сказать, хорошенькая социалистическая арифметика». Такие ошибки не могли не отразиться на контрольных цифрах, представленных НКПС'ом. Пойдут ли теперь работники НКПС'а на исправление плановых ошибок. Еще не поздно. Уступят ли они в новом строительном сезоне 250 млн. рублей в пользу складского строительства. Хватит ли мужества на реальные мероприятия?

Кстати, прежде чем окончательно решить вопрос об адресате использования этих 250 млн. рублей, мы советуем экономистам из НКПС'а обратить внимание на следующих два фактора: во-первых, на степень использования наличного складского фонда и в частности того фонда, который имеется в распоряжении НКПС. Благо, по поручению правительства такое обследование произведено. Имеются бесспорные резервы. И, во-вторых, приведенные нами выше факты об использовании подвижного состава даже в период «когда транспорт равномерно загружен» свидетельствует о том, что «равномерная за-

грузка» это далеко не полное решение проблемы. Советуем также подсчитать т. т. из НКПС'а, какая часть основного капитала транспорта работает вхолостую даже в период полной его загрузки, даже при перевозках материалов, потребляемых самим транспортом. Транспорт, связывающий производителя с потребителем, представляет тот участок народного хозяйства, на котором с наибольшей полнотой выявляются наши огромные потери, обусловленные недостаточной активизацией, недостаточным использованием грандиозных плановых преимуществ нашего хозяйства.

Все описанные выше потери показывают, что на данном этапе советского хозяйства еще весьма значительны потери, обусловленные не столько нерациональной организацией каждого трудового процесса, взятого в отдельности, сколько еще неплановостью в использовании труда во всем общественном производстве, взятом в целом, и, в частности, на самих плановых его участках.

Особенно значительны потери энергии человека в домашнем и сельском хозяйстве, хотя какие гигантские ресурсы «топлива» (продовольствия, одежды) затрачиваются на производство и поддержание этой энергии. По данным обследования РКИ только в домашнем хозяйстве затрачивается около 4 млн. рабочих дней, в то время как во всей нашей промышленности занято немногим более двух миллионов человек.

Итак от угара, браков, отходов в отдельной производственной ячейке, до сложнейших проблем генерального плана, но проблем, требующих активного плана действия уже сегодня! Два ряда потерь. По обеим нужно открыть огонь сразу. Они органически между собой связаны. Такова диалектика планового хозяйства. В этом—одно из его крупнейших преимуществ.

II. Борьба с потерями

Борьба с потерями широко развернулась в капиталистических странах. Совершенно небывалые материальные и энергетические потери, какие терпело мировое хозяйство в период войны, поставили в упор задачу иной организации народного хозяйства.

Классический образец новой организации хозяйства в период войны, показали Германия и, в значительной мере, САСШ.

Однако задачи и идеология этого «планового хозяйства» были крайне отрицательны по своей природе («все для войны»). В основе всего этого плана лежала игра противоположных разнородных интересов (временно породнившихся) капиталистических групп, группочек и лиц. Ясно, что эта карикатура на плановое хозяйство неминуемо будет взорвана развитием капиталистических противоречий, перманентными кризисами и крахом капиталистического строя.

Американский экономист Чез, в своей известной книге «Трагедия расточительности», с тоской вспоминает о золотом периоде американ-

ского хозяйства, когда был установлен «военный контроль над промышленностью». Он приводит следующее заявление Совета национальной обороны Соединенных Штатов: «Промышленные и экономические достижения Америки во время войны, несмотря на уменьшение рабочей силы и отвлечение производительного труда для работы на нужды войны, показывают полную возможность для народа поддерживать для своего населения уровень жизни на той же высоте, что и до войны и даже выше». Чэз задается вопросом: «Как это случилось? Что за чудо произошло?»

Чэз не учитывает одного из источников этого чуда: ограбления Америкой других стран на военных поставках, до и после вступления в войну, обогащения за счет обнищания других стран. Тем не менее ответ Чэза весьма характерен. «Что за чудо произошло. Никакого чуда, только здравый смысл. Воюющие нации, ставшие лицом к лицу с великой национальной опасностью, и действующие под влиянием того психологического единения, которое создается у групп людей под влиянием общей опасности, реорганизовали свою промышленную систему, принимая за основу ту простую истину, что прямая линия является кратчайшим расстоянием между двумя точками. В мирное время об этом принципе забывают; так, например, в 1925 г. он уже не применяется».

Гигантское обострение классовых интересов в послевоенный период постановило в упор перед капиталистическим хозяйством проблему широкой рационализации. Во главе рационализаторского движения в Америке, развернувшегося под флагом «борьба с потерями», встал крупный организатор, нынешний президент Гувер. Мы не станем описывать историю этого движения. В советской литературе имеются достаточные материалы, освещающие это движение. Нас интересуют результаты. Несмотря на проделанную большую работу по изучению потерь в американском хозяйстве (преимущественно в промышленности), несмотря на участие в этом движении крупнейших экономистов и инженеров, предварительные итоги этого движения для народного хозяйства оцениваются в 600—700 млн. рублей (не считая автомобильной промышленности), вместо возможных 15 миллиардов рублей. В борьбу с потерями были втянуты сотни предприятий и сотни тысяч рабочих. Деловые американцы агитировали и словом и долларом. Поступало не мало ценных предложений, но... борьба с потерями велась широким, распыленным фронтом, причем каждое предприятие действовало совершенно изолированно. Вот что писал Ленин о капиталистической рационализации: «Все эти громадные усовершенствования делаются против рабочего, ведя еще к большему подавлению и угнетанию его и при этом ограничиваясь разумным, рациональным распределением труда внутри фабрики. Естественно, является мысль: а распределение труда внутри всего общества?.. А во всем общественном производстве остается и растет хаос, приводящий к кризисам, когда накопленные богатства не находят покупателей, а мил-

лионы рабочих гибнут и голодают, не находя работы». (Сочинения, 2 изд., т. XVII, стр. 248).

В настоящее время мы являемся свидетелями чрезвычайно интересной попытки перевести борьбу с потерями на «плановые» народно-хозяйственные начала. Америку начинают уже трясти первые приступы обычной капиталистической лихорадки, приступы нового кризиса. Гувер разворачивает кампанию по преодолению надвигающейся болезни. Им разработана программа действий. Содержание ее известно, но по замыслу—это что-то вроде «контрольных цифр» американского хозяйства. Эти «контрольные цифры» Гувер как президент, «рекомендует» в качестве лекарства «капитанам» крупной индустрии и банкирам. Однако американский буржуа считает себя вылечившимся лишь тогда, когда гибнет его конкурент. И каждый спасается на свой лад. Газеты сообщают, что на следующий день после совместного заседания президента с промышленниками, обещавшими «процветать»—Форд, наиболее дальновидный из них, остановил работу двух своих фабрик.

Надо полагать, что и эта новая фаза движения по борьбе с потерями даст в результате те же ножницы между «планом и действительностью», что и прежняя.

Как стоит проблема потерь в советском хозяйстве? Как нужно подойти к решению этой проблемы?

О том, что наши потери чрезвычайно велики—свидетельствует первая часть нашей статьи. Но что такое потери в советском хозяйстве?

Это—неиспользованные для блага трудящихся материальные и энергетические ресурсы—наличные и потенциальные—вполне достижимые при нашей, наиболее высокой во всем мире, социальной структуре народного хозяйства, и даже при нынешнем уровне производительных сил и состоянии наших технических знаний. Организационные дефекты в нашем хозяйстве, недостаточная выявленность этих ресурсов и недостаточно активное творческое развертывание работ по поднятию уже выявленных ресурсов, все это можно и должно устранить в ближайшее время.

Борьба с потерями в советском хозяйстве это—социалистическая рационализация. Социалистическая рационализация возможна только на основе единого хозяйственного плана.

Но могут ли наши контрольные цифры в настоящее время служить базисом для того, чтобы от них можно было отправиться на борьбу с потерями? Думаем, что далеко не в достаточной мере. Приведенные нами вначале данные о качестве наших балансовых расчетов частично свидетельствуют об этом. В наших контрольных цифрах преобладают количественные показатели. Такие крупнейшие плановые проблемы как вопрос о межрайонных и внутрирайонных связях, являющиеся решающими при отыскании путей преодоления потерь,—не выявлены. В наших контрольных цифрах проблемы качества нашего хозяйства в тени, а между тем эти незримые качественные

процессы обуславливают решающие сдвиги. Мы уже указывали на то, что при составлении контрольных цифр мы явно недооценивали наших ресурсов. Многие из товарищей, оценивавших перспективу только сквозь призму разрозненных количественных показателей, находили опору в конъюнктурных напряжениях, свидетельствовавших, однако, не столько об исчерпании ресурсов, сколько о недостаточном их использовании.

Наши контрольные цифры недостаточно выявляют все преимущества планового хозяйства. На это указывал и тов. Кржижановский, сославшись в виде примера на то, что социалистическое соревнование не было учтено в контрольных цифрах на 1928/29 г. Пятилетний план не учел крупнейших ресурсов, связанных с введением непрерывного производства. И нужно прямо сказать, что основной опасностью для нашего генерального плана и последующих контрольных цифр, которые должны решать крупнейшие реконструктивные задачи, является крайняя недостаточность качественных показателей. Мы имеем уже образец того, как не надо составлять генерального плана. Это гипотеза т. Сабсовича, построенная в основном на одном допущении, что наша промышленность будет увеличиваться ежегодно на 20%. Эта, еще столь недавно смелая в глазах многих людей, гипотеза поблекла перед фактами, происшедшими через несколько месяцев после ее рождения. И это не случайно. Эта гипотеза смотрела назад, на достигнутые темпы, но из-за отсутствия качественных показателей она за средними процентами не могла учесть до поры до времени скрытых ресурсов.

Как тов. Сабсович ставит проблему «догнать и перегнать»? Он считает, что через 15 лет мы догоним Америку. При этом главным критерием являются размеры основного капитала, размеры продукции, но не степень использования того и другого. А между тем последнее весьма важно. Нужно ли нам столько же тракторов, чтобы осуществить индустриализацию сельского хозяйства в масштабе равном Америке? Уже сегодня наш трактор находится в работе 1.700 часов в году, а на тракторных станциях 2.500 часов. В Америке трактор работает только 420—500 часов. Таким образом, наш трактор будет по своей производительности и эффективности равняться 5 тракторам американским. Сейчас в Америке 800 тыс. тракторов, а у нас по отработанному варианту плана наличие тракторов к концу пятилетия определяется в 500 тыс. шт. В настоящее время план пересматривается. Он увеличивается до 800 тыс. штук. Если даже количество тракторов в ближайшие три года в американском хозяйстве удвоится, то в области индустриализации сельского хозяйства мы все же значительно обогнали Америку, хотя и тракторов у нас будет вдвое меньше.

А ведь при этом мы не учитываем, какие имеются возможности для использования тракторов в несезонное время. Например на лесозаготовках. Можно ли при таких условиях говорить, что задача

«догнать и перегнать» будет решена только в том случае, если мы непременно построим такое же количество тракторов, как и Америка.

Вот другой пример. Мы уже ссылались на выдвинутую Г. М. Кржижановским смелую идею о комбинированном использовании двигательной силы на транспорте и в районном хозяйстве. Это сочетание может дать даже без особых новых изобретений такой гигантский перевод потенциальных ресурсов в кинетические, которые совсем по новому будут решать проблему преодоления пространственных (и не только пространственных!) лимитов. Вытекает ли из этого, что мы непременно должны произвести такое же количество паровозов, какое производит Америка, и при том такой же «усовершенствованной» конструкции. Даже Америка не может идти на сколько-нибудь широкое массовое электрифицирование железных дорог. Американские капиталисты не пойдут на преждевременную амортизацию огромного основного капитала, находящегося в железнодорожном деле. Капиталист работает ради своей прибыли. Кроме того, в капиталистической Америке невозможно сочетать интересы отдельных железнодорожных компаний с разнородными интересами почти всех американских штатов, городов, в целях кооперирования их на основе использования единой энергетической базы.

А у нас? Только косность, временное непонимание грандиозности и эффективности поставленной задачи реконструкции транспорта может явиться лишь временным препятствием. Остальные пути открыты.

Поэтому попытка подойти к построению генерального плана путем копирования и переброски опыта из-за границы к нам может привести к тому, что мы в гигантском масштабе воспроизведем те потери, которые несет капиталистическое хозяйство. Очевидно, что пересадку к нам передовой техники капиталистического хозяйства нужно осуществлять на основе своего плана социалистической реконструкции. Необходимо немедленно развернуть большую коллективную идеологическую и методологическую работу по составлению генерального плана, в частности по построению новой системы показателей генерального плана. Эта работа должна развернуться по следующим линиям:

Во-первых, необходимо выявить систему показателей, которые бы с наибольшей полнотой вскрывали роль организационных моментов в реализации ресурсов народного хозяйства.

Во-вторых, необходимо, по возможности, освободиться от плена ценностных показателей, необходимо построить систему натуральных показателей. Мы не считаем это утопией даже для ближайшего отрезка времени. В виде иллюстрации сошлемся на интересную попытку одного украинского профессора, который построил систему энергетических показателей. Эта попытка квалифицируется, правда, как неудачная, но следует рассчитывать, что то, что оказалось не под силу одному человеку, сумеет разрешить большой коллектив.

В-третьих, нужно будет перестроить систему наших показателей таким образом, чтобы избавиться от власти средних. Средние и суммарные показатели нам, конечно, нужны; но нужны одновременно показатели лучшего и худшего в нашем хозяйстве, для того, чтобы определить размер тех ресурсов, которые остаются еще не мобилизованными.

Наконец, должен быть поставлен и разрешен вопрос о построении, хотя бы в порядке первого приближения, системы коэффициентов, определяющих взаимные межотраслевые и межрайонные связи. Эти закономерности до последнего времени устанавливались слишком прикидочно, кустарно. В основе их были положены заявки организаций, экспертные прикидки и средние показатели за прошлое время. Нам нужно совсем другое. Нам нужна система показателей, построенных на научно поставленной работе по технико-экономическому нормированию, от отдельных трудовых процессов до комплексов хозяйственных явлений. Конечно, эти нормы не должны рабски экстраполировать прошлое. Они должны ориентироваться на лучшие из имеющегося, на лучшее из возможного.

Борьба с потерями — это борьба за качество плана.

Но для того чтобы обеспечить высокое качество плана — этого основного орудия социалистической рационализации, — чтобы обеспечить действенность плана, недостаточно только методологического перевооружения. Необходимо широко поставить выявление, изучение потерь не только на основе запаздывающего статистического материала, отражающего только прошлое, но и путем организации массового движения трудящихся на борьбу с потерями. Выявленная потеря — это жестокий бич, который не дает возможности спокойно изобретать беспочвенный, нежизненный план, это необходимая предпосылка для создания целеустремленного плана преодоления потерь.

Инициатива трудящихся масс в деле выявления потерь, творчество трудящихся, направленное на преодоление потерь, используются далеко еще недостаточно и не вполне рационально.

Мы можем и должны разворачивать движение по борьбе с потерями гораздо шире, чем это сделали американцы. Методы нашей борьбы должны быть экономнее, эффективнее. Однако целый ряд приемов и мер по борьбе с потерями на фабриках и заводах, деловитость и энергия, с которой американцы проводят свою работу, должны быть перенесены в практику нашей работы. Но нужно при этом учесть главное: так как движение по борьбе с потерями в Америке не может устранить основной и исходной причины всех потерь — капиталистического хозяйства, то усилия американских рационализаторов, несмотря на огромную энергию и личные таланты, поневоле распылены и бесплодны. Они ограничиваются организацией внутри фабрики, и преодолением потерь зависящих только от самой фабрики. Они бессильны изменить организацию и распределение труда во всем обще-

ственном производстве, они бессильны устранить хаос капиталистического хозяйства. Для этого надо разрушить капиталистический строй.

Рационализаторское движение внутри нашей страны разворачивалось до сих пор, главным образом, по заграничным стандартам и штампам, не учитывая преимуществ нашего хозяйства. Оттого это движение не вышло еще на широкую дорогу, не мобилизовало широких масс трудящихся — рабочих, инженеров, техников, экономистов и т. д. Мы не можем ограничиться миллионами отдельных ударов по миллионам потерь. Мы должны вскрыть самые явления потерь, распространенность этих явлений, их общие причины, как бы они глубоко не лежали. Уничтожение плановыми мероприятиями этих общих причин сразу освобождает наше хозяйство от огромного поля потерь. На миллионы выявленных потерь мы должны ответить сотнями сокрушающих, организованных ударов.

Вот почему перенесение к нам полностью американских методов по борьбе с потерями — означало бы для советского хозяйства допущение огромной потери.

Вот почему движение на борьбу с потерями нужно теснейшим образом связать со всей плановой системой нашего Союза, опираясь в первую очередь на социалистическое соревнование и ударные бригады.

В эту борьбу должны быть втянуты широчайшие массы трудящихся. Борьба с потерями вскроет то реальное, конкретное зло, которое гнездится в нашем хозяйстве, она прорвет бумажную пелену статистических средних, которая до последнего времени обескровливала нашу плановую мысль, а, следовательно, сужала размах плановых мероприятий. Маленький удачный опыт на каком-либо участке нашего хозяйства должен быстро перемещаться в фокус общественного внимания и переростать в большое дело. Борьба с потерями — это борьба за темпы.

Борьба с потерями будет способствовать также и усилению организационного напора трудящихся масс, напора, требующего от рабочих, от инженеров, от хозяйственных регулирующих и плановых органов более смелого и интенсивного разворачивания работ по ускорению социалистической стройки.

Это движение должно быть развернуто по единому плану, единой программе, для того, чтобы обеспечить необходимую «кооперацию и специализацию» отдельных элементов этого движения.

Борьба с потерями — это борьба за качество плана, за качество его выполнения.

Ход советской машины переключен на новые скорости. Пятилетний план — труднейший этап на пути к социализму — должен быть покрыт в четыре года. В четыре ли? Возможно, что и раньше.

Вчера еще море мельчайших крестьянских хозяйств отделяло нас от социалистического берега, сегодня, на наших глазах, со дна этого моря поднимаются острова сплошной коллективизации. Еще сегодня наш хозяйственный организм раз'едает язва бюрократизма, а наш быт еще сковывают старые цепи, но уже сегодня, наряду со звоном цепей, слышна и близко музыка социалистического будущего. Проблема организации быта на социалистических основах придвинулась вплотную. Интенсивное строительство совхозов и промышленных гигантов ставит в программу дня строительство новых городов. Будем ли мы их строить по-старинке или по-иному. Решать конкретно проблему социалистического города, это значит определить (найти) «модель» социалистического быта. Уже широкой волной развивается дискуссия о социалистическом быте. Она должна будет всколыхнуть широчайшие массы трудящихся. Это будет «последний и решительный бой» с ветхим Адамом. Ближайшей весной начнется строительство новых городов. Через год, через два должны появиться первые островки подлинного социализма.

Вчерашние оптимальные планы превращаются сегодня в минимальные. Такова логика и практика социалистического строительства. Борьба с потерями — борьба за максимальное ускорение социалистического строительства.

Проблемы пересмотра пятилетнего плана животноводства ¹

I

Крупные успехи на всех фронтах социалистического наступления и, в частности, на зерновом фронте, выдвинули в качестве очередной задачи преодоление отсталости нашего животноводства.

В виду того, что вопросам животноводства в перспективном плане сельского хозяйства до сих пор было уделено недостаточно внимания, возникает необходимость пересмотреть этот план в соответствии со всеми достижениями и требованиями социалистического наступления.

При пересмотре перспективного плана животноводства следует ориентироваться, помимо ряда других задач (расширение внутреннего потребления страны, задачи экспорта и т. д.), на максимальное освоение государственными и кооперативными животноводческими хозяйствами экстенсивных районов Союза, с их громадными кормовыми ресурсами, которые и до войны и в особенности сейчас используются совершенно недостаточно, и на создание в интенсивных районах Союза большого массива передового капиталоинтенсивного обобществленного животноводства в виде совхозов и крупных ударных животноводческих колхозов.

Перспективный план должен учесть все имеющиеся в стране возможности и дать им четкую порайонную количественную и организационно-хозяйственную формулировку.

Начнем с освоения экстенсивных районов. Под ними следует разуметь три типа районов: 1) засушливые степи и предпустыни, мало доступные или совсем недоступные для рыночного зернового хозяйства, 2) нагорья, замыкающие последние районы вдоль государственной границы на востоке (с Турцией, Персией, Афганистаном, Китаем и Монголией) и 3) способные к культуре оазисы с более или менее благоприятными почвами и хорошими сенокосами в прибрежной полосе Союза.

Наши теперешние знания обо всех этих районах (особенно — последних двух), к сожалению, весьма ограничены. Следовало бы в срочном порядке мобилизовать все местные материалы и произвести ряд дополнительных оперативных обследований средствами заинтересованных организаций. Тем не менее, вряд ли можно сомневаться, что

¹ В порядке обсуждения. *Ред*

при необъятных общих размерах этих районов, в них смогут быть выделены большие площади, пригодные для организации крупного экстенсивного животноводства. Однако раньше, чем развернуть это хозяйство, надо основательно подумать о его типе.

Аргентина и в особенности Австралия и Соединенные Штаты, которые нас опередили в деле ведения культурного хозяйства в экстенсивных степно-пастбищных районах, выработали систему весьма экстенсивного ведения хозяйства, требующую минимальных капитальных затрат на вспомогательные постройки и минимальных текущих расходов на уход за скотом. Это лучше всего видно из того, что в Соединенных Штатах в этих районах на одного скотника приходится в среднем около 400 голов крупного рогатого скота, а в Австралии на одного верхового пастуха с собакой приходится 2.000 овец. У нас же акц. о-во «Скотовод» выступило с планом, согласно которого на одного скотника приходится только 30 коров, и только после резкой критики этого плана в Госплане СССР, оно подняло норму до 60 коров. В наших условиях вопрос об обслуживающем персонале приобретает тем большее значение, что для каждого семейного рабочего приходится строить жилье, стоимостью в 1.000 руб. В отношении построек для скота наше положение несколько труднее, поскольку климатические условия у нас более суровые, чем в названных выше странах (хотя и на севере степно-пастбищной полосы Соед. Штатов, напр. в Гавре — встречаются морозы до 32°).

По вопросу о постройках следует иметь в виду, что при отсутствии ветра и сырости животные легко переносят низкую температуру воздуха, и наши кочевники и крестьяне вообще держат зимой скот на морозе. На холоду животные только требуют больше грубого корма, содержащего клетчатку. Наиболее отрицательным моментом погоды в условиях открытой степи является ветер, от которого животные должны быть защищены. Отрицательно действует также мокрый снег и поэтому следует признать, что в наших климатических условиях можно ограничиться помещением скота под навесами, закрытыми со стороны господствующего ветра, а кормление производить на воле из автокормушек и пр. Это значительно сократит размер капиталовложений и удешевит текущее содержание скота, что, имея в виду грандиозность предпринимаемого нами строительства, является необходимым требованием.

Дальнейшей серьезной проблемой нашего степно-пастбищного животноводства является обводнение, т. е. создание степных водоемов для скота. При всей кажущейся несложности дела строительства простейших обводнительных сооружений — прудов, мы в этом отношении все-таки не имеем еще достаточного опыта. В наших руководствах можно встретить правила устройства прудов, которые в американских руководствах приводятся как образец неправильного устройства прудов, ведущего к их быстрому заилению. Во многих районах засушливой степи мы не обойдемся без бурения глубоких

артезианских колодцев, на что у нас нет ни инструмента ни мастеров. То и другое придется срочно выписать из Соед. Штатов или Австралии. Далее, проникая строительством в районы с количеством осадков меньше 250 мм, мы, очевидно, не обойдемся во многих случаях без лиманного орошения, как условия обеспечения достаточного количества зимнего и страхового летнего корма. Серьезнейшего внимания заслуживает также и проблема ветеринарной профилактики в районах, соприкасающихся с кочевым скотоводством и с передвижными гуртами нагульного скота. Только после разрешения санитарно-ветеринарной проблемы можно было бы добиться (путем интенсификации условий содержания скота) повышения процента сохраняемого приплода выше 75%, каковой процент служит производственной целью степнопастбищных хозяйств и в Соед. Штатах и в Австралии, и не превосходит даже в Аргентине.

В аспекте перспективного плана первостепенное значение приобретает вопрос не только о типе, но и о направлении степно-пастбищного животноводства. В настоящий момент мы вступаем в полосу, когда нам необходимо установить правильное географическое разделение труда между отдельными районами страны в смысле их участия в общем процессе подготовки мясного скота для рынка.

Прекрасный пример разделения труда в этой области являются нам Соед. Штаты, где в районе засушливой степи и предпустыни ведется чисто маточное направление мясного хозяйства, т. е. разведение и первоначальное выращивание скота и овец, а дорастивание и откорм того же скота производится в смежных районах луговой степи, характеризующейся достаточными осадками для развитого земледелия, с хорошими условиями для произрастания кукурузы и сорго, а также многолетних трав. В этот район значительная часть степного скота перебрасывается в живом виде по железным дорогам, здесь этот скот откармливается и забивается на централизованных бойнях, чтобы отсюда в битом, охлажденном виде быть переданным на крупные потребительские рынки, лежащие на северо-востоке страны. Все американское строительство боен сконцентрировано именно в этом промежуточном районе, между засушливой степью и потребительскими рынками. Такой географический штандорт боенской промышленности представляет следующие выгоды: 1) пробег мяса в охлажденном виде до рынка сокращается до оптимального предела, 2) пробег скота по железной дороге в живом виде ограничивается расстоянием до бойни и не превышает в среднем 1000 километров, 3) перевозка живого скота по железной дороге производится таким образом только в тощем виде, когда он теряет меньше всего в весе, 4) загрузка боен не зависит от случайностей выхода продукции из одного какого-либо района степи, подверженного случайностям, 5) та же нагрузка распределяется более равномерно в течение года, поскольку часть года убивается местный скот районов

луговой степи, другую часть—тощий степной скот, третью—степной скот, откормленный через зиму (а другие возрасты—и вплоть до лета) в луговой степи.

В СССР также приступили к широкому строительству боенской промышленности и для нас опыт Соед. Штатов должен быть показательным, особенно с тех пор, как у нас в районе, смежном с засушливой степью и промежуточном между нею и потребительскими центрами страны, стали возникать машинотракторные станции, образуются районы сплошной коллективизации, разворачивают свою деятельность совхозы Зернотреста и Совхозцентра. Если в условиях мелкого, раздробленного крестьянского хозяйства в этих районах и можно было рассуждать об экономических причинах, мешающих развитию посевов кукурузы (вроде, например, такой причины, как громоздкость кукурузы и трудность ее перевозки в усадьбу), то сейчас создались все предпосылки для немедленного переключения этого района из односторонне зернового в зерново-кормовой на базе широких посевов кукурузы и многолетних трав. Тем самым получаем район, аналогичный тому району Соед. Штатов, в котором концентрируются все крупные бойни и где ведется массовый откорм степного скота на кукурузе.

Быстрейшее формирование такого откормочного района тем более настоятельно, что старая форма степного промышленного нагула скота повидимому доживает у нас на востоке свои последние годы, ибо, с одной стороны, нагульные площади распаиваются Зернотрестом, а с другой, они же будут скашиваться акционерными обществами «Скотовод» и «Овцевод»—последними в согласии с их производственными заданиями для того, чтобы создать зимние кормовые фонды не для промышленного скота, а для маточных стад крупного рогатого скота и овец.

Переходя к вопросу о создании капиталоинтенсивного обобществленного животноводства совхозов и ударных животноводческих колхозов в интенсивном районе Союза, остановимся прежде всего на понятии капиталоинтенсивности животноводства.

Капиталоинтенсивное животноводство следует противопоставить примитивному крестьянскому животноводству, которое во многих случаях обходится с самыми плохими постройками (а часто и без них), даровыми или почти даровыми кормами (гуменные отходы, естественные выпасы), семейным трудом и пр. Еще в первые годы нэпа выявилось, что в условиях повышенного спроса самой деревни на продукты животноводства, примитивное крестьянское животноводство оказалось не в состоянии не только восстановить довоенный экспорт страны, но и удовлетворить минимальные потребности внутреннего рынка даже при ограниченных еще тогда темпах индустриализации. Несмотря на огромный рост культурности крестьянских масс, который принесла с собой революция, рационализация и интенсификация раздробленного крестьянского животноводства, предста-

вляются делом очень медленным и дорогостоящим. Достаточно указать, что по расчетам Рыбинского маслосоюза расход на контрольное дело на одну голову скота составляет 20 руб. в год, вследствие чего все молочные союзы были вынуждены приостановить расширение подконтрольной сети.

Успехи травосеяния в крестьянском хозяйстве потребляющей полосы вряд ли шли дальше тех вынужденных пределов, которые определялись необходимостью сбалансировать кормовой режим после имевшей место здесь значительной распахки естественных лугов и перегрузки с.-х. площади скотом. Травосеяние во всяком случае не знаменовало здесь расширенного роста товарного животноводства. Это можно иллюстрировать между прочим следующей таблицей, касающейся двух микрорайонов в Молого-Шекснинском междуречьи Ярославской губернии:

Микрорайоны	Годовое отчуждение молока на 1 хозяйство центнеров	Потребление молока на 1 едока	% клевера в составе травы	% сильных кормов в рационе
Водораздел	6,3	4,0	50	15,3
Шексна	17,11	1,83	--	13,1

Поскольку примитивное животноводство не могло служить базой для расширения снабжения страны продуктами животноводства, должна была возникнуть проблема капиталоинтенсификации животноводства. При огромных успехах в стране социалистической индустриализации создается между прочим и тот платежеспособный спрос, который экономически оправдывает такую капиталоинтенсификацию. Так же и в буржуазных странах капиталоинтенсификация животноводства шла по следам индустриализации, создававшей дополнительный платежеспособный спрос. Но там, под влиянием роста спроса, происходит рост цен на продукты животноводства, который именно и позволяет сосуществование интенсивного и экстенсивного хозяйства (при этом в отсталом хозяйстве отлагается дифференциальная рента).

Наша же хозяйственная система позволяет сосуществование интенсивного и экстенсивного хозяйств без роста цен на рынке и следовательно без отложения ренты в отсталых хозяйствах за счет общественного целого и за счет того централизованного накопления, которое может быть использовано для новых успехов индустриализации. В этом бесспорно заключается огромная народнохозяйственная экономия. Таким образом, поскольку успехи социалистической индустриализации создают в стране большой платежеспособный спрос, можно со всей смелостью разворачивать капиталоинтенсивное животноводство, не смущаясь несколько его кажущейся нерентабельностью, которая является только следствием непонимания всего своеобразия нашего экономического строя.

С другой стороны, сама рентабельность крупного капиталоинтенсивного животноводства способна к непрерывному повышению. Требуется именно несколько лет культурной обработки и удобрения, пока почва, введенная в интенсивный кормовой севооборот, становится культурной (биологически зрелой) почвой, дающей максимальные урожаи при данных природных условиях; точно так же требуется несколько лет, пока скот, получающий хороший уход и кормление, вполне раздоятся, или пока хозяйство установит правильный трудовой режим и рабочий персонал получит нужную сноровку.

Объективные условия конкурентоспособности капиталоинтенсивного крупного животноводства с крестьянским хозяйством основываются, помимо рационального ухода за скотом, кормления его и воспитания молодняка, на что массовое крестьянское хозяйство никогда не будет в полной мере способно, еще на исключительно благоприятных условиях, в которые поставлено племенное дело в крупном хозяйстве, которое с большей смелостью, чем мелкое хозяйство, может осуществить браковку стада. В Германии племенное дело сосредоточено преимущественно в крупном хозяйстве как побочная отрасль пользовательного животноводства, сильно повышающая рентабельность последнего. Это вполне понятно, ибо стремясь к максимально выгодному использованию наемного труда и ссудного капитала, крупное животноводство не может удовлетворяться удоями мелкого хозяйства. Но вместе с ростом удоев растет и племенная ценность стада и ценность производимого в нем молодняка, который крупным хозяйством выращивается сверх пределов, необходимых для ремонта собственного стада, как рыночный товар, покупаемый за дорогую цену крестьянским хозяйством, стремящимся к улучшению своего скотского поголовья. Далее крупное животноводство выигрывает на качестве, однородности и партионности своего продукта, на его индустриальной переработке на месте производства и на стоимости транспортных расходов до рынка сбыта.

В целях того, чтобы крупное капиталоинтенсивное животноводство стало в конечном итоге конкурентоспособным, оно должно быть передовым по линии всех шести элементов хозяйства: 1) стада, 2) кормовой базы, 3) стойловой базы, 4) организации труда, 5) организации использования продукции и 6) организации ветеринарно-санитарного режима.

Эти требования относятся в особенности к совхозам, поскольку у них на себестоимость продукции особенно сильно давит необходимость ввязывания капитала в постройки не только для скота, но и для обслуживающего персонала, равно как и вообще наемный характер труда в совхозах.

Было бы однако ошибкой думать, что животноводство в колхозах может выполнить возложенное на него задание без серьезной капиталоинтенсификации. Только колхоз, в котором будет осуществлен ряд комплексных мероприятий по капиталоинтенсификации живот-

водческого хозяйства, может быть причислен к ударным животноводческим колхозам, которые должны развернуть рамки животноводческого снабжения страны.

II

Теперь обратимся к отдельным организационным формам крупного, капиталоинтенсивного животноводства.

Молочные фермы в районе сбыта цельного молока. В последнее время об этом типе предприятий велись споры по линии определения их оптимального размера. В частности, выявилось течение, которое в целях максимального использования тех элементов капиталовложения, которые мало зависят от численности стада, склонно дать этим хозяйствам слишком большой размер (на 5.000 коров), увеличивая, однако, тем самым риск потерь от эпизоотий. То же течение склонно отказаться от летнего содержания скота на пастбище, в целях организации так называемого непрерывного доения, создающего экономию в расходовании рабочей силы. Такой организационный экстремизм, расходящийся с современной практикой пастбищного хозяйства Европы и Америки, все более ориентирующейся на пастбищное содержание молочного скота (в целях повышения его продуктивности и предохранения его от туберкулеза), вряд ли может быть принят без основательной проверки на опыте. Проверить этот опыт, однако, необходимо, имея в виду, что вопрос экономии человеческой силы в производстве у нас в настоящее время не только вопрос денежной калькуляции себестоимости продукта (с этой стороны можно было бы пока примириться с менее интенсивным строем хозяйства), но и вопрос об экономии дефицитных строительных материалов, расходования которых на сооружение жилых помещений для дойловых рабочих, при увеличении численности обслуживающего персонала, неизбежно.

В экономике молочного хозяйства, базирующегося на сбыте молока в цельном виде, большую роль играет, как известно, сдаивание коров. При этой системе хозяйство приобретает коров только отелившихся, с тем, чтобы продать их перед наступлением сухостойного периода. Таким образом, хозяйство освобождается от необходимости содержать непроизводительных коров на дорогих кормах, свойственных районам сбыта молока в цельном виде. Эта система сдаивания, в условиях убывающего вообще индивидуального хозяйства, имеет свои узкие пределы, ибо связанное с ней постоянное обращение хозяйства к рынку то ради покупки, то ради продажи скота, невыгодно. Кроме того, хозяйство лишается возможности улучшать породу скота путем отбора на племя. В условиях же социалистического хозяйства возможно сохранить все рациональные и экономические стороны системы сдаивания, отбрасывая вместе с тем ее невыгодные стороны. Так, например, два крупных колхоза, из которых один расположен в районе

производства масла, а другой—в районе сбыта цельного молока (эти оба района сплошь и рядом отстоят друг от друга на расстоянии только в несколько десятков километров), могут войти в соглашение, по которому скот проводит период максимальной дойности (примерно полгода) в районе цельного молока, а период падающей дойности и сухостоя—в районе маслоделия. Из последнего района телята могут быть далее переправлены для выращивания еще в более отдаленный колхоз с максимально дешевыми кормами. В такой же договоренности могут находиться (и уже фактически находятся) и совхозы между собой и совхозы с колхозами. При такой системе племенной отбор и улучшение стада «в себе» могут вполне идти рука об руку с экономически чрезвычайно выгодной системой сдвивания.

В районах сбыта молока в цельном виде крестьянское хозяйство ведется обычно несколько более интенсивно и обладает сносными постройками для скота, после разборки которых можно получить достаточный строительный материал для постройки коллективного скотного двора. Зависимость хозяйства этого района от скармливания сильных кормов, находящихся в руках государства, заметно облегчает коллективизацию этого хозяйства. Необходимо только принять скот в коллектив в этом районе, учитывая индивидуальные его особенности, ибо в этом районе качественные различия скота максимальные. В области улучшения кормовой базы коллективный труд и относительно незначительные госкредиты могут в этом районе сделать очень много. Перспективный план животноводства должен поэтому ориентироваться на полную коллективизацию товарного молочного животноводства в районах крупных городов и промышленных центров. Следует еще заметить, что в развитых районах молочного хозяйства работа по коллективизации должна вестись в гнездовом порядке, что должно значительно облегчить усовершенствование транспорта продукта до рынка (постройка шоссе, автотранспорт) и санитарно-ветеринарную профилактику.

Молочное и мясооткормочное хозяйство в районах промышленных совхозов. В противоположность рассмотренному выше району, интенсивность которого основывается на близости к рынку потребления, мы имеем в районах расположения наших заводских совхозов (с хараоваренных и винокуренных) такие, интенсивность животноводства которых основывается на большом плодородии почвы, позволяющим сгущать его на полеводческой базе (интенсивность животноводства, в конце концов, измеряется размером животноводческой продукции на единицу площади). Германия и Чехословакия являют нам классический пример развитого животноводства на базе промышленных хозяйств. В районах промышленных хозяйств (и, особенно, непосредственно в промышленных совхозах) мы имеем огромный отход зеленых частей промышленных корне- и клубнеплодов (ботва), огромные отходы промышленной пере-

работки последних (жом, барда), большие массы кормового зерна (овес, ячмень), получаемого в порядке побочной культуры в севообороте. Далее, в промышленных хозяйствах, в интересах главной промышленной культуры (особенно свеклы), содержится высококвалифицированный агроперсонал, способный развернуть сложные севообороты с пожнивными посевами и вообще с посевами на зеленый корм. Эти же промышленные хозяйства имеют свободные излишки рабочей и тяговой силы, а также излишки инвентаря, чтобы вести выгодным образом побочное интенсивное животноводческое хозяйство. Наконец, навоз, получаемый от последнего, находит себе в культуре корне- и клубнеплодов (как растений медленно развивающихся) самое выгодное применение¹. В аспекте перспективного плана животноводства районы промышленных совхозов, вместе с окружающими их крестьянскими хозяйствами, должны быть превращены в агроиндустриальные комбинаты, вполне насыщенные животноводством.

Свиноводческие откормочные базы в совхозах и колхозах зернового направления. Мы можем и должны развить свиноводство на зерне, но не на малоурожайных ржи и ячмене, и не на годных и для молочного хозяйства отрубях, а на дешевой, высокоурожайной кукурузе. В виду того, что кукуруза бедна белком, необходимо применить в качестве белкового концентрата при ней животную муку (мясную и рыбную), или бобовую муку, в том числе—муку бобов сои. (Последние опыты, произведенные в Англии и о которых сообщает проф. Иванов, подтверждают, что по своей эффективности в свином откорме бобовая мука не уступает животной.) Откорм свиней—операция, не требующая большого приложения труда. По американским данным, расход труда в откормочном свиноводстве составляет только 8—9 часов в год на центнер привеса (примерно, один наш рабочий день на свинью).

Для того, чтобы затрата капитала на большое строительство свинарнен быстро окупилась, необходимо, чтобы крупное хозяйство добилося двух опоросов свиней в год вместо свойственного крестьянскому хозяйству одного опороса, и чтобы отход поросят подматками не превышал 20—22%, что предполагает рациональную постановку ухода за молодняком и санитарно-ветеринарную профилактику. Увязанные с нашими экспортными баэконными фабриками крупные свиноводческие откормочные базы обеспечат равномерную и полную нагрузку этих фабрик.

Промышленный откорм свиней на кукурузе в одинаковой степени доступен как совхозам, так и колхозам, поскольку культура кукурузы в последнее время полностью механизирована в Соед. Штатах. В этом смысле даже и Зернотрест мог бы вести у себя свиноводство в районах луговой степи. Что же касается промышленного откорма свиней на картофеле, то в виду большой трудоемкости культуры картофеля,

¹ Навоз считается медленно действующим удобрением и быстроразвивающимися злаками не вполне используется.

а также необходимости варки картофеля перед скармливанием, этот вид откорма более подходит для колхозов, чем для совхозов.

В новом перспективном плане животноводства должен быть очерчен район промышленного откорма свиней как на зерне, так и на картофеле.

Молочно-льняные совхозы. Связующим звеном между молоком и льном является, с одной стороны, травосеяние, а с другой—энергетическая база и местный льняной жмых (комбинат из маслобойки, маслодельного завода и льнообделочного завода). Строительство молочно-льняных совхозов связано с мелиорацией новых земель, в виду именно потребности в больших массивах льнопосевов для загрузки одного льнообделочного завода. В льносовхозах будет иметься большая зимняя кормовая база, в виде значительного травяного клина. Для обеспечения соответствующей летней базы необходимо будет вести культурное пастбищное хозяйство. Местное крестьянство получит большие заработки на мелиоративных и строительных работах по оборудованию молоко-льносовхозов, что создаст финансовую базу для организации по соседству ударных животноводческих колхозов. Последние также выиграют от улучшения транспортных условий всего края в связи со строительством новых совхозов.

Молочные фермы в экстенсивных районах. Эта проблема еще не достаточно изучена. Прежде всего речь может идти о хозяйстве в районе нагорий, т. е. о государственных молочных стадах, выпасаемых в течение лета на субальпийских и альпийских пастбищах (в горах Алтая, Киргизии и Кавказа) и переводимых на остальное время года в предгорья, где в некоторых случаях корма должны будут быть получены путем искусственного орошения. Такое хозяйство, в виду специфической ценности альпийской флоры для экспортного сыроварения, должно будет иметь такое именно направление. Альпийские и субальпийские пастбища представляют собой в значительной степени изолированные участки пастбищ, на которых затруднительно установить непрерывный контроль за ходом выпаса и удоя. С другой стороны, вполне возможно ввести систему сдельной оплаты пастухов (производящих и доение) и время от времени контролировать состояние пастбищ и удои коров. Важно также изолировать выбранные для ведения крупного альпийского хозяйства горные пастбища от путей кочевников, во избежание распространения эпизоотий.

Что касается степных и притаежных районов, то в засушливой степи крупное молочное хозяйство не оправдывается. Молочное хозяйство, правда, может мириться с спорадическими засушливыми годами, поскольку силос дает возможность держать переходящий из года в год запас питательного молокогонного корма (не говоря уж о том, что в зерновых районах зерновые отходы дешевле и могут выровнять недостачу кормов в случайный засушливый год). Но молочное хозяйство не может мириться с обычно плохим ростом трав, как это свойственно засушливым районам со среднегодовым количеством осадков,

меньше 400 мм. В притаежной полосе, наоборот, хороший рост трав обеспечен, но там летом господствует гнус, беспокоящий животных, и, кроме того, дорожные условия—особенно в период дождей—плохие. Поэтому, в этих районах условия более подходящи для мясного скотоводства.

Обращаясь к экстенсивным (т. е. отдаленным от рынков) районам с более обеспеченными осадками, как, например, маслодельные районы Сибири, следует поставить вопрос о строительстве в них крупных молочных ферм на базе более или менее экстенсивного содержания и кормления скота. Эти фермы должны быть приурочены к крупным механизированным маслозаводам и заводам по выработке сгущенного молока. Следует заметить, что в Соед. Штатах и Западной Европе фабрики сгущенного молока имеют свой географический штандорт не в экстенсивных, а в наиболее интенсивных районах, расположенных по близости от промышленных центров и городов. Это объясняется тем, что в богатых странах размер стада, обслуживающего города и промышленные центры, ориентируется на удовлетворение зимнего, а не летнего спроса на цельное молоко (потребитель зимой не сокращает норм потребления), вследствие чего в этих районах летом получается избыток молока, который раньше перерабатывался на сыр (в этих районах отсутствует свиноводство, которое могло бы использовать отходы маслоделия), а в последнее время все более—на сгущенное молоко. Находясь в центре этих районов, фабрики сгущенного молока работают только один летний сезон года, в который они, однако, получают с относительно небольшой площади вполне достаточный занос молока для того, чтобы поставить производство в весьма крупном масштабе.

У нас еще не приходится говорить об избытке молока в летнее время в районах крупных городов. Поэтому у нас и штандорт фабрик сгущенного молока должен быть другой. В наших условиях выгодно будет строить эти фабрики именно в районах экстенсивного маслоделия с обеспеченным ростом трав и низкой стоимостью рабочей силы. Тем не менее, само хозяйство в молочной ферме, обслуживающей такую фабрику, не может быть построено на экстенсивном кормодобывании. Дело в том, что такая фабрика должна будет питаться молоком от 2.000 коров, которых придется сконцентрировать на небольшой территории, ибо в противоположность маслоделю, где между коровой и заводом вклинивается сливкоотделительный пункт, сырье для производства сгущенного молока не может быть доставлено издалека. При указанной концентрации стада и необходимости в целях регулярной нагрузки завода более равномерного распределения отела в году (что, в свою очередь, связано с увеличенным производством зимнего корма), придется вести в районе (вообще говоря экстенсивном) достаточно интенсивное кормодобывание на пашне. Это однако будет вполне рационально, ибо продукт производства—сгущенное молоко—вытеснит из потребления часть цельного молока, производимого в ин-

тенсивных районах на дорогих кормах. Что же касается молочных ферм, призванных обслуживать механизированные маслозаводы в экстенсивных районах, то для них нет того же оправдания интенсификации кормодобычания. Максимальное, на что можно идти в отношении их, это введение травяного клина в зерновой севооборот и проведение поверхностного улучшения естественных кормовых угодий. Но если ограничиться только этим, то нельзя будет произвести большой концентрации стада в при заводском селении, а необходимо с большей равномерностью насаждать общие колхозы (неударного порядка) во всем районе питания завода.

Крупные птицеводческие хозяйства. В Соед. Штатах, как известно, крупные специализированные птицеводческие хозяйства расположены в Калифорнии на расстоянии многих тысяч километров от рынков сбыта, находящихся на противоположной окраине континента. Основным фактор, определивший указанный географический штандорт крупного птицеводческого хозяйства, заключается в благоприятных климатических условиях Калифорнии, обеспечивающих долгий период носкости кур и большой процент выживаемости цыплят. Для того чтобы с успехом бороться с дальностью расстояния до рынка, Калифорния не задерживает у себя товар, а, благодаря крупным размерам хозяйств и кооперативному их объединению между собой, выбрасывает свой товар быстро и целыми маршрутными поездами. При строительстве у нас крупных птицеводческих хозяйств доминирующее значение также должны иметь, с одной стороны, климатические условия, а с другой—возможность выброски товара в повагонном хотя бы порядке. Крупное птицеводческое хозяйство должно строиться преимущественно в Крыму, южной Украине и на Кавказе. Строительство должно быть одновременно распространено на целое гнездо колхозов, находящихся на близком расстоянии в одном микрорайоне (например, машинотракторной станции). В центре района должно быть построено фабричное предприятие по производству комбинированного корма (последний в американском промышленном птицеводстве играет колоссальную роль).

Таковы главные организационные формы крупных капиталоинтенсивных животноводческих предприятий в совхозах и ударных колхозах, план строительства которых должен быть развернут в порайонном разрезе в связи с переработкой пятилетки по животноводству.

Обращаясь к проблеме развития массового крестьянского животноводства, следует остановиться прежде всего на вопросе о зооминимуме.

В бурном ходе нашей сельскохозяйственной революции зооминимум выступает в качестве младшего брата агроминимума. Как это ни странно, но связь между ними прежде всего—антагонистическая: агроминимум в известной степени проводится за счет интересов животноводства, которое по этой причине лишается части своих летних кормовых ресурсов. Сюда относится зяблевая вспашка и особенно ранний

взмет пара, лущение стерни, очистка семян, обкашивание междов. Само понятие зооминимума мыслится как аналогия агроминимуму.

Зооминимум содержит два требования, которые применительно к животноводству гласят: 1) насыщенность хозяйства животноводством, соответствующая производительной способности земли и трудовому запасу хозяйства в условиях данной хозяйственно-географической обстановки и обычной крестьянской техники ведения хозяйства, 2) улучшение методов ухода и кормления скота и пользования естественными кормовыми угодьями, в рамках наличных в хозяйстве материальных ресурсов и трудовых резервов.

Первое требование зооминимума получило актуальность в связи с обнаружившимися тенденциями кулацкого и полукулацкого хозяйства к выжидательному свертыванию животноводства.

В указанном выжидательном свертывании можно логически различить три стадии: 1) свертывание не затрагивает общего объема животноводства, а только его направление (сокращение трудоинтенсивных и рыночных отраслей за счет экстенсивных, потребительских, 2) свертывание затрагивает и объем животноводства, но в пределах обуславливаемых стремлением сократить трудовое кормодобычание (напр., сокращение степного сенокосения, которое производится часто далеко от усадьбы с большой затратой труда, в виду малой производительности степных сенокосов), 3) свертывание переходит во вредительство и затрагивает объем животноводства в пределах оставления нескормленными тех грубых кормов, которые получены в хозяйстве в качестве побочных продуктов полеводства и в виде естественных пастбищ.

Этим всем тенденциям к свертыванию должно быть противопоставлено первое требование зооминимума. Его осуществление легче всего в экстенсивных районах, где значение количественных показателей превалирует над значением качественных показателей в животноводстве. Здесь совершенно нетрудно установить нормативную густоту скотского поголовья в соответствии с количественными показателями кормовой базы. В интенсивных районах установление такого соотношения очень трудно. Здесь, в условиях более устойчивой урожайности², лучшей санкцией выполнения первого требования зооминимума является поземельное обложение, которое (с соблюдением всех классовых различий) переводит все обложение на землю, и тем самым делает невыгодным оставление неиспользованными производительных сил почвы и трудовых запасов хозяйства.

Обращаясь ко второму требованию зооминимума следует заметить, что его выполнение легче внедрить, чем то же требование агроминимума, ибо эффект большинства улучшенных приемов ведения животноводческого хозяйства сказывается немедленно, а эффект

¹ Животноводство выигрывает от засоренности полей.

² При сильном колебании урожайности стадо должно флюктуировать.

большинства улучшенных приемов растениеводства сказывается только «в среднем». Основная особенность зооминимума—его исполнимость. То, что не легко исполнимо наличными в хозяйстве средствами, не может быть отнесено к зооминимуму. С этой точки зрения следуют также подойти к вопросу об обобществленных скотных дворах в колхозах неударно-животноводческого направления, которые мы не сразу переводим в разряд крупного капиталоинтенсивного производства. Создание коллективных скотных дворов, телятников, свиначников и овчарен—весьма полезная мера поднятия животноводства, и основная мера зооминимума. Однако к этой мере нельзя подходить по шаблону, с одной меркой для всех селений. Если наличные в селении старые постройки и наличная рабочая сила позволяют без больших дополнительных затрат оборудовать коллективный скотный двор, хотя бы для части стада, то это следует обязательно провести. Если же наличные постройки не дают достаточно материала, и местность к тому малолесная, то очевидно, что возведение коллективного скотного двора должно быть отложено, и дело зооминимума можно начать с обобществленного телятника, в котором воспитываются отборные телята стада с тем, чтобы потом заложить основу коллективного продуктивного скота. Сплошь и рядом в селении, где по тем или иным причинам нехватит местных средств для постройки новых скотных дворов, найдется на полях много камней, которые можно убрать коллективным трудом и замостить ими наиболее непроезжие участки смежной дороги, ведущей к ближайшему маслозаводу. Улучшение естественных кормовых площадей составляет, как известно, огромное благодарное поприще для приложения коллективного труда (рытье канав, уборка трупов, уничтожение кочек, кустарника, перепашка, боронование и пр.).

Регулирование пастбы скота на пастбище, улучшение водоснабжения и особенно образование общественных страховых запасов корма (сена, силоса) являются важными элементами зооминимума, к чему еще присоединяются общественные случные пункты и пр.

Пятилетний план развития животноводства должен исходить из предпосылки повсеместного проведения зооминимума и полного исчерпания тех резервов хозяйственных средств, которые имеются в крестьянском хозяйстве, ставшем на путь плановой коллективизации. Обследованием на местах необходимо найти живые репрезентативные типы зооминимумов, применительно к конкретным условиям микрорайонов разных областей Союза и на их примере подойти к учету эффективности зооминимума в целом, как одного из оснований построения новой программы животноводства.

В заключение необходимо остановиться на последней задаче пересмотра перспективного плана животноводства. Она заключается в примирении тех конфликтующих тенденций, которые обозначились в нашем животноводстве. В основном вопрос сводится к проведению правильного районирования ряда моментов нашего

животноводства, а именно: 1) районирование направлений племенного дела в смысле разводимых пород скота, 2) районирование снабжения животноводства белковыми кормами в смысле источников этих кормов и их природы, 3) районирование засушливой степи в смысле определения преимущественного штандорта мясосовхозов, овцеводческих совхозов, зерносовхозов, колонизационных фондов и пр.

В связи с пересмотром пятилетнего плана животноводства должен также быть построен план строительства боенской промышленности, баковой промышленности, маслодельных и сыроваренных заводов, производства комбинированных кормов, производства семенного фонда луговых трав и корнеплодов, производства силосовых башен и пр.

При огромном значении животноводства (самостоятельном и в качестве одного из определяющих факторов урожайности полевых культур), необходимо мобилизовать вокруг вопросов животноводства максимальное внимание советской общественности, особенно на селе. Одновременно с животноводством необходимо, конечно, не ослаблять внимания и к зерновой проблеме, ибо зерновая проблема в значительной степени предопределяет и наши успехи на фронте животноводства.

Ш. Я. Турецкий

Ценообразование в системе народного хозяйства¹

3. Социальный фактор в ценообразовании

Как мы уже указывали, нельзя смешивать цен отдельных социальных секторов с классовыми ценами, которые в полной мере осуществимы при социальной однородности сферы обращения. Наличие в сфере производства различных классов накладывает определенное социальное клеймо на процесс ценообразования в отдельных секторах.

Остановимся в этом разрезе на анализе ценообразования в сельском хозяйстве. Прежде всего более обеспеченное хозяйство связано с иными условиями трудовых процессов в сравнении с менее или маломощными хозяйствами. Различная техническая вооруженность труда не может не повлиять на различный размер трудовых затрат в отдельных социальных группах деревни. Это, в свою очередь, влечет различное «органическое строение» затрат и иную структуру себестоимости. Анализ затрат по отдельным культурам (зерновым) в пределах одних и тех же районов (т. е., примерно, одинаковых для всех хозяйств природных условий) показывает, что вооруженность труда в высших (по размерам сел.-хоз. капиталов) группах превышает вооруженность труда низших групп, примерно, на 20—30%. Понятие «вооруженности труда» применяется, конечно, условно: здесь мы берем отношение часов тяги к часам труда и отношение материальных затрат к часам труда. Такого рода показатель, при всей его условности, все же отражает относительные размеры трудо-вооруженности.

Количество труда, затрачиваемое на единицу продукции, обратно-пропорционально размеру трудо-вооруженности. Если вооруженность труда высших групп превышает низшие на 20—30%, то количество часов труда, затрачиваемых на воспроизводство единицы продукции в низших группах, значительно больше соответствующих затрат высших групп. Если взять яровую пшеницу степной Украины, то при затрате в низших группах 35 часов труда на центнер, высшие группы затрачивают на тот же центнер—24 часа, т. е. почти на $\frac{1}{3}$ меньше. По озимой пшенице в том же районе соответственно 28 и 19; по ячменю—27 и 17. Аналогичное явление мы имеем и по другим районам. Степени вооруженности труда корреспондирует размер затрат труда на единицу продукции. Различная социально-организационная

структура хозяйств получает свое отражение и на структуре затрат этих хозяйств. Удельный вес материальных затрат во всей сумме затрат (в себестоимости) значительно больший в мощных хозяйствах, в то время как в низших группах значительно больший удельный вес труда. Если среднюю себестоимость отдельных культур данного района принять за 100, то себестоимость низших групп зачастую превышает эту среднюю на 10—20 и выше процентов, и лишь в отдельных случаях она ниже 10%. В то же время себестоимость высших групп ниже средней себестоимости района на 5—10 и больше процентов. Разница в себестоимости различных культур той же степной Украины между высшей и низшей группами достигает 40—50%.

Отсюда понятно, что при одинаковых заготовительных ценах (хотя бы плановых) для различных (по своему социальному признаку) групп производителей, в пределах одной и той же территориальной единицы, создаются условия различной рентабельности. Отсюда же становится понятным и то, что интервал между ценой и себестоимостью в различных социальных группах будет еще более резким, если учесть, что, несмотря на более низкую себестоимость, в высших слоях деревни реализация продуктов в значительной мере частному сектору делала их среднюю цену относительно более повышенной в сравнении с бедняцко-средняцкой частью деревни (в особенности в 1928/29 г.).

Анализ ценообразования в социальном разрезе как по размерам обеспеченности хозяйства сел.-хоз. капиталом (см. приложение 3), так и по размерам валовой продукции и посевных площадей, выявляет различную рентабельность отдельных социальных групп деревни. Эта разница в рентабельности производства никакого отношения к дифференциальной ренте не имеет. Она вытекает именно из неодинаковых размеров затрат, при однородных природных и географических условиях. Эта рентабельность является социальной функцией различной органической структуры затрат. По своей природе эта разница в рентабельности ближе примыкает к категории абсолютной ренты, которая в наших условиях отсутствия частной собственности на землю, классовой политики обложения (в перспективе и классовых цен), классовой природе кредита и пр., теряет свой экономический *raison d'être*.

Четкая классовая политика в деревне по всей линии должна значительно уменьшать получающуюся разницу в рентабельности различных социальных групп не только в отношении единицы посева, и—что особенно важно—в отношении единицы продукции. Если межклассовые отношения внутри деревни идут через перераспределение народного дохода в пользу кулацкой верхушки за счет маломощных хозяйств, то обратное перераспределение через механизм внутрикрестьянского оборота невозможен. Через вмешательство бюджета, кредита, классовых цен на промтовары и прочих рычагов планового воздействия, т. е. при помощи и через посредство социалистического сектора, идет и должен идти обратный процесс перераспределения накопле-

¹ Окончание. См. „Плановое Хозяйство“ № 11, 1929 г.

ния между классами в пользу бедняцко-середняцких масс. Без вмешательства социалистического сектора классовые отношения деревни были бы предоставлены сами себе и, конечно, не в пользу маломощных групп крестьянства.

Совершенно иной природы является разница в рентабельности в пределах одних и тех же социальных групп, но поставленных в иные природные, и иные географические условия производства. Чистый доход, приходящийся на час труда, затрачиваемый на воспроизводство пшеницы на Северном Кавказе и Степной Украине, различен для одной и той же социальной группы крестьянства. В то время как этот чистый доход по яровой пшенице для Украины составляет 18 коп., для Сев. Кавказа—30 коп., по ячменю соответственно: 10 и 15 коп. Речь идет об одной и той же (по размеру обеспеченности сел.-хоз. капиталом) социальной группировке. Такая разница, вытекающая из местоположения и природных условий, по своему существу подходит к категории дифференциальной ренты.

Однако, если различная рентабельность отдельных районов связана с различной структурой цены, то вне изучения системы цен в районном разрезе процесс этот не получает должного отражения. Понятие рентабельности без представления о покупательной силе рубля есть чисто количественная счетная величина. Если в ЦЧО рентабельность несколько выше, чем в Татарской АССР, то уровень розничных промышленных цен различен для этих районов. Индекс промышленных розничных цен в ЦЧО, при его низком размере чистого дохода на 1 час труда, выше, чем в УССР, где чистый доход значительно выше. Таким образом, эта относительно низкая рентабельность района в свете всей системы цен района, так называемых эквивалентных отношений и покупательной силы рубля—еще больше усугубляется. Покупательная сила рубля каждого района определяется уровнем цен района на товары, входящие в структуру приобретения потребителей. Эта структура различна для различных социальных групп города и деревни (см. приложение 2). Поэтому, всякое изменение промышленных цен, при неизменности прочих, в большей мере отражается на покупательном рубле имущих слоев населения.

Средний уровень цен для каждого района также зависит от удельного веса социальных секторов в сфере товарного обращения. Там, где удельный вес частного сектора относительно велик (Украина), там покупательная сила рубля подвержена значительно более резким колебаниям, чем в районах с его небольшим удельным весом в проведении товаров к потребителю (Москва). Таким образом, действительная рентабельность производства определяется структурой реализационной цены (удельный вес элементов накопления) и покупательной силы рубля по приобретению. Один из этих показателей не является репрезентативным для определения подлинной экономической выгодности воспроизводства.

Если обратиться к рентабельности условно-середняцких (типичной для каждого района посевной площади) хозяйств в среднем по СССР по зерновым хлебам, то она за ряд истекших лет представляется, примерно, в следующем виде.

Средняя себестоимость основных хлебов (рожь, пшеница, овес, ячмень) по СССР (взвешена по посевным площадям районов и культур) изменилась с 1925/26 г. по 1928/29 г. в типичных хозяйствах следующим образом (в рублях за центнер): 6,8 р.; 6,7 р.; 7,2 р. и 7,0 р. в 1928/29 г. Разница между ценой производителя и себестоимостью за те же годы составляла (за центнер): + 15 к., — 1 р. 12 к.—1 р. 03 к. и + 2 р. 97 к. в 1928/29 г. Наиболее неблагоприятным в отношении рентабельности является 1926/27 и 1927/28 гг., когда повышение себестоимости сопровождалось снижением цен; обратную картину дает 1928/29 г., характерный противоположными тенденциями. Из культур наиболее неблагоприятные показатели дает рожь: все годы до 1928/29 г. себестоимость ржи значительно превосходила цены; 1928/29 г. дает перелом: при росте себестоимости центнера ржи на 50 к. цена производителя ржи удваивается. В результате чего рожь в 1928/29 г. занимает по рентабельности (и в типичных хозяйствах) первое место (+ 4 р. 25 к.), оттесняя на второе место пшеницу (+ 2 р. 45 к.). Наиболее неблагоприятные показатели рентабельности дает потребляющая полоса, занимающая ничтожное место в рыночном хлебном обороте. Поэтому, судить о действительной рентабельности реализованного производителем хлеба за истекшие годы возможно на основе определения средней себестоимости не по весам посевных площадей, а по весам товарной продукции, отчуждаемой на рынок.

Однако с точки зрения перспектив товаризации натуральных и полунатуральных районов, определение себестоимости и рентабельности воспроизводства в нетоварных районах весьма существенно и важно.

Разница между себестоимостью реализованных зерновых культур и ценой производителя (в типичных хозяйствах) за те же годы составляла: + 1 р. 42 к. в 1925/26 г., 41 к. в 1926/27 г., 64 коп. в 1927/28 г. и + 2 р. 63 к. в 1928/29 г.

Таким образом, цена в 1928/29 г. превышает себестоимость почти на 40%, в то время, как в предыдущем году она была ниже себестоимости на 9%. Оставляя на 1929/30 г. стабильность себестоимости в крестьянских хозяйствах на уровне 1928/29 г. мы в результате резкого вытеснения частного из заготовок будем иметь снижение средней цены производителя хлебов (примерно на 2,0%). Если в 1928/29 г. цена превышала себестоимость на 40%, то в 1929/30 г. она будет превышать себестоимость несколько больше 20%. По степени рентабельности первое место снова займет пшеница, второе ячмень.

Анализ размера затрат на единицу площади (1 га) в совхозах показывает, что затраты эти меньше соответствующих затрат в индивидуальных хозяйствах. Состояние материалов по себестоимости в

колхозах, к сожалению, пока исключают возможность анализа в этой области, тем не менее можно априори сказать, что и здесь преимущества крупного механизированного хозяйства весьма значительны.

Как мы видели, анализ себестоимости индивидуальных хозяйств в социальном разрезе вскрывает, что себестоимость в середняцких и особенно в бедняцких хозяйствах значительно выше, чем в кулацких. В ряде основных районов низко обеспеченные (по размерам посевной площади и сел.-хоз. капиталу) хозяйства дают себестоимость выше средней себестоимости по району (и культуре) на 10—20%. В отдельных районах это превышение достигает значительно больших размеров. Здесь именно и кроется экономическая выгодность и необходимость бедняцких и середняцких хозяйств вступать на путь обобществления и коллективизации своих хозяйств. Это и есть единственный путь разрешения проблемы рентабельности и развития маломощных, необеспеченных хозяйств.

Если функцией социального фактора в цене производителя является различная структура затрат, при различной стоимости единицы последних, то и средняя цена потребителя в социальном разрезе зависит от различной структуры приобретения и различной рыночной цены. Если в обоих случаях структура затрат и структура приобретения являются факторами материальными, то различная цена является величиной, зависимой от того, с каким социальным сектором вступает в рыночную связь та или иная социальная группа производителей или потребителей, что идет по линии цепной связи в ценообразовании.

Проблема покупательного рубля всецело упирается в проблему потребления и цепной связи. Потребление же (в широком смысле этого слова) как функция благосостояния, весьма неоднородно для различных социальных групп города и деревни. Достаточно указать на то, что в покупательном рубле низших слоев крестьянства зерно, мука, крупа занимают свыше 15%, а в высших всего лишь 3,0%; мануфактура же—соответственно 12,8 и 17,4%, а сел.-хоз инвентарь—3,1 и 11,9%. Однако структура крестьянского покупательного рубля далеко не отражает структуры и уровня крестьянского потребления, поскольку значительная часть потребляемых продуктов не получает своего отражения в денежном обороте деревни. Натуральное потребление, идущее вне рыночных отношений, натуральные сделки между отдельными социальными группами крестьянства (оплата труда натурой) в покупательном рубле деревни отражения не имеют. Всякое заметное движение цен влияет на соотношение натурального и товарного потребления деревни. Резкое повышение цен на ряд промышленных товаров может повлечь за собою процесс детоваризации той или иной культуры, в зависимости от степени обобществления сбыта данной культуры и возможности переработки ее домашним способом.

Проведенный нами анализ структуры розничной цены на ряд промышленных товаров, являющихся продуктом переработки сел.-хоз. сырья, показывает, что цена, уплачиваемая деревней за эти товары,

в 3—4 раза превышает цену производителя соответствующего сырья. Здесь сказывается высокая стоимость фабричной обработки и чрезмерно большая стоимость торгового аппарата по проведению сырья из деревни на фабрику и обратно—по проведению готового товара от фабрики в деревню—к потребителю. Так, если принять розничную цену льняных изделий в 1926/27 г. за 100%, то удельный вес заготовительной цены льна составит 26%, а сумма издержек обращения (на сырье и готовый товар) составит около 24,0%, т. е. примерно столько же, сколько и заготовительная цена. Повышение в 1928/29 г. цены на лен на 22%, снижение издержек обращения за ряд последних лет, а также некоторое снижение стоимости обработки должно было резко изменить структуру цены в пользу увеличения товарности льна.

Если социальный момент не получает своего полного отражения в структуре покупательного рубля деревни, то для городского потребителя структура покупательного рубля совпадает со структурой потребления (в широком смысле, а не узко-физиологическом) отдельных социальных групп и прослоек. Анализ структуры расходного бюджета различно обеспечиваемых групп трудящихся показывает, что чем ниже заработок, тем больше удельный вес расхода в покупательном рубле на товары, связанные с удовлетворением насущных физиологических потребностей, и, наоборот, меньший удельный вес расходов на удовлетворение культурных потребностей. Если расход на мебель и предметы обстановки на душу низкооплачиваемых рабочих в 1925/26 г. составлял в год около 40 к., то в высшей категории рабочих он составлял около 5 р. 40 к. Расход на приобретение бумажных тканей в первой группе составлял 2 р. 27 к., а в высшей—меньше 2 рублей, между тем как по шерстяным тканям этот расход составлял соответственно 77 к. и 9 р. 32 к.¹ Если по потреблению ржаной муки низшие группы превышают высшие группы почти в 2 раза, то по пшеничной муке высшие превышают тоже почти в 2 раза. Еще более разительное расхождение между структурой покупательного рубля рабочих, служащих и городской буржуазии. Расход лиц наемного труда в процентах ко всему их доходу за все годы, начиная с 1925/26 по 1928/29 г., составлял: 39,8%, 38,2%, 36,7% и 33,8%; соответственные величины для городской буржуазии составляли: 30,5%; 29,7% и 26,8% в 1928/29 г. Удельный вес расходов служащих на промтовары к их доходу превышает удельный вес соответствующих расходов рабочих более, чем на 40—45%. Расходы на сел.-хоз товары дают обратную картину, в особенности в отношении продуктов первой необходимости. Таким образом, движение цен на те или иные товары в различной степени отражается на покупательной силе рубля отдельных социальных групп и различных классов.

Если, как мы указывали, процесс ценообразования различен для отдельных социальных групп советской деревни, то еще несравненно более разительные явления в этом отношении дает довоенная деревня.

¹ „Бюджеты рабочих и служащих“, вып. III, изд. ЦСУ, 1929 г., стр. 398—399.

Наличие крупных капиталистических хозяйств в довоенной деревне, наряду с пролетарскими, полупролетарскими, закабаленными хозяйствами—вносило значительно превосходящие теперешние интервалы в структуре, уровне и размере затрат на единицу продукции между различными классами и социальными группами. Анализ себестоимости производства хлебов в довоенной России¹ вскрывает, что размер затрат на единицу посевов и единицу продукции в наивысших группах (по размерам посевной площади—крупных помещичьих хозяйствах) был на 20—30 и больше процентов ниже затрат в хозяйствах с небольшим размером посевной площади. Наряду с этим, мы имели значительно большие различия в структуре производственных и прочих затрат между высшими и низшими группами хозяйств. Таким образом, как средний размер довоенных затрат на воспроизводство единицы сел.-хоз. продукции, так и структура этих затрат до Октябрьской революции резко отличалась от соответствующих наших затрат.

Совершенно иная социальная физиономия советской деревни, в отличие от довоенной, не могла не повлиять на иной, отличный от довоенного, процесс ценообразования. Поэтому, сравнивать современную себестоимость в сельском хозяйстве с довоенной без поправки на социальный момент не представляется возможным. Для этого сопоставления нами проделана большая работа по исчислению сопоставляемой довоенной себестоимости в сельском хозяйстве с современной. Прежде всего нами взята из довоенных данных Министерства земледелия (в губ. разрезе) одна лишь низшая социальная группировка (до 20 га), относительно более близкая из всех прочих группировок, имеющих в довоенном материале, к средней обеспеченности нашего хозяйства. На основе современных посевных площадей мы вывели среднюю себестоимость и средний размер основных составных элементов себестоимости для территории, отвечающей нашему современному районному делению (районы Статплана) и в среднем для СССР. Кроме того, для получения себестоимости (и составных элементов) единицы продукции мы вносили поправку на урожайность². Проведя эту работу в отношении 4 главнейших зерновых культур (рожь, пшеница, овес и ячмень), мы исчислили среднюю для каждого района и для СССР в целом довоенную себестоимость и ее структуру в среднем по всему (условно) зерновому хозяйству. Полученные таким образом исчисления мы считали возможным сопоставить с современными данными (за 1925/26 г.), исходя, примерно, из одинаковой посевной площади хозяйств и их географического размещения (одинаковые климатические и природные условия).

¹ «Стоимость производства главнейших хлебов», изд. Министерства земледелия, 1915 г.

² Приводимая Министерством земледелия себестоимость по каждой губернии исчислена из основания несколько преувеличенного размера (примерно, на 6,0 %) урожайности, в связи с чем и себестоимость в каждом отдельном случае оказалась немного преуменьшенной (на 3,5 — 4,0 %).

Однако, если эти хозяйства, примерно, однородны по размеру посевной площади, то они еще далеко неоднородны социально. Классовые отношения деревни до Октябрьской революции ставили эти хозяйства в совершенно иные социальные условия. Крупная частная собственность на землю, арендные и рентные отношения ставили бедняцко-середняцкие хозяйства в кабальную зависимость от крупного землевладения и тормозили товаризацию хозяйств. Такое положение не могло не наложить своего отпечатка и на структуру натуральных и денежных затрат в процессе производства. Структура себестоимости отражает в себе не только организационные, но и социальные особенности хозяйства. На основании данных Министерства земледелия мы исчислили, что «съемочная плата за землю», вернее, рента, исходя из существовавшей до войны цены на землю (по каждой губернии и культуре в отдельности), должна была составить в себестоимости единицы зерновой продукции (центнер) свыше 25,0 %. Если считать, что фактически «съемочная плата» платилась этими низшими группами хозяйств не за всю землю, то все же процент этот останется достаточно большим. Кроме того, помимо платы за землю, здесь совершенно не учтена плата за «право пользования» средствами производства, которые обычно сдавались в наем на кабальных условиях феодально-помещичьей частью деревни бедняцко-середняцким массам. Во всяком случае, не будет преувеличенным считать, что в сумме затрат на воспроизводство середняцко-бедняцких хозяйств расходы на воспроизводство деревенской буржуазии составляли около 15—20,0 %. Можно спорить о величине этого расхода, но во всяком случае бесспорно одно, что без этой поправки сравнивать рентабельность производства довоенных хозяйств с аналогичными хозяйствами советской деревни неправильно.

В довоенной реализационной цене крестьянина-производителя «сидело» несравненно больше «классовых расходов», чем в современной цене производителя. Вместе с тем, нужно учесть, что когда мы говорим о довоенной цене производителя, мы имеем в виду среднюю цену данной культуры в данном районе. Между тем, капиталистические хозяйства имели все преимущества для реализации по относительно более повышенным ценам. Здесь и организационная связь с рынком, возможность по размеру своей товарной продукции выдерживать товар, играя на конъюнктуре, и ряд других моментов, дававших возможность деревенской верхушке получать более высокие цены, нежели слабообеспеченное хозяйство. Отсюда мы имели, при значительно более низкой себестоимости мощных хозяйств и при более высокой реализационной цене, несравненно большую рентабельность производства. Аналогичное по мощности и технической вооруженности середняцкое хозяйство, перенесенное из довоенных условий в наши, лишь в силу упразднения частной собственности на землю и крупных капиталистических хозяйств, имеет все данные для большей рентабельности производства. Отсюда понятно, какую ошибку совершают

все те, которые на основе современной цены сел.-хоз. производителя в их сопоставлении с розничной ценой на промтовары, судят об эквивалентности обмена, по сравнению, конечно, с довоенными эквивалентами, при этом совершенно не вносят никаких поправок на иную социальную природу сел.-хоз. цены.

Переходя к анализу сопоставления довоенного ценообразования в сельском хозяйстве с современным, необходимо указать, что исчисление средней по району цены и себестоимости нами произведено на основании одинаковых весов; хозяйства же, как мы указывали, взяты примерно однородные. Средняя довоенная себестоимость (см. приложение 4) 1 центнера зерна (в среднем по 4 хлебам) нами исчислена в 3 р. 85 к. без ренты и 4 р. 91 к. с учетом ренты. Средняя же цена производителя определяется в 4 р. 16 к. Таким образом, если хозяйство велось на арендованной земле—в этих условиях цена ниже себестоимости на 75 к., или на 14,0%. Это означает, что чистая продукция, приходящаяся на день труда, ниже заработной платы.

Средняя себестоимость по тем же зерновым хлебам, в среднем по СССР (по тому же кругу районов), для 1925/26 г. определяется в 5 р. 97 к., а цена в 6 р. 75 к., т. е. цена превышает себестоимость на 98 к.; если же взять не по всем хозяйствам, а по типичным, то цена превышает себестоимость, примерно, на 20—25 к. Иначе говоря, норма доходности (процент рентабельности в цене) в типичных (по размерам посевной площади) хозяйствах несколько ниже довоенной нормы в хозяйствах, освобожденных от несения земельных тягот (рента, аренда). Если индекс заготовительных цен на зерно в 1925/26 г. составлял 167, то индекс себестоимости составляет 155, без учета в довоенной себестоимости ренты, и 122 с учетом таковой. Для типичных посевных групп этот индекс соответственно составит 171 и 134.

Отношение между индексом цены и себестоимости для 1928/29 г. определяется несколько более благоприятным, чем в 1925/26 г. Если даже считать довоенную себестоимость преуменьшенной (поскольку нами взяты хозяйства с размером посевной площади до 20 га), то во всяком случае нельзя говорить о каком-нибудь существенном расхождении между индексом цены и себестоимости. На основании проделанного анализа, мы склонны утверждать, что для всей массы середняцко-бедняцких хозяйств создались (за исключением 1926/27 и 1927/28 гг.) более благоприятные соотношения между ценой и себестоимостью, чем до войны. Несмотря на более низкий индекс цен сел.-хоз. производителя по сравнению с индексом розничных цен на промтовары, рентабельность производства основной массы крестьянства повысилась по сравнению с довоенной. Этот момент нужно всегда иметь в виду, при анализе так называемых «генеральных ножиц». Кстати, в отношении этих «ножиц» нужно иметь еще в виду, что обычно для исчисления их пользуются индексом розничных цен (Конъюнктурного ин-та ЦСУ), охватывающих и учитывающих лишь оборот городского рынка. Структура промышленного товарного оборота деревни

совершенно иная, чем в городе; удельный вес социальных секторов в деревенской торговле теми или иными промышленными товарами отличен от социальной структуры городского рынка. Те индексы, которыми обычно пользуется для «генеральных ножиц», а отсюда для эквивалентов, всего этого не учитывают. Одно то, что в расходной части крестьянского бюджета на промтовары удельный вес сел.-хоз. машин, орудий и инвентаря составляет, примерно, 20%, резко изменяет для деревни средний розничный индекс на промтовары, поскольку индекс сел.-хоз. машиностроения является почти самым низким в системе промышленных цен. Кроме того, обуви и мануфактуре крестьянского потребления соответствует иной, более низкий индекс. Эти поправки, в свою очередь, должны несколько сдвинуть лезвия «генеральных ножиц» в сторону некоторого сжатия их.

Теперь, как и до войны, мы имеем более благоприятные соотношения между ценой и себестоимостью зерна в производящей полосе по сравнению с потребляющей. Однако, потребляющая полоса показывает теперь относительно довоенной более неблагоприятную картину. Разница между ценой и себестоимостью до войны в потребляющей полосе была 12 к. или + 3,0% от цены без учета в себестоимости ренты, а с учетом таковой, эта разница равнялась—20%. В 1925/26 г. эта разница составляла—86 к. на центнер, или—10% для всех хозяйств и—15% для типичных. Если в довоенной себестоимости потребляющей полосы не учитывать ренты, то здесь мы имеем в настоящее время ухудшение соотношения между ценой и себестоимостью. А это с точки зрения перспектив товаризации этих районов—безусловно, неблагоприятный момент. Наоборот, в товарных районах (а именно в отношении этих районов можно говорить о рентабельности за прошлые годы) в производящей полосе вместо 14% прибыли (без вычета ренты и бюджетных изъятий) до войны—мы сейчас имеем свыше 20% (без вычета бюджетных изъятий) в среднем во всех хозяйствах и около 9,0% по типичным. В хозяйствах же с арендованной землей себестоимость до войны превышала цену на 15,0%, т. е. вместо + 14% имелось—15%.

Индекс себестоимости зерна в производящих районах составлял в 1925/26 г. примерно 149 по всем хозяйствам района и 174 по типичным хозяйствам, если брать довоенную себестоимость без ренты; если же брать с рентой, то индекс себестоимости для производящей полосы соответственно составит 111 и 130, при индексе цены производителя в 164.

По отдельным районам¹ соотношение между индексами цен и себестоимости различное. Так, по ЦЧО индекс себестоимости по всем группам посевных площадей составляет 160, а индекс цен 191; Урал соответственно 130 и 163; Средне-волжский район 153 и 188, Сев. Кавказ—120 и 150, Украина—163 и 169 и Ю.-З. Сибирь—167 и 154¹. Таким образом, почти по всем районам мы имеем превышение ин-

¹ См. наши статьи: «К вопросу о процессах ценообразования в сельском хозяйстве». «Плановое Хозяйство», № 5 и 6 за 1929 г.

дексом цен индекса себестоимости в среднем по всем хозяйствам. Это превышение в различной мере сохранится и для типичных хозяйств ряда районов. Неблагоприятную в этом отношении картину дает Украина (в особенности по типичным хозяйствам) и весьма неблагоприятную Сибирь. Здесь индекс себестоимости значительно превышает индекс цен.

Более подробный анализ размера современной себестоимости в географическом разрезе мы уже привели в другом месте¹. Здесь же важно отметить, что мы имели несколько изменившуюся в сравнении с довоенным конфигурацию рентабельности производства в территориальном разрезе.

Из всех культур наиболее неблагоприятные соотношения с довоенными дает рожь. Так, индекс себестоимости ржи (без учета ренты в довоенной себестоимости) в типичных хозяйствах составляет около 195 (а с учетом ренты около 150), индекс же цен производителя по СССР определяется в 167. Вместо разницы между ценой и себестоимостью до войны в +4,0%, мы имеем в 1925/26 г. в типичных хозяйствах—12%. Однако, если внести поправку на довоенные арендные отношения, то интервал в рентабельности для этих хозяйств несколько сузится. Если же взять в среднем по всем хозяйствам, то индекс себестоимости, примерно, соответствует индексу цен. Особенно неблагоприятны эти соотношения для потребляющей полосы, где индекс себестоимости значительно превосходит индекс цен. Наоборот, если взять все хозяйства, по производящим районам, то индекс цен несколько превышает индекс себестоимости (без ренты); по типичным хозяйствам индекс цен меньше индекса себестоимости на 8—9%.

Наиболее благоприятные показатели дает пшеница. Здесь индекс цен превосходит индекс себестоимости на 11% по всем хозяйствам; если же исчислить индекс себестоимости в отношении довоенных хозяйств с арендованной землей, то индекс цен превышает этот индекс себестоимости на 40 с лишним процентов по всем хозяйствам и на 25—30% по типичным. Если брать довоенные затраты на 1 центнер без учета ренты, то в этом случае индекс себестоимости для типичных хозяйств по пшенице составит 172, а индекс цены производителя 160, т. е. на 6—7% ниже. Если взять в абсолютном выражении, то до войны разница между ценой и себестоимостью центнера пшеницы составляла (без учета оплаты ренты) +1 р. 19 к., или около 24% цены; в 1925/26 г. эта разница для типичных хозяйств составляла 1 р. 44 к. (в червонном исчислении) или 18% цены. Для довоенных хозяйств с арендованной землей цена едва покрывала затраты на воспроизводство этой культуры.

Если взять затраты на один гектар пшеницы до войны (без ренты) в довоенных ценностных выражениях, то размер современных

¹ Мы приводим здесь индекс себестоимости без учета в довоенной себестоимости платы за землю, т. е. без учета ренты, что и дает относительно повышенный индекс себестоимости.

затрат на один гектар, выраженный в современных ценах в типичных хозяйствах, превышает довоенный уровень на 22%. Таким образом, если бы мы имели дело с хозяйствами одинаковой урожайности, то индекс себестоимости соответствовал бы проценту превышения размера затрат на единицу посева, т. е. фактически мы имеем несколько преувеличенный индекс себестоимости, поскольку урожайность взятых нами современных хозяйств на 8,0% ниже (а в типичных почти на 20%) урожайности включенных в анализ довоенных хозяйств. Отсюда следует, что мы имеем дело с не вполне сопоставимыми по своей организационной структуре хозяйствами. Однако сопоставление это возможно, если иметь в виду указанные качественные поправки.

Мы лишены возможности (по размеру работы) останавливаться на более подробном анализе отдельных культур (см. приложение 5) и затронуть все связанные с этим вопросы. Это должно быть темой для специальной работы. Здесь важно установить одно, что мы не имеем каких-либо существенных расхождений между ценой и себестоимостью в крестьянском хозяйстве по сравнению с довоенными соотношениями. Если же внести поправку на довоенные классовые отношения в деревне, то мы имеем в настоящее время безусловно более благоприятные соотношения между ценой и себестоимостью даже на таком отсталом участке нашего сельского хозяйства как зерновое хозяйство. Рост благосостояния деревни в результате Октябрьской революции является несомненным фактом, несмотря на «теории» «обескровления деревни».

✓ На основании анализа цепной связи внутри промышленности (см. приложение 1), на основе дифференцированной структуры потребляемых каждой отраслью средств производства, мы исчислили ориентировочный индекс средств производства для каждой отрасли и для промышленности в целом в отношении довоенного уровня. При этом мы исходили из индекса цен потребляемых каждой отраслью в производстве отдельных видов сырья, топлива и материалов и из восстановления (до довоенного уровня) технических норм использования средств производства. Это последнее положение является, конечно, спорным, но в виду отсутствия в настоящее время каких-либо сплошных материалов для исчисления индексов технических коэффициентов¹, стабильность технических норм и амортизации в отношении довоенного уровня (для 1925/26 г.) может быть принята условной. Ряд проанализированных материалов это положение подтверждает. Далее, исходя из индекса номинальной заработной платы (в отношении довоенной) для каждой отрасли в отдельности и отношения выработки на одного рабочего в 1925/26 г. по сравнению с 1913 г. (на основании материалов «Динамики русской и советской промышленности»), мы исчислили индекс нормы оплаты труда единицы продукции. Здесь нужно иметь в виду, что, поскольку положенные в основу материалы явля-

¹ Такая работа в настоящее время начата в группе ценообразования Госплана СССР.

ются далеко недостаточными (45 трестов союзной промышленности) и исчисления индекса технических норм и индекса производительности труда—условными, выведенный в результате всех этих данных индекс себестоимости (в отношении довоенной) для отдельных отраслей и для промышленности в целом является довольно ориентировочным. Но этот индекс может отразить в основном тенденцию и соотношения между отдельными отраслями и стадиями ценообразования.

Если наряду с индексом себестоимости (1913 г.=100) каждой отрасли промышленности поставить соответствующий индекс отпускных цен, то оказывается, что почти во всех отраслях тяжелой индустрии индекс цен ниже индекса себестоимости, а в отраслях легкой индустрии выше. В целом для промышленности индекс цен несколько превышает индекс себестоимости, что связано с большими темпами расширенного воспроизводства в промышленности и необходимостью относительно больших накоплений в социалистическом секторе. Далее, даже одна и та же разница между ценой и себестоимостью в нашей промышленности дает значительно больший эффект, чем до войны, для возможностей расширенного воспроизводства. Часть разницы между ценой и себестоимостью шла на «воспроизводство» класса капиталистов и лишь остальная часть пускалась в дальнейший кругооборот капитала. Наряду с относительно большим удельным весом чистого накопления в цене промышленности, мы имеем и значительный рост реальной заработной платы рабочих по сравнению с довоенной. Индекс номинальной зарплаты промышленных рабочих в 1927/28 г. составлял 261 (1913 г.=100), бюджетный индекс за тот же год составлял около 199 (по переменным весам социальных секторов торговли). Таким образом, индекс реальной зарплаты определяется примерно, в 130, т.е. мы имеем рост благосостояния промышленных рабочих по сравнению с довоенным на 30,0%, наряду с превышением индекса отпускных цен над индексом себестоимости на 5,5% и еще более значительным превышением (по сравнению с довоенным) удельного веса чистого накопления в цене по сравнению с довоенным.

Таким образом, наряду с превышением индекса себестоимости в сельском хозяйстве индексом цен с.х. производителя, мы имеем и превышение индекса себестоимости в промышленности индексом отпускных цен промышленности, а также превышение бюджетного индекса—индексом номинальной зарплаты рабочих. Такое явление как одновременный рост (по сравнению с довоенным) благосостояния рабочих и среднячко-бедняцких слоев деревни, при увеличении нормы накопления в промышленности, могло произойти в результате соответствующего перераспределения фонда потребления (и личного накопления) непродовольственных классов при иной классовой «расстановке» в результате Октября. Лишь анализ цены в аспекте трех указанных разрезов: уровень, система и структура, могут со всей полнотой вскрыть действительные процессы, происходящие в народном хозяйстве.

Структура покупательного рубля различных социальных групп крестьянства²

	Покупка продуктов сел.-хоз. сырых и переработанных					Покупка продук. лесовод., рыб. и охоты	Покупка продуктов промышленности					
	Зерновые хлеба	Мука и крупа	Живой скот	Прочие прод. сел.-хоз.	Итого продук. сырых перер.		Хозяйств. инвентарь	Мануфактура	Готовая одежда	Обувь всякая	Проч. продук. промышлен.	Итого продук. промышлен.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I группа (до 2 га)												
Потребляющая полоса . . . ✓	3,9	16,6	6,4	12,2	39,0	4,9	3,9	9,3	3,2	8,6	31,1	56,1
Черноземная полоса . . .	2,9	11,4	9,6	13,5	37,4	6,6	2,5	13,8	2,9	8,0	28,8	56,0
Сев. Кавказ	2,8	11,5	11,6	19,6	39,5	3,8	2,9	16,3	4,6	9,1	23,8	56,7
Сибирь	4,8	12,9	9,3	14,2	41,2	4,8	4,0	14,0	3,1	6,9	26,0	54,0
БССР	4,6	12,5	14,8	14,8	46,7	2,7	5,6	7,9	2,9	9,1	25,1	50,6
УССР	3,4	5,8	16,6	15,4	41,2	7,1	2,3	13,5	4,2	8,5	23,2	71,7
СССР ✓	3,5	11,7	10,5	13,7	39,4	5,8	3,1	12,8	3,4	8,2	27,3	54,8
II группа (от 4 до 8 га)												
Потребляющая полоса . . . ✓	3,3	10,4	10,1	10,2	34,0	5,4	6,3	10,4	2,6	8,7	32,6	60,6
Черноземная полоса . . .	2,5	4,9	20,0	8,8	36,2	5,5	5,7	15,2	2,7	9,4	25,3	58,3
Сев. Кавказ	4,1	2,7	14,1	10,5	31,4	4,0	5,4	16,5	4,1	8,8	29,8	64,6
Сибирь	4,2	3,9	10,6	8,7	27,4	3,9	15,9	16,0	2,8	7,2	26,8	68,7
БССР	3,1	6,2	12,3	13,2	34,8	2,8	7,8	9,8	2,3	11,0	31,5	62,4
УССР	2,6	1,6	22,2	8,5	34,9	5,2	6,8	14,7	4,3	10,0	24,1	59,9
СССР ✓	2,9	4,5	17,9	9,2	34,5	5,1	6,9	14,6	3,2	9,3	26,4	60,4
III группа (свыше 16 га)												
Потребляющая полоса . . . ✓	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Черноземная полоса . . .	2,1	0,9	20,2	6,0	29,2	5,1	8,3	17,9	3,7	8,4	27,4	65,7
Сев. Кавказ	3,2	0,9	13,2	8,6	25,9	2,5	12,4	16,4	4,1	8,8	29,9	71,7
Сибирь	2,2	1,2	2,7	5,0	11,1	4,2	26,7	18,6	2,9	9,0	27,5	84,7
БССР	—	1,6	2,5	35,4	39,5	0,2	4,7	7,8	0,6	16,7	30,5	60,3
УССР	2,3	0,5	19,7	6,9	29,4	3,9	11,4	17,8	4,1	9,7	23,7	66,7
СССР ✓	2,5	0,8	16,3	7,1	26,7	3,8	11,9	17,4	3,9	9,0	27,3	69,5
По всему сельскому хозяйству ✓	4,4	8,2	11,4	12,7	36,7	2,9	11,8	11,4	4,6	8,0	28,2	60,4

¹ По техническим условиям приложения даны не в порядковой нумерации. Ред.
² По бюджетным данным ЦСУ СССР за 1926/27 г.

Цепная связь между основными
(индексы себестоимости)

Отрасли-производители Отрасли-потребители	Горная				Металл		
	Рудная		Прочая горная	Итого горная	Черный	Цветной	Металл. мехелы
	Же- лезн.	Мар- ганц.					
1	2	3	4	5	6	7	8
Рудная	—	0,70	—	0,70	18,78	—	—
Черная металлургия	17,29	1,72	0,69	19,70	28,78	3,12	—
Машиностроительная	0,48	—	1,08	1,56	56,62	6,91	—
Цветная металлургия	—	—	—	—	1,18	83,27	—
Каменноугольная	—	—	1,71	1,71	18,72	—	18,06
Нефтяная	—	—	—	—	39,20	4,50	20,30
Основная химическая	—	—	—	—	2,20	—	—
Лакокрасочная	—	—	—	—	13,15	6,75	1,89
Резиновая	—	—	1,06	1,06	—	—	—
Цементная	—	—	16,96	16,96	0,42	—	—
Стекольная	—	—	5,98	5,98	3,50	—	—
Бумажная	—	—	—	—	—	—	1,17
Хлопчатобумажная	—	—	—	—	—	—	—
Шерстяная	—	—	—	—	—	—	3,75
Льняная	—	—	—	—	—	—	2,31
Камвольная	—	—	—	—	—	—	0,49
Кожевенная	—	—	—	—	—	—	0,39
Сахарная	—	—	1,94	1,94	—	—	—
Табачная	—	—	—	—	—	—	—
Спиртовая	—	—	—	—	—	—	—
Итого по отраслям	—	—	—	3,9	14,0	3,9	3,3

Отрасли-производители Отрасли-потребители	Кожевен- ная	Бумажная	Текстильная			Пищевая
			Пряжа	Изделия	Кардо- лента	
23	23	24	25	26	27	28
Рудная	—	—	—	—	—	—
Черная металлургия	0,13	—	—	—	—	—
Машиностроительная	1,48	—	—	—	—	—
Цветная металлургия	—	—	—	—	—	—
Каменноугольная	—	—	—	3,10	—	—
Нефтяная	1,90	—	—	5,60	—	—
Основная химическая	—	—	—	—	—	10,30
Лакокрасочная	—	1,75	—	—	—	—
Резиновая	—	4,55	—	33,21	—	—
Цементная	—	—	—	—	—	—
Стекольная	—	—	—	30,10	—	—
Бумажная	—	—	—	3,35	—	1,90
Хлопчатобумажная	—	—	—	—	—	—
Шерстяная	0,07	0,96	3,73	—	—	—
Льняная	—	—	—	—	0,27	—
Камвольная	—	—	—	—	—	—
Кожевенная	—	—	—	6,96	—	—
Сахарная	—	1,19	—	—	—	—
Табачная	—	23,78	—	—	—	—
Спиртовая	—	1,21	—	—	—	—
Итого по отраслям	0,3	0,7	0,1	4,3	0,0	0,7

1 Внутренний оборот с учетом межтрестовского оборота.

отраслями промышленности¹
и индексы цен)

Приложение 1

Электро- технич.	Химическая				Нефтяная	Каменно- угольная	Торф	Лесная		Строительная			
	Основ- ная	Резино- вая	Лако- красочн.	Прочая				Дрова и лес	Строит. и дере- вообраб.	Цемент	Кирпич. и строи- тельно- огнеуп.	Стекло	Строит. матер. без разб.
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
4,46	22,33	—	—	—	0,63	29,73	—	0,78	21,46	0,21	0,92	—	—
1,53	1,24	—	—	—	2,65	28,33	0,01	5,60	0,48	0,07	8,36	—	—
1,44	1,54	—	0,52	—	8,77	7,33	—	1,54	8,88	0,88	2,15	0,38	—
5,58	—	—	—	—	5,09	2,02	—	—	0,64	0,11	0,11	—	—
5,54	2,94	—	—	0,85	1,55	—	—	—	33,81	—	—	—	13,72
1,30	2,70	10,00	—	—	—	—	—	9,80	—	—	—	—	4,70
—	61,69	—	—	—	0,35	19,28	—	2,83	7,59	2,52	3,54	—	—
—	36,65	—	—	—	21,45	2,92	—	2,40	1,65	0,06	0,30	—	—
—	10,03	1,39	—	—	2,38	0,90	—	0,85	1,57	—	—	—	—
—	—	—	—	—	5,89	20,89	—	2,29	40,84	2,29	4,34	—	—
—	18,10	—	—	—	11,98	—	10,70	19,90	12,32	—	—	—	17,52
—	—	—	—	—	0,95	6,64	1,06	52,35	—	—	—	—	8,90
—	3,62	—	7,48	2,05	2,35	3,03	1,55	2,37	1,99	0,14	0,92	—	—
—	1,33	—	6,01	—	0,67	1,01	1,07	3,29	1,21	0,01	0,52	—	—
—	—	—	—	—	2,64	1,23	0,59	2,63	4,31	—	0,62	—	—
—	3,64	—	8,42	—	1,14	2,92	—	1,93	1,21	0,08	0,11	—	—
—	9,21	—	—	—	—	—	0,18	0,95	1,46	—	—	—	—
0,11	—	—	—	—	0,14	5,13	0,18	1,15	—	—	—	—	0,83
3,32	—	—	—	18,01	—	0,24	—	0,05	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	0,32	1,78	0,11	1,52	72,41	—	—	12,97	4,80
1,1	3,4	0,9	2,0	0,8	2,7	7,4	0,5	3,8	7,2	0,2	1,8	0,5	1,7

Продолжение приложения 1

Сельскохозяйственное сырье								Каучук	Итого раз- мер средств производ.	Инд. средств производ. 100=1913 г.	Инд. нормы опл. труда с учет. произ. 100=1913 г.	Инд. себе- стоим. (фа- брич.-зав.) 100=1923 г.	Инд. от- пусных цен 100=1913 г.
Хлопок		Шерсть		Лен	Табачн.	Свекла	Кож. сырье						
Внут.	Загр.	Внут.	Загр.										
29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	194	176	183	106
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	165	275	207	149
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	163	211	183	209
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	123	218	163	113
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	211	157	177	188
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	179	174	178	119
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	182	295	220	165
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	162	208	171	233
—	—	—	—	—	—	—	—	48,61	100	120	208	146	173
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	214	180	201	154
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	200	180	189	275
60,42	—	—	—	—	—	—	—	—	100	234	238	235	190
2,68	4,96	—	—	—	—	—	—	—	100	159	253	183	200
14,42	—	77,44	—	—	2,70	—	—	—	100	201	205	202	307
0,46	—	—	—	—	—	—	—	—	100	190	296	223	203
—	—	12,11	65,40	—	69,81	—	—	—	100	199	205	201	361
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	203	156	195	172
—	—	—	—	—	—	—	81,98	—	100	150	338	176	219
—	—	—	—	—	54,60	—	—	—	100	168	214	180	189
—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	262	321	297	236
13,5	1,1	2,7	1,1	2,9	1,0	9,7	0,4	2,4	100	174	216	188	198

Структура и размер затрат хозяйства

Себестоимость и элементы затрат	Степная					
	Озимая пшеница				Яровая	
	До 750 р.	От 750 до 1.500 р.	Свыше 1.500 р.	В среднем по району	До 750 р.	От 750 до 1.500 р.
Себестоимость 1 центнера	6,9	5,4	4,8	5,5	8,4	6,7
Отношение себестоимости групп к средн.себестоимости по району в %%	+25,5	- 1,8	-12,7	100	+23,5	- 1,5
Удельный вес материальных затрат в себестоимости	39,0	36,3	40,2	38,5	37,9	37,5
Затраты часов труда на единицу продукции (центнер)	28	23	19	23	35	28
На 10 часов труда приходится:						
материальных расходов в руб. . .	0,95	0,87	1,00	0,93	0,89	0,91
часов тяги	5,1	5,7	5,8	5,6	4,4	4,8
Чистый доход на 1 час труда в руб..	0,24	0,29	0,35	0,30	0,18	0,25

Себестоимость и элементы затрат	Северный					
	Яровая пшеница				Ячмень	
	До 1.000 р.	От 1.000 до 1.750 р.	Свыше 1.750 р.	В среднем по району	До 1.000 р.	От 1.000 до 1.750 р.
Себестоимость 1 центнера	4,0	3,8	4,1	4,0	3,9	3,5
Отношение себестоимости групп к средн.себестоимости по району в %%	0	- 5,0	+ 2,5	100	+25,8	+12,9
Удельный вес материальных затрат в себестоимости	34,5	36,8	41,1	38,1	30,1	32,6
Затраты часов труда на единицу продукции (центнер)	18,6	17,2	16,9	17,4	18,7	16,5
На 10 часов труда приходится:						
материальных расходов в руб. . .	0,75	0,82	0,99	0,88	0,61	0,69
часов тяги	4,2	5,0	5,1	4,8	5,2	6,3
Чистый доход на 1 час труда в руб.	0,30	0,31	0,31	0,31	0,15	0,16

Приложение 3.

по обеспеченности сел.-хоз. капиталом

Украинка						Северный Кавказ			
пшеница		Ячмень				Озимая пшеница			
Свыше 1.500 р.	В среднем по району	До 750 р.	От 750 до 1.500 р.	Свыше 1.500 р.	В среднем по району	До 1.000 р.	От 1.000 до 1.750 р.	Свыше 1.750 р.	В среднем по району
5,9	6,8	5,8	4,1	3,8	4,4	4,6	4,4	3,7	4,2
-13,2	100	+31,8	- 6,8	-13,6	100	+ 9,5	+ 4,8	-19,0	100
39,5	38,5	31,1	32,0	34,6	32,5	37,1	32,2	38,2	37,7
24	28	27	19	17	20	20,1	19,3	16,0	18,3
0,97	0,93	0,67	0,70	0,78	0,72	0,84	0,88	0,88	0,86
5,1	4,7	4,7	4,6	5,7	5,0	5,6	6,0	6,3	5,9
0,28	0,24	0,10	0,17	0,16	0,15	0,27	0,27	0,32	0,29

Кавказ		Центрально-черноземная область							
Ячмень		Рожь				Овес			
Свыше 1.750 р.	В среднем по району	До 500 р.	От 500 до 1.000 р.	Свыше 1.000 р.	В среднем по району	До 500 р.	От 500 до 1.000 р.	Свыше 1.000 р.	В среднем по району
2,7	3,1	6,6	6,0	5,3	5,9	3,1	3,5	3,0	3,1
-12,9	100	+11,9	+ 1,7	-10,2	100	0	+12,9	- 3,2	100
36,7	33,8	38,2	40,1	42,9	40,5	36,5	38,9	43,2	39,6
12,0	14,6	38,3	33,5	28,1	33,0	18,9	21,1	15,7	17,5
0,83	0,73	0,66	0,72	0,81	0,73	0,60	0,67	0,82	0,70
6,2	6,0	3,3	3,7	4,1	3,7	3,2	3,5	4,0	3,6
0,22	0,18	0,12	0,13	0,16	0,14	0,16	0,20	0,26	0,21

Довоенные и современные производственные

	Р о ж ь					
	СССР	Потреб. полоса	Производ. полоса	ЦЧО	Урал	Башкирия
Довоенные затраты на 1 га (с соломой):						
а) с рентой	71,67	82,42	67,95	75,27	62,00	51,76
б) без ренты	54,11	66,42	49,61	48,36	55,45	41,16
Затраты на 1 га по тип. посевн. гр. в 1925/26 г. .	83,12	142,35	66,52	51,81	75,61	50,57
Индекс затрат на 1 га (с соломой):						
а) с рентой { в довоен. затратах . . .	116,0	172,7	97,9	68,8	122,0	97,7
б) без ренты { . . .	153,6	214,3	134,1	107,1	136,4	122,9
Довоенная себестоим. 1 цент. зерна (без соломы):						
а) с рентой	5,22	6,16	4,86	5,51	4,41	3,98
б) без ренты	3,94	5,07	3,54	3,49	3,99	3,16
Себестоимость 1 цент. в 1925/26 г.:						
а) по всем посевным гр.	6,96	10,27	5,70	5,8	6,1	3,5
б) по тип. посевным гр.	7,68	11,13	6,41	6,5	6,7	3,8
Индекс себестоимости 1 цент. зерна (без соломы):						
а) с рен- { в довоен. { 1) по всем посев. гр.	133,3	183,9	117,3	105,3	138,3	88,3
той { 2) по типич. пос. гр.	147,1	199,5	131,9	118,0	151,9	96,0
б) без { себест. { 1) по всем посев. гр.	176,6	223,5	161,0	166,2	152,8	107,5
ренты { 2) по типич. пос. гр.	194,9	242,4	181,1	186,2	167,9	120,2
Индекс цен в 1925/26 г.	166,8	175,4	165,4	196,6	153,8	181,6

	О в				
	СССР	Потреб. полоса	Производ. полоса	ЦЧО	Ватский
Довоенные затраты на 1 га (с соломой):					
а) с рентой	59,24	66,94	54,62	65,90	50,84
б) без ренты	47,93	52,68	44,48	43,86	44,53
Затраты на 1 га по тип. посевн. гр. в 1925/26 г.	73,60	103,00	63,70	49,28	71,42
Индекс затрат на 1 га (с соломой):					
а) с рентой { в довоен. затратах	124,2	153,9	116,6	0,75	140,5
б) без ренты {	153,6	195,5	143,2	112,3	160,4
Довоенная себестоим. 1 цент. зерна (без соломы):					
а) с рентой	4,08	4,56	3,79	4,21	3,84
б) без ренты	3,30	3,66	3,08	2,80	3,36
Себестоимость 1 цент. в 1925/26 г.:					
а) по всем посев. гр.	4,97	6,72	4,40	3,96	5,36
б) по типич. посев. гр.	6,18	7,09	5,37	4,65	7,26
Индекс себестоимости 1 цент. зерна (без соломы):					
а) с рентой { в довоен. { 1) по всем посев. гр.	121,8	147,4	116,1	94,1	140,1
б) без ренты { себест. { 2) по типич. пос. гр.	151,4	155,5	141,7	110,4	188,5
а) с рентой { в довоен. { 1) по всем посев. гр.	150,6	183,6	142,9	141,4	160,1
б) без ренты { себест. { 2) по типич. пос. гр.	187,2	193,7	174,4	166,1	215,7
Индекс цен в 1925/26 г.	184,1	174,2	185,0	170,6	239,1

Приложение 5

затраты в сельском хозяйстве

О з и м а я					П ш е н и ц а я р о в а я							
Ср.-волж-ский	Ниж.-волж-ский	Сев. Кавк. Дагестан	Ю. З. Сибирь с Том. округом	Украина	СССР	Производ. полоса	Урал	Ср.-волж-ский	Ниж.-волж-ский	Сев. Кавк.	Ю. З. Сибирь	Украина
66,75	53,17	49,17	48,63	76,63	55,95	55,95	59,84	53,55	49,14	54,70	34,35	66,65
47,85	38,26	34,91	44,93	55,59	42,75	42,75	53,57	39,90	35,23	37,74	40,37	45,12
54,91	47,58	52,53	74,29	72,50	52,19	52,19	60,95	47,85	51,99	46,51	37,90	66,20
82,3	89,5	106,8	152,8	94,6	93,3	93,3	101,9	89,4	105,8	85,0	85,5	99,3
114,8	124,4	150,5	165,3	130,4	122,1	122,1	113,8	119,9	147,6	123,2	93,9	146,7
5,01	4,42	4,44	3,50	4,86	5,04	5,04	5,06	5,02	5,47	5,18	3,62	5,76
3,59	3,19	3,14	3,23	3,51	3,81	3,81	4,53	3,59	3,91	3,61	3,28	3,88
5,4	5,61	3,63	6,66	5,72	5,50	5,50	5,79	5,29	6,31	3,99	3,66	6,57
5,8	7,1	8,51	8,32	6,12	6,56	6,56	6,37	6,35	10,87	5,74	4,39	7,13
107,8	126,9	81,8	190,3	117,7	109,1	109,1	114,2	105,4	115,4	77,0	128,7	114,1
115,8	160,6	191,7	237,7	125,9	130,1	130,1	125,6	126,5	198,7	110,8	121,3	123,8
150,4	175,9	115,6	206,2	163,0	144,4	144,4	127,8	147,4	161,4	110,5	142,1	169,3
161,6	222,5	271,0	257,5	174,4	172,2	172,2	140,6	176,9	278,0	159,0	133,8	183,8
177,6	170,9	120,2	104,8	147,3	160,0	160,0	158,3	197,0	178,9	145,3	135,3	185,2

Продолжение приложения 5

е с				Я Ф М Е Н Ь							
Урал	Башкирия	Ср.-волж-ский	Ю. З. Сибирь	СССР	Потреб. полоса	Производ. полоса	ЦЧО	Средне-волжский	Сев. Кавк. и Дагестан	Украина	
55,66	48,49	55,08	45,74	65,16	73,30	63,85	71,51	50,66	62,54	65,89	
50,52	40,17	40,13	42,45	46,60	59,94	44,55	45,86	39,77	43,74	44,82	
53,99	54,17	55,44	47,31	61,80	124,00	54,85	47,63	47,84	56,53	55,40	
0,97	111,7	100,7	103,4	94,8	169,2	85,9	66,6	94,4	90,4	84,1	
106,9	134,9	138,2	111,4	132,6	206,9	123,1	103,9	120,3	129,2	123,6	
3,76	3,68	3,97	2,98	4,27	5,23	4,11	4,88	3,89	3,90	4,20	
3,40	3,06	2,90	2,76	3,13	4,31	2,95	3,14	3,05	2,80	2,93	
3,95	4,40	4,88	3,86	4,47	8,89	3,80	2,5	6,3	3,0	4,0	
4,67	5,69	6,17	3,70	4,88	9,86	4,30	3,8	6,7	3,3	4,7	
105,1	119,5	122,9	129,5	105,7	170,0	92,5	51,2	161,9	76,9	95,2	
124,2	154,6	155,4	124,2	114,3	188,5	104,6	77,9	172,2	84,6	111,9	
116,2	143,8	168,2	139,8	142,8	206,3	128,8	79,6	206,6	107,1	136,5	
137,3	185,9	212,8	134,0	155,9	228,8	145,8	121,0	219,7	117,9	160,4	
178,8	217,1	209,0	127,3	112,4	144,7	121,8	156,9	166,3	118,6	122,4	

✓ Себестоимость и цены в среднем по 4 главным хлебам
(рожь озимая, пшеница яровая, овес и ячмень)

Приложение 4

94

Наименование районов	Довоенные данные					Современные (1925/26 г.) по всем хозяйствам					Индекс цен (довоенная=100)
	Средняя себестоимость по 4 хлебам в довоенных рублях			Разница между ценой и себестоимостью в дов. рубл.		Средняя себестоимость по 4 хлебам в черв. рубл.	Средняя цена по 4 хлебам в черв. рубл.	Разница между ценой и себестоимостью в черв. рубл.	Индекс себестоимости (довоенная=100)		
	Не счита- емая ренты	С рентой	Средняя цена по 4 хлебам	Не счита- емая ренты в себест.	С рентой в себест.				Не счита- емая ренты в дов. себест.	С рентой в довоен. себест.	
СССР	3,85	4,91	4,16	+ 0,31	- 0,75	5,97	6,95	+ 0,98	155,1	121,6	167,1
Северо-восточный	4,32	4,84	—	—	—	9,80	8,52	- 1,28	226,9	202,5	—
Ленинград. и Карелия	4,77	6,01	—	—	—	10,15	8,56	- 1,59	212,8	168,9	—
Западный	4,84	6,38	—	—	—	6,75	8,22	+ 1,47	139,5	105,8	—
Центр.-промышл.	4,51	5,54	—	—	—	9,35	8,07	- 1,28	207,3	168,8	—
Потребл. полоса	4,59	5,69	4,71	+ 0,12	- 0,98	9,06	8,20	- 0,86	197,4	159,2	174,1
Центр.-черноземн. область.	3,33	5,22	3,72	+ 0,39	- 1,50	5,33	7,09	+ 1,76	160,1	102,1	190,6
Вятский	3,92	4,48	3,36	- 0,56	- 1,12	6,69	6,79	+ 0,10	170,7	149,3	202,1
Урал	4,00	4,45	4,03	+ 0,03	- 0,42	5,21	6,58	+ 1,37	130,3	117,1	163,3
Башкирия	3,13	3,86	3,11	- 0,02	- 0,75	3,82	5,98	+ 2,17	122,0	99,0	192,3
Средн.-волжский	3,45	4,80	3,83	+ 0,38	- 0,97	5,29	7,21	+ 1,92	153,2	110,2	188,3
Нижн.-волжский	3,47	4,83	4,31	+ 0,84	- 0,52	5,85	7,52	+ 1,67	168,6	121,1	174,5
Сев. Кавказ	3,24	4,60	4,36	+ 1,12	- 0,24	3,90	6,55	+ 2,65	120,4	84,8	150,2
Сибирь Ю. З.	3,16	3,46	3,90	+ 0,74	+ 0,44	4,86	5,02	+ 0,16	153,8	140,5	128,7
Украина	3,36	4,91	4,28	+ 0,82	- 0,63	5,64	7,25	+ 1,61	163,0	114,9	169,4
Производств. полоса	3,50	4,71	4,06	+ 0,56	- 0,65	{ ^{a1} 5,20 ^{b2} 6,10	6,65	+ 1,45	148,6	110,4	163,8
Белоруссия	3,38	5,37	4,48	+ 0,10	- 0,89		6,91	+ 0,55	174,3	129,5	163,8
						7,30	6,91	- 0,39	166,7	135,9	154,2

¹ По всем хозяйствам.

² По типичным.

Аналитический метод построения перспективных планов

1. Экономическое обоснование аналитического метода планирования

Мы исходим из положения, что советское хозяйство в основном, и в первую очередь в области распределения народного дохода, хозяйство субъектное, и что в определении путей его материального развития нам, в первую очередь и главным образом, приходится считаться не с законами определяющими развитие того или иного „бес-субъектного“ хозяйства, но с теми законами природы, и в частности производства, которые независимы от каждого данного общественного строя.

Означает ли это, что эти натуральные соотношения в производстве также постоянны и жестки, как соотношения между величинами какого-либо физического закона? Отнюдь нет. Для примера укажем, что производительность труда может быть различной на двух одинаковых предприятиях, в зависимости от субъективных свойств работников и руководителей.

По тем же причинам может отличаться потребление металла или топлива на единицу продукта, и те законы, которые можно установить в развитии общественного производства в субъектном хозяйстве, не могут включать и устанавливать жесткие соотношения там, где в действительности они не наблюдаются, и мы не должны коэффициентам, входящим в экономические формулы, приписывать свойства неизменных коэффициентов.

Как ни зыбки соотношения между натуральными величинами производственных элементов, ничего трудного для восприятия они не представляют и мы не задумываясь употребляем коэффициенты, определяющие расход кокса на тонну чугуна и затрату рабочего времени, на производство тонны кокса.

Значительно труднее воспринимается сумма несоизмеримых по своей физической природе предметов. Между тем, если мы вступаем на путь определения законов, устанавливающих соотношения между натуральными величинами элементов, участвующих в производстве, то мы неминуемо должны прийти к сопоставлению целых комплексов между собой, комплексов представляющих сумму физически несоизмеримых величин.

Скажем, паровая машина и те станки, на которых она производится. Уже отсюда возникает потребность в общем измерителе для самых разнообразных физически несоизмеримых предметов. Эта потребность еще усиливается при сопоставлении целых частей общественного производства и производства разных стран, с точки зрения их потребительной ценности, или с точки зрения физического объема производства (это понятие мы уточним в дальнейшем).

Какие требования мы должны предъявлять к этому общему измерителю? Единственное требование это то, что он должен выражать одно и то же, всегда одной и той же величиной.

Вся трудность состоит в том, чтобы определить, что именно в окружающих нас потребительных ценностях мы стремимся измерить нашим общим измерителем.

На этот вопрос необходимо ответить с абсолютной четкостью, что к общественному производству, в данном случае, можно подойти лишь с трех точек зрения:

1) С точки зрения того труда, который фактически общественно затрачивается в любой исторический момент для создания этих благ.

2) С точки зрения того труда, который общественно необходим в определенный, произвольно выбранный нами, исторический момент для создания одинаковых с точки зрения полезности этих благ.

3) С точки зрения того труда, который общественно необходим в определенный, выбранный нами исторический момент, для создания одинаковых с точки зрения физической формы и размеров этих благ (физический объем).

Круг этих благ, по мере обобщения всей нашей жизни, будет постепенно расширяться. Однако для дальнейших выводов необходимо, чтобы в учет были включены все блага, являющиеся результатом общественно необходимого производства.

С точки зрения высказанных выше соображений правильное всего было бы учитывать все элементы производства трудовыми затратами.

Однако такого учета не ведется, и из практических соображений мы должны удовлетвориться ценовыми выражениями всех благ, в той или иной степени отражающими трудовые затраты. Поэтому в дальнейшем мы будем оперировать в нашем изложении ценовыми выражениями, отнюдь не имея в виду исторической категории — ценности.

Словом „ценность“ мы будем пользоваться для удобства, имея в виду все то, что должно быть учтено и оценено.

Нетрудно понять, что схемы Маркса, выражающие условия равновесия и баланса, постоянно нарушаемого в капиталистическом хозяйстве, при выражении их элементов в трудовых затратах, могут служить для баланса трудовых затрат в любом общественном воспроизводстве, в котором труд является определяющим его фактором.

Для того чтобы схемы балансировались в количественном выражении, необходимо: либо чтобы производительность труда оставалась постоянной, либо чтобы все элементы производства переоценивались по производительности труда каждого данного текущего момента. Форма тех логических связей (в математической форме), которую мы в дальнейшем выведем из ценностных схем Маркса может быть распространена и на такие же по форме схемы, которые мы имели бы право установить при выражении всех элементов производства в трудовых затратах.

Поэтому все дальнейшее изложение будет нами проведено на основе ценностных схем Маркса, имея все время в виду, что они служат лишь некоторым субституту трудовых выражений.

Баланс получится лишь при условии соответствующей калькуляции всех цен.

Однако в схемах Маркса даются не только условия равновесия, но и движение всех ценностей, независимо от того, получается ли баланс в ценностных единицах, или нет. „Небаланс“, с точки зрения непрерывности производства в условиях капиталистического хозяйства, означает кризис. „Небаланс“ в условиях планового хозяйства возможен по тем или иным разумным соображениям и кризиса не означает.

Наш дальнейший анализ мы будем сперва вести в предположении осуществляемого баланса. Конечные же наши формулы верны при их применении и в условиях нарушения баланса.

Почти каждая ценность получается в результате последовательной переработки и сочетания целого ряда ценностей.

Каждая ценность состоит из ряда перенесенных на нее ценностей ранее произведенных предметов и из вновь созданной ценности. В состав каждой ценности входит перенесенная на нее часть постоянного капитала и переменный капитал. Непосредственно каждым данным трудовым процессом создается лишь вновь созданная ценность, в результате деформации (видоизменения) попадающих в руки рабочего средств и орудия производства. Констатация этого факта ведет к неизбежному выводу, что вновь созданная ценность есть абстрактная разница между ценностью конечного для данной стадии трудового процесса продукта и ценностями всех использованных в данной производственной стадии средств производства в пределах перенесенных на конечный продукт ценностей.

Измерители же не могут изменить последовательности взаимозависимостей, схемы самого физического процесса.

Производительность труда может определяться по вышеизложенному как отношение вновь созданной ценности, в ее натуральном выражении, или в постоянных ценах, к затраченному труду.

Необходимо обратить внимание на одну из трудностей, которые возникают при исчислении ценностей, во вновь созданной их части. С усовершенствованием производительной техники возникают совершенно новые производственные процессы, которые могут

иметь совершенно новые производственные стадии. Возникает вопрос, какие цены применить при постоянной оценке (полезности или физического объема) таких предметов, которых не было в то время, ценовые соотношения которого нами используются для подсчетов. Нам кажется, что иного способа, кроме индексного, основанного на учете ценовых сдвигов аналогичных предметов, нет, и что для практических целей он совершенно достаточен.

Еще на одну особенность этих расчетов необходимо сейчас же обратить внимание.

Выше мы указали на то, что вновь созданная ценность имеет совершенно определенную натуральную форму и содержание. Однако размер ее в точности определяется лишь ценовыми соотношениями того года, в который она произведена.

Напомним, что вновь созданная ценность по Марксу имеет двойное выражение. В каждом отдельном производстве она равна разности между ценностью валовой продукции и перенесенной на эту валовую продукцию ценностью используемых в производстве ранее произведенных ценностей. С другой стороны, в процессе обмена вновь созданные ценности постепенно выкристаллизовываются в виде потребляемых человеком продуктов и новых оборудования и средств производства, присоединяемых к ранее существовавшим, чтобы на этой новой расширенной базе расширить и само производство.

Сферу непосредственного личного потребления можно себе представить пока совершенно отделенной от сферы производства для упрощения задачи. Тогда мы не будем учитывать износа накапливаемых средств потребления непосредственного пользования. (Нам кажется очевидным, что выбрасываемые, вследствие того, что они стали физически негодными, потребительные ценности должны быть учтены по ценам воспроизводства, как таковые, и вычтены из ценности вновь устанавливаемого оборудования, независимо от того, что они стоили в момент их производства).

Сумма всех лично и непосредственно потребленных ценностей и всех вновь прибавленных к прежним производственным фондам, является народным доходом и вновь созданной за данный период времени ценности. Этим устанавливается критерий и для определения вновь созданных ценностей в отдельных производствах. Дело в том, что расчетный ценностный баланс всего производства может быть увязан лишь в применении тех конкретных ценностных соотношений, которые имели место для данного рассматриваемого периода.

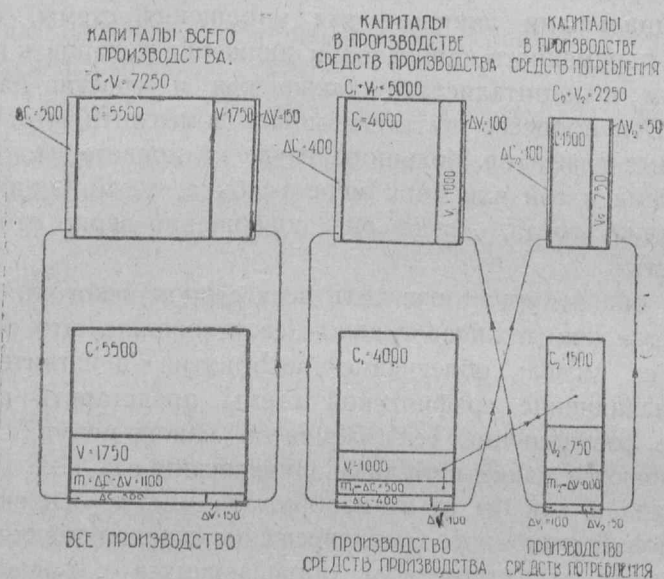
Таким образом для того, чтобы сумма всех вновь созданных в отдельных производствах ценностей была равна народному доходу, необходимо и то и другое определять по ценностным соотношениям данного рассматриваемого нами года.

Лишь определив таким образом вновь созданные ценности по ценовым соотношениям этого года, можно их пересчитать на те по-

стоянные цены, которые нами приняты для измерения полезности или физического объема ценностей.

Определив, таким образом, все материальные элементы общественного производства, для определения „натуральных законов“ его развития, мы должны составить себе ясное представление о самом механизме общественного производства, составить себе его схему. Это тот путь, по которому шел и Маркс при анализе законов капиталистического производства и все исследователи каких-либо физических процессов.

Наиболее понятными нам кажутся графические схемы и мы их используем в нашем анализе.

Чертеж 1

В основу развиваемой нами теории, мы, разумеется, кладем схемы расширенного воспроизводства Маркса, придав им графическое выражение, одновременно используя и аналитическое. В основу мы кладем ставший классическим следующий пример расширенного воспроизводства Маркса:

$$4000 c_1 + 1000 v_1 + 1000 m_1 = 6000 w_1$$

$$1500 c_2 + 750 v_2 + 750 m_2 = 3000 w_2$$

$$5500 c + 1750 v + 1750 m = 9000 w$$

Данный пример Маркса предполагает, что вся ценность капитала переносится на ценность продукта производства.

Это упрощает схемы и расчеты, ничего в принципе не изменяя в схеме производственного процесса.

На нашей схеме наверху мы располагаем используемые в производстве капиталы, внизу — ценности, получаемые в результате

производства. Структура как капиталов, так и продукции на схеме соответствует Марксовым схемам.

Отметим, что мы разделили всю прибавочную ценность на три части: 1) часть потребляемую $m - \Delta c - \Delta v = 1100$, 2) часть идущую на увеличение постоянного капитала — Δc , 3) часть идущую на увеличение переменного капитала — Δv .

На схемах показано движение вновь созданных капиталов и показано, как увеличивается таким образом капитал к следующему воспроизводственному обороту. Слева показано все воспроизводство в целом, справа — с делением по Марксу на производство средств производства и средств потребления. На правой схеме показан обмен средств производства на средства потребления между разделами (1) и (2); не показаны специальными линиями, для упрощения схемы, обороты постоянного и переменного капиталов и движение товаров к потребителям (рабочим и капиталистам), также как и участие рабочих в производстве. Эти процессы читатель может домыслить, что, на основе предложенных графиков, большого труда не представит.

Всякая схема в той или иной мере условна, в той или иной мере символична, даже тогда, когда она совершенно верно отображает действительность.

При этом она не может охватить всех сторон какого-либо сложного явления, так как это настолько бы ее усложнило, что потерялся бы основной ее смысл: облегчение восприятия действительности. Основное же назначение графической схемы представить в графической форме соотношение тех элементов какого-нибудь явления, которые связываются каким-нибудь аналитическим законом.

Схемы Маркса, как бы их не изображать, имеют основную цель выявления условий рыночного равновесия (и его нарушения), и они поэтому выявляют структуру всех обращающихся в общественном хозяйстве ценностей, как тех которые созданы вновь в течение текущего производственного оборота, так и тех, которые к нему перешли в наследство от предыдущих¹. Специфическое противоречие капиталистического строя, постоянно вновь воспроизводимое несоответствие роста потребления росту производительных сил, что связано с природой постоянных и переменных капиталов, побудило Маркса разбить все производство на средства производства и средства потребления. Эти основные линии рыночных отношений и получили свое выражение в аналитических схемах Маркса.

Однако схема всего общественного производства отнюдь не перекрывается выше приведенной схемой, хотя в графике мы дополнили аналитическую схему Маркса выделением в отдельную фигуру капиталов и указали их структуру (постоянный и переменный капиталы), а так же структуру их приростов.

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, кн. 2-я. Простое воспроизводство. Ретроспективный взгляд на А. Смита, Шторха и Рамсес, стр. 409 (Госиздат, 1923 г.).

В схемах Маркса можно выделить вновь созданную ценность, но ее деление на часть накапливаемую и часть непосредственно и лично потребляемую, требует дальнейшего развития схем, будь то в аналитической, будь то в графической форме.

В развернутом виде схемы Маркса могут быть представлены в соответствии с нашей графической схемой следующим образом¹ (без чисел для упрощения):

$$\begin{aligned} C_1 + V_1 + \Delta C_1 + \Delta V_1 + m_{n1} &= W_1 \\ C_2 + V_2 + \Delta C_2 + \Delta V_2 + m_{n2} &= W_2 \\ \text{причем} \quad V_1 + \Delta V_1 + m_{n1} &= C_2 + \Delta C_2 \end{aligned}$$

Тогда вся вновь созданная ценность, равная народному доходу, выражается формулой:

$$\Delta = \Delta C_1 + \Delta C_2 + \Delta V_1 + \Delta V_2 + V_1 + V_2 + m_{n1} + m_{n2};$$

часть народного дохода, идущая на увеличение производственных фондов (капиталов)

$$\Delta_v = \Delta C_1 + \Delta C_2 + \Delta V_1 + \Delta V_2 = \Delta C + \Delta V;$$

часть же народного дохода, идущая в непосредственное личное потребление в текущем производственном обороте, выражается через:

$$\Delta_n = V_1 + V_2 + m_{n2} + m_{n1} = V + m_n.$$

Мы считаем необходимым уточнить содержание приведенных элементов общественного производства в условиях социалистических отношений.

Это особенно необходимо по отношению к переменному капиталу (V_1 и V_2 , ΔV_1 и ΔV_2).

Маркс дает во втором томе капитала (Госиздат, 1923 г., стр. 415) следующее указание: „Переменный капитал функционирует как капитал в руках капиталиста и функционирует как доход в руках наемного рабочего“.

„Переменный капитал существует сначала в руках капиталиста как денежный капитал, когда капиталист покупает на него рабочую силу. Пока он остается в его руках в денежной форме, он представляет не что иное, как данную стоимость, существующую в денежной форме, следовательно представляет постоянную, но отнюдь не переменную величину, это — лишь потенциально переменный капитал, именно вследствие того, что он может быть превращен в рабочую силу. Действительным переменным капиталом он становится лишь по совлечении своей денежной формы, после того, как он превращен в рабочую силу, а последняя начинает функционировать в капиталистическом процессе как составная часть производительного капитала“.

¹ Н. Бухарин, Империализм и накопление капитала. Госиздат, 1926 г., стр. 9. Мы приняли другое обозначение для большей наглядности. Знак Δ означает прирост.

Такое толкование полностью и целиком соответствует сложным капиталистическим производственным отношениям. В условиях социалистических отношений мы можем подойти к „капиталам“, потерявшим свое специфическое антисоциальное содержание, как к технически необходимым на данном уровне производительных сил производственным фондам, состоящим из средств производства и средств потребления независимо от того, в чьем временном владении и где они находятся в каждый данный момент. Мы не видим необходимости в условиях социалистических отношений лишать распределение производственной квалификации и считали бы возможным признать производственный процесс законченным лишь к моменту непосредственного использования или потребления всех потребительных ценностей.

Конечной целью производства становится потребление потребительных ценностей, непосредственное потребление человеком. Тогда мы могли бы рассматривать деньги лишь как орудие распределения. Тогда накопление денег, в материальном конечно виде, обуславливается такими общими условиями всего общественного производства, как и накопление всяких других ценностей.

В наших условиях рабочая сила не может рассматриваться как капитал, цепь капиталистических производственных отношений разорвана. Пролетариат стал субъектом производства, произвольно распределяющим свои силы между производством средств производства и производством средств потребления, между производством на удовлетворение потребностей сегодняшнего дня и работой на накопление новых производственных фондов для расширения производства и, в конечном счете, для увеличения размеров личного потребления, или сокращения рабочего времени, путем замены старого оборудования—новым, более усовершенствованным.

Схема общественного производства разумеется должна соответствовать выше изложенной концепции.

Естественно по этому разбить всю схему общественного производства на две части народного дохода:

$$\begin{aligned} D &= D_n + D_y \\ D_n &= V_1 + V_2 + m_{n1} + m_{n2} \\ D_y &= \Delta C_1 + \Delta C_2 + \Delta V_1 + \Delta V_2. \end{aligned}$$

Из выше приведенной схемы Маркса мы видим, что составные части D_y производятся в разных Марксовых разделах: $\Delta C_1 + \Delta C_2$ производятся (в натуре) в первом разделе, а $\Delta V_1 + \Delta V_2$ производятся во втором разделе. Уже из этих сопоставлений видно, что Марксова схема, анализирующая капиталистический процесс воспроизводства, по понятным причинам не отвечает требованиям социалистических соотношений.

С другой стороны, совершенно естественно возникает вопрос, каковы те фонды по размеру и структуре, которые необходимы для

производства отдельно D_n и D_y . Можно ли разбить фонды всего общественного производства таким образом на две части, чтобы каждая из них специфически обуславливала производство соответствующей части народного дохода. Как будет выглядеть оборот всех ценностей в новой схеме?

Прежде всего разрешим вопрос, можно ли и как разбить все общественное производство на части, соответствующие частям народного дохода D_n и D_y . Каковы те фонды, наличием которых специфически обуславливается производство каждой из частей народного дохода D_n и D_y . Представим себе, что каждая из этих частей, по тем или иным причинам, должна была бы производиться в местах „П“ и „У“ на далеком друг от друга расстоянии. Что надо было бы иметь на месте производств D_n и D_y . Прежде всего некоторый запас средств потребления, чтобы снабжать население продуктами при перерывах транспорта, и вообще для того, чтобы обеспечить непрерывность снабжения без затруднений и очередей. Необходимо авансировать население определенным количеством средств потребления.

Эти фонды в „П“ можно назвать V_n
и в „У“ „ „ „ V_y .

Конечно эти фонды потребляются и каждый раз вновь восстанавливаются. Потребляются они населением лично и непосредственно, и в пределах этого текущего потребления постоянно восстанавливаются.

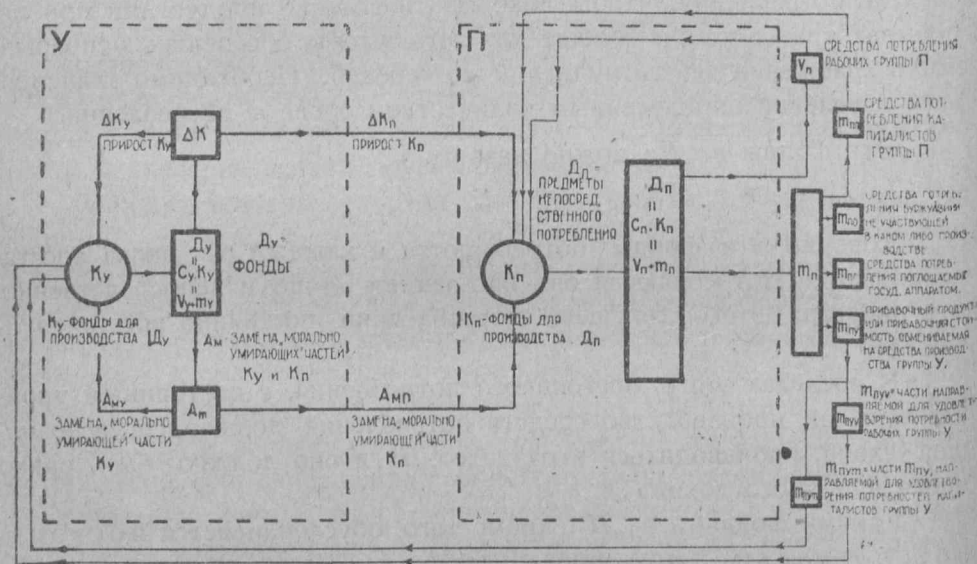
В пределах этого постоянного потребления, с постоянным уровнем запасов, производство средств потребления должно, согласно нашей схеме, производиться в разделе „П“ и оно должно быть равно части народного дохода D_n .

Какими фондами в „П“, кроме того, обуславливается постоянное и независимое производство D_n . Часть этих фондов— V_n нами выявлена только что. Другая часть состоит из средств производства как потребляемых, так и не потребляемых целиком при каждом производственном обороте. Для того чтобы производство D_n было обеспечено постоянно и на одном уровне, независимо от каких-либо производств в другом месте, хотя бы в „У“, необходимо, чтобы в „П“ производилось бы не только то, что входит в состав D_n , но и все то, что необходимо для постоянного восстановления тех фондов (средств и орудий производства), которых ценность переносится изо дня в день на результаты производства. Таким образом, в „П“ могло бы постоянно поддерживаться производство на одном уровне, удовлетворяя потребностям всего населения как в „П“, так и в „У“, если они остаются на одном и том же суммарном уровне.

В этих условиях мы имеем дело с простым воспроизводством, полностью и целиком удовлетворяемым производством в „П“. Таким образом при простом нерасширяющемся общественном

воспроизводстве, в котором часть населения в производстве не участвует, но кормится в порядке общественного обеспечения, в „у“, мы сосредоточиваем в „н“ все производство в целом и поддерживаем население в „у“, хотя бы оно ничего не производило. В любой момент однако, мы можем предложить населению в „у“ заняться созданием таких фондов в „у“, которые необходимы для того, чтобы увеличивать фонды как в „н“, так и в „у“, чтобы постепенно расширять производительную базу и перейти к расширенному воспроизводству в целом.

В „у“ должно будет производиться все то, на что мы хотели бы увеличить фонды как в „н“, так и в „у“, причем в „у“ должно было бы производиться все то, что необходимо и для восстановления потребляемых средств производства, но не средств потребления.

Чертеж 2

Средства же потребления в „у“ должны были бы производиться лишь в пределах, необходимых для увеличения фондов средств потребления как в „у“, так и в „н“.

Изложенная схема получила графическое выражение на чертеже 2.

Мы показали с достаточной очевидностью возможность организации расширенного воспроизводства согласно нашей схеме.

Характерным для схемы является то, что D_n и D_y являются вновь создаваемыми ценностями соответствующих разделов „н“ и „у“, так как в D_n ничего не входит кроме тех средств потребления, которые потребляются непосредственно и лично, а в D_y состоит лишь из вновь созданных фондов. Но—могут нам сказать—организовать можно что угодно, докажете, что и реально существующее общественное расширенное воспроизводство может быть разбито на разделы „у“ и „н“.

При простом воспроизводстве нет нужды в доказательствах, так как оно полностью, как мы указали выше, укладывается в раздел „н“.

В пределах этого раздела укладываются и схемы Маркса и:

$$C_1 + V_1 + M_1 = W_1$$

$$C_2 + V_2 + M_2 = W_2$$

$$V_1 + M_1 = C_2$$

$$V_1 + M_1 + V_2 + M_2 =$$

$$C_2 + V_2 + M_2 = D_n$$

$$C_n = C_1 + C_2 \quad V_n = V_1 + V_2$$

$$M_n = M_1 + M_2.$$

Рассмотрим случай расширенного воспроизводства.

Прежде всего укажем, что для предлагаемого нами разделения нет нужды, чтобы и производства были физически разделены, чего впрочем не требуется и при марксовом делении на производство средств производства и производство средств потребления. Необходимо лишь, чтобы разделение было осуществимо в счетном порядке, и чтобы этому разделению соответствовали определенные физические соотношения. Предположим, что мы имеем дело с расширенным воспроизводством:

$$C_1 + V_1 + \Delta C_1 + \Delta V_1 + M_{n1} = W_1$$

$$C_2 + V_2 + \Delta C_2 + \Delta V_2 + M_{n2} = W_2$$

$$D_n = V_1 + V_2 + M_{n1} + M_{n2} =$$

$$= C_2 + V_2 + M_{n2} + \Delta C_2 - \Delta V_1 = W_2 - \Delta V_1 - \Delta V_2$$

$$D_y = \Delta C_1 + \Delta C_2 + \Delta V_1 + \Delta V_2$$

Таким образом в пределах вновь созданных ценностей, распределение на группы „н“ и „у“ потребительных ценностей затруднений не представляет. Причем обратим внимание на то, что все элементы Марксовой схемы нашли себе непосредственное место в соответствующих разделах нашей схемы, и что лишь C_1 и C_2 не могут быть включены ни материально, ни счетно во вновь созданные ценности, а потому и не могли быть непосредственно включены ни в состав D_n , ни в одну из его частей D_n и D_y . И это понятно, ибо в натуре C_1 и C_2 состоят из средств производства, не входящих в состав вновь созданной ценности, получили свою ценность в предыдущих производственных процессах и находятся в постоянном обороте.

Однако предлагаемая нами схема не предполагает какого-либо обмена этой частью валовой продукции между разделами „н“ и „у“. Следовательно надлежит разбить C_1 и C_2 на две части, могущие независимо друг от друга обмениваться в каждом из разделов „н“ и „у“, и наличием которых обуславливается раздельные и независимые производства в „н“ и „у“¹.

1) Докажем, что к любой части народного дохода, состоящей из определенных и конкретных предметов, а посему представляющими полные ценности, в состав которых входят и перенесенные и вновь созданные ценности ($C_1 + V_1 + m_1 = W_1$), (мы пользуемся теми же обозначениями C_1 , V_1 , m_1 , C_2 , V_2 , и m_2 и т. д., чтобы не усложнить символики. Эти обозначения имеют другое содержание и объем, чем это показано в схемах), можно подобрать, путем счетного выделения из всего комплекса общественного про-

изводства, такие производства и части производств $\left(\begin{matrix} x=n \\ \Sigma \\ x=2 \end{matrix} W_x \right)$, чтобы выделенная нами произвольно часть народного дохода (W_1) была равна вновь созданной стоимости всего таким образом выделенного комплекса производств.

$$\left(W_1 + \begin{matrix} x=n \\ \Sigma \\ x=2 \end{matrix} W_x = \begin{matrix} x=n \\ \Sigma \\ x=1 \end{matrix} W_x \right).$$

Тогда станет ясно, каким образом можно выделить из всего общественного производства те капиталы, для которых D_y и D_n будут равны вновь созданным ценностям, и как таковые в процессе реализации конкретно выделяться в состав народного дохода в виде определенных товаров.

Теорема. К любому комплексу производств, суммарная стоимость которых $W_1 = C_1 + V_1 + m_1$, не превосходит вновь созданной стоимости всего общественного производства, можно подобрать из состава всего общественного производства дополнительно такой комплекс производств:

$$\begin{aligned} W_2 &= C_2 + V_2 + m_2 & W_{p-2} &= C_{p-2} + V_{p-2} + m_{p-2} \\ W_3 &= C_3 + V_3 + m_3 & W_{p-1} &= C_{p-1} + V_{p-1} + m_{p-1} \\ &\dots & W_p &= C_p + V_p + m_p \\ &\dots & & \dots \end{aligned}$$

$$W_{n-1} = C_{n-1} + V_{n-1} + m_{n-1}$$

$$W_n = C_n + V_n + m_n$$

$$\text{чтобы } \sum_{x=1}^{x=n} (V_x + m_x) = W_1.$$

Для того чтобы при простом воспроизводстве теорема была доказана, нужно, чтобы были осуществлены следующие условия:

$$W_2 = C_1; W_3 = C_2; W_4 = C_3.$$

$$W_{p-2} = C_{p-3} + \alpha \cdot C_n$$

$$W_{p-1} = C_{p-2} + \beta \cdot C_n$$

$$W_p = C_{p-1} + \gamma \cdot C_n$$

$$W_{n-1} = C_{n-2}; W_n = C_{n-1}$$

причем:

$$\alpha \cdot C_n + \beta \cdot C_n + \gamma \cdot C_n = C_n$$

Не трудно убедиться, что при сложении всех вышеприведенных уравнений от (1) до (n) включительно, при учете только что указанных условий $\sum_{x=1}^{x=n} (Y_x + m_x) = W_1$

Рассмотрим указанные условия для двух случаев:

1) (1) является производством средств потребления, и вся сумма производимых в этом разделе средств потребления равна $W_1 = C_1 + V_1 + m_1$. За счет $V_1 + m_1$ рабочие и капиталисты (1) снабжаются средствами существования.

C_1 должно быть обменено на средства труда, чтобы был восстановлен к следующему воспроизводственному периоду необходимый постоянный капитал. Необходимые для (1) средства труда производятся в комплексе (2), подобранном нами таким образом, чтобы $W_2 = C_2 + V_2 + m_2$ был равен C_1 и по составу в точности соответствовал необходимому для производства (1) средствам труда.

Нет нужды в том, чтобы такой комплекс реально в природе существовал, как комплекс. Совершенно достаточно, чтобы такой комплекс средств труда мог быть изъят из суммы общественного производства, и его размеры определены в счетном порядке.

По так как W_1 нами взят в пределах вновь созданной стоимости реально существующего общественного производства, то наличие необходимых средств труда $= C_1$ обеспечено: счетная перегруппировка не может изменить реального соотношения вещей.

Однако в (2) может быть потреблено средств потребления лишь на $V_2 + m_2$, и в группе (2) остается излишек средств потребления в размере $C_2 = C_1 - V_2 - m_2$, каковой будет использован для обмена на необходимые для восстановления C_2 средства труда. Эти средства труда составляют комплекс W_3 , которые обмениваются на $C_2 = C_1 - V_2 - m_2$. В (3) также потребляется средств потребления лишь на $V_3 + m_3$ и в группе (3) останется излишек средств потребления в размере $C_3 = C_2 - V_3 - m_3$.

Этот процесс обмена мог бы продолжаться и дальше, без конца.

Однако как не велика спецификация средств труда, все же она предельна и наступит такой случай (n), для которого все необходимые средства производства C_n изготовляются в каких-нибудь комплексах, скажем — (p-2), (p-1), (p).

Увеличивая эти комплексы на соответственные части C_n :

$\alpha \cdot C_n, \beta \cdot C_n, \gamma \cdot C_n$, так чтобы:

$$\left. \begin{aligned} W_{p-2} &= C_{p-3} + \alpha \cdot C_n \\ W_{p-1} &= C_{p-2} + \beta \cdot C_n \\ W_p &= C_{p-1} + \gamma \cdot C_n \end{aligned} \right\} \text{причем } C_n = \alpha \cdot C_n + \beta \cdot C_n + \gamma \cdot C_n$$

мы замкнем круг на предельном числе комплексов n.

Таким образом поставленные нами выше условия имеют логический смысл, осуществимы, и теорема может считаться для данного случая доказанной.

Представим себе, что W_1 — комплекс средств производства. Тогда непосредственный обмен C_1 на W_2, C_2 на W_3 и т. д. — неосуществим, так как для всех производств (1), (2), (3) . . . (p-2), (p-1), (p), . . . (n-1), (n) необходимы средства существования

$$\text{в размере } \sum_{x=1}^{x=n} (V_x + m_x).$$

Таким образом, возможность существования таких комплексов обусловлена тем, чтобы W_1 целиком и полностью (в условиях простого воспроизводства) обменивался на средства существования. Это значит, что должен существовать еще один производственный комплекс, изготовляющий только средства потребления

$$W_0 = C_0 + V_0 + m_0$$

$$\text{причем } C_0 = W_1.$$

Мы вернулись таким образом к первому случаю, возможность которого доказана. И тот и другой случай доказуемы потому, что мы не вышли за пределы реально существующего общественного воспроизводства. Перегруппировки не могут изменить реальных соотношений вещей и ценностей.

В случае расширенного воспроизводства W_1 должно быть равно

$$C_0 + \Delta C_0, \Delta C_0 = \sum_{x=1}^{x=n} \Delta V_x, W_2 = C_1 + \Delta C_1 \text{ и т. д.,}$$

ход доказательства не изменится, и мы его приводить не будем.

Таким образом можно считать, что теорема доказана для всех возможных случаев.

В примечании мы даем аналитическое доказательство возможности такого разделения. Здесь же докажем эту возможность следующими соображениями.

С гениальной прозорливостью Маркс раскрыл ошибочность представления А. Смита („Капитал“, т. II, стр. 410, 411 и т. д., Госиздат, 1923 г.), что „потребители должны оплатить производителям всю стоимость продукта“.

Однако „всякому ребенку понятно“, что вся вновь созданная в течение года ценность, весь народный доход, и потребляемая его

часть и накапливаемая его часть, образуются в процессе производств по закону цепной связи, и что ко всем частям народного дохода может быть применен тот пример, который приводится Марксом, и который так хорошо иллюстрирует, как из целой серии последовательно производимых полуфабрикатов, с присоединением стоимости снашиваемых при этом орудий производства, образуется конечный продукт, попадающий в конечном счете к потребителю.

При этом снашиваемые части основного капитала, и вообще все ценности постоянного капитала, которые переносятся на вновь созданные ценности (части народного дохода), тут же к следующему обороту восстанавливаются за счет произведенных вновь ценностей.

Таким образом и все те полуфабрикаты, ценности которых переносятся на части народного дохода, либо должны быть непосредственно вновь созданными ценностями, либо должны тут же ими замещаться, если они уже были в составе постоянного капитала.

Эти ценности составляют лишь часть всех тех ценностей, которые находятся в обороте общественного воспроизводства. Но в данном случае совершенно несущественно то, что вновь созданные ценности зачастую проходят через форму (состояние) постоянного капитала, как, например, в том случае, когда конкретные, вновь созданные средства производства $V_1 + m_1$, лишь пройдя через форму C_2 , целиком входят в состав народного дохода, являющегося по своему существу вновь созданной ценностью. Надо твердо усвоить, что народный доход совершенно конкретно и материально образуется из всех вновь созданных ценностей, где бы они ни производились, и что все вновь созданные ценности так или иначе входят (переносятся) в народный доход.

Таким образом C_1 в натуре входит в состав народного дохода лишь в части переносимой в ΔC , и немедленно замещается вновь созданными ценностями в первом разделе, а C_2 в натуре целиком входит в состав народного дохода и немедленно замещается вновь созданными в первом разделе ценностями.

С другой стороны, в общественном расширенном воспроизводстве не может существовать производств, не создающих ценностей вновь.

Таким образом, определив по ценной связи все те продукты и производственные процессы, которые так или иначе и образуют все элементы народного дохода, мы сможем с точностью определить все те производства, которые необходимы для производства всех этих вновь созданных ценностей, а следовательно и все необходимые для каждого из этих производств постоянные капиталы. При желании можно было бы таким образом восстановить и всю сумму ценностей в обороте.

Взяв пример Маркса, мы должны были бы определять те постоянные капиталы, которые необходимы не только для швейного про-

изводства, изготовляющего покупаемую потребителем полотняную рубашку, но и все те постоянные капиталы, которые необходимы для производства всех тех полуфабрикатов, материалов и машин, ценность которых переносится в конечном счете на ценность полотняной рубашки, и все эти постоянные капиталы должны были бы войти в состав K_n .

Теперь вспомним, что каждая из частей $V_1, V_2, m_{n1}, m_{n2}, \Delta C_1, \Delta C_2, \Delta V_1$ и ΔV_2 выделились в состав народного дохода D лишь в процессе производственного оборота (производственный оборот, при социальных отношениях, включает и распределение), но что в оборот каждая из этих частей поступала как ценность, включавшая все составные части ценности (постоянные, переменные фонды и прибавочные продукты); каждая из этих частей явилась результатом конкретного производства, с определенной структурой (C, V, m).

Выделиться во вновь созданную ценность, в народный доход, эти части могли только потому, что из комплекса ценностей $C_1 + C_2$ переносились на них соответствующие части, вновь заменившиеся в процессе всего общественного производства. Приведенные нами схемы Маркса охватывают все производства в целом, и постоянные фонды полностью представлены суммой $C_1 + C_2$. Поэтому, в соответствии с реальным производственным процессом, $C_1 + C_2$ должны и могут быть распределены таким образом, чтобы получилась следующая серия производств, охватывающих все общественное производство в целом:

$$\begin{array}{ll} C_{v1} + V_1 & C_{\Delta c1} + \Delta C_1 \\ C_{v2} + V_2 & C_{\Delta c2} + \Delta C_2 \\ C_{m1} + m_{n1} & C_{\Delta v1} + \Delta V_1 \\ C_{m2} + m_{n2} & C_{\Delta v2} + \Delta V_2 \end{array}$$

при чем $C_{v1} + C_{v2} + C_{m1} + C_{m2} + C_{\Delta c1} + C_{\Delta c2} + C_{\Delta v1} + C_{\Delta v2} = C_1 + C_2$.

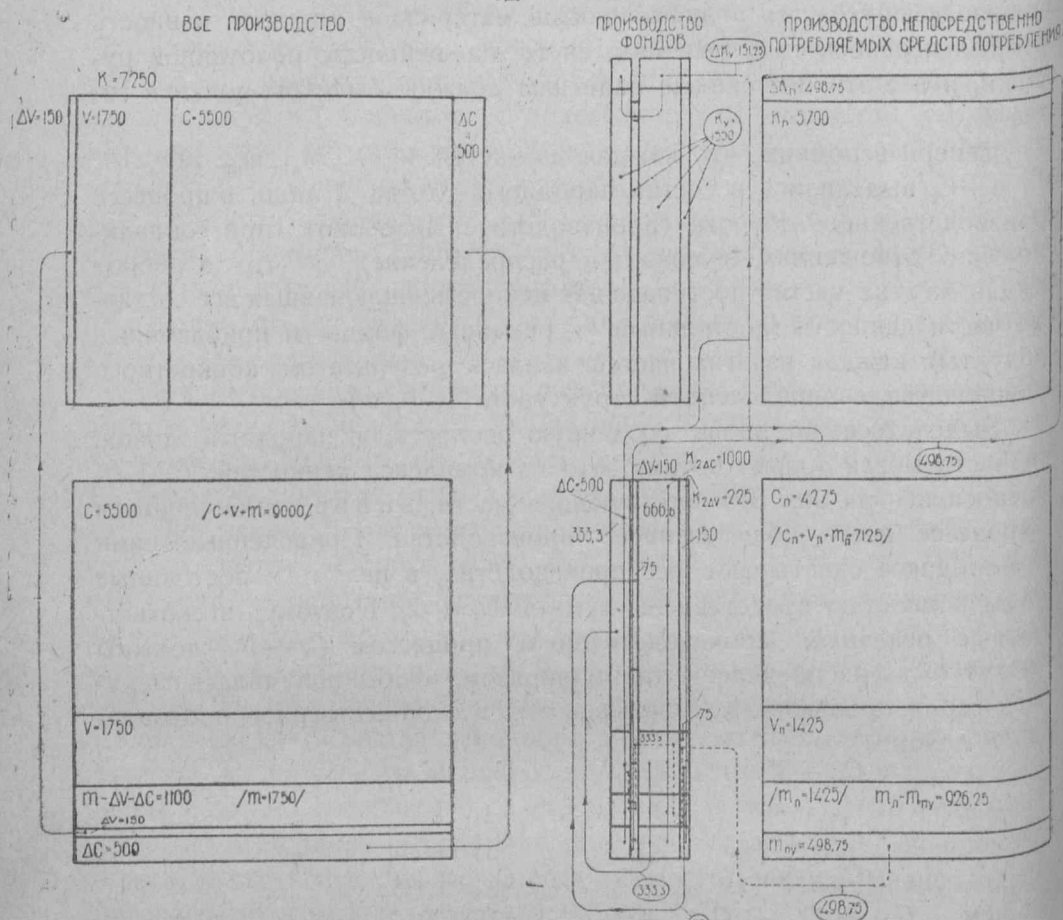
Элементы народного дохода $V_1, V_2, m_{n1}, m_{n2}, \Delta C_1, \Delta C_2, \Delta V_1, \Delta V_2$ составляют вновь созданные ценности каждого соответствующего производства, а

$$\begin{array}{l} C_{v1} + C_{v2} + C_{m1} + C_{m2} = C_n \\ C_{\Delta v1} + C_{\Delta v2} + C_{\Delta c1} + C_{\Delta c2} = C_y \\ \text{а } V_1 + V_2 + m_{n1} + m_{n2} = V_n + m_n \\ \text{и } \Delta C_1 + \Delta C_2 + \Delta V_1 + \Delta V_2 = V_y + m_y. \end{array}$$

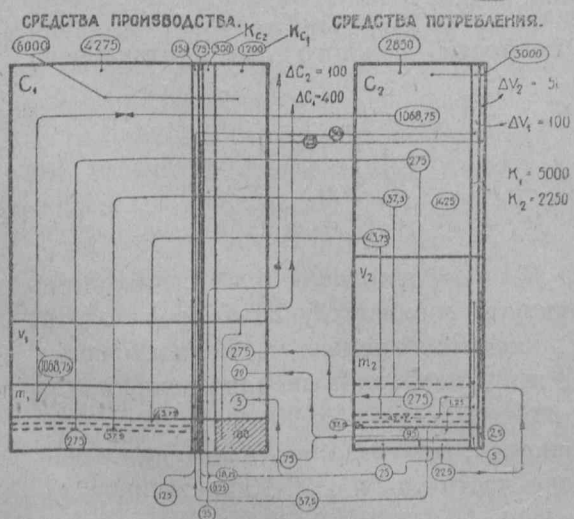
Для определения V_n и m_n, V_y и m_y в отдельности необходимо однако знать органическую структуру соответствующих производств. Прибавив к $C_y + V_y$ и $C_n + V_n$ непотребляемые части постоянных фондов, мы получаем фонды K_y и K_n , необходимые для производства новых ценностей D_y и D_n .

Применив изложенные принципы, мы разбили выше приведенный пример Маркса на новые две части „у“ и „н“. Единственное допущение, которое мы при этом сделали для упрощения (за отсутствием

ДЕЛЕНИЕ ВСЕГО ПРОИЗВОДСТВА НА ПРОИЗВОДСТВО "ФОНДОВ" И ПРОИЗВОДСТВО НЕПОСРЕДСТВЕННО ПОТРЕБЛЯЕМЫХ СРЕДСТВ ПОТРЕБЛЕНИЯ.

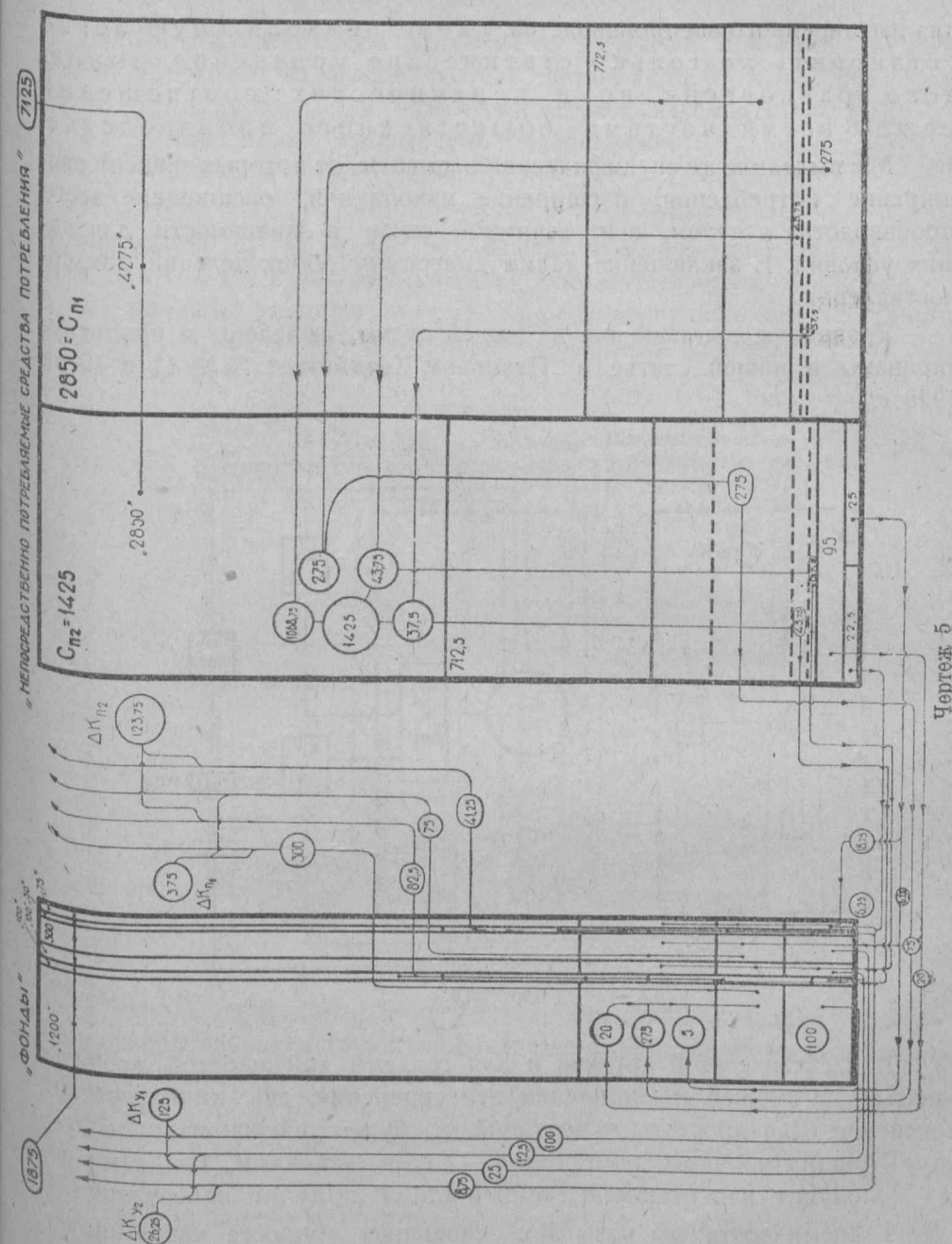

Чертеж 3

Чертеж 4

конкретных данных), состоит в том, что мы считали ценностную структуру отдельных комплексов средств потребления и средств производства равными тем соотношениям, которые даются Марксом соответственно для средств потребления и средств производства. Мы не приводим расчетов и лишь показываем на диаграммах 3, 4, 5 результаты этого деления, со всем товарным обо-

Чертеж 5

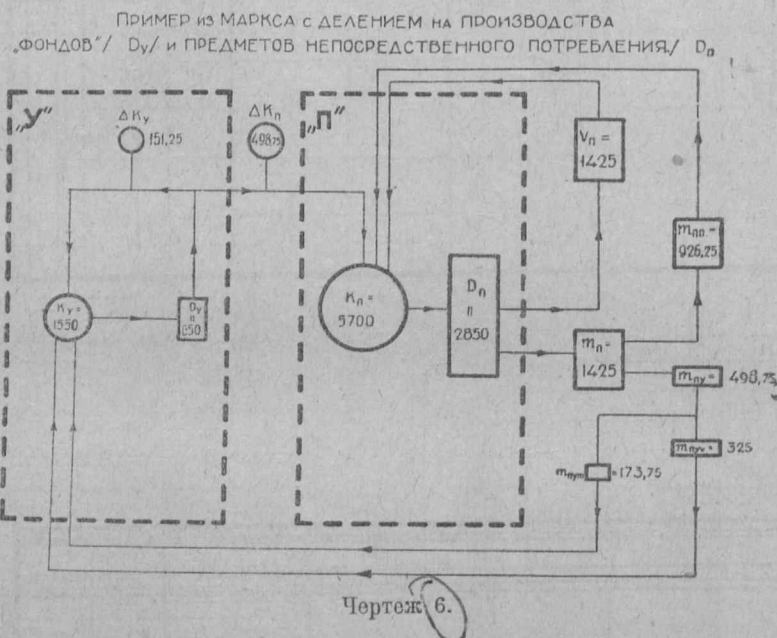
ротом. Результаты подсчетов даны нами также в форме новой схемы на чертеже 6.

Таким образом мы считаем приведенную схему расширенного воспроизводства в условиях социалистических отношений обоснованной. В пределах раздела „у“ и „н“ применимы схемы Маркса, но наша заслуга состоит в том, что мы дали специфическую схему

для расширенного воспроизводства, схему, позволяющую легко установить не только статические уравнения рыночного равновесия, но и динамических соотношений между всеми частями общественного производства.

Мы выделили те специфические элементы, от которых зависит расширение потребления, расширение накопления, расширение всего производства в целом, в их взаимной связи и зависимости для наших условий. В заключение дадим диаграмму обоих делений для сопоставления.

Уравнения, вытекающие из нашей схемы, выведены и продискутированы в нашей статье в „Плановом Хозяйстве“ № № 11 и 12 за 1928 г.

Для связи с этой статьей, и для тех, кто той работой воспользоваться не сможет, мы приведем эти уравнения, дав лишь краткие пояснения. Для простоты начертаний мы будем обозначать темп функции — одним значком, темп темпа — двумя значками. Так, темп роста D получит, начертание $\dot{D}$, темп роста $\dot{D}$ получит начертание $\ddot{D}$.

Темпами роста мы называем отношение прироста какой-нибудь величины за единицу времени к самой растущей величине. Выражаясь математическим языком, это — отношение первой производной к функции; иначе еще — это производная логарифма функции. Самым интересным свойством темпов можно считать то, что они во многом сходны с логарифмами.

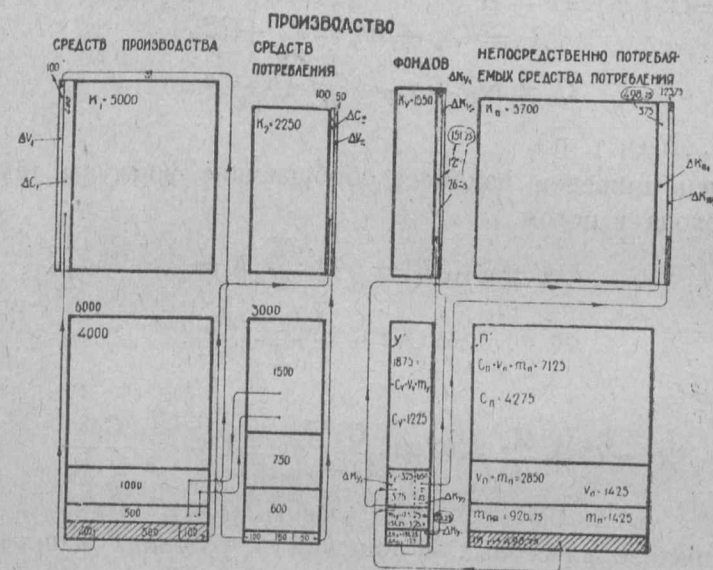
Так, например, темп произведения двух функций равен сумме темпов множителей. В полулогарифмической сетке функция, растущая или убывающая, с постоянными темпами изображается прямой линией

Объем народного дохода и каждой из его частей явно зависит от размеров соответствующих фондов (D_n от K_n и D_y от K_y) и производительности труда.

Эту зависимость мы выразим уравнениями:

$$\begin{aligned} D &= C \cdot K & D_n &= C_n \cdot K_n & D_y &= C_y \cdot K_y \\ D &= e \cdot H & D_n &= e_n \cdot H_n & D_y &= e_y \cdot H_y \end{aligned}$$

Коэффициенты C , C_n и C_y мы называем коэффициентами эффективности использования соответствующих фондов; e , e_n и e_y — производительность труда (производство на одного рабочего), H , H_n и H_y — соответствующее число рабочих.

Природа коэффициентов эффективности использования фондов и производительности труда определяется следующими выражениями:

$$\begin{aligned} C &= \frac{D}{K} = \text{суб. фактор} \times \text{число часов работы} \times \text{технический фактор} \\ e &= \frac{D}{H} = \text{суб. фактор} \times \text{число часов работы} \times \text{технич. факт.} \end{aligned}$$

Для упрощения математического анализа, мы считаем процессы производства, потребления и накопления непрерывными.

Тогда уравнение, описывающее распределение новых фондов, будет иметь следующий вид:

$$D_y = \frac{dK_y}{dt} + \frac{dK_n}{dt} + A_{my} + A_{mn}$$

где A_{mn} и A_{my} моральная амортизация фондов.

Из самого деления определяется доля D_n — a_n , отправляемая в раздел „у“ для удовлетворения непосредственных нужд той части рабочих, служащих и пр., которые в „у“ находят то или иное приме-

нение своих сил. При подсчете в постоянных ценах $n \cdot D_n$ определяет ту долю D_y , которая производится за счет вновь созданной ценности в „ n “, за счет его накопления. Тогда участие „ y “ в производственном накоплении выразится через формулу:

$$\alpha_y \cdot D_y = D_y - \alpha_n D_n$$

Этими формулами в основном исчерпывается то, что может дать наша схема непосредственно.

Интересны однако и следующие формулы, выводящиеся математически из приведенных основных формул и устанавливающие взаимозависимость темпов элементов „ y “ и „ n “.

$$\begin{aligned} D' &= C' + K' = e' + H' & D_y &= C'_y + K'_y = e'_y + H'_y \\ D_n &= C'_n + K'_n = e'_y + H'_y & ? & \\ C_y &= K'_y + a_{my} + \frac{K_n}{K_y} (K' + a_{mn}) \end{aligned}$$

где $A_m = a_m \cdot K$ (и т. п.).

Наконец приведем наиболее обобщающие формулы темпов народного дохода в целом

$$\begin{aligned} D' &= e' + K' = C' + \frac{dK}{dt} : K = C' + \frac{D_y - A_m}{K} \\ D' &= C' + \frac{C \cdot (D_y - A_m)}{D}, \end{aligned}$$

а при $A_m = 0$

$$D' = C' + \frac{D_y}{K} = C' + \frac{C \cdot D_y}{D_y + D_n} = C' + \frac{C}{1 + \frac{D_n}{D_y}}$$

При анализе классовых отношений в условиях капиталистического хозяйства, надо иметь в виду, что $D_n = D_{nv} + D_{nm}$, то есть, что все потребление равно потреблению пролетариата (D) + потребление буржуазии. Вся прибавочная ценность:

$$D_m = D_{nm} + D_y,$$

тогда норма прибавочной ценности выражается через: $\frac{D_m}{D_{nv}}$, а норма прибыли—через $\frac{D_m}{K}$.

Связь между этими двумя Марксовыми категориями выражается через формулу:

$$\begin{aligned} \frac{D_m}{K} &= \frac{C \cdot D_m}{D} = \frac{C \cdot D_m}{D_v - D_m} = \frac{C}{\frac{D_v}{D_m} - 1} = \frac{C \cdot \frac{D_m}{D_v}}{1 + \frac{D_m}{D_v}}, \\ \text{а } \frac{D_m}{D_v} &= \frac{\frac{D}{K}}{C - \frac{D_m}{K}}. \end{aligned}$$

В следующей таблице (табл. 1) мы показали в конкретных цифрах, как должна повышаться норма прибавочной ценности при снижении эффективности капиталов, в зависимости от размера годовой нормы прибыли. Приводим также подсчет органического строения капитала ($O. C. K.$).

Таблица 1

$C = 0,25$

$\frac{D_m}{K}$	0,01	0,02	0,05	0,10	0,25
$\frac{D_m}{D_v}$	0,042	0,087	0,25	0,657	∞
$O. C. K.$	7,34	7,69	9,0	12,0	∞

$C = 0,50$

$\frac{D_m}{K}$	0,01	0,02	0,05	0,10	0,25	0,5
$\frac{D_m}{D}$	0,0204	0,0417	0,111	0,25	1	∞
$O. C. K.$	3,09	3,17	3,45	4,0	7,0	∞

$C = 1,0$

$\frac{D_m}{K}$	0,01	0,02	0,05	0,1	0,50	0,75	1,0
$\frac{D_m}{D}$	0,0101	0,0204	0,0526	0,111	1,0	3,0	∞
$O. C. K.$	1,02	1,04	1,1	1,22	3	7	∞

Легко выводится зависимость нормы прибавочной стоимости $\frac{D_m}{D_v}$ от органического строения капитала при данной оборачиваемости переменного капитала (n) и эффективности использования капиталов (C).

Органическое строение выражается следующим образом:

$$\begin{aligned} O. C. K. &= \frac{K \cdot \frac{D_v}{n}}{\frac{D_v}{n}} = \frac{n \cdot K - D_v}{D_v} = \frac{n \cdot D - C D_v}{C \cdot D_v} = \\ &= \frac{n (D_m + D_v) - C \cdot D_v}{C \cdot D_v} = \frac{n}{C} \cdot \left(\frac{D_m}{D_v} + 1 \right) - 1. \end{aligned}$$

На основе этих формул мы исчислили органическое строение капиталов, условно приняв $n = 2$.

2. Приложение аналитического метода к иллюстративным вариантам перспективного плана

Имевшиеся в нашем распоряжении средства не дали возможности произвести исчисления с той точностью и исчерпывающей полнотой, которые необходимы для ответственного конкретного проектирования. Наши расчеты являются иллюстрацией к нашему теоретическому изложению, более или менее близко подходящие к реальному проектированию.

Прежде всего мы произвели подсчеты коэффициентов эффективности по основным разделам народного хозяйства как по данным за период с 1925/26 г. по настоящее время, так и по материалам пятилетки. (Таблица 2.)

Исчисленные коэффициенты показывают большую устойчивость и подтверждают нашу точку зрения о возможности их использования для аналитического метода планирования.

С другой стороны, напрашивается мысль о необходимости более тщательного анализа их динамики. В особенности интересна выявленная динамика коэффициентов эффективности в промышленности, дающая для истекшего времени рост, а для пятилетки — снижение.

Причем это снижение происходит главным образом за счет быстрого относительного роста основного капитала. Это подтверждается следующими рядами, показывающими отношение чистой продукции к основному капиталу для промышленности.

Годы	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
	0,566	0,646	0,704	0,725	0,740	0,723	0,691	0,666

Предположим, что мы задались бы себе целью повысить темп роста D к концу 5-летки до 17%, как это и имеет, примерно, место в принятом пятилетнем плане, с 7,5% в 1927/28 г.

Тогда, считая, что в наших условиях моральная амортизация практически равна нулю, мы получим следующие данные для $\frac{D_y}{D}$. Расчет мы произведем для двух вариантов: для $C=0,45$ и для 0,75 для того, чтобы выявить значение повышения эффективности использования фондов.

Воспользуемся формулой:

$$D' = \frac{C \cdot D_y}{D} \text{ при } C = 0.$$

Примем $D_0 = 1$ (народный доход в начале 5-летки): $C = 0,45$. (См. таб. 3.)

Предположим теперь, что C постепенно растет с 0,45 до 0,75.
 $C = 0,45 \ 0,51 \ 0,57 \ 0,63 \ 0,69 \ 0,75$. (См. таб. 4.)

Тогда для определения $\frac{D_y}{D}$ необходимо применить формулу:

$$D' = C' + \frac{C \cdot D_y}{D}$$

Таблица 3

Начало года	1	2	3	4	5	6
$D' \dots \dots \dots$	0,075	0,094	0,113	0,132	0,151	0,17
$D \dots \dots \dots$	1	1,085	1,198	1,350	1,540	1,788
$\frac{D_y}{D} \dots \dots \dots$	0,167	0,209	0,251	0,293	0,336	0,378
$\frac{D_y}{D} \dots \dots \dots$	0,167	0,237	0,305	0,396	0,518	0,676
Прирост $\frac{D_y}{D}$ за год . .	—	+ 42%	+ 28,8%	+ 30%	+ 31%	30,4%
$D_n \dots \dots \dots$	0,833	0,876	0,947	1,057	1,204	1,410
„ $\frac{D_n}{D}$ за год . .	—	+ 5%	+ 8,1%	+ 11,7%	+ 13,0%	+ 17%

Мы видим из таблиц 3 и 4 как различно можно осуществить задания в зависимости от того, как мы используем производственные фонды. Во втором случае потребление населения держится все время на более высоком уровне, хотя и растет несколько медленнее. Первые два года нет не только никакой нужды ускорять накопление, но даже, наоборот, часть фондов оказывается лишней для осуществления плана, и они могут быть проданы за границей.

Таблица 4

Г о д ы	1	2	3	4	5	6
$C' \dots \dots \dots$	0,133	0,118	0,105	0,095	0,087	0,08
$\frac{D_y}{D} \dots \dots \dots$	— 0,129	— 0,047	+ 0,014	0,059	0,093	0,12
$\frac{D_y}{D} \dots \dots \dots$	— 0,129	— 0,051	+ 0,0168	0,080	0,143	0,214
Прирост за год $\frac{D_y}{D} \dots$	—	—	—	+ 376%	+ 79%	+ 49,5%
$D_n \dots \dots \dots$	1,129	1,136	1,181	1,270	1,397	1,574
Прирост за год $\frac{D_n}{D} \dots$	—	+ 0,5%	+ 4,0%	+ 7,6%	+ 10%	+ 12,8%

С другой стороны, очевидно можно было бы осуществить во втором случае значительно большие темпы роста народного дохода, если принять те же отношения $\frac{D_y}{D}$, какие мы имели в первом случае.

Эти примеры иллюстрируют, с какой легкостью можно выбрать, пользуясь аналитическим методом, любой тип и темп развития народного хозяйства. Единственная, но вполне преодолимая, трудность состоит лишь в определении коэффициента эффективности, что необходимо было бы сделать по отдельным его составляющим: 1) интенсивности труда, 2) длительности использования оборудования, 3) технического отношения объема чистой продукции к объему необходимых фондов.

Предложенные вниманию читателя вышеприведенные наброски не учитывали необходимость проверки с точки зрения осуществимости того использования фондов, в двух основных группах „П“ и „У“, которые из полученных таким образом соотношений вытекают. Если бы пришлось иметь дело с более жестким и определенным развитием C_n и C_y , то пришлось бы считаться с уравнениями:

$$C = \frac{C_n \cdot K_n + C_y \cdot K_y}{K} \text{ и } K = K_y + K_n.$$

Если размер C_n или C_y окажется обязательным или будет так или иначе принят, то все остальные величины определятся из приведенных двух уравнений при принятых C и K , и этим определяется вся структура фондов и всего производства в целом.

Разумеется, от абстракции пришлось бы перейти к конкретике и все проектирование должно было бы протекать по методу встречных приближений или, иначе, аналитико-синтетическим методом.

Мы сделали попытку выявить в нами установленных категориях характер и динамику нашего пятилетнего плана и набросали два варианта: наименее удовлетворительный с точки зрения использования фондов, но продолжающего в общем и целом те линии развития, которые имели место до последнего года, и вариант высокого напряжения.

В результате наших подсчетов получилась таблица 6.

Дадим некоторые пояснения к этой таблице.

Вся сумма народного дохода (D) и все производственные фонды (K) получены нами непосредственно из госплановских данных и выражены в ценах 1925/26 г. Прирост фондов, равный производственно накапливаемой части народного дохода (D_y), получается из данных о росте фондов. Потребляемая часть народного дохода (D_n) получается как разность $D - D_y = D_n$.

Эффективность всех фондов определяется из равенства

$$C = \frac{D}{K}.$$

Темпы D' , D_y' , D_n' , и K' , а также отношения $\frac{D_y}{D}$ и $\frac{D_y}{D_n}$ подаются непосредственному исчислению из полученных ранее данных и определены нами на каждое 1 октября как средние интерполированные величины.

При ближайшем рассмотрении динамики $\frac{D_y}{D}$, D' , D_y' и D_n' за период пятилетки (в первом варианте) мы видим отсутствие равномерности в распределении народного дохода. Особенно поражает снижение темпа потребления к 1 октября 1929 г. и значительная колеблемость D_n для последующих лет.

Повышение темповой структуры народного дохода $\left(\frac{D_y}{D_n}\right)$ повышается по плану с 1928 г. на 1929 г. с 23,8% до 43,5% скачком; в дальнейшем динамика несколько замедляется, и мы имеем соответствующие цифры: 55,9%, 67,0%, 72,0%.

Второй вариант с количественной точки зрения в полной мере гарантирует построение социализма за указанный срок.

Для того чтобы глубже проникнуть в природу анализируемого плана, мы сочли необходимым сделать попытку разбить фонды на группы „П“ и „У“.

Это должно было нам открыть, насколько отличается эффективность использования капиталов в обеих группах и насколько изменение „темповой“ структуры народного дохода $\frac{D_y}{D_n}$ могло повлиять на динамику средней эффективности фондов (C) для всего нашего хозяйства в целом.

В таблице 5 нами дано приблизительное исчисление K_y на 1/X 1927 г.

Таблица составлена нами следующим образом: нам известен на 1/X 1927 г. D_y по сумме. Мы определили его состав в части, идущей в основные фонды, и в части—идущей в оборотные фонды. По имеющимся у нас данным об эффективности фондов в отдельных производствах, мы исчислили приблизительно необходимые для производства частей D_y фонды и получили в итоге сумму всех необходимых для производства D_y фондов.

Таким образом были определены K_y и C_y на 1/X 1927 г. Отсюда не трудно было исчислить K_n и C_n для того же момента, так как $K_n = K - K_y$, а $C_n = \frac{D_n}{K_n}$.

Приняв во внимание, что вес D_y в D менее значителен, чем вес D_n , мы предположили, что динамика C отражает главным образом динамику C_n , и приняли, что для остальных лет линия C_n будет параллельна линии C . Таким образом, мы получим путем расчета и C_y .

Она показывает некоторое снижение на протяжении пятилетки.

Определим и размеры K_y и K_n для всех пяти лет.

Дальнейший анализ мог бы раскрыть и самую структуру K_y и K_n , D_y и D_n , в зависимости от принятых в пятилетке темпов народного дохода и капиталонакопления. Это дало бы возможность проверить, если не определить, насколько принятая конкретная программа

строительства соответствует намеченному росту и распределению народного дохода.

Если бы не было еще программы строительства, ее можно было бы набросать, исходя из произвольно намеченной „темповой“ структуры народного дохода.

Необходимо было бы исчислить целую серию вариантов, изменяя лишь в пределах возможного коэффициенты использования производственных фондов и долю накопления в народном доходе. Каждый вариант требует не свыше одного-двух дней труда одного квалифицированного статистика. Главная трудность состоит в определении пределов для коэффициента использования фондов, но и эта трудность значительно легче определения повышения производительности труда на будущее время. Для наметки этих пределов необходимо было бы использовать опытные коэффициенты из практики наиболее развитых в техническом отношении стран.

Для того чтобы придать большую надежность всем расчетам, было бы необходимо поставить более углубленное изучение тенденций развития коэффициентов эффективности — C , C_y и C_n во всей их структурной сложности.

Подсчитав, таким образом, целую серию вариантов возможного развития производительных сил и производства, можно было бы остановить свой выбор на одной из них, в зависимости от определенных политических предпосылок.

Мы не коснулись в приведенном расчете ни вопроса заработной платы, ни вопроса производительности труда, ни вопроса о росте численности рабочих.

Мы этого не сделали по следующим причинам: 1) при намеченном нами росте потребления вопрос о фонде заработной платы сводится к вопросу о классовом распределении народного дохода, что не поддается математической обработке. Во всяком случае, намеченный рост потребления во много раз превосходит все то, что когда-либо имело место в какой-либо стране, и, во всяком случае, представляет полную возможность беспримерного удовлетворения растущих потребностей народных масс, 2) с теоретической точки зрения ничего нового эти вопросы не представляют в той плоскости, в которой мы произвели наши исследования. Они освещены нами в предыдущем изложении.

Мы полагаем, что мы с достаточной полнотой осветили и обосновали те возможности, которые дает намеченный нами аналитический метод проектирования народного хозяйства.

Мы считали бы совершенно недопустимым им пренебречь, экономя на его применении несколько тысяч рублей, когда он может

с исчерпывающей полнотой раскрыть весь процесс нашего материального развития в абстрактной форме и дать ясное, логическое обоснование всем нашим планам, рассчитанным на многие годы и выполнение которых обойдется в сотни миллиардов рублей.

При таком масштабе наших хозяйственных проектов, теоретические ошибки могли бы нам обойтись в сотни и сотни миллионов рублей.

Чистая продукция, основные и оборотные фонды и эффективность капиталов по отраслям народного хозяйства
[данные ЦК ПП по контрольным цифрам и пятилетнему

Отрасли народного хозяйства	1925/26 год					1926/27	
	Чистая продукция	Фонды			Эффект. в %	Чистая продукция	Фонд. в %
		Осно-вн.	Обор.	Всего			
	1	2	3	4	5	6	7
Промышленность ¹	5.583	9.861	3.634	13.495	41,4	6.781	10.510
Сельское хозяйство ²	11.392	15.624	10.139	25.763	44,2	11.409	16.624
Ж.-д. транспорт	621	9.577	326	9.903	6,3	713	9.673
Речной и морской транспорт ³	84	295	43	338	24,9	78	321
Нарсвязь	94	228	30	258	36,4	103	246
Торгово-складское дело ⁴	2.910	349	1.782	2.131	136,6	2.820	470
Строительное дело ⁵	1.173	—	—	720	162,9	1.289	—
Итого ⁶	21.857	—	—	48.968	41,5	23.193	—

Отрасли народного хозяйства	1929/30 год					1930/31	
	Чистая продукция	Фонды			Эффект. в %	Чистая продукция	Фонд. в %
		Осно-вн.	Обор.	Всего			
	21	22	23	24	25	26	27
Промышленность ¹	11.297	15.267	5.899	21.166	53,4	13.343	18.445
Сельское хозяйство ²	12.845	19.507	14.466	33.973	37,8	14.107	20.970
Ж.-д. транспорт	1.088	11.146	432	11.578	9,4	1.235	12.231
Речной и морской транспорт ³	84	516	100	616	13,6	95	641
Нарсвязь	125	369	57	426	29,3	131	490
Торгово-складское дело ⁴	3.680	1.172	3.113	4.285	85,9	4.375	1.636
Строительное дело ⁵	2.627	—	—	3.397	71,3	3.461	—
Итого ⁶	31.746	—	—	75.441	42,1	36.747	—

¹ Основной капитал в промышленности включает основные капиталы промышленных предприятий без промышленно-жилищного фонда и основные капиталы электростанций. Чистая продукция промышленности исчислена с акцизмом. В оборотные средства промышленности включены синдикатские оборотные фонды, а также оборотные фонды электростанций и промысловой кооперации.

² Основной капитал в сельском хозяйстве исчислен без жилищных построек. В оборотные фонды сельского хозяйства включены оборотные средства с.-х. кооперации.

³ В основные и оборотные фонды вошли только капиталы морских и речных пароходств.

Эффективность капиталов по отраслям народного хозяйства
плану (оптимальный вариант) в ценах 1925/26 г.]

Таблица 2

г о д			1927/28 г о д						1928/29 г о д				
н д ы		Эфф.т. в %/о	Чистая продук- ция	Ф о н д ы			Эфф.т. в %/о	Чистая продук- ция	Ф о н д ы			Эфф.т. в %/о	
Обор.	Всего			Осно- вн.	Обор.	Всего			Осно- вн.	Обор.	Всего		
8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	
4.464	14.974	45,3	8.152	11.575	4.930	16.505	49,4	9.490	13.088	5.085	18.173	52,2	
10.614	27.238	41,9	11.311	17.509	11.755	29.264	38,7	11.708	18.386	12.437	30.823	38,0	
389	10.062	7,1	908	9.949	431	10.380	8,7	999	10.418	409	10.827	9,2	
67	388	20,1	69	359	90	449	15,4	75	423	90	513	14,6	
40	286	36,0	117	272	51	323	36,2	123	313	50	363	33,9	
2.139	2.609	108,1	2.892	617	2.383	3.000	96,4	3.182	840	2.587	3.427	92,9	
—	1.074	120,0	1.512	—	—	1.582	95,6	1.906	—	—	2.332	81,7	
—	56.631	41,0	24.961	—	—	61.503	40,6	27.483	—	—	66.458	41,4	

г о д			1931/32 г о д						1932/33 г о д				
н д ы	Обор.	Всего	Эффект. в %/о/о	Чистая продукц.	Ф о н д ы			Эффект. в %/о/о	Чистая продукц.	Ф о н д ы			Эффект. в %/о/о
					Осно- вн.	Обор.	Всего			Осно- вн.	Обор.	Всего	
28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	
6.947	25.392	52,5	15.899	23.021	8.266	31.287	50,8	19.201	28.852	9.926	38.778	49,5	
16.876	37.846	37,3	15.498	22.704	19.928	42.632	36,4	17.504	24.682	23.608	48.290	36,2	
460	12.691	9,7	1.473	13.723	492	14.215	10,4	1.764	15.773	527	16.300	10,8	
112	753	12,6	108	791	127	918	11,8	123	957	144	17.101	11,2	
65	495	26,5	138	496	73	569	24,3	148	566	81	647	22,9	
3.907	5.542	78,9	5.143	2.248	4.974	7.222	71,2	6.099	3.055	6.323	9.378	65,0	
—	5.001	69,2	4.343	—	—	6.797	63,9	5.329	—	—	8.568	62,2	
—	87.720	41,9	42.602	—	—	103640	41,1	50.168	—	—	123062	40,8	

⁴ Оборотные фонды в торговле составились из оборотных средств государственной (без синдикатов) и частной торговли и потребительской кооперации.

⁵ Капиталы в строительстве получены исходя из чистой продукции, путем распределения на все строительство коэффициентов эффективности собственного капитала стройорганизаций ВСНХ (за 1927/28 и 1928/29 гг.). Распределение капиталов на основные и оборотные произведено тоже исходя из соотношений этих капиталов в стройорганизациях ВСНХ СССР (это распределение в таблице не показано и учтено лишь при распределении банковских средств по отраслям народного хозяйства).

⁶ Оборотные фонды банков (товары, валюта) распределены по отраслям народного хозяйства пропорционально оборотным фондам последних.

Иллюстративный минимальный вариант динамики народного дохода, производственных фондов и эффективности их использования за время с 1926 по 1950 гг. в ценах (1926 г.) в млн.

На I/X	Народный доход	Накопление производственных фондов	Потребление	Доля накопления в народном доходе	Темповая структура народного дохода	Все производственные фонды	Фонды, обуславливающие производство фондов	Фонды, обуславливающие размеры потребления
	$\mathcal{D}$	$\mathcal{D}_y$	$\mathcal{D}_n$	$\frac{\mathcal{D}_y}{\mathcal{D}} \cdot 100\%$	$\frac{\mathcal{D}_n}{\mathcal{D}} \cdot 100\%$	K	K_y	K_n
	1	2	3	4	5	6	7	8
1926	22.525	4.024	18.501	17,9	21,8	54.619	8.711	45.908
1927	24.077	4.872	19.205	20,2	25,4	59.067	10.980	48.087
1928	26.222	5.045	21.177	19,2	23,8	63.981	11.171	52.810
1929	29.615	8.983	20.632	30,3	43,5	70.950	20.381	50.569
1930	34.247	12.279	21.968	35,9	55,9	81.581	28.131	53.450
1931	39.675	15.920	23.755	40,1	67,0	95.680	37.170	58.510
1932	46.385	19.422	26.963	41,9	72,0	113.351	45.944	67.407
1935	73.485	29.928	43.557	40,7	68,7	187.376	73.353	114.023
1938	109.606	40.434	69.172	36,9	58,5	292.919	102.885	190.034
1941	153.085	50.940	102.145	33,3	49,9	429.980	134.762	295.218
1944	202.252	61.446	140.806	30,4	43,6	598.559	169.273	429.286
1947	255.440	71.952	183.488	28,2	39,2	798.656	206.759	591.897
1950	310.992	82.458	228.534	26,5	36,1	1.030.271	247.622	782.649

Вариант высокого напряжения

1926	22,5	4,0	18,5	17,9	21,8	54,6	8,7	45,9
1927	24,1	4,9	19,2	20,2	25,4	59,1	11,0	48,1
1928	26,2	5,0	21,2	19,2	23,8	64,0	11,2	52,8
1929	29,6	9,0	20,7	30,3	43,5	71,0	20,4	50,6
1930	41,9	15,4	26,5	36,8	58,2	81,9	29,2	52,7
1931	60,6	26,3	34,3	43,4	76,7	100,0	42,6	57,5
1932	91,3	45,6	45,6	50,0	100,0	130,4	64,3	66,0
1935	224,5	112,2	112,2	50,0	100,7	320,7	158,3	162,4
1938	552,2	276,1	276,1	50,0	100,0	788,9	389,3	399,6
1941	1358,4	679,2	679,2	50,0	100,0	1940,6	957,7	982,9
1944	3341,7	1670,9	1670,9	50,0	100,0	4774,0	2.355,9	2.418,0
1947	8220,7	4110,4	4110,4	50,0	100,0	11.743,9	5.795,4	5.948,4
1950	20.222,9	10.111,5	10.111,5	50,0	100,0	28.889,9	14.256,9	4.633,1

Таблица 6

Фондов и эффективности их использования за время с 1926 по 1950 гг. в млн.

Темповая структура фондов	Максимальные темпы в условиях пропорционального развития всего хозяйства	Темпы фондов			Коэффициенты эффективности использования фондов			Темпы народного дохода и его частей "у" и "п"		
$\frac{K_y}{K_n} \cdot 100\%$	$K'_y = K'_n$	K'	K'_y	K'_n	C	C_y	C_n	$\mathcal{D}'$	$\mathcal{D}'_y$	$\mathcal{D}'_n$
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
19,0	7,40	—	—	—	41,2	46,2	40,3	—	—	—
22,8	8,2	8,1	26,0	4,7	40,8	44,4	39,9	6,9	21,1	3,8
21,2	7,9	8,3	1,7	9,8	41,0	45,2	40,1	8,9	3,6	10,3
40,3	12,7	10,9	82,4	— 4,2	41,7	44,1	40,8	12,9	78,1	— 2,6
52,6	15,0	15,0	38,0	5,7	42,0	43,6	41,1	15,6	36,7	6,5
63,5	16,6	17,3	32,1	9,5	41,5	42,8	40,6	15,8	29,7	8,1
68,2	17,2	18,5	23,6	15,2	40,9	42,3	40,0	16,9	22,0	13,5
64,3	16,0	18,2	16,9	19,2	39,2	40,8	38,2	16,6	15,5	17,8
54,1	13,8	16,1	11,9	18,6	37,4	39,3	36,4	14,3	10,5	16,7
45,6	11,8	13,6	19,4	15,8	35,6	37,8	34,6	11,8	8,0	13,9
39,4	10,3	11,7	7,9	13,3	33,8	36,3	32,8	9,7	6,4	11,3
34,9	9,0	10,1	6,9	11,3	32,0	34,8	31,0	8,1	5,4	9,2
31,6	8,0	8,9	6,2	9,8	30,2	33,3	29,2	6,8	4,6	7,6

Жения в миллиардах

19,0	7,40	—	—	—	41,2	46,2	40,3	—	—	—
22,8	8,2	8,1	26,0	4,7	40,8	44,4	39,9	6,9	21,1	3,8
21,2	7,9	8,3	1,7	9,8	41,0	45,2	40,1	8,9	3,0	10,3
40,3	12,7	10,9	82,4	— 4,2	41,7	44,1	40,8	12,9	78,1	— 2,6
55,4	18,8	15,4	43,3	4,2	51,1	52,7	50,2	41,3	71,4	28,2
74,1	26,3	22,2	45,8	9,1	60,5	61,7	59,6	44,7	70,7	29,6
97,4	35,0	30,2	51,1	14,8	70,0	70,9	69,1	50,7	73,6	33,1
97,4	35,0	35,0	35,0	35,0	70,0	70,9	69,1	35,0	35,0	35,0
97,4	35,0	35,0	35,0	35,0	70,0	70,9	69,1	35,0	35,0	35,0
97,4	35,0	35,0	35,0	35,0	70,0	70,0	69,1	35,0	35,0	35,0
97,4	35,0	35,0	35,0	35,0	70,0	70,0	69,1	35,0	35,0	35,0
97,4	35,0	35,0	35,0	35,0	70,0	70,0	69,1	35,0	35,0	35,0
97,4	35,0	35,0	35,0	35,0	70,0	70,0	69,1	35,0	35,0	35,0

В. П. Акуленко

Производительность общественного труда¹

„Производительность труда—это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя“.

„Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда“.

Ленин

Мы поставили себе исторического масштаба задачу—в кратчайший срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны.

Разрешить поставленную задачу—значит не только доказать право на жизнь новой экономической системы, но и утвердить доминирующую роль этой системы во всем мировом хозяйстве. Является ли посильной нам такого рода задача? Имеются ли у нас объективные предпосылки такого ускорения темпа хозяйственного развития? Для ответа на эти вопросы, разрешим вначале вопрос: что такое проблема темпа?

В статье «Направление, темп, равновесие»²) мы писали, что проблема темпа есть другая сторона проблемы производительности общественного труда.

Действительно, динамика производительности общественного труда—основной фактор, определяющий развитие того или другого социального агрегата, той или другой социальной системы. Те народы или же те системы, производительность которых росла замедленным темпом или оставалась вовсе стабильной, должны были уйти с исторической арены, уступив свое место народам и системам в большей мере повышающим производительность своего труда.

В свою очередь, неравномерное развитие производительности общественного труда в отдельных секторах современного мирового хозяйства является основной причиной различного уровня материального и культурного бытия одних и тех же социальных групп в различных странах, различного темпа роста этих стран и т. д. Соответственно с этим, показатели динамики производительности общественного труда являются наиболее синтетическими показателями всякого на-

роднохозяйственного плана. Так как центральной задачей таких планов должно явиться волевое воздействие на всю сумму факторов, определяющих производительность общественного труда в целях повышения последней, то вначале мы остановимся на определении этих факторов, а затем уже перейдем к конструированию самого понятия производительности общественного труда и показателей, отражающих динамику этого явления.

По Марксу «производительная сила труда определяется многосложными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и ее технических применений, общественной организацией производственного процесса, размерами и дееспособностью средств производства и, наконец, естественными условиями» (Капитал, I т., 5 стр.). Детализируя эти положения, получим следующую сумму факторов производительности обществ. труда;

а) субъективные качества рабочей силы: квалификация, интенсивность труда, общая и техническая культурность и пр., что в свою очередь является результатом объективных причин (постановка общего и технического образования и пр.);

б) уровень развития науки и ее технических применений, повышение которого позволяет извлекать из данной суммы накопленного труда («капитала»), из данной суммы материальных благ каждый раз растущую эффективность;

в) общественная организация производственного процесса: система общественного и географического разделения труда; система соединения труда—т. е. организация производства (концентрация и централизация, трестирование и комбинирование и пр.); организация обращения и распределения, определяющая скорость оборота капитала и издержек обращения; организация общественного производства в целом, определяющая, с одной стороны, пропорции производства и потребления, пропорции перераспределения общественного продукта и т. д., а с другой—величину издержек общественного воспроизводства;

г) размеры и дееспособность средств производства; величина постоянного капитала и его технический состав (степень машиновооруженности и энерговооруженности труда); пропорции основного и оборотного капитала; межотраслевые пропорции, в частности групп «А» и «Б» и т. д.;

д) наконец, естественные условия во всем их многообразии.

В каждой данный момент для каждого общества все эти элементы являются объективной данностью, хотя эта объективность есть в большой мере результат прошлых субъективных действий общества. Существующий комплекс производительных сил определяет: что производится, сколько, как и с какими издержками живого труда.

Но если в каждый данный момент величина общественного продукта есть объективная данность, непосредственно определяемая уже

¹ В порядке обсуждения. Ред.

² См. „Плановое Хозяйство“ № 2 и 4 за 1929 г.

имеющимся комплексом производительных сил, то перераспределение этого продукта, характер его общественного потребления, только посредственно определяется имеющимся комплексом производительных сил, и потому в каждый данный момент общественное потребление в большей мере поддается воздействию волевого фактора, чем общественное производство. Отсюда проблема повышения производительности общественного труда заключается в нахождении таких пропорций при перераспределении всего общественного продукта, которые гарантировали бы наиболее эффективное изменение существующего комплекса производительных сил в условиях относительного экономического равновесия всей системы. Соответственно с этим, разрешение проблемы темпа заключается в нахождении определенных пропорций при распределении общественного продукта между потреблением и накоплением; пропорции при перераспределении фондов потребления между личным и общественным потреблением; пропорций—при распределении фондов накопления между основным и оборотным капиталом, между постоянным и переменным капиталом (уровень механизации), между отдельными отраслями и т. д. Вполне понятно, что каждая страна, исходя из конкретных естественно-географических, социально-исторических и экономических условий по-своему находит эти пропорции. Тем не менее, анализ конкретного развития отдельных национальных хозяйств и мирового хозяйства в целом позволяет сделать ряд обобщений.

Нужно только подчеркнуть, что хотя характер общественного потребления (личного и производственного) в значительной мере поддается воздействию волевого фактора, тем не менее, это волевое влияние является далеко не безусловным началом, так как в конечном итоге и потребление в каждый данный момент является функцией определенного аргумента—производительных сил. Поэтому волевое изменение некоторых хозяйственных пропорций вне учета конкретных объективных условий может не только сорвать темпы развития, но и привести общественное хозяйство к серьезным потрясениям¹.

Трактовка пропорций как условий хозяйственного равновесия была дана нами в статье «Направление, темп, равновесие»; поэтому мы ограничиваемся в данной работе анализом пропорций как условий темпа. Вполне понятно, что такое размежевание является только методологическим приемом, так как в живой жизни пропорции, как условие ускоряющегося темпа, должны быть и пропорциями относительного производственного (но не обязательного рыночного) равновесия.

¹ Говоря о волевом факторе, автор недостаточно разграничивает систему плановую и стихийную. *Ред.*

* * *

При прочих равных условиях темпы хозяйственного развития будут тем выше, чем выше в данном общественном хозяйстве норма накопления.

В широком смысле слова норма накопления есть норма прибавочной стоимости или прибавочного продукта (M/P). В более узком понимании норма накопления есть отношение к общественному продукту, прироста основных и оборотных фондов. (Между прочим, в одном месте Маркс дает еще более суженную трактовку общественного накопления, понимая под ним только прирост группы производства средств производства, т. е. отраслей, производящих элементы основного капитала общества.)¹

Норма накопления (в широком понимании) прямо пропорциональна производительности труда (выработка на рабочего при данной интенсивности труда) и обратно пропорциональна величине потребления (личного или общественного). Действительно, по мере роста производительности единицы живой силы, несмотря на абсолютный рост массы потребления (зарплата или соответствующий эквивалент) доля прибавочного продукта растет еще сильнее в основном за счет относительной части прибавочного продукта². С другой стороны, не менее очевидно, что чем больше масса личного потребления, тем меньше масса, а потому и норма накопления. Соответственно с этим общественное хозяйство может иметь высокую норму накопления даже при низкой производительности труда, если последней отвечает нищенский уровень бытия самих трудящихся. Однако существует большая разница между высокой нормой накопления при высоком уровне технической производительности труда и при низком: первой отвечает огромная масса накопления (абсолютно и на единицу населения), а второй—значительно сниженная. Между тем при данной норме накопления (M/P) темп определяется как отношением массы накопления к имеющейся массе средств производства (M/C), так и отношением массы накопления к имеющейся живой силе (M/V).

До сих пор мы определяли массу накопления как прибавочный продукт ($P - V = M$).

Между тем, по существу, под народнохозяйственной массой накопления следует понимать о материализованную часть прибавочного продукта, т. е. прирост основных и оборотных фондов (запасов). Масса прибавочного продукта совпадала бы с о материализованным накоплением только в том случае, если бы вся масса общественного потребления совпадала бы с массой потребления непосредственных

¹ Редакция отмечает, что определение нормы прибавочной стоимости, даваемое автором, расходится с определением Маркса.

² „Относительная прибавочная стоимость прямо пропорциональна производительной силе труда. Она повышается с повышением и падает с понижением производительной силы труда“. (Капитал, I т., 238 стр.)

производителей. Между тем это далеко не так: во всяком обществе известная часть общественного продукта идет на социально-культурные нужды, на аппарат распределения и хозяйственного управления и т. д.; а в современном обществе, кроме того, на содержание армии, буржуазии, бюрократии, различных непроизводительных групп населения и т. д. Известная часть этих расходов является условием расширенного воспроизводства всякого общественного хозяйства (затраты на просвещение, здравоохранение и пр.) и потому рост доли этих расходов в общественном продукте является целиком положительным показателем; большая же часть приведенных расходов есть или *faux frais* менового хозяйства или непроизводительное потребление капиталистической системы хозяйства. Поэтому, чем меньше масса такого непроизводительного потребления (армия, буржуазия и пр.), тем лучше для всего общества. Обычно в период войны, революции и т. п., когда повышается удельный вес непроизводительных расходов, норма накопления сильно падает и даже сходит к нулю или отрицательной величине; последнее выражается в проедании основных и оборотных фондов страны. Как правило, норма накопления в капиталистических странах почти никогда не превышала 20%, понижаясь в отдельных странах до 10% и ниже, в зависимости от всей массы расходов непроизводительного характера.

Нужно, вместе с тем, признать, что всякое общество в каждый данный отрезок времени ограничено в повышении нормы накопления двумя моментами: один лежит в самих пропорциях перераспределения общественного продукта между потребляемой и накапливаемой частью; другой — в самой материальной структуре общественного продукта. Дело в том, что известный прирост потребительских фондов является условием расширенного воспроизводства, так как рост личного потребления группы производительного труда является условием роста самой производительности труда. Практически это означает, что, повышая, напр., норму выработки на 20%, нужно повысить заработную плату на 8—10%. Если такого повышения не будет, или если оно будет иметь номинальный характер, срезываясь ростом цен или обязательными отчислениями, то это более или менее отрицательно отразится на динамике производительности труда, а отсюда на снижении нормы накопления. С другой стороны, рост затрат социально-культурного характера, срезая в данный момент массу производительного накопления, необычайно повышает в последующем норму накопления, поднимая производительность всего общественного труда. Поэтому, срезывание потребительских фондов производительных групп населения или зажим расходов на социально-культурные нужды может повысить норму накопления только в каждый данный момент, отрицательно отражаясь на динамике производительности труда и нормы накопления на длительном отрезке времени.

Влияние второго момента — структуры общественного продукта — заключается в том, что не всякая часть общественного продукта может

быть накоплена. Если прибавочный продукт в основном состоит из предметов потребления, и при том непроизводительного потребления, то материальные возможности данного общества в деле накопления более чем ограничены. Этим и объясняется как чудовищное непроизводительное потребление в древних деспотиях, так и не менее чудовищное непроизводительное накопление (китайская стена, египетские пирамиды и т. д.). И наоборот, чем выше в прибавочном продукте доля средств производства и вообще элементов основного капитала (стройматериалы, металл и пр.), тем больше материальных возможностей для накопления; возможностей, определяемых самой природой накапливаемой материи. (В условиях неравномерного развития отдельных стран корректирующим фактором является внешний товарооборот.)

Переходим к анализу дальнейших пропорций. При данной массе накопления темп определяется пропорциями распределения этой массы между элементами основного и оборотного капитала. Как правило, чем ниже доля запасов в накапливаемом продукте, чем больше она приближается к общественно-необходимой норме, тем выше темп хозяйственного развития, так как тем выше эффективность использования общественного капитала. Разные отрасли народного хозяйства имеют различное соотношение между основным и оборотным капиталом по чисто техническим причинам. Тем не менее, каждой единице основного капитала народного хозяйства отвечает определенная величина оборотных средств производства (сырье, топливо, вспомогательные материалы, полуфабрикаты, незаконченное производство и стройматериалы для текущего ремонта). Для всего же народного хозяйства в состав запасов должна войти также определенная норма готовых изделий и продуктов. Соответственно с этим существует, как нижний лимит, нормативная масса запаса. Всякое общество, нарушающее эту нормативность в сторону снижения, подвергает свое воспроизводство таким перебоям, которые могут задержать темп развития (неполная загрузка основного капитала, транспортные перебои, отсюда удорожание продукции и ухудшение ее качества и т. д.).

Но проблема резервов стоит скорее в обратной плоскости: в плоскости общественного расточительства, так как всякое меновое хозяйство обычно имеет массу запасов, далеко превышающую общественно-необходимую норму.

Как правило, при данной длине производственного цикла, величина запасов будет тем меньше, чем развитее средства сообщения, чем развитее кредитно-денежные отношения, чем выше концентрация и централизация производства и обращения, чем лучше организация снабжения и сбыта, чем планомернее организация общественного производства в смысле приближения продукции к общественно-необходимому потреблению (имеем в виду перманентное перепроизводство капиталистического хозяйства) и т. д. Иначе говоря, величина общественного запаса в значительной мере определяется рядом организа-

ционных факторов и поэтому она тем больше, чем неорганизованнее, чем более стихийно данное общественное хозяйство.

Поэтому одна рациональная организация кредитно-денежного оборота равносильна созданию новых материальных капиталов. Роль кредита не только в том, что он уменьшает издержки денежного обращения, но и в том, что кредит приближает величину материальных резервов к общественно-необходимому минимуму, а также ускоряет оборот материальных ценностей, путем перемещения освобождающихся денежных капиталов.

Общественное хозяйство со слабо развитым «кредитным переплетом» имеет чрезвычайно замедленную скорость оборота капиталов, так как, во-первых, замедляется самый процесс обращения, а во-вторых, процесс производства. В этом случае можно встретить такие примеры, когда одно предприятие имеет избыточный уголь, нуждаясь в чугуне, а другое—избыточный чугун, нуждаясь в угле. В результате чисто организационных причин имеет место недостаточная нагрузка имеющихся основных капиталов, излишние резервы и т. д. Именно в этом смысле организация функционально равносильна созданию капитала.

Но, с другой стороны, эффективное значение кредита тем меньше, чем выше прочие организационные формы производства и обращения. Фордовский комбинат является классическим примером бескредитного хозяйства, где запасы сведены к технически необходимому минимуму, а скорость оборота—к техническому максимуму.

Поэтому роль кредита все более и более суживается по мере роста системы трестов, синдикатов, комбинатов, концернов и т. д. Такое же значение имеет рационализация обращения: транзит, система предварительных заказов и т. д.

Кстати сказать, по мере развития таких организационных форм снижаются также издержки обращения (торговая наценка и т. д.). Соответственно с этим можно сказать, что при данной массе накопления темп определяется общественной организацией производства и обращения: он выше для кредитного хозяйства сравнительно с денежным; для концентрированного хозяйства сравнительно с мелкотоварным хозяйством; для планового хозяйства сравнительно со стихийным¹.

Переходим к пропорциям капитального строительства. С точки зрения эффективности капиталовложений разрешение проблемы темпа заключается в нахождении таких комбинаций живого и мертвого труда (постоянного капитала) и такого межотраслевого сочетания этих комбинаций, которые, обуславливая

¹ Помимо вышеуказанного, преимущества высокой организации общественного производства (тресты, комбинаты и пр.)—это преимущества крупного предприятия перед мелким; общественной формы—перед частной, где, с одной стороны, может быть шире техническое разделение труда, выше специализация; а с другой, больше кооперация труда, его соединение.

определенную степень хозяйственного равновесия, гарантировали бы при данных социально-экономических условиях возможность максимальной общественной экономии и максимального повышения производительности труда. Я подчеркиваю «при данных общественных условиях», потому что в одних случаях ускорение темпа обуславливается одними пропорциями, а в другой—другими.

На первый взгляд кажется, что наибольший темп роста будет тогда, когда затраченный капитал даст наибольшую сумму продукции на единицу капитала (P/C). Иначе говоря, так как при данном уровне технической культуры по мере роста технического состава капитала продукция на единицу капитала падает (падение P/C по мере роста C/V), то можно было бы сделать вывод, что максимальный темп обуславливается наиболее низким уровнем механизации труда. Тем более, что при низком уровне механизации одна и та же сумма капитала позволяет вовлечь в производство большее число рабочих, чем при высокой механизации.

Такой вывод был бы неправильным, так как производительность труда (выработка на рабочего при данной интенсивности) тем выше, чем выше механизация труда. Поэтому низкой механизации отвечала бы низкая производительность, а потому низкая зарплата и пониженная норма накопления.

Но, с другой стороны, не менее ошибочно было бы думать, что всякое повышение уровня механизации при всяких социально-экономических условиях дает больше оснований для ускорения темпа. Так как по мере роста механизации нормы накопления соответствует параллельное понижение чистой продукции на единицу основного капитала (и по стоимости и в натуре), то в каждый данный момент при достижении известного уровня механизации можно иметь такое положение, когда произведение повышенной нормы на относительно пониженную продукцию может быть меньше произведения пониженной нормы на относительно повышенную продукцию.

Между тем для усиления темпа важно как раз иметь не столько повышенную норму накопления вообще, сколько повышенное отношение массы накопления к затраченному капиталу. Следовательно, вся соль проектирования заключается в нахождении оптимального уровня механизации при данных экономических условиях, так как не всякая степень механизации, экономически целесообразная в одной стране, может быть экономически выгодной в другой стране. Механизированное производство дает для данного хозяйства наибольшую массу прибавочного продукта (абсолютно и относительно к капиталу) только в том случае, когда масса прибавочного продукта, реализованного благодаря введению новой более мощной машины, будет превышать возможную массу прибавочного продукта, которую могла бы дать эта дополни-

тельная масса капитала при более низком уровне механизации, т. е. за счет дополнительного вовлечения рабочих.

Впрочем, в каждый данный момент лимитом высокого уровня механизации является не только масса прибавочного продукта и отношение последней к затраченной сумме капитала, а также и масса чистой продукции, поскольку с точки зрения P более высокое отношение C/V менее «производительно» на единицу капитала, чем менее высокое. Поэтому всякое общество, нуждаясь в определенной сумме чистой продукции и располагая для этого всякий раз определенной суммой накопленного труда (капитала), должно при этих двух лимитах—потребное P и существующее C —выбирать такую структуру C/V , которая гарантировала бы производство общественно необходимой суммы продукции. Иначе говоря, произведение всей массы затрачиваемого капитала (C) на отдачу единицы капитала (P/C) должно гарантировать получение общественно-необходимой суммы P ; с другой же стороны, произведение всего числа V на выборку одного рабочего (P/V) должно дать тот же результат. С точки зрения чистой продукции эти два ряда диктуют выбор определенного уровня C/V , гарантирующего произведение P . Короче говоря, всякое общество может получить общественно-необходимую продукцию только ценою общественно-необходимых затрат. А вполне понятно, что критерий «общественно-необходимых затрат» будет один для Германии и другой для САСШ. Поэтому всякое общество, повышающее уровень C/V против общественно-необходимого, может, при указанных выше условиях, повысить темп развития ценою лишь временного недопроизводства.

Мы подчеркиваем, что все выводы об уровне C/V предполагают «данный уровень технической культуры», так как влияние технического прогресса существенно изменяет эти положения, поскольку «на одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой—хорошая может быть дешева» (Маркс).

Несмотря на то, что по вопросу эффективности капиталовложений существует наибольшая путаница понятий (путаница высокого уровня механизации и высокого уровня технического развития и т. д.), мы даем здесь только схематическое изложение этой проблемы, так как детальная ее трактовка дается нами в статье «О марксизме, индустриализации и безграмотности» («Хозяйство Украины» № 9, 1929).

Переходим ко второму моменту капиталовложений—межотраслевым пропорциям. В различных отраслях существует различный органический состав капитала по чисто техническим условиям производства: так, в промышленности он выше, чем в земледелии; в тяжелой индустрии—выше, чем в легкой; в транспорте—выше, чем в промышленности в целом и т. д. Из этого можно было бы сделать вывод, что наибольшие темпы будут обуславливаться таким распределением капитала, когда наибольшая масса его будет направлена в легкую индустрию, а не в тяжелую, в сельское хозяйство, а не в про-

мышленность и т. д. Однако и этот вывод был бы неправильным. Дело в том, что ряд наиболее капиталоемких отраслей, как транспорт, тяжелая индустрия, электропромышленность, химия и т. д., является, так сказать, «ведущими» отраслями, которые хотя и дают пониженную продукцию на единицу капитала, но зато поднимают производительность труда в связанных с ними отраслях.

Соответственно с этим мы выдвигали в качестве критерия народнохозяйственной эффективности комплексный учет эффективности, а не линейный (54—55 стр. № 4 «План. Хозяйства»). В качестве иллюстрации, мы приводили пример с транспортом, который дает очень низкую отдачу капитала. Тем не менее, развитие средств сообщения, создавая предпосылки рационального географического разделения труда, повышает темпы развития, ускоряя обращения капиталов и повышая норму накопления путем снижения транспортных издержек.

✓ Факты развития мирового хозяйства и отдельных национальных хозяйств как раз и говорят о том, что производительность общественного труда растет не в той мере, в какой развиваются отрасли с наибольшим выходом продукции на единицу капитала, а в той мере, в какой развиваются капиталоемкие отрасли с понижающейся отдачей капитала (металлургия, машиностроение, химия, транспорт и т. д.).

Иначе говоря, человечество проявляет прогрессивно растущий аппетит не к хлебу, мясу, текстилю и пр., а к углю, чугуну, химической продукции и т. д.

Соответственно с этим расширенное воспроизводство общественной продукции покупается всякий раз еще более расширенным воспроизводством группы «А», что и проявляется в повышении удельного веса этой продукции в общей сумме общественного продукта.

Собственно говоря, пропорция «А» и «В», пропорции отраслей, производящих средства производства и средства потребления, в конечном итоге есть другая сторона пропорций C/V . С другой же стороны, пропорции «А» и «В» в известной мере есть другая сторона пропорций накопления и потребления, так как «с прогрессом в производительности общественного труда, сопровождаемым, как это и происходит в действительности, ростом постоянного капитала, на долю капитала, как такового, будет приходиться также все большая часть годового продукта» (Маркс, «Теория» etc, II т. 94 стр.).

Особое значение в числе капиталоемких отраслей имеют «отмыкающие» отрасли индустрии (Keyindustrie), создающие, так сказать, ключи к расширенному воспроизводству менее капиталоемких отраслей.

Ряд таких отраслей, например, будет создан на дешевой энергии Днепростроя.

Итак, повышение удельного веса группы «А» (производство средств производства) является показателем расширенного воспроиз-

водства, показателем эффективности общественного накопления; показателем роста производительности общественного труда¹.

Но если общество прогрессирует лишь в той мере, в какой растет абсолютно и относительно группа отраслей «А», то не менее правильно, что даже при расширенном воспроизводстве чугуна, стали, стройматериалов и пр. общество может иметь крайне замедленный рост производительности труда, если продукция группы «А», а соответственно и группы «В», будет направлена в строительство отраслей непроизводительного характера: военная промышленность, добыча драгоценностей, строительство дворцов и т. д. Общество накапливает и тогда, когда строит пирамиды, или превращает ценою миллиардов Флориду из болота в Венецию американской буржуазии; общество «накапливает» и при производстве золота и т. д., но с народно-хозяйственной точки зрения это накопление мало чем отличается от проедания основного капитала страны. Поэтому весь вред непроизводительного потребления в буржуазном обществе не только в проедании тунеядцами известной части общественных фондов потребления, но и в непроизводительном использовании и без того урезанных фондов накопления.

При всех прочих предпосылках решающим фактором роста производительности общественного труда является уровень

¹ Из этого следует, что хотя скорость оборота капитала есть другая сторона высоты производительности труда, все же повышение производительности общественного труда не всегда совпадает с повышением скорости оборота капитала.

Вообще говоря, скорость оборота всего капитала тем выше, чем меньше масса амортизации в единице продукции, т. е. чем выше отдача основного капитала; чем меньше в единице продукции прочие составные части, т. е. для живого труда (переменный капитал), сырья, материалов и пр., чем выше отношение оборотной части капитала к основной и чем короче длина производственного процесса и т. д.

Для всего же общественного производственного процесса определяющими факторами скорости оборота капитала выступают, кроме того, организация обращения и модификации одних форм материальных благ в другие формы, а также организация транспорта („Главное средство для сокращения времени обращения — усовершенствование путей сообщения“ (Маркс). Растущее отношение c/v , а отсюда снижение отдачи основного капитала, более быстрый рост основной части постоянного капитала, чем оборотной, влияют в сторону замедления скорости оборота всего общественного капитала. Развитие же науки и техники влияет в противоположном направлении, повышая скорость оборота капитала путем повышения отдачи капитала и сокращения времени производства.

С другой стороны, растущее отношение c/v повышает скорость оборота как оборотной части постоянного капитала (снижение материальных затрат в единице продукции), так и всего переменного капитала (снижение доли v). В результате имеем снижение себестоимости, которое говорит о том, что одна и та же масса P всякий раз покупается меньшими затратами труда и капитала, или что одна и та же масса труда и капитала дает большую массу P .

В силу неравномерного роста технического прогресса и процессов механизации возможно несовпадение динамики коэффициента скорости оборота капитала и коэффициента темпа в тот или иной отрезок времени. (На длительном отрезке эти коэффициенты совпадают.)

культурного развития населения, уровень развития науки и техники.

Рост самого объема C и его структуры — C/V требует расширения воспроизводства квалифицированной рабочей силы и если такое задерживается, то данное общество будет стоять перед проблемой импорта квалифицированных кадров, несмотря на имеющиеся резервы труда. С другой же стороны, растущее воспроизводство предъявляет требования к кадрам квалифицированного труда не только в самом производстве, но и в сферах обращения и перераспределения общественного продукта (экономисты, бухгалтера, статистики и т. д.).

Вообще же, овладение самыми элементарными трудовыми процессами требует хотя бы самой элементарной грамотности населения — умения читать и писать, не говоря уже об элементах технической грамотности. Многомиллионное крестьянство каждой страны даже при одном и том же техническом базисе может очень резко повысить свою производительность, если овладеет хотя бы элементарными представлениями о технологии своего производства. Поэтому проведение целой системы агрикультурных мероприятий может более чем окупиться повышенной урожайностью, повышенным выходом мясной и молочной продукции и т. д. Повторяем, здесь вопрос стоит иногда в плоскости усвоения самых простейших принципов производства. Но это усвоение предполагает как наличие кадров агрикультурных работников, так и соответствующий уровень общей культуры населения.

Так же стоит вопрос для всей массы кустарного и мелкого ремесленного труда, где посредством организации простейших краткосрочных курсов могла бы быть повышена производительность труда и качество продукции без увеличения или при незначительных затратах капитала.

Наконец, рационализация быта и личного потребления, которой никто научно не занимается и провести которую можно лишь опять-таки подняв уровень общей культуры населения, скрывает в себе колоссальные резервы, так как в каждом обществе потребляются ведь от 80% до 90% всего общественного продукта. В наших, например, условиях рационализация потребления хотя бы на 4% дала бы миллиардный эффект. Одно уничтожение водки и самогона дает народному хозяйству десятки миллионов пудов хлеба, как сырья; десятки миллионов рублей фондов потребления, непроизводительно затрачиваемых на рабочих и служащих водочной промышленности; миллионы рублей экономии на основном капитале; повышение производительности труда потребителей водки и т. д., не говоря уже о снижении преступных актов и повышении уровня моральной, а также физической культуры (бюджет здравоохранения).

Переходя от элементов общей культуры, от вопросов распространения среди населения уже имеющихся достижений науки и техники, нужно резко подчеркнуть роль естественно-технических наук

Овладевание окружающей нас материей и энергией; подчинение обществу сил природы; растущая эффективность их использования, все это есть результаты развития науки и техники. Развитие естественно-технических наук, производя иногда целые технические революции, чрезвычайно повышает производительность труда, «удешевляя» продукцию и повышая ее качество. При этом, по Марксу, чем меньше сумма стоимости переносимая средствами труда на единицу продукции, тем больше приближаются средства труда к даровым силам природы. Влияние технического прогресса сказывается на машинах в том, что одна и та же машина одной и той же эффективности, на одной ступени технического развития будет стоить, например, 1000 руб., на другой—500 руб., а на третьей—300 руб. Пример фордовских автомобилей может служить иллюстрацией этого процесса роста технической культуры. (В данном случае говорят о реконструкции, рационализации. Но ведь сама реконструкция есть моральное обновление технически устаревшего капитала.)

Этот процесс роста технической культуры, роста изобретательства имеет своим логическим результатом рост продукции на единицу капитала. Следовательно, этот процесс прямо противоположен по своим результатам процессу роста уровня механизации. Действительно, в результате роста механизации стоимость единицы продукции снижается за счет доли живого труда и оборотной части постоянного капитала (сырье, топливо и пр.), но масса амортизации при этом растет и относительно и абсолютно, следовательно, отдача капитала падает. Наоборот, в результате технических усовершенствований амортизация имеет тенденцию относительно расти (в цене продукта), но абсолютно падать; следовательно, отдача капитала растет.

«Подобно тому, как усиленная эксплуатация природного богатства достигается просто повышенным напряжением рабочей силы, точно также наука и техника сообщают функционирующему капиталу способность к разрешению, не зависящую от его данной величины». (Капитал, I т., 478 стр.) Именно поэтому машина, произведенная в 1930 г. будет в несколько раз эффективнее машины той же стоимости 1860 г., потому что «на одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой—хорошая может быть дешева». Между прочим, последнее обстоятельство затушевывает процесс падения P/C по мере роста C/V , в результате чего имеет место невероятная путаница понятий в вопросах эффективности капиталовложений.

Но влияние технического прогресса сказывается не только на степени приближения средств труда к силам природы, но и на степени эксплуатации данных естественных ресурсов. Германия никогда бы не сумела поднять так высоко производительность своего труда, если бы не разрешила проблему бурого угля и фосфористой руды, если бы не развила свою химию и т. д.

С другой стороны, развитие естественных наук позволяет усиливать как продуктивность сельского хозяйства (гибридация, акклиматизирование и пр.), так и промышленности (ферментация табака, сушка сахарной свеклы и т. п.).

Суммируя, приходим к выводу, что только развитие науки и техники позволяет человечеству при той же, или даже уменьшающейся затрате труда и материи иметь каждый раз расширенный хозяйственный эффект. При стабильности технического прогресса человечество стояло бы перед проблемой: или повышение производительности труда ценою снижающейся продукции на единицу капитала, или производство общественно-необходимой продукции хотя бы и менее производительным трудом. В обоих случаях замедляющиеся темпы стареющего общества. Именно поэтому наиболее бурный рост производительности общественного труда среди всех ранее существовавших систем имел место в эпоху капитализма, т. е. в эпоху необычайно интенсивного развития науки и техники. С другой стороны, пролетариат сможет разрешить поставленные перед ним задачи только тогда, когда он сумеет произвести целые технические революции.

Но и поднятие общего уровня культуры, и развитие науки и техники возможно лишь при условии, когда общество выделяет из произведенного продукта определенную часть на социально-культурные нужды.

Переходим к природным факторам производительности. Значение этих факторов обуславливается тем, что по существу сама трудовая деятельность человека является ни чем иным, как процессом модификации одних форм материи и энергии в другие. *sic* Больше того, труд, как логическое условие существования человека, является процессом приспособления естественных форм материи и энергии к потребностям человека при помощи этой же трансформированной материи и энергии.

Но уже из этого последнего вытекает, что влияние природных условий на производительность труда не является ни абсолютным, ни непосредственным. Природные условия влияют на производительность общественного труда через систему средств труда, которой располагает данное общество. Поэтому на одной ступени общественного развития одни и те же естественные условия влияют одним образом, на другой—другим. Больше того, страна с худшими природными предпосылками в силу большего развития техники и средств труда может иметь более высокую производительность, чем страна с лучшими природными предпосылками, но более отсталая (сравни урожайность в Германии и Украины).

Но не менее правильно и то положение, что при прочих равных условиях, из двух общественных хозяйств, хозяйство с лучшими естественными предпосылками будет иметь более высокую производительность труда, чем хозяйство с худшими предпосылками. Это вытекает хотя бы из того, что само развитие системы средств труда тем

больше приближается к средствам природы, чем меньше передаваемая ими стоимость (амортизация) единице продукции.

Каково же влияние природных условий на производительность общественного труда?

«Помимо большего или меньшего развития общественного производства, производительность труда зависит от естественных условий. Они все могут быть сведены к природе самого человека, рас и т. д., или к окружающей его природе. Внешние условия природы, с экономической точки зрения, распадаются на две большие группы: естественные богатства, воплощенные в средствах существования, т. е. плодородие почвы, обильные рыбой воды и т. д., и естественные богатства, воплощенные в средствах труда, как то: водяная сила, судоходные реки, лес, металлы, уголь и т. д. В начале цивилизации решающее значение имеет первый, а на более высоких ступенях развития — второй род естественных богатств» (Капитал, I т., 361—363 стр.).

С другой же стороны, Маркс подчеркивает, что «не абсолютное плодородие почвы, но ее дифференциация, разнообразие ее естественных продуктов составляют основание общественного разделения труда». Прима́т дифференциации над абсолютной величиной богатства вытекает из того, что величина всякого абсолютного богатства влияет на производительность труда в каждом данном случае, а дифференциация богатства, создавая предпосылки общественного разделения труда, влияет тем самым на производительность всего общественного труда.

Вряд ли нужно останавливаться на значении естественных условий для развития сельского хозяйства в отдельных странах (почвы Германии и Украины; климат Англии и САСШ и т. д.), или для развития добывающей промышленности (степень богатства недр, удобство эксплуатации, географическая отдаленность залежей и т. д.). Для обрабатывающей промышленности имеет значение сама географическая расстановка отдельных моментов производства (сравни по Веберу условия развития хлопчатобумажной промышленности Англии и САСШ; или металлопромышленности Испании и Англии и т. д.).

Вообще же, характер географической конфигурации отдельных элементов производства (руда, уголь, лес и т. д.) имеет огромное значение для всего производства в целом.

Но производительность общественного труда тем выше, чем гуще сеть естественных путей сообщения, так как этим экономится значительная масса транспортных издержек.

Сама величина территории имеет огромное значение для развития производительной силы труда. В начале цивилизации развитию производительных сил благоприятствовала скорее небольшая территория, так как «разделение труда внутри общества предполагает известную величину и известную плотность народонаселения; эти моменты играют здесь ту же роль что и аггломерация рабочих в одной

мастерской». Поэтому древние культуры—Египта, Ассирии и Вавилона, Греции, Рима—культуры небольших территорий.

По мере же роста человеческой культуры положение меняется в обратную сторону, так как чем больше территория, тем больше предпосылок для рационального географического разделения труда, поскольку «сравнительно мало населенная страна с развитыми средствами сообщения обладает более густым населением, чем более населенная страна с неразвитыми средствами сообщений». (Маркс.)

Следует заметить, что, говоря о величине территории, нужно иметь в виду и политическое единство территории, так как политическая чересполосица также затрудняет развитие рационального географического разделения труда, как и слабое развитие транспорта. С этой точки зрения САСШ, например, имеют больше предпосылок для хозяйственного развития, чем лоскутная Европа.

Во всех этих случаях различие естественных предпосылок действует как различная техническая вооруженность, определяя с какими издержками производства добывается то или иное хозяйственное благо.

Таково, в общих чертах, значение естественных факторов в деле повышения производительности общественного труда.

Но развитие производительных сил человечества имеет место не только в неодинаковых естественных условиях, но и в неодинаковых социально-исторических и политических условиях. Обуславливаясь тем или другим уровнем развития производительных сил, эти условия в свою очередь рефлективно влияют на производственный базис, или стимулируют, или задерживая его развитие. Такое же значение имеют все надстройки.

Не останавливаясь детально на этих моментах, скажем, что форма буржуазно-демократических республик больше благоприятствовала развитию производительных сил, чем абсолютизм; что бессословное общество благоприятнее в этом смысле, чем кастовое или общество с феодальными пережитками и т. д. Отрицательное влияние религии на развитие естественно-технических наук имеет место даже до настоящего времени («обезьяний процесс» в САСШ. В Индии религия задерживает развитие продуктивного скотоводства и, в частности, свиноводства и т. д., и т. д.).

Суммируя все вышеизложенное, мы приходим к выводу, что при данных естественных и социально-политических условиях общество прогрессирует тогда, когда сводит к минимуму непроизводительное потребление, повышая в общественном продукте норму накопления и удельный вес социально-культурных затрат; когда наибольшая масса накопления идет в основной капитал; когда повышается технический состав капитала и удельный вес отраслей, производящих средства производства; когда растет уровень культурности населения и развивается наука и техника.

Неравномерное развитие системы экономических, а потому и социально-политических факторов производительности общественного

труда объясняет как неравномерную динамику последней во времени, так и неравномерный уровень развития отдельных географических секторов мирового хозяйства. Иначе говоря, эта неравномерность развития системы факторов производительности объясняет нам как причины неравномерного экономического прогресса человечества в отдельные его исторические периоды, так и причины неравномерного развития отдельных общественных хозяйств (сравни, с одной стороны, страны старой тысячелетней культуры — Китай и Индию — и страны молодой буржуазной культуры; а с другой — Европу и Америку).

Если рассматривать динамику производительности общественного труда, то придем к выводам, сделанным еще Марксом, что из всех исторических эпох наибольшее развитие производительных сил человечества наблюдалось в эпоху капитализма, так как из всех ранее существовавших социально-экономических систем капиталистическая система в наибольшей мере способствовала развитию факторов производительности общественного труда. В чем же состояли преимущества капиталистической системы перед всеми ранее существовавшими системами?

Развитие производительности сил прогрессирующего промышленного капитализма предполагало в своем идеале установление начал буржуазной демократии и равенства, буржуазной свободы (либерализма), буржуазных правовых норм и т. д., т. е. установления предпосылок для 100% реализации абсолютного товарного общества. Поэтому большая или меньшая реконструкция феодального социально-политического строя являлась *conditio sine qua non* развития капитализма. Переживая революционный этап своего развития, буржуазия отделяет церковь от государства и тем способствует развитию естественно-технических наук и культуры вообще; нападая на метафизику феодализма, буржуазия материализует человеческое миропонимание, создавая тем самым мощную методологическую базу для развития науки, как таковой. Развитию науки и техники способствовала «демократическая» свобода мысли и ее высказывания (слово и печать), а также соответствующее перераспределение общественного продукта. Одновременно с этим имеет место рост культурного уровня широких масс населения, хотя бы в пределах элементарной грамотности — умение читать и писать. Необычайный против предшествующих систем рост продукции бумажно-полиграфической, типографской и пр. промышленности создает техническую базу развития культуры.

И нужно признать, что именно в эпоху капитализма имело место наиболее глубокое проникновение в тайники природы; наибольшее подчинение материи и энергии человеку. Одновременно растет доля производительного накопления в общей сумме общественной продукции за счет известного сокращения непроизводительного потребления феодального общества, а в основном за счет беспощадной эксплуатации пролетариата и некапиталистических элементов общества. Последнее имеет место в силу того, что все выгоды растущей производи-

тельности труда присваиваются капиталом как его достояние, на основе неэквивалентности обмена.

Росту нормы накопления благоприятствует также чрезвычайно сложная и эластичная кредитная система, позволяющая аккумулировать мельчайшие сбережения во всех клеточках общества (акции, облигации; коммерческие банки (депозиты); эмиссионные банки; сберкассы; учреждения мелкого кредита и т. д.). Развивающийся «кредитный переплет» общественного хозяйства на основе прегрессирующих товарно-денежных связей (денатурализация хозяйства) не только повышает норму накопления, но и повышает скорость оборота всего материального общественного капитала (дебиторско-кредиторские взаимоотношения, безналичный оборот и т. д.), снижая норму резервов и облегчая модификацию ТвД и ДвТ. Рост товарно-денежных связей ведет в свою очередь к экстенсивному и интенсивному росту общественного разделения труда, создавая в конечном итоге чрезвычайно детализованную специализацию труда в интернациональном масштабе. Экстенсивному росту общественного разделения труда благоприятствует сильное развитие транспорта. Одновременно растет и кооперация труда по мере роста концентрации и централизации капитала.

Логическим результатом развития техники и роста массы производительного накопления является растущее отношение C/V , т. е. растущая механизация всех трудовых процессов, что выражается в более интенсивном воспроизводстве группы «А», сравнительно с группой «Б». Технический же прогресс каждый раз увеличивает эффективность той же суммы капитала.

Движущей силой этого процесса является не развитие производительных сил, с целью удовлетворения растущих общественных потребностей, а $D-D^1$. Если $D-D^1$ *primus motor* этого процесса, то конкуренция необходимо его условие.

Но эти два начала определяют и границы прогрессивного действия всей капиталистической системы; ее исторический, но не логический характер.

Дело в том, что с развитием капитализма развиваются внутренне-присущие ему противоречия, которые приводят к диалектическому перерождению его миссии: из фактора экономического прогресса капитализм становится фактором задерживающим развитие производительных сил и даже разрушающим таковые. Чудовищные потери в мировую войну 1914—1918 гг. и вся послевоенная конъюнктура достаточно иллюстрирует эти выводы. Система в целом уже сказала свое слово, хотя бы отдельные ее сектора, в силу закона неравномерного развития капитализма, еще и проявляли признаки жизнеспособности.

Переходим к анализу другой стороны вопроса.

Отрицательные особенности капиталистической системы, с точки зрения интересующего нас вопроса, сводятся к трем основным моментам:

1. Неполное использование капитализмом уже имеющихся материальных предпосылок производства.

2. Растущее непроизводительное общественное потребление.

3. Растущие издержки расширенного воспроизводства.

Движимый не стимулом к удовлетворению общественных потребностей, а стимулом $D-D'$, капитализм каждый раз перерастает рыночные возможности, так как потребительская сила общества «определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной производительной способностью, а потребительской способностью на основе отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы к минимуму, изменяющемуся в более или менее узких границах» (Маркс).

Поэтому в каждый данный момент развитие капитализма ограничено не абсолютной массой средств труда, а рыночными возможностями, т. е. социально-организационными лимитами. Отсюда в каждый данный момент, при имманентной тенденции к перепроизводству, наличие: а) громадных товарных резервов, во много раз превышающих общественно-необходимую потребность и б) громадных производственных резервов вследствие неполной загрузки основного капитала (перекапитализация).

Последний резерв составляет, как правило, не менее 10—15%, повышаясь в периоды низкой конъюнктуры до 30—40%. (Сравни существующую загрузку основного капитала в САСШ в 70—80%.)

Так обстоит дело в каждый данный момент. Но дело в том, что развитие капитализма вообще идет не по линии непрерывно растущей кривой, а по линии зигзагообразной кривой.

Такая циклическая кривая определяется в основном моментами перераспределения общественного продукта между потреблением и накоплением, хотя механическая основа кризисов заложена уже в самой неравномерности восстановления основного капитала¹.

Кривая цикла складывается из повышательной волны, иногда имеет место перераспределение народного дохода между потреблением и накоплением в пользу накопления, а последнего между вложениями в отрасли «А» и «Б» и т. д., и из понижательной волны, когда выросшие производственные возможности превышают потребительскую силу общества при данном уровне цен и рентабельности. Кри-

¹ «Если устранить капиталистическую форму воспроизводства, то дело сведется к тому, что размеры отмирающей и потому подлежащей возмещению *in natura* части основного капитала в различные последовательные годы изменяются. Следовательно все производство средств производства должно бы в одном случае расширяться, в другом сократиться. Этому можно было бы помочь лишь постоянным относительным перепроизводством... Такой вид перепроизводства равнозначущ контролю общества над общественными средствами его воспроизводства». В капиталистических же условиях... «в этом, охватывающем целый ряд, цикле взаимно связанных между собою оборотов, к которым капитал прикреплен своею основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов»... (Маркс.)

зис каждый раз выправляет пропорции производства и потребления путем общего снижения цен и постоянного обесценения капитала.

Таким образом цикличность развития есть специфическая форма расширенного воспроизводства в условиях капитализма. Отсюда неравномерность темпа, как и неравномерность нормы накопления в пределах цикла; большая амплитуда колебаний между высокими темпами и нормой накопления (*Hochkonjunktur*) и суженным воспроизводством периода депрессии, а следовательно общий пониженный темп развития против общественно возможного (при другой социальной структуре).

Отсюда стремление к недостижимому идеалу—вечной высокой конъюнктуре, являющейся утопией для капитализма, и логическим условием воспроизводства социалистического хозяйства.

Вся иррациональность капиталистической системы в том, что безработнице на одной стороне отвечает масса свободных средств труда на другой; что неудовлетворенным общественным потребностям отвечает избыток C/V . В условиях неравномерного капиталистического развития отдельных секторов мирового хозяйства выходом для «избыточной» массы средств труда является внешний рынок и экспорт капитала. Но последний момент говорит как о тенденции к превращению данной страны из производителя в потребителя («страна-рантье»), так и о замедлении темпа воспроизводства ее производственного базиса.

Неполное использование капитализмом имеющихся производственных предпосылок вытекает также из нерационального географического разделения труда в мировом хозяйстве в силу политической дифференциации последнего.

Так как выгоды растущей производительности международного разделения труда используются отдельными «национальными» объединениями капиталистов неравномерно, то этим диктуются центробежные силы капиталистического мирового хозяйства; борьба за «национальную», хотя бы и менее производительную, систему производительных сил. (Анализ этого момента дан нами в статье «Проблема мирового хозяйства»)¹.

Но нерациональное географическое разделение труда имеет место и в капиталистическом «национальном» хозяйстве, обуславливаясь, помимо причин исторического и политического порядка, влиянием монополистических организаций.

Географически локализованные массивы старого капитала в условиях монополизма могут задерживать более производительную географическую конфигурацию производства, если это грозит обесценением существующего капитала. Частнохозяйственные выгоды покупаются народнохозяйственными потерями. С другой же стороны, монополистические организации могут задерживать технический

¹ «Вопросы Экономики» № 2, Труды научно-исследовательской кафедры по экономике. Харьков.

прогресс, опять таки, если это грозит обесценением существующего капитала.

Но даже в тех случаях, когда имеют место отдельные географические и технические сдвиги, стихийность перераспределения капитала приводит каждый раз к громадной растрате накопленных средств труда вследствие недоиспользования морально изношенных, но физически дееспособных старых вложений капитала. Планомерность такого перераспределения (пример Стального треста САСШ) является спорадическим явлением как в пределах «национального» хозяйства, так и тем более в пределах мирового хозяйства. Но если монополистические организации могут тормозить хозяйственный процесс в результате отсутствия конкуренции, то раздробленная система индивидуальных товаропроизводителей также задерживает рост производительности труда, мешая росту более высоких организационных форм, а потому кооперации и механизации труда. Особенно это относится к сельскому хозяйству.

Наконец сокращение V в P по мере роста производительности общественного труда в условиях капитализма обуславливает железный закон прогрессирующего замедления темпов. Таким образом этот момент, как и цикличность, ведут к прогрессивному снижению темпов стареющего капитализма, к прогрессивному росту недоиспользованию имеющихся материальных предпосылок производства. Отсюда перманентная перекапитализация и растущая переиндустриализация капиталистического хозяйства. Но именно последнее обстоятельство вызывает растущее общественное непроизводительное потребление, растущее расточение общественных средств производства и рабочих сил.

Само замедление темпа развития, т. е. всякий раз суженная возможность производительного накопления (рост производства средств производства) ведет к необходимости растущего непроизводительного потребления. Этому благоприятствует также экспорт капитала, как и вообще сама организация мобилизации накопления, ведущая к росту всевозможных титулов дохода. В этом же направлении действует и растущий налог на землю и недра—рента.

Как следствие этого, рост рантье, непроизводительных слоев населения, обслуживающих буржуазию и пр. И второе следствие этого—растущее непроизводительное накопление (Флорида, дворцы, драгоценности и т. д.). Но стремление закрепить за «национальной» производственной системой более выгодное место в общей системе международного разделения труда ведет в условиях замедляющих темпов развития мирового хозяйства к обострению международных отношений, а следовательно к росту милитаризма и маринизма, к росту затрат на армию, флот и промышленность, производящую средства разрушения. Одновременное же обострение социальных противоречий ведет к росту расходов на аппарат управления и принуждения, включая сюда расходы на церковь и... профсоюзы.

Растущая конкуренция и борьба за рынки сбыта ведут и к другого рода непроизводительным расходам—по распределению товарных ценностей, что еще более увеличивает неизбежные для капитализма *faux frais* производства. (По Чэзу, в его «Трагедии расточительства» доля торговой накладки в САСШ составляет по отдельным товарам до 40—50%).

Наконец дефектность рыночных регуляторов капиталистического хозяйства, цены и процента, действующих всегда *post factum*, также снижает темпы развития, нарушая межотраслевые пропорции. Отсюда на одной стороне потенциальное перепроизводство, а на другой—недопроизводство. (См. вышеприведенные выводы Маркса.) Как следствие этого—непомерно высокие издержки расширенного воспроизводства.

Таким образом, растущие издержки расширенного воспроизводства имеют место при переходе от одного уровня техники к другому, более высокому; от одной системы межотраслевых пропорций к другой; от менее рациональной географической конфигурации производства, к более рациональной; от низших организационных форм к высшим и т. д.

Прогрессирующее замедление темпа роста производительности общественного труда в капиталистических странах отражается и на социально-политической его конструкции. Нужно сказать, что в силу того закона менового хозяйства, по которому более производительный труд расценивается как более интенсивный, растущая выгода от обобществленного разделения труда используется отдельными социально-хозяйственными группами далеко не равномерно. Иначе говоря, растущая производительность всего общечеловеческого труда в меру роста международного разделения труда неодинаково используется отдельными странами, так как более богатая страна эксплуатирует более бедную даже в том случае, когда эта последняя выигрывает от обмена (Маркс). То же имеет место внутри каждой страны, между городом и деревней, внутри промышленности между отдельными отраслями и т. д.¹ Индивидуально неравномерное использование растущих выгод всего общественного труда отражается на различном материальном и культурном уровне одних и тех же социальных групп в различных странах и даже в каждой отдельной стране. Уже это обстоятельство отрицательно отражается на социальном единстве одних и тех же групп населения. Но реакционная роль этого фактора довольно слаба в период быстрого темпа развития капиталистического хозяйства, когда имеется много объективных возможностей перехода

¹ Вследствие неравномерного использования отдельными социальными группами растущей производительности общественного труда капитализму свойственно:

- а) отделять город от деревни;
- б) отделять умственный труд от физического;
- в) превращать в рабочее время всю жизнь одних классов, создавая абсолютное свободное время другим классам. Именно поэтому с ростом производительности общественного труда растет масса непроизводительного населения.

из низшей социальной группы в высшую. По мере же замедления темпов роста, по мере того, как происходит относительное падение V в P , в результате механизации и прогресса техники, все больше и больше ослабевают возможности массового вовлечения в производство живой силы, а также возможности социальных перегруппировок. Все это создает кастовую идеологию как внутри отдельных социальных групп, так и внутри отдельных подгрупп пролетариата (сравни, напр., рабочую аристократию Англии и всех нечленов тредюнионов, а также горняков той же Англии и рабочую аристократию в целом). Отсюда стремление каждой группы организационно закрепить за собою свою долю в общем общественном продукте. Но так как величина «национального» общественного продукта определяется положением данной «национальной» системы производительных сил в общей системе мирового хозяйства, то отсюда трогательное единство интересов рабочей аристократии и национальной буржуазии. Именно в этом экономические корни фашизма вообще с его корпоративизмом, в этом же корни социал-соглашательства и социал-империализма. (Сравни политику того же «рабочего» правительства Англии и политику с.-д. правительства Германии с политикой фашистской Италии.) Но такое замедление темпов роста производительности общественного труда приводит одновременно к резкому обострению как «национальных» интересов, так и классовых. Соответственно с этим, мирохозяйственная и «национальная» проблема, как и социальная проблема в целом, есть другая сторона проблемы производительности общественного труда.

* * *

Вопрос «кто—кого?» в переводе на экономический язык означает: какая из двух социально-экономических систем имеет больше объективных предпосылок для форсирования темпов роста производительности общественного труда?

Все вышеизложенное облегчает ответ на этот вопрос.

Преимущества нашего советского хозяйства перед капиталистическими вытекают из самой общественной организации производства, при которой делается ставка не на рентабельность, а на производительность в интересах расширенного потребления всех производительных групп населения. Это—преимущества крупного хозяйства перед мелким; планового—перед стихийным; преимущества общества с рациональной социально-политической структурой перед обществом, связанным всей системой социально-исторических пережитков; общества, где вся система надстроек служит целям наибольшего роста производительных сил, а не закреплению той или иной системы социально-экономического неравенства и т. д., и т. д.

Все эти моменты органического характера решающим образом отражаются на развитии системы факторов производительности общественного труда. К анализу этого влияния мы и переходим.

Начать с того, что несмотря на рост против довоенного времени потребительских фондов подавляющей массы населения (рабочих и крестьян), несмотря на сокращение нормы эксплуатации за счет сокращения абсолютного прибавочного продукта (8-часовой рабочий день при установке на 7-часовой день для одних групп и 6-часовой для других), норма накопления в нашем хозяйстве уже в 1927—28 г. составляла почти 19%, превышая довоенную в полтора раза, и достигая максимальных норм передовых капиталистических стран.

Так как параллельный рост нормы накопления и потребительских фондов широких трудящихся масс имел место в условиях недостаточного роста производительности труда рабочего и крестьянина в восстановительный период, то рост производительного накопления и производительного потребления в обоих случаях шел за счет резкого сокращения всех видов непроизводительного потребления довоенной России (платежи по займам, доходы дворянско-капиталистически-помпадурских элементов, милитаризм, бюрократия и т. п.).

Известное значение имело срезывание доходов высококвалифицированных групп трудящихся, лиц свободных профессий и т. д. Таким образом, один факт социальной революции создал предпосылки для удвоения темпа, удвоив норму накопления. Но дело в том, что наша система далеко еще не сказала по этому вопросу последнего слова. По мере производственной реконструкции промышленности и сельского хозяйства, по мере роста производительности труда рабочего и крестьянина норма накопления в наших условиях безусловно превысит не только 20%, но и 30%. Достаточно сказать, что уже на 1929/30 г. эта норма запроектирована в размере 38%. (Везде берем накопление как прирост основных оборотных фондов.)

Между прочим, вся глубина учености некоторых наркомфиновских профессоров видна из того, что они доказывали невозможность в наших условиях даже довоенной нормы накопления..., потому что у нас мало сбережений вследствие нивелировки доходов отдельных групп населения и слабое хозяйственное накопление вследствие «нерентабельных» цен. Авторитетные экономисты маленько ошиблись, потому что оперировали частнохозяйственными категориями (прибыль, убыток и т. д.). Между тем с народнохозяйственной точки зрения «нерентабельная» цена, снижая возможности накопления на одном полюсе (в месте производства), повышает норму накопления на другом полюсе (в месте потребления). Правда, эти выгоды являются безоговорочными только для продукции производственного потребления, а не личного; в последнем же случае орудием перераспределения должен выступить бюджет или кредит. Впрочем, политика перераспределения народного дохода в условиях советской системы далеко не срезывает этих выгод потребителя и потому параллельно с ростом нормы накопления будет иметь место и абсолютное увеличение фондов как номинальной, так и

тем более реальной зарплаты (или соответствующего эквивалента для крестьянства).

Как раз именно в политике снижающихся цен, сознательно и планомерно проводимой ряд лет, заключается принципиально иной характер советской системы распределения и перераспределения общественного продукта сравнительно с капиталистической системой.

Выше уже указывалось, что при капитализме выгоды от растущей производительности всего общественного труда используются отдельными участниками далеко не одинаково. Это происходит потому, что в силу законов ценообразования стихийного хозяйства более производительный труд каждой отдельной отрасли, каждой отдельной хозяйственной единицы расценивается как более интенсивный. Конкретно это выражается в том, что равные затраты труда двух рабочих одинаковой квалификации создают различные стоимости. Отсюда различный уровень зарплаты одних и тех же групп рабочих в разных отраслях даже внутри одной страны; отсюда же различие в уровне бытия города и деревни и т. д. Советская же система ценообразования распространяет выгоды растущей производительности труда более равномерно между отдельными социальными и хозяйственными группами. Поэтому, например, продажа сельхозмашин в убыток отражается рядом плюсов на других участках, которые имеют, благодаря этому, сниженные затраты на сельхозсырье, предметах продовольствия и пр. Точно также «нерентабельность» нашей тяжелой индустрии или промышленности стройматериалов окупается выгодами потребителей этой продукции. Орудием же перераспределения выступает более эластичная финансовая система, имеющая больше возможностей для классового подхода, чем система рентабельных цен. Соответственно с иными законами ценообразования существует и известная нивелировка уровня зарплаты в различных отраслях общественного хозяйства. С другой же стороны, снижающиеся цены на предметы потребления поднимают уровень реального потребления как городского, так и сельского населения, особенно категорий с ниже-средним уровнем дохода. Выгоды же прочих групп населения могут быть с большей социальной справедливостью скорректированы финансовыми мероприятиями. Насколько для многих непонятной является такая система перераспределения, насколько сильно влияние частных хозяйственных методов балансирования видно из того, что сплошь и рядом приходится бороться с тенденциями к росту цен как в маленьком кооперативе, так и в большом тресте. (Исключение могут составлять лишь те группы товаров, которые входят в структуру потребительского бюджета группы населения с выше-средним уровнем доходов, а также все товары непроизводительного потребления и накопления.)

Резкое сокращение фондов непроизводительного потребления довоенной России объясняет нам тот факт, что одновременно с ростом нормы накопления и фондов личного потребления повысились также и затраты на социально-культурное строительство.

Итак, одно изменение пропорций перераспределения общественного продукта против довоенного времени создает предпосылки резкого усиления темпов роста советского хозяйства сравнительно с любым капиталистическим хозяйством; поэтому темпы довоенной России — три процента ежегодно — могут быть удвоены и утроены даже на основе уже приведенных предпосылок.

Но дело в том, что реконструкция системы производства и обращения позволяет нашему хозяйству развиваться со значительно меньшими резервами, чем стихийному хозяйству. Объективные предпосылки этого заключаются в исключительной концентрации промышленности и торговли (трестирование, синдицирование и пр.); в плановом учете потребностей обобществленного рынка; в более или менее точном учете потребностей неорганизованного рынка (система гендоговоров, контракция, частные балансы и пр.; в выпрямлении товаропроводящих каналов (транзит); в работе на заказ и т. д., и т. д.

Все эти моменты организационного характера, плюс, наличие потенциально-возможной, перманентной высокой конъюнктуры (см. далее), позволяют нашему хозяйству, даже при равной сумме накопления с капиталистическим хозяйством, иметь более высокие темпы в силу более эффективного использования этого накопления.

Вышеприведенные организационные моменты, облегчая все процессы обращения (трансформация $T \rightarrow D$ и $D \rightarrow T$), т. е. повышая скорость оборота общественного капитала, уменьшают в то же время массу непроизводительных расходов менового хозяйства (торговая наценка, издержки денежного обращения и т. д.).

Но если снижение нормы резервов и массы непроизводительного потребителя, при прочих равных условиях, повышают объем капитального строительства в количественном отношении, то политика капиталовложений повышает этот объем в качественном отношении. Делая ставку не на рентабельность, а на производительность, мы имеем возможность ценою временного нарушения межотраслевых пропорций форсировать развитие «ведущих», т. е. наивысших в производственной вертикали отраслей, на основе расширенного воспроизводства которых происходит последующее подтягивание всех прочих отраслей. Противопоставляя такой «скачкообразный» путь развития обычному «эволюционному», я писал, что он в наибольшей мере гарантирует рост производительности труда целого комплекса отраслей, связанных между собою по вертикали (см. «Плановое Хозяйство» № 4, 1929 г.). Капиталистическое же хозяйство, повинувшись рыночным регуляторам, имеет обратную последовательность развития: от низших звеньев вертикали к высшим. Этим достигается каждый раз больше элементов равновесия, но снижаются реконструктивные возможности. Известный корректив все же вносит такой вне-рыночный регулятор, как политика протекционизма. С другой же стороны, мы имеем больше возможностей в деле повышения уровня механизации как ведущих, так и всех прочих отраслей.

Последнее, правда, должно происходить соответственно с вышеизложенными критериями. Наши возможности в этом отношении, как и в отношении форсирования «ведущих» отраслей, объясняются возможностями планового воздействия на рынок, а не пассивного приспособления к нему.

Здесь нужно подчеркнуть один фактор ускорения наших темпов, не зависящий от преимуществ нашей социально-экономической системы. Мы имели бы более ускоренные темпы, чем любая капиталистическая страна, даже при всех прочих равных условиях в силу того, что вообще всякая страна более поздней индустриализации развивается более быстрым темпом, чем страны ранней индустриализации. Объясняется это тем, что страна более поздней индустриализации начинает свое развитие на более повышенном уровне технической культуры, чем страны ранней индустриализации.

В условиях относительной недостаточности капиталов нам нужно научиться применять их наиболее совершенным образом. Исключительное значение в этом отношении должна иметь работа наших исследовательских организаций и пр. Нам нужно не только усвоить уровень технического развития Запада, но и перегнать этот уровень, делая иногда ставку на целые «технические революции». И в этом отношении Германия во многом пример для нас. Бедная против Америки капиталами Германия сумела так рационализировать свою промышленность, что в техническом отношении далеко обошла в ряде отраслей своего кредитора (пример более дешевых, но более производительных доменных печей). Отсюда исключительное значение рационализаторских и реконструктивных мероприятий у нас.

Нужно сказать, что в этом отношении мы имеем все преимущества перед странами старой индустриализации, так как в последних технически старый основной капитал может даже задерживать введение нового более производительного оборудования. Конечно, если в отдельных отраслях технически новая конструкция логически связывается с повышенной механизацией труда, то вопрос разрешается сразу положительно. Вообще же, нахождение определения оптимального уровня механизации в каждом отдельном случае должно разрешаться путем чисто бухгалтерского подсчета. Это вопрос калькуляции.

Переходим к анализу прочих факторов ускорения темпа нашего развития, вытекающих из самой природы нашей системы. Наша система гарантирует возможность рационального географического разделения труда в силу обобществленной организации производства. При этом самый факт географического перераспределения капиталов, точно также, как факт введения технически более совершенных орудий производства, может происходить в наших условиях при минимальных общественных издерж-

ках воспроизводства. Географически нерационально локализованное старое производство, как и технически старое предприятие, являясь менее эффективными единицами, чем новые, не выходят все же из эксплуатации, продолжая давать производственный эффект до своего физического износа.

В капиталистических же условиях эти процессы совершаются с большими издержками воспроизводства.

Но наше хозяйство может форсировать темпы развития не только путем изменения эволюционного характера развития системы отраслей (пропорции ведущих и прочих отраслей и т. д.), а также путем изменения эволюционного характера развития организационных форм в каждой из отраслей. Вряд ли нужно доказывать преимущества крупного хозяйственного предприятия перед мелким, обобществленных форм перед частно-предпринимательскими. Между тем, в силу частнохозяйственной структуры капиталистического хозяйства, развитие высоко-организованных форм хозяйства (тресты, комбинаты и пр.) происходит на основе конкуренции и централизации капитала лишь постепенно и опять таки с большими издержками воспроизводства. Больше того, в таких отраслях как сельское хозяйство, где эти процессы вообще развиваются замедленным порядком, на пути концентрации и централизации капитала ставятся по политическим соображениям искусственные правовые рога (ставка на реакционное крепкое крестьянство). В наших же условиях процессы обобществления и укрупнения, стимулируются всеми мероприятиями экономической политики, не ожидая «естественного» созревания этого процесса. Сюда относятся все процессы производственного кооперирования, коллективизации, организация МТС и т. д.). Соответственно с этими процессами растет эффективность одной и той же массы капиталовложений, так как таковая может принять технически более совершенную форму в крупном предприятии, чем в мелких.

Все эти процессы, повышающие массу производительного накопления, повышающие степень технически более эффективного применения данной массы накопления, совершаются в условиях, которые гарантируют максимальные возможности в деле производственного использования существующих материальных ценностей.

Сама рационализация рабочего времени—пятидневка при беспрепятственной неделе—гарантирует почти 20% усиление степени технического использования машин и зданий. Но дело не только в этом. Дело в том, что в силу принципиально иного характера нашей социально-экономической системы, сравнительно с капиталистической, мы имеем потенциальные возможности постоянной высокой конъюнктуры, т. е. перманентно высокой степени нагрузки имеющегося основного капитала. В силу принципиально иного характера взаимоотношения потребления и накопления, в силу плановой организации производства—рынок в наших условиях не может быть

узким местом. Абстрактно рассуждая, для социалистического планового хозяйства проблема рынка не существует, так как человеческие потребности не ограничены. Узким местом в нашем хозяйстве всякий раз могут быть только производственные возможности.

Соответственно с этим циклическая форма развития хозяйства является для нас не обязательной. Речь может идти только в известной степени о цикличности конъюнктурных резервов в связи с технически неравномерным процессом восстановления основных капиталов. Больше того, делая ставку не на рентабельность, а на производительность, мы можем расширить пропорции «А» и «Б» (производство средств производства и производство средств потребления) в гораздо большей мере, чем это имеет место в капиталистическом хозяйстве.

В капиталистическом хозяйстве рост группы «А» всякий раз поддерживается падением процента на капитал сравнительно с группой «Б»; в наших же условиях возможно развитие группы «А», независимо от этого момента, как и независимо от состояния основного капитала группы «Б». «Избыточный» чугун, машины и пр. могут уйти в дорожное строительство и в средства транспорта, в жилищное и социально-культурное строительство, наконец в мероприятия по усилению обороноспособности страны.

Пропорции между «А» и «Б» сохраняются лишь в полной мере между «Б» в целом и всей массовой V в «А + Б», но не между «А» в целом и «С» в «А + Б».

К этим чисто экономическим преимуществам нашей системы следует отнести ряд других преимуществ: более или менее радикальное устранение всех социально-исторических пережитков (сословия, классы, клерикализм, собственность на землю и т. д.), принципиально иной характер надстроек (государство, общественные организации, этика, искусство и пр.), что является дополнительным фактором усиления темпов хозяйственного развития. Наконец, неисчерпаемые резервы кроются в разбуженной активности широчайших масс населения, для которых советская социально-экономическая и политическая система является не аппаратом классового насилия и эксплуатации, а формой производственной демократии.

При всех этих преимуществах мы имеем чрезвычайно благоприятные естественные условия как по абсолютному богатству, так и по степени дифференциации этих благ. В этом отношении из всех стран в наибольшей мере к нам приближаются САСШ.

Итак, наша социально-экономическая система имеет следующие предпосылки, гарантирующие чрезвычайное ускорение темпов хозяйственного развития:

а) Повышенная норма накопления, вследствие уменьшения всех видов непроизводительных расходов при относительно высоком

уровне фондов потребления широких масс населения и фондов финансирования мероприятий социально-культурного характера.

б) Наиболее эффективное использование массы накопления: сниженный удельный вес всех видов непроизводительного накопления; сниженная норма резервов; политика капиталовложений, ориентирующаяся на производительность; форсированное развитие «ведущих» отраслей; форсированное развитие более высоких организационных форм производства; рациональное географическое разделение труда; усвоение последних достижений науки и техники и т. д., и т. д.

в) Более интенсивное использование имеющихся материальных предпосылок производства как в силу рационального использования капитала (беспрерывная неделя, сменность и т. д.), так и вследствие принципиально иной, чем при капитализме, роли рынка (потенциальная возможность ациклического воспроизводства при устранении имманентной тенденции капиталистического хозяйства к перепроизводству).

г) Сниженные издержки воспроизводства всей системы при переходе от одних межотраслевых пропорций к другим; от более низких организационных форм к более высоким; от одного уровня техники к другому; от одной географической конфигурации производства к другой и т. д., и т. д.

д) Более или менее радикальное устранение всех социально-исторических пережитков; рациональный характер всех надстроек (государство, общественные организации и пр.); социализированная идеология широких трудящихся масс в противоположность индивидуализированному мировосприятию конкурирующего антагонистического капиталистического общества; растущая тенденция к слиянию общества и государства на началах производственной демократии и т. д., и т. д.

Наличие всех этих предпосылок гарантирует нам уже в настоящем, на унаследованной базе производительных сил, по меньшей мере в пять-шесть раз более высокие темпы, чем темпы развития довоенной России (три процента годовых) или современного мирового хозяйства в целом.

Это значит, далее, что темпы нашего развития в ближайшие годы почти в три раза будут превышать темпы САСШ в период их наиболее интенсивного роста.

Но нужно иметь в виду, что такие высокие темпы могут быть реализованы не в порядке «самотека», а в порядке напряженной борьбы за реализацию тех самых предпосылок, которые потенциально заложены в нашей системе. Дело в том, что в результате тех или других «плановых» просчетов или просто недоучета, мы можем нарушать тот оптимум пропорций, который гарантирует наибольшие темпы. Отсюда возможность повышенных издержек расширенного воспроизводства и даже возможность снижения потенциально-возможных

высоких темпов развития. Мы подчеркиваем: существуют пропорции абсолютного равновесия и существуют пропорции относительного равновесия; первые гарантируют более замедленные, вторые—более ускоренные темпы развития. Но так или иначе, а существуют пропорции как условия темпа, и потому всякий флюсообразный рост так же для нас вреден, как общественное расточительство.

Чрезвычайно отсталое состояние нашего дорожного хозяйства и складского хозяйства (холодильники и пр.) затрудняет снабжение городских и рабочих центров даже достаточными видами сельскохозяйственной продукции. Но скверное состояние наших дорог, холодильного транспорта и складского хозяйства ведет и к повышенным издержкам обращения вследствие громадных потерь как по линии самой продукции, так и по линии высоких транспортных издержек. Вообще говоря, всякая транспортная наценка есть прямой вычет из общественной продукции угля, чугуна, нефти, леса, предметов широкого потребления транспортных рабочих и служащих, кормов для скота и т. д. Поэтому, чем меньше сумма транспортных издержек, тем выше норма накоплений в общей сумме общественной продукции. Не может быть сомнений, что ежегодная сумма этих непроизводительных затрат измеряется у нас сотнями миллионов рублей. Такая общественная расточительность объясняется более чем пониженными затратами капитала в дорожное и торговое строительство. Поэтому одно упорядочение наших дорог и складского хозяйства (элеваторы, холодильники и пр.) повысило бы массу накопления на сотни миллионов рублей ежегодно. Но такого же рода общественная расточительность имеет место и в нашем капитальном строительстве, где господствует увлечение высокими строительными нормами (повышенные запасы прочности) и т. д. Некритическое же увлечение высокой механизацией, как и плохая проработка проектов капитального строительства, а часто вовсе безпроектное строительство, приводят к тому, что мы имеем и дорогую продукцию (сравни борьбу за снижение себестоимости), и меньшую отдачу капитала, т. е. меньший выход продукции на единицу капитала против возможного. К этому нужно прибавить еще неупорядоченную организацию самого строительства,—затяжка строительства, «лежачее» оборудование, плохое качество стройматериалов и т. д.

Упорядочение всех этих моментов было бы равносильно импорту капитала. Иначе говоря, мы стараемся больше не от бедности, а от неумения использовать имеющиеся возможности. Достаточно привести такой пример, как мобилизация внутренних ресурсов в 1928/29 г. Возможность такой мобилизации говорит о том, что у нас несколько лет лежал мертвый капитал, превышающий по величине стоимость Днепростроя. С другой же стороны, мы имеем более чем ослабленные маневренные резервы по ряду иногда самых необходимых хозяйствен-

ных благ (особенно строительных материалов и предметов питания). Но тот факт, что самым узким местом нашего строительства является культура—этот факт в значительной мере объясняется отставанием темпов социально-культурного строительства страны от общего темпа всего хозяйственного строительства. Отсюда как остро выявившийся дефицит квалифицированных кадров, так и ряд недочетов нашего строительства. Особенно остро стоит проблема культуры на селе, где имеет место наиболее напряженная борьба за организационно-техническую реконструкцию всего сельскохозяйственного производства.

И как это ни парадоксально, говоря о проблеме кадров, имеют в виду в основном кадры технических работников, а не социально-экономических инженеров. Между тем организация планового хозяйства, лишенного стихийных регуляторов менового хозяйства, логически немыслима без наличия высококвалифицированных кадров экономистов-плановиков. Сплошь и рядом наше бытие опережает наше сознание, тогда как нам нужно было бы на 100% осознавать это бытие для того, чтобы изменять его.

Этим выдвигается самая боевая из всех задач: задача резкого повышения уровня плановой культуры в нашей стране. В свою очередь, это требует и радикальной реорганизации существующей системы планирования, учета и контроля.

Экономический кризис в Соединенных Штатах

I

Биржевой крах, получивший наиболее яркое выражение 3, 25 и 29 октября в США, не является для экономистов-марксистов неожиданностью. Это является вполне закономерным, целиком обусловленным предыдущим «расцветом» (prosperity) США явлением, и очередным конкретным подтверждением марксовой теории промышленных кризисов.

Кризис разразился в США как раз в такое время, когда, с точки зрения американских оптимистов, меньше всего существовало для этого оснований. Во главе правительства США стоит испытанный руководитель капиталистического «процветания» — Гувер — этот, по меткому выражению т. Осинского, «оптимист по обязанности». Гувер предсказывает США одно лишь процветание и преуспеяние в промышленности и торговле. Под его председательством лучшие буржуазные экономисты США составили обзор о положении в стране, где нет места ни одной пессимистической нотке¹. Оба тома обзора каждой строчкой говорят о под'еме, об успехе и расцвете США и об их счастливом экономическом будущем.

В самом деле, в стране в это время имеет место невиданный под'ем в промышленности и торговле. Одно лишь сельское хозяйство отставало и время от времени выплывало темным облачком на светлом небосклоне американского «просперити». Но в 1929 г. было принято Конгрессом и утверждено Гувером решение о помощи фермерам. Следовательно и здесь, по мнению оптимистов, не могло быть места унынию. Одним словом, получалось: что дела идут хорошо, бизнесмены потирают руки от удовольствия, на бирже — оживление, спекуляция в полном расцвете, а буржуазные экономисты предсказывают блестящий успех.

Положение США в мировом хозяйстве также складывалось хорошо. США из месяца в месяц увеличивали свой экспорт, чувствительно тесня другие страны и, в первую очередь, Англию. Экспорт за последний год усилился, главным образом, за счет форсирования вывоза готовых фабрикатов. За последний фискальный год (июль 1928 г. — июль 1929 г.) США увеличили свой экспорт на 10,7%, причем экспорт готовых изделий увеличился на 21,7%. Доля готовых изделий во всем экспорте США повысилась с 43,2% до 47,5%. Особенно сильно вырос экспорт черных металлов, который за первое полугодие 1929 г., по сравнению с тем же периодом 1928 г., дает увеличение на 40%.

За это время усилилась также империалистическая экспансия США: поездка Гувера в Латинскую Америку, агрессивная политика в

¹ Recent economic changes in the United States, Report of the committee on recent economic changes, of the presidents conference on unemployment. Herbert Hoover, chairman, 2 volumes N.-J., 1929.

отношении Англии, усиленная скупка германских предприятий, громадный рост экспортированного капитала и укрепление влияния США в Мексике, Китае и др. Одним словом, доллар становится властелином мира, а Гувер—его пророком. И вдруг «беда среди бела дня»—небывалый крах на бирже, по своей панике, катастрофичности и последствиям напоминающий наиболее острые кризисы довоенного времени: крахи 1903, 1907 и 1914 гг.

На первых порах буржуазная печать восприняла лишь финансовую сторону разразившегося кризиса. Европейские и американские журналы и газеты ограничивались лишь простым описанием драматических событий на бирже, уделяя при этом больше всего внимания финансовому краху, как таковому, и вытекающим из него последствиям: разорению мелких держателей, банкротству фирм по рекламированию биржевых ценностей, размерам катастрофы и т. д.

Больше того, в самой Америке большинство политиков, промышленников и ученых долгое время пытались создать впечатление, что биржевой кризис—явление случайное, вызванное лишь «техническими условиями» и что никакой угрозы для дальнейшего развития и процветания США не имеется. Когда в начале сентября Роджерс Бэбсон поставил вопрос о надвигающемся кризисе и предостерегал от оптимистической оценки дальнейшего развития, Ирвинг Фишер ему доказывал, что «основа американского хозяйства вполне здорова».

После 3 октября, когда падение курсов на бирже было особенно значительно, в «Еженедельном обзоре Гарвардского экономического общества» от 5 октября¹ писалось: «Теперешнее снижение курсов на бирже превосходит по своей величине лишь наименьшие в последние годы... Мы думаем, что такое снижение не обуславливает длительный период дальнейшего падения биржевых ценностей, но окажется лишь переходным явлением, как это было в 1921 г.... При данных условиях длительное падение биржевых ценностей является неправдоподобным».

Нечего и говорить, что остальные официальные оптимисты также остались верны себе. В конце октября, после двух новых паник на бирже 25 и 29, ньюйоркские банкиры выпустили заявление, в котором уверяли широкую публику, что «паника на бирже не отражает состояния экономики страны». Вслед за тем выступил Гувер с таким же «авторитетным» заявлением, что «положение основных отраслей промышленности и торговли является благоприятным».

В то же время началась подозрительная возня различных комиссий, которые должны были предотвратить возможность обще-экономического кризиса. По данным печати, Гувер имел несколько совещаний с представителями банков, промышленности, сельского хозяйства и американских тредюнионов (т. е. с профчиновниками типа Грина и др.). На этих совещаниях Гувер «уговаривал» руководителей строительных и крупных железнодорожных кампаний не снижать темпа строительства. От Грина Гувер добился обещания, что забастовки будут уничтожены и не будут иметь места. Банкиры решили организовать интервенцию на бирже, чтобы прекратить дальнейшее падение курсов. Учетная ставка была снижена 31 октября с 6 до 5%, а через месяц до 4½%, а Меллон к тому же пообещал также снизить ставки подоходного налога на 1% и организовать строительные работы для предупреждения роста безработицы.

Все эти мероприятия должны были несколько успокоить на смерть перепугавшегося «делового» обывателя и уверить его, что

ничего опасного не угрожает дальнейшему процветанию США. В этих же целях Гувер даже выступил со вторым публичным заявлением, в котором намеренно подчеркнул, что «промышленность будет процветать и впредь, вопреки биржевому краху».

Один лишь Форд не постеснялся заявить открыто и явно, в разрез с оптимистическими заверениями Гувера, что «наступивший упадок деловой жизни отнюдь не вызван падением курсов ценных бумаг на Ньюйоркской бирже. Наоборот, депрессия промышленности предшествовала биржевому краху». И как бы в подтверждение своего мнения, Форд, в добавление к ранее закрытому им предприятию по сборке машин в Деласе, закрыл такое же предприятие в Денвере, сократив количество занятых рабочих больше, чем на 30.000 человек.

Все эти факты мы привели для того, чтобы показать, что несмотря на то, что кризис в Соединенных Штатах уже начался, буржуазные ученые и руководители промышленности настолько ослеплены прошлым периодом «процветания» США, что не имеют в себе мужества констатировать самый факт начала кризиса. С точки зрения этих оптимистов получается, что «тем хуже для самого факта».

Истинная же суть дела такова, что разразившийся биржевой кризис явился лишь выражением еще ранее начавшегося промышленного кризиса. Не биржевой крах привел к кризису, а, наоборот, элементы кризиса в производстве с неизбежностью обусловили биржевой крах.

Элементы кризиса в производстве и промышленности начали выявляться еще в июне—августе сего года, прорвавшись в первую очередь в сельском хозяйстве, нефтяной, автомобильной, строительной и металлургической промышленности, и в форме биржевого краха опрокинули скрывавшую их надстройку, чтобы в дальнейшем проявиться в еще более резкой и катастрофичной форме во всех остальных областях промышленности, торговли и обмена.

И прямо смешными являются торжественные заявления «сильных мира» США, что кризиса в промышленности не будет, что предприниматели не будут сокращать производства, что рабочие не будут бастовать и т. д. Объективные и стихийные законы капитализма не поддаются «заговариванию» и действуют с силой естественных законов природы. Ничего поэтому нет удивительного в том, что явления кризиса все больше и больше будут расширяться и углубляться и неизбежно должны будут вылиться во всеобщий экономический кризис.

II

Перейдем теперь к более детальному ознакомлению с теми кризисными явлениями, которые еще до биржевого краха проявились в различных отраслях народного хозяйства США. Начнем с перепроизводства в нефтяной промышленности. После значительного скачка в 1927 г. нефтедобыча США остается в 1928 г. почти стабильной.

Динамика нефтедобычи в 1925—1928 гг. в США

Таблица 1

	1925	1926	1927	1928
В миллионах баррелей	763,7	770,8	901,1	902,0
В % к предыдущему году	—	+2,1	+16,2	+0,1
Вывоз из США в миллионах тонн	—	17,1	16,8	20,1
Запасы в миллионах баррелей	545	520	589	614
В % к предыдущему году	—	—4,6	+13,1	+4,3

¹ Harvard economic Society, October 5, 1929.

Из приведенной таблицы видно, что перепроизводство нефти, наметившееся в 1927 г. и выразившееся в огромном росте добычи на +16,2 и запасов на +13,1, в 1928 г. удалось несколько рассосать. Этому способствовало достигнутое в 1928 г. перемирие между нефтяными трестами. В 1929 г. перемирие вновь сменилось острой борьбой за рынки сбыта и добыча нефти вновь сильно поднялась.

Из таблицы 2 видно, как добыча нефти в США в 1929 г. все возрастает, а вместе с ней растут также и запасы, при систематическом снижении экспорта нефтепродуктов из США за границу. Запасы в июне этого года значительно возросли по сравнению с тем же месяцем в прошлом году (не меньше, чем на 45 млн. баррелей). Одновременно растет также и среднесуточная добыча, достигнув к концу июня 2.815 тысяч баррелей в день т. е. на 12% больше, чем среднесуточная за тот же месяц в прошлом году.

Наряду с этим (а вернее именно поэтому) наблюдается устойчивая тенденция к снижению цен на мазут и газолин, в особенности с мая—июля месяцев и, как результат, снижение курса нефтяных акций.

У некоторых может вызвать недоумение, почему рост цен на сырую нефть продолжается почти непрерывно, при одновременном снижении цен на переработанные нефтепродукты: на газолин и мазут. Но это явление в эпоху господства монополий—вполне закономерное, ибо цены на сырую нефть устанавливаются Стандарт Ойлем, значение же этой крупнейшей в мире монополии для регулирования рынка достаточно широко известно, а цены на готовые нефтепродукты, ко-

торые сбываются непосредственно потребителю для соответствующего технического потребления, сильно колеблются в зависимости от спроса. Вот почему цены на мазут, употребляющийся для топки пароходов и цены на газолин, потребляемый на автотранспорте, заметно снижаются под давлением значительного перепроизводства, явно

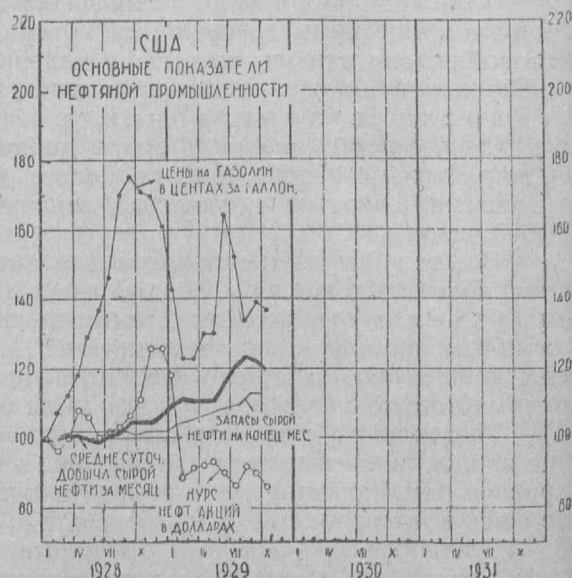

Диаграмма 1

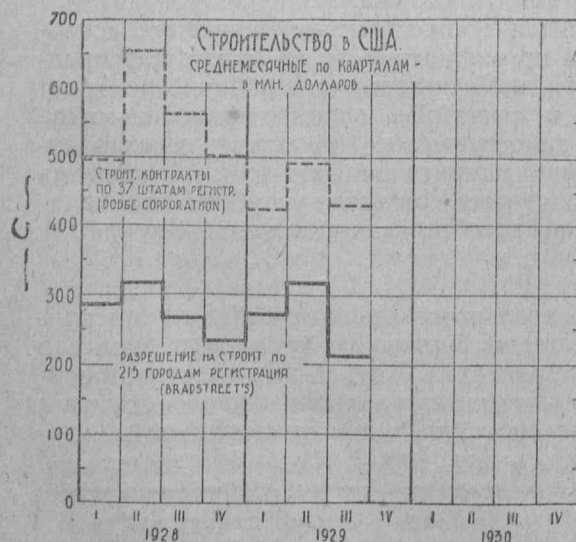

Диаграмма 2

выявившегося в июле-августе месяцах, в то время как сырая нефть показывает даже некоторую, правда незначительную, тенденцию к повышению.

В отношении строительства 1929 г. является депрессивным. Явления перепроизводства и общего перелома выявились еще в 1928 г. Общая ценность строительства в этом году (по данным регистрации строительных контрактов корпорации Доджа по 37 штатам, охватывающим до 90% строительства США) выражается в сумме 6.405 млн. долларов против 6.084 млн. в 1927 г. По всей территории США ценность строительства в 1928 г., повидимому, достигла 7 миллиардов долларов и превышала, таким образом, строительство 1927 г. не меньше, чем на сумму в 500 млн. долларов.

В 1929 г. строительство дает значительное снижение, что видно из таблицы 3 и из диаграммы 2. По приблизительным подсчетам объем строительства в 1929 г. будет на один миллиард меньше, чем в 1928 г.

Таблица 2

Основные показатели состояния нефтепромышленности США

	Добыча сырой нефти в млн. баррелей.	Запасы		Экспорт всех нефтепр. в млн. баррелей	Ц е н ы				Индекс нефтян. акций (Oil & gas)
		Всех нефте-прод. в млн. баррелей	Газолина в центрах за галлон		Сырой неф-сильван. нефти в цент.	Газол. мотор. S. A. в цент. за галлон	Мазут в цент. за баррель		
1928 год									
Январь	73,5	596,3	36,1	12,4	2,65	5,5	0,72	63,41	
Февраль	69,8	603,4	38,8	10,9	2,65	6,0	0,76	61,09	
Март	74,7	610,2	40,2	12,2	2,80	6,3	0,80	63,22	
Апрель	72,7	612,7	40,2	12,5	2,80	6,7	0,80	68,39	
Май	74,3	618,7	37,3	14,8	2,80	7,2	0,72	67,38	
Июнь	71,7	613,4	34,4	13,7	2,90	7,7	0,69	63,36	
Июль	74,8	612,1	30,4	14,4	3,10	8,2	0,66	64,59	
Август	76,6	609,6	27,2	12,4	3,10	9,6	0,65	65,62	
Сентябрь	76,0	607,2	26,4	12,5	3,25	9,6	0,64	66,97	
Октябрь	78,8	607,4	26,5	11,8	3,35	9,6	0,64	70,16	
Ноябрь	75,8	609,1	29,1	12,7	3,50	9,4	0,64	79,59	
Декабрь	79,4	614,5	33,1	10,7	3,75	9,0	0,64	79,68	
1929 год									
Январь	82,0	626,0	40,6	13,4	3,95	8,0	0,57	74,62	
Февраль	75,7	634,1	45,7	10,8	4,00	6,9	0,57	55,78	
Март	82,5	642,5	47,2	11,9	4,00	7,0	0,58	55,97	
Апрель	80,1	649,6	47,0	11,7	4,00	7,3	0,57	58,39	
Май	84,4	652,0	44,6	12,6	4,00	8,0	0,54	58,98	
Июнь	83,4	659,9	41,5	13,6	3,85	9,2	0,55	57,24	
Июль	91,3	667,0	37,9	15,1	3,85	8,5	0,55	56,14	
Август	92,3	672,1	33,8	14,4	3,78	7,5	0,50	58,21	
Сентябрь	88,4	677,4	33,2	9,9	3,28	7,8	0,55	57,22	
Октябрь	—	—	—	—	—	7,7	—	54,47	

Квартальные показатели количества заключенных контрактов в 1929 г. показывают снижение по сравнению с теми же периодами за 1928 г. То же показывает и сравнение общих сумм ценности строительства и данные разрешенного строительства по 215 городам. Всего

за первые девять месяцев имеется уменьшение на 12% по сравнению с тем же периодом за прошлый год.

Таблица 3.

Данные о строительстве в США за 1928/1929 гг.

	Разрешение на строительство по 215 город. (рег. Bradstreet's) в млн. долларов	Квартальные, средние месячные данные	Строительные контракты по 37 штатам регистр. корпораций Доджа (в млн. долл.)	Квартальные, средние месячные данные
1928 год				
Январь	222,4	284,6	427,2	495,0
Февраль	287,7		465,3	
Март	343,6		592,6	
Апрель	295,6		643,2	
Май	328,3	316,0	668,1	653,9
Июнь	324,0		650,5	
Июль	286,9		583,4	
Август	276,2		517,0	
Сентябрь	238,7	267,3	587,7	562,7
Всего за 9 месяцев	2.603,4		5.135,0	
Октябрь	252,1	233,7	597,1	500,5
Ноябрь	231,6		471,5	
Декабрь	217,4		432,8	
Всего за год	3.304,5	275,4	6.636,4	553,0
1929 год				
Январь	213,3	271,8	410,0	418,7
Февраль	229,7		361,3	
Март	372,4		484,8	
Апрель	479,5		642,1	
Май	259,9	319,4	587,8	591,9
Июнь	218,8		545,9	
Июль	241,1		652,4	
Август	211,9		488,9	
Сентябрь	183,6	212,2	445,4	528,9
Всего за 9 месяцев	2.910,2		4.538,6	

Из приведенной таблицы видно, какое резкое падение строительства имеется в августе и, в особенности, в сентябре как по строительным контрактам по 37 штатам, так и по 215 городам. По отдельным видам строительства наибольшее снижение в 1929 г. по сравнению с 1928 г. дают: жилищное строительство, предприятия общественного назначения и пр. (public utilities). Производственное же строительство стоит на высоком уровне, что еще больше подчеркивает момент перепроизводства.

Так как строительство в США справедливо считается одной из основных отраслей народного хозяйства, то совершенно очевидно, что такое резкое снижение в последние месяцы должно было неблагоприятно сказаться и на состоянии стройматериалов: кирпич, цемент, лесной материал и т. д.

Но самым уязвимым местом американского prosperity во все времена было сельское хозяйство. После незначительного улучшения в 1927 г. положение фермеров опять ухудшилось в 1928 г. и таковым остается по сей день. Необходимо отметить, что фермерская проблема в США в данный период достигла такой остроты, что она не может быть разрешена как в годы хорошего урожая (1928 г.), так и в годы плохого урожая (1929 г.).

До сих пор на сельском хозяйстве США весьма плохо отражаются все еще существующие «ножницы» — расхождение между ценами на отчуждаемые сельскохозяйственные продукты и ценами на приобретаемые фермером промышленные товары.

Таблица 4.

Соотношение цен на сельскохозяйственные и промышленные товары в США¹

Д а т ы	Индекс цен на отчуждаемые с.-х. продукты	Индекс цен на приобр. фермерами промтов.	Отношение первого индекса ко второму
(VIII 1909 г.—VII 1914 = 100)			
1919	209	205	102
1920	205	206	99
1921	116	156	75
1922	124	152	81
1923	135	153	88
1924	134	154	87
1925	147	159	92
1926	136	156	87
1927	131	154	85
1928	139	156	90
1929 ²	138	154,7	89

По отдельным с.-х. продуктам покупательная способность еще более низкая, что видно из следующих данных:

	1925	1926	1927	1928
Хлопок	92	57	104	92
Пшеница	106	90	82	70
Картофель	180	131	89	52

Но совершенно убийственными для фермерства США являются низкие цены на сел.-хоз. товары. Из таблицы 4 и диаграммы 3 видно, что цены на пшеницу в мае 1929 г. были ниже, чем когда бы то ни было раньше в послевоенные годы, за исключением 1923 г., что цены на картофель в 1929 г. были ниже, чем даже в довоенный период. Цены на картофель в апреле—июне были в два-три раза ниже, чем в 1925—1926 г. Цены на свинину также очень низкие, а в январе-феврале 1929 г. достигли небывало низкого уровня, почти равного довоенному времени. Падение цен имело место также в отношении кукурузы и хлопка.

Хотя цены на хлебные культуры и предметы животноводства дали некоторый рост в июле—августе месяцах, но это был лишь временный скачок, вызванный искусственным вздутием цен со стороны спекулянтов, благодаря усиленному муссированию слухов о предстоящем неблагоприятном урожае. С августа месяца цены вновь начинают

¹ По данным „Crops & Markets“.

² Среднемесячные за первые 9 месяцев.

Таблица 5

Цены 5 основных сельскохозяйственных товаров США
(Среднемесячные для 1913/1929 гг. и месячные для I/VI 1929 г.)

Д а т ы	Пше- ница ¹	Куку- руза ¹	Карто- фель ¹	Свинина ¹	Хлоп. сыр. ²	Примечание
	В долларах и центах					
	Чикаго за 100 бушелей		Нью-Йорк за 100 ф.			
1913.	98,60	61,60	1,02	15,20	12,74	¹ Данные из „Bulletin Mensuel de l'office permanent“ (La Have)
1919.	235,70	158,00	2,38	35,00	31,90	
1920.	252,30	132,70	4,34	31,50	21,67	
1921.	143,50	56,50	1,79	25,90	13,58	
1922.	123,80	61,40	1,69	23,60	21,40	
1923.	117,00	81,10	1,46	19,00	26,68	² Данные из „The Index“ (New-York)
1924.	127,74	95,42	1,37	19,65	27,77	
1925.	177,02	101,72	2,09	25,89	23,75	
1926.	154,20	73,60	3,01	22,40	17,33	
1927.	137,70	88,10	2,31	18,30	17,84	
1928.	154,00	97,70	1,35	17,00	20,52	³ Для 1929 г. взята среднемесячная за 6 месяцев январь — июнь
1929 ³	131,28	92,03	0,83	18,42	19,83	
Январь	140,50	91,50	1,04	15,90	20,18	
Февраль	144,70	96,90	0,87	16,90	20,70	
Март	133,80	94,80	0,81	19,40	20,95	
Апрель	127,30	90,50	0,70	19,80	19,90	
Май	119,30	86,40	0,79	19,30	18,70	
Июнь	122,10	92,10	0,79	19,20	18,55	

снижаться (см. диаграмму 3), несмотря на то, что к тому времени уже был установлен факт недорода в США и довольно значительного недобора хлебов в Канаде. В ноябре цены на пшеницу упали до уровня июньских цен с/г.—самых низких цен за последние годы.

Несмотря на то, что еще в июне был принят Конгрессом закон об организации кооперативного сбыта сельскохозяйственных продуктов и государством был предоставлен для этой цели 100-миллионный оборотный фонд для стабилизации сел.-хоз. цен, все же цены на основные сел.-хоз. продукты, как мы видели, продолжают падать до сих пор. Это сильно сокращает покупательную способность фермерства и, таким образом, суживает внутренний спрос.

В связи с низкими ценами на сел.-хоз. продукты продолжается также падение цен на землю. Если падение цен на землю за 1912—1914 гг. принять за 100, то дальнейшее движение индекса будет такое.

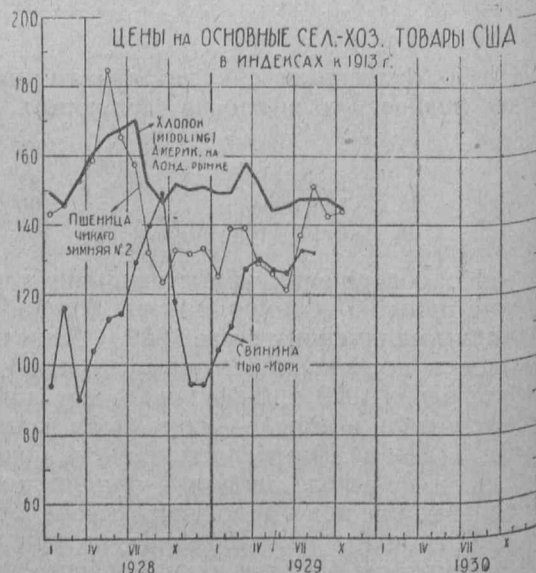

Диаграмма 3

I/III 1920 г. I/III 1925 г. I/III 1929 г.¹
170 127 116

но это означает не что иное, как уменьшение покупательной способности также и крупных землевладельцев.

Сбор хлебов в 1929 г. меньше прошлогоднего только по США и Канаде на 120 млн. квинталов. По пшенице США имеет недобор, по сравнению с прошлогодним сбором, на 30 млн. квинталов. В итоге, благодаря, с одной стороны, уменьшению сбора хлебов, а, с другой стороны, благодаря продолжающемуся падению цен, доход от продажи сел.-хоз. продукции ожидается в этом году на 400—500 млн. долларов меньше, чем в прошлом году. Совершенно понятно, что ухудшение положения фермерства США не может не отразиться на положении ряда отраслей промышленности, тесно связанных с сельским хозяйством. Вот почему кризисное положение в сел.-хоз. Соединенных Штатов должно было, наряду с другими причинами, привести к общеэкономическому кризису.

Явление кризиса и значительного перепроизводства выявились также и в автомобильной промышленности. Из нижеследующей таблицы видно, как постепенно производство автомобилей дошло до своего кульминационного пункта, и с мая—июня месяцев начинает давать систематическое снижение. В ноябре было произведено на 400 тысяч машин меньше, чем в апреле этого года.

Таблица 6

Выпуск автомобилей за 1928/1929 гг. в США²

Месяцы	1928 г.	1929 г.
Январь	231,728	401,037
Февраль	323,796	466,353
Март	413,314	585,223
Апрель	410,104	621,347
Май	425,783	604,078
Июнь	396,796	545,353
Июль	392,086	500,387
Август	461,298	498,361
Сентябрь	415,314	415,332
Всего за 9 месяцев	3,470,219	4,637,471
Октябрь	397,284	379,900
Ноябрь	257,140	214,000 ³
Декабрь	234,116	—
Всего за год	4,359,759	—

Хотя общие размеры производства за 9 месяцев 1929 г. значительно выше прошлогодних, однако следует учесть, что: 1) в первые месяцы прошлого года выпуск автомобилей был гораздо меньше, чем в этом году; 2) что в 1929 г., начиная с высшей точки взлета (апрель—май месяцы), намечается систематически снижающаяся тенденция в производстве автомобилей и 3) что количество нераспроданных машин в этом году значительно больше, чем в прошлом году. Затоваривание

¹ Цитируется по статье Позина в „Сельскохозяйственной газете“ от 17/XI 1929 г.

² По данным „Commercial and Financial Chronicle“

³ Данные предварительные.

в последние месяцы выразилось в том, что ежедневно производилось на 2.800 машин больше, чем продавалось.

Автомобильная промышленность является одной из ведущих индустрий в США. Автопромышленность США потребляет до 18% черных металлов, 15% меди, 24% олова, 26% свинца, огромный процент производимого в стране газа и около 80% ввозимого в страну каучука. Вот почему, вслед за падением производства в автомобильной промышленности, начинают также заметно снижаться производство и цены в черной и цветной металлургии, в производстве шин и др. Этим также объясняется, почему снижение продукции черной металлургии выявилось лишь в сентябре—октябре месяцах. По меди падение производства происходило параллельно уменьшению выпуска автомобилей, но это является результатом перепроизводства меди, независимо от падения спроса со стороны автомобильной промышленности.

Таблица 7

Производство чугуна, стали и меди за 1928/1929 гг. в США

	Чугун		Сталь		Медь	
	В миллионах метр. тонн				В тыс. метр. тонн	
	1929	1928	1929	1928	(электролиз)	
					1929	1928
Январь	3,5	2,9	4,6	4,0	154,5	122,7
Февраль	3,3	2,9	4,4	4,1	141,4	124,7
Март	3,8	3,2	5,1	4,6	163,6	130,0
Апрель	3,7	3,2	5,0	4,4	161,3	122,8
Май	3,9	3,3	5,4	4,3	161,8	129,3
Июнь	3,8	3,1	5,0	3,8	156,4	131,0
Июль	3,8	3,1	4,9	3,9	153,5	135,1
Август	3,8	3,2	5,0	4,2	148,6	143,1
Сентябрь	3,55	3,1	4,6	4,2	134,3	137,0
Октябрь	3,64	3,4	4,5	4,7	152,8	149,2
Ноябрь	3,2	3,4	3,6	4,3	145,4	155,4
Декабрь	—	3,4	—	4,1	—	147,9

Мы видим, что по стали и чугуну до октября имеется незначительное снижение, несмотря на то, что спрос со стороны автопромышленности дает снижение еще с июня месяца. Это объясняется двумя причинами: 1) сильным ростом экспорта железных изделий в 1929 г. и 2) компенсационным процессом, создавшимся благодаря возрастанию количества заказов со стороны железнодорожных компаний.

Вот что пишет по этому поводу «The Iron Age» от 14 ноября 1929 г.: «Значение спроса со стороны железных дорог для кризиса особенно очевидно в Чикаго, где 75% текущих заказов на готовые стальные изделия поступает со стороны транспортной и строительной промышленности... Усиленный сбыв релсы вместе с широким спросом на вагоны и локомотивы способствовали увеличению портфеля заказов Стальной корпорации на 183.981 тонну в октябре»¹.

¹ В «Торгово-Промышленной газете» от 3 декабря 1929 г. в статье «Международное экономическое обозрение» неким автором было написано следующее: «Сталелитейная промышленность США чрезвычайно сильно пострадала от кризиса, который начал ощущаться в этой отрасли еще задолго до нью-йоркского биржевого краха. Перелом конъюнктуры с полной ясностью обозначился в середине лета, и за три месяца — с июня по август — количество заказов, поступающих к сталелитейному тресту, упало со 108 до 74 млн. тонн, или на 30 с лишним %» (подчеркнуто автором, И. М.). Об ошибках, допущенных автором в этом небольшом отрывке, предоставляем судить самим читателям.

Однако, среднесуточная добыча начала падать гораздо раньше, падать из месяца в месяц, что видно из нижеследующей таблицы:

Таблица 8

Среднесуточное производство:

1929 г.	Чугуна	Стали
	В тысячах тонн ¹	
Апрель	122,1	189,9
Май	125,7	195,3
Июнь	124,0	195,3
Июль	122,1	186,1
Август	121,2	182,5
Сентябрь	116,6	180,4
Октябрь	115,7	167,1

Б. Бейкер в передовой «Annalist» от 8 ноября 1929 г. пишет: «Сильное снижение индекса активности за октябрь обусловлено в известной мере снижением производства стали (болванок). Среднесуточное производство в течение этого месяца в размере 160,1 тонн (самое низшее с января месяца этого года) означает уменьшение на 3% по сравнению с октябрём предыдущего года и на 7% — по сравнению с октябрём этого года. В этом месяце имело место 7-процентное снижение, вместо нормального сезонного увеличения на 3½%. Выравненный индекс стальной продукции в октябре составляет 104,5, т. е. уменьшение на 12,6 пункта по сравнению с сентябрьским индексом...

Хотя производство чугуна в октябре было больше, чем в октябре предыдущих лет, все же оно показывает уменьшение на 1% по сравнению с сентябрем, вместо нормального повышения на 5%. Кроме того следует заметить, что производство чугуна не является, как известно, достаточно достоверным фактором для предсказания (forecasting). Что это так — явственно следует из того факта, что производство чугуна в месяце, предшествующем ноябрьской панике в 1920 г., было на 75% больше, чем за год раньше, и что в октябре 1907 г. производство чугуна достигло наивысшего уровня, между тем как 24 числа этого месяца разразился биржевой крах».

III

После того как мы достаточно подробно выяснили явления кризиса производства, обнаружившиеся фактически еще до того момента, когда разразился биржевой крах, мы можем теперь перейти к освещению тех «драматических» событий, которые разыгрались в последнее время на Нью-Йоркской фондовой бирже.

Биржевому краху предшествовало длительное повышение акций, совершенно не соответствовавшее ни росту производства, ни росту прибылей. Котировка акций как бы оторвалась «от земли», от реальной жизни, и двинулась по темным и извилистым кривым спекулятивной горячки. За весь 1929 г. курсы поднялись на 61%, а брокерские кредиты достигли в октябре 8,5 млрд. долларов. Для всех было совершенно очевидным, что эта давно не испытанная биржевая лихорадка должна кончиться печально. И хотя надвигающийся крах был для

¹ «The Annalist», November 8, 1929.

многих очевидным, однако никто не в состоянии был приостановить невиданную спекуляцию на бирже. Таковы железные законы стихийного капиталистического развития.

Вот как описывает предкризисную лихорадку (правда, *post factum*) американский журнал «Commercial and Financial Chronicle» от 26 октября: «Поскольку цены, под влиянием спекулятивных махинаций поднимались все выше и выше, поскольку огромные состояния создавались в результате необузданного повышения расценок биржевых бумаг, старые расчеты были отброшены, всякий разумный учет оставлен и, казалось, будто действие всех экономических законов было прекращено, и что открылась новая эра, в которой успехи процветания могут быть достигнуты без какой бы то ни было затраты энергии и усилий, кроме как путем спекуляции на бирже.

Каждый был охвачен мыслью, что можно разбогатеть за одну ночь, при условии покупки одних только биржевых ценностей. Поэтому, каждый мечтал лишь о фондовой бирже и старался стать ее участником. Уборщицы, сторожа, лифт-бои, машинистки, чистильщики сапог, продавцы минеральных вод, конторщики, статистики, актеры и актрисы, высшие служащие, одним словом все группы населения — от высших до низших, от занимающих самое низкое положение в обществе до самого высшего, — все стали добычей биржевого безумия. Одни вложили только часть своих средств, другие — все. Теперь наступил горький час пробуждения, хотя неизвестно еще, будет ли полученный урок усвоен или нет».

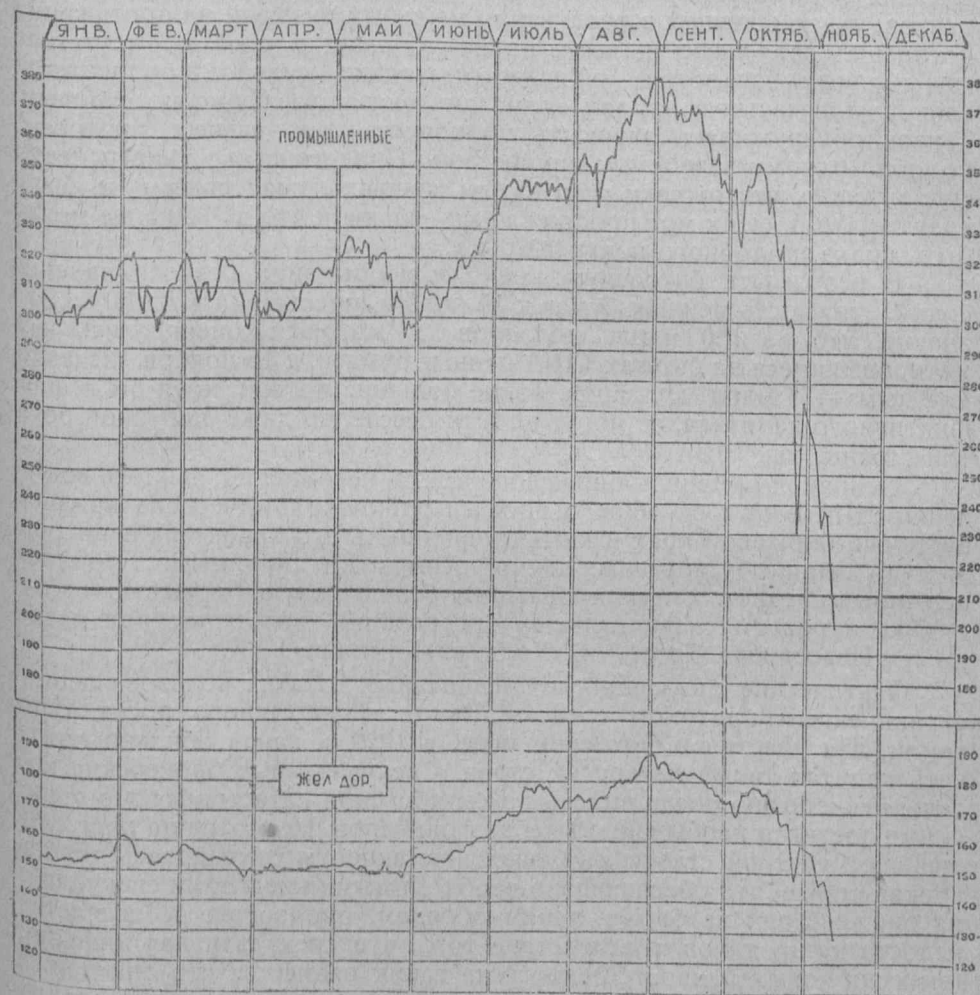
К 3 сентября промышленные акции по Доу-Джонсовскому индексу достигли своей кульминационной точки: 381,17 пунктов. После ряда биржевых потрясений он скатился 13 ноября до 198,69, что показано на диаграмме 4 (см. диаграмму на стр. 70).

Падение курсов на бирже шло толчками. Общее снижение курсов с 3 сентября по 24 октября привело к уменьшению биржевых ценностей не меньше, чем на 20 млрд. долларов. 25 октября биржа пережила особенно большую панику. За этот день было продано около 13 млн. акций, а потери достигли огромных сумм, исчисляемых десятками миллиардов. С этого времени в американскую печать стали проникать печальные нотки отрезвления. Вот что писал на другой день американский журнал «Commercial and Financial Chronicle»: «Современная паника на бирже, в результате которой расстаяло в воздухе столько ценностей, не имеет себе равной в многочисленных биржевых паниках в прошлом, за исключением разве лишь краха, имевшего место когда разразилась мировая война в 1914 г. Никогда до сих пор в истории человечества не было такой необузданной спекуляции как та, которую пережили США за последние годы. Никогда раньше спекуляция не развивалась и продолжалась в течение такого длительного периода, никогда она не захватила таких широких слоев населения как внутри страны, так и за границей — во всем мире, — и никогда она не оказывала такого сильного влияния на мировое экономическое положение».

Но особенно большое впечатление на весь мир произвела паника, разыгравшаяся на бирже 29 октября. По силе эффекта этот толчок был в буквальном смысле слова потрясающим. На другой день (30 октября) появилась нижеследующая радиотелеграмма в „Neue Freie Presse“: «Несмотря на интервенцию центральных банков, снизивших процент покрытия ссуд с 50% до 25% от биржевой стоимости бумаг и тем самым устранивших сотни ликвидационных реализаций, сегодняшний биржевой крах превзошел все известные до сих пор. В совокупности за день реализован был огромный контингент в 16.410.030 акций. Сред-

няя потеря на отдельных акциях составляет около 30,62 доллара. Маневр банков, произведенный в последнюю минуту, непосредственного воздействия не оказал, так как мелкие спекулянты оказались уничтоженными уже, крупные же очутились в таком положении, что даже 25% покрытие оказалось недостаточным и принудительные ликвидации должны были быть продолжены на некоторое время. По имеющимся оценкам суммарные потери с начала кризиса на всех бумагах составляют, примерно,

Доу-Джонсовский индекс движения курсов на Ньюйоркской бирже с 13 ноября 1929 г.

Times» от 10 ноября: «Развитие октябрьского кризиса ныне с полной ясностью позволяет судить о размерах краха и о масштабе спекулятивной мании, которая ему предшествовала. Падение курсов спекулятивных бумаг на 40% за 6 недель представляет самый сильный крах в истории Уолл-Стрита... Объем кредита фондовых маклеров, членов биржи, который вырос на 3 млрд. долларов или на 35% за предшествующие 12 месяцев, на протяжении одного только октября сократился на 2,4 млрд. или на 30%, а за первые 10 дней ноября он упал еще на 1 млрд. долларов. Целый ряд свидетельств катастрофического влияния биржевого кризиса на частную жизнь массы мелких спекулянтов, участвовавших в раздувании мыльных пузырей на протяжении последних лет, известен всем, но не попадает в печать. Отсутствие грандиозных банкротств объясняется только сильной поддержкой банков; для частных же лиц возмездие оказалось безмерно суровым. Теперь обнаружилась лживость пророчеств тех ученых, которые, подобно одному известному профессору Принстонского университета, еще недавно утверждали, что курсы ценных бумаг совсем не были вздуты, что рост их мог продолжаться дальше и что в 1929 г. не могло быть краха, подобного краху 1920 г.»

В результате биржевого краха и необычайно резкого падения акций, стоимость ценных бумаг к 15 ноября уменьшилась на 50%. Это значит, что из 150 млрд. долларов, в которых оценивались все котирувавшиеся на биржах США ценные бумаги, к 15 ноября «исчезло, как дым» — 75 млрд. долларов. Такие большие потери, хотя бы и фиктивного капитала, не могут пройти бесследно даже для такой богатой страны, как США.

Основной причиной биржевого краха, несомненно, явилось вступление США в полосу общего промышленно-экономического кризиса, но самый биржевой крах и катастрофичность его характера непосредственно были обусловлены двумя основными причинами: обилием дешевого кредита, стимулировавшим безудержную биржевую спекуляцию, и ростом спекулятивных организаций, известных под названием «Инвестмент Трест» и «Холдинг Компани».

Фактические спекуляция в Соединенных Штатах пользовалась неограниченным притоком средств. Ввиду непрерывного роста курса акций, для участия в биржевой игре, в 1929 г. начал обильно притекать капитал также из других стран. Спекулятивные брокерские кредиты непрерывно росли вплоть до октябрьской катастрофы и в общей сумме достигли необычайно высоких размеров. Несмотря на рост официальной учетной ставки, на банковские акцепты сохранилась довольно низкая ставка, что обеспечивало необходимыми кредитами спекуляцию на бирже. Крах на бирже, таким образом, произошел не вследствие недостатка кредитов, а вследствие того, что спекулятивная инфляция (эмиссия новых ценностей) достигла таких размеров, что она должна была обрушиться под собственной тяжестью. Достаточно сказать, что на протяжении 9 месяцев 1929 г. было эмитировано акций на 8,4 млрд. долларов, и некоторые на новые акции падает 5,3 млрд. долларов (63%). В этой связи следует также упомянуть об особой роли, которую сыграли «Инвестмент Тресты».

Тов. Варга следующим образом объясняет природу «Холдинг Компани»: «Это — предприятие, которое не вкладывает своего капитала в производство, не производит никакой прибавочной стоимости. Оно использует свой капитал для скупки акций различных предприятий. Таким образом, «капитал» трестов инвестирования является потенциальным, фиктивным капиталом. Он даже не представляет действи-

тельный капитал, как акции какого-нибудь промышленного предприятия, но пользуется лишь доходами со скупленных им акций как базой для своего участия в общей прибыли»¹.

В сентябре месяце из выпущенного нового капитала на сумму в 1.307 млн. долларов, 643 млн. долларов этой колоссальной суммы падает на «Холдинг Компани» и на Компании инвестирования. В номере «Нью-Йорк Таймса» от 10 ноября приводится речь Леруа Д. Пивей, президента статистической организации Бэбсона, переданная по радио 9 ноября. В своей речи Пивей отмечает ту роковую роль в создании условий, предшествовавших кризису, которые сыграли именно, «Инвестмент-Тресты». Он говорит: «Эти организации создали систему нагромождения фиктивного капитала, которая практически не знала границ: начиная с известного капитала, они выступали покупателями определенных акций-фаворитов и тем взвинчивали их курсы, затем продавали их по повышенному курсу и на полученную разницу закупали новые акции. Получалась бесконечная цепь — больше денег — больше спроса; больше спроса — выше курсы; выше курсы — больше денег; больше денег — больше спроса и т. д. до бесконечности. Деятельность этих «Инвестмент-Трестов» необычайно усилила ту оргию спекуляции на разнице, которой предавалась вся страна в течение 6 месяцев, начиная от миллионеров и до лифт-боев, машинисток, шоферов такси и даже школьников».

IV

До биржевого краха явления кризиса обнаружались: в сельском хозяйстве, в нефтяной, строительной и автомобильной промышленности и также частично в цветной и черной металлургии и в производстве строительных материалов. Биржевой кризис привел к дальнейшему расширению кризисных явлений в других отраслях производства. В первую очередь здесь должно было сказаться банкротство и разорение многих мелких держателей акций и спекулянтов. Леруа Пивей об этом в своей речи сказал: «Спекулянты предъявили большой спрос на продаваемые в рассрочку автомобили, радио, меха, пылесосы, холодильники и всякие другие дорогие предметы потребления. Поэтому биржевой крах в первую очередь должен сказаться на сокращении сбыта этих предметов».

В ноябре месяце о факте сокращения продажи предметов роскоши писалось уже почти во всех газетах и журналах.

«Journal of Commerce» пишет: «В результате биржевого краха резко сократилась продажа предметов роскоши и повседневного обихода; в частности, это можно сказать о мехах, драгоценностях и радио-аппаратуре. Оптовая цена на предметы широкого потребления продолжает резко падать; это падение цен началось еще в июле».

В этом же журнале и в том же месяце отмечалось, что «в различных районах Америки явственно проявляются признаки кризиса промышленности».

О падении хозяйственной активности можно судить по нижеследующим данным «Анналиста» (см. таблицу 9).

Из приведенных данных видно, что в сентябре и октябре месяце снижение производства выявляется даже в тех отраслях, которые не были еще раньше захвачены кризисом. Следует подчеркнуть тот факт, что в хлопчатобумажной и обувной промышленности выявилось

¹ Е. Варга. «Международный биржевой крах — предвестник надвигающегося экономического кризиса». «Коммунистический Интернационал», № 46—47, 1929 г., стр. 25.

Таблица 9

Индекс хозяйственной активности „Анналиста“¹

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь
Производ. { Чугуна . . .	109,6	108,7	108,4	110,4	116,3	123,1	127,4	126,3	119,7	112,9
{ Стали . . .	103,7	107,0	111,4	115,6	121,7	131,6	130,8	120,2	117,1	104,5
Погрузка на ж. д.	98,2	101,3	98,0	103,9	102,8	101,9	102,1	101,8	101,7	—
Произв. автомоб.	144,5	145,7	147,4	148,0	145,9	150,5	146,8	136,8	128,9	118,4
Потребл. хлопка	111,2	107,7	107,9	110,7	113,5	114,8	104,9	100,4	103,6	—
Обувная промышл.	103,7	103,0	103,4	105,2	114,3	112,1	111,1	111,5	110,1	—
Произв. цинка	85,1	89,9	93,8	97,4	99,3	100,2	102,5	105,6	103,7	94,2
Общий индекс	104,1	104,9	103,0	107,5	108,8	107,5	108,5	106,6	105,5	—

снижение в сентябре и октябре, т. е. как раз в те месяцы, когда спрос, в связи с наступлением зимы, должен быть достаточно высоким. По данным печати также известно, что по южным штатам США хлопчатобумажная промышленность уже перешла на четырехдневную рабочую неделю. Вместе с тем стало также известно, что предстоит сокращение потребления натурального шелка, который, главным образом, импортируется из Японии.

Но особо ярким показателем падения торгового оборота и производства является факт снижения грузооборота железных дорог, что видно из нижеследующих данных:

	Октябрь 5/1929 г.	Октябрь 12/1929 г.	Октябрь 19/1929 г.	Октябрь 26/1929 г.	Ноябрь 16/1929 г.
Число погруз. вагонов	1.179.047	1.179.008	1.187.510	1.133.810	983.323

Соответственно упали также и доходы железных дорог:
(в долларах)

	1929	1928	Разница	В %/о
3-я неделя октября (6 дорог) . . .	15.367.703	17.572.563	— 2.204.850	— 12,54
2-я „ „ „ (8 „ „) . . .	15.790.725	18.706.196	— 2.915.471	— 18,56
1-я „ „ „ (8 „ „) . . .	15.055.110	18.216.629	— 3.161.499	— 21,03
4-я „ „ „ (7 „ „) . . .	21.174.048	23.291.930	— 2.117.882	— 9,10
3-я „ „ „ (8 „ „) . . .	15.745.187	16.524.538	— 779.351	— 5,82

О явлениях кризиса США можно также судить и по движению цен. Тенденция к систематическому снижению цен как в мировом хозяйстве в целом, так и в США, давно уже выявилась, но в последнее время снижение цен происходит с гораздо большей быстротой, что свидетельствует о кризисном переломе в экономическом положении США.

¹ „The Annalist“, Novembre 8, 1928.

Таблица 10

Недельные индексы цен на чувствительные товары по „The Annalist“

	Кожи	Цинк	Желез. лом	Средний	Оптовый
Сентября 10	176,3	147,4	125,6	149,8	147,2
„ 17	174,4	145,2	125,7	148,4	147,7
„ 24	174,4	144,8	123,8	147,6	147,7
Октября 1	166,7	144,1	125,8	145,5	145,9
„ 8	161,9	142,6	126,9	143,8	146,1
„ 15	158,1	140,4	124,4	141,0	146,2
„ 22	159,0	137,8	123,8	140,2	145,5
„ 29	160,9	133,0	123,1	139,0	144,0
Ноября 4	157,1	130,7	122,6	136,8	143,6

Однако мы считаем, что кризис еще не достиг своего апогея в промышленности и торговле. Это должно будет выявиться лишь через месяц—два, т. е. в декабре—январе месяцах. Дело в том, что в американской системе оборота большое значение имеет «продажа в кредит», так называемая installment seiling. Через некоторое время, когда начнут истекать сроки по «кредитным продажам» и многие, по случаю краха, окажутся неспособными уплатить в срок, это должно будет придать особую остроту разворачивающемуся экономическому кризису. Многие из трезвых американских экономистов предсказывали неизбежность кризиса, благодаря росту этой, в высшей степени шаткой, надстройки—продажи в кредит. Такая система сбыта в нормальное время усиливает спрос и, таким образом, способствует оживлению оборота. При наступлении же кризиса эта система должна превратиться в свою противоположность и обострить кризис. Когда создаются затруднения на бирже и задержки в производстве, тогда «продажа в кредит» должна с особенной силой обрушиться и обострить трудности товарооборота. Это должно будет выявиться в ближайшее же время.

Вступление США в состояние кризиса неизбежно должно будет также отразиться на рабочем классе и состоянии безработицы. Предчувствуя приближение этой угрозы, Гувер старается принять все меры для «предотвращения» безработицы. С этой целью Меллон обещает организовать общественные работы, на которые американское правительство намерено затратить в первую очередь 200 млн. долларов, а затем еще столько же. В общем, предполагается затратить на общественные работы в ближайшее десятилетие, с целью борьбы с безработицей, около 400 млн. долларов. Не нужно быть особенно близко знакомым с американскими масштабами, чтобы понять смехотворность этой цифры в деле разрешения «проблемы безработицы».

Гувер также пытается уговорить крупнейших предпринимателей Америки не сокращать производства. Однако сообщение о мероприятиях Форда по закрытию всех сборочных мастерских, что, несомненно, увеличит рост безработицы, показывает, что экономические силы сильнее «добрых пожеланий».

В последние дни ноября, когда рост безработицы, в связи с распространением кризиса в США, особенно четко обозначился, Гувер предписал губернаторам всех штатов: «Ликвидировать безработицу, возникающую на почве теперешних неблагоприятных условий», путем ускорения начала общественных работ. Насколько это мероприятие окажется действительным—выяснится через весьма короткий срок, когда кризис в США сделает еще несколько шагов вперед.

Начавшийся экономический кризис с неизбежностью должен будет также привести к уменьшению зарплаты. «Добрый Гувер» хочет и это предупредить, и усиливает методы «убеждения» предпринимателей не сокращать заработной платы. Но вот что пишет по этому поводу «Commercial and Financial Chronicle»: «Ввиду кризиса, доходы предприятий значительно уменьшаются, так же, как и индивидуальные доходы... Сомнительно, чтобы в ближайшем будущем штукатуры (строительные рабочие) и другие неквалифицированные рабочие могли бы вырабатывать по 15 долларов в день и зарабатывать по 75 долларов за пятидневную рабочую неделю, как до сих пор. Это дело прошлого и рабочим придется приноравливаться к новым условиям»¹.

Из разобранного и проанализированного нами материала с несомненностью явствует, что мы имеем сейчас дело в США с начавшимся общеэкономическим кризисом. Правда, мы стоим лишь в начале этого кризиса, ибо дальнейшее развертывание начавшегося кризиса будет гораздо более глубоким и катастрофичным. В данное время полосу «просперити» для США кончилась и последние должны будут расплачиваться за прежний подъем и перепроизводство «капиталистической монеты»: ростом безработицы, падением цен, банкротствами, крахами и т. д.

¹ Номер газеты от 26 октября 1929 г.

Пути развития современного международного товарообмена¹

Прежде чем начать самое изложение, мы считаем необходимым оговорить следующее: при разработке статистических данных, характеризующих внешнюю торговлю отдельных государств, мы столкнулись с тем, что некоторые из них либо совершенно не обладают этими данными, либо если и располагают ими, то далеко неполными и опубликовывают их к тому же со значительным запозданием.

В предлагаемом вниманию читателя настоящем небольшом очерке мы пользовались, с одной стороны, данными о внешней торговле некоторых государств, почерпнутыми из их официальных статистических отчетов, а с другой стороны, за отсутствием последних, из пользующихся всеобщим, безусловным доверием статистических ежегодников, как: „Statesman's Year Book“, „Statist“, „Annuaire Général“, „Review of Economic Statistics“, „Bulletin de statistique Agricole et commerce“ и других.

Очевидно, что те или другие данные не всегда совпадут друг с другом, особенно когда имеет место перевод одних денег какого-либо государства в валюту страны, издающей данный ежегодник.

Повторяем, что мы, где это представлялось возможным, руководствовались подлинными статистическими отчетами внешней торговли, причем как в этом так и в другом случае, при переводе денег данной, рассматриваемой нами, страны в рубли, пользовались таблицами котировок фондового отдела МТБ, публикуемых ежедневно в нашей прессе.

* * *

Начнем с рассмотрения внешней торговли государств по отдельным частям света.

Ниже мы помещаем таблицу (см. стр. 182) внешней торговли европейских государств за 1928 г. (в тысячах черв. рублей).

Из приведенных данных мы усматриваем полное благополучие в отношении активности торгового баланса лишь по трем небольшим государствам Европы, а именно: Румынии, Чехо-Словакии и Болгарии.

Остальные страны имеют дефицитный баланс (в частности также и Англия, в цифру экспорта которой включен реэкспорт).

Что касается Европы в целом, то экспорт ее не только не превышает сумму импорта, но, наоборот, достигает лишь 79,6% последнего. Впрочем он был дефицитным и в довоенные годы. Еще в 1891 г. это отношение экспорта Европы к ее импорту было еще меньшим, а именно—78,1%.

¹ Печатаю настоящую статью, преимущественно обзорного характера, редакция считает, что большой цифровой материал, приведенный автором, представляет несомненный информационный интерес. *Ред.*

Таблица 1

Государства Европы ¹	Импорт	Экспорт	Весь товаро-обмен	Экспорт в % к импорту
Англия	11.148.300	7.858.950	19.007.250	70,5
Германия	6.419.025	5.508.375	11.927.400	85,9
Франция	4.008.600	3.851.025	7.859.625	96,1
Бельгия и Люксембург	1.679.250	1.603.800	3.283.050	95,6
Голландия	2.067.450	1.530.000	3.597.450	74,0
Италия	2.217.900	1.461.750	3.679.650	65,9
Чехо-Словакия	1.087.875	1.203.150	2.291.025	110,7
Швеция	877.875	804.150	1.682.025	91,6
Дания	888.675	789.075	1.677.750	88,9
Швейцария	1.011.975	787.050	1.799.025	77,7
СССР (Европ. часть)	807.300	625.800	1.433.100	77,5
Испания	843.975	618.675	1.462.650	77,3
Австрия	858.075	589.950	1.448.025	68,8
Польша	721.725	538.350	1.260.075	74,5
Румыния	388.650	438.900	827.550	112,9
Ирландия	543.525	417.225	960.750	76,7
Норвегия	517.575	348.525	866.100	67,3
Финляндия	385.950	300.750	686.700	77,9
Венгрия	395.625	273.525	669.150	69,1
Югославия	263.400	216.600	480.000	82,2
Данциг	180.000	153.225	333.225	85,1
Греция	305.475	139.950	445.425	45,8
Латвия	114.150	95.700	209.850	84,0
Болгария	83.775	90.600	174.375	108,1
Португалия	256.425	69.600	326.025	27,2
Эстония	67.950	65.025	132.975	95,7
Литва	55.800	49.125	104.925	88,0
Прочие страны	187.500	127.500	315.000	68,0
Всего	38.388.800	30.556.350	68.940.150	79,6

Приведенный здесь дефицит по торговому балансу Европы покрывается из трех источников: 1) доходами по торговому флоту, измеряемому в настоящее время в 46 млн. тонн, или 69% всего мирового флота (из коих 34%, между прочим, приходится лишь на один английский флот); 2) доходами от иностранного туризма (так, расходы одних лишь американских путешественников по Европе достигли в 1926 г.—1.350 млн. руб. и в 1927 г.—более 1.450 млн. руб.) и 3) доходами от капиталов, инвестированных в других частях света.

Обращаясь к размерам экспорта и импорта, приходящимся на каждого жителя, мы должны признать, что наибольший эффект в этом отношении опять таки дают малые государства.

Из последних на первом месте стоит Данциг (импорт на одного жителя—284 руб. 22 коп. и экспорт—403 руб. 20 коп.), внешняя торговля коего, впрочем, включает в себя, очевидно, в некоторой части и транзит, направляемый в Польшу и др. страны.

Среди «прочих стран» Европы выделяются следующие небольшие страны: Исландия и остров Жерсей. На одного жителя первой прихо-

¹ Данные по Испании, Румынии, Болгарии и Португалии относятся к 1927 г.; Турции—к 1926 г.

дится по импорту 307 руб. 80 коп. и экспорту—282 руб. 83 к., а по второй по импорту—502 руб. 50 коп. и экспорту—270 руб.

Эти же данные по другим наиболее крупным государствам Европы видны из следующей таблички (в руб. и коп.):

Таблица 2

Государства Европы	Приходится на одного жителя	
	По импорту	По экспорту
Англия	242.32	170.85
Германия	100.27	86.02
Франция	97.72	93.90
Италия	54.57	35.62
Польша	24.07	17.92
СССР (в Европ. части)	7.05	5.47
Всего по Европе	79.50	63.32

Возвращаясь к таблице 1, характеризующей общие размеры внешней торговли Европы по отдельным государствам, мы видим, что на первом месте по абсолютной величине своей внешней торговли стоит Англия. Поэтому не безынтересным для нас будет остановиться на ней несколько подробнее.

В 1764 г. по данным „*Annal of commerce*“, импорт Англии был равен всего лишь 105,8 млн. руб. (в современных черв. рублях) и экспорт—162,5 млн. В 1800 г. эти данные составили соответственно—283,8 и 401,9 млн. руб.

В 1891 г. импорт Англии выразился уже в сумме 4.058,4 млн. руб., а экспорт в 2.302,0 млн. руб., что дает отношение последнего к импорту в размере 56,8% против 141,5% в 1800 г. и 153,6% в 1764 г.

В то же время мы можем констатировать, что современный торговый баланс Англии по сравнению с 1891 г. несравненно более благоприятен.

Перейдем теперь к рассмотрению направления внешней торговли Англии. По сравнению с 1913 г. она уменьшила свой импорт из Германии на 20,8% и увеличила из Франции на 30,6%. Особенно же сильно увеличила Англия импорт из Дании (на 120,6%), Голландии (110,4%) и Бельгии (87,3%). Остальные государства Европы увеличили свой экспорт в Англию в пределах 50—51%; доминионы и колонии—до 90%. В общем же Англия увеличила размеры своего импорта из Европы на 38,6%.

Посмотрим теперь, куда направляется экспорт из Англии. В европейские государства последний увеличился по сравнению с тем же 1913 г. на 18,3%. В частности, Португалия увеличила свой ввоз из Англии за данный период времени на 100% и Голландия на 41,1%, остальные же государства—в значительно меньших размерах, приближаясь в отдельных случаях подчас к цифрам 1913 г.

В действительности же, если мы примем во внимание значительное повышение оптовых цен, имевшее место в Англии за последние годы, то ее экспорт в европейские государства окажется, пожалуй, даже ниже уровня 1913 г.

Для остальных стран увеличение покупок в Англии выражается примерно в 26,6%. В том числе по Соед. Штатам на 57% и Аргентине на 47%. Что же касается доминионов и колоний, то последние весьма значительно увеличили свой импорт из Англии. Так, цифры их импорта из Англии в 1928 г. выше нежели в 1913 г. на целых 68%. Это громадное увеличение проходит по всем без исключения доминионам и колониям, как-то: Индии, Цейлону, Австралии, Канаде, Южной Африке, Новой Зеландии и т. п.

Что же касается ее реэкспорта, то замечается снижение последнего в отношении Соед. Штатов и, наоборот, увеличение для Германии, Франции, Бельгии и, в особенности, для колоний (на 66%).

Вообще же Англия, как мы видим, находит в своих доминионах и колониях значительный рынок для сбыта своих товаров (45% своего экспорта 1928 г. против 37% в 1913 г.).

Перейдем теперь к рассмотрению внешней торговли стран Америки, приводимой нами в нижеследующей таблице (в тыс. руб.):

Таблица 3

Государства Америки	Импорт	Экспорт	Весь товаро-обмен	Экспорт в % к импорту
Соед. Штаты	7.834.050	9.631.350	17.465.400	122,9
Канада	2.338.350	2.628.825	4.967.175	112,3
Аргентина	1.687.950	1.910.400	3.598.350	113,1
Бразилия	846.225	909.450	1.755.675	107,4
Мексика	353.475	641.325	994.800	181,4
Куба	491.850	615.300	1.106.150	125,0
Чили	273.075	385.425	658.500	141,2
Новая Земля	240.300	280.350	520.650	116,8
Колумбия	227.700	232.350	460.050	102,0
Перу	140.775	226.800	367.575	161,1
Порто-Рико	186.150	198.225	384.375	106,4
Уругвай	164.475	189.300	353.775	115,1
Венесуэлла	132.150	161.400	293.550	122,1
Куракао	109.575	103.650	213.225	94,6
Аляска	61.575	155.925	217.500	253,2
Боливия	43.500	83.700	126.200	192,4
Прочие страны	626.625	636.075	1.262.700	101,4
Всего	16.508.550	18.989.850	35.498.400	115,0

Здесь, как мы видим, торговый баланс всех без исключения государств является активным. Но и из них выделяются своим громадным превышением экспорта над импортом: Аляска, Боливия, Мексика, Перу, Чили, Куба и, наконец, Соед. Штаты.

Размеры внешней торговли, приходящиеся на одного жителя часто очень значительны, что видно из следующей таблицы (в руб. и коп.) (см. табл. на стр. 185).

Столь значительные размеры импорта и экспорта, приходящиеся на каждого жителя, в особенности у первых трех стран, имеют свое объяснение. Так, благодаря тому, что население Новой Земли составляет всего лишь 265 тысяч, а рыбный промысел здесь приносит громадные доходы, мы и получаем непомерные, даже для «масштаба Америки», величины внешней торговли, падающие на одного жителя данного государства.

Таблица 4

Государства Америки	Приходится на одного жителя	
	По импорту	По экспорту
Аляска	1.119.52	2.835.—
Куракао	1.320.15	1.203.75
Новая Земля	906.75	1.057.87
Канада	233.85	262.87
Аргентина	160.72	181.95
Соед. Штаты	65.77	80.32
Прочие страны	41.77	42.37
Всего по Америке	64.12	77.25

То же самое можно сказать о Куракао с ее 83 тысячами жителей и об Аляске.

Канада же и остальные страны Америки, хоть и дают большие размеры внешней торговли на каждого жителя, но уже в пределах наблюдавшихся нами норм некоторых европейских государств.

Морской торговый флот американских государств достигает в настоящее время 16 млн. тонн, или около 24% всего мирового флота. В этом отношении они уступают европейским государствам и поэтому расходы, которые они несут по оплате морского фрахта флоту последних, довольно заметно снижают благоприятные результаты их активного торгового баланса.

Но это, конечно, не может относиться в столь сильной степени к Соед. Штатам и Канаде, как к остальным государствам Америки, так как первые получают весьма значительные доходы со своих капиталов, инвестированных в большом количестве в остальных странах мира.

Рассмотрим несколько подробнее внешнюю торговлю Соед. Штатов, по размерам последней стоящей на первом месте среди прочих государств Америки.

Импорт Соед. Штатов с 1921 г. по 1928 г. увеличился на 59%; экспорт же за тот же период времени—всего лишь на 29,3%. Из приводимой ниже таблицы мы увидим, за счет каких стран мира имело место упомянутое нами увеличение импорта и экспорта Соед. Штатов (в процентах):

Таблица 5

Части света	Импорт	Экспорт
Европа	51,6	12,3
Канада и Новая Земля	58,7	58,0
Латинская Америка	52,6	54,9
В том числе { Мексика	22,2	14,3
{ Южн. Америка	93,6	128,5
Азия	72,5	18,2
Африка	71,7	113,9
Океания	71,5	107,5
Всего	59,0	29,3

Как мы видим, наибольшую активность в своей торговле Соед. Штаты развили в сторону Океании, Африки и Южной Америки, и в несколько меньшей степени в отношении Канады и Новой Земли.

Активность эта, как мы знаем, приносит Соед. Штатам весьма ценные результаты для ее народного хозяйства.

Мы ограничиваемся приведением этих данных с целью определения лишь ориентации внешней торговли Соед. Штатов, чтобы перейти затем к рассмотрению внешней торговли стран Азии, как это мы сделали в отношении Европы и Америки (в тыс. руб.):

Таблица 6

Государства Азии	Импорт	Экспорт	Весь товаро- обмен	Экспорт в % к импорту
Британская Индия	1.814.925	2.291.700	4.106.625	126,2
Япония	1.949.175	1.698.675	3.647.850	87,1
Нидерландская Индия	691.200	1.231.800	1.923.000	178,2
Китай ¹	1.339.650	1.214.775	2.554.425	90,6
Малайские острова ¹	1.083.375	1.146.075	2.229.450	105,7
Гонг-Конг ¹	404.925	375.750	780.675	92,8
Цейлон	284.475	351.000	635.475	123,3
Корея	330.675	332.500	663.175	97,2
Филиппинские острова	239.250	287.250	526.500	120,1
Персия	174.225	244.275	418.500	140,2
Инд-Китай	202.500	225.000	427.500	111,1
Сиам ¹	153.675	201.375	355.050	131,0
Формоза	130.125	183.225	313.350	141,4
СССР (в Азиат. части)	122.625	135.900	258.525	110,8
Турция (в Азиат. части)	156.750	123.450	280.200	78,8
Сирия и Ливан	95.025	40.875	135.900	42,9
Афганистан и прочие страны ¹	406.950	346.200	753.150	85,0
Всего	9.579.525	10.420.425	19.999.950	108,7

Из приведенных в этой таблице данных, мы усматриваем наиболее благоприятный активный торговый баланс у Нидерландской Индии, разившей в громадных размерах экспорт каучука и нефти; затем, у о. Формозы (чай, сахар и пр.), Персии (нефть, рис), Цейлона (чай) и т. п.

Чрезвычайно высокие размеры внешней торговли на одного жителя Малайских островов (по импорту 1.083 руб. 37 коп. и экспорту—1.146 руб. 37 коп.) и Гонг-Конга (по импорту 506 руб. 10 коп. и экспорту 469 руб. 65 коп.) объясняются тем значением, какое имеют Сингапур и Гонг-Конг как важнейшие морские порты местного значения и транзита, при сравнительно небольшой плотности местного населения.

Переходим теперь к рассмотрению Африки, кстати сказать не обладающей странами со сколько-нибудь значительно развитой внешней торговлей.

Ниже мы помещаем таблицу, характеризующую внешнюю торговлю Африки (в тыс. руб.):

¹ Данные за 1927 г.

Таблица 7

Страны Африки	Импорт	Экспорт	Весь товаро- обмен	Экспорт в % к импорту
Южная Африка	701.325	792.600	1.493.920	113,0
Египет	497.325	536.700	1.034.025	107,9
Алжир	372.600	299.700	672.300	80,4
Нигерия (Анг. Судан) ¹	145.875	152.175	298.050	104,3
Золотой берег ¹	95.775	113.325	209.100	118,3
Франц. Зап. Африка	114.750	103.575	218.325	90,2
Тунис	132.900	77.025	209.925	57,9
Французское Марокко	133.650	63.525	197.175	47,5
Бельгийское Конго ¹	79.575	56.175	135.750	70,5
Прочие страны	720.000	589.725	1.309.725	81,9
Всего	2.993.775	2.784.525	5.778.300	93,0

Как мы видим, Золотой Берег, Южная Африка, Египет и Нигерия имеют активный торговый баланс, но Африка, в целом, дает результат худший, нежели Америка и Азия, и лишь несколько лучший Европы.

На каждого жителя Африки размеры торговли не столь велики, как в других странах, ибо покупательная их способность, само собой разумеется, как в абсолютных так и относительных размерах—весьма незначительна.

На первом месте стоит Южная Африка (по импорту 89 руб. 92 коп. и экспорту—101 руб. 62 коп.) и на втором Алжир (по импорту—61 руб. 05 коп. и экспорту—49 руб. 12 коп.); остальные страны дают в этом отношении значительно меньшую цифру.

Ниже мы приводим данные внешней торговли стран Океании (в тыс. руб.):

Таблица 8

Страны Океании	Импорт	Экспорт	Весь товаро- обмен	Экспорт в % к импорту
Австралия	1.379.550	1.320.675	2.700.225	95,7
Новая Зеландия	410.625	514.725	925.350	125,3
Гавайские острова ²	169.800	213.525	383.325	125,7
Прочие острова и колонии ²	49.575	62.850	112.425	126,7
Всего	2.009.550	2.111.775	4.121.325	105,0

Австралии, Новая Зеландия и Гавайские о-ва отличаются, как мы видим, большими абсолютными размерами своей внешней торговли в целом, а равно и размерами последней, приходящимися на одного жителя; последнее видно из следующей таблицы (в руб. и коп.):

¹ Данные за 1927 г.

² Данные за 1927 г.

Таблица 9

Страны Океании	На одного жителя приходится	
	По импорту	По экспорту
Гавайские острова	485.25	610.05
Новая Зеландия	273.75	344.62
Австралия	205.87	197.02
Всего	171.75	180.52

Из указанных в данной таблице стран, Новая Зеландия и Австралия экспортируют в больших количествах шерсть, а Гавайские острова, к тому же мало населенные, в значительных размерах сахар.

Ниже мы приводим сводную таблицу мировой внешней торговли за тот же 1928 г. по каждой части света в отдельности (в млн. руб.):

Таблица 10

Части света	Импорт	Экспорт	Весь товаро-обмен	Экспорт в % к импорту	На каждого жителя	
					Импорт	Экспорт
Европа	38.383,8	30.556,3	68.940,1	79,6	79.50	63.32
Америка	16.508,6	18.989,8	35.498,4	115,0	64.12	77.25
Азия	9.579,3	10.420,4	19.999,6	108,7	9.22	10.05
Африка	2.993,8	2.784,5	5.778,3	93,0	21.22	19.72
Океания	2.009,5	2.111,8	4.121,3	105,0	171.75	180.52
Всего	69.474,9	64.862,8	134.337,7	93,4	35.85	33.82

Из приведенных в этой таблице данных мы видим, что по абсолютной величине своей внешней торговли на первом месте стоит Европа. Но по размерам внешней торговли, приходящейся на одного жителя, Европа уступает: по импорту—Океании, а по экспорту—Америке и Океании.

Основываясь на данных населения каждой части света за 1928 г. мы составили следующую показательную таблицу:

Таблица 11

Части света	Население в 1928 г.		Импорт в % к мировому импорту	Экспорт в % к мировому экспорту
	Абс. цифры млн. жит.	Уд. вес.		
Европа	482,7	25,2	55,9	47,1
Америка	245,6	12,8	22,9	29,3
Азия	1.035,6	54,0	14,0	16,1
Африка	140,9	7,4	4,4	4,3
Океания	11,7	0,6	2,8	3,2
Всего	1.916,5	100,0	100,0	100,0

Как мы видим, Океания пропорционально своему населению имеет исключительно развитую внешнюю торговлю, и при том с активным торговым балансом. На следующем месте стоит Европа и затем уже Америка.

Наиболее же отстающими в этом отношении, как и следовало ожидать, являются Азия и Африка.

* * *

Ранее мы говорили уже относительно внешней торговли Англии в довоенные годы. Ниже мы приводим таблицу данных внешней торговли некоторых других государств за тот же 1891 г. по сравнению с соответствующими цифрами 1928 г. (в тыс. руб.):

Таблица 12

Наименование государств		За 1891 г.			За 1928 г.		
		Импорт	Экспорт	В % к импорту	Импорт	Экспорт	В % к импорту
Европа	{ Англия	4.059.075	2.302.875	56,7	11.691.825	8.276.175	70,7
	{ Германия	1.893.900	1.448.700	76,5	6.419.025	5.508.375	85,9
	{ Франция	1.762.050	1.319.400	74,8	4.008.600	3.851.025	96,1
Америка	{ Соед. Штат.	1.583.700	1.859.850	117,4	7.834.050	9.631.350	122,9
	{ Канада	229.500	184.125	80,2	2.338.350	2.628.825	112,3
	{ Бразилия	211.325	264.300	119,4	846.225	909.450	107,4
	{ Аргентина	124.950	190.725	152,6	1.687.950	1.910.400	113,1
Азия	{ Брит. Индия	647.550	938.850	144,9	1.814.925	2.291.700	126,2
	{ Япония	120.600	106.275	88,1	1.949.175	1.698.675	87,1
Африка	Египет	88.125	132.975	150,8	497.325	536.700	107,9
Океания	{ Австралия	553.200	490.050	88,5	1.379.550	1.320.675	95,7
	{ Нов. Зеландия	59.550	79.650	133,7	410.645	514.725	125,3

Цифры внешней торговли Англии за 1891 г. включают в себе данные и по Ирландии. Для сравнимости мы прибавили к соответствующим цифрам 1928 г. также данные и о внешней торговле Ирландии за тот же год.

Как мы видим, абсолютные размеры торговли 1928 г. больше, чем в 1891 г., по различным государствам и странам в два, четыре, шесть и даже десять и более раз. Особенно значительных результатов достигли Канада, Аргентина и Япония. Конечно, мы должны были бы принять во внимание увеличение населения, произошедшее в данный промежуток времени, а также повышение цен на одни и те же товары в сравниваемые нами годы.

Но нужно признать, что работа по выявлению этих поправочных коэффициентов и их применение отняла бы чрезвычайно много времени, не говоря уже о большой трудности выполнения этой задачи.

Помимо того, данные о ценах, существовавших в довоенные годы, еще и потому с большой трудностью могут быть нами проверены, что они попросту отсутствуют по многим странам.

Таким образом, целью данного сравнения цифр внешней торговли ряда стран за 1891 и 1928 гг. было показать, что некоторые из крупных

современных государств, как-то: Англия, Германия, Франция и Япония, имели пассивный торговый баланс еще и в довоенные годы, каким они его имеют и в настоящее время.

Разница вся только в относительном улучшении их торгового баланса, т. е. в изменении процентного отношения их экспорта к импорту.

Очевидно, и в те годы у них имелись какие-либо другие источники доходов, служившие им покрытиями их торговых дефицитов.

Все же необходимо признать, что Англия, Германия, Франция, а в особенности Соед. Штаты, Канада и Австралия, как это мы видим из той же сравнительной таблицы, немного улучшили свои балансы.

Что же касается торговых балансов остальных, помещенных в нашей таблице стран, то они менее блестящи.

Ниже мы приводим такую же сравнительную таблицу по отдельным частям света (в млн. руб.):

Таблица 13

Части света	Средние данные за 1890/1892 гг.			Данные за 1928 г.		
	Импорт	Экспорт	В %%	Импорт	Экспорт	В %%
Европа	12.645,0	9.870,0	78,0	38.383,8	30.556,3	79,6
Америка	2.850,0	3.240,0	113,6	16.508,6	18.989,8	115,0
Азия	1.702,5	1.867,5	109,6	9.579,2	10.420,4	108,7
Африка	472,5	420,0	88,8	2.993,8	2.784,5	93,0
Океании	652,5	615,0	94,2	2.009,5	2.111,8	105,0
Всего	18.322,5	16.012,5	87,3	69.474,9	64.862,8	93,4

Как мы видим, общие размеры мировой внешней торговли 1928 г. во много раз превосходят соответствующие средние данные за 1890—1892 гг.

По отдельным же частям света это увеличение представляет собою взятые пятикратно и даже более (Америка, Африка) размеры внешней торговли за период 1890—1892 гг.

Верно, здесь не надо забывать того, что и само население этих стран увеличилось в тех или иных пропорциях за тот же период времени, с другой стороны, и цены на товары претерпели подчас весьма значительные изменения в ту или иную сторону.

Произвести здесь абсолютно точное сравнение, как мы указывали выше, весьма трудно, а возможно и вовсе не осуществимо.

Одно лишь несомненно в данном случае, что общее улучшение торговых балансов, за немногими исключениями (Азия)—налицо. Наблюдаемое нами небольшое улучшение торгового баланса Европы, по сравнению с прочими странами мира, находит себе объяснение в трех серьезнейших потрясениях, какие она перенесла в результате двух войн (мировая и советско-польская) и ряда революций (в России, Германии, Венгрии и т. д.).

Но на Азии (Китай), перенесшей за этот промежуток времени также ряд потрясений, повлекших за собой значительные потери людьми и прочими средствами, это, очевидно, отразилось еще в большей степени, чем на Европе.

Мы закончим этот раздел рассмотрением сравнительных данных о размерах импорта и экспорта, приходящихся на одного жителя пяти

частей света, за тот же период времени. Это видно из следующей таблицы (в руб. и коп.):

Таблица 14

Части света	Среднее за 1890/1892 гг.		За 1928 г.		Рост в %%	
	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
Европа	35.40	27.67	79.50	63.32	124,6	128,4
Америка	23.85	27.—	64.12	77.25	16,8	186,1
Азия	2.02	2.25	9.22	10.05	356,4	346,6
Африка	3.37	3.—	21.22	19.72	529,6	557,3
Океания	93.45	87.37	171.75	180.52	83,7	106,6
Среднее для всего земного шара . .	12.75	11.10	35.85	33.82	181,1	304,6

Данные за 1890—1892 гг., само собою разумеется, претендуют на гораздо меньшую точность и достоверность, нежели соответствующие данные за 1928 г. Что же касается Китая, Персии и в особенности Афганистана и некоторых других, подобных этим стран, то цифры населения их, как известно, имеют своим основанием не всенародную перепись данной страны или государства, а результат различных по методу и точности простых расчетов и вычислений тех или других исследователей.

Из вышеприведенной таблицы, мы видим весьма значительный рост размеров импорта и экспорта, приходящихся на одного жителя всех стран мира за данный период времени.

Наибольший же рост как по импорту, так и экспорту, показывают Африка и затем Азия; наименьший же Океания, где, не в пример прочим частям света, экспорт на одного жителя определяет импорт.

Последнее обстоятельство целиком находит себе объяснение в том, что в этой части света находятся по преимуществу богатые колонии наикрупнейших «мировых держав», усиленно выкачивающих из них все их природные богатства.

Америка и Европа дают сравнительно незначительное увеличение внешней торговли на одного своего жителя, так как многие из находящихся в них государств, достигнув значительного прогресса в этом направлении за сравнительно небольшой промежуток времени, исчерпали все свои возможности.

Последнее же обстоятельство, нужно ожидать, будет причиной того, что в дальнейшем развитие их внешней торговли пойдет еще более замедленным темпом.

Это же обстоятельство заставляет их прибегать к еще более усиленной, чем до сих пор, эксплуатации своих колоний, т. е. по существу увеличивать размер внешней торговли Азии, Африки и Океании.

* *

Главнейшим и решающим фактором в столь значительном росте современной мировой внешней торговли явилось сильное развитие пароходства в течение последнего столетия.

Еще в 1871 г. Англия имела 23.189 парусных судов, вместимостью в 4.578 тыс. тонн и 3.178 пароходов, вместимостью 1.113 тыс. тонн. Но уже через двадцать лет, в 1891 г., ее торговый флот состоял из 13.823 парусников, вместимостью в 2.972 тыс. тонн и 7.720 пароходов на 5.307 тыс. тонн.

Вместимость парусных судов Франции с 921 тыс. тонн в 1871 г. снизилась до 426 тыс. тонн для 1891 г., а пароходов со 151 тыс. тонн увеличилось до 522 тыс. тонн за тот же период времени.

Германские же парусники с 900 тыс. тонн для 1871 г. дошли до 704 тыс. тонн в 1891 г., а пароходы с 82 тыс. тонн увеличились до 764 тыс. за те же двадцать лет.

Средний тоннаж пароходов в 1891 г., таким образом, достигал в Англии 690 тонн на судно, во Франции—450 и в Германии 810 тонн.

Эти размеры тоннажа, являвшиеся в те годы большим достижением, само собою разумеется в наше время являются сильно превзойденными. До мировой войны количество парусников в мировом торговом флоте с каждым годом уменьшалось и уменьшалось; с окончанием же войны и в последующие за этим годы они почти окончательно вытеснены пароходами.

Следующие цифры, характеризующие торговый флот крупнейших стран мира за последние годы истекшего столетия, в сравнении с соответствующими данными 1928 г.

Таблица 15

Страны	1893 г.		1928 г.		Разница в % по отношению к 1893 г. по тоннажу
	Колич. судов, вместимостью более 100 тонн	Их тоннаж в тыс. тонн	Колич. судов, вместимостью более 100 тонн	Их тоннаж в тыс. тонн	
Англия	15.094	9.209	10.683	22.782	+ 148
Соед. Штаты	3.849	1.895	4.336	14.538	+ 565
Германия	2.209	1.450	2.080	3.777	+ 160
Италия	2.156	761	1.429	3.429	+ 350
Франция	2.006	746	1.682	3.444	+ 348
Норвегия	3.835	1.632	1.787	2.968	+ 82
Россия и СССР	2.488	607	354	377	- 38
Всего	31.637	16.300	22.351	51.215	+ 215

Как видим, общее количество судов за истекшие тридцать пять лет уменьшилось на 30%, но зато общий тоннаж их увеличился на 215%.

Средний тоннаж с 515 тонн на судно в 1893 г. повысился почти до 2.300 тонн на судно, причем в 1928 г. и это среднее продолжает увеличиваться и в дальнейшем.

Странами, достигшими наибольших результатов, как мы видим, являются Соед. Штаты, Италия, Франция и значительно меньших—Германия, Англия и Норвегия.

СССР, наоборот, показывает уменьшение своего торгового флота, объясняемое тем, что, отказавшись от прибалтийских территорий с довольно значительными по объему портами (Рига, Либава и др.), СССР потерял также и часть своего торгового флота.

В настоящее время, как известно, СССР усиленно строит новый торговый флот, и в скором времени, очевидно, восстановит свой удельный вес в этом отношении среди остальных государств мира.

Государства, обладающие непосредственным выходом к морю, совершенно очевидно, получают наибольшие выгоды от использова-

ния этого ценного вида транспортирования грузов, являющегося более выгодным, нежели транспортирования по суше.

Вот почему страны, имеющие морские пути большого протяжения, стараются их еще более улучшить, в частности путем прорытия каналов, играющих роль морских подсобных путей сообщений.

Более или менее внимательное рассмотрение многочисленных приведенных нами выше таблиц позволяет констатировать все еще важную роль Европы в экономической жизни всех без исключения стран мира, а также значительнейшие достижения в этом отношении Америки.

Соед. Штаты и Канада на севере, Аргентина и Бразилия на юге Америки располагают обширнейшими территориями еще относительно слабо заселенными (несмотря на сравнительно быстрый темп роста населения) и обладающих к тому же огромнейшими и богатыми естественными ресурсами.

Население этих стран, все время подкрепляемое миллионами европейцев, к тому же чрезвычайно предприимчивыми, составляет именно ту категорию людей, которые энергично используя соответствующую, сильно вспаханную и экономически хорошо возделанную, благоприятную во всех отношениях почву своей страны—действительно создают сильнейшую конкуренцию старой Европе.

Районирование топливопотребления и железнодорожные тарифы на топливо^{1 2}

I

Факт нерационального географического размещения нашего топливопотребления является общеизвестным. Пожалуй, не менее общеизвестным является то, что в результате подобного размещения топливопотребления наше народное хозяйство несет огромные потери (последнее обследование РКИ СССР лишний раз подтвердило это обстоятельство). Но, вместе с тем, до настоящего времени этому вопросу, к сожалению, уделялось слишком мало внимания, ибо у нас чрезвычайно распространено мнение, что проводить оптимальное для народного хозяйства районирование топливопотребления возможно будет лишь по осуществлении весьма существенной технической реконструкции нашего топливного хозяйства. Нам представляется, что подобное толкование задач, ставящихся при исследовании проблемы оптимального размещения топливопотребления—недостаточно.

Правда, нужно заметить, что само понятие оптимального для народного хозяйства размещения не является раз навсегда данным, ибо содержание оптимума меняется в зависимости от изменения целого ряда условий. Поэтому, с одной стороны, можно и нужно говорить об оптимальном районировании топливопотребления, исходя не из существующего положения вещей, а из возможностей, создаваемых последними техническими достижениями. При этом можно исходить из того, что степень использования топлива соответствует последним достижениям теплотехники; что широко изменяется механическое и, главное, химическое обогащение топлива, приводящее к совсем иным способам использования топлива и его передачи (газопровод); что транспорт топлива происходит с помощью наиболее совершенных способов (сверхмагистраль, нефтепровод и т. п.) и, наконец, из всех производственных возможностей в области непосредственной добычи самого топлива. Необходимость учета всех этих возможностей (и даже всех тенденций в этой области) при анализе оптимального размещения топливопотребления бесспорна. Учитывать все эти меры, кроме всего прочего, необходимо еще в силу того, что географическое размещение самой топливной промышленности должно быть приспособлено к тому или иному плану районирования топливопотребления.

Но, с другой стороны, мы считали бы целесообразным и даже необходимым, первоначально рассмотреть вопрос об оптимальном размещении топливопотребления при существующем поло-

¹ В порядке обсуждения. *Ред.*

² Настоящая статья написана на основании материалов, разработанных секцией районирования научно-исследовательского института угольной промышленности под руковод. автора и при участии П. Д. Науменко.

жении вещей, при существующей технике. Ведь чрезвычайно важно выяснить, исходя из существующей технической организации нашего топливного хозяйства и из существующих способов использования и транспортировки топлива, и, наконец, исходя из нынешних производственных условий в области топливной промышленности, — каким должно было бы быть географическое размещение топливопотребления, с точки зрения минимума затрат общественного труда на добычу и перевозку топлива.

Конечно, исследование проблемы в такой суженной постановке может иметь только известное ограниченное значение. Оно не может устранить необходимости исследования проблемы районирования в значительно более широкой постановке, основывающейся на учете всех перспектив и тенденций, о которых выше шла речь. Но зато подобное исследование позволяет выяснить те возможности рационализации топливопотребления, которые осуществимы даже без реконструкции техники, выяснить достаточно широкие возможности сбережения народнохозяйственных средств в этой области, используя на первых порах лишь только известную систему экономических мероприятий.

В капиталистическом обществе условия ценообразования являются, в сущности, основным экономическим фактором, определяющим географическое размещение производства и потребления товаров. Для нашего хозяйства моменты ценообразования сами по себе имеют несравненно меньшее значение, чем при капитализме. Мы все больше и больше стараемся изменить географическое размещение производства в желательном для нас направлении, действуя непосредственным путем, используя для этой цели ряд непосредственных мероприятий экономической политики, в значительной степени минуя рыночный механизм. Но из этого ни в каком случае не следует делать вывода, что мы вообще должны отказаться от воздействия на рыночный механизм и на ценообразующие факторы, с целью приспособления последних к задачам планирования территориального распределения производства. Подобный вывод просто противоречил бы общей тенденции экономики переходного периода, выражающейся в том, что по мере развития плановых социалистических элементов в нашем хозяйстве, рыночная цена все больше и больше должна поддаваться плановому регулированию, что в конечном счете должно привести к полному изменению экономического содержания категории цены. С другой стороны, отказ от воздействия в указанном направлении на ценообразующие факторы противоречил бы проводимому в настоящее время дальнейшему внедрению принципа хозяйственного расчета. Следовательно, поскольку сохраняется товарная форма в нашем хозяйстве, необходимость планового приспособления ценообразующих факторов соответственно задачам оптимального для народного хозяйства районирования производства и потребления не подлежат сомнению. Во всяком случае бесспорно, что в первую очередь необходимо обратить внимание на ценообразующие факторы, оказывающие в этом деле противодействующее влияние. А нам представляется, что одним из существенных моментов, мешающих рациональному районированию топливопотребления, как раз являются некоторые факторы, определяющие цену на топливо.

При определении конкурентоспособности различных видов топлива, а следовательно и при районировании их потребления, решающее значение имеет не столько относительная величина их производственной стоимости, сколько соотношение стоимости различных ви-

дов топлива на месте его потребления. Ибо в цене топлива обычно весьма значительная и часто даже преобладающая доля принадлежит издержкам по его перевозке¹. Принимая во внимание столь значительную роль транспорта в данном случае, как ценообразующего фактора, прежде всего необходимо исследовать насколько существующая система железнодорожных тарифов на топливо способствует оптимальному районированию последнего.

В установлении железнодорожных тарифов, представляющих ничто иное как цену услуг транспорта, стихийно-рыночные моменты совершенно устранены. Железнодорожные тарифы устанавливаются исключительно плановым путем, а потому к действующим тарифам должны быть предъявлены особо строгие требования соответствия целям планирования нашего народного хозяйства. Нужно иметь в виду, что при установлении железнодорожных тарифов преследуются в основном две следующих задачи. С одной стороны, с помощью тарифов осуществляется в очень значительных размерах перераспределение средств в народном хозяйстве. С другой стороны, с помощью железнодорожных тарифов мы должны воздействовать на географическое размещение хозяйства. Та или иная система транспортных тарифов может быть оправдана с общественной точки зрения лишь при условии соответствия ее обеим указанным задачам.

Если рассмотреть с этой точки зрения существующие железнодорожные тарифы на перевозку топлива, то нам представляется — и мы это постараемся ниже доказать, — что они совсем не соответствуют именно второй из указанных задач, преследуемой при установлении тарифов — регулированию размещения топливопотребления. Больше того. Нам представляется, что существующая система построения железнодорожных тарифов на перевозку топлива является одним из весьма существенных факторов, противодействующих осуществлению оптимального для народного хозяйства районирования топливопотребления. Ибо в результате неправильного построения железнодорожных тарифов на топливо совершенно искажается география топливных перевозок и, следовательно, искажается и размещение самого топливопотребления.

Проверить выставленное положение возможно следующим путем. Необходимо определить географические границы конкурентоспособности (или, иначе говоря, оптимальные границы потребления) различных видов топлива. Причем указанные границы должны быть определены в двух вариантах. В основу первого варианта должны быть положены данные о народнохозяйственной себестоимости железнодорожных перевозок топлива; в основу второго варианта — существующие тарифы на перевозку топлива. Сопоставление указанных двух вариантов и анализа расхождений между ними сделали бы возможным оценку существующей системы железнодорожных тарифов на топливо с точки зрения соответствия ее нашим задачам в области районирования топливопотребления.

В настоящее время мы еще не располагаем законченным материалом об оптимальных географических границах потребления всех

¹ Проф. П. М. Соловьев вычислил, что в среднем на 30 котельных, работающих на донецком угле, издержки перевозки составляют 75% заготовительной стоимости угля (см. П. Соловьев „О кочегарах“ — „Система и Организация“, 1927 г., № 10, стр. 21). Сплошь и рядом доля транспортных издержек в себестоимости топлива даже еще выше. См. напр., статью Н. С. Трифонова „Характеристика топливного хозяйства промышленных заведений“ („Материалы к характеристике топливного хозяйства промышленных предприятий“, Харьков, издание журнала „Уголь и Железо“).

видов топлива. Но для выяснения интересующего нас вопроса вполне достаточно данных, касающихся хотя бы некоторых видов топлива. Поэтому мы решили проверить выставленное положение путем анализа влияния железнодорожных тарифов на установление границ потребления подмосковного угля сравнительно с донецким углем. В настоящее время, когда мы заинтересованы в расширении потребления подмосковного угля, представляет самостоятельный интерес проследить насколько этому способствует транспорт и тарифы. Но нужно сказать, что выводы из анализа влияния железнодорожных тарифов на размещение топливопотребления, относятся не только к подмосковному углю, но и к целому ряду других видов так называемого местного топлива.

II

Для определения оптимальных географических границ потребления подмосковного угля сравнительно с донецким, прежде всего необходимо выяснить, что положить в основу масштаба соизмерения их технической и экономической ценности. Подмосковный и донецкие угли чрезвычайно отличаются друг от друга по своим качествам и свойствам, но это не исключает возможности их соизмерения. Если исходить из существующей техники, как это мы и условились делать, то в качестве единицы измерения технической ценности этих углей может явиться их испарительная способность, т. е. количество тонн пара, получаемого при современных условиях с тонны сжигаемого угля. Следовательно, показателем сравнительной экономической эффективности этих углей может быть народнохозяйственная себестоимость тонны пара, получаемого на этих углях.

Основное затруднение при решении поставленной проблемы — на основании какого материала практически осуществить соизмерение технической ценности этих углей? Мы располагаем достаточно обширным и проверенным материалом о теплотворной способности этих углей. Но этого еще недостаточно для определения их испарительной способности, ибо для этого еще необходимо знать степень их использования. Поскольку мы условились исходить из существующей техники, то для нашей цели не годятся данные о теоретическом возможном коэффициенте полезного действия при употреблении различных углей. Единственно пригодным в данном случае может явиться лишь только статистический материал, при том достаточно отражающий существующее положение вещей. Именно поэтому в основу определения показателей технической ценности углей нами был положен обширный материал, собранный эквивалентной комиссией Донугля о среднем коэффициенте полезного действия для определенных видов донецкого топлива, а для подмосковного угля — данные (также статистические, хотя и значительно менее обширные) Теплотехнического бюро Москвугля, которые приводятся ниже (см. табл. на стр. 131).

На основании данных об испарительной способности различных углей становится возможным определение себестоимости тонны пара на этих углях. Для этого прежде всего необходимы данные о себестоимости угля. Нужно отметить, что, к сожалению, совершенно невозможно сопоставление публикуемых данных о себестоимости подмосковного и донецких углей. С одной стороны, это объясняется отсутствием единообразия калькуляции по Москвуглю и Донуглю; с другой — различием производственно-технических условий. Так, например, формально и в Подмосковном бассейне и Донецком себестоимость исчисляется на тонну добычи. Но все дело в том, что в Подмо-

Таблица 1

Марки и сорта	Калорийность Q_p	Средний коэф. полезного действия $П_k$	Испарител. способность $\frac{П_k \cdot Q_p}{640}$
Донецк. угли			
Д	5.600 кал.	64,4	5,6
Г	6.470 "	66,9	6,8
ПКС	6.830 "	68,6	7,4
Ф	7.290 "	71,6	8,1
К	6.920 "	68,6	7,6
ПС	7.180 "	67,0	7,5
Т	7.370 "	66,8	7,6
АП	7.240 "	73,5	8,1
АМ	6.480 "	66,6	7,0
АБ	7.150 "	71,7	7,9
АС	6.360 "	66,6	6,5
АРШ	6.510 "	60,9	6,85
АН	6.690 "	52,7	4,4
Подмоск. угли			
К	3.380 "	63,8	3,37
О	2.965 "	64,3	2,98
МС	2.760 "	64,9	2,80

сковном бассейне, как это ни странно, в понятие добычи включается также и порода, извлекаемая на поверхность. К тому же положение весьма осложняется тем, что в Подмосковном бассейне, в результате совершенно единого по своему характеру производственного процесса, одновременно добывается не только уголь, но и огнеупорная глина и сернистый колчедан. Следовательно, фигурирующие повсюду данные о себестоимости по Москвуглю изображают себестоимость не тонны угля, а тонны добычи, являющейся, в сущности, конгломератом совершенно разнородных продуктов. Так что для сравнения себестоимости тонны пара на подмосковном и донецком углях, предвзительно необходимо было соответственным образом переработать, т. е. «очистить» отчетные данные о себестоимости подмосковного угля, дабы сделать их сопоставимыми с данными о себестоимости донецкого угля.

Ни донецкий уголь, ни подмосковный каждый в отдельности не представляют чего-то однородного. И тот и другой представляют собой целую гамму сортов, значительно отличающихся друг от друга. Если говорят о сравнительной конкурентоспособности или о сравнительной экономической эффективности подмосковного и донецкого углей, то под этим подразумевается сравнение какого-либо определенного сорта донецкого угля с каким-либо определенным сортом подмосковного угля. Можно, конечно, в результате сопоставления отдельных сортов сделать обобщение, вывести известные средние показатели для подмосковного и донецкого угля в целом, но лишь при условии предварительного сопоставления по каждому сорту в отдельности. Для осуществления же указанного условия необходимы данные по себестоимости добычи каждого сорта угля в отдельности. К сожалению, до настоящего времени ни Донуголь, ни Москвуголь не занимаются исследованием этого вопроса, ибо во всех их расчетах в качестве калькуляционной единицы является не тонна угля опреде-

ленного качества, а тонна добычи. Но последняя категория совершенно не презентативна, ибо в ней отсутствует представление о качестве добываемого угля. Переработав отчетные данные Донугля и Москвугля за 1927/28 г. путем применения методов калькуляции, о которых мы уже указывали в другом месте¹, нами были выведены приводимые в таблице 2 данные о себестоимости тонны угля каждого сорта в отдельности.

Для определения конкурентоспособности топлива еще недостаточно показателей его технической ценности и данных о себестоимости его добычи, ибо два вида топлива, обладающие одинаковой испарительной способностью и даже одинаковой себестоимостью, с экономической точки зрения не обязательно должны явиться равноценными, так как возможна неодинаковая стоимость их эксплуатации. Следовательно, для определения себестоимости тонны пара, получаемого на различных углях, требуются также данные о стоимости эксплуатации последних. Произведя специальную обработку статистических материалов, собранных Главгортормом, в результате обследования ряда промышленных предприятий, мы получили средние данные о сравнительной стоимости эксплуатации, или, иначе говоря, о сравнительной величине накладных и эксплуатационных расходов на тонну угля различных марок и сортов как Подмосковского, так и Донецкого бассейнов².

На основании вышеприведенных данных была определена (см. табл. 2) себестоимость тонны пара на различных углях на месте добычи.

Таблица 2

Марки и сорта	Себестоимость тонны в 1927/28 г.	Накладн. и эксплуат. расходы на тонну	Себестоимость тонны пара на месте добычи
Донецк. угли			
Д.	6.33 коп.	5.56 коп.	2.12 коп.
Г.	9.32 "	5.57 "	2.19 "
ПЖ.	10.95 "	5.60 "	2.24 "
Ф.	13.39,5 "	5.38 "	2.32 "
К.	11.62 "	5.61 "	2.27 "
ПС.	11.36 "	5.55 "	2.25 "
Т.	11.70 "	5.49 "	2.25 "
АП.	13.54 "	5.23 "	2.32 "
АМ.	9.79 "	5.63 "	2.20 "
АК.	12.81 "	5.31 "	2.29 "
АС.	8.44 "	5.68 "	2.17 "
АРШ.	9.44 "	5.60 "	2.20 "
АСШ.	5.40 "	5.72 "	2.14 "
АШ.	2.57 "	5.78 "	1.90 "
Подмоск. угли			
НК.	6.88 "	5.55 "	3.69 "
О.	5.95 "	5.74 "	3.92 "
МС.	3.86 "	5.91 "	3.49 "

¹ А. Пробст. "О калькуляции себестоимости донецких углей как о проблеме теоретической и прикладной экономики". "Хозяйство Украины", № 11, 1929 г.

² А. Пробст. "К вопросу о накладных и эксплуатационных расходах на минеральное топливо". "Уголь и Железо", № 48, за 1929 г.

Но для определения оптимальных географических границ потребления различных углей нужно исходить из себестоимости тонны пара на местах потребления угля, а для этого в свою очередь требуется определить народнохозяйственную себестоимость железнодорожных перевозок угля.

Еще совсем недавно определение издержек перевозок считалось вообще невозможным, ибо нельзя было определить издержки, зависящие от движения. Но в настоящее время, благодаря ряду работ и в особенности работам проф. Е. А. Михальцева, нужно считать эту проблему в основном разрешенной, так как применение разработанных им методов дает возможность отнести к издержкам, зависящим от движения, в среднем около 70 % всех эксплуатационных расходов. Применение этих методов дало возможность НКПСу, путем соответствующей обработки отчетных данных за 1926/27 г., исчислить среднюю себестоимость $m/км$ железнодорожных перевозок.

С помощью методов проф. Михальцева становится возможным определение не только средней себестоимости всех перевозок, но, основываясь на данных о величине последних, можно определить себестоимость перевозок индивидуального груза и угля в частности. Сущность примененного им метода заключается в том, что себестоимость перевозок исчисляется путем установления величины затрат по отдельным эксплуатационным измерителям. Сопоставляя данные об отклонении величины затрат по отдельным измерителям при перевозке данного груза с данными о затратах по тем же измерителям при средних условиях перевозки (например, учитывая иную, сравнительно со средними условиями, нагрузку на ось для данного груза и на процентное отношение пробега порожняка, свойственное данному грузу и т. п.), возможно установить действительную себестоимость перевозки данного груза. Произведя на основе вышесказанного соответствующие расчеты было определено, что средняя по сети себестоимость железнодорожных перевозок каменного угля при перевозке его на расстояние в 601 км (средняя дальность пробега груза), составляла в 1926/27 г. на тонну-километр:

Эксплуатационные расходы	1,02 коп.
Реновационные отчисления	0,11 "
Социалистич. накопления	0,05 "
Всего	1,18 коп.

Размер социалистического накопления был определен, исходя из 0,6 % — что соответствует фактическому размеру накопления транспорта в 1926/27 г.

Вышеприведенные данные представляют собой себестоимость железнодорожных перевозок каменного угля на $m/км$ при средней дальности пробега последнего (601 км). Для нас же важно определить величину себестоимости перевозки угля на любое расстояние. Воспользовавшись для этой цели специальными работами проф. Михальцева и С. А. Чудова по исследованию коэффициента изменчивости издержек перевозок в зависимости от дальности пробега груза, мы получили соответствующие данные о себестоимости перевозок угля на любое расстояние.

Наконец для получения окончательных данных о себестоимости перевозок угля к вышеприведенным данным было присоединено еще 61 коп. на тонну, — особые расходы — по взвешиванию, нагрузке и выгрузке, станционным расходам, обычно фигурирующих в виде так на-

допускает возможность получения равного коэффициента полезного действия при употреблении любого сорта угля, причем это подтверждает и практика: по ряду промышленных предприятий коэффициент полезного действия котельных, работающих на подмосковном угле, не ниже, чем для донецкого угля.

Поэтому, мы сочли необходимым нанести на картограмму еще вторую границу потребления подмосковного угля (обозначенную сплошной жирной линией). При установлении этой границы принимались уже ранее указанные методологические предпосылки, те же данные себестоимости угля, о стоимости его эксплуатации и перевозок; но при установлении данной границы принимался равный коэффициент полезного действия для подмосковного и для донецкого углей.

Но даже и эта вторая граница потребления подмосковного угля, в сущности, совершенно не учитывает всех возможностей в технике использования (и переработки) этого угля и, следовательно, не учитывает всех перспектив развития потребления подмосковного угля.

Вместе с тем, даже при рассмотрении указанных границ, не трудно убедиться насколько ошибочен взгляд, согласно которого современные размеры добычи подмосковного угля могут быть оправданы будто бы лишь современной напряженностью топливного баланса, требующей использования всех наличных топливных ресурсов, и вместе с тем напряженностью транспорта, не справляющегося с перевозками донецкого топлива. Ошибочно также мнение, что дальнейшее развитие Подмосковного бассейна может оправдать себя только лишь при условии осуществления коренной технической реконструкции, а именно: превращения Подмосковного бассейна в огромный химический комбинат, постройки газопровода и т. п. Это мнение ошибочно, ибо с точки зрения оптимального районирования топливопотребления, с точки зрения минимума общественных затрат на добычу и перевозку топлива, даже при существующей технике использования подмосковного угля необходимо дальнейшее развитие добычи в Подмосковном бассейне, так как настоящей добычи недостаточно для удовлетворения всей потребности топлива даже того района, который обозначен на картограмме.

Мы так сравнительно подробно останавливались на рассмотрении оптимальных границ потребления подмосковного угля, дабы выяснить, в каком направлении должны действовать как непосредственно экономические мероприятия, так и регулирование факторов, определяющих цену на топливо. Но нужно констатировать, что транспорт, являющийся основным ценообразующим фактором, в данном случае влияет как раз в противоположном народнохозяйственным интересам направлении.

На той же картограмме пунктирной линейкой обозначена граница конкурентноспособности подмосковного угля сравнительно с донецким, если исходить не из себестоимости ж.-д. перевозок, а из ныне существующих тарифов на перевозку угля. Все остальные показатели остались те же, какие были приняты при определении первой границы (обозначенной сплошной линией); стоимость же перевозки исчислялась для донецкого угля на основании общего тарифа № 100, а для подмосковного угля на основании исключительного тарифа № 1. Граница конкурентноспособности подмосковного угля, сравнительно с донецким, полученная на основании этих данных, оказывается значительно уже границы, полученной на основе данных о себестоимости ж.-д. перевозок угля.

Расхождение между указанными двумя границами объясняется существующим соотношением цен на подмосковный и донецкий уголь в пунктах его потребления, ибо это соотношение не в пользу подмосковного угля. Столь неблагоприятное для подмосковного угля соотношение цен является результатом соответствующего построения наших железнодорожных тарифов. Вопреки интересам народного хозяйства ж.-д. тарифы на уголь в данном случае способствуют расширению границ потребления донецкого угля за счет сокращения района потребления подмосковного угля. Этот вывод следует не только из сопоставления указанных границ на картограмме, но также из анализа данных о динамике средней дальности пробега по железным дорогам подмосковного и донецкого угля.

Средняя дальность пробега по железным дорогам (в километрах)

Г о д ы	Подмоск. уголь	Донецкий уголь
1896	157	414
1904	167	442
1912	229	547
1922	143	—
1923	164	—
1924	116	653
1925/26	176	691
1926/27	193	732

В довоенные годы увеличение дальности пробега донецкого угля протекало параллельно увеличению дальности пробега подмосковного угля. Совсем иная картина в настоящее время. Несмотря на весьма значительное увеличение средней дальности пробега донецкого угля в последние годы сравнительно с довоенными, средняя дальность пробега подмосковного угля значительно ниже, чем за довоенные годы. Вообще говоря, увеличение средней дальности пробега всех угольных грузов отрицательно отражается на народном хозяйстве. Напротив, увеличение дальности пробега так называемых местных углей (конечно, только до известных пределов), явилось бы фактом положительного порядка, ибо оно как раз способствовало бы сокращению всех угольных перевозок. Вместе с тем, несмотря на все разговоры о расширении потребления подмосковного угля, дальность пробега его ниже сравнительно с довоенным временем. Любопытно отметить, что сокращение средней пробега характерно и для многих других видов так называемого местного топлива; уральские угли сократили дальность пробега с 437 км в 1912 г. до 315 км в 1925—26 г., даже дальность пробега торфа сократилась с 80 км в 1912 г. до 63 км в 1926/27 г.

Столь неблагоприятное для подмосковного угля соотношение цен на топливо привело к чрезвычайно странному факту. Несмотря на растущую напряженность в удовлетворении потребности в угле, все же Москвуголь испытывает весьма серьезные затруднения в сбыте своего угля. При почти всеобщем сокращении запасов угля, как вследствие недостатка топлива, величина месячных запасов по Москвуглю возросла в 1929 г. (в среднем за 9 месяцев) в 2,6 раза сравнительно с предыдущим годом. Затруднения в сбыте подмосковного угля оказались столь значительны, что заставили ВСНХ распределить подмосковный уголь в принудительном порядке путем составления списка промышленных предприятий, обязанных потреблять исключительно подмосковный уголь.

Но указанного мероприятия ВСНХ, конечно, недостаточно. Несомненно, что мы сталкиваемся с косностью потребителей, не желающих потреблять подмосковный уголь; важнее еще, что котельное хозяйство многих промышленных предприятий не приспособлено к потреблению подмосковного угля. Но нельзя игнорировать того, что большинство предприятий просто не заинтересовано в потреблении данного топлива.

Существующее построение железнодорожных тарифов на перевозку угля приводит к такому соотношению цен на подмосковный уголь сравнительно с донецким, при котором интересы индивидуального предприятия, поскольку оно руководствуется принципом хозяйственного расчета, вступает в противоречие с интересами народного хозяйства. Ведь из рассмотрения картограммы ясно, что с точки зрения индивидуального, единичного предприятия невыгодно потребление подмосковного угля за пределами границы, обозначенной пунктиром, несмотря на то, что с точки зрения народного хозяйства выгодно потребление подмосковного угля еще далеко за пределами этой границы. И все это является результатом того, что существующие железнодорожные тарифы создают иллюзию выгоды потребления донецкого угля даже в районе Подмосковного бассейна¹.

Для расширения района потребления подмосковного угля до размеров, требуемых с точки зрения интересов народного хозяйства, также как и вообще для рационализации размещения всего топливопотребления, мы должны действовать не только мерами, аналогично предпринятым ВСНХ, но необходимо также воздействовать на ценообразующие факторы, на рыночный механизм, дабы с их помощью создать условия, стимулирующие отдельные предприятия к потреблению того, а не иного вида топлива.

Собственно говоря установлением исключительного тарифа № 1 на перевозку подмосковного угля и предполагалось создать особо благоприятные условия для расширения потребления последнего. Но несмотря на то, что провозная плата на подмосковный уголь по исключительному тарифу № 1 понижена в среднем более чем на 50%, сравнительно с общим тарифом, все же введение исключительного тарифа не достигает цели. Как мы уже указывали выше, даже при исключительном тарифе, границы конкурентноспособности подмосковного угля сравнительно с донецким уже, чем при себестоимости железнодорожных перевозок. Все дело в том, что, перевозя донецкий уголь даже по общему тарифу, мы, в сущности, перевозим его на весьма льготных условиях, значительно ниже себестоимости перевозок. Объясняется это тем, что тарифная ставка на т/км с увеличением расстояния падает с слишком большой прогрессией, причем падение дифференциальной ставки с увеличением расстояния, как это видно из прилагаемой диаграммы, происходит в значительно большей степени, чем уменьшение самих издержек перевозок. Столь значительное падение дифферен-

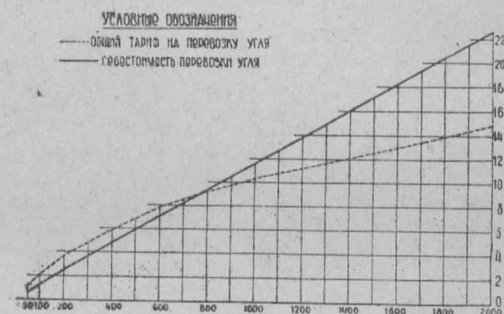
¹ Нельзя все же обойти факт ненормальности нашей политики цен на топливо. Очевидно, что необходимо привести в соответствие с задачами оптимального районирования топливопотребления не только железнодорожные тарифы, но также и отпускные цены. Вместе с тем, заслуживает внимания следующий факт. В то время, как отпускные цены (франко-вагон станция отправления) на донецкое топливо установлены в среднем значительно ниже себестоимости, отпускные цены на подмосковные угли (так же как и на многие другие виды местного топлива) установлены выше себестоимости.

Но такую политику цен и финансирования нельзя расценивать иначе, как политику представления особых льгот потребителям донецкого топлива сравнительно с другими видами топлива.

циальной ставки делает донецкий уголь вполне конкурентноспособным в Центральном районе и дает ему возможность вытеснить подмосковный уголь, да и не только подмосковный уголь. Анализ динамики дальности пробега так называемого местного топлива показывает, что вопреки народнохозяйственным интересам происходит вытеснение донецким углем в центральных и северных районах СССР местного топлива. Ибо современное построение железнодорожных тарифов на уголь создает весьма вредную иллюзию выгоды для народного хозяйства увеличения дальности пробега донецкого угля.

Современное построение железнодорожных тарифов не только не способствует осуществлению оптимального районирования топливопотребления, но весьма существенно противодействует ему. Указанное обстоятельство нельзя не учесть при предстоящем пересмотре ж.-д. тарифов. Вызывает недоумение, что в материалах, подготовленных НКПСом к пересмотру тарифов на уголь, этот вопрос совершенно обойден и в них ограничиваются только указанием необходимости повысить тарифную ставку в среднем на 14%¹. Стремление НКПС приблизить ж.-д. тарифы к себестоимости перевозок вообще является вполне правильным, ибо с нашей точки зрения тарифы должны устанавливаться не в зависимости от платежеспособности грузов, а исключительно в зависимости от себестоимости перевозок. Но именно исходя из этой точки зрения, мы считаем необходимым привести в соответствие с издержками перевозок не только среднюю провозную плату (или начальную тарифную ставку), но и само изменение дифференциальной ставки привести в соответствие с изменением издержек перевозок в зависимости от дальности пробега груза. В противном случае транспорт будет продолжать мешать оптимальному районированию хозяйства.

Мы все время говорили исключительно о подмосковном угле и о влиянии ж.-д. тарифов на районирование его потребления. Но, в сущности, речь идет не только об одном подмосковном угле. Последний имел для нас значение, главным образом, в качестве иллюстрации. Выводы же из предыдущих рассуждений, как нам представляется, должны касаться всей проблемы районирования топливопотребления в целом.

Картограмма 2

¹ См. „Материалы по генеральному пересмотру тарифной системы ж.-д. транспорта СССР в 1929 г.“, вып. III, Уголь. Москва, Транспечать, 1929 г.

Очередные задачи реконструкции сельского хозяйства Грузии

I

Сельское хозяйство Грузии нельзя рассматривать изолированно от сельского хозяйства ЗСФСР и всего СССР.

Развитие отдельных отраслей сельского хозяйства и всего народного хозяйства Грузии в целом тесно связано с развитием народного хозяйства Союза ССР и, в первую очередь, с республиками Закавказской федерации, в силу того, что последняя является единым хозяйственным целым (наличие однотипных отраслей сельского хозяйства, вызывающих необходимость увязки работы в вопросах промышленной переработки с.-х. сырья и сбыта с.-х. продуктов, единая водная и пастбищная система, железнодорожная магистраль и транзит в страны Востока, наличие гидроэлектрической энергии в связи с наличием разнообразных, допускающих производственную комбинацию, естественных богатств, как, например, медь, железо, уголь, нефть и т. д.).

Сельское хозяйство Грузии является в основном сырьевой базой промышленности. В общей системе народного хозяйства Союза ССР, роль сельского хозяйства Грузии определяется тем, что оно является районом технических и специальных культур, а также продуктивного животноводства. Отсюда становится понятным то особое внимание, которое уделяется развитию именно технических культур, тем более, что на этом участке сельского хозяйства республики пока что дело обстоит неудовлетворительно. (По удельному весу технические культуры занимают в сельском хозяйстве Грузии всего только 9 проц., причем даже по пятилетнему плану мы не имеем того роста технических культур, который должны были бы иметь.)

Однако, выдвигая как генеральную задачу развитие технических культур, не следует забывать о роли и значении для Грузии зерновых культур. Последние определенно являются базой для развития технических культур, и если грузинский крестьянин не будет иметь уверенности в том, что он обеспечен своим собственным хлебом и не зависит от привозного хлеба, он не пойдет на коренное переустройство своего хозяйства, на развитие технических культур. Поэтому для того, чтобы добиться развития технических и ценных культур и продуктивного животноводства в той мере, в какой это нужно и для союзной и нашей промышленности, необходимо поставить проблему интенсификации и в области зерновых культур, и вести работу в этом направлении таким образом, чтобы к концу пятилетия мы бы могли обеспечить полностью собственным хлебом всю потребность деревни, в том числе

и потребность районов технических культур и группы городов Грузии, не имеющих крупного промышленного значения¹.

По проектировке пятилетнего плана мы должны будем завозить в Грузию в конце пятилетия 120.000 т хлеба в год. Из них около 100 тыс. т — на потребление городского населения и остальное — на потребление деревни. Если, однако, учесть открывающиеся возможности в области повышения урожайности (правда, среди работников Госплана Грузии существует мнение, что такое поднятие урожайности, которое привело бы наше сельское хозяйство и наши зерновые культуры до уровня урожайности, проектируемого союзным правительством, невозможно), позволяющие, несмотря на примитивную культуру сельского хозяйства, целым рядом простейших мероприятий поднять урожайность наших зерновых культур до 30%, то по подсчетам к концу пятилетия хлебный дефицит Грузии может быть снижен до 44,2 тыс. т. Иначе говоря, повышение урожайности позволяет полностью покрыть местным хлебом потребности деревни и мелких городов. Вместе с тем такое развитие зерновых культур ни в какой степени не отражается на развитии технических культур и продуктивного животноводства.

Основными мероприятиями по поднятию урожайности зерновых культур является улучшение способов обработки почвы и борьбы с вредителями. Применение различных способов улучшения обработки почвы дают увеличение урожайности в следующих размерах (по данным Госплана и НКЗ):

Восточная Грузия		Западная Грузия	
1. Глубокопахотные плуги	2%	1. Мелкопахотные плуги	2%
2. Дисковые бороны и рядовые сеялки	20%	2. Зубцовые бороны	2%
3. Кукурузные сеялки 2-рядки	5%	3. Кукурузные сеялки	5%
4. Триеры	10%	4. Триеры	10%
5. Зяблевые вспашки	20%	5. Сортовые семена	20%
6. Сортовые семена	20%	6. Мергелевание	40%
7. Протравление семян	10%	7. Сидерация	25%
8. Навозные удобрения	20%	8. Севооборот	20%
9. Севооборот	20%		

Помимо того, весьма серьезное значение имеет хорошо налаженная борьба с вредителями, ибо эта борьба, по данным бюро борьбы с вредителями НКЗ Грузии, дала следующий эффект:

		Причинила убыток	Спасено
Саранча	1925 г.	1.500 р.	1.500.000 р.
	1926 г.	1.000 р.	1.700.000 р.
	1927 г.	15.822 р.	5.000.000 р.
	1928 г.	20.000 р.	11.000.000 р.
За последние 3 года		Причинила убыток	Спасено
1. Медведка и озимая совка		4.500.000 р.	8.500.000 р.
2. Головка		3.000.000 р.	3.500.000 р.
3. Вредители хлопка		500.000 р.	2.000.000 р.
4. Вредители табака		3.600.000 р.	12.000.000 р.
5. Вредители садов		3.900.000 р.	40.000.000 р.
Итого		30.000.000 р.	75.000.000 р.

¹ Неправильно было бы ставить перед собой задачу обеспечить потребность городского населения продукцией внутреннего зернового хозяйства полностью. Это предопределило бы необходимость развития зерновых культур за счет технических, т. е. предопределило бы движение сельского хозяйства Грузии назад, на рельсы исключительно зернового хозяйства. Мы можем и должны обеспечить местным хлебом население деревни и только части городов.

Решительное проведение в жизнь улучшенных способов обработки почвы и хорошо организованная борьба с вредителями может обеспечить поднятие урожайности больше, чем на 18%, предусмотренных в пятилетке, опубликованной Госпланом Грузии.

Здесь уместно остановиться на следующем моменте: Закгосплан запроектировал поднятие урожайности в ЗСФСР на 40%, причем в этой цифре не учтена эффективность таких мероприятий, как улучшение системы водопользования, введение севооборота и борьба с вредителями. С учетом этих мероприятий, согласно предположений работников Закгосплана, урожайность в Грузии можно поднять до 28—29%.

В расчетах же Грузгосплана (18%) эффективность этих мероприятий учтена, так что в этой проектировке мы имеем поднятие урожайности значительно меньшее, чем 18%, если исходить из единого метода подсчета для Зак.- и Грузгоспланов. Помимо этого, в проектировке Грузгосплана эффективность вышеприведенных мероприятий по поднятию урожайности учтена не в комплексном сочетании, а по отдельным мероприятиям в отношении каждой отдельной культуры, с последующим выведением из суммы простого среднеарифметического показателя. Этим самым допущена грубая агрономическая ошибка, ибо комплекс мероприятий дает не среднюю из суммы эффективности отдельных мероприятий, а гораздо меньше. С этой средней обыкновенно делают скидку (в РСФСР—на 20%). Госплан Грузии этого момента не учел, вследствие чего даже его 18% проектировка не является реальной.

В работе по поднятию урожайности Грузия отстает от республик Союза. В Грузии еще не проведен агроминимум и ничего в этом направлении не сделано, между тем как он уже проводится в жизнь применительно к местным условиям на Украине, в РСФСР и других республиках Союза.

Совершенно бесспорно, что агроминимум для Грузии имеет колоссальное значение. В то же время в Грузии его легче провести, чем в РСФСР и УССР, ибо крестьянство, будучи относительно более культурным, легко осознает выгоду проведения агроминимума. Отсюда вытекает необходимость в срочном порядке выработать агроминимум применительно к особенностям каждого сел.-хоз. района и принять все меры к его проведению, где агитацией и пропагандой, а где (в районах кулацкого влияния) путем законодательной регламентации.

Возьмем для примера хотя бы шелководство. Известно, что средний урожай коконов за последние два года увеличился в Грузии на 100% и что коробка грены дает сейчас свыше 32 кг урожая. Одновременно в Италии каждая коробка дает от 64 до 80 кг коконов.

Чем обусловливается такая разница? Итальянское крестьянство в общей массе немногим культурнее нашего, но там лучше поставлено дело ухода за шелковичными червями и тузовыми деревьями, чем у нас. И можно утверждать, что путем проведения самых простейших мероприятий нам удастся значительно поднять урожайность коконов.

Как известно, в наших деревнях шелковичные черви сидят на так называемых «челты». Кормление червей происходит на той же «челты», на которой они сидят, причем, в виду того, что «челты» от больных червей почти никогда не очищаются, последние заражают здоровых, что, конечно, отражается на качестве урожая.

Как же обстоит дело с кормлением в Италии? Над первым рядом «челты» устраивается второй ряд специально для кормления шелковичных червей. Туловые листья насыпаются на верхний ряд. Здоровый червь поднимается наверх и там питается. Больной червь остается на

нижнем «челты», который выносятся из помещения и очищаются от зараженных червей. Эта процедура почти полностью гарантирует червей от заболевания, в результате чего значительно поднимается и качество, и количество урожая. Существует еще одно чрезвычайно простое средство для поднятия урожайности. Известно, что в периоде питания шелковичного червя бывают жаркие дни, причем жара вредит червям. Какие меры принимаются против этого в Италии? С той стороны, откуда подступает солнце, стены и крыша обкладываются сеном или чалой и затем поливаются водой. Таким образом, итальянскому крестьянину легко удастся сохранить нормальную для червя температуру.

Разумеется, грузинскому крестьянству не трудно будет усвоить полезность такого рода мероприятий. В случае же сопротивления, вследствие косности или под враждебным влиянием, такого рода культурные меры могут проводиться путем издания обязательных постановлений.

Поднятие урожайности является для народного хозяйства Грузии очередной боевой задачей, разрешения которой необходимо добиться во что бы то ни стало. Необходимо мобилизовать все силы республики для осуществления мероприятий по поднятию урожайности, предусмотренных декретом ЦИК СССР (замена непородных семян сортовыми, борьба с вредителями, рациональный севооборот, применение минеральных и зеленых удобрений в широком размере, массовое распространение простейших агрикультурных мероприятий, развитие сети прокатных пунктов и ремонтных мастерских и т. д.).

В полной связи с вопросами повышения урожайности находится и проблема кукурузного хозяйства. Существует мнение у населения многих районов Грузии (его разделяют даже весьма ответственные коммунисты), что, вообще говоря, кукуруза — это даже не культура. Такая точка зрения в корне неправильна. Кукурузное хозяйство является культурным хозяйством. Достаточно указать на то, что сейчас Америка, в целях развития промышленности и продуктивности животноводства, делает ставку, главным образом, на кукурузу. Несомненно, пшеничный хлеб лучше кукурузного, но кукурузное хозяйство имеет большое значение в деле развития промышленности. Америка сейчас практически ставит проблему развития бумажной промышленности на кукурузных стеблях. Она уже имеет определенный опыт в этой области, опыт, который доказывает, что бумага из кукурузных стеблей по качеству выше бумаги, получаемой из древесины.

Несмотря на все это, в Грузии проблема кукурузного хозяйства абсолютно нигде не ставится. В частности, в пятилетнем плане кукурузное хозяйство вовсе не нашло своего отражения. Там просто написано — зерно, под которым обычно понимается пшеница, ячмень и т. д.

О роли кукурузного хозяйства в сельском хозяйстве Зап. Грузии говорят следующие данные:

Из этих данных видно, что в Западной Грузии в 1927/28 г. кукурузные посевы занимали 94,6% всей посевной площади, а в 1928/29 г. — 94,4%, продукция же кукурузы занимала в 1927/28 г. 96,6%, а в 1928/29 г. — 96,3%.

Отмечая большое значение для нашего сельского хозяйства кукурузной проблемы, необходимо поставить вопрос об изучении ее в смысле расширения кукурузной зоны и применения этой культуры и в других районах Грузии. Это необходимо еще потому, что задача повышения урожайности кукурузы уже выдвигает в числе других мероприятий на первое место вопрос об искусственном удобрении (зеле-

Продукция кукурузы и ее роль в сельском хозяйстве Западной Грузии

Годы	Площадь (в тыс. га)					Продукция (в тыс. цент.)				
	Кукур.	Ячмень	Пшен.	Остальн.	Всего	Кукур.	Ячмень	Пшен.	Остальн.	Итого
1927/28	314,2	2,4	13,1	2,6	332,3	3.643,3	20,3	91,5	17,5	3.772,6
%%	94,6	0,7	3,9	0,8	100,0	96,6	0,5	2,4	0,5	100,0
1928/29	332,7	2,3	15,6	1,9	352,5	3.123,8	17,2	90,2	13,6	3.244,8
%%	94,4	0,7	4,4	0,5	100,0	96,3	0,5	2,8	0,4	100,0

ное удобрение, мергелевание, известкование почвы и т. д.) и, помимо этого, задача реконструкции кукурузного хозяйства упирается в проблему переработки, силосования кукурузных стеблей для развития продуктивного животноводства и т. д.

II

Переходя к вопросу о животноводстве, нужно отметить прежде всего, что наряду с несомненным количественным ростом наблюдается сравнительно медленный темп развития продуктивного животноводства, имеющего для Грузии очень важное значение. Точно также наблюдается снижение возрастного состава. Узкое место в области животноводства в условиях Грузии заключается, главным образом, в недостатке кормовой базы. Поэтому мы должны остановить наше внимание на пастбищной проблеме.

Существенной кормовой базой для животноводства являются зимние и летние пастбища, а также продукты полеводства. Пастбища Грузии составляют 17,1% всей удобной земли или 741 тыс. га. Весьма важным является наличие в Грузии как зимних, так и летних пастбищ. Летние пастбища расположены настолько высоко (1.800—3.600 м), что сумма летней теплоты на них недостаточна для созревания хлебных растений и развития древесной растительности. В силу этого обстоятельства, хозяйственное использование этих площадей возможно лишь в виде пастбищ.

Общая площадь летних пастбищ равна 492 тыс. га, из коих 308,0 тыс. га находится в Восточной Грузии и 184,3 т. га — в Западной Грузии.

Зимние пастбища расположены в низменных местах Восточной Грузии в долинах рек Куры, Алазани и Иоры. Общая их площадь равна 249,0 тыс. га. Недостаток влаги не дает возможности использовать эту площадь в виде пашни, и эти земли в данное время идут исключительно для выпаса скота в зимнее время.

Некоторая часть пастбищ, при условии их орошения, может быть использована под зерновые, технические, ценные культуры, однако часть территории зимних пастбищ, по условиям рельефа и почвы (обрывы, солончаки), а равно из-за отсутствия водных ресурсов, не может быть мелиорирована.

Таким образом Грузия не только в настоящем, но и в будущем будет обладать абсолютными летними и зимними пастбищами. Наличие же зимних и летних пастбищ предопределяется создание и сохранение в Грузии комбинированного использования пастбищ скотом. В силу этого пастбищное дело приобретает в Грузии особенно важное

значение в проблеме улучшения, и рационализации пастбищного хозяйства должно быть уделено серьезное внимание.

Все летние пастбища Грузии, за исключением лишь некоторых трудно доступных мест, крайне перегружены и находятся под угрозой полного истощения кормовых качеств. Нагрузка пастбищ государственного значения в некоторых местах доходит до 20 голов и более на 1 га, тогда как при нынешнем состоянии наших пастбищ нагрузка 1 га местных пастбищ не должна превышать 8 голов скота. Зимние пастбища гораздо менее производительны, чем летние, и требуют значительно меньшей нагрузки вследствие меньшего запаса трав, а также вследствие того, что в пастбищный период на зимних пастбищах, в противоположность летним, не происходит возобновление растительности. Предельная нагрузка на 1 га не должна превышать 3 голов; фактическая же нагрузка значительно превосходит эту цифру.

По приблизительному подсчету, при условии нормальной нагрузки пастбищ, не могут прокормиться в пределах республики 500 тыс. голов овец.

Для прокорма этого количества скота необходимо не менее 150.000 га пастбищ средней категории за пределами республики. Что же касается зимних пастбищ, то таковые должны быть предоставлены вне республики для 700.000 овец, причем общая площадь этих пастбищ должна составить примерно 240.000 га.

При учете кормовых ресурсов страны, почти не приходится принимать во внимание клубне-корнеплоды и сильные корма, при современном состоянии хозяйства, ограничивающиеся пригородными районами г. Тифлиса. Таким образом в питании животных, и то исключительно крупного рогатого скота, свиней, лошадей и птицы, преобладающую роль играют грубые корма (сено и др. виды объемистых кормов) и в незначительном количестве зерно и отходы мукомольного и маслобойного производства. Общее представление о количестве всех видов кормовых средств, включая и сено с $\frac{2}{5}$ летних и $\frac{1}{5}$ части зимних пастбищ, по примерному подсчету НКЗ Грузии за 1927 г., выраженному в кормовых единицах, может дать следующая таблица:

Кормовое средство	Количество их в тоннах	Количество кормов. единиц
Сено с сенокосных участков	133.000	106.666.000
Солома и чала	716.000	433.286.000
Семена	512.000	307.344.000
Сено с пастбищных угодий	273.000	218.660.000
Выгоны	119.000	94.866.000
Зерно (дробленое, кукуруза, ячмень, соя и т. д.)	63.000	140.000.000
Отруби, жмыхи, бракованная мука и т. п.	42.000	100.000.000
Всего	—	1.400.822.000

Эти 1½ млрд. кормовых единиц при распределении между всеми домашними животными страны не обеспечивают, строго говоря, даже части корма, требующегося для поддержания жизни животного, вследствие чего мы имеем худой и малопродуктивный скот. Вывести скот из этого полуголодного состояния возможно только путем коренной реконструкции существующих систем полеводства, с введением в их севообороты значительного клина под корнеплоды и кормовые травы.

Так обстоит в Грузии дело с пастбищным вопросом и с кормовой проблемой вообще. По данным Наркомзема, наши пастбища идут, главным образом, на выпас овец. Как известно, овцеводство носит в Грузии характер хозяйства полукочевого типа. Совершенно очевидно, что оставлять такой тип хозяйства на длительный период — не в наших интересах, ибо кочевое хозяйство по существу является тормозом интенсификации и реконструкции сельского хозяйства. При таком типе хозяйства овца все время находится в бесконечном движении с летних пастбищ на зимние, что лишает возможности реконструировать овцеводство на коллективных началах.

Однако ликвидировать сразу кочевое хозяйство не удастся, так как такого рода мероприятие сильно ударило бы по середнякам и беднякам хозяйствам. Отсюда понятно, что придется принять ряд мер, обеспечивающих постепенный переход кочевое и полукочевого хозяйства на более оседлый тип, на более рациональную базу, подпадающую реконструкции и коллективизации.

За отсутствием в Грузии достаточной площади пастбищ, необходимо поставить задачу не количественного, а качественного роста овцеводства. Площадь местных пастбищ сократилась в значительной степени из-за отхода части ее к Турции, а рассчитывать на турецкие пастбища не приходится в виду того, что такого рода расчет, во-первых, связан с валютным вопросом, и, во-вторых — с целым рядом затруднений, которые не дадут нам возможности интенсифицировать скотоводческое хозяйство. Вот почему совершенно правильно будет поставить вопрос о стабилизации количества скота в Грузии и увеличении валовой продукции и товарности нашей овцы за счет улучшения ее качества.

В условиях малоземелья и аграрного перенаселения Грузии, колоссальное значение приобретает развитие и улучшение продуктивного животноводства. Мы уже отмечали, что эта проблема сейчас полностью упирается в кормовую проблему. По данным проф. Джандиери, наша обычная крестьянская корова поедает, примерно, половину того, что необходимо было бы дать ей для нормального питания, т. е. у нас корова ест ниже нормального на 50% и поэтому дает удой в 6 центнеров молока в год. Между тем, если довести корм нашей коровы до нормы, то ее удойность сразу повысится на 100%, т. е. до 10—12 центнеров. Если прибавить к этим нормам так называемые сильные корма, каким являются жмыхи и др., тогда удой коровы достигнет 18—19 центнеров в год. На зоотехнической станции средняя корова дает около 20 центнеров молока, причем эта норма установлена для всех коров. Это указывает на то, что в Грузии имеется полная возможность улучшения, интенсификации нашего продуктивного животноводства, для чего необходимо, в первую голову, разрешить кормовую проблему. Попутно с этим большим вопросом следует также признать свиноводство, распространенное в Западной Грузии и Абхазии, и имеющее большое значение не только с точки зрения укрупнения и улучшения сельского хозяйства, но и с точки зрения создания новой отрасли промышленности. Совершенно очевидно, что необходимо поставить вопрос о постройке бабконного завода, тем более, что потребной для этого загрузкой он вполне обеспечен.

Птицеводное хозяйство также должно стать в центре внимания наших хозяйственных органов, тем более, что крестьянство Западной Грузии издавна занимается птицеводством, и в условиях Грузии у него большие возможности развития.

Последний вопрос из области животноводства—пушное звероводство. Не приходится говорить о том, какие блестящие перспективы имеются в Грузии, в области звероводства, в особенности, в ее нагорных районах, где крестьянство буквально нищенствует. Этот вопрос надо поставить как проблему, требующую большого внимания. Если бы нам удалось поставить это дело рационально, мы могли бы, затратив сравнительно небольшие средства, вывозить за границу всякого рода мехов на миллионы.

III

Перейдем теперь к лесному хозяйству. Чтобы полнее осветить перспективные возможности лесного хозяйства, необходимо подробнее остановиться на его состоянии в данный момент.

Общая площадь лесов ССРГ равна 1.709.708 га, из них удобной—1.501.459, неудобной—208.248. Из удобной лесной площади покрыты лесом—1.432.868 га, непокрыты лесом 68.591 га.

Вся площадь лесов (1.709.708 га) составляет единый государственный лесной фонд и подразделяется по своему значению на леса: 1) государственного значения—1.369.290 га (в ведении НКЗема); 2) местного значения—208.373 га (в ведении у юридических пользователей под контролем НКЗ); 3) Треста совхозов—11.387 га; 4) курортного значения—120.973 га (в ведении Курупра НКЗдрава); 5) находящиеся в ведении горисполкомов—437 га, и 6) учебно-показательные—219 га (в ведении Госуниверситета).

Для правильного и планового ведения лесного хозяйства необходимо устройство его, на что в дореволюционное время в Грузии не обращалось должного внимания. До революции было устроено всего 5,58% общей площади лесов государственного значения; после революции до советизации Грузии—10,25%, при советской власти уже устроено 20% и обследовано 14%. Таким образом, всего имеется приведенных в известность—49,83% общей площади лесов и остальные 50,17%—должны быть приведены в известность в ближайшее пятилетие.

Эксплоатация лесов, при неустроенности и необследованности их, отсутствии транспорта, пересеченности рельефа, носила явно хищнический характер. Лес рубился и рубится исключительно в доступных местах: около дорог, сплавных рек, на равнинах и пр., благодаря чему все эти удобные и доступные для эксплуатации лесные массивы уничтожены. Более или менее сохранившиеся насаждения уцелели лишь в труднодоступных местах.

Размер отпуска леса из государственных лесов как в довоенное время, так и до советизации, хотя и не превышал с гектара 0,5 куб. м, тем не менее рубки эти, в виду их бессистемности, носили опустошительный характер. После советизации из лесов ССР Грузии отпускаются лесоматериалы также из ближайших лесных дач, которые настолько истощены, что с трудом покрывают потребности населения. Поэтому, в дальнейшем лесные заготовки должны быть перенесены на более отдаленные из сохранившихся дач.

Но эксплуатация этих дач является делом нелегким. Слабое развитие путей товарности, горный рельеф местности, сравнительно малая населенность создают серьезные затруднения для организации в Грузии лесопромышленного дела, которое невозможно без рационализации и механизации всех работ. Ежегодно испрашиваемые по сметам необходимые суммы по организации в Грузии лесозаготовительных

работ в бюджетном порядке ассигновывались в столь мизерных размерах, что устранение катастрофичности создавшегося положения являлось проблематичным. Единственным выходом из положения явилось положение о создании специальных процентных отчислений при отпуске леса. Мера эта была признана необходимой и целесообразной высшими органами. С этого момента лесовозобновительные работы получили планомерное развитие, чем и обеспечено было дальнейшее сравнительно нормальное лесное хозяйство. Момент этот имеет громадное значение для наших горных лесов, так как каждая вырубка должна обеспечиваться возможностью своевременного выполнения лесовозобновительных работ.

Лесоопытное дело, столь важное в каждой стране для ведения правильного лесного хозяйства, приобретает в Грузии характер необходимости, так как разнообразие климата, гористость, многочисленность и неизученность лесных пород и почв, и водоохранное значение лесов создают в республике своеобразные условия для ведения лесного хозяйства. Настойчивая необходимость создания лесного опытного дела привела в этом году к организации Центральной лесной опытной станции.

Искусственное лесовозобновление должно вестись в районах с засушливым климатом и незначительными годовыми осадками. Эти работы должны быть намечены не только в лесничествах Восточной Грузии, как это главным образом предполагается НКЗемом, но и в лесничествах Западной Грузии, где сообразно почвенно-климатическим и метеорологическим условиям должны производиться работы, поддерживающие природные лесовозобновительные процессы.

Вместе с тем, одновременно с работами по борьбе с вредителями леса, лесохозяйственными мероприятиями, должны быть начаты работы лесомелиоративного характера.

На лесоопытное дело контрольные цифры на 1929/30 г. намечают рост ассигнований в размере 22.996 руб., что крайне недостаточно для выполнения намеченных мероприятий.

Для правильного ведения лесокультурных работ в лесничествах и усиления темпа их, необходимо лесничества обеспечить специалистами по лесокультуре.

Мы считаем, что наша задача в области лесного хозяйства заключается не в сокращении эксплуатации наших лесов, что отразилось бы отрицательно прежде всего на их сохранности, а в усиленной рациональной их эксплуатации. Эта задача станет понятной, если принять во внимание перестойность наших лесов (из-за отсутствия эксплуатации), губельно отражающейся на здоровом лесу.

В целях рационализации эксплуатации лесов необходимо провести ряд серьезнейших работ по устройству дорог, подъездных путей, чтобы проникнуть туда, куда нога наша еще не вступала.

Развитие лесного, а также всего сельского хозяйства вплотную упирается в проблему дорожного строительства, в проблему транспорта.

К концу пятилетия существующая сеть шоссейных дорог окажется абсолютно недостаточной, она будет задерживать дальнейшее развитие сельского хозяйства Грузии, ибо крестьяне не смогут вывозить на рынок продукцию своего хозяйства. Поэтому необходимо пересмотреть пятилетний план дорожного строительства, который с задачами реконструкции сельского хозяйства за пять лет никак не связан.

IV

Переходя к вопросу механизации сельского хозяйства, нужно отметить, что обеспеченность крестьянских хозяйств рабочим скотом и сельскохозяйственными орудиями и машинами в Грузии вообще крайне низка. Мы до сих пор имеем по Восточной Грузии 37,3% хозяйств без рабочего скота, по Западной Грузии—33%, а по всей Грузии—34%. С 1926 г. по 1927 г. мы имели снижение процента хозяйств без рабочего скота.

О чем говорит такое обилие хозяйств без рабочего скота? Прежде всего о том, что обработка почвы не может идти тем темпом, который необходим в целях интенсификации сельского хозяйства. Встает вопрос—почему, несмотря на колоссальную помощь, которую государство оказывает крестьянам в деле приобретения рабочего скота, мы все же имеем снижение хозяйств без рабочего скота? Можно ли это обстоятельство объяснить только тем, что крестьянам не хватает средств на приобретение рабочего скота? Такое объяснение кажется недостаточным и неправильным. Нам думается, что одна из важнейших причин этого явления кроется в раздробленности сельского хозяйства Грузии.

Грузинские крестьянские хозяйства настолько карликовые, что крестьянину невыгодно, не рентабельно содержать рабочий скот. Бедняк не в состоянии прокормить рабочий скот и должным образом его использовать. В каждой деревне имеется несколько десятков хозяйств, которые не могут прокормить даже одного быка. Условия некоторых с.-х. районов таковы, что крестьяне не имеют возможности использовать свой рабочий скот в качестве транспортной силы и поэтому он делается для него нерентабельным. Грузинский крестьянин предпочитает корову, так как продукция коровы (сыр, молоко) дает ему возможность иметь в результате рыночного отчуждения некоторые доходы.

Таким образом, наряду с недостатками корма для скота, одной из главных причин того, что в Грузии количество хозяйств, не имеющих рабочего скота уменьшается медленным темпом, является раздробленность индивидуального крестьянского хозяйства. Такого рода положение обязывает к некоторой переоценке проблемы снабжения крестьянских хозяйств рабочим скотом.

Насыщенность глубокопахотными плугами крестьянских хозяйств составляет 25%, причем, если принять во внимание, что эти плуги имеются, главным образом, в Восточной Грузии, то по существу мы имеем не 25, а 50% обеспеченности; мелкопахотными плугами—2,5%, боронами—около 1%. При такой насыщенности крестьянских хозяйств орудиями производства и рабочим скотом ставить перед собой задачу реконструкции сельского хозяйства конечно не приходится. Мы должны наперек все силы к тому, чтобы снабдить наше крестьянство необходимыми сельскохозяйственными орудиями.

Необходимо добиться того, чтобы культурный плуг и другие усовершенствованные орудия обработки почвы в ближайшие два года целиком вытеснили бы допотопную соху и первобытные с.-х. орудия.

Всемерно поддерживая техническое перевооружение деревни, мы должны принять во внимание, что в силу рельефа Грузии, механическая тяговая сила не во всех сельскохозяйственных районах сможет полностью вытеснить живую тяговую силу. Поэтому, нам необходимо принять все меры к увеличению рабочего скота и при том обратить особое внимание на производство дешевой рабочей лошади.

Среди специалистов-агрономов Грузии в свое время было не мало противников механизации деревни. Однако, после пробной организации машинотракторной станции и выхода общеизвестной книги Маркевича, отношение некоторых из них к вопросу о применении тракторной тяги в Грузии в корне изменилось.

Аргументация противников механизации сводится к указанию на специфические природные условия Грузии, при наличии которых по представлению специалистов, воловья и буйволиная тяга рентабельнее тракторной.

С такого рода точкой зрения агрономов, разумеется, нужно решительно бороться. Все нашим специалистам необходимо раз навсегда и твердо усвоить генеральную линию партии, направленную на индустриализацию страны. Не отрицая значения живой тяговой силы еще на довольно длительный период, без механизации деревни реконструкции сельского хозяйства Грузии мы не мыслим.

В своей работе над индустриализацией страны партия, как известно, исходит из того, что промышленность в стране пролетарской диктатуры в своем развитии должна создать «материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному коллективному, машинному земледелию» (Ленин, рез. II конгресса Коминтерна по аграрному вопросу. Стенограф. отчет, стр. 616).

В целях механизации и обобществления с.-х. производства и рациональной нагрузки сплошных с.-х. машин и орудий, необходимы снабжать исключительно государственные и кооперативные организации (совхозы, колхозы, сельхозкооперацию и т. д.).

Как во всем Закавказьи, так и в Грузии, в частности, вопросам массовой переработки с.-х. сырья должно быть уделено исключительное внимание, как мероприятию, имеющему значение не только для развития производительных сил сельского хозяйства и более быстрого накопления в нем, но и с точки зрения общей реконструкции и развития сельского хозяйства на социалистических основаниях.

Значительное расширение строительства по индустриализации и электрификации сельского хозяйства, вместе с широко осуществляемой механизацией, путем подведения под сельское хозяйство высшей технической базы,—явится фактором преобразования мелкого, раздробленного, плохо организованного и малопродуктивного крестьянского хозяйства—в сторону его укрупнения, производственного кооперирования и обобществления, в сторону увеличения его доходности.

Здесь уместно вкратце остановиться на состоянии кооперативного (в области сельского хозяйства) и колхозного движения в Грузии.

Два года тому назад говорить сколько-нибудь серьезно о колхозном движении в Грузии не приходилось, а теперь мы наблюдаем усиленный рост его. Сельскохозяйственных коммун на 1 мая 1928 г. было 13, на 15 апреля 1929 г.—19. Сельскохозяйственных артелей на 1 января 1928 г. было 31, на 1 мая 1928 г.—168, а на 15 апреля 1929 г.—513. Из них вновь организовалось 351, в том числе 283 с.-х. артели организовались с 1 октября 1928 г. Из 168 с.-х. артелей, состоящих на 1 мая 1928 г. без органических изменений, сохранилось на 15 апреля 1929 г. 158. За это время ликвидировалось таким образом лишь 14 с.-х. артелей.

Бурный рост с.-х. артелей говорит о том, что середняк больше идет именно в последние, но не в коммуны. Это вполне понятно, если

учесть, что крестьяне, особенно середняки—народ осторожный и они боятся сразу вступить в такое коллективное хозяйство, которое слишком связывает их индивидуальные хозяйственные возможности. Они предпочитают вступать в более простую форму коллективного хозяйства, где имеют больше возможности на деле, на практике проверить выгодность коллективной формы хозяйствования на селе против индивидуальной. Исходя из этого факта, необходимо в дальнейшем в колхозном строительстве Грузии сделать нажим на организацию этих первичных форм, в расчете на то, что постепенно их удастся перевести на высшие коллективные формы.

Товариществ по совместной обработке земли на 1 мая было 90, на 15 апреля 1929 г. их стало 190, причем 101 из них организованы после 1 октября 1928 г.

В общем, всех видов колхозов было на 1 мая 1928 г.—271 и на 15 апреля 1929 г.—722 (с.х. коммуны, артели, машинные товарищества и товарищества по совместной обработке земли). При этом с 1 мая 1928 г. вновь организовалось 472 колхоза, реорганизовалось из других уставных форм—9, организовалось в результате слияния—3, перешли на другой устав—5, слились—4 и ликвидировались 30. Вместе с тем следует отметить, что на 15 апреля 1929 г., невыясненных коллективных хозяйств с незарегистрированным уставом оказалось 25, из них с.х. артелей—19 и товариществ по совместной обработки земли—6.

Из простейших форм с.х. объединений на 15 апреля 1929 г. зарегистрировано: машинных товариществ 65 и мелиоративных товариществ 26.

Эти данные, разработанные ЦСУ по последнему подсчету, убеждают нас в том, что рост колхозов у нас протекает довольно интенсивно.

Наряду с количественным ростом колхозов мы наблюдаем некоторое качественное их улучшение. Так, если на 1 апреля 1928 г. в среднем на 1 колхоз мы имели 15 хозяйств, то сейчас имеем 18 хозяйств. Посевной площади на один колхоз в среднем приходилось на 1 апреля 1928 г.—19,3 гектара, а теперь—32,5 гектара. Процент хозяйств, объединенных в колхозы, по сравнению со всеми крестьянскими хозяйствами на апрель 1928 г. составлял 0,8, стало ныне 3,2 проц.; обобществленной пахотной земли было 0,3 стало—1,8 и т. д.

Таким образом, наше колхозное строительство не так бесперспективно, как это кажется правым паникерам.

Однако наряду с положительными фактами роста и улучшения колхозного движения, мы имеем ряд отрицательных явлений. Отрицательные стороны работы колхозного движения в Грузии таковы, что не выправить их—это значит задержать рост колхозов.

Первый и основной недочет, который в одинаковой степени относится и к совхозам, заключается в карликовом состоянии сельского хозяйства. В целях укрепления его, в целях реконструкции, интенсификации подъема на высшую культурную ступень, необходимо добиться укрупнения сельского хозяйства. Между тем, в Грузии имеются колхозы, которые занимают 5-6, даже 2 га земли. Мы имеем совхозы в 5-6—10-15 га. Средний размер колхозов за последний период хотя и возрос с 19 до 32 га удобной земли, но ведь и 32 га цифра карликовая и нищенская.

Второй недочет—это абсолютная недостаточность в совхозах и колхозах Грузии агроперсонала. Очень часто агрономы и инструктора

колхозцентра посещают наши колхозы только для прогулок, но никакой реальной помощи колхозам не приносят.

Третий недочет в области колхозостроительства—земельное неустройство и наблюдающиеся на этой почве недоразумения между колхозами и крестьянством. Вопрос о землеустройстве колхозов должен быть разрешен в первую голову. Это—очередная боевая задача. Необходимо решительно отказаться от тех методов землеустройства, которые до сих пор практиковались и поощрялись местными партийными и советскими организациями.

В ряду недочетов необходимо обратить внимание и на крайне низкую урожайность в колхозах. Конечно, урожайность в колхозах выше урожайности бедняцких хозяйств, и это потому, что в бедняцких хозяйствах обработка земли проводится особенно примитивно. Но если сравнить колхозные хозяйства с наиболее обеспеченными средствами производства кулацкими хозяйствами, то для первых получается картина невыгодная: урожайность в колхозах не выше, а места даже ниже, чем в кулацких хозяйствах.

Такое положение абсолютно ненормально. Колхозы имеют для нас прежде всего показательный смысл, они должны доказывать крестьянам, что при минимальных затратах труда на определенном участке земли, при более культурной его обработке, можно получить гораздо большую урожайность, чем в индивидуальных хозяйствах.

Необходимо еще отметить очень большой процент лже-колхозов, особенно среди машинных товариществ. По Кахетии организовалось много машинных товариществ, которые, по существу, оказались кулацкими. Они эксплуатируют средства производства в крестьянских хозяйствах и тем самым еще больше закабаляют крестьян-бедняков.

Наконец, крупным недостатком в работе по колхозостроительству Грузии являются крайне ограниченные технические вложения. На всю Грузию приходится до 300 тракторов. Несомненно, это количество абсолютно недостаточно, однако в данный период развития недостатком является не столько отсутствие тракторов или других машин, сколько неумение их использовать. Вопрос организационный, вопрос правильного использования сложных сельскохозяйственных орудий играет большую роль, чем количество этих орудий.

В отношении нерационального использования сельскохозяйственных машин разительный пример дает Кахетия. Произведенным недавно обследованием Кахетии установлено, что в этом районе мы имеем триеров, примерно, в два раза больше, чем необходимо для очистки семян, нужных для посева.

Нагрузка существующих в Кахетии триеров достигает всего 15%. Такое использование валютного товара—сельскохозяйственных машин,—такая расточительность, абсолютно недопустимы. Тем количеством триеров, которые имеются в Кахетии, можно было бы обеспечить еще один уезд и от этого дело только выиграло бы.

При существующем количестве тракторов необходимо раз навсегда прекратить то распыление их, которое наблюдается сейчас в Грузии. Необходимо собрать тракторы в определенные центры, организовать машинотракторные станции и тракторные колонны. Нужно направить тракторы в такие районы, где они могут дать максимальный хозяйственный эффект¹.

¹ Мы не касаемся проблемы строительства машинотракторных станций в Грузии, считая, что она подлежит рассмотрению в самостоятельной статье.

Итак, констатируя наличие больших результатов по кооперированию крестьянских хозяйств и охвату товарно-рыночных отношений деревни, нельзя не отметить того, что работа с.-х. кооперации, только лишь по кооперированию населения в сфере обращения, в настоящий момент не является достаточной. По линии содействия росту колхозного движения, а также по линии производственной помощи бедняцко-середняцким хозяйствам, работу с.-х. кооперации Грузии нельзя считать удовлетворительной. Необходимо, «ввиду слабости работы с.-х. кооперации, медленного темпа кооперирования, особенно бедняцких слоев, совершенной недостаточности кооперирования в районах специальных культур (чай, хлопок, табак, виноград)—принять меры к усилению темпа кооперирования и коллективизации крестьянских хозяйств для чего в первую очередь развернуть работу по организации переработки и сбыта продукции крестьянских хозяйств и их контракций»¹, ибо контракция «должна стать одной из важных методов производственной работы по подьему сельского хозяйства и его реконструкции». (Из резолюции XVI партконференции.)

Усиливая работу по производственной помощи основным массам крестьянства, с.-х. кооперация всемерно должна содействовать делу организации и развития колхозов.

Наряду с агрономической сетью НКЗема Грузии нужно сделать ударение на кооперативную, коллективную агропомощь, к которой и должны постепенно перейти узкотехнические задачи агрономической сети НКЗема. Проведение подобного мероприятия, с одной стороны, укрепит производственные функции с.-х. кооперации, а с другой—что особенно важно—приблизит ее к основным массам крестьянства.

Незначительные кадры агроперсонала, которыми мы располагаем, не могут справиться с грандиозными задачами реконструкции сельского хозяйства Грузии. По данным республиканского НКЗема на одного агронома приходится в среднем 51 селение, 5.203 крестьянских хозяйств, 10 тыс. га посевной площади и свыше 18 тыс. га культурной земли.

Данные Наркомзема по агрообслуживанию сельского хозяйства Грузии таковы:

Г о д ы	Количество агropунктов	Прокати. пункт. с.-х. машин и зерноочист. пунктов	Количество агropунктов
1925 г.	38	73	17
1926 г.	51	86	19
1927 г.	66	64	23
1928 г.	74	82	24

Цифры эти с достаточной ясностью говорят о ничтожном количестве имеющихся в настоящее время агropунктов и агроинструкторов, явно недостаточном для решения поставленных перед нами задач.

Это обстоятельство со всей серьезностью выдвигает вопрос о созидании и подготовке новых кадров. По пятилетнему плану намечается подготовка 600 агрономов. Помимо того, что это количество абсо-

лютно недостаточно, мы, кстати сказать, в пятилетнем плане не находим указаний, по каким отраслям эти агрономы будут работать. Госплану Грузии необходимо дифференцироватьготавливаемый контингент агрономов по основным специальностям для того, чтобы они могли бы обслуживать различные отрасли сельского хозяйства.

Реконструкция сельского хозяйства немислива без быстрого увеличения количества агрономов-организаторов, агрономов-техников, агроспециалистов по разным отраслям сельского хозяйства.

Наряду с подготовкой новых кадров, необходимо позаботиться и о переподготовке старых агрономов, которые давно уже не в курсе новейших достижений по агрономии и научно-опытному делу. Перегруженные повседневной работой агрономы, работающие на селе, не имели и не имеют возможности думать о поднятии своей квалификации. Между тем, без поднятия квалификации до уровня современных требований, агрономы не смогут осилить тех задач, которые стоят в порядке дня нашей текущей сельскохозяйственной политики.

Проведение всех означенных мероприятий ускорит и усилит подготовку кадра квалифицированных агрономов—кадра, необходимого для решения стоящих перед нами в области сельского хозяйства задач.

Таковы в общем все те вопросы, которые в настоящее время приобретают большое значение для разрешения актуальнейших проблем реконструкции сельского хозяйства Грузии.

¹ Из постановлений ЦК ВКП(б) 3 сентября 1928 г. «О работе компартии Грузии».

Л. Е. Минц. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР, стр. 470, ГИЗ. Москва, 1929, цена 6 руб. 50 коп.

Работа Л. Е. Минца представляет собой монографическое исследование одной из слабо разработанных проблем нашего хозяйства—проблемы аграрной перенаселенности. Среди прочих, хотя и очень немногочисленных работ, посвященных этой теме, исследование Л. Е. Минца выгодно отличается большим количеством тщательно разработанного статистического материала. Достаточно сказать, что более чем на половину книга состоит из статистических таблиц. Основные материалы, собранные и использованные автором, следующие: крестьянские бюджеты — 2.744 хозяйств по 11 районам за 1924/25 г., материалы динамических переписей и анкетных обследований отходничества и данные бирж труда о безработице. Значительная часть материалов публикуется впервые.

Содержание книги можно разбить на три части: 1-я—теория аграрного перенаселения, 2-я—экономическая и статистическая характеристика аграрного перенаселения и 3-я—городской рынок труда. Нельзя сказать, чтобы автор одинаково успешно справился со всеми тремя разделами своей книги.

Теория аграрного перенаселения представляет собою наиболее слабую часть всей работы. Казалось бы, что крупному монографическому исследованию, посвященному аграрному перенаселению, совершенно необходимо предпослать хотя бы краткий очерк, посвященный теоретической характеристике изучаемого явления. Можно сократить этот очерк до двух страниц, как это сделано в работе Л. Е. Минца, можно довести его даже до конспективной формы, но обязательно следует в нем осветить, что представляет собою явление, экономическому и статистическому анализу которого посвящена целая книга. Прежде, чем собирать и разрабатывать статистический мате-

риал, необходимо дать точное определение изучаемому явлению. В противном случае, исследователь рискует осветить какое-либо иное явление, которое может весьма далеко отходить от интересующего его объекта. К сожалению, приходится отметить, что Л. Е. Минц не дает читателю определения «аграрного перенаселения». Мы находим лишь такие два замечания: «Медленный темп развития, с одной стороны, сельского хозяйства, с другой—индустрии, которая не в состоянии была поглотить уходящую в города крестьянскую массу, наряду с необеспеченностью земель и низкой доходностью крестьянского хозяйства и создали так называемую аграрную перенаселенность» и «нам кажется, что аграрное перенаселение есть скорее качественное выражение определенного уровня производительных сил в сельском хозяйстве».

Первое замечание лишь объясняет причины образования аграрного перенаселения, причем объясняет их пожалуй в слишком обобщенной форме даже для конспекта. Что же касается второго замечания, то оно не только не объясняет того, что такое аграрное перенаселение, но, что гораздо хуже, вводит читателя в заблуждение. Аграрное перенаселение, также как и городская безработица, связано с социальной формой хозяйства. Аграрное перенаселение наблюдается почти во всех странах, хотя уровень развития производительных сил в этих странах далеко не одинаков. В СССР аграрная перенаселенность является пережитком капиталистической и мелко-товарной формы хозяйства в деревне и будет изживаться параллельно росту народного хозяйства как в его материальных показателях, так и в показателях общественного.

Ограничившись двумя замечаниями о природе аграрного перенаселения и не

определив этого явления, автор переходит к рассмотрению методологии его измерения. По этому поводу он замечает: «несмотря на всю важность определения размеров так называемого аграрного перенаселения, мы не имеем строго установленного метода его исчисления». Замечание совершенно правильное. Но в том-то и дело, что у нас отсутствует строго установленный метод исчисления именно потому, что мы не имеем точного определения самого явления. Есть несколько методов исчисления аграрной перенаселенности, но мы не можем сказать, какой из них наиболее правильный, ибо все они отличаются друг от друга не столько техникой расчетов, сколько материалами, положенными в основу этих расчетов. Это значит, что критерий правильности или неправильности того или иного метода вытекает прежде всего из нашего понимания природы аграрного перенаселения.

Если определить аграрное перенаселение как избыточное сельское население, доходы которого не достигают известного минимума, то правильным методом исчисления размеров перенаселенности будет учет доходности крестьянского населения. Если же понимать под аграрной перенаселенностью избыточное сельское население, труд которого при данной посевной площади и данном уровне развития производительных сил, не может быть использован в сельском хозяйстве, то в этом случае правильным методом будет разработка балансов использования рабочей силы в деревне. В обоих случаях метод целиком определяется нашим пониманием природы аграрного перенаселения. Совершенно очевидно, что в зависимости от того, какой метод мы применяем, мы получим два явления, различных не только по своим размерам, но и по своей природе. Было бы неправильно не только понимать, но и называть оба эти явления аграрным перенаселением.

«Наиболее правильным методом учета аграрной перенаселенности, — пишет автор, — явился бы учет доходности разных групп крестьянского населения в сопоставлении с доходностью других соответствующих групп населения». Отсюда мы можем заключить, что поскольку «наиболее правильным методом» является учет доходно-

сти, автор под аграрной перенаселенностью, очевидно, понимает население, доходы которого ниже доходов определенной иной группы населения. Но вследствие того, что «этот метод подсчета чрезвычайно трудно провести при современном уровне статистического знания» автор избирает иной метод. «Мы учли, — пишет он, — использование труда крестьянского населения и остаток неиспользованного времени». Автора мало смущает, что этот метод ни в какой мере не отразит размеры аграрной перенаселенности, понимаемой в первом смысле. «Этот метод, — утверждает он, — если количественно не точно отображает размеры аграрной перенаселенности, то все же дает представление о соотносительности этого явления между районами. Кроме того, мы получаем ряд других весьма важных показателей для характеристики крестьянского хозяйства».

По этому поводу нужно заметить следующее: 1) предлагаемый метод не только «количественно неточен», но совершенно неправильно отобразит абсолютные размеры аграрной перенаселенности, понимаемой в первом смысле и 2) предлагаемый метод не отобразит сущность изучаемого явления не только «количественно», но и качественно.

Нужно отдать справедливость Л. Е. Минцу. В его работе, если не искать в ней размеров аграрного перенаселения, содержится много чрезвычайно ценного и интересного материала. В многочисленных, детально разработанных статистических таблицах содержатся, например, такие ценные данные, как данные об использовании рабочей силы в деревне по 11 районам СССР, которые, будучи разбиты по 7 посевным группам, дают возможность сравнить степень использования труда в различных крестьянских хозяйствах.

Глава о городском рынке труда, вследствие замедления выпуска, представляет в настоящее время только исторический интерес. Достаточно указать, что последние данные, какие мы там находим, относятся к 1926/27 г. Нечего и говорить, что городской рынок труда 1929/30 г. не имеет ничего общего с рынком труда 1926/27 г. Те сдвиги, которые мы сейчас наблюдаем на городском рынке труда, никак не могут быть поставлены в преобладающую связь с тенденциями, имевшими место в 1925/26 и

1926/27 гг. То обстоятельство, что в настоящее время, несмотря на наличие почти 1,5 миллиона безработных, мы неожиданно столкнулись с недостатком рабочей силы почти всех профессий, от высококвалифицированных до чернорабочих, говорит о

том, что все прежние представления о количестве и составе безработных и о давлении аграрной перенаселенности на городской рынок труда должны быть коренным образом пересмотрены.

А. А.

Пути развития Донецкого бассейна (перспективный план каменноугольной промышленности на пятилетие 1928/29—1932/33 гг.) под ред. и с предисл. С. А. Гецова, вып. I, изд. Научно-изд. бюро Донугля, 1929 г., тир. 1.100, стр. 243, ц. 1 р. 50 к.

Рецензируемая книга являет собою один из немногочисленных пока опытов построения детализованного плана развития отдельного крупного хозяйства-конгломерата многих предприятий. Поэтому для каждого плановика, даже и не работающего в области каменноугольной или вообще горной промышленности, она представляет большой интерес: обмен методологическим опытом в деле перспективного планирования является одной из актуальнейших проблем плановой работы. Именно с этой стороны важно главным образом подойти к новой книге.

Донбасс связан тысячами нитей со всей страной, и построение планов развития как самого Донбасса, так и всего народного хозяйства страны, немалозначимо вне этих связей. Это дает второе обоснование для широкого изучения и общественного просмотра пятилетки Донбасса. Это же определяет исходные методологические пункты данной пятилетки, и, действительно, она начинается с исследования перспективной потребности и транспортных связей (гл. II — «Вопросы сбыта донтоплива в 1932/33 г.»). Изучение недр путем широко развернутой геологической разведки, определение основ технической реконструкции производства, создание «нового Донбасса» и связанная с этим заявка на снабжение его материальными (а следовательно и финансовыми) ресурсами — вот основные задания по проработке пятилетки, находящие свое выражение в данной книге.

Но Донугль насчитывает свыше 250 шахт; откуда возникает вопрос, — как же должна строиться пятилетка такого огромного конгломерата? Нет никакого сомнения, что в пятилетке должны быть даны возможности перспективы каждого отдельного предприятия, причем вариан-

ты максимального количественного и качественного развития его должны быть разработаны на местах. Предисловие С. А. Гецова указывает, что «трест переходит к построению рабочих календарных программ по каждой имеющейся или намеченной к созданию хозяйственной и производственной единице в отдельности и к их увязке между собою, и что «на основе этих рабочих программ будет заново проработана и уточнена общедонуглевская программа». Надо прямо признать (это протлевывает во многих местах книги), что опыт такого построения пятилетки был уже проделан трестом и оказался неудачным — и качественные, и количественные показатели в первой проработке самих шахт и рудоправлений оказались далеко не достаточными, но, к счастью, и не обоснованными. Этому, конечно не приходится удивляться, зная новизну и трудности этого дела.

Наше каменноугольное хозяйство отстало и технически, и организационно, и в научном отношении, и по подготовке для него технических кадров, причем печать этой отсталости, по самой природе вещей, овладевает и умами. Само первоначальное методологическое руководство Донугля в вопросах отражения качественного развития производства в пятилетке — было принципиально неудачным: не давая технических и организационных образцов реконструкции, оно приглашало определять будущие сдвиги как результат подсчета влияния отдельных факторов (это особенно относится к производительности труда); но, не говоря уже о том, что рационализация данного производства более чем какого-либо другого носит комплексный характер и не терпит произвольного расщепления на элементы, не говоря

уже о том, что она носит здесь более, чем в какой-либо другой отрасли, индивидуальный характер, определяемый пестротой естественных условий залегания и качества угля,—сами взаимосвязи между ростом производительности труда и влияния отдельных факторов являются мало изученными, даже в нашем собственном опыте. Кроме того, последний далеко не показателен, поскольку в нем не осуществлен еще законченный рациональный тип предприятия.

Рецензируемая книга показывает, как Донуголь, вынужденный создавшимся положением вещей, переименовал данный метод на гораздо более правильный «метод схематического технического проектирования», и это дало ему возможность, используя даже неудачные материалы мест, самому гораздо более удачно построить в централизованном порядке и достаточно обоснованный, и отвечающий директивам вариант пятилетки. Этот централизованный порядок знаменует одновременно и методологическую заслугу, и организаторскую неудачу Донугля; являясь дефектом плана, он дает рецензируемой книге, отражающей этот порядок работ, любопытный и ценный материал, что является, конечно, достоинством.

В этом отношении, в частности, интересна глава V — «Определение возможной в 1932/33 г. производительности одного трудящегося», где указанный метод схематического технического проектирования применен в соответствии с централизованным порядком составления плана, к условиям средних типовых шахт. Нельзя, однако, не отметить некоторую шаткость этого построения, особенно если учесть большое разнообразие технических и естественных условий отдельных шахт. Кроме того, в горном деле даже законченный технический проект еще не предпринимает с полной точностью числа обслуживающих шахту трудящихся. Здесь многое зависит от организационного искусства и различных деталей естественной обстановки, обнаруживаемых лишь по мере углубления в разрабатываемый пласт. Тем не менее, вряд ли можно согласиться принципиально с такой формулировкой, какую, напр., дал НТС каменноугольной промышленности, рекомендовавший в одном из своих постановлений определять число

трудящихся новых проектируемых шахт «с учетом роста производительности трудящихся», как-будто бы последняя способна расти самопроизвольно, подобно растению, а не является лишь экономическим выражением и следствием технического проекта, его конструктивного воплощения и организации работ. В этом отношении подход Донугля по крайней мере принципиально порывает с таким «методом методологической беспомощности».

Во избежание недоразумений надо оговорить, что централизованный порядок составления пятилетки Донбасса отнюдь не означает оторванности от действительности: план не оперирует еще со всей суммой индивидуальных особенностей, но все же базируется на конкретной и знакомой действительности Донбасса (как это видно уже из обстоятельного и очень содержательного предисловия С. А. Гецова)—и в этом залог его выполнимости. Например, определяемый им по укрупненным показателям рост производительности труда с 11,5 *m* в месяц в 1927/28 г. до 21,2 *m* в 1932/33 г. является, по нашему мнению, гораздо более обоснованным, чем среднее из предположений рудуправлений Донбасса, дающее только 16,7 *m* в месяц. То же можно было бы сказать и о других качественных, а тем более количественных, показателях. Заметим кстати, что пятилетка Донугля составлена без учета введения «непрерывной недели», и с этой поправкой она, можно сказать, дает гарантию выполнения директив правительства и генерального пятилетнего плана.

Из отдельных глав отметим гл. III, трагическую очень важную проблему технической реконструкции действующих шахт. Здесь нет детально разработанного плана рационализации—даны лишь общие основные линии развития; внимание сосредоточено, главным образом, на реконструкции как способе выполнения и количественных, и качественных заданий; ряд таблиц этого рода свидетельствует о большой исследовательской, или по крайней мере анкетной, работе по изучению шахт, заслуживающей внимания в качестве одного из необходимых актов перспективного планирования.

Техно-экономические показатели реконструкции старого Донбасса, приводимые в книге, выглядят достаточно убедительно.

ми: близкими по себестоимости к новым шахтам и более дешевыми по относительному размеру первоначальных капиталовложений. Несколько односторонними кажутся нам, во-первых, вывод относительно «стандартной» системы работ на пологопадающих пластах (длинными столбами), во-вторых, метод определения границ шахтного поля исключительно по расчету чистого времени, остающегося на работу «угольных» рабочих в забое. Последнее обстоятельство, нам кажется, связано с недооценкой выгод от централизации поверхностного хозяйства и ведет к недооценке типа крупнейших шахт (так наз. шахт-гигантов). Тем не менее, быстрое укрупнение шахт (рост средней добычи) составляет характерную картину данной пятилетки и служит важным фактором количественного и качественного развития Донбасса. Отметим здесь, однако, некоторый «амортизационный фетишизм» (стр. 58, п. 1). Не вдаваясь здесь в анализ корней этого фетишизма, заметим, что всякая форсировка эксплуатации уже существующей шахты, если она не связана с лишними потерями ископаемого в пластах, может быть с точки зрения поташения капитала (да вероятно и вообще с точки зрения стоимости производства) только выгодной.

Бесспорно правильно то значение, какое пятилетка придает развитию обогащения топлива и коренному переустройству поверхности рудников—едва ли это не самый отсталый фронт донецкого каменноугольного хозяйства. Правда, в книге не приведен технический план реконструкции этого рода—разработка его составит, по-видимому, следующий этап в построении пятилетки Донбасса.

В. Касаткин. Планирование народного образования НКП РСФСР. ГИЗ, 1929, стр. 131, ц. 1 р. 10 коп.

Рецензируемая книжка предназначена в качестве руководства для педвузов, педфаков и подтехникумов и в качестве практического пособия для работников отделов народного образования.

Своевременность появления такой книжки очевидна. Задачи планового развертывания просветительных учреждений и их деятельности, сами по себе новые, требуют популярного выяснения основных принципов и методологии планирования просвещения.

Сказанное не истерпывает содержания книги: отметим в ней также схему энерговооружения Донбасса (более подробный план электроснабжения Донецкого бассейна выпущен Донуглем особой книжкой), расчет капитальных затрат и план финансирования, а также ряд интересных таблиц—напр., таблиц, дающих технико-экономические показатели по проектам новых строящихся шахт, таблицы различного потребного Донуглю оборудования (что важно для нашей металлопромышленности), таблицу сбыта донецкого топлива по маркам и по родам потребителя, таблицу вывоза по направлениям, таблицу предельных границ шахтного поля, обеспечивающих нормальную производительность «угольного» рабочего.

Как видно из предисловия, следующие два выпуска будут посвящены: один—вопросам труда, другой—«обоснованию ряда принципиальных установок Донугля». Последнее звучит несколько загадочно: по-видимому, здесь предполагается дать более подробную картину развития отдельных районов Донбасса, в общих чертах данную в выпуске 1.

Предисловие С. А. Гецова, помимо формулировки основных установок данной работы, дает интересные экономические сопоставления с каменноугольной промышленностью Англии и Рура, приводимые в обоснование занятых позиций. Автор книги и самой пятилетки, видимо, один и тот же—это коллектив работников Донугля под руководством С. А. Гецова и инж. А. В. Волькенау.

А. Сегаль

Книга т. Касаткина, однако, не удовлетворяет назревшим потребностям активных работников, имеющих дело с вопросами планирования народного образования.

Прежде всего работа т. В. Касаткина, написанная в претенциозной форме университетского курса, перегружена общими и расплывчатыми формулировками и знакомит читателя с уже устаревшими и отброшенными жизнью методами и приемами.

Наряду с этим книга содержит ряд со-

вершенно ненаучных определений и методологических приемов, предлагаемых автором читателю.

Примером такого далеко ненаучного поворота является своеобразное учение т. Касаткина об эффективности работы просветительных учреждений. Им предлагается ряд показателей, фиксирующих «количественную эффективность» работ данного учреждения, к ним относятся: а) охват школой соответствующего демографического контингента, б) фактическая продолжительность учебного года, в) посещаемость занятий, г) длительность всего учебного периода, д) показатель отсева, е) показатель продукции.

Имея по каждому из перечисленных пунктов соответствующий относительный показатель для данного района, т. Касаткин перемножает (!) все эти показатели друг на друга, полученное произведение делит на такое же произведение относительных величин, характеризующих уже не район, а РСФСР в целом, и выведенное таким хитроумным путем частное—рекомендует как формулу некоего синтетического и универсального показателя эффективности работы данного учреждения... Очевидно, что арифметическая мешанина разноименных величин, взболтанных произвольными умножениями и делениями, может в такой же мере быть синтетическим мерилем эффективности, как смесь всех лекарств в одной посудине,—универсальным, от всех болезней исцеляющим средством...

Впрочем тот же метод с успехом применяется автором при определении культурного профиля района. Отдельные показатели культурного состояния района выражаются в условной балловой оценке, затем исчисляется по установленным баллам среднее арифметическое для каждого района (по всем показателям)... и задача решена. Каждый район, как школьник в старой школе, имеет свой сводный и средний балл, оценивающий его «оптом и по совокупности». Приходится добавить, что сам т. Касаткин не пытается построить плановых выводов на базе такого анализа,—следует думать, что подобные попытки не будут иметь места и со стороны читателей его работы.

Наряду с упомянутыми откровениями книга грепит образцами устаревших исчислений и методов. Так, социально-классо-

вые моменты дважды обсуждаются т. Касаткиным. В одном случае он предлагает основным показателем, характеризующим социальный момент, считать удельный вес учащихся данной социальной группы в школе, в другом (стр. 41) он в качестве такового рекомендует отношение учащихся определенной социальной группы ко всему самодеятельному населению той же группы. И тот и другой метод для выяснения обслуженности школой основных социальных слоев населения представляется крайне несовершенным. Удельный вес детей рабочих в школе (т. е. процентное отношение их ко всему числу учащихся) ничего не говорит об обеспеченности детей рабочих школьными местами,—это не поможет нам выяснить и процентирование детей рабочих, обучающихся в школе, ко всему рабочему населению. Прямой ответ дается относительно несложным и единственно верным путем: соразмерением числа детей рабочих в данном типе школы с общим числом детей рабочих соответствующего возраста. Метод этот стал возможным с того времени, как перепись 1926/27 г. дала отрывные социально-демографические величины.

Законно подчеркивая неразрывную связь между народным хозяйством и просветительными учреждениями, т. Касаткин выдвигает особую группу «показателей связи просвещения с народным хозяйством». Важнейшим, видимо, является показатель «потребности за 5 лет в рабочей силе средней и высшей квалификации по линии индустриальной, педагогической и т. д. и процент удовлетворения в квалифицированной рабочей силе» (стр. 21).

Показатель—назван, но при этом совершенно отсутствуют указания на то, как соразмерять деятельность учебной сети с прямыми запросами народного хозяйства в кадрах, с задачами простого и расширенного воспроизводства квалифицированной рабочей силы. Весь комплекс проблем, связанных с балансом покрытия потребностей в новых кадрах, остается незатронутым в схеме показателей и в изложении т. Касаткина. Зато им предлагается взамен аналитических ряд показателей внешне-плюралистических: число учащихся в индустриальных школах на 1.000 рабочих и другие, аналогичные.

Есть в работе т. Касаткина и отдельные частные ошибки: таково, например, отне-

сение сетевых данных о числе учащихся к группе «демографических» данных (стр. 20), но на их перечислении останавливаться не стоит.

В качестве общего вывода следует подчеркнуть, что книга т. Касаткина носит характер слишком спешной и эскизной работы, чтобы отвечать тому назначению, которому она призвана служить. Тем не менее,

«Пути сельского хозяйства»—Научный орган Народного комиссариата земледелия и Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. Изд. «Новая Деревня», тираж 5.800 экз., № 5, 6, 7, 8, 9 за 1929 г.

Среди современных агрономических и агроэкономических журналов Союза, рецензируемый нами орган НКЗ РСФСР и ТСХА, «Пути сельского хозяйства» по своему значению должен занять одно из первых мест. Быстро растущий тираж журнала показывает, что работники сельского хозяйства предъявляют огромный спрос на научную продукцию в области всех агрономических наук.

Посмотрим, насколько удовлетворительно выполняется эта задача и какую научную продукцию потребляет аграрный низовых и средних звеньев нашей агросистемы в виде рецензируемого нами журнала.

Журнал «Пути сельского хозяйства» имеет такие отделы: 1. Экономика и аграрная политика. 2. Полеводство. 3. Животноводство. 4. Сельскохозяйственное образование. 5. Материалы. 6. Хроника. 7. Библиография.

Такое строение журнала мы считаем необходимым и правильным, потому что рядовой аграрный работник нуждается в универсальном научном журнале, который и ставил и освещал бы наиболее общие теоретические и практические проблемы, вводя этим каждого читателя в курс современной агроэкономической и агроэкономической мысли.

Только с указанной точки зрения и необходимо подходить к оценке рецензируемого журнала. Причем мы будем обращать меньше внимания на разбор той или иной статьи по существу, чем на оценку ее актуальности для такого универсального журнала.

Теперь перейдем непосредственно к статьям и остановимся лишь на трех главнейших отделах:

появление ее как официального издания Наркомпроса, весьма симптоматично, так как оно говорит не только о значительной отсталости и кустарности в плановой методологии Наркомпроса, но и о качестве некоторых позобий, используемых нашей высшей педагогической школой.

А. Д. Эпштейн

1. Экономика и аграрная политика. Интереснейшими статьями этого отдела являются статьи В. В. Матюхина «К вопросу социалистической реконструкции сельского хозяйства и производственной смычки с крестьянством» (№ 7) и «О тракторных колоннах» (№ 9).

Автор дает совершенно правильное теоретическое обоснование генеральной линии партии в аграрной политике.

Полную противоположность в этом отношении представляет статья т. Ганина «К вопросу о социалистической реконструкции сельского хозяйства» (№ 9). По прочтении статьи у читателя абсолютно ничего не остается, кроме величайшей путаницы в понятиях. Так, «под социалистической реконструкцией сельского хозяйства», по Ганину, нужно понимать 1) «создание теоретической модели эволюции сельского хозяйства на определенный отрезок времени... 2) «создание условий и возможностей проведения данной модели в действительность, выполнение намеченных планов» (стр. 20). Потом ни с того, ни с сего автор переходит к критике существующих пониманий индустриализации сельского хозяйства. Метод социалистической реконструкции, по Ганину, «распадается на две части: 1) метод теоретических нарождений моделей наилучшего выполнения социалистической эволюции сельского хозяйства и 2) метод проведения в жизнь этих моделей» (стр. 23). Странное определение метода методом. И после этого автор пытается обвинить т. Матюхина в методологических ошибках по вопросам реконструкции сельского хозяйства, между тем как работы последнего по теории реконструкции сельского хозяйства должны быть

признаны лучшими из того, что написано по данному вопросу.

Вопросам планирования сельского хозяйства посвящена статья т. Муралова («О пятилетке и контрольных цифрах по РСФСР на 1929/30 г.») в №№ 5 и 8.

Большой интерес представляет статья т. Квирига «Предварительные итоги по осуществлению декрета об урожайности», где автором даются интересные цифры и примеры того, как проводится декрет на местах. Кроме того, дается отчетливая схема практических мероприятий по подъему урожайности. Из прочих статей некоторый интерес представляет статья т. Котова о районировании, где автор критикует точку зрения проф. Челинцева и Студенского.

Вопросам организации социалистического сельского хозяйства журнал уделяет непомерно мало внимания, хотя здесь есть о чем писать. Общим вопросам совхозного и колхозного строительства посвящены только 3 статьи. Чрезвычайно интересной является статья т. Павловского «Проблема организации лесозерновых комбинатов в Томско-енисейском районе» (№ 8), где автором выдвигается новая форма социалистических предприятий в лесных районах нашего Союза. Эта форма (лесо-сельхоз-комбинат) дает хорошее разрешение проблемы эффективного использования трактора и загрузки рабочей силы на Севере.

Вопросам колхозного строительства журнал уделяет абсолютно недостаточное внимание. В рецензируемых номерах мы имеем, собственно, только одну статью на эту тему—т. Наумова—«Строительство крупных колхозов» (№ 5). Как известно, автор руководит кафедрой коллективного земледелия в ТСХА и исследовательской работой по колхозам в Институте крупного хозяйства и с.х. экономики. Именно, поэтому, по всем выпускаемым им работам мы должны предъявлять повышенные требования. И нужно прямо сказать, указанная выше статья не стоит на необходимой научной и политической высоте. Автор пытается поставить все вопросы, которые возникают в процессе строительства крупных колхозов. Давая обзор чисто организационно-хозяйственных задач, автор совершенно упускает из виду и обходит социально-экономические вопросы колхозного строительства, во-

просы ожесточенной классовой борьбы вокруг и внутри колхозов. В статье т. Наумова имеется раздел «Социально-экономическая характеристика крупных колхозов». Но в этом разделе ничего нет социально-экономического, ни слова не сказано о тех специфических формах классовых отношений, которые свойственны данной стадии колхозного строительства.

Редакция допустила грубейшую политическую ошибку, напечатав указанную статью без всяких примечаний, этим самым помогая правоуклонистским элементам замазывать, умалять значение классовой борьбы.

Точно также в статье т. Войтова-Горденко о «Пути развития уральского маслоделия и коллективизации молочного хозяйства» есть все, что угодно, но нет социально-экономического, классового подхода к реконструкции.

Другие статьи этого раздела не представляют общего интереса. В частности, статья Анисимова Я. «Заметки о сельском хозяйстве Германии», на основе нескольких немецких статистических работ, дают краткий очерк состояния сельского хозяйства Германии. От т. Анисимова, бывшего в научной командировке в этой стране и работающего в области организации крупных совхозов, нужно было бы требовать более интересных материалов по крупным хозяйствам.

2. Полеводство. Из статей этого отдела большой интерес представляет современная дискуссия проф. Вильямса и его школы со сторонниками паровой системы хозяйства. Эта дискуссия показывает, как много еще нужно работать в области основных вопросов агрономии.

В рецензируемых номерах журнала (№№ 6, 8 и 9) помещены статьи сторонников теории проф. Вильямса, тт. Панина и Дмитриева, представляющие большую научную ценность.

В этом же разделе журнал дает ряд интересных статей по вопросам механизации с.х. (ст. Коморинцев в № 8), (Дмитриева—о жнеях-молотилках, в № 5), проблеме удобрений (статья Дружинина о действии главных форм азотистых удобрений—№ 6, Соколова о применении минеральных удобрений на песчаных почвах—№ 7, статья Крюкова о клецевинном жмыхе как удобрении—№ 8, Мещерякова—луговая и озерная извесь как удобрение—№ 5). Весьма интересна статья Воробьева о повышении урожайности льна (№ 6), Николаева—о влиянии севооборота на засоренность полей (№ 9).

Специальным вопросам зернового хозяйства посвящены статьи проф. Константинова—о культуре твердых пшениц в № 8), Грабовского (о смешанных посевах, № 7), Фейгина (мелиорация и дренаж в зерновом хозяйстве, № 7).

Общим вопросам агрономической работы посвящена большая статья т. Осипова «О системе в агрономической работе» (№ 6). Несмотря на правильную в общем установку автора, еще чувствуется влияние земской агрономии на некоторые его формулировки (напр., о кустовом методе работы агронома). Недостаточно детализирована роль агронома в организации и руководстве колхозами. Вообще нужно отметить, что журнал в целом мало уделяет внимания разработке вопросов массовой агрономической работы. Он не объединяет тех молодых научных сил, которые интересуются этими вопросами.

В статье Купермана и Штанделя—«Задачи отделов применения в связи с проблемой урожайности» (№ 6)—совершенно правильно ставится вопрос о наиболее быстром внедрении в сельское хозяйство достижений опытных учреждений. Но вместе с тем, авторами недостаточно внимания уделено вопросам радикального изменения программ опытных работ в сторону максимального их приспособления к новым социалистическим формам сельского хозяйства. Подводя итоги отделу полеводства, мы должны прийти к выводу, что актуальные проблемы техники и организации полевого хозяйства ставятся и разрешаются журналом в общем удовлетворительно.

3. Животноводство. Основным вопросом организации и техники животноводческой отрасли журнал уделяет мало внимания. Так, по вопросам организации крупных животноводческих совхозов не помещено ни одной статьи, хотя сейчас над этими вопросами усиленно работают оперативные и плановые органы.

Всего в рецензируемых журналах помещено 7 статей по вопросам животноводства.

Из них необходимо отметить статью Моторина—«К вопросу об обследовании по животноводству», Бурцева и Николаева—«К вопросу об использовании отбросов при кормлении свиней». Последняя статья заслуживает общественного внимания, так как в наших городах пропадает зря масса отбросов, которые могли бы быть использованы для откорма свиней, что может дать тысячи тонн свинины. На это дело надо обратить внимание рабочей потребкооперации и земорганов. Актуальна статья Кузнецова «О метизации грубошерстных овец мериносовыми баранами» (№ 7) и статья проф. Бельковского о комбинированных кормах (№ 9).

Наконец интересна статья Каврайского—«Роль живой тяговой силы при механизации с.х. и транспорта» (№ 8). Автор совершенно правильно указывает на необходимость обратить глубокое внимание на коневодство. Механизация сельского хозяйства, по его мнению, не исключает использования лошади, по крайней мере в ближайшие десять лет. Принципиально соглашаясь с автором, нельзя, однако, присоединиться к некоторым его формулировкам, свойственным старому народничеству (бессменный кормилец, крестьянская «сивка» еще долгое время останется нашим усердным слугой и создателем ценности (?) и т. д.). Известно, что ни «сивка», ни прочие средства производства ценности не создают, а создателем таковой является человеческий труд, производительность которого выше при усовершенствованных средствах производства. В данном случае нельзя переоценивать лошадиную тягу в сельском хозяйстве, при использовании которой низкая производительность труда доказана. Но, поскольку в ближайшие годы мы не сумеем технически перевооружить все сельское хозяйство, вопрос о лошади должен быть разрешен во всей его широте. Именно такая диалектическая постановка вопроса должна быть в данном случае.

На других отделах журнала мы не будем останавливаться. Нужно отметить высокое качество рефератов и библиографических обзоров, и наоборот, очень незначительное количество и часто низкое качество рецензий в отделе библиографии. Например, совершенно неудовлетворительна рецензия тов. Таргульяна на известную книгу т. Гор-

дева «Основные проблемы с.-х. экономики». В ней совершенно не отмечено ни одной ошибки автора книги, все признано правильным и удовлетворительным¹. Сам автор, т. Гордеев, наверно не будет благодарен своему рецензенту. В этом мы видим несколько нездоровый уклон редакции, неправильно ориентирующий рядового читателя рецензируемых книг.

Подводя итоги всему сказанному о рецензируемых номерах журнала «Пути сельского хозяйства», мы должны отметить, что журнал встал на путь постановки современных проблем социалистической реконструкции, но еще окончательно не перестроился. В вопросе о крупных колхо-

зах редакция сделала политическую ошибку, поместив статью т. Наумова без всяких примечаний. Часто в журнале помещаются статьи, не имеющие общего агрономического интереса и не соответствующие существу журнала (напр., статья Аюбяна «Опыт прерывистого орошения на рисовых полях как метод борьбы с малярией в Армении» № 6, статья Лискуна об учреждении Института мясного дела и т. д.).

Редакции журнала надо гораздо решительнее вернуться к теоретическим и практическим проблемам социалистического переустройства деревни.

Ф. Хоробрых

«Вопросы Торговли». Ежемесячник, посвященный внутренней, внешней и международной торговле. Изд. Наркомторга СССР и РСФСР, № 1/2,3,4,5,6,7,8,9/10,11 и 12 за 1928/29 хоз. год.

Из большого количества статей, напечатанных в рецензируемых номерах журнала «Вопросы Торговли» внимание читателей должны прежде всего привлечь наиболее ответственные участки наркомторговской работы, в особенности хлебозаготовки. Поэтому мы и начнем со статей, посвященных хлебозаготовительным вопросам.

В № 4 (январь 1929 г.) помещена статья С. Брике «Хлебозаготовительная кампания 1928/29 г. и наши задачи». Автор довольно подробно останавливается на актуальности зерновой проблемы, в свете решений высших партийных и советских органов, и дает анализ состояния и распределения урожая зерновых в 1928 г. В статье проведены основные данные, опровергающие теорию деградации сельского хозяйства. Познакомив читателя с ходом хлебозаготовок, автор правильно наметил основные задачи в этой области, в духе решений ноябрьского пленума ЦК ВКП(б).

К. Коптев в статье «Зерновое производство и заготовительная сеть» (№ 6) дает характеристику хлебозаготовительной сети в связи с социально-экономическим укладом зернового производства и приходит к выводу, что разрешение зерновой проблемы за счет обобществления хозяйства позволит радикально реорганизовать сеть в сторону

наилучшего обслуживания основной массы хлебопашцев.

Отмеченными двумя статьями и исчерпывается освещение вопросов хлебозаготовительной кампании 1928/29 г. Разумеется—это совершенно недостаточно. Журналу следовало бы более подробно осветить состояние зернового хозяйства и основные моменты хлебозаготовок.

В частности, не плохо было бы дать хотя приближенный анализ хлебофуражного баланса в социальном разрезе и соотношение классовых сил в процессе хлебозаготовок. Не мешало бы также дать статью, посвященную итогам хлебозаготовительной кампании. Кроме того, нельзя признать своевременным помещение руководящей статьи по хлебозаготовкам в январе, когда полгода заготовительной кампании уже прошло.

Кампании 1929/30 г. посвящена статья М. Чернова «Вопросы хлебозаготовок» (№ 12 сентябрь). Подводя краткие итоги работы по разрешению зерновой проблемы, автор останавливается на задачах партийно-советского заготовительного аппарата, в связи с доведением плана до села и заданием выполнить план хлебозаготовок к январю-февралю 1930 г. В статье даны также первые итоги заготовок. Однако и здесь освещение вопросов новой хлебозаготовительной кампании надо признать недостаточным. Почему редакция не отвела места в журнале более подробному анализу уро-

жая 1929 г. и условий заготовок—неизвестно, между тем, эти вопросы нельзя не признать актуальными для органа Наркомторга.

К кругу вопросов, связанных с хлебозаготовками и хлебоснабжением тесно примыкают вопросы организации питания и продовольственного снабжения. В этом отношении необходимо отметить две статьи, которыми также исчерпывается вся программа по данным вопросам,—В. Власова и С. Гессена—«Проблема питания городского населения и его продовольственное снабжение» (№ 3) и Н. Патрикеева—«От регулирования торговли к организации питания» (№ 9—10).

В первой статье авторы приводят нормы потребления продуктов питания городским населением в динамике за последние четыре года и в сравнении с западными странами. Наряду с этим в статье дана беглая характеристика условий заготовок основных продуктов и затруднений в области снабжения за последнее время, а также наметка перспектив снабжения в предстоящем году.

Н. Патрикеев в своей статье дает только постановку вопроса об организации питания в связи с последними решениями правительства. Автор ставит вопрос о важности обобществления мясного, плодоовощного, молочного и яично-птичного хозяйства и говорит о возрастающей роли Наркомторга в связи с осуществлением этих задач.

Редакция в примечании к статье Власова и Гессена, не согласившись с некоторыми выводами авторов, обещала вернуться к затронутым вопросам, но на продолжении всех последующих номеров журнала читатель не найдет больше ни одной статьи на эту, чрезвычайно интересную, тему.

Общезвестна актуальность проблемы животноводства и это обстоятельство не могло пройти мимо «Вопросов Торговли». Из этой области следует отметить статью В. Дроздова «История и методы регулирования мясного рынка» (№ 6), знакомящую читателя с постепенным ростом охвата мясозаготовок и снабжения обобществленным сектором и усилением регулирующего начала в этой отрасли народного хозяйства.

Н. Стефановский, в статье «Крупные мясные совхозы» (№ 11), ставит вопрос о

необходимости организации государственных мясных хозяйств и приходит к совершенно правильному выводу, что разрешение мясной проблемы нужно искать, главным образом, в росте обобществленного сектора в этой области. В статье приводится наметка организации и географического распределения совхозов.

Проф. Е. Лискун в № 11 журнала статьей «Научно-исследовательская работа в области мясного дела» ставит вопрос о необходимости организации специального научно-исследовательского мясного института и намечает программу работы этого института.

Следует еще отметить статью В. Дроздова о крупных скотоводческих мясных хозяйствах в Аргентине (№ 12), являющейся наиболее развитой страной в области животноводства и первой в области мясного экспорта.

Наибольшее количество статей во всех номерах журнала посвящено вопросам товарооборота, организации торговли, розничной сети, планирования товароснабжения, накопления и пр.

Из этой серии статей необходимо отметить статью Н. Виноградского «Некоторые вопросы товарооборота в перспективном плане», помещенную в № 4. Автор заостряет внимание регулирующих и планирующих органов на основных вопросах товарооборота, требующих разрешения в ближайшие годы—продовольственным снабжением экспорте, складом хозяйства, транспорте и пр.

Вопросы розничной торговой сети затрагиваются в статьях Б. Кафенгауза «Розничная торговая сеть и перспективы ее развития» (№ 4) и В. Николаева «Розничная торговля и рационализация ее техники» (№ 3).

В. Николаев, проводя параллель между нашей и заграничной розничной торговлей и останавливаясь на особых задачах товаропроводящей сети по обслуживанию трудящихся—останавливается главным образом на моментах рационализации торговли. Б. Кафенгауз, основываясь на данных обследований торговли Наркомторга СССР, трактует вопрос с точки зрения распределения розничной сети между секторами в настоящем и освещает перспективы передвижения в этой области за счет усиления общественного сектора.

¹ См. нашу рецензию на эту книгу в журн. «Плановое Хозяйство», № 9, 1929 г.

Необходимо также указать на интересную статью М. Снегирева—«О рационализации товаропроводящего аппарата» (№ 6), в которой автор дает обстоятельную характеристику основных моментов синдицирования сбыта продукции, организации транзита и генеральных договоров. Кроме того, автор подробно останавливается на динамике расходов потребкооперации, целесообразности реорганизации последней на основе двухзвенной системы и освещает работу торгов.

К этой же серии относится статья С. Биленко—«Вопросы реконструкции лавочной сети крупных рабочих кооперативов» (№ 12) и ряд других.

Статья Л. Залкинда—«Основные моменты товарооборота в первой трети 1928/29 г.», несмотря на обстоятельность ее, представляется в общем контексте как бы случайной статьей. Редакция следовало бы помещать подобного рода работы не за один какой-нибудь отрезок времени года, а систематически, по кварталам или по полугодиям.

Рынкам промтоваров посвящены две статьи В. Ярмолевича—«Баланс промтоваров широкого потребления» в № 1—2 и В. Лозинского—«Спрос и предложение промтоваров в 1928/29 г.» в том же номере.

Около двух десятков статей на протяжении года посвящено вопросам внешней торговли. Из них отметим прежде всего две работы М. Кауфмана—«К построению перспективного плана по внешней торговле» (№ 1—2) и «Импорт и народное хозяйство» в № 7. В первой статье обрисовываются установки пятилетнего плана внешней торговли как в области экспорта, так и импорта. Во второй статье автор останавливается на значении импорта в нашем хозяйстве и подробно знакомит читателя с перспективами в этой области, в связи с индустриализацией страны.

К. Рубинштейн в статье «Германия как рынок сбыта советских хлебопродуктов»—приводит историческую справку об импорте хлеба в Германию и о том значении, которое имела Россия в довоенном германском импорте по различным зерновым культурам. В связи с задачами в области поднятия сельского хозяйства автор намечает пути нашего экспорта хлебопродуктов и останавливается на тех трудностях, которые неизбежно встретятся с возобновлением этого дела в отношении рынков Германии.

Интересной является статья Я. Е. Вовси—«Задачи лесной промышленности и лесного экспорта». Проблема лесного экспорта, в связи с временным выпадением хлебного экспорта, для нас является в настоящее время одной из центральных проблем. Автор дает подробную обрисовку положения вещей в данной отрасли хозяйства и намечает пути развития лесного экспорта.

Организационные формы внешней торговли СССР со странами Востока освещены в статье Ю. Чельцова, помещенной в № 7. Наши внешнеэкономические отношения с США и возможности экспорта в Америку обрисованы в статьях М. Розина—«Наши торгово-политические отношения с США» (№ 1—2) и П. Коломийцова—«Советский экспорт и США» (№ 9—10).

Тов. Энгельс в своей работе «Иностранный капитал и платежный баланс дореволюционной России» (№ 11) знакомит читателя с историей международных платежных отношений царской России и ввозом иностранных капиталов. Статья представляет интерес как для изучающих данные вопросы, так и для всех работников, связанных с внешней торговлей.

Некоторые спорные вопросы методологии внешнего баланса ставит К. Лупандия в работе «Внешний баланс страны». Автор устанавливает пять видов внешнего баланса (торговый, платежный, расчетный, валютный и баланс дня), обосновывает это свое положение и дает критику определений ряда иностранных авторов, а также критикует определение М. И. Боголепова, Н. Н. Шапошникова, А. Финн-Енотаевского и М. Спектатора. Надо пожелать редакции продолжить обсуждение данного вопроса на страницах журнала.

Размеры рецензии не позволяют нам более подробно останавливаться на разборе отдельных статей, помещенных в журнале. В частности, по вопросам внешней торговли мы ограничимся лишь еще указанием на статью Н. Петрова и Я. Букшпапа—«О научно-исследовательской и информационной работе по внешней торговле» в № 1—2, ставящую вопрос об институте монополии внешней торговли и тем самым закончим обзор статей этого отдела журнала.

Надо сказать, что вопросы внешней торговли представлены в журнале не плохо, хотя и здесь необходимо пожелать редакции больше заострять внимание на боевых,

текущих вопросах экспорта. На протяжении года следовало бы, например, поместить статью о задачах экспорта в настоящий момент, недостатках работы и т. п.

Значительное количество статей посвящено вопросам международной торговли.

В № № 7, 9—10 и 12 напечатана большая работа немецкого экономиста д-ра А. Маркуса—«Изменения в структуре международного рынка цветных металлов». Автор дает подробную характеристику структурных изменений на мировом рынке меди, алюминия и цинка, происшедших за последние годы. Статья по богатству сконцентрированного в ней материала представляет хорошее пособие для всех, желающих детально познакомиться с данными вопросами.

Несколько статей посвящено характеристике внешних рынков отдельных капиталистических стран. Так, в журнале нашли отражение внешняя торговая политика Италии в статье А. Поль, помещена статья «Внешняя торговля и народно-хозяйственные проблемы Турции»—И. Генина, «Экспортные ассоциации САСП»—И. Фигнера и ряд других статей о рынках Германии, Прибалтики, Франции и т. д.

В общем вопросы международной торговли представлены в журнале удовлетворительно и все статьи этого раздела имеют определенный интерес.

Кроме того в каждом номере журнала отводится место реферированию иностранной литературы по вопросам экономики торгов-

ли. В нескольких номерах помещена документация по торгово-договорным отношениям Германии, Англии, Италии, Чехо-Словакии и т. д.

Хорошо поставлен отдел библиографии. Здесь даны отзывы о литературе, главным образом по вопросам торговли как на русском, так и на иностранном языках.

№ 8 журнала (маянская книжка) целиком посвящен пятилетнему плану в области внешней и внутренней торговли.

Заканчивая рецензию, мы должны заявить, что журнал «Вопросы Торговли» не со всеми основными задачами, стоящими перед ним, как печатным органом Наркомторга, справился в удовлетворительной степени. В дальнейшей работе журналу необходимо больше уделять внимания боевым текущим вопросам торговли. Особенно необходимо сильнее развернуть постановку вопросов основных заготовительных кампаний, освещать социальные моменты в товарообороте, задачи экспорта и т. д.

В журнале за весь год не было напечатано ни одной статьи по таким, например, рынкам, как плодоовощной, рыбный, мячно-птичный. Между тем актуальность их в настоящих условиях общеизвестна.

Устранение всех этих недостатков позволит журналу подняться на более высокую ступень и увеличить свой тираж, стоящий на довольно низком уровне (1.000 экз.).

В. Носов

А. Виленчук—Международная задолженность после войны.

Стр. 204.

С. А. Вышнепольский—Мировой транспорт и мировое хозяйство.

Стр. 175.

И. М. Файнгар—Америка и Европа в мировом хозяйстве. Стр. 124. Популярная серия «Мировое Хозяйство», под редакцией Ш. Дволайцкого и Н. Петрова. Изд. «Московский рабочий». Москва—Ленинград. 1929 г.

Популярная серия «Мировое Хозяйство» рассчитана, судя по темам отдельных книжек и общему характеру трактовки этих тем, на широкий круг читателей-хозяйственников, обнаруживающих растущий интерес к мирохозяйственным проблемам. Другое ее назначение—помочь изучать экономику современного капиталистического мира студентам многочисленных социально-экономических вузов и комвузов.

Такие задачи серии, естественно, обязывают авторов книжек к величайшей тщательности и продуманности в разработке материала.

Между тем, многие авторы популярных изданий по экономическим вопросам именно в сугубой популяризации видят свою нарочитую задачу. Что же касается научной проверки, тщательной разработки и систематизации материала, которые только и

способны создать действительную ясность представлений у читателя, то... ведь речь идет не о научном трактате, а о популярной брошюре. Это пренебрежительное и поэтому небрежное отношение к популярной литературе у самих авторов основано на предвзвешенности, будто популярность изложения и строгая научность—две вещи несовместные, или, во всяком случае, вторая не требуется. Такое отношение сильно снижает качество этого вида литературной продукции.

Из трех рецензируемых книжек только одна—работа А. Виленчука о международной задолженности—в полной мере удовлетворяет требованиям, которые могут быть к ней предъявлены с точки зрения формулированных выше специальных задач и интересов читательского круга, на какой рассчитана серия. Остальные две книжки не поднимаются выше обычного уровня популярных брошюр и страдают их обычными недостатками. Особенно слаба работа И. М. Файншлага о Европе и Америке в мировом хозяйстве.

Тов. А. Виленчук в своей работе ограничивается лишь анализом внешней государственной задолженности, возникшей в результате мировой империалистической войны. Вопросы о внутренних государственных долгах, а также о внешней частной задолженности, он касается только попутно. Зато свою ограниченную тему автор развивает весьма систематически и обстоятельно.

Он начинает с картины состояния международной государственной задолженности накануне мировой войны и вскрывает происхождение долгов отдельных стран и мирохозяйственные связи высококапиталистических стран-кредиторов и отсталых стран-должников, которые в значительной мере предопределили группировку борющихся сторон во время мировой войны. Переходя к подробной характеристике стоимости мировой войны, экономической сущности военного хозяйства и основных способов финансирования войны, автор дает законченный генезис внешней задолженности воевавших стран. Выявляя в дальнейшем основные статьи баланса взаимных обязательств и требований, автор подробно излагает историю последовательных этапов послевоенного урегулирования междусоюзнических военных долгов и германских репараций. Специальная глава по-

священа структуре и функционированию плана Дауэса. План Юнга является предметом отдельного послесловия, так как брошюра к моменту его опубликования уже была целиком сверстана. Вопрос о долгах б. царской России и временного правительства также выделен в специальную главу, где вкратце изложена вся история переговоров советского правительства с капиталистическими державами по вопросу о долгах и кредитах.

Наибольший принципиальный интерес представляет глава VIII, являющаяся попыткой экономического и политического анализа условий урегулирования международной задолженности с точки зрения противоречий послевоенного капитализма. Автору удалось с большой ясностью показать экономическую сущность реализации платежей по военным долгам из народного дохода стран-должников и вскрыть противоречивость и сложность проблемы трансферта этих платежей в народное хозяйство стран-кредиторов. При этом справедливо отмечается, что проблема европейско-американского трансферта—к главному кредитору, представляет не меньшие трудности, чем обычно выдвигаемая на первый план проблема трансферта платежей главного должника—Германии.

Очень удачная картограмма на стр. 136 прекрасно иллюстрирует функционирование объединенного механизма репарационно-междусоюзнических платежей. Жаль только, что диаграмма эта основывается еще на цифрах плана Дауэса. Именно план Юнга окончательно запечатлевает единство действия всего этого механизма. В изложении т. Виленчука этот существенный момент совершенно не оттенен и в весьма обстоятельной цифровой характеристике междусоюзнической и репарационной задолженности не хватает заключительного звена—общего баланса взаимных обязательств и претензий в единой отныне системе мировых военных долгов. Этот недостаток, впрочем, объясняется тем, что книжка т. Виленчука была закончена, набрана и даже сверстана до решающих событий в области урегулирования международной военной задолженности летом 1929 г. и автор в состоянии был внести только отдельные дополнения и поправки. Этим же обстоятельством объясняется и несоответствующее действительности утверждение на 118 стр., что как франко-ан-

глийское, так и франко-американское соглашения о военных долгах по сей день еще не ратифицированы французским парламентом.

Главными достоинствами книжки т. Виленчука являются обстоятельная документация, строгая систематичность изложения при большой ясности и выразительности характеристик излагаемого предмета. При этом изложение не перегружено цифрами и везде, где это возможно, читатель получает наглядное представление о количественных соотношениях из простых и выразительных диаграмм. Но наиболее ценно в книжке то, что она, отнюдь не в ущерб популярности изложения, с начала и до конца носит исследовательский, проблемный характер, не оставляет ни одного факта, ни одной цифры без надлежащего экономического освещения и дает все, что нужно для того, чтобы заинтересовать читателя и помочь ему самостоятельно разобраться в сущности вопроса.

Резкий контраст по сравнению с только что рассмотренной работой представляют две других брошюры. Книжка С. А. Вышнепольского «Мировой транспорт и мировое хозяйство» в ряде глав излагает элементарные сведения о гужевом, железнодорожном, морском, речном и воздушном транспорте. Вступительная глава содержит общую характеристику роли транспорта в народном хозяйстве. Непонятно, почему в этой главе автор пристраивает четыре странички, посвященных советскому транспорту и его перспективам в связи с задачами индустриализации страны, а в самом конце книги посвящает еще четыре странички специальной главе о советском транспорте. И там и тут он ограничивается поверхностным и беглым перечислением основных цифровых данных и целевых установок наших хозяйственных планов в сфере развития транспорта. Лучше было бы совсем не писать о проблемах транспортного строительства в СССР, чем так небрежно отписаться от них.

Лучше написаны две главы, посвященные характеристике роли мирового транспорта в мировом капиталистическом хозяйстве, его значению в захвате внешних рынков и завоеваний колоний. Но и здесь автор пытается в очень сжатом очерке охватить сразу очень много проблем как общего, так и специального значения: и

проблемы монополистического капитализма в мировом железнодорожном и морском транспорте, и проблемы таможенного протекционизма и экономического завоевания колоний, и специальные характеристики транспортной политики Японии и Соединенных Штатов. Это стремление «объять необъятное» опять приводит к беглому и поверхностному перескакиванию от одной темы к другой.

В предисловии автор оговаривается, что «охватить всю сложность» современных транспортных проблем ему не позволила как сжатость данного очерка, так и специальные цели настоящей серии». Мы позволим себе не согласиться с автором. Как уже указывалось выше, именно специальные цели данной серии обязывали автора подробно остановиться на выяснении основных проблем исторической эволюции экономики мирового транспорта, проблем соперничества и разделения труда между отдельными видами транспорта (борьба ж.-д. транспорта с водным транспортом и автомобильным транспортом), проблем технической революции на транспорте и т. д. Обо всем этом в книге нет ни слова. С другой стороны, ряд второстепенных и побочных вопросов, которых автор бегло касается в своей работе, мог бы быть с успехом оставлен в стороне. Главный грех работы т. Вышнепольского именно в том и заключается, что она совершенно не носит проблемного, исследовательского характера, а представляет в основном достаточно бессистемный и скучный набор элементарных сведений.

При этом в отношении доброкачественности этих сведений в книжке также далеко не все обстоит благополучно: есть ряд погрешностей и неточностей, которых следовало бы особенно избегать в работе, рассчитанной на малоподготовленного читателя. Такие (неточности) как «Канада и Индия—две части английского королевства» (стр. 60), или «Нью-Йорк—столица Соединенных Штатов» (стр. 78) еще не так существенны. Но, напр., на стр. 93 автор утверждает: «Расположение американских рек настолько благоприятно, что особенно больших средств на речные каналы... здесь не пришлось затрачивать. На 47 тыс. км судоходных рек в САСШ речных каналов имеется всего длиной в 5,5 тыс. км, т. е. около 1/8». Автор обходит молчанием всю бурную историю борьбы каналов и

железных дорог в САСШ, в результате которой было засыпано больше каналов, чем осталось, и затраченные на них огромные средства пропали даром. Или на стр. 98 сказано, что «в 1914 г. совершаются первые кругосветные путешествия на аэропланах». Это явно не соответствует ни действительности, ни дальнейшему контексту книжки. Наконец, на стр. 145 говорится: «Транспортная политика английского империализма в Индии—это глубоко обдуманый и прекрасно выполненный коварнейший замысел... В короткое время Индия, бывшая большой промышленной страной (sic!), благодаря развитию внутренних путей сообщения и дешевизне морских перевозок, была наводнена английскими готовыми товарами. Ее цветущая промышленность разорилась и она превратилась в крупного экспортера сырья». Автор несколько увлекся и преувеличил вредное влияние хороших путей сообщения на индийскую промышленность. Дело обстоит как раз наоборот: какие бы захватнические цели не ставил себе британский империализм, именно развитие хороших путей сообщения послужило главной основой для расцвета в Индии прежде не существовавшей мощной капиталистической промышленности и, как следствия этого подъема, для зарождения молодой национальной буржуазии, ныне добивающейся независимости от Великобритании, и необычайного развертывания революционной классовой борьбы пролетариата, свидетелями которой мы являемся в последние годы.

Еще менее удачна работа И. М. Файнгара «Америка и Европа в мировом хозяйстве». Она отличается теми же недостатками, что и брошюра С. А. Вышнепольского, но в более сильной степени. Автора нельзя упрекнуть в том, что он оставил вне поля зрения какую-либо из основных проблем взаимоотношений Европы и Америки в мировой капиталистической экономике после войны. Он останавливается и на пере-

мещении в Америку центров мирового производства, и на торговой и кредитной экспансии Америки в противовес старой Европе, и на борьбе за колониальное сырье, и на роли и значении Америки в послевоенном восстановлении европейского хозяйства. Не забыты и политические аспекты проблемы образования европейского таможенного союза и Соединенных Штатов Европы, направленных против американской гегемонии. Но изложение всех этих вопросов и здесь чрезвычайно беглое и мало продуманное.

Книжка тов. Файнгара представляет собой любопытный пример исключительно неумелого пользования богатейшим материалом американской хозяйственной статистики для аргументации и иллюстрации излагаемых им положений. Мы не будем приводить подробных примеров, так как их пришлось бы привести слишком много, но в ряде случаев либо берутся устаревшие данные (напр., данные промышленного ценза 1919 г.—стр. 22), либо сопоставляются отдельные, случайно выхваченные, годы, либо иллюстрация почему-то ограничивается только годами войны, а все послевоенные годы оставляются без внимания (см. диаграммы на стр. 34, 38 и 45). Вследствие этого совершенно искажается перспектива, и читатель лишается возможности составить себе какое бы то ни было определенное представление об экономической эволюции США за послевоенный период. Немало также фактических и теоретических погрешностей, в частности—в анализе платежного баланса между США и Европой (стр. 54—55). В общем книга гораздо слабее ряда оригинальных и переводных работ об американской экономике, выпшедших за последние годы.

Большим достоинством всей серии является наличие в конце книжек указателей литературы для дальнейшего чтения и предметного указателя. Изданы книжки очень опрятно. Цена умеренная.

А. Н. Зак

Новые материалы о бюджетах рабочих в Германии в 1927/28 г.

(По данным официального обследования)

Долгожданные результаты бюджетного обследования в Германии, произведенного Центральным управлением статистики в 1927/28 г., наконец опубликованы в предварительных итогах в только что вышедшем номере (№ 20 за 1929 г.) «Wirtschaft und Statistik». В напечатанных пока материалах содержатся лишь сведения о структуре приходного и расходного бюджета по экономическим группировкам; материалов же о потреблении в натуральном выражении, что представляло бы для нас особый интерес, мы пока не можем получить. Но и те данные о приходе-расходном балансе трудовых семейств Германии, которые можно извлечь из упомянутого предварительного очерка, заслуживают большого внимания, тем более, что в германском обследовании бюджетов применен ряд методологических новшеств, имеющих немало-важное значение.

Обследование проведено было по типу годовых закладок-записей за период времени с марта 1927 г. по февраль 1928 г. включительно. Наблюдение таким образом приходится на период благоприятной конъюнктуры народного хозяйства Германии. Существенного прироста реальной зарплаты 1927 календарный год, как известно, в Германии не принес (увеличение ставок реальной зарплаты по официальному индексу в 1927 г. составляло всего 1% по сравнению с 1926 г.). Однако благоприятная конъюнктура по крайней мере гарантировала рабочего от существенных «прогибов» в бюджете из-за безработицы и сокращенного рабочего времени.

Это следует иметь в виду при трактовке материалов, помещенных ниже, и это отмечают и авторы обследования.

Обследование было начато в 2400 семьях рабочих, служащих и чиновников государственных учреждений. Годичные бюджеты полностью и с доброкачественными данными удалось провести для 2036 семей. Таким образом, отпадение и браковка составляют 15% первоначально заложенного количества бюджетов. Из 2036 годовых бюджетов приходится 964 на рабочие семьи, 559 на семьи служащих, 509 на чиновников госслужбы и 4 прочих. В опубликованных же пока сводках дается материал только по бюджету рабочих семей, причем из общего числа 964 бюджетов включены 56 семей по той причине, что в них получились значительные выпадения в доходной части, вследствие безработицы, болезни, стачек или локаутов. Таким образом, Германское статистическое управление считает целесообразным вводить в сводки лишь более или менее «нормальные» бюджеты в смысле стабильности дохода (даже и в условиях сравнительно благоприятного по конъюнктуре года). Исключенные из сводки 56 бюджетов авторы

обещают, однако, подвергнуть проработке особо. Кроме того, 12 бюджетов подлежат по разным соображениям монографическому описанию и из сводки также исключены.

При анализе доходной части бюджета мы еще вернемся к вопросу о репрезентативности бюджетов, вошедших в сводку, пока же остановим наше внимание на одном из стержневых вопросов бюджетной методологии, а именно на примененных авторами способах исчисления так называемого «взрослого едока», или унифицированной потребительской единицы.

Как известно, существует целый ряд шкал для перевода «душ» разного возраста на взрослых едоков. Из числа последних западно-европейских исследований большинство пользовалось довольно детальными нормами переводов. Исключение составляли гамбургские бюджетные обследования, руководимые профессором Тышка (Tysza), который считает, что более целесообразно применять упрощенную схему: дети до 13 лет обоего пола приравниваются к 0,5 взрослой потребительской единицы, а все лица в возрасте старше 14 лет принимаются за 1,0.

Германское статистическое управление пошло иным путем. Оно подвергло серьезной критике все старые методы в этой области и приняло на наш взгляд здоровое решение, а именно: оно установило различные схемы переводов душ в взрослые едоки для пищевой и непищевой части бюджета. Насколько верны самые нормы—это, конечно, еще подлежит тщательной проверке на конкретных материалах. Но нельзя отказать в логичности такому построению, когда для детей раннего и школьного возраста дается несколько больший удельный вес по пищевому расходу, чем по прочим статьям бюджета. В самом деле, ребенок если и потребляет количественно много меньше взрослого работающего человека, то состав его пищи и качество ее требует повышенных расходов на единицу продукта. Между тем по одежде, квартирному, топливному расходу, по затратам на все иные потребности на «душу» в возрасте 8—9 лет несомненно приходится относительно меньшая доля, чем по расчету на пищевые расходы. Исходя из этой правильной предпосылки—авторы германского бюджетного обследования построили следующую схему¹.

Шкала пересчета душ на взрослых едоков (взрослый едок = 1)

	Мужч.	Женщ.
1. Для питания		
до 9 лет включительно	0,50	0,50
от 10 до 14 лет „	0,75	0,75
от 15 лет и старше	1,00	0,90
2. Для прочих жизненных потребностей		
до 5 лет	0,20	0,20
6—9 „	0,30	0,30
10—14 „	0,50	0,50
15—19 „	0,70	0,70
от 20 лет и старше	1,00	0,90

Согласно этой схеме, ребенок в возрасте до 5 лет приравнивается по пищевому расходу к половине взрослого работника мужского пола, тогда как по расходам на все прочие нужды лишь к 0,2 взрослого. Подростки от 15 лет по питанию приравнены к взрослым, а по прочим расходам они «расцениваются» на 30% ниже взрослого и т. д.

¹ В выработке ее принимали участие виднейшие гигиенисты Германии: проф. Grotjahn, Hahn, Rubner, Schütz.

Было бы весьма желательно подвергнуть все это оригинальное построение надлежащей дискуссии у нас, так как в нашей бюджетной методологии, при всех ее больших успехах, именно по этому пункту почему-то наблюдается консерватизм (мы застыли здесь в сущности на «вологдско-этуотерских» нормах).

Обращаемся к рассмотрению прихода-расходного бюджета рабочих семейств в Германии.

Относительно техники построения прихода-расходного баланса мы отметим лишь два пункта: 1) так называемые переходящие оборотные статьи показаны после взаимного зачета и в своем первоначальном виде не фигурируют; 2) номенклатура доходного бюджета даже в предварительных итогах, опубликованных пока в двухнедельном журнале «Wirtschaft und Statistik» отличается значительно большей детализацией, чем в старых довоенных германских обследованиях и вообще во всех зарубежных обработках бюджетов, которые, в противоположность нашим, не считают необходимым уделять много внимания структуре приходной части рабочего бюджета.

В напечатанном пока материале мы находим всего три основных таблицы: а) состав прихода по экономическим группам, установленным на основании дохода на семью в целом, б) состав расхода по тем же экономическим группировкам и в) состав расхода по экономическим группам, исчисленным на основании размера дохода на одного взрослого едока.

Средний размер семьи по числу душ определяется в 4,2, т. е. весьма близок к соответствующей величине наших годовых бюджетов (1928 г. = 4,16—4,18 душ на семью по 980 бюджетам по всей территории СССР в среднем). Количество взрослых едоков на семью в очерке непосредственно не указано, но мы можем его легко установить из соотношения между средним расходом на семью и на одного взрослого едока. Произведя это вычисление, мы можем получить показатель, согласно которого на семью приходится 2,88 взрослых едоков, величина несколько большая, чем по нашим годовым бюджетам 1928 г. (2,73 взрослых едока на семью)¹.

Для суждения о степени репрезентативности германских рабочих бюджетов по экономическому признаку можно сделать лишь самую схематическую оценку типичности заработка глав семей, вошедших в обработку. Так как пока мы не располагаем сведениями о профессиях и производствах, в которых работают главы семей, то оказывается затруднительным сравнивать их заработок с общей средней зарплатой. К тому же общеизвестно, что в Германии нет достаточно доброкачественных текущих сведений о фактической зарплате.

Средний заработок по основному занятию (Hauptberuf) у глав семей по германским бюджетам составлял 2.647 марок в год. Так как в качестве глав семей фигурируют в этих бюджетах только мужчины (это, конечно, вообще неправильный подход), то мы должны определить средний заработок взрослого женатого рабочего. Публикуемые в текущем порядке ежемесячные данные о тарифных ставках, как видно из соответствующих примечаний, представляют из себя именно ставку взрослого рабочего мужчины с надбавками на семью (жену и двое детей). За интересующий нас период времени с марта 1927 г. по февраль 1928 г. средняя недельная ставка квалифицированного

¹ Число взрослых едоков на семью, как понятно из вышесказанного, будет различно в зависимости от того, трактуется ли расход на пищу или на прочие потребности. Величина 2,88 является фиктивной средней для всех расходов вместе.

рабочего составляла около 49 марок, а для неквалифицированного — 37 марок. Соотношение квалифицированных и неквалифицированных рабочих мы можем принять по имеющимся приблизительным данным как 7 и 3 (70% квалифицированных и полуквалифицированных и 30% необученных по германско-австрийской терминологии). Исходя из этого мы получим ставку семейных рабочих мужского пола для всех квалификаций, в среднем, в 45 марок в неделю, или 7,5 марок в день.

Как определить теперь годовую зарплату для этих рабочих? Казалось бы, можно просто помножить недельную ставку на 52 и получить формально годовую ставку. Но это было бы неправильно, так как означало бы, что мы берем заработок рабочего за 312 фактически отработанных дней в году ($6 \times 52 = 312$ дней), чего, конечно, не может быть. Каково же фактически отработанное число дней в году у германских рабочих? К сожалению, вполне доброкачественных данных по этому вопросу мы не имеем. Но из сопоставления списочного числа занятых рабочих и количества отработанных дней в году по материалам страхования от несчастных случаев за 1927 г. мы можем вывести, что на одного рабочего приходится 263 отработанных дня, если включить сюда и строительную промышленность, в которой по сезонным условиям приходится всего 192 отработанных дня на одного рабочего в год. Если же исключить строительную промышленность как сезонную отрасль производства, то мы получим 281 отработанный день на одного рабочего¹. Приняв даже эту последнюю цифру (в виду того, что, как сказано, авторы исключили из бюджетов те семьи, где получилось особо сильное выпадение заработка из-за болезни, безработицы и пр.), мы получим годовую ставку женатого мужчины-рабочего $7,5 \times 281 = 2.107,5$ марок. Но это — размер годовой ставки, а не фактического заработка за отработанное время.

Как показывают специальные обследования действительной заработной платы, выполненные Статуправлением Германии (по текстильной, металлообрабатывающей, деревообделочной, химической промышленности), приработок на колдоговорную ставку составляет примерно 15%. На 2.108 марок это дает 316 марок, и таким образом, весь фактический заработок для семейных рабочих мужского пола можно определить не более, чем в 2.400—2.450 марок в год (по всей Германии в среднем для 1927 г.)². По бюджетам же годичный заработок составляет, как сказано, 2.647 марок. Объясняется ли это особенностями производственного, профессионального или территориального характера по отношению к объектам бюджетного обследования, или же здесь играет роль отбор более благополучных рабочих по количеству отработанных дней за год — судить пока трудно.

Расхождение может объясняться отчасти тем, что по использованной нами тарифной статистике по двум производствам включены ставки также и женского персонала, тогда как главы бюджетных семей принадлежат исключительно к мужскому составу. Между тем подобный специальный подбор семейств с главами мужчинами по существу не может быть признан правильным.

¹ Без горнодобывающей промышленности, которую, по условиям публикации материала, включить здесь не можем.

² Подчеркиваем, что речь идет не о среднем заработке для всех рабочих того и другого пола и всех возрастов, а лишь для мужчин, с семейной надбавкой, и при том для высших возрастных тарифных групп. Лишь по текстильному и картонажному производству учтены ставки также и женского персонала, которые по видимому, включены и в общую взвешенную среднюю.

Приходный бюджет для всех 896 семейств, вошедших в сводку, имеет следующий состав:

	Число случаев данного вида доходов	Сумма прихода на семью в год в германских марках	% к итогу
Заработок главы семьи:			
По основному занятию	896	2.647,02	79,6
По второстепенному занятию	338	35,31	1,1
Всего заработок главы	896	2.682,33	80,7
Заработок жены	411	142,10	4,2
Заработок проч. членов семьи	251	159,21	4,8
I. Всего: заработок (главы и членов их семьи)	896	2.983,64	89,7
Чистый доход от сдачи комнат и от нахлебников . .	118	21,24	0,6
Чистый доход от собственного заготовительн. хозяйства	192	12,06	0,4
Поступления от страхования	468	84,18	2,5
Проценты	47	9,42	0,3
Помощь родных и пр., подарки	776	111,66	3,4
Прочие поступления	592	28,86	0,8
Всего: разные доходы	864	267,42	8,0
A. Всего: заработок и разные доходы	896	3.251,06	97,7
Взято из сбережения	407	26,29	0,8
Поступило возврата долга	196	6,22	0,2
B. Всего от сбережений и возврата выданных в долг денег	520	32,51	1,0
Взято аванса в счет зарплаты	43	1,27	0,0
Взято в товарный кредит (непокрыто к концу года) .	307	20,24	0,6
Взято займы деньгами	124	8,66	0,3
C. Всего взято в долг	401	30,17	0,9
D. Невыясненный доход	531	11,38	0,4
Общий итог	896	3.325,12	100,0

Заработная плата главы семьи по основному занятию составляет 80% всех поступлений в семье.

В бюджетах наших рабочих по ноябрьским месячным обследованиям заработок главы семьи покрывает 70—71% доходного бюджета. По годовому обследованию 1928 г. — 75—76% (1-е полугодие 1928 г.). Более высокая доля зарплаты главы семьи в доходе германских рабочих семей является результатом уже упомянутого специального подбора семей. В германских бюджетах подобраны семьи, состоящие непременно из супружеской пары (муж и жена), причем главой является зарабатывающий муж. В наших бюджетах главой семьи может быть как муж, так и жена, вдова-мать семейства, старший сын, если является фактически главным добытчиком средств. При таких условиях вполне понятны без дальнейшего структурные различия в

составе доходов наших и германских семей рабочих и более высокая доля заработка главы семьи—отца в германских бюджетах.

На зарплату прочих членов семьи (жену и детей) в германских бюджетах 1927/28 г. приходится 9%, а по нашим ноябрьским обследованиям 11—12% (не считая соцстраховых поступлений, о которых речь будет дальше), по годовому (1-е полугодие 1928 г.)—около 8%.

Поступления от социального страхования в опубликованных таблицах показаны вместе с другими видами страховых доходов (частное, добровольное страхование, имущественное страхование). Но можно считать, конечно, что на соцстрахование приходится в этой статье подавляющая доля. Страховые поступления приведены одной цифрой на всех членов семьи вместе и дают всего 2,5% дохода. В бюджете же наших рабочих семей (берем годовые бюджеты, так как месячные—ноябрьские—именно по этой статье дают неправильное представление) соцстрах и соцобеспечение составляют 6,4% поступлений. Это конечно понятно, если учесть прежде всего более высокие нормы страховых пособий по временной нетрудоспособности в СССР (100% заработка до издания новых правил) и в Германии 50—55% «основной» зарплаты, а равно если принять во внимание различия в длительности выплаты пособий по законодательству той и другой страны.

Состав доходов по экономическим группировкам напечатан в цитируемом источнике пока лишь по показателю дохода на семью в целом.

Хотя такие группировки и являются общепринятыми в иностранных бюджетных обследованиях, они вскрывают лишь половину дела по существу. В добавление к этой группировке необходимы еще расчеты экономических групп по доходу на одного взрослого едока, как это было сделано еще в превосходном исследовании венских бюджетов 1912—1914 гг., к сожалению, малоизвестных у нас до сих пор.

Состав доходов в % к общему итогу по экономическим группам в германских рабочих семьях 1927/28 г.

Статьи дохода	Группы по размеру дохода на семью в год в марках					В среднем
	До 2500	2500 — 3000	3000 — 3600	3600 — 4300	Свыше 4300	
Зарплата главы семьи:						
а) по основн. занятию	88,6	85,9	82,0	75,3	66,5	79,6
б) по второстеп. занятию	0,5	0,6	1,4	1,2	1,2	1,1
Всего	89,1	86,5	83,4	76,5	67,7	80,7
Заработок жены	1,8	2,4	4,0	6,2	6,0	4,2
Заработок проч. членов семьи	0,4	0,8	2,3	6,2	16,6	4,8
Итого трудовой доход семьи	91,3	89,7	89,7	88,9	90,3	89,7
Прочие источники дохода	8,7	10,3	10,3	11,1	9,7	10,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Число семей	86	255	293	178	84	896
Число душ в среднем на семью	3,6	3,9	4,2	4,4	4,9	4,2

С увеличением абсолютного размера дохода семьи увеличивается, как видим, доля трудовых доходов, приносимых в семейный бюджет другими членами семьи, кроме главы, и падает относительно доход от заработка главы семьи. Это и естественно, поскольку самый рост бюджета обусловлен увеличением числа зарабатывающих членов семьи, а не только абсолютным повышением размера заработной платы главы. К сожалению, в опубликованном пока материале нет данных о количестве зарабатывающих членов семьи по экономическим группам, и трактовку этой части вопроса придется отложить до дальнейшего. В прилагаемых основных таблицах читатель может проследить динамику прочих более мелких статей дохода по экономическим группам.

Расходный бюджет рабочей семьи в Германии в 1927/28 г.

Статьи расходов	Число случаев данного расхода	Сумма расхода на семью в год в герм. марках	% к итогу расходов
1. Питание, вкусовые вещества, напитки, наркотики ¹ :			
Питание и безалкогольные напитки	896	1,372,44	41,3
Алкоголь	886	84,36	2,5
Табак, папиросы, сигары	827	50,19	1,5
2. Прочие потребительские расходы:			
Квартирная плата	896	333,12	10,0
Отопление и освещение	896	120,61	3,6
Обстановка и прочие расходы по квартире	896	127,50	3,9
Одежда и белье	896	422,86	12,7
Гигиена тела	896	25,51	0,8
Медицинская помощь	857	21,00	0,6
Страховые взносы	896	260,41	7,9
Образование, обучение	895	65,46	2,0
Развлечение и пр.	872	30,37	0,9
Отдых	871	36,88	1,1
Поездки, развозные расходы	859	40,91	1,2
Взносы в союзы и общества	884	75,17	2,3
Налоги	819	81,49	2,5
Пошлины, сборы (почтовый расход, телефон, судебный сбор)	832	4,59	0,1
Уплата процентов	41	0,41	0,0
Убытки собственного хозяйства (огородного, молочного и пр.)	61	1,39	0,0
Содержание прислуги	2	1,44	0,0
Помощь и подарки лицам, не состоящим членами семьи	868	49,61	1,5
Прочие расходы	896	40,86	1,2
3. Вклады денег:			
Сбережения	487	42,65	1,3
Дано взаймы (на сторону)	132	5,14	0,2
4. Погашение долгов:			
Возврат аванса зарплаты	36	1,03	0,0
Уплачено за товарный кредит	226	17,93	0,6
Погашено прочих долгов	102	4,23	0,1
5. Невыясненный расход	327	7,56	0,2
Всего	896	3,325,12	100,0

¹ Статью «Питание и вкусовые вещества», включающую по германской номенклатуре также и спиртные напитки и наркотики, мы расчленим на три части: а) пищевые и вкусовые вещества, б) алкоголь, в) табак — на основании детальных данных, помещенных в № 22 „Wirtschaft und Statistik“ за 1929 г.

Относительная роль соцстраховых поступлений падает по мере перехода к высшим группам дохода. В самой высшей группе поступления от соцстраха понижаются даже и в абсолютной их величине.

Поступления от сдачи комнат и от нахлебников, повидимому, обнаруживают тенденцию не только к абсолютному, но и к относительному росту в семьях с более крупным доходом.

Расходный бюджет рабочей семьи в Германии в 1927/28 г. в используемом нами источнике опубликован в двух комбинациях: в экономических группировках по доходу на семью в целом и на взрослого едока. Прежде всего ознакомимся с структурой расходного бюджета в среднем для всего круга обследованных семейств (см. табл. на стр. 146).

Сопоставляя структуру германских и наших рабочих бюджетов по основным статьям, получаем следующую картину:

Структура расходного бюджета рабочей семьи в % к итогу

	В Германии (1927/28 г.)	В СССР Н. ирские бюджеты 1927 г.
Питание, алкоголь, табак,	41,3	43,8
алкоголь	2,5	2,8
табак, папиросы	1,5	1,4
Квартирная плата	10,0	4,8
Единовременный расход по дому и на ремонт	3,9	2,1
Обстановка, хозяйственные вещи	3,6	3,3
Отопление, освещение	12,7	6,2
Одежда, обувь	0,8	22,4
Гигиена	0,6	0,6
Лечение	0,6	0,2
Культурно-просвет. — Обучение, книги и пр. просв. расх.	2,0	0,9
тительные расходы — Развлечения (театр, кино)	0,9	0,9
Общественно-политический расход	2,3	2,2
Страхование (социальное, частное и имуществ.)	7,9	0,5 ¹
Налоги	2,5	
Сборы и пошлины	0,1	
Дано взаймы	0,2	
Уплачено долга (лицам и организациям)	0,1	3,3
Помощь отсутствующим членам и проч.	1,5	1,2

Питание в наших бюджетах берет несколько большую долю общего бюджета, чем в Германии. Расход на алкоголь почти одинаков по бюджетам обеих стран (несколько более высок у нас). Также почти равны относительные доли расхода на табак, папиросы и проч. в бюджетах наших и германских рабочих.

Что касается квартирного расхода, то так как затраты по ремонту дома и расходы, связанные с переменой квартиры, в германских бюджетах слиты с расходами на хозяйственные вещи и обстановку, то мы должны были соответственно перегруппировать жилищный расход в наших бюджетах, расчленив его на квартплату в собственном смысле и на прочие расходы. При этих условиях квартирная плата (оплата площади) в бюджетах наших рабочих семей берет вдвое меньшую

¹ Частное страхование и прямые налоги.

долю, чем у германских. Здесь играют роль два обстоятельства: 1) классовый принцип квартплаты в СССР и 2) наши низкие нормы жилищной площади. К сожалению, мы пока не можем привести точные данные о жилплощади у германских рабочих семей — объектов бюджетного обследования. Однако по имеющимся теоретическим расчетам надо полагать, что душевой размер жилплощади в Германии выше, чем у нас в среднем по СССР.

На отопление и освещение у нас идет больший процент расхода, чем в Германии. Причина этого лежит — во-первых, в различии климатических условий обеих стран (более длинная и суровая зима в Российской части СССР, чем в Германии), во-вторых в относительной дороговизне отопительных и осветительных средств у нас (в Германии топят исключительно каменным углем, а не дровами).

Равным образом, более высока доля расхода в наших бюджетах на одежду (включая обувь, белье и пр.). Здесь опять-таки имеет отчасти значение различие в климатических условиях. Суровая зима в СССР заставляет приобретать много теплой одежды (шубы, валенки, тулупы, шапки, теплые платки и пр.). Но, с другой стороны, несомненно и то, что в 1927/28 г. одежда и ткани у нас стоили примерно в два раза дороже, чем в Германии. Отсюда ясно, что и расход на эту статью должен быть абсолютно и относительно ниже в Германии при одинаковом количестве и качестве приобретаемых вещей¹.

Значительно ниже, чем в Германии, у нас доля расходов на медпомощь, что, очевидно, связано с условиями нашего соцстрахования и организации медпомощи. Отчасти, может быть, здесь сказываются и несколько большие затраты немцев на покупку мелких медикаментов, на зуболечение (сверх страхового зубоветрования). Что касается культурно-просветительных расходов, то меньшая доля в бюджете нашего рабочего объясняется² большим количеством бесплатных культурных услуг, вследствие более широкой сети культурно-просветительных учреждений наших профсоюзов и меньшими затратами на покупку книг и газет. На развлечения же (театр, кино) у нас и в Германии рабочие затрачивают приблизительно одинаковый процент расходного бюджета. Здесь, однако, надо еще учесть бесплатные билеты, предоставляемые нашим рабочим. По исчислениям Г. С. Полляка, по отношению к бюджетам 1927 г. число бесплатных посещений зрелищ (театры, концерты, кино) превышает число платных (на 16%), а в частности по театру число бесплатных посещений в три раза больше, чем число платных³.

Общественно-политические расходы дают почти одинаковый процент в бюджете германского и советского рабочего.

Весьма характерно далее, что на страховые взносы и налоги германская рабочая семья вынуждена выкраивать 10% своего расход-

¹ Весьма любопытно, что в зиму 1928/29 г. Германия и Австрия (а равно и другие западно-европейские страны) впервые за 200 последних лет познали „настоящие русские морозы“. По сведениям из периодической печати трудовое население чрезвычайно страдало от этих холодов. Запасы шерстяной одежды в магазинах раскупались, по газетным сведениям, нарасхват. Равным образом колоссально возросло и потребление топлива. Каменного угля не хватало и часть учреждений даже приостанавливала функционирование. Интересно будет проследить влияние этого фактора в тех бюджетах, которые охватят зимний период 1928/29 г.

² и ³ Бюджеты рабочей семьи. Изд. ЦСУ (вып. I), 1929 г. Стр. 73. По расчетам Г. С. Полляка, бесплатные культурно-просветительные услуги, не считая обучения детей, составляют по самой минимальной оценке 50% денежного культурно-просветительного расхода наших рабочих семей.

ного бюджета. По отношению к заработной плате (всех членов семьи) это составит даже еще больший процент.

Затраты на страхование и налоги в германских рабочих семьях в % к к зарплате (1927/28 г.)	
Страхование (социальное, частное и имущественное)	8,72
Налоги (прямые)	2,73
Всего	11,45

Расход по страхованию включает не только взносы на социальное страхование, но и на частное. Однако эти последние расходы, повидимому, очень невелики, так как по данным специальных обследований зарплаты в металлопромышленности и химической промышленности в Германии взносы на соцстрах составляют свыше 8% зарплаты (брутто)¹.

Прямые налоги по тем же данным отнимают 2,5—4% у металлистов мужчин и 0,7—1,7% у женщин (с низкой зарплатой; благодаря необлагаемому минимуму часть зарабатывающих не подпадает под обложение). Таким образом, данные бюджетов в этом отношении вполне сходятся с материалами специальных обследований зарплаты в Германии.

Что касается бюджетов наших рабочих, то социально-страховые взносы здесь, конечно, полностью отсутствуют. Но должны быть в очень небольшой доле те или иные расходы по частному страхованию и по уплате подоходного налога в высших группах зарплаты. К сожалению, всесоюзные сводки бюджетов не содержат соответствующих сведений. По Москве же (где эти расходы должны быть преувеличены вследствие более высокой зарплаты, и следовательно, большего числа случаев превышения необлагаемого минимума), по нашим подсчетам на упомянутые статьи падает не более 0,5% бюджета. Эту цифру как максимальную мы и включили в наше сопоставление².

Откладывая сравнение потребления в германских и наших рабочих семьях в реальных выражениях до ближайшего будущего, когда будут напечатаны сведения о приобретенных предметах в натуральных величинах и о размерах жилищной площади германских рабочих, обратимся к рассмотрению структуры расходного бюджета рабочей семьи в Германии по экономическим группам.

Основные расходы при группировках на основании общего размера дохода на семью в целом дают следующую картину (см. табл. на стр. 150).

В приведенной таблице мы сгруппировали статьи расходов в три основные группы: 1) потребности неэластические или мало эластические, 2) эластические, 3) группа стабильных расходов. Первая группа состоит из расходов на пищу, жилище, отопление и освещение, страхование (главным образом социальное) и лечение. О страховании следует пояснить, что расходы на страховые взносы исчисляются в Германии в виде процента к основной зарплате по разрядам или классам. При этом в высшем классе взнос единообразен для любого заработка (для

¹ См. „Wirtschaft u. Statistik“ № 11, 1929.

² Можно было бы ожидать, что рабочие провинциальных районов, ввиду большого распространения у них собственных домов, в которых они проживают, должны дать более высокий расход на страхование зданий. В действительности, как это видно из упомянутой работы Г. С. Поляка, это обстоятельство не может иметь существенного значения.

Состав расходов в % к итогу в группах по размеру дохода на семью в год в марках (1927/28 г.)

Статьи расхода	I гр. до 2500 марок	II гр. 2500— 3000 марок	III гр. 3000— 3600 марок	IV гр. 3600— 4300 марок	V гр. свыше 4300 марок	Среднее
I. Неэластические потребности						
Питание	44,4	43,4	41,6	40,1	37,5	41,3
Табак	1,7	1,7	1,6	1,4	1,2	1,5
Квартирная плата	11,9	10,6	10,2	9,4	8,8	10,0
Отопление, освещение	4,3	4,0	3,7	3,5	2,8	3,6
Страхование (социальное, частное, иму- щественное)	8,8	8,3	7,9	7,5	7,0	7,9
Лечение	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6
Всего	71,8	68,7	65,6	62,5	57,9	64,9
II. Эластические потребности						
Одежда, белье, обувь	10,4	11,6	12,7	13,4	14,6	12,7
Обстановка, хоз. вещи	3,1	3,2	3,6	4,1	5,3	3,9
Алкоголь	1,8	2,2	2,4	3,0	2,8	2,5
Культурно-просветительный расход (обра- зование, обучение)	1,8	1,8	2,0	2,0	2,4	2,0
Развлечения	0,6	0,8	0,9	0,9	1,4	0,9
Отдых	0,6	0,9	1,1	1,3	1,5	1,1
Поездки, покупка велосипедов	1,1	0,9	1,3	1,4	1,5	1,2
Прямые налоги	1,7	2,4	2,5	2,5	2,6	2,5
Подарки, помощь разн. лицам	1,0	1,3	1,4	1,9	1,6	1,5
Гигиена	0,6	0,8	0,7	0,8	0,8	0,8
Содержание прислуги (плата)	0,0	0,0	0,0	0,1	0,2	0,0
Сбережения	0,7	0,8	1,0	1,5	2,6	1,3
Всего	23,4	26,7	29,6	32,9	37,3	30,4
III. Прочие расходы						
Общественно-политические (взносы в со- юзы, общества и пр.)	2,2	2,4	2,3	2,2	2,1	2,3
Пошлины, сборы, телефон, марки	0,2	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1
Разные расходы	2,4	2,1	2,4	2,2	2,6	2,3
Всего	4,8	4,6	4,8	4,6	4,8	4,7
Общий итог	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Средний размер расхода в марках	2.271,8	2.758,9	3.285,2	3.907,5	5.027,5	3.325,1

рабочих), поэтому чем выше заработок, тем относительно ниже процентный размер взноса. Благодаря этому получается «регрессия» обложения на социальное страхование.

Относительно расхода на табак нужно оговориться, что он попадает в раздел неэластических или жизненно-необходимых статей лишь при группировках на семью в целом. Как увидим далее, при группировках на взрослого едока этот расход относительно возрастает от низшей к высшей группе. Это, очевидно, служит отражением лишь того факта, что расход этот, связанный теснейшим образом с возрастным

половым составом хозяйственных групп (курят главным образом взрослые мужчины), может принимать различные формы при экономических группировках, в зависимости от фактического количества взрослых лиц (не фиктивных «взрослых едоков», а действительно взрослых мужчин) в тех или иных группах.

В общем, по первому разделу неэластических расходов получается снижение с 72 до 58% общего итога при переходе от низшей к высшей экономической группе, т. е. при увеличении среднего расхода на семью в год с 2.272 марок до 5.028 марок, иначе говоря, при увеличении абсолютной суммы бюджета семьи в 2,2 раза—относительная доля расхода на первейшие нужды и на обязательные статьи (соцстрах) падает почти на $\frac{1}{5}$ часть.

Второй раздел состоит из «эластичных» статей, т. е. способных подвергаться сильному сжатию в слабых и маломощных экономических единицах и интенсивно разворачиваться при росте бюджета. От низшей к высшей экономической группе здесь получается прирост удельного веса в целом по разделу на 50% исходной величины (с 23% до 37% итога). Наиболее интенсивный рост обнаруживают при этом сравнительно мелкие статьи, имеющие вообще малый удельный вес в бюджете, и почти исчезающие из обихода рабочей семьи при резком сжатии бюджета. Сюда относятся развлечения (театр, кино), отдых, сбережения и т. д. В противоположность обязательным вычетам на соцстрах, имеющим регрессивный характер, прямые налоги (на зарплату, подоходный налог) носят прогрессивный характер.

Приведенные соотношения, как упомянуто, исходят из общепринятых в западно-европейских и американских обработках группировок по доходу или расходу на семью в целом. Положительным качеством новых германских обработок является вторая группировка—по расчету на взрослого едока. При этих расчетах следует помнить отмеченное выше своеобразие новой германской схемы перевода душ на взрослых едоков.

В нижеследующем увеличении мы снова даем группировку расходов по принятым нами подразделениям в комбинации с размером дохода на взрослого едока (Vollperson). В отличие от предыдущей таблички, здесь нам пришлось сделать небольшое отступление от принятой выше классификации расходов, так как в первоисточнике в таблице расходов на взрослого едока страховые взносы почему-то соединены в одну группу с прямыми налогами и общественно-политическими расходами. Расчленить эту слитную группу на части мы поэтому в нижеследующей выборке не могли (см. табл. на стр. 152).

Авторы германского обследования считают, что структура расходов при группировках на взрослого едока обнаруживает те же тенденции, что и при группировках на семью в целом, и поэтому находят даже излишним подвергать особой трактовке эту новую комбинацию. Однако это не так. Мы можем заметить, например, что при расчетах группировок на взрослого едока столь важная статья расхода как затраты на одежду имеют здесь совершенное иное развитие по мере перехода к высшей группе, чем это было констатировано при группировках на семью в целом. В самом деле, там мы видели увеличение доли этой статьи от низшей к высшей группе в $1\frac{1}{2}$ раза, здесь же не только нет относительного роста этой статьи, но даже замечается регресс в высших группах. Очень небольшое повышение дает эта статья лишь в средней экономической группе. Между тем другая типичная эластическая статья—расход на обстановку и хозяйственные

Состав расходов в процентах к итогу. Группы по размеру дохода на одного взрослого едока в год в германских марках.

Статьи расхода	I гр. до 800 марок	II гр. 800—1000 марок	III гр. 1000—1200 марок	IV гр. 1200—1500 марок	V гр. 1500 мар. и более	Среднее
I. Неэластические статьи						
Питание	43,6	41,5	38,1	35,8	32,3	37,3
Квартирная плата	11,5	11,6	11,2	10,6	9,7	10,8
Отопление, освещение	4,7	4,2	4,1	3,8	3,3	3,9
Лечение	0,7	0,6	0,7	0,7	0,8	0,7
Всего по I разделу	60,5	57,9	54,1	50,9	46,2	52,7
II. Эластические статьи						
Алкоголь	1,6	1,9	2,4	2,5	2,9	2,4
Табак	1,1	1,3	1,3	1,7	1,6	1,5
Одежда, обувь, белье	13,6	13,4	14,0	12,9	13,0	13,3
Обстановка, хозяйственные вещи	2,6	3,3	3,6	4,7	5,7	4,2
Культурно-просветительные расходы (образов., обучение)	2,0	2,1	2,1	2,0	2,0	2,1
Развлечения	0,6	0,7	0,9	1,0	1,5	1,0
Отдых	0,8	0,9	1,1	1,3	1,5	1,2
Поездки, покупки велосипедов и пр.	1,0	1,1	1,2	1,5	1,6	1,3
Прямые налоги, страхование и общеполитические расходы	11,6	12,8	13,9	14,5	14,0	13,7
Подарки, помощь разным лицам	1,1	0,9	1,2	1,9	3,1	1,7
Гигиена	0,6	0,7	0,8	0,9	1,1	0,9
Содержание прислуги	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1
Сбережения	0,4	0,6	0,8	1,5	2,7	1,3
Всего по II разделу	37,0	39,7	43,3	46,5	50,8	44,7
Прочие расходы	2,4	2,4	2,6	2,6	3,0	2,6
Общий итог	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Средний расход по всему бюджету на 1 взрослого едока в марках	714,51	906,2	1.097,5	1.328,6	1.766,9	1.156,6

вещи—дает более интенсивный относительный рост при группировках на взрослого едока, нежели при комбинациях с общим ростом бюджета на всю семью в целом.

Так как мы не располагаем пока всем основным материалом, то трудно судить о причинах этих вариаций. Можно было бы думать, что применение новой схемы перевода душ на взрослых едоков, схемы, в которой «неполные» души исчисляются разное в зависимости от характера расходов (на пищу они засчитываются в большем весе, чем на прочие расходы), приводит к новым «бюджетным закономерностям». Это, несомненно, так и должно быть, но остается неясным, почему сродные в общем статьи (в отношении эластичности), одежда и хозяйственно-вещевая, обнаруживают столь противоречивые тенденции при переходе на новые способы исчисления взрослых едоков.

Бюджеты рабочих семей

(По данным официального обследования, произве

Приходный бюджет. Группировка

Группы по размеру годового дохода на семью в марках	До 2500			От 2500 до 3000		
Число семей	86			255		
Среднее число душ на семью	3,6			3,9		
Статьи дохода	Число случаев	Доход в марках	% к итогу	Число случаев	Доход в марках	% к итогу
Заработок главы семьи по основному занятию	86	2.013,21	88,6	255	2.370,39	85,9
То же по побочному занятию	27	11,60	0,5	84	16,48	0,6
Всего: заработок главы семьи	86	2.024,81	89,1	255	2.386,87	86,5
Заработок жены	30	39,00	1,8	102	66,33	2,4
Заработок детей	4	9,07	0,4	31	22,92	0,8
I. Всего заработок главы и членов семьи	86	2.072,88	91,3	255	2.476,12	89,7
Поступления (чистый доход):						
От жильцов и нахлебников	5	7,74	0,4	34	17,72	0,7
Чистый доход от собствен. производ. хозяйства	13	3,32	0,1	47	12,32	0,4
Поступления от страхования	41	69,84	3,1	135	79,15	2,9
Поступления от процентов	2	0,50	0,0	9	3,01	0,1
Подарки и помощь лиц, не принадлежащих к составу семьи	71	61,60	2,7	210	94,74	3,4
Прочие источники	51	11,35	0,5	148	21,79	0,8
II. Все прочие поступления	78	154,35	6,8	245	228,73	8,8
A. Заработок и прочие поступления	86	2.227,23	98,1	255	2.704,85	98,0
Взято из сбережений	43	10,50	0,4	115	17,16	0,6
Получено возврата долга	18	4,13	0,2	57	5,34	0,2
B. Всего оборот денежных средств	53	14,63	0,6	150	22,50	0,8
Взято аванса в счет зарплаты	9	1,28	0,1	15	1,43	0,1
Товарный кредит	30	14,59	0,6	85	13,93	0,5
Взято в долг	13	5,13	0,2	34	6,19	0,2
C. Всего взято в долг и кредит	39	21,00	0,9	115	21,55	0,8
D. Невыясненные доходы	51	8,93	0,4	162	10,03	0,4
Общий итог поступлений (баланс).	86	2.271,79	100	255	2.758,93	100

Таблица 1

в Германии в 1927/28 г.

денного Германским Статистическим Управлением)

по размеру расхода на семью

От 3000 до 3600			От 3600 до 4300			От 4300 и выше			В среднем		
293			178			84			896		
4,2			4,4			4,9			4,2		
Число случаев	Доход в марках	% к итогу	Число случаев	Доход в марках	% к итогу	Число случаев	Доход в марках	% к итогу	Число случаев	Доход в марках	% к итогу
293	2.695,17	82,0	178	2.941,29	75,3	84	3.344,17	66,5	896	2.647,02	79,6
113	44,82	1,4	74	47,20	1,2	40	58,35	1,2	338	35,31	1,1
293	2.739,99	83,4	178	2.988,49	76,5	84	3.402,52	67,7	896	2.682,33	80,7
141	130,90	4,0	95	244,61	6,2	43	299,57	6,0	411	142,10	4,2
77	77,49	2,3	78	240,86	6,2	61	838,73	16,6	251	159,21	4,8
298	2.948,38	89,7	178	3.473,96	88,9	84	4.540,82	90,3	896	2.983,64	89,7
39	20,00	0,6	26	26,34	0,7	14	39,27	0,8	118	21,24	0,6
61	11,06	0,3	48	14,86	0,4	23	17,78	0,4	192	12,06	0,4
151	85,51	2,6	97	103,05	2,6	44	69,52	1,4	468	84,18	2,5
17	8,82	0,3	14	21,65	0,6	5	14,14	0,3	47	9,42	0,3
264	106,54	3,3	160	142,15	3,6	71	167,55	3,3	776	111,66	3,4
208	31,72	1,0	124	31,64	0,8	61	52,41	1,0	592	28,86	0,8
285	263,65	8,1	176	339,69	8,7	80	360,67	7,2	864	267,42	8,0
293	3.212,03	97,8	178	3.813,65	97,6	84	4.901,49	97,5	896	3.251,06	97,7
139	29,54	0,9	81	35,99	0,9	29	38,35	0,8	407	26,29	0,8
68	7,05	0,2	39	5,15	0,2	14	10,32	0,2	196	6,22	0,2
173	36,59	1,1	106	41,14	1,1	38	48,67	1,0	520	32,51	1,0
12	1,10	0,0	6	0,75	0,0	1	2,50	0,0	43	1,27	0,0
98	17,35	0,5	62	23,69	0,6	32	47,90	1,0	307	20,24	0,6
38	7,42	0,3	31	15,48	0,4	8	9,61	0,2	124	8,66	0,3
125	25,87	0,8	84	39,92	1,0	38	60,01	1,2	401	30,17	0,9
164	10,72	0,3	108	12,75	0,3	46	17,35	0,3	531	11,38	0,4
293	3.285,21	100	178	3.907,46	100	84	5.027,52	100	896	3.325,12	100

Бюджеты рабочих семей

(По данным официального обследования, произве

Расходный бюджет. Группировка

Группы по размеру годового дохода на семью в марках	До 2500 марок			2500—3000 марок		
Число хозяйств	86			255		
Среднее число душ на 1 хозяйство	3,6			3,9		
Статьи расхода	Число случаев расхода	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу
1. Питание, вкусовые вещества, алкоголь, табак	86	1.089,71	47,9	255	1.305,59	47,3
В том числе:						
Пищевые, вкусовые вещества и безалкогольные напитки	86	1.009,63	44,4	255	1.198,16	43,4
Алкоголь	84	41,62	1,8	252	61,45	2,2
Табак	80	38,46	1,7	239	45,98	1,7
2. Прочие потребительские расходы:						
Квартплата	86	270,31	11,9	255	292,07	10,6
Хоз. вещи, тек. ремонт и пр.	86	69,29	3,1	255	87,02	3,2
Отопление, освещение	86	97,69	4,3	255	111,10	4,0
Одежда, белье, обувь	86	237,14	10,4	255	320,38	11,6
Гигиена	86	14,90	0,6	255	21,22	0,8
Лечение	77	15,04	0,7	241	18,03	0,7
Страхование	86	199,60	8,8	255	229,80	8,3
Образование, обучение	86	39,95	1,8	255	48,88	1,8
Развлечения (театр, кино)	78	13,06	0,6	248	21,78	0,8
Отдых	78	14,32	0,6	249	26,01	0,9
Поездки, транспорт. средства	73	24,99	1,1	245	24,24	0,9
Взносы в союзы, об-ва, партию	80	51,79	2,2	254	65,16	2,4
Налоги	77	38,97	1,7	232	67,53	2,4
Сборы, пошлины (почтовые, телефонные расходы)	70	3,58	0,2	238	3,35	0,1
Уплата процентов	2	0,04	0,0	12	0,39	0,0
Убытки от собственного хозяйства (огород и пр.)	5	1,26	0,1	19	1,64	0,0
Плата прислуге	—	—	—	—	—	—
Помощь и подарки не членам семьи	80	22,80	1,0	243	34,73	1,3
Разные расходы	86	24,99	1,1	255	30,65	1,1
Всего проч. потреб. расходы	86	1.139,72	50,2	255	1.403,98	50,9
А. Итого расходы потреб. характера	86	2.229,43	98,1	255	2.709,57	98,2
Сбережения	42	15,36	0,7	140	22,59	0,8
Дано в долг на сторону	7	1,94	0,1	31	1,73	0,1
В. Итого вклады денег	46	17,30	0,8	155	24,32	0,9
Погашение авансов зарплат	3	0,40	0,0	12	1,26	0,0
Погашение товар. кредита	17	15,97	0,7	62	16,06	0,6
Уплата прочих долгов	6	2,24	0,1	30	2,50	0,1
С. Итого погашение долгов	23	18,61	0,8	91	19,82	0,7
Д. Невыясненный расход	28	6,45	0,3	83	5,22	0,2
Всего расходов (баланс)	86	2.271,79	100,0	255	2.758,93	100

Таблица 2

в Германии в 1927/28 г.

денного Германским Статистическим Управлением)

по доходу на семью

3000—3600 марок			3600—4300 марок			4300 марок и более			В среднем		
293			178			84			896		
4,2			4,4			4,9			4,2		
Число случаев	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу
293	1.497,85	45,6	178	1.739,04	44,5	84	2.085,73	41,5	896	1.506,99	45,3
293	1.366,14	41,6	178	1.566,04	40,1	84	1.884,60	37,5	896	1.372,44	41,3
290	79,74	2,4	177	118,77	3,0	83	140,95	2,8	886	84,36	2,5
265	51,97	1,6	165	54,23	1,4	78	60,18	1,2	827	50,19	1,5
293	335,83	10,2	178	367,21	9,4	84	440,37	8,8	896	333,12	10,0
293	118,94	3,6	178	162,22	4,1	84	266,34	5,3	896	127,50	3,9
293	120,13	3,7	178	135,98	3,5	84	142,08	2,8	896	120,61	3,6
293	417,07	12,7	178	522,87	13,4	84	732,35	14,6	896	422,86	12,7
293	24,60	0,7	178	31,20	0,8	84	40,44	0,8	896	25,51	0,8
286	20,41	0,6	172	23,94	0,6	81	31,93	0,6	857	21,00	0,6
293	259,13	7,9	178	293,59	7,5	84	349,71	7,0	896	260,41	7,9
293	64,66	2,0	177	77,52	2,0	84	119,20	2,4	895	65,46	2,0
287	27,77	0,8	175	35,05	0,9	84	73,35	1,4	872	30,37	0,9
285	34,28	1,1	175	50,17	1,3	84	73,86	1,5	871	36,88	1,1
282	42,30	1,3	178	54,67	1,4	81	73,60	1,5	859	40,91	1,2
291	75,67	2,3	176	86,29	2,2	83	104,20	2,1	884	75,17	2,3
270	82,64	2,5	161	97,22	2,5	79	130,00	2,6	819	81,49	2,5
276	4,54	0,1	170	5,90	0,2	78	6,73	0,1	832	4,59	0,1
15	0,38	0,0	9	0,40	0,0	3	1,00	0,0	41	0,41	0,0
22	1,41	0,0	9	1,55	0,0	6	0,38	0,0	61	1,39	0,0
—	—	—	1	3,19	0,1	1	8,60	0,2	2	1,44	0,0
286	47,03	1,4	177	73,25	1,9	82	81,14	1,6	868	49,61	1,5
293	39,62	1,2	178	52,49	1,3	84	67,81	1,3	896	40,86	1,2
293	1.716,41	52,2	178	2.074,71	53,1	84	2.743,29	54,6	896	1.739,59	52,3
293	3.214,26	97,8	178	3.813,75	97,6	84	4.829,02	96,1	896	3.246,58	97,6
154	33,62	1,0	96	58,02	1,5	55	130,50	2,6	487	42,65	1,3
58	7,59	0,2	20	4,52	0,1	16	11,47	0,2	132	5,14	0,2
179	41,21	1,2	103	62,54	1,6	59	141,97	2,8	542	47,79	1,5
16	1,53	0,0	3	0,60	0,0	2	0,13	0,0	36	1,03	0,0
76	15,23	0,5	49	16,89	0,5	22	37,25	0,8	226	17,93	0,6
38	5,14	0,2	19	4,92	0,1	9	6,92	0,1	102	4,23	0,1
106	21,90	0,7	62	22,41	0,6	28	44,30	0,9	310	23,19	0,7
118	7,84	0,3	62	8,76	0,2	36	12,23	0,2	327	7,56	0,2
293	3.285,21	100	178	3.907,46	100	84	5.027,52	100	896	3.325,12	100

Бюджеты рабочих семей

(По данным официального обследования, произведе

Расходный бюджет. Группировка

Группы по размеру годового дохода на 1 взрослого едока	До 800 марок			800—1000 марок		
Число хозяйств	102			215		
Статьи расхода	Число случаев	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу
1. Питание, вкусовые вещества, алкоголь, табак.	102	331,48	46,4	215	405,33	44,7
В том числе:						
Питание и безалкогольн. напитки . . .	102	312,01	43,6	215	376,39	41,5
Алкоголь	100	11,29	1,6	213	17,30	1,9
Табак	98	8,18	1,1	200	11,64	1,3
2. Прочие потребител. расходы:						
Квартирная плата	102	82,18	11,15	215	105,02	11,6
Хозяйств. вещи, текущий ремонт . . .	102	18,68	2,6	215	30,11	3,3
Отопление, освещение.	102	33,66	4,7	215	38,23	4,2
Одежда, белье, обувь	102	97,45	13,6	215	121,19	13,4
Гигиена	102	4,16	0,6	215	6,40	0,7
Лечение	92	4,95	0,7	205	5,11	0,6
Образование, обучение	102	14,57	2,0	215	19,30	2,1
Развлечения (театр, кино).	96	3,88	0,6	202	6,37	0,7
Отдых	94	5,44	0,8	211	7,98	0,9
Поездки, трансп. средства.	90	6,84	1,0	202	10,12	1,1
Сборы, пошл., почт., телефон	77	0,72	0,1	197	1,26	0,1
Уплата процентов.	8	0,20	0,0	9	0,05	0,0
Убытки собств. хоз-ва (огород и пр.) .	8	0,38	0,1	23	0,86	0,1
Плата прислуге	—	—	—	—	—	—
Помощь и подарки лицам вне семьи . .	90	7,67	1,1	208	8,48	0,9
Прочие расходы	102	8,13	1,1	215	11,43	1,3
Страхование, взносы в союзы, прямые налоги	102	83,37	11,6	215	116,06	12,6
Всего прочих потр. расх.	102	372,28	52,2	215	487,97	53,8
А. Итого расх. потребит. характера .	102	703,76	98,6	215	893,30	98,6
Сбережения	42	3,12	0,4	118	5,72	0,6
Дано в долг на сторону	17	0,35	0,1	20	0,58	0,1
В. Итого вклады денег	51	3,47	0,5	128	6,30	0,7
Погашение авансов зарпл.	6	0,26	0,0	8	0,24	0,0
Погашение задол. по тов. кредиту . .	27	4,62	0,7	54	0,68	0,4
Уплата проч. долгов	14	0,73	0,1	18	0,76	0,1
С. Итого погашение долгов	41	5,61	0,8	72	4,68	0,5
Д. Невыяснен. расходов	34	1,67	0,2	67	1,92	0,2
Всего расходов	102	714,51	100,0	215	906,20	100,0

Примечание: При рассмотрении этой таблицы следует помнить, что расчет по статей расхода.

Таблица 3

в Германии в 1927/28 г.

денного Германским Статистическим Управлением)

по размеру дохода на 1 взрослого едока

1000—1200 марок			1200—1500 марок			1500 марок и более			В среднем		
240			214			125			896		
Число случаев	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу	Число случаев	Расход в марках	% к итогу
240	458,30	41,8	214	531,98	40,0	125	651,69	36,9	896	475,73	41,2
240	418,02	38,1	214	475,56	35,8	125	571,99	32,3	896	431,19	37,3
237	26,08	2,4	212	33,33	2,5	124	51,60	2,9	886	27,58	2,4
219	14,20	1,3	197	23,09	1,7	113	28,10	1,6	827	16,96	1,5
240	122,34	11,2	214	140,77	10,6	125	170,67	9,7	896	124,75	10,8
240	39,86	3,6	214	62,70	4,7	125	100,81	5,7	896	49,07	4,2
240	44,75	4,1	214	50,11	3,8	125	57,50	3,3	896	44,98	3,9
240	153,34	14,0	214	172,11	12,9	125	228,77	13,0	896	154,27	13,3
240	9,12	0,8	214	11,65	0,9	125	18,70	1,1	896	9,84	0,9
229	7,38	0,7	208	9,59	0,7	123	14,62	0,8	857	8,10	0,7
240	23,20	2,1	214	26,95	2,0	124	35,49	2,0	895	23,89	2,1
239	9,70	0,9	211	13,81	1,0	124	25,78	1,5	872	11,46	1,0
234	12,47	1,1	208	17,55	1,3	124	26,59	1,5	871	13,78	1,2
233	12,93	1,2	210	19,60	1,5	124	28,61	1,6	859	15,34	1,3
232	1,58	0,1	205	2,02	0,1	121	3,49	0,2	832	1,78	0,1
13	0,22	0,0	6	0,04	0,0	5	0,28	0,0	41	0,14	0,0
8	0,13	0,0	16	0,65	0,1	6	0,70	0,0	61	0,54	0,1
—	—	—	1	1,08	0,1	1	2,41	0,1	2	0,59	0,1
233	13,13	1,2	212	25,09	1,9	125	54,23	3,1	868	19,98	1,7
240	14,13	1,3	214	17,20	1,3	125	26,52	1,5	896	15,26	1,3
240	152,58	13,9	214	191,77	14,5	125	248,86	14,0	896	158,74	13,7
240	616,86	56,2	214	762,69	57,4	125	1.044,03	59,1	896	652,51	56,4
240	1.075,16	98,0	214	1.294,67	97,4	125	1.695,72	96,0	896	1.128,24	97,6
122	9,18	0,8	127	20,20	1,5	78	48,00	2,7	487	15,71	1,3
33	1,42	0,1	32	2,29	0,2	30	6,13	0,3	132	1,96	0,2
141	10,60	0,9	135	22,49	1,7	87	54,13	3,0	542	17,67	1,5
7	0,51	0,0	10	0,48	0,0	5	0,26	0,0	36	0,38	0,0
67	6,78	0,7	48	6,19	0,5	30	11,17	0,7	226	6,26	0,6
35	1,96	0,2	23	1,44	0,1	12	2,25	0,1	102	1,45	0,1
88	9,25	0,9	69	8,11	0,6	40	13,68	0,8	310	8,09	0,7
89	2,53	0,2	84	3,37	0,3	53	3,33	0,2	327	2,60	0,2
240	1.097,54	100,0	214	1.328,64	100,0	125	1.766,86	100,0	896	1.156,60	100,0

евода на взрослых едоков сделан по различной шкале: а) для питания и б) для прочих

Ответить на этот вопрос мы сможем лишь в дальнейшем, когда получим в свое распоряжение детальные материалы о составе семей, числе зарабатывающих, количестве детей разного возраста и пр.¹

Степень эластичности различных потребностей выявляется лучше всего при сопоставлении средних величин расхода в низших и высших группах по расчету на взрослого едока. Мы расположим расходы в ряд по восходящей степени интенсивности роста от наименее обеспеченной к наиболее мощной экономической группе.

Статьи расхода	Приходится расхода на 1 взрослого едока в марках в год		Степень увеличения расхода (во сколько раз)
	В низшей эк. группе	В высшей эк. группе	
Отопление, освещение	33,76	57,50	1,71
Питание	312,0	571,99	1,83
Квартирная плата	82,18	170,61	2,08
Одежда, белье, обувь	97,45	228,77	2,34
Культурно-просветительные расходы	14,57	35,49	2,43
Лечение	4,95	14,62	2,96
Прямые налоги, взносы на страхование, взносы в союзы и общества	83,37	248,86	2,98
Табак, папиросы	8,18	28,10	3,43
Разъездные расходы, покупка транспортных средств	6,84	28,61	4,44
Гигиена	4,16	18,70	4,50
Алкоголь	11,29	51,60	4,57
Сборы, пошлины, телефон, марки	0,72	3,49	4,84
Отдых (праздничные поездки, экскурсии, отпуск ² , спорт)	5,44	26,59	4,88
Хозяйственные вещи, обстановка, расходы по получению новой квартиры	18,68	100,81	5,39
Развлечения (театр, кино и др.)	3,88	25,78	6,65
Помощь разн. лицам, подарки	7,67	54,23	7,07
Отложено в сбережения	3,12	48,00	15,38
Дано в долг на сторону	0,35	6,13	17,51
Общий итог (включая прочие мелкие расходы не вошедшие в перечень)	714,51	1.766,86	2,47

Наибольшей инертностью отличаются, как видим, те статьи, которые, по общепринятым понятиям, входят в разряд малоэластических (отопление, питание, квартира). Но здесь же, в начале восходящего ряда, располагается и расход на одежду и обувь, тогда как он должен был бы находиться в середине ряда по степени интенсивности его роста. Равным образом и культурно-просветительный расход (образование, обучение и книги) обнаруживает менее интенсивный рост, чем весь бюджет в среднем. На самом вершине ряда оказываются расходы: а) на хозяйственные вещи, обстановку и на затраты, связанные с получением новой квартиры, б) на помощь родным, подарки и пр., в) на

¹ Надо отметить следующее: расход на табак, дающей при группировках на семью в целом регрессивный ряд при переходе от низших к высшим экономическим группам, дает восходящую кривую при группировках на взрослого едока. Это служит явным указанием на то, что «взрослый едок» в высших экономических группах содержит большее количество фактических взрослых мужчин и меньшее количество детей и женщин в переводе на взрослые единицы.

² Расход на пищу включен в статью «отдых» лишь в тех случаях, когда он превышает нормальный пищевой расход.

сбережения и г) на дачу денег в долг. Две последних статьи дают весьма характерный высокий темп развертывания по мере увеличения экономической мощности хозяйства рабочей семьи, хотя надо отметить, что здесь не исключено, конечно, влияние случайностей, вследствие малого размера этих статей вообще.

Чрезвычайно важно было бы сделать сопоставление бюджетов 1927/28 г. с довоенными германскими бюджетами в реальных величинах. Однако, в этом мы встерчаем целый ряд препятствий. Прежде всего довоенные бюджеты относятся к 1907 г. Индексы же дороговизны жизни, с необходимыми для оценки отдельных статей расхода субиндексами, имеются только на базе 1913/14 г. Между тем с 1907 по 1913 год, как можно судить по наличному материалу, в Германии происходили существенные сдвиги цен, и при том весьма неравномерные для различных групп товаров. Поэтому мы лишены возможности сделать непосредственные сопоставления по статьям в реальных величинах¹. Далее, по самому характеру бюджетных обследований, да еще при отсутствии гарантии в правильности отбора репрезентативных объектов как при обследовании 1907, так и 1927/28 гг., мы не можем пользоваться средними бюджетными величинами, если хотим иметь солидные данные, на которые можно было бы положиться с большей уверенностью, чем на обычные материалы о реальной зарплате, а без этой предпосылки сопоставления теряют свое значение.

Нам остается поэтому ограничиться рассмотрением структуры расходного бюджета 1907 и 1927/28 гг. Для 1907 г., в целях большей сопоставимости, мы, конечно, берем не всю массу 852 бюджетов, а лишь сведения по 522 бюджетам рабочих, так как для 1927/28 г. речь идет именно о последних (см. табл. на стр. 155).

Удельный вес расхода на питание в современных бюджетах понизился, что можно было бы принять за признак повышения благосостояния рабочей семьи, если здесь не играли роль сдвиги в ценах, и если отбор в объектах в бюджетах 1927/28 г. не грешит в сторону отцеживания небогатополучных семей (отчасти это, как мы видели, имеется). Доля расхода на питание в 1927/28 г. оказывается меньше довоенной даже и в низшей экономической группе. Квартплата равным образом берет в бюджетах 1927/28 г. меньшую долю, чем до войны, что объясняется, конечно, регулированием квартплаты (средний индекс квартплаты в Германии в 1927 г. = 115 на базе 1913/14 г. = 100, тогда как общий официальный индекс стоимости жизни в 1927 г. = 148). Расход на одежду в современных бюджетах занимает относительно большее место, чем в довоенных. Что касается статьи «хозяйственные вещи» и пр., то несколько больший процент, падающий на эту статью в современных бюджетах, объясняется примешиванием в эту статью расхода, связанного с получением нового жилища. Расход на алкоголь резко упал сравнительно с довоенным временем. Это подтверждается и другими данными. Аналогичное явление отмечено в австрийском (венском) бюджетном обследовании.

Культурно-просветительные расходы в довоенных бюджетах слиты с общественно-политическими и разделить их нет возможности. Если взять в таком же виде эти расходы и в бюджетах 1927/28 г., то получается заметный рост.

¹ Когда будут опубликованы данные о потреблении в натуральных единицах, то по крайней мере по некоторым продуктам представляется возможность реальных сопоставлений. Говорим — по некоторым, так как в основных таблицах обследования 1907 г. приведены данные о потреблении далеко не всех, даже важнейших, продуктов.

Состав расходов в процентах к итогу

Статьи расхода	В довоенных бюджетах рабочих 1907 г. ¹	В бюджетах рабочих 1927/28 г.	
		В среднем по всем эк. группам	В нижней экономичес. группе
Питание	47,1	41,3	44,4
Алкоголь	3,9	2,5	1,8
Табак, папиросы	1,0	1,5	1,7
Квартирная плата	14,2	10,0	11,9
Отопление, освещение	4,3	3,6	4,3
Одежда, обувь, белье	11,2	12,7	10,4
Хозяйственные вещи и проч.	2,7	3,9	3,1
Гигиена	0,5	0,8	0,6
Лечение	0,8	0,6	0,7
Образование, обучение, книги, газеты	3,4	2,0	1,8
Взносы в союзы и пр.	1,2	2,3	2,2
Развлечения	1,1	0,9	0,6
Налоги	1,1	2,5	1,7
Страхование (социальное и частное)	3,0	7,9	8,8
Транспорт (поездки, велосипед)	1,4	1,2	1,1
Прислуга	0,1	0,0	0,0
Погашение долгов, уплата процентов	0,4	0,1	0,1
Сбережения	1,0	1,3	0,7
Прочие расходы	2,7	4,9	4,1
Всего	100,0	100,0	100,0
Средний расход на бюджет	1.835 м.	3.325,1 м.	2.271,8 м.
Среднее число душ на семью	4,5	4,2	3,6

Особенно резкое увеличение дают, однако, налоги и взносы на соцстрах. До войны на эти цели уходило 4% расходного бюджета, а теперь более 10%, что, конечно, ложится тяжелым бременем на бюджет рабочей семьи. Отчасти, правда, повышение это связано с введением новой отрасли соцстраха—обеспечением безработных и таким образом увеличение взносов должно возвращаться в виде пособий при безработице и отражаться на приходном бюджете².

В заключение еще несколько замечаний к вопросу о том, что дает новое бюджетное обследование для критической оценки официального индекса вздорожания жизни.

Как известно, этот индекс до сих пор имеет довоенную базу. Когда будут опубликованы сведения о фактическом потреблении продуктов и одежды в натуральных единицах, можно будет судить о степени устарелости индексных норм по существу. Сейчас мы можем лишь установить различие веса крупнейших статей по индексному набору и по фактическому бюджету.

¹ См. „Erhebung von Wirtschaftsrechnungen minderbemittelten Familien im Deutschen Reiche“. Berlin, 1909, стр. 185, часть исчислений сделана нами.

² К сожалению приходный бюджет в 1907 г. разработан недостаточно детально и соцстрах выделить в нем нельзя.

Как известно, последний пересмотр официального индекса был произведен в начале 1925 г.¹ В качестве весов для субиндексных частей были взяты довоенные соотношения с некоторыми поправками. Структура довоенной базы набора была принята в следующем виде:

Питание	54,77
Квартилата (включая текущий ремонт)	20,35
Отопление, освещение	5,55
Одежда, обувь	10,05
Поездки	3,07
Прочие расходы	6,21
Всего	100,00

Надо пояснить, что взносы на соцстрах и налоги (прямые) в индекс не включены. Если помножить эти веса на соответствующие субиндексы цен (средняя для 1927 г.², то получим следующее³:

Статьи индекса	Вес (довоенная база набора) стоимостью в 100 марок	Вздорожан. (1913/14=1) субиндексы и тотал. индекс	Стоимость набора по ценам 1927 г.	% к итогу
Питание	54,8	1,52	83,30	56
Квартилата	20,3	1,15	23,34	16
Отопление, освещение	5,6	1,44	8,06	5
Одежда, обувь	10,0	1,59	15,90	11
Прочие расходы	9,3	1,84	17,10	12
	100,0	1,48	147,7	100

Состав стоимости набора в средних ценах 1927 г. существенно отличается от фактической структуры бюджета. Если в последнем исключить страхование, прямые налоги, алкоголь и табак (не входят в набор), а равно мелкие статьи оборотного характера (дача в долг, сбережения⁴, то получим такие показатели в сравнении с структурой индексного набора:

Наименование статей	% к итогу по фактическому бюджету рабоч. семьи 1927/28 г.	По индексному набору в ценах 1927 г.
Питание	52,1	56
Квартира	12,7	16
Отопление, освещение	4,6	5
Одежда	16,0	11
Прочие расходы	14,6	12
Всего	100,0	100

¹ См. „Die Reform der Reichsindexziffer für die Lebenshaltungskosten“. „Wirtschaft u. Statistik“ № 5, 1925 г.

² Для сравнения берем календарный 1927 г. в среднем, так как бюджеты обследовались, как указано, с марта 1927 г. по февраль 1928 г.

³ Построение сделано нами теоретически, исходя из базы и фактического движения индекса и субиндексов, публикуемых в текущем порядке. Действительная стоимость набора в среднем по Германии нам неизвестна, но, конечно, результаты исчисленные нами, должны быть очень близки к фактическим.

⁴ В сводке они все же фигурируют, хотя в индивидуальном бюджете зачтены.

Что говорит это сопоставление? Оно указывает на тот факт, что в наборе явно вздута та статья, которая снижает уровень индекса, а именно квартирная плата. Откуда автор индекса вообще взял для довоенной базы расход на квартиру в 20%—остается загадочным. Вывод отсюда, что если индекс подвергнуть пересмотру, снизив вес квартирной статьи и придав надлежащий вес для одежды и «прочих» расходов, то уже одно это обстоятельство, без пересмотра внутренней структуры каждой из статей (что можно сделать лишь имея в руках цифры о потреблении в натуральных единицах), даст повышение индекса на 4-5 пунктов. Материалы новейшего бюджетного обследования должны быть использованы для всесторонней критики официального германского индекса стоимости жизни.

Систематический указатель статей и материалов, напечатанных в журнале „Плановое Хозяйство“ №№ 1—12 за 1929 год

ОТДЕЛ I. ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

I. ЭКОНОМИКА НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО ЦЕЛОГО

А. Общеэкономические статьи

- Г. М. Кржижановский. — Энергетика и социалистическая реконструкция (I, 7).
С. Розентул. — Процессы накопления в СССР (I, 301).
В. П. Акуленко. — Направление, темп, равновесие (II, 135 и IV, 50).
И. А. Бялый. — К вопросу о кризисах в хозяйстве СССР (II, 156 и IV, 36).
Г. А. Фельдман. — О лимитах индустриализации (II, 194).
О. А. Ерманский. — К постановке проблемы рационализации (II, 197).
Л. Гатовский. — О динамике цен в связи с социальными отношениями в условиях СССР (IV, 17).
Б. Гухман. — На рубеже (V, 164).
Н. Н. Колосовский. — Проблема порайонной организации хозяйства СССР (VI, 20).
В. П. Вейнберг. — Место планового хозяйства в ряду других научных дисциплин и некоторые его пункты (VI, 50).
С. Розентул. — Формула эффективности капитальных вложений (VI, 99).
С. Г. Струмилин. — К проблеме эффективности капитальных затрат (VII, 59).
Арк. Виткуп. — Проблема воспроизводства в СССР и баланс народного хозяйства (VII, 171).
И. А. Кан. — Плано-организационные задачи в области стандартизации (VII, 227).
Л. М. Гатовский. — К проблеме распределения в СССР (VIII, 27).
Л. Шанин. — На путях преодоления НЭПа (VIII, 138 и IX, 131).
И. Бялый. — Баланс, кризисы, роль субъективных и объективных факторов (IX, 111).
Т. К. Энгеев. — Задачи и методы балансового учета международных хозяйственных отношений (IX, 166).
Г. Ф. Гринько. — Борьба за кадры (X, 7).
Вл. Кац. — Народный доход СССР и его распределение (X, 103 и XI, 48).
М. И. Мительман. — Вопросы фиксации наблюдений и центрографический метод (X, 117).
Ш. Я. Турецкий. — Ценообразование в системе народного хозяйства (XI, 135 и XII, 70).
А. А. Айзенберг. — Об одной неудачной теории (по поводу теории рационализации О. А. Ерманского) (XI, 152).
И. Г. Туровский. — Борьба с потерями в народном хозяйстве (XII, 32).
В. П. Акуленко. — Производительность общественного труда (XII, 123).

Б. Проблемы планирования

а) Генерального

- Л. М. Сабсович. — Гипотеза масштаба продукции основных отраслей народного хозяйства СССР в период генерального плана (I, 54).
Г. А. Фельдман. — Аналитический метод построения перспективных планов (XII, 95).

б) Перспективно-пятилетнего

- С. Г. Струмилин. — О темпах нашего развития (I, 104).
Г. Ф. Гринько. — План великих работ (II, 7).
Г. М. Кржижановский. — Итоги V планового съезда (III, 7).
С. Г. Струмилин. — Социально-экономические проблемы пятилетки на 1928/29—1932/33 гг. (III, 17).

¹ Римскими цифрами в скобках всегда обозначены №№ книг «Планового Хозяйства», арабскими после запятой — страницы данной книги.

- Н. А. Ковалевский. — Районный разрез в пятилетнем плане (III, 53).
 Г. М. Кржижановский. — Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР (V, 7 и VI, 7).
 Л. Улицкий. — К методологии построения пятилетнего плана городской экономики (IX, 229).
 С. И. Шаров. — Пятилетний план и плановая работа (X, 26).
 Г. М. Кржижановский. — Хлебный год пятилетки (XI, 7 и XII, 7).

в) Текущего

- Э. И. Квиринг. — Предварительные замечания к контрольным цифрам (VII, 7).
 Г. М. Кржижановский. — На пороге нового хозяйственного года (IX, 7).
 С. Г. Струмилин. — Контрольные цифры на 1929/30 г. (IX, 17).
 Э. И. Квиринг. — План капитального строительства на 1929/30 г. (IX, 41).
 Н. А. Ковалевский. — Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г. в порайонном аспекте (IX, 67).
 М. Персиц. — Пять лет контрольных цифр (XI, 167).

г) Вопросы конъюнктуры и динамики народного хозяйства.

- А. Мендельсон. — Конъюнктура народного хозяйства СССР в 1-е полугодие 1928/29 г. (V, 54).
 С. А. Первушин. — Экономические барометры и пути конъюнктурного прогноза (VI, 118).
 А. С. Мендельсон. — 1928/29 хозяйственный год (VIII, 7).

2. ВОПРОСЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

А. Общепромышленные проблемы

- Э. И. Квиринг. — Промышленность как ведущее начало пятилетки (IV, 7).
 М. Аронвич. — Задачи стандартизации и реконструкции промышленности (V, 109).
 Л. А. Мендельсон. — Сравнительный анализ структуры промышленности СССР и главнейших стран капитализма (VIII, 64).
 С. Зак. — О «законе» падения производительности последовательных затрат капитала в промышленности (VIII, 100).
 М. В. Иоффе. — Основные элементы себестоимости общепромышленной продукции (X, 142).

Б. По отраслям промышленности

- И. Корасташевский. — Об организационных формах электропромышленности (I, 229).
 В. А. Ларичев. — Топливная проблема в пятилетнем плане (III, 141).
 И. А. Калинин. — Проблема металла и машиностроения (III, 179).
 В. Ц. Камзолкин. — Основные проблемы пятилетнего плана химической промышленности (III, 196).
 Н. М. Мильштейн. — Организационные проблемы электропромышленности (V, 245).
 А. Абрамов. — Перспективы географического размещения текстильной промышленности (VII, 94).
 А. Е. Пробст. — Районирование топливопотребления и ж. д. тарифы на топливо (XII, 197).

3. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

- Н. М. Вишняковский. — Весенняя посевная кампания (I, 117).
 М. М. Вольф. — Проблемы реконструкции сельского хозяйства (II, 99).
 М. Краев. — К вопросу о значении контракции в реконструкции крестьянского производства и товарооборота (IV, 113).
 Н. Д. Лежнин. — За революцию в переселенческом деле (V, 77).
 Ш. Я. Турецкий. — К вопросу о процессах ценнообразования в сельском хозяйстве (V, 139 и VI, 65).
 Л. Кессель. — Пути производственного кооперирования крестьянских хозяйств (V, 91).
 А. Авербух и А. Брюханов. — Условия ценообразования зерновых хлебов по районам СССР (VII, 251 и VIII, 259).
 С. Линецкая. — К вопросу о методологии исчисления крестьянских индексов (VII, 305).
 С. Г. Струмилин. — Расслоение советской деревни в 1927/28 г. (VIII, 49).
 Ф. А. Хоробрых. — К теории организации и планирования сельского хозяйства (VIII, 175).
 М. Краев. — Машинотракторные станции и реконструкция сельского хозяйства (X, 66).

- А. Авербух и А. Брюханов. — Цены и условия реализации с.х. продукции в 1928/29 г. (X, 86 и XI, 84).
 Л. Кессель. — Контракция и коллективизация (XI, 96).
 С. Кузнецкий. — Проблема реконструкции рисосейания и строительство рисовых совхозов (XI, 225).
 Н. Гершман. — Проблемы пересмотра пятилетнего плана животноводства (XII, 57).

4. ТРАНСПОРТ И СВЯЗЬ

- С. В. Вернштейн-Коган. — К вопросу о реконструкции ж.-д. транспорта СССР (I, 127).
 Л. Любич. — Перспективы развития хозяйства связи и его реконструкция (II, 291).
 И. К. Либин. — Железнодорожное строительство в пятилетие 1928/29—1932/33 гг. (III, 223).
 В. В. Лепешинский. — Основы энергетического хозяйства транспорта по пятилетнему плану (V, 231).
 А. Морин и Н. Хрулев. — Непроизводительный пробег грузов и планирование межрайонного грузооборота (V, 315).
 П. Шушков. — Об использовании технических средств на транспорте (VIII, 235).

5. КООПЕРАЦИЯ

- Р. Е. Вайсберг. — Ленинская кооперация в пятилетнем плане (III, 91).
 Б. Эфраимский. — Порайонный план и его значение для кооперативного планирования (VII, 75 и IX, 151).
 Р. Е. Вайсберг. — Кооперативный план на второй год пятилетки (X, 43).

6. ТОВАРООБОРОТ

- Н. Н. Виноградский. — Вопросы организации рынка (I, 149).
 Ю. Л. Шпирлин и Г. А. Липштейн. — К вопросу о потребительской емкости рынка (I, 168).
 И. Г. Туровский. — Товарный дефицит и пути его преодоления (II, 251).
 М. Кауфман. — Итоги и перспективы внешней торговли (IV, 76).
 С. Зак. — Торговая сеть СССР и ее рационализация (IV, 95).
 Ц. Кроп. — К итогам рационализации товаропроводящего аппарата (V, 125).
 С. С. Зак. — К вопросу о планировании внешней торговли (XI, 113).

7. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, ФИНАНСЫ И КРЕДИТ

- Г. Козлов. — Спорные вопросы теории кредита (II, 230).
 М. И. Боголепов. — Финансы планового хозяйства (III, 263).
 В. Раскин. — Сущность и роль кредита в переходном хозяйстве (IV, 131).
 А. Б. Маймин. — Местные финансы и пятилетний план (IV, 223).
 А. А. Абуляк. — Перспективы развития местных финансов СССР в пятилетие 1928/29—1932/33 гг. (IV, 230).
 В. С. Новиков. — Финансы коммунального хозяйства местных советов на 1928/29—1932/33 гг. (IV, 242).
 С. Шахновская. — Проблемы единого финансового плана (VI, 32 и VII, 135).
 Г. Козлов. — К вопросу о природе денег и законах денежного обращения в СССР (VIII, 114).
 А. Биков. — Классовая линия и ее извращение в государственном страховании на селе (VIII, 154).
 М. И. Боголепов. — Финансовый план 1929/30 г. (IX, 94).

8. ВОПРОСЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

- Н. Н. Вернадский. — Строительное производство и промышленность строительных материалов в пятилетнем плане (III, 214).
 Л. М. Сабсович. — Проблема города (VII, 37).
 А. Зелешко. — Проблема строительства социалистических городов (XII, 16).

9. ТРУД

- А. Черных. — Вопросы труда в пятилетнем плане (III, 240).
 А. Кабо. — К вопросу об изучении рабочего потребления (IV, 291).
 В. Ф. Усольцев. — К пересмотру тарифа социального страхования (VII, 115).
 Л. Е. Минц. — Использование рабочей силы в крестьянском хозяйстве (VIII, 301).
 В. Львов. — Энергификация труда и ее экономическая эффективность (XI, 271).

ОТДЕЛ II. ЗА СОВЕТСКИМ РУБЕЖОМ

1. ДИНАМИКА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

- И. Гершман. — Исторические кривые и географические различия мирового сельскохозяйственного прогресса (I, 209).
 М. Спектатор. — Противоречия послевоенного капитализма (V, 197).

2. ПРОЧИЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

- В. А. Крончер. — Мировая проблема угля (IV, 166).
 А. И. Зак. — Итоги плана Дауэса и перспективы плана Юнга (V, 213 и VI, 147).
 С. А. Фалькнер. — Баланс международных перемещений капиталов (VI, 168).
 К. Л. Вейдемюллер. — Энергетические противоречия капитализма (X, 167 и XI, 177).
 Н. Бару. — Мировой денежный рынок 1928/29 г. (X, 187).
 А. Корецкий. — Пути развития современного международного товарообмена (XII, 181).

3. АМЕРИКА

- К. Вейдемюллер. — Вывоз американского капитала (II, 271).
 Н. Н. Петров. — Американское строительство (VI, 225).
 Л. И. Фрейман. — Экономический прогноз у американских концернов (VII, 199).
 В. Карра. — Техно-экономическая и организационная структура железодобывающей промышленности САСШ (IX, 211 и X, 207).
 Иосиф Марков. — Экономический кризис в Соединенных Штатах (XII, 163).

4. АНГЛИЯ

- Л. А. Мендельсон. — О некоторых структурных изменениях в современной английской промышленности (I, 189).
 Н. Бару. — Социальные сдвиги в английской кооперации (IV, 149).
 Морис Добб. — Финансовое положение Великобритании (XI, 195).

5. ГЕРМАНИЯ

- В. Ивановский. — Теоретика районирования в Германии (VIII, 208).
 К. Рубинштейн. — Методы исчисления народного дохода в германской литературе (VIII, 199).
 Г. Мебус. — Каменный уголь промышленности Германии (VIII, 215).
 Ф. Д. Маркузон. — Новые материалы о бюджетах рабочих в Германии в 1927/28 гг. (XII, 249).

6. ЯПОНИЯ

- Б. Г. Быховский. — Экономика современной Японии (IX, 193).

ОТДЕЛ III. ЭКОНОМИКА И ТЕХНИКА

1. ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

- П. С. Осадчий. — Пути энергетической реконструкции (III, 121).

2. ПРОЧИЕ ЭКОНОМИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- С. Н. Новацки. — Дефекты организации водного хозяйства (IV, 201).
 А. А. Горев. — К вопросу о том, что такое «экономически наилучшее сооружение» (VI, 199).
 Н. И. Сазонов. — Реорганизация энергоснабжения городов на основе теплофикации и газоснабжения (VII, 233).
 М. Келлер. — Энергетические ресурсы ветра и его использование (VIII, 243).
 А. Д. Ратнер. — Проблемы рационализации производства в каменноугольной промышленности (XI, 211).

ОТДЕЛ IV. ПО РАЙОНАМ

1. ВОПРОСЫ РАЙОНИРОВАНИЯ И РАЙОННОГО ХОЗЯЙСТВА

- К. И. Козьмин. — Дробное районирование (V, 255).

2. РСФСР

- А. Н. Челинцев. — Сельское хозяйство и перспективы его по автономным республикам РСФСР (I, 251 и II, 309).

3. ЦПР

- Н. Волжин. — Экономический рост совхозов промышленного района и молочное хозяйство (II, 324).
 Е. Михеев. — Потребление алкоголя рабочими и служащими г. Москвы (VI, 289).

4. СЕВ. КАВКАЗ

- С. П. Мацкевич. — Энергетика крупного сельского хозяйства и перспективы электрификации на Сев. Кавказе (X, 223 и XI, 244).

5. УССР

- Н. Г. Лаленков. — В защиту связи Донбасса с Днепростроем (I, 245).
 П. Цейдлер. — Проблемы водоснабжения Донбасса (IV, 181).
 Н. Г. Лаленков. — К вопросу о плане водоснабжения Донбасса (IV, 213).
 Ф. Свищев. — Развитие торговли Украины в связи с качеством обслуживания ее населения (VI, 241).

7. ЗСФСР

- Леван Гогоберидзе. — Очередные задачи реконструкции сельского хозяйства Грузии (XII, 213).

8. СРЕДНЯЯ АЗИЯ

- И. А. Шаров. — За реконструкцию ирригационного хозяйства (I, 264).
 Ф. Ушкалов. — Расширение хлопкового клина и вытеснение рисовых посевов из хлопковых районов Средней Азии (I, 275).
 И. С. Якубов. — Шелкоматолярная промышленность Средней Азии (VI, 253).
 С. К. Кондрашев. — Вопросы освоения орошаемых земель в хлопковых районах (IX, 242).
 П. Плеханов. — Колхозное строительство и его перспективы в Туркмении (V, 268).
 М. М. Бушув. — К завоеванию новой хлопковой пятилетки (X, 240).

9. СИБИРЬ

- Н. Н. Колосовский. — Перспективы использования энергии р. Ангары в связи с хозяйством Сибири (IV, 242).
 А. П. Яхонтов. — Колонизационное значение Томско-Енисейской ж. д. (V, 280).
 Н. Верезов. — Лесозаготовка и колонизация сибирской тайги в связи с ж. д. строительством (VII, 270).
 В. Краснов. — К вопросу о дальнейшем развитии металлургии белых металлов в Сибири и о месте постройки новых заводов (X, 254).

ОТДЕЛ V. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

- Е. Л. Грановский. — Монополистический капитализм в России (А. Светлов — V, 295).
 А. Гордон. — Система плановых органов (А. Попов — V, 298).
 К. Розенталь. — В защиту индустриализации СССР (М. Персиц — V, 302).
 Г. Гроссман. — Закон накопления и крушение капиталистической системы (Р. Новицкий — IX, 253).
 Морис Добб. — Возникновение и развитие капиталистического хозяйства (М. П. — XI, 253).

2. КОН'ЮНКТУРА И СТАТИСТИКА

- Н. Д. Кондратьев и Д. И. Опарин. — Большие циклы кон'юнктуры (А. Светлов — I, 285).
 Хакернелл. — Предвидение кон'юнктуры (Г. Гордеев — I, 294).
 Кон'юнктура народного хозяйства РСФСР и районов 1927/28 г. — (В. Страхов — VI, 271).
 Воррен Милтон Персонс. — Построение индексов (Л. И. Фрейман — X, 282).

3. ХОЗЯЙСТВО СССР ПО ОТРАСЛЯМ

А. Промышленность

- Сырьевые проблемы промышленности. — Сборник статей (В. Носов — I, 287).
 Фабрично-заводская промышленность г. Москвы и Моск. губернии 1917—1927 гг. (Н. Баранский — I, 290).
 Э. Квиринг. — Очерки развития промышленности СССР (М. Персиц — VIII, 277).

- Капитальное строительство текстильной промышленности (И. Беспалов—VIII, 278).
 «Металл». — Ежемесячный журнал (Ал. Брауде—X, 273).
 Фабрично-заводская промышленность СССР за 1926/27 г. Статистич. сборник (В. Вальдяжников—X, 270).
 Годовой обзор минеральных ресурсов СССР за 1926/27 г. Изд. Геолкома (А. С—ль—X, 272).
 «Основные капиталы ценовой промышленности. Статистич. сборник (Н. Михайлов—XI, 255).
 Материалы по рационализации каменноугольной промышленности за границей. Сборник (А. Сегаль—XI, 260).
 Пути развития Донбасса (пятилетний план каменноугольной промышленности) (А. Сегаль—XII, 233).

Б. Сельское хозяйство

- «На аграрном фронте» — журнал (А. Попов—IV, 273).
 А. М. Маркевич. — Межселенные машинотракторные станции (М. К.—V, 300).
 Водное хозяйство. Сборник статей (В. Шлегель—V, 306).
 Пути под'ема и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Сборник статей (Ф. А. Хоробрых—VI, 269).
 В. Каврайский и И. Нусинов. — Классы и классовые отношения в современной советской деревне (М. Орлова—VII, 290).
 Себестоимость продуктов сельского хозяйства. Сборник статей (Ш. Я. Турецкий—VII, 293).
 География избытков и недостатков с-х. продуктов. Сборник ЦСУ СССР (Н. Баранский—VII, 295).
 Г. С. Гордеев. — Основные проблемы сельскохоз. экономики (Ф. А. Хоробрых—IX, 256).
 М. Ладис. — Аграрное перенаселение и перспективы борьбы с ним (В. Носов—X, 269).
 «Пути сельского хозяйства» — журнал (Ф. Хоробрых—XII, 237).

В. Труд

- И. А. Толстопопов. — Перспективы труда в свете развития народного хозяйства СССР (З. Гришин—II, 335).
 Рабочий день в фабрично-заводской промышленности в 1928 г. (В. Львов—II, 336).
 Е. О. Кабо. — Очерки рабочего быта (В. Львов—IV, 272).
 Энергификация труда и ее эффективность. Вып. IV (В. Львов—XI, 258).
 Л. Е. Милиц. — Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР (А. А.—XII, 231).

Д. Товарооборот

- «Советская Торговля» — журнал (Сав. Гессен—13, 259).
 «Вопросы Торговли» — журнал (В. Носов—XII, 240).

Е. Денежное обращение, финансы и кредит

- «Кредит и хозяйство» — ежемесячный журнал (А. Неусыпин—II, 338).

Ж. Экономико-технические проблемы

- Техническая энциклопедия — тт. III и IV (А. Сегаль—I, 292).
 «Известия теплотехнического института» — №№ 7, 8 и 9 (А. С.—IV, 277).
 Инж. Б. Л. Шифринсон. — Теплофикация городов (А. С—ль—V, 307).
 Проф. Л. Юрен. — Современные методы добычи нефти (А. Сегаль—V, 275).
 Проблемы энергетики. — Материалы к пятилетнему плану промышленности (В. Шемятовский—VII, 287).
 Проф. А. И. Саханов и М. Д. Тиличев. — Крэкинг в жидкой фазе (А. С—ль—VII, 296).
 «Предприятие» — журнал. №№ 1—9 за 1929 г. (Н. А. Кан—XI, 261).
 Сборник материалов по рационализации каменноугольной промышленности за границей (А. Сегаль—XI, 260).

4. Районное хозяйство и местная пресса.

- Л. Б. Диманштейн. — Металлургия, производство Закавказья в связи с условиями развития СССР (Ал. Брауде—I, 291).
 Пути народнохозяйственного развития УССР. — Сборник материалов (Ш. Я. Турецкий—II, 331).

- «Экономическая жизнь Дальнего Востока» — журнал (А. Бонч-Осмоловский—II, 340).
 Сельскохозяйственные районы Уральской области (М. Лучебуль—IV, 277).
 «Хозяйство Урала» — журнал (И. Лерман—IV, 279).
 «Народное хозяйство Казахстана» — №№ 1—12 (Ал. Брауде—IV, 282).
 «Нижнее Поволжье» — ежемесячный журнал (В. Н.—IV, 283).
 Бюджеты горнозаводского населения Урала (В. Львов—V, 304).
 «Советское строительство» — ежемесячный журнал (А. Неусыпин—V, 358).
 «Северное хозяйство» — ежемесячный журнал (П. Горшечников—V, 309).
 Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. (В. Бабынин—VI, 273).
 Бюджет рабочих семей на Украине в 1925—27 гг. (Сав. Гессен—VI, 277).
 «За реконструкцию сельского хозяйства» — журнал №№ 1 и 2 (М. Бушуев—VII, 297).
 «Хозяйство Урала» — журнал (В. Н.—в—X, 276).
 «Хозяйство Башкирии» — журнал (В. Носов—XI, 265).

5. МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

- Весь мир. — Всемирный политический и финансовый справочник (И. Морозов—I, 293).
 Эллис Баркер. — Секрет Америки (А. Бонч-Осмоловский—I, 296).
 Г. Донский. — Борьба за Латинскую Америку (М. Котан—II, 343).
 Я. Балабан. — Хлеб в мировом хозяйстве (В. Носов—IV, 271).
 „The Quarterly Journal of Economic“ — (Г. Гордеев—IV, 286).
 „Weltwirtschaftliches Archiv“ — 1928—Januar 1929 (А. Светлов—VIII, 280).
 А. Мельник. — Турция (М. Котан—VIII, 286).
 «Мировое хозяйство и мировая политика» — журнал И. Гершман—VIII, 288).
 Мировое хозяйство на рубеже 1929 г. — Ежегодник (А. И. Фрейман—IX, 262).
 Последние изменения в экономике САСШ. — Отчет комиссии Гувера (А. И. Зак—IX, 265).
 М. Рубинштейн. — Противоречия американского капитализма (И. Браславский—X, 279).
 Новые возможности Америки. (В. В. Покшишевский—X, 281).
 А. Виленчук. — Международная задолженность после войны. С. А. Вышнепольский. — Мировой транспорт и мировое хозяйство. И. М. Файнгар. — Америка и Европа в мировом хозяйстве (А. И. Зак—XII, 243).

6. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

- Б. А. Тутыхин. — Центрально-черноземная область (А. Рыбников—VI, 279).
 Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич. — Земледельческий Афганистан (В. Аболтин—VI, 280).
 Альберт Галаш. — Новая Центральная Европа в экономических картах (К. Рубинштейн—VIII, 284).

7. ПРОЧИЕ ВОПРОСЫ

- Экономическая организация английской печати (И. М. Гринштейн—II, 345).
 Г. Срагович. — Библиография ялановой работы (V, 281; VII, 300; VIII, 240 и X, 285).

ОТДЕЛ VI. СТАТИСТИКА

1. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР

- Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Сводная таблица (III, 290—295).
 Основные показатели пятилетнего плана народного хозяйства по сравнению с 1913 г. и предыдущим пятилетием (III, 296—299).
 Сводная таблица контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1929/30 г. (IX, 272—277).
 Контрольные цифры на 1929/30 г. и пятилетний план (IX, 278—282).
 Капитальные вложения в основные фонды народного хозяйства (IX, 286).

А. Показатели ресурсов обобществления

- Процессы обобществления в пятилетие 1928/29—1932/33 гг. (III, 300).
 Процессы обобществления в контрольных цифрах 1929/30 г. (IX, 284).

Б. Промышленность

Капитальные вложения в государственную планируемую ВСНХ промышленность на 1929/30 г. (IX, 283).

Капитальные вложения в новое строительство государственной планируемой ВСНХ промышленности на 1929/30 г. (IX, 290).

Выполнение пятилетнего плана капитальных вложений в государственную планируемую ВСНХ промышленность за 2 года—1928/29 г. и 1929/30 г. (IX, 294).

В. Сельское хозяйство

Трактороснабжение по республикам и районам (IX, 289).

Удельный вес обобщественного сектора сельского хозяйства по посевным площадям за 1928/30 гг. (IX, 296).

Г. Транспорт

Новое жел.-дор. строительство на 1929/30 г. (IX, 298).